

МИРЫ ФОСТЕРА

МИРЫ ФОСТЕРА

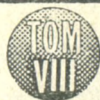

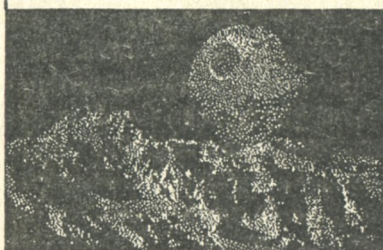

АЛАН ДИН ФОСТЕР

избранные произведения

КВОЗИ

КВОЗИ

КОТАЛИЗАТОР

СМОЛЕНСК
РУСИЧ
1994

ББК 84(7США)

Ф47

УДК 820(73)-31

Перевод с английского М. Балабошкиной, А. Фельдшера

Художники А. А. Шуплецов, А. О. Макаренков

Публикуется впервые с разрешения автора и его литературного агента Александра Корженевского. Любые другие публикации настоящего произведения в любой форме, в целом или частями являются противозаконными и преследуются по закону.

Фостер А.

Ф47 Избр. произведения: Т. 8: Квози. Катализатор / Пер. с англ. М. Балабошкиной, А. Фельдшера; Худож. А. А. Шуплецов, А. О. Макаренков.— Смоленск: Русич, 1994.— 560 с.
ISBN 5-88590-018-3.

Поклонников таланта Алана Дина Фостера несомненно интересуют фантастические романы, вошедшие в восьмой том его избранных произведений. С присущим ему легким юмором и безграничной изобретательностью, автор рассказывает о контакте человечества с инопланетными цивилизациями.

Ф8200000000

ББК 84(7США)

© by A. Foster, 1989, 1991

© Перевод. М. Балабошкина, А. Фельдшер, 1994

© Оформление. А. А. Шуплецов, А. О. Макаренков, 1994

ISBN 5-88590-018-3 (т. 8, Русич)

ISBN 5-613-00022-9 (Ключ)

КВОЗИ

I

Что-то произошло.

Никто на «Последователе» не мог ему точно сказать, что же все-таки случилось, но он чувствовал это. «Что-то очень ненаучное», — отметил он про себя. Несмотря на усиленный тренинг. И что бы это ни было, оно не было подвластно никакой логике.

Он был не одинок в своих чувствах. Какая-то неопределенность ощущалась повсюду: и в циркулирующем воздухе, и в позах таких же как и он Квози. Он расспрашивал всех, кто мог что-то знать. И прямота ответов, которую при нормальных обстоятельствах сочли бы непростительно грубой, сейчас являлась лишним подтверждением всеобщего беспокойства. Все почему-то очень сердились на его вопросы, а он в свою очередь чувствовал себя виноватым, видя реакцию окружающих.

Но ничего нельзя было изменить: каждый на корабле испытывал огромное напряжение.

Он очень тщательно осмотрел свой наряд, прежде чем выйти из комнаты. Тонкие, почти флюоресцентные синтетические пластинки, которые образовывали кольца вокруг его бедер и верхних конечностей, переливались на свету. Он был облачен в облегающий, но не стягивающий тело цельнокройный рабочий комбинезон неяркого бордового цвета в черную крапинку. Седьмым пальцем правой руки он поправил небольшой вырез на спине и пошевелил коротким пушистым хвостиком.

Взглянув на себя в зеркало, он заметил, что одна из четырех серег в правом ухе была расстегнута. Он застегнул ее, слегка провернул, и поднял ухо, чтобы убедиться в желаемом результате. Затем поправил цветную косынку

на шее, два шарфа, повязанных на каждой верхней конечности, и в завершении, бледно-желтую ленту, перекинутую через плечо и повязанную вокруг талии. Если вы собираетесь обратиться с вопросами к высшим официальным лицам, то лучше всего одеться согласно общепризнанной моде.

Бриться еще раз было не нужно. Две широких, выстриженных отметины, видневшиеся из-за О-образного выреза комбинезона, определяли его принадлежность к элитным разведчикам. А завитушки и причудливые узоры, выстриженные на его черном меху, носили декоративный характер. Пара белых полос, тянувшаяся от физиономии до хвоста, была натуральная и ему не нужно было лишний раз это подчеркивать.

«Надо обязательно заточить лезвие в бритве», — спохватился он. Иначе все труднее будет сохранить изысканно выбритые отметки на тыльной стороне рук. А возможности полностью заменить лезвие нет. Корабль не приспособлен для постоянной переработки вторичных ресурсов, хотя сохраняет при этом наибольшую эффективность при выполнении основных работ. Ведь существует масса первоочередных дел на корабле, для выполнения которых требуется использование приборов инженерного отдела.

• А поскольку не исключалась возможность скорой встречи с неизвестной планетой, то для пополнения истощившихся ресурсов нужно было довольно много времени. Наверняка им придется приспосабливаться к абсолютно новому миру.

Кроме того, если верить слухам, существовали какие-то дополнительные проблемы. Так что было не до бритвенных лезвий.

Когда он вышел из комнаты и зашагал по коридору, то с удивлением отметил, что снова и снова продолжает восхищаться панно, которые покрывали стены и потолок. Это была почти безукоризненная имитация дерева Тавок. Он улыбнулся про себя. Сделать салон корабля полностью из дерева было давней мечтой художников и строителей. Идеальное сочетание эстетики и практичности. Однако, это было возможно в скульптуре, но никак не в точных науках.

Сам «Последователь» был из металла, керамики и пла-

стика, но дизайнеры, заботясь о психологической атмосфере на корабле, украсили его настоящим деревом и лучшими репродукциями. Интерьер радовал глаз и вносил покой в душу каждого Квози, так как вполне удалось заменить необходимое для Квози созерцание живого леса.

Миновав жилые кварталы, он продолжал думать о том, как шли дела на других кораблях-собратьях «Последователя», ведь «Летающий-через-Пространство» покинул Квозинию за год до «Последователя». А «Парящий-под-Звездами» должен был выйти в космическое пространство год спустя. И ни у кого из них не было никакой возможности поддерживать связь ни друг с другом, ни с родным домом.

Какое изменяющееся понятие «дом». Теперь он лежал впереди них, а не позади.

По одному кораблю с переселенцами в год; каждый из них был запущен в различные системы для поиска уже населенных миров. Сложилась вполне определенная модель расселения. Однако никто не решался заговорить о том, что же будет с обитателями корабля, если все расчеты окажутся неверными и система, в которую их запустили, окажется мертвой, никем не населенной. Ведь корабли не имели достаточного технического оснащения для повторной попытки. И хотя все это знали, недостатка в желающих на вечно перенаселенной Квозинии не было. Каждый почитал за честь распространять интеллект Квози по всем Галактикам, а умереть при этом считалось самым большим счастьем.

В этот самый момент Смотрящий-на-Карты почувствовал в себе отсутствие силы духа Квози, для чего требовалось срочно посетить святое место и провести сеанс спокойных раздумий. Его недостаток заключался в том, что он считал жизнь намного лучше смерти, несмотря на то, что она могла принести ему славу. Наставники пытались успокоить его, объясняя, что как раз это и было основной причиной, по которой его взяли в разведчики.

«Вы выбрали очень трудную профессию,— втолковывали они ему.— Может случиться так, что у Вас вообще не будет практики. В результате, Вы будете страдать и морально, и физически».

Он завернул за угол, спрашивая себя, когда же могут начаться страдания.

Коридор извивался, напоминая туннель древних Квози. Продолжая идти, он все чаще и чаще сталкивался с пассажирами корабля. Встречая Старейшин пятого поколения, он обязательно в знак уважения прижимал уши и опускал глаза. Членов шестого поколения, как и он сам, он либо игнорировал, либо встречался с ними глазами, в зависимости от пола или положения в обществе. А молодежь седьмого поколения сама старательно избегала его, чтобы не наткнуться на строгий взгляд, или не получить бесконтактный шлепок.

Он вполне мог воспользоваться транспортом, но предпочел прогуляться пешком, наслаждаясь запахами и сменяющимися друг друга пейзажами: Тавок уступал место Ребарлю, а тот, в свою очередь, плавно переходил в темно-бордовые и черные тона Самума. Их запахи острые и сильные проникали в его подсознание, и он понимал, что достичь этого можно было лишь благодаря надлежащему уходу за деревьями.

Пустоту заполнило искусство, оно радовало глаз своими яркими, хотя и поддельными, красками. Какие-то произведения были статичны, а какие-то — подвижны. Смотрящий-на-Карты относился ко всем видам искусства с одинаковым уважением. Большая часть произведений была знакома Смотрящему, но иногда появлялись новые фрагменты, созданные художниками нынешнего поколения. Перед признанными шедеврами он автоматически приседал. Многие были вывезены еще из Квозинии; о них заботились особо, как о священных подарках родины. И хотя их создатели были давно уже мертвы, работы все равно вдохновляли молодые поколения художников на новые картины, скульптуры и композиции.

Он завернул за угол, где слышался шепот и веселый смех. Их было двое; и внимательно рассматривая, он почти натолкнулся на них. Вторгшись в их пространство, он вежливо улыбнулся в ответ. Одна из них была кремового цвета в коричневую крапинку и с коричневыми полосками на мордашке и теле. Ее подруга была чисто бежевая с белыми полосками. Судя по шарфам и выстриженным отмет-

кам они работали в продовольственном сервисе. Конечно, не элита и не из его класса, но очень хорошенькие. А какая самка Квози не была хорошенькой? К тому же они были готовы к капитуляции. Квози вообще отличались своей постоянной готовностью и желанием. Кроме того, в этом деле не предполагалось никакой ответственности за последствия. Ведь здесь, на корабле, не так уж много свободного времени за день, поэтому все оно было посвящено занятиям любовью. Очень открытый взгляд четырех глаз подтвердил его предположение о том, что он может овладеть любой из них. Ему лишь было интересно, насколько их соблазнила его поза, а насколько — его необычная профессия и социальный статус.

Автоматически он взглянул на хронометр, висевший на рабочем ремне. Уйма времени.

Когда со всем было покончено, все трое разошлись полностью удовлетворенные, он — вперед, а они — обратно на работу.

Как и всегда, новые встречи наполняли его свежей энергией. Отметив про себя имена и место работы самок, он был в полной решимости навестить их как-нибудь еще. Возможно, они смогут наслаждаться друг другом несколько дней подряд. Любовь вдвоем, затем и втроем освежила его, внесла разнообразие в монотонную, повседневную жизнь.

Смотрящего не угнетала мысль о возможности сотворить детеныша. За всю историю семи поколений «Последователя» было только два подобных инцидента. Первый представлял собой невинную ошибку при приеме ооцида-контрацептива с истекшим сроком годности. А второй случай беременности оказался, как определил его потом суд, преднамеренным, и за это оба родителя были изгнаны в межзвездное пространство.

Трудно поверить, но так оно и было.

Каждому вменялось в обязанность ознакомиться с материалами о случившемся в третьем поколении. Два Квози нарушили существовавший на корабле закон, ограничивающий возможность производства потомства. Один случай на семь поколений — это неплохо, но тем не менее всегда следует быть осторожным. Но несмотря на всю предусмотрительность, каждый раз все же сомневаешься. Если

ты вдруг окажешься отцом не получившего разрешения родиться эмбриона, то ты вскоре также окажешься один в космическом вакууме.

Это было единственным выходом. Во избежание хаотической рождаемости наказания должны быть очень суровыми. Квози были невероятно плодовиты. Если бы не ограничения, «Последователь» оказался бы чудовищно перенаселен всего через пару поколений. Вот почему такие корабли-поселения пользовались огромной популярностью среди Квози. Там, на их планете, до сих пор существовал запрет на воспроизведение потомства, несмотря на все химические препараты, изобретенные биологами.

Здесь же, на борту, рождаемость была разрешена, но только строго в определенном количестве. Ни одна из только что бывших с ним самок не забеременела благодаря принимаемым таблеткам. Через несколько часов они снова будут готовы к совокуплению, также как и он сам.

Примечательным было то, что символом каждого корабля-поселения была пустая сумка для детенышей.

Как только он вошел в центральное место отдыха, то сразу увидел громадную, сложную по своей композиции скульптуру великого художника, бесценный подарок жителей десятков крупных городов Квозинии настоящим и будущим поколениям «Последователя». Скульптура доминировала над всем остальным, взмывая ввысь до самого потолка. Она была вырезана из целого куска дерева Авельтмар, его ветви и корни были прекрасно обработаны великим Мастером по дереву. Фонтаны били из вырезанных ветвей, а вода стекала в бассейны у самых корней. Повсюду вокруг дерева виднелись скамьи и шезлонги, а их в свою очередь со всех сторон окружали живые растения, за которыми ежедневно ухаживали дотошные садовники. На «Последователе» те, кто заботился о живых существах, имели тот же статус, что и инженеры. И это было оправдано, поскольку положительно влиять на психику было также важно как и управлять моторами, сделанными из металла и пластика, работать с которыми было гораздо проще, чем с умами, сотворенными из плоти и крови.

Квози мог прогуляться по просторной местности или отдохнуть и расслабиться под массивными ветвями изва-

янного дерева. Здесь можно было поухаживать за хорошенькими самками, побороться или просто посмотреть на воду. В центре ствола Авельтмара были запечатлены сцены из истории Квози, принадлежащие к Четырнадцатой Анархической Эре. Здесь был изображен Квози-воин, одетый в старинные доспехи, вынимающий копье из своего живота. Особенно удались кровь и внутренности из зияющей раны. Изображение было просто потрясающим. Напарнику пораженного воина в этот момент противник отрубал голову; меч уже наполовину вошел в шею, и кровь сплошным потоком лилась из поврежденных сосудов.

Повсюду было одно и то же: фигуры Квози и их Лошади-Дермикуляры, сражающиеся, истекающие кровью, умирающие, раздавленные или растерзанные в клочья войны. Завершала скульптуру репродукция Генерала Тихоплачущего-Ночами, который давил детей врагов копытами своего Дермикуляра.

Смотрящий-на-Карты остановился (здесь нельзя было не остановиться), чтобы вобрать в себя сцену насилия. Красное дерево Авельтмара, подсвеченное лампами на потолке, очень правдоподобно отразило кровь и вырванные органы. Данная картина была символом духа Квози, успокаивающим и расслабляющим их душу. Отдохнувший и воодушевленный он последовал дальше.

Невдалеке показалась одинокая фигура, на которой были повязаны ярко-синие и зеленые шарфы, и лишь вокруг правого бедра — желто-зеленый. Одет Квози был в зеленый облегающий костюм с голубыми вставками. Его мех, как и мех Смотрящего-на-Карты, был темным, хотя глаза были голубые, а не красные как у разведчика. Единственный ремень, перекинутый через плечо на грудь, удерживал электронный музыкальный инструмент, струны и переключатели которого сверкали от яркого света.

Смотрящий-на-Карты не мог с первого взгляда определить предназначение данного инструмента, но было очевидно, что Поющий-высоким-Голосом шел на работу или возвращался с нее.

— Прошу покорнейше меня простить за то, что осмелился к Вам обратиться, но есть один, хоть и незначительный вопрос, который требует нашего общего внимания.

— Что Вы, что Вы. Вы вовсе и не побеспокоили меня,— ответил Смотрящий-на-Карты соответствующим образом на этот вызов.— Напротив, мне очень неловко, что Вам приходится тратить на меня свое драгоценное время. Вы бы могли обойтись обычной электронной запиской.

— Язык электроники лишен выразительности,— было видно, как Поющий-высоким-Голосом нервничает, переминаясь с одной ноги на другую.— И хотя мне жаль отнимать у Вас время, все же это необходимо.

— Поскольку Вы снизошли до разговора со мной, я с большим удовольствием Вас выслушаю,— Смотрящий-на-Карты принял боевую стойку, выбрав позу Аки: уши повернуты назад и опущены за головой, одна рука поднята для защиты от нападения, другая выброшена вперед для нанесения ответного удара. Он слегка присел, при этом немного приподнял пальцы ног, готовый отбиваться и атаковать.

Поющий-высоким-Голосом выбрал захват Омо, две руки выброшены вперед параллельно друг другу и полу. Такая поза была довольно нетрадиционна, и поэтому смела. Другие посетители старались не обращать на них никакого внимания, отвернувшись в стороны и продолжая вести беседы.

Смотрящий-на-Карты был не слишком доволен местом для поединка: в середине прохода. Поющему-высоким-Голосом следовало встретить его в другом каком-нибудь месте. А сейчас никто не смел покинуть эту площадку до конца боя.

Не теряя времени, он сделал шаг вперед и занес правую ногу для открытого удара. Все было сделано с точностью, и он едва не коснулся груди Поющего-высоким-Голосом. Музыкант попытался левой рукой заблокировать удар. Нога скользнула по груди, а рука слегка задела голень. Произошел первый обмен ударами, после чего оба Квози снова приняли исходное положение.

Смотрящий-на-Карты прекрасно понимал причину этой драки. На корабле каждый не состоящий в браке самец мог совершенно свободно заниматься любовью с любой, не состоящей в браке самкой, и наоборот. Но это вовсе не означало отсутствие ревности среди жителей корабля. И на

этот раз причиной явилась одна уступчивая молодая особа с блестящим мехом, которая работала в сельскохозяйственном секторе и привлекала внимание обоих дерущихся Квози. Звали ее Носящая-зеленую-Косынку, и сколько она ни пыталась, но так и не смогла рассеять злобу, которая возникала между разведчиком и музыкантом каждый раз, когда речь заходила о молодой самке.

По правде говоря, Смотрящий-на-Карты был удивлен, что Поющий-высоким-Голосом раньше не спровоцировал такой инцидент. Музыкант слыл субъектом нервным и безрассудным. Смотрящий-на-Карты, наоборот, как и подобает разведчику, был хладнокровен, к тому же он всегда относился к драке как к искусству и сегоднѣ он черпал вдохновение в непревзойденном по красоте дереве, которое возвышалось над площадкой. Он ни за что не уступит. Здесь дело касается принципа. Он ударил сжатым кулаком.

— Скоро я поджарю твою задницу! — рычал музыкант, прыгая и изгибаясь. Смотрящий-на-Карты мог бы с силой поддеть его кулаком, но не сделал этого. Его разжавшиеся пальцы лишь нанесли ложный удар по самой нижней части комбинезона Поющего-высоким-Голосом, в то время как тот раскрутился для нанесения удара ногой. Поэтому ботинок музыканта коснулся выбритого пятна на левой щеке Смотрящего-на-Карты.

Поющий-высоким-Голосом был в хорошей форме и Смотрящему-на-Карты пришлось это признать, после того, как тот снова изменил позицию. Борьба продолжалась. Оба Квози провели серию ударов и ложных выпадов. При этом словесная перебранка имела такое же важное значение как и сами удары.

Проходившие мимо члены экипажа старательно избегали дерущихся. И лишь совсем немногие были настолько грубы, что посмели обратить на них свое внимание. Однако, сами возмутители спокойствия не придавали никакого значения происходившему вокруг.

Смотрящий-на-Карты теперь уже черпал вдохновение из каскада гротескных фигур, преобладающих в оформлении зала, пополнял иссякшую силу из застывших водопадов крови, которые так искусно изобразил художник, что казалось будто кровь вытекает из души дерева. Поющий-

высоким-Голосом напевал воинствующие марши, как старинные, так и созданные недавно. Многие из них были знакомы Смотрящему-на-Карты и он ценил высокое искусство своего противника. Ведь Поющий-высоким-Голосом был одним из самых превосходных молодых музыкантов на корабле. Смотрящий-на-Карты часто любовался его творчеством.

Конечно Смотрящий не был так сильно влюблен в Носащую-зеленую-Косынку, как музыкант, но проигнорировать брошенный ему вызов он не мог. Если бы он удалился на глазах свидетелей, его авторитет заметно пострадал бы.

Разведчик ни в коем случае не должен ничего избегать. Проиграй он однажды и в следующий раз другая самка может не проявить интереса к его персоне. И тогда частота любовных утех может упасть с нормальных 4—5 раз в день до одного-двух от силы. А это непростительно. И поэтому у него не было выбора, как только принять приглашение Поющего-высоким-Голосом.

Благодаря своей натренированности, Смотрящий-на-Карты имел преимущества в мастерстве и силе, а Поющий-высоким-Голосом был более гибок и изворотлив. К тому же, как и следовало ожидать от настоящего художника, его речь была тщательно продумана. Смотрящий-на-Карты оценил ее совершенство, несмотря на то, что приходилось парировать удары. И не потому, что он сам неумело использовал оскорбления. Просто он слишком много времени тратил на то, чтобы приготовить все заранее, дабы исключить все неожиданности. А как известно, старые штампы-заготовки всегда выглядят очень убого. Ведь заготовленные впрок слова очень быстро устарели, а предложения были слишком неточны. Поющий-высоким-Голосом стремительно набирал очки по данным пунктам, и Смотрящий тут же понял, что если он и выиграет бой, то лишь в физическом отношении.

Состязание проходило с переменным успехом, и могло случиться так, что длилось бы оно неизвестно сколько времени, если бы вдруг Поющий-высоким-Голосом не рискнул бы провести двойной удар. Это оказалось намного труднее, чем найти нужное остроумное ругательство. Прыжок был хорошо задуман, но выполнить его было под силу

лишь классному специалисту. Несмотря на большое желание, Поющий не был таковым. Тем не менее Смотрящий не мог не восхититься его решительностью вести такой бой на ограниченном пространстве коридора корабля.

Поющий впечатляюще провел двойной удар, но для этого ему потребовались все его силы. И в завершающей стадии ему не удалось как следует проконтролировать свои действия. Коготь его седьмого пальца скользнул по левому предплечью Смотрящего-на-Карты, когда тот пытался защититься от удара. Будучи не способным правильно завершить сванг, Поющий-высоким-Голосом не мог не поранить кожу под темным мехом своего оппонента.

Смотрящий-на-Карты, несмотря на случившееся, даже не вздрогнул. Он увидел, как алая кровь запенилась по шерсти. В одну секунду перед глазами возникла красная пелена, что означало приступ дикой ярости, с которой каждый Квози, уже начиная с самого детства, должен был бороться, чтобы ни в коем случае не позволить ей затмить разум.

Приземлившись на обе ноги и лишь слегка покачнувшись при этом, музыкант принял стойку для нанесения последнего удара.

— Вены в твоем горле окостенеют как эти ветви дерева Самум, твоя кровь превратится в воду...— прохрипел Поющий, но тут же замолчал, увидев настоящую кровь, струящуюся по руке соперника. Смотрящий-на-Карты принял оборонительную позу, при этом попытался быстро прикрыть рану шарфом. Но не успел. Поющий-высоким-Голосом уже заметил кровь. Он весь напрягся, крепко скривил губы, но тут же принял смиренную позу: склонил голову, опустил вперед и вниз уши, сложил пальцы рук в знак раскаяния о случившемся. Едва сдерживая гнев, он произнес:

— Я пролил Вашу кровь и поранил плоть. Мне очень стыдно перед Вами.

С этими словами музыкант опустился на одно колено, при этом нижняя часть туловища коснулась каблука его длинного ботинка.

— Мое поражение как ночной кошмар,— снова произнес он.

Несмотря на победу. Смотрящий-на-Карты чувствовал себя очень виноватым:

— Я приношу Вам массу извинений за случившееся.

Он знал, что теперь встретиться с Поющим-высоким-Голосом в ближайшие дни будет невозможно.

Извинения Смотрящего-на-Карты лишь усугубляли и без того тяжелую обстановку, но ничего другого не оставалось. Он заплатил за свою неповоротливость, и это навсегда оставит неприятный след в его душе.

— Но это еще не все. Мы ведь не закончили,— буркнул Поющий-высоким-Голосом.— Я опять брошу Вам вызов за нее.

— Не имеет никакого значения. Вы все преувеличиваете. И кроме того, Вы ведь выигрывали. Жаль, что все так вышло.

— Нет, ошибку допустил я.— Музыкант встал, выдержав длительную паузу со смиренным выражением на лице. Он был не в состоянии поднять глаза на соперника.

— Я не слишком хорошо владел этим приемом и мне не следовало его применять. Я позволил ярости и амбициям завладеть мною.

Больше это никогда не повторится.

— Да, в другой раз все может пойти по-другому.

В то время как в голосе Смотрящего-на-Карты слышалось сожаление, его стойка говорила о другом.

— Как это мудро с Вашей стороны,— сказал задыхаясь от гнева Поющий-высоким-Голосом, и повернувшись, тяжелыми шагами зашагал по коридору.

Смотрящий-на-Карты дождался, пока толпа проглотила его соперника, и сам продолжил прогулку. Все-таки хорошо, что музыкант неудачным приемом поцарапал его до крови. Ведь, что касается словесного уровня, то он лидировал безоговорочно.

Сотни лет назад ни одна потасовка не закончилась бы таким промахом. Тогда все удары были настоящими, а не ложными, и драка не прекратилась бы из-за какого-то там кровотечения. В то время выбивались глаза, дробились зубы, ломались кости. Таковы были традиции предков Квози. И это так часто отражалось в искусстве.

Ведь, к сожалению, такой образ жизни был единствен-

ным надежным способом борьбы с феноменом плодовитости Квози. Природа посылала им болезни и голод, но в конце концов только сами Квози были в состоянии справиться с проблемой перенаселения. Они выбрали войну. Столетия войны. Смерть ради жизни.

Затем появились методы искусственного контроля за рождаемостью. Книги Шамизин, осветившие жизнь Квози абсолютно новым светом, учения Находящегося-всегда-Рядом и других великих философов.

Теперь Борьба не запрещалась, но бой стал ритуальным искусством, а не организованным убийством. Победить можно было почти деморализовав соперника, почти его убив, почти порезав. А войти в более близкий контакт с противником, проникнуть в его мех, дотронуться до кожи означало потерпеть поражение не только в поединке, но и в статусе. Вот чем объяснялось замешательство Поющего-высоким-Голосом при виде крови.

Плохой борец всегда пытался выиграть, идя на непосредственный контакт, а опытный соперник всегда стремился избежать такого контакта, и как можно больше маневрировать во время борьбы. Поэтому стало возможным контролировать привычные поединки. Это явилось своего рода терапией для самых спокойных Квози. Найти утешение и выход своим эмоциям можно было в искусстве Квози, которое изобиловало сценами насилия. В нем нашли выражение все древние, примитивные и опасные тенденции. А все, что можно было узнать и увидеть, вовсе не хотелось пробовать самому. Такие ритуальные бои — танцы случались очень часто.

При этом в ход также пускалось и другое оружие — словесное. В этом-то и была сила Поющего-высоким-Голосом и слабость Смотрящего-на-Карты, который сопротивлялся как только мог, при этом будучи почти уверен в том, что излишне эмоциональный музыкант обязательно совершит ошибку. Что, собственно говоря, и случилось.

«Не слишком зазнавайся,— сказал он себе.— Твоя специальная подготовка пригодилась тебе, но не для того она проводилась, чтобы выяснить свои отношения с занимающими такое же социальное положение как и ты. Всему должен быть предел». Он был обучен контролировать себя

и свои поступки гораздо лучше, чем остальные Квози, потому что мог наступить день, когда ему пришлось бы продемонстрировать все, на что он способен при неизвестных никому обстоятельствах.

Он завернул в коридор, который вел к его комнате, раздумывая при этом, что лучше поискать самку или просто отдохнуть. Две лаборантки из сельскохозяйственного сектора полностью удовлетворили его желания, и теперь ему явно нужно было подкрепиться, прежде чем искать новую пару. Доказательством этому послужила привлекательная особа с черным мехом, встречи с которой он сознательно избегал.

Сначала подзаправиться. Борьба отняла у него уйму сил.

Можно посмотреть видеомэгнитофон, что-нибудь веселенькое или что-то не требующее особого напряжения. Или почитать Шамизин или просто вздремнуть. Поскольку он был разведчиком, занятий для него, кроме учения, было немного.

«Скоро все будет по-другому, — говорил он себе. — Обязательно». Труднее всего было напустить на себя полное безразличие, контролировать свои эмоции в то время, как весь находился во власти ожидания.

Он уже почти успокоился, и теперь входя в свою комнату лишь сожалел о том, как неудачно провел бой Поющий-высоким-Голосом. Растянувшись на диване, он машинально включил видеокассету с записями своих последних работ. Кадры были слишком знакомы, чтобы внимательно их рассматривать. Он выучил их наизусть еще много лет назад. «Теоретическая география», «Адаптационная ботаника», «Выживание в полевых условиях», основной обзор, — вся информация основана на фактах, предоставленных первыми тремя поселениями Квози на других планетах. С тех пор было запущено много кораблей с поселенцами, но только экипажи Азели, Мазны и Моззины смогли построить корабли для обратного путешествия на Квозинию.

Когда он просматривал данные статистики, он снова удивился тому, как много биологических популяций существует в одной звездной системе.

А разведчик должен быть готов к встрече с любой из них.

Информации о трех уже изученных планетах и о самой Квозинии было недостаточно для составления общей схемы живых организмов. Здесь вполне возможны сюрпризы. И может оказаться так, что времени для подготовки к встрече с ними будет недостаточно. Вот почему и он, и его коллеги Летающая-на-Хвосте и Неприходящий-в-Ярость постарались выучить наизусть все эти данные.

На их основе приборы могли предложить варианты экстраполяции. Например, результатом малого количества кислорода в атмосфере и, наоборот, большого процента метана, могла быть вполне необычная растительность на планете. Такого рода синтез казался вполне возможным, но для составления полной картины этого было явно недостаточно. А вдруг при обработке информации не учли какие-то особенно важные факторы?

Именно эта неуверенность и заставляла Смотрящего-на-Карты чувствовать особую ответственность перед грядущими событиями. Именно от него и от его коллег зависело решение, где следует приземлиться «Последователю», а их колонии придется обживать неизвестный доселе мир. Но кому-то нужно быть первым. И он не хотел ничего другого. По своему темпераменту и умственному развитию он прекрасно подходил для выполнения тех задач, которые были перед ним поставлены, и ради чего он так много учился. Цель всей его жизни заключалась в этом моменте, а он неумолимо приближался.

Смотрящий-в-Каньоны умер цикл назад, так и не сумев воплотить в жизнь свою мечту. Он был пятого поколения, и являлся учителем Смотрящего-на-Карты. Будучи наставником, он всему обучал своего ученика, и вместе с тем понимал, что до тех пор, пока расчеты будут неверными, он никогда не увидит новый мир. Его терпение и добрый юмор научили молодого Смотрящего тому, что на свете нет ничего невозможного.

«Именно Учитель должен был быть первым,— с горечью подумал Смотрящий-на-Карты.— Не я».

Он прочитал несколько строк из Пятой Книги, где речь шла о неадекватности чувств, и ему тут же стало легче.

Один за другим, на экране менялись пейзажи и климатические пояса, но он не обращал на них никакого внимания. Затем, устав, он переключился на информацию о Мазне, которая была более интересной, чем данные с Азели и Моззины. А все потому, что Мазне пришлось поселиться на враждебной территории. Первые две колонии высадились на планете без всяких осложнений, а вот Мазне нужно было отвоевывать свои права.

«Так мало данных», — подумал Смотрящий. Ведь сейчас, должно быть, уже десятки других колоний Квози расселились во Вселенной, но никто, кроме первых трех, пока не имел возможности послать корабль со спасительной информацией обратно на Квозинию. Ему было известно только то, что полдюжины таких кораблей вернулись обратно домой сразу после запуска «Последователя». И любой из них мог иметь решение этой общей для всех Квози проблемы. Но это решение он никогда не узнает. Ведь скорость получения свежей информации была намного медленнее скорости корабля, хотя ходили слухи о новых научных разработках в области коммуникации.

Все это было просто невыносимо.

Хотя бесполезно сердиться по такому поводу. Из-за невозможности общения друг с другом получалось так, что Квозиния для Азели и других колоний просто не существовала. Не существовало ничего, кроме «Последователя» и его экипажа. Корабль был как огромный, медленно движущийся остров разума и жизни, скитающийся по молчаливому и дикому космосу. И все они находились сейчас в полной изоляции. Все шесть последних поколений. Может быть, где-то в далеком будущем, его пра-пра-пра-отпрыск соорудит корабль, чтобы вернуться на нем обратно, взяв с собой все новые данные о жизни колонии. Но ни он, ни его современники уже никогда не увидят этого.

Будучи очень расстроенным, он переключил аппарат с образовательной программы на развлекательную, и начал следить за описанием войны Четвертой Династии, которую вели Северные и Восточные Объединенные Клань древней Квозинии против Юга. Чтобы полностью посмотреть этот сериал требовалось несколько дней, но ему нужно обязательно увидеть его. Фильм был полон зрелищ, и был

рассчитан на колонистов, рожденных уже на корабле. Кво-
зиния в древности, судя по этому сериалу, походила скорее
на скотобойню, чем на самый райский уголок Вселенной.

За несколько минут просмотра он стал свидетелем того,
как были выпотрошены полдюжины действующих лиц,
многие были обезглавлены. Параллельно с этим их пытали
и расчленили. Но в нем не возникло никакого разочарова-
ния. Даже в такой эпической поэме как эта необходимо
было время для развертывания основной идеи. Некоторые
из исполнителей были легендами, но именно к этому и
стремились создатели эпической поэмы. Все давно уже
умерли, но созданные ими имиджи жили, дышали, двига-
лись в глубине экрана. Они достигли электронного бес-
смертия.

Он слегка задремал, свернувшись так, как когда-то
в сумке у матери, а высоко под потолком тихо работал
прибор, извергая со своего экрана резню среди древних
Квози.

Разум Смотрящего был полностью заполнен мыслями
о новом мире. В них он был первым, кто ступил на новую
землю, чтобы исследовать настоящий рай, по сравнению
с которым Азель был просто пустыней. Позади него стояла
прекрасная самка с черным гладким мехом и горящими
глазами, самая обольстительная, каких он когда-либо ви-
дел. Они без устали занимались любовью и никак не могли
остановиться, а его переговорное устройство в это время
требовало от них все новые и новые данные об этом не-
известном пока мире.

И хотя он не достиг еще того возраста, когда самцы
классифицировались в соответствии с нормами для про-
изведения потомства, он часто мечтал о той минуте, когда
он сможет выполнить основную задачу Квози: создать себе
подобных, и с восторгом наблюдать за малышами, ку-
выркающимися в сумках своих матерей.

Скоро все это станет реальностью. Когда они вступят на
пустующие земли и нужно будет их заселять, им больше не
придется с каждым приемом пищи принимать контрацепти-
вы, а вместе с этим исчезнут все ограничения рождаемости.

Если, конечно, их новый дом не окажется второй Маз-
ной, дикой и жестокой. Но в этом случае он, Смотрящий-

на-Карты, сделает все, чтобы отвоевать так необходимую для всей колонии флору и фауну, и поможет ей основательно устроиться на новом месте. Ничто не сможет остановить его, ничто не удержит от такого шага.

За это в его честь воздвигнут памятник. И его дети, и дети его детей будут гордиться им, ведь именно он первым ступит на эту землю. Смотрящий-на-Карты-Достопочтенный. Смотрящий-на-Карты-Непревзойденный.

Они будут восхищаться им. Он уже слышал шумные приветствия. Рев оваций, и он воспринимал это как должное, хотя знал, что все это лишь мечты и он всего лишь спит, и никакой он не кумир. Проснулся он не от пронзительного свиста тысяч обожателей, а просто потому, что ему показалось будто кто-то усиленно тряс его и при этом слегка подвывал.

Исчезли поэмы, а вместо них появились осуждающие глаза его коллеги. Неприходящий-в-Ярость, хоть и обращался к нему в соответствующей почтительной форме, но времени у него было явно недостаточно. Это было очень похоже на старшего члена Комитета по Подготовке к Посадке. Смотрящий-на-Карты быстро заморгал, ничего не понимая, потом резко вскочил; вся его будущая слава тут же улетучилась.

— Я очень сожалею, что помешал вашему отдыху, пожалуйста, простите меня,— извинялся Неприходящий-в-Ярость. Смотрящему-на-Карты было ужасно стыдно, и он ничего не мог сказать. Ведь он был на дежурстве.

— Очень непростительно с моей стороны, я даже не могу подобрать нужных слов, для извинений,— пробормотал смущенно Смотрящий.

— Что вы, не нужно никаких извинений,— Неприходящий-в-Ярость продолжал говорить о том, что у него совсем нет времени ругаться на молодого разведчика, поскольку сейчас есть дела поважнее. О важности предстоящего дела можно было судить и по тону, и по ушам, сложенным и опущенным вниз.

— Собрание,— пояснил он кратко.

Собрание... Смотрящий-на-Карты тут же схватил хронометр и от ужаса его глаза превратились в две узкие щели. Собрание. Он забыл о нем из-за поединка с Пою-

щим-высоким-Голосом. Неудивительно, что Неприходящий-в-Ярость так расстроился!

— Оно вот-вот начнется,— сухо заметил старший Комитета.— Оно бы началось не независимо от Вашего присутствия или отсутствия, но заметив, что Вас нет, я счел своим долгом справиться о состоянии Вашего здоровья, а также предложить свою помощь в случае болезни.

— Тысяча, тысяча извинений за мою непростительную медлительность! — все, что Смотрящий-на-Карты мог ответить в данной ситуации. Вот тот случай, когда излишнее красноречие могло оказаться камнем на шее. Попозже он что-нибудь придумает.

— Я буду там прежде, чем остынет ваш приемник,— бросил Смотрящий уже на бегу.

Как стрела выскочил он из постели, забыв даже выключить магнитофон. Позже ему за это достанется, но сейчас его интересовало только собрание. Он сдернул с себя рабочий комбинезон, в спешке натянул парадный. Но оказалось — задом наперед. Он проклял все на свете, пока переодевался и разглаживал мех под эластичной тканью. После этого, он закрыл глаза и постарался успокоиться, бормоча под нос спасительные фразы. Когда же это не помогло, он в бешенстве подошел к фигуре Квози в старинных боевых доспехах, стоящей у входной двери, и постучал несколько раз по святым местам. Почувствовав себя после этого намного лучше, он поспешил по коридору.

II

Скорее, скорее, на этот раз никаких прогулок. Он влетел на первое попавшееся транспортное средство и настраивал его на нужное направление. Откинувшись назад и вытянув ноги, он наострил уши, слушая, как ускоряется рабочая капсула, которая уже неслась с огромной скоростью по коридорам и узким туннелям корабля. Смотрящий был неплохим пилотом и хорошо разбирался в приборах, и сам пропутешествовал от средней секции «Последователь» до самого носа корабля.

Не обращая внимания на предупреждающие сигналы транспортной капсулы, он выскочил прежде, чем она окончательно остановилась, и побежал, не желая, однако, показывать своей поспешности.

Как он мог проспять это собрание?

У него совсем не осталось времени, чтобы проверить значки, причесать мех, или привести в порядок выстриженные метки.

Приближаясь к залу заседаний, он немного замедлил ход, прикидывая, кто же будет присутствовать на собрании, а кто нет. Возможно, Неприходящий-в-Ярость, Летающая на-Хвосте, но их он считал своими друзьями. Приборы-контролеры на входе идентифицировали его. Двери тут же раскрылись, пропуская в зал. Повсюду светились флюоресцентные линии, имитирующие структуру дерева Оркил.

Переоценить значение этого собрания было невозможно. На самом последнем ряду, возвышаясь над всеми, восседала Плывущая-через-Поток. Со всех сторон ее окружали верные ей офицеры. Капитан корабля выглядела уставшей, но это, казалось, было ее обычное состояние. Вокруг выстриженного на лбу треугольника начала появляться седина. Плывущая-через-Поток была четвертого поколения и своего рода легендой. Ходили слухи, что в молодые годы она славилась тем, что могла в любой момент прервать самое страстное свидание, если на корабле возникали какие-то проблемы.

Рядом с ней на высоком помосте сидел Косящий-левым-Глазом. В зале было четыре ряда, ложи, выходящие на главный монитор, и почти все места были заняты. Косящий был Навигатором «Последователя» или, точнее, ответственным за работу компьютера, управляющего движением корабля. Присутствие Капитана и Навигатора еще раз подтверждало то, что это собрание могло оказаться основным событием их жизни. Но это было неудивительно. Все на корабле жили согласно единому плану, это стало частью их жизни, как прием пищи или многократные ежедневные любовные оргии. А он почти проспал такое важное собрание.

Он быстро пробежал глазами по рядам. Неприходящего-в-Ярость не было. Остальные же его коллеги и большин-

ство руководителей присутствовали. Всего он насчитал около сорока членов. Здесь царила строгая иерархия. Самые младшие поколения Квози сидели на нижнем ряду, а более старшие занимали более высокое место в зале. Чем старше, тем выше. Все были торжественно одеты. Повязаны шарфы, начищены до блеска серьги. Когда Смотрящий, запыхавшись, вошел в зал, у него возникло единственное желание спрятаться за собственной ногой, что для Квози не представляло особого труда.

Несколько присутствующих обернулись к нему, но тут же вежливо опустили глаза. И лишь Воспринимающая-все-Запахи приветствовала его появление слегка подняв свое ухо. Если бы этот жест был замечен кем-либо из Старейшин в верхнем ряду, это стоило бы ей замечания с занесением в протокол собрания. Смотрящий был очень благодарен ей за этот жест и поднял ухо в ответ. Они никогда не были любовниками и до сих пор не находили друг друга привлекательными, но он понял, что очень скоро они встретятся. Спаривание для того, чтобы проверить совместимость было необходимо при любом совместном начинании, а они, вполне возможно, скоро будут работать бок о бок.

Некоторые из Старейшин занимали свои места, а это значило, что собрание еще официально не начиналось. Предупреждение Непреходящего-в-Ярость было как раз вовремя. Переплывающая-через-Поток встала в тот момент, когда он нырнул на свое место, и сжался там настолько, насколько это было возможно. Воспринимающая-все-Запахи сидела одним рядом выше через семь сидений от него. Она не смотрела больше в его сторону. Он решил переспать с ней и как можно скорее. Ведь ее жест мог отвлечь внимание строгих Старейшин от его позорного появления, а значит он ее должник. Приди он еще двумя минутами позже, и его разжалование было бы неизбежно. Но поскольку это собрание было самым важным событием на корабле, никто не заметил задержки Смотрящего.

Голос Переплывающей-через-Поток звучал уверенно, несмотря на ее преклонный возраст. Смотреть на Капитана, когда она произносила речь, было слишком невежливо, и поэтому Смотрящий-на-Карты сосредоточил свой взгляд

на главном мониторе. Его поза носила формальный характер: уши торчком, спина прямая, мех расслаблен.

Величественный образ Капитана обращался к нему с экрана. В старые времена при выступлении перед аудиторией, лидеры находились за прозрачной перегородкой. Затем перегородку заменили зеркала. А сейчас необходимая дистанция между спикером и публикой регулировалась электронными устройствами.

Ее обращение было кратким и по существу: наконец настал час Квози. Терпение и тяжелый труд шести поколений должен быть вот-вот вознаграждены. Завтра в это время двигатель «Последователя» впервые после их отлета из Квозинии начнет сбавлять ход. Она сделала паузу, чтобы каждый из них смог понять смысл сказанного, затем продолжила:

— Мы уже вышли в поток заряженных частиц, идущих от огромной звезды, греющей наш новый дом. Завтра мы впервые за шесть поколений вернемся в нормальный космос.

Не было слышно ни радостных криков, ни свиста. Никто не пошевелился и не издал ни звука. Каждый обдумывал сложившуюся ситуацию.

Капитан продолжала. «Последователь» прекрасно вынес столь длительное путешествие, находится в хорошей форме и готов к выполнению завершающей стадии полета.

«Она действительно очень постарела,— заметил про себя Смотрящий-на-Карты, разглядывая Капитана на экране.— Интересно, а как долго она сможет руководить строительством Первой Норы в новом мире».

Хотя это было вовсе необязательно: Капитаны не управляли колониями — Капитаны вели корабли по подкосмическому пространству. А создание нового социального порядка было делом Главы Комитета по Приземлению и Совета Семерых. Переплывающая-через-Поток будет последним представителем своего рода функционеров, точно также как Смотрящий-на-Карты явится первым членом новых. Он чувствовал, как постепенно разрушается связь, но не между поколениями, а между Квозинией и теперь уже новым домом. Ширазом. Так этот новый мир был назван еще до их запуска на Квозинии.

— Как вы знаете,— продолжала Капитан,— не так просто выяснить структуру нормального космоса, находясь постоянно в подкосмическом пространстве. Но как бы там ни было,— ее уши наклонились немного вперед, что означало хорошие новости,— наши техники уже достигли в этом направлении многого, и сейчас всю свою энергию направляют на сохранение по крайней мере одного изображения, чтобы мы с вами могли с ним ознакомиться. Они только что закончили свою работу над ним, и сейчас мы имеем возможность воочию насладиться нашим будущим домом.

Экран заморгал и затем на месте Капитана возник новый мир. Далекий, сильно увеличенный, обработанный компьютером, но все же такой прекрасный и желанный. Мир совсем не похожий на Квозинию, с непривычно яркими красками и огромных размеров.

У всего есть предел. Есть предел и у вежливости. Как только на экране появилось изображение, несколько присутствующих повскакивали со своих мест, не в силах больше сдерживать эмоции. И несмотря на неодобрительное отношение к этому Старейшин, в зале послышались вопли радости, свист, крики.

Хоть мир еще и был далек, но с первого взгляда было ясно, что лучшего желать было просто невозможно. Огромное количество воды, и, судя по облачности, большое количество осадков. А это значит, деревья, самое заветное желание любого Квози. Не кошмарная пустыня. Как Азель, или Моззин.

Молодой Связист справа от него нагнулся к нему и прошептал: «Посмотрите, как мало земли и как много воды!»

— Нет, здесь также много земли,— не согласился Смотрящий-на-Карты.

— Я знаю, о чем вы все сейчас подумали,— Капитан сделала жест ухом, и на экране появилось новое изображение.— А это другая полусфера.

Послышался свист, а кто-то даже осмелился выкрикнуть: «Первая лучше! Здесь одна вода!»

Вернулось изображение первой полусферы. Благодаря особой важности собрания, выкрикнувшего не наказали.

— Конечно же, Шираз обладает гораздо большим ко-

личеством воды, чем нам когда-либо приходилось видеть. Но там также много суши, пригодной для поселения.

Предварительные расчеты показали, что в случае правильного использования Шираз может стать домом биллионам живых существ, хотя нельзя сказать об этом точно, поскольку мы сейчас не можем судить о богатстве океанов и суши, и даже не можем назвать точный состав атмосферы. Для этого нужно подождать орбитальных измерений и первых исследований грунта.

Смотрящий почувствовал легкое прикосновение сзади, но не посмел взглянуть вверх в сторону Капитана. Он не знал, увидела ли она это или нет. А встречаться глазами с вышестоящим на социальной лестнице ему не хотелось. Ведь такое поведение могло привести к непредсказуемым последствиям.

Один из старших администраторов, сидевший на верхнем ряду, громко вздохнул: «Главное, вот она, рядом». Находившиеся около него старики зашептали подобные фразы.

— Но, для того, чтобы ее отыскать, у нас ушло слишком много времени,— заявила Капитан.— А сейчас я передаю слово Главе Комитета по Приземлению.

Она села, и тут же рядом с ней поднялся Квози, на большом экране его изображение занимало лишь верхний левый угол. Встающий-с-Приветствием был настолько взволнован, что не смог говорить и дождался, пока Капитан полностью усядется в свое кресло. Однако никто не обратил внимания на такую грубость, ведь все с нетерпением ждали, что он скажет.

Будучи рожденным в пятом поколении, Встающий был одним из самых сильных Квози на корабле, намного приземистее и мощнее любого из них. Вообще отклонение от физической нормы было довольно редким явлением. Впрочем, если говорить о Встающем-с-Приветствием, то он был странен во всех отношениях. В отличие от коллег, у него каждый раз не хватало времени ни на ритуальные обряды, ни на медитацию или обычные разговоры. И только благодаря своему блестящему уму он сумел преодолеть свои недостатки и достичь столь высокого положения. Прежде всего Встающий-с-Приветствием был прекрасным органи-

затором, а Глава Комитета должен был обязательно обладать этим качеством.

За спиной его часто называли атавизмом. Очень популярны были шутки об отсутствии у него должной культуры и грации. Но даже самые злостные сплетники вынуждены были признать его потрясающую работоспособность.

Смотрящий на карты очень внимательно слушал все, что говорил Глава Комитета, выбросив из головы все посторонние мысли о медитации, всякого рода удовольствиях, и даже о встрече в коридоре с симпатичной самкой. Пришло время быть серьезными, и Встающий-с-Приветствием был настроен весьма серьезно. Лишь иногда его речь прерывалась извинениями за не слишком хорошее качество изображения и за неважный, как ему казалось уровень самого выступления.

Он обрушил на них лавину информации о Ширазе, для наглядности используя изображение на экране. Особое внимание было уделено двум большим массивам суши, соединенным между собой узкой горной цепью. Квози займется именно этим местом. Основным объектом их исследований вначале будет центральный массив. Именно он выбран для создания там Норы, так как обладает безграничными возможностями для размножения.

Смотрящий внимательно слушал главу Комитета и старался запомнить все, что в дальнейшем может пригодиться ему в работе. К тому моменту, когда они выйдут на орбиту Шираза, он выучит каждое слово и жест докладчика, снова и снова просматривая запись, сделанную на собрании.

По окончании своего выступления Встающий-с-Приветствием в знак полного удовлетворения скрестил уши, поблагодарил всех за внимание к его столь сумбурной речи, и передал бразды правления Капитану. Плывущая-через Поток встала во второй раз.

— Наша работа подходит к завершению. Деревья Акоры начинают пускать побеги. Наши корни сильны, а решительность непоколебима. Наступает самый ответственный момент для всех Квози. Косящий-левым-Глазом сказал мне, — она жестом показала в сторону Навигатора, сидящего справа, — что все приготовления для выхода в нормальный космос идут по намеченному плану. Завтра мы снова

войдем в настоящую Вселенную. Те из вас, кто является руководителем секций, должны провести необходимую работу по подготовке своего населения к этому событию. Наше путешествие было не столько опасным, сколько утомительным, но завтрашний маневр «Последователя» может также оказаться последним для нас. Каков бы ни был исход, все должно произойти очень быстро.

Сморящий-на-Карты почувствовал, как заволновались окружающие. Конечно, переход из зоны подкосмического пространства в нормальный космос — операция сложная, но Капитан преднамеренно преувеличивала опасность. Впрочем, это было ее работой. Разговоры о том, что при переходе может что-то случиться, вовсе не означали, что это обязательно произойдет.

Когда Плывающая закончила, поднялся старший философ корабля и призвал всех к сеансу медитации, требуя от каждого присутствующего в зале очистить свой разум от мыслей, мешающих выполнению столь важной задачи. Сморящий-на-Карты принял в сеансе самое непосредственное участие. Собрание закончилось, хотя формально об этом объявлено не было. Но это и не требовалось этикетом.

Презентация отняла гораздо больше времени, чем он предполагал, и он почувствовал знакомое напряжение фаллоса. После очередного соития с какой-нибудь самкой он планировал вернуться в свою комнату для того, чтобы выпить чего-нибудь бодрящего и приступить к детальному изучению речи Встающего-с-Приветствием, созерцая изображение своей новой планеты, которая должна стать его домом.

Он и Уносящий-ношу-Вдаль уже вышли в коридор, когда к ним подошел Глава Комитета по Приземлению. Глядя на него трудно было поверить, что его нога когда-нибудь ступала за пределы корабля, ведь он никогда не прогуливался даже дальше своего сектора. Но для всех было просто необходимо, чтобы Встающий-с-Приветствием выглядел знатоком в области Приземления на другие планеты.

— Решение принято,— сказал он в своей привычной грубой манере.— Вы двое будете членами экипажа первого исследовательского корабля.

Для Смотрящего-на-Карты сказанное не было неожиданностью, но все же ему было приятно услышать такое из официального источника. Единственное, чего он никак не мог предположить, это то, что с ним вместе пойдет Уносящий-ношу-Вдаль. Он считал, что его друг и коллега будет командиром второго исследовательского корабля. Очевидно, было решено как можно больше талантливых специалистов включить в состав первого экипажа.

Смотрящий очень обрадовался этой новости. Уносящий был единственным, с кем ему бы хотелось разделить радость предстоящего события. Они всегда состязались в учебе, при этом оставаясь лучшими друзьями, провели вместе сотни любовных оргий. Мех у Уносящего-ношу-Вдаль был черный, за исключением белых пятен вокруг лица и запястий. Представительницы противоположного пола находили его весьма привлекательным.

— Жаль, что я не смогу пойти с вами, — неожиданно мягко произнес Глава Комитета, — но первое исследование это лишь малая часть подготовительной работы по приземлению. «Последователь» должен быть полностью подготовлен, уже не говоря о его обитателях. Поэтому я должен оставаться здесь, но мысленно я всегда буду с вами. Я ознакомлюсь с вашей работой и постараюсь овладеть ею также хорошо, а вы проследите, чтобы ничего не забыть, и, пожалуйста, постарайтесь использовать все свои знания. Если от меня требуется какая-то помощь, можете на меня полностью рассчитывать. Вся слава достанется вам.

Оба разведчика приняли самые почтительные и извиняющиеся позы.

— Известно ли что-нибудь об условиях жизни на Ширазе? — спросил Уносящий-ношу-Вдаль.

— Находясь в подкосмическом пространстве об этом трудно судить. Можно только молиться о том, чтобы это оказалось нечто похожее на Азель. Вы вдвоем будете среди первых, кто об этом узнает. Если Шираз окажется похожей на Мазну, нам придется приспособливаться.

— О чем ты думаешь? — спросил своего друга Смотрящий-на-Карты, когда они остались вдвоем.

Уносящий-ношу-Вдаль тяжело вздохнул.

— Я думаю, что у нас слишком мало информации,

чтобы размышлять, к тому же я готов к коапуляции.

Смотрящий-на-Карты тоже давно уже чувствовал жгучее желание.

Для этой цели они завернули в Публичный Зал Свиданий. Уносящий выбрал для себя нору в стиле Пятнадцатой Династии. Сибаритский эффект дополнялся умелым использованием света и высокохудожественных работ. Повсюду виднелись многочисленные норки, напоминающие альвеолы в здоровых легких Хавика. И не потому что для любовных игр Квози требовалось полное уединение, а просто потому, что в процессе коапуляции каждый мог немного поэкспериментировать. А неудача у всех на глазах вызвала бы чувство неловкости и стыда, в то время как точно такой же провал, но уже наедине, мог бы просто остаться незамеченным.

Здесь они встретили пару бродивших самок — компьютерных техников, и после формального, традиционного обмена приветствиями и ничего незначащими фразами, они вчетвером образовали любовный квартет. Все произошло лучше, чем предполагалось, благодаря обострившемуся чувству ожидания, напряжения каждого участника.

После бурного завершения встречи разведчики покинули зал. Настроение было прекрасное и по дороге два друга завели оживленный разговор о том, кто же все-таки будет первым, ступившим на Ширазу. Между ними даже завязалась шутливая борьба словами и жестами. Но ни один, ни другой не хотели ударить лицом в грязь, начав настоящий боевой танец. Смотрящий-на-Карты несколько раз даже пытался поддаться своему коллеге, но ловкий Уносящий никак не соглашался на это, понимая, что в этом случае он подмочит свою репутацию.

Спор разгорелся не столько вокруг того, кто же первым ступит на землю Ширазы, а кому удастся там дольше пробыть, и здесь они оба могли проиграть какому-нибудь бездумному ботанисту. А такое было для них непреемлемо. Поэтому они должны были обговорить все до мельчайших подробностей, чтобы в своем желании действовать слаженно и четко, но без потери статуса, они не упустили из виду первоначальную цель.

Повсюду на корабле чувствовалось напряженное ожи-

дание предстоящего события. Каждый знал, что «Последователь» должен покинуть подкосмическое пространство и что Шираз была, если выразиться астрономически, всего лишь в нескольких парсеках от них. Поскольку в подготовительных работах участвовали только отделы инженеринга и навигации, остальные колонисты, не находя применения собственным силам, томились в нервном ожидании. Количество любовных игр достигло бешеного уровня, так что Капитан была вынуждена воспользоваться коммуникационной сетью и призвать всех к контролю за своими чувствами, иначе могло пострадать их общее дело. Как она выразилась: «Вы должны управлять своей внутренней энергией, тогда как остальные пытаются управлять энергией корабля».

Ее чувство юмора помогло расслабиться самым нервным членам экипажа. К тому времени, когда начался отсчет времени готовности для выхода в космическое пространство, атмосфера на корабле заметно разрядилась.

Ни у кого не было опыта возвращения в нормальный космос. Можно было лишь вспомнить, что об этом писалось в учебниках, и попытаться представить себе данную картину. И как водится в таких случаях, когда события долго ждут, оно часто приходит незаметно.

Когда это произошло, Смотрящий-на-Карты шел по направлению к центральному холлу. Громкоговорители отсчитали последнюю цифру, и он остановился, чтобы перевести дыхание. И что же? Он не почувствовал никаких изменений. Остался прежним интерьер «Последователя», остались прежними его коллеги Квози. Изменилась Вселенная. Опять он стал частичкой настоящего космоса, настоящего времени. В этом он был уверен. Как и в том, что перед ним, совсем рядом, лежит их новый дом. Шираз. Целый мир вместо крохотной капли корабля, плывущей сквозь пустоту.

Когда-нибудь дети его детей снова взойдут на «Последователь», а может построят новый корабль, с тем, чтобы вернуться на древнюю Квозинию и сообщить всем о своем успехе. Новое поколение займет место сегодняшних Старейшин. Но среди них уже не будет Смотрящего-на-Карты. Но он и его коллеги навсегда останутся в памяти грядущ-

щих поколений. Помимо своей основной цели — образовать новую колонию, «Последователь» уже стал частичкой их истории.

Теперь, когда переход в нормальный космос благополучно завершился, зал стал быстро заполняться колонистами. Сейчас здесь не было места для совокуплений. Это было бы слишком неприлично. Вместо этого сюда шли, чтобы посмотреть развлекательные программы, транслирующиеся на огромных мониторах, послушать местную музыку, которая менялась каждый раз при переходе из одного отсека в другой, насладиться классическим и современным искусством, а также попробовать свои силы в массовых играх.

Это была огромная площадка для развлечений и встреч с друзьями и коллегами одной большой космической команды. На создании площадки настояли психологи. Они объясняли это тем, что такое мероприятие было жизненно важным для населения корабля, чтобы представители разных профессий и занятий не были лишены возможности общения между собой. Здесь инженеры могли встретиться с эргономистами. Ведь жизнь корабля — это не только работа его моторов.

Смотрящему показалось, что вдалеке он увидел Поющего-высоким-Голосом, который участвовал в конкурсе с огромным шаром. Шар ёрзал туда-сюда, а двое участников пытались удержаться на нем в определенном положении. Выигрывал тот, кто дольше продержался на шаре и не упал.

Пробираясь вглубь зала, он наткнулся на Летающую-на-Хвосте, которая разговаривала с двумя другими самками. У нее был прекрасный шанс стать пилотом в экипаже первого исследовательского корабля. Когда она обернулась к нему, глаза ее заблестели, а уши красноречиво затрепетали. Первой мыслью, возникшей у Смотрящего, было пригласить ее скорее в любую уютную норку, но сейчас был не лучший момент. Он немного помедитировал, пытаясь унять знакомое чувство. «Может там, уже на Ширазе, — подумал он. — И это станет отдельной главой в учебниках по истории».

Они поприветствовали друг друга и она заказала хо-

лодные закуски на одной из многочисленных машин по обслуживанию посетителей. В дополнение к этому она выбрала полуклассическую музыку с легкой примесью современных мотивов. Музыка успокаивала, но не притупляла чувства. А вокруг них ликовали Квози. И их радости в связи с возвращением в нормальный космос не было предела.

— Я видела снимок,— мягко сказала она.— Похоже, это прекрасный уголок.

— Ширааззз,— он нараспев протянул желанное слово.— Будем надеяться, что планета окажется такой же прекрасной, как и ее имя. В противном случае нам придется ее приручить.

— Самоуверенность — незаменимая черта разведчика. Но излишняя самоуверенность грозит опасностью.

— А для пилота разве нет? И, кроме того, я никогда не бываю чересчур самоуверен.

— Никогда? Ни в чем? — Ее ушки приняли забавную форму и он понял скрытое значение ее последних слов. Он, как и каждый опытный Квози, прекрасно разбирался в двойном значении некоторых фраз.

— Ни в чем. Я великолепно знаю, на что я способен. Помимо этого, у разведчика нет времени для излишней самоуверенности, надежда всегда на собственные силы. Когда наступать, а когда посторониться.

— Да, наступать и обороняться...

«Черт побери этого пилота,— подумал Смотрящий.— У нас одинаковые мысли». Но в тот момент, как это ни странно, у него было желание только поболтать и расслабиться. Тем не менее, он не мог с восхищением не заметить милые завитки и сложные узоры на ее золотисто-коричневом меху. Белые полосы украшали ее лицо, опускались вниз и исчезали за вырезом комбинезона.

Вообще было удивительно, что несмотря на свои неослабевающие влечения и страсть, Квози смогли достичь такого уровня цивилизации. Хотя Книги Шамизин пытались изменить существующее положение при помощи сначала традиционной медицины, а затем и достижений современной химии. Но ощутимых результатов это не дало. И любовные оргии не утихали.

Он чувствовал себя уверенным и довольным. Всю свою жизнь он готовился к предстоящим дням, знал, что от него ждут, что и как ему нужно делать. Медитация у него всегда проходила успешно, коапуляции были регулярны и точны, и сейчас он был в лучшей своей форме. Уверенность и чувство собственного достоинства чувствовались в каждом слове, в каждом жесте.

Вот почему истошный крик в толпе явился для него таким шоком. Крик полностью заглушил музыку и ворвался в зал через акустические системы.

Игры были прерваны на середине. Танцующие остановились как вкопанные. А размахивавшимся о будущей жизни пришлось проститься со своими грезами и вернуться к жизни настоящей.

Один за другим присутствующие стали, наконец, осознавать, что же означает раздавшийся сигнал. А ведь этот сигнал они все изучали по книгам, будучи совсем еще юными. Но никому из них не случилось слышать его наяву.

Это была Всеобщая Тревога.

Существовало много видов тревоги и много упражнений для их отработки: тревога в случае повреждения корпуса корабля, тревога в случае нарушения герметичности, тревога в случае утечки воды и случайной утечки токсических веществ. Они все это изучали на практике и не раз разучивали, как нужно себя вести в той или иной ситуации, учили все виды тревоги. Но у них никогда не было учений по отработке всеобщей тревоги, поскольку это могло бы нарушить многие важные функции корабля. Но по всей видимости это была не ложная тревога.

Сомнения быстро уступили место действиям, и все вокруг него, поспешно бросив развлечения, устремились на свои места, двигаясь при этом большими прыжками. Несколько матерей с младенцами в своих сумках заметно отстали. В это время прозвучал второй сигнал Всеобщей Тревоги, еще более пронзительный, чем первый.

Боевые станции.

Боевые станции? Но это же самый настоящий анахронизм, бросок назад в их примитивное прошлое. И вообще, такие станции существуют, наверное, скорее для всеобщего развлечения, чем для настоящих боевых действий. Ведь во

Вселенной нет никого с кем можно было бы воевать.

Смотрящий-на-Карты замедлил шаг, обдумывая сложившуюся ситуацию. Они только что вышли на орбиту Ширазы. Для большинства членов экипажа этот момент был самым главным и они испытали чувство расслабленности. Но ведь это не игра. И как же в такой ситуации призвать всех к бдительности. Только путем внезапного и шокирующего всех сигнала Всеобщей Тревоги.

Квози мчались мимо него, обгоняя друг друга, но никто не толкался. Было всеобщее возбуждение, но не было паники и грубости. Никого не толкали и не растоптали. Смотрящий-на-Карты улыбнулся про себя. Если его догадка неверна, то тогда он опоздает на свой боевой пост. А это грозит замечанием. Но если он прав...

Вой сирены исчез, и вместо него послышался спокойный голос, который он не узнал. Тем не менее, это, как ему показалось, еще раз подтверждало его подозрения. «Разведчик,— гордо подумал он про себя,— должен обладать хорошими инстинктами и уверенностью в правильности своих действий».

Конечно же, это была тренировка, чтобы привести всех в состояние готовности и покончить со всеобщим легкомыслием. Радоваться будем потом, на месте, когда создадим Первую Нору. В толпе послышалось грубое ворчание и даже ругательства, но были также возгласы удивления и радости. Пусть Плывающая-через-Поток сама восстановит дисциплину на корабле, чтобы каждый это услышал, чтобы до каждого дошло.

В самом деле, какие боевые станции! Даже преступники, и те редко прибегают к использованию физического насилия, хотя каждый Квози обучен и знает, как нужно бороться. Преступник, который допустил насилие, навсегда потеряет свой статус среди себе подобных.

Ведь Квози — единственные разумные существа во Вселенной, существа, способные мыслить. А боевые станции нужны были разве что для поддержания традиций, но никак не для использования в реальной жизни. Ведь колонистам даже не с кем было поговорить, не то что вести войну.

Тут он услышал позывные сигналы из своего пере-

датчика. Ему было приказано представить отчет, но на этот раз не в основной зал заседаний, а в отдел, находившийся рядом с Командованием. Сначала он нахмурился, но тут же расслабился, и повернул в нужном направлении. По всей видимости Встающий-с-Приветствием захотел лично поговорить с каждым членом Команды Приземления. А может, это была последняя неожиданная проверка его готовности. Да это и не имело значения. Он был готов ко всему. Разве не он самый первый предсказал истинную причину Всеобщей Тревоги? А может подошло время выбирать посадочную площадку для исследовательского корабля? При этой мысли он ускорил шаг.

Ему вдруг стало интересно, а можно ли ему будет пошутить с Плывающей-через-Поток, если она там будет. Он хотел сделать ей комплимент по поводу того, как хитро она задумала трюк со Всеобщей Тревогой и боевыми станциями. «Действительно, это было очень смешно»,— подумал он. Никто не посмел бы обвинить Капитана в отсутствии чувства юмора, ведь теперь ей удалось одурачить весь корабль. И это делало ее шутку еще более изысканной.

Как и в главном зале заседаний здесь имелся большой экран. Однако не было ни стульев, ни стола. Только несколько больших и удобных кресел, куда можно сесть и расслабиться. Зал больше напоминал жилую комнату, чем деловой центр.

Когда он вошел туда, Плывающей-через-Поток еще не было. Но она вскоре подошла. Встающий-с-Приветствием поздоровался с ней. Уносящий-ношу-Вдаль находился в дальнем углу комнаты. Больше всего Смотрящего поразило то, что его друг вел оживленный разговор со Скрывающим-свои-Чувства. Что делал здесь главный философ корабля? Если, конечно, он здесь был не для того, чтобы послушать ответы двух разведчиков и вынести окончательный приговор об их психологической готовности. Но не заметив никаких признаков веселья и радости, смотрящий стал сомневаться в том, что это была шутка. Судя по всему он очень ошибался в своих догадках. Уши у всех присутствующих либо лежали на спине, либо были подняты вверх и напряжены. Он также почувствовал некоторую обеспокоенность Уносящего-ношу-Вдаль, когда тот обернулся к не-

му. Неужели что-то случилось? Вся уверенность, с которой он вошел в комнату, мгновенно куда-то исчезла, вместо нее в голову полезли разные мысли. Они были настолько чудовищны, что он, не представив себя должным образом, тут же выпалил:

— Боевые станции? Я думал это шутка.

И только из-за серьезности создавшегося положения Поднимающийся-с-Приветствием не обратил внимания на грубое нарушение разведчиком правил этикета.

— Нет, это не шутка.

Смотрящий-на-Карты услышал как за его спиной плотно закрыли дверь. А ведь он не заметил охрану. Вооруженная охрана. За всю свою жизнь он не видел вооруженной охраны на борту «Последователя». Невольно возник вопрос, а зачем вообще была выставлена охрана, то ли чтобы не заходили посторонние, то ли, наоборот, не выпускать присутствующих.

— Но ведь потом был отбой тревоги,— неубедительно пробормотал Смотрящий.— И вообще тревога была учебная,— он нервно крутил большую серьгу в левом ухе:

Глава Комитета удивленно пошевелил ушами.

— Сначала мы действовали ошибочно. Точнее, мы действовали как и следует действовать в подобных ситуациях. Но это было нашей ошибкой, а ее можно было избежать. Мы приняли поспешное решение, но потом по совету Скрывающего-свои-Чувства нам пришлось от него отказаться, чтобы избежать паники на корабле, так как большинство колонистов не имеют к случившемуся никакого отношения. Мы должны преподносить информацию последовательно. Ведь как говорит наша древняя поговорка: «Чтобы дерево Пароким выросло сильным, надо заботиться о его семенах».

— Но при чем тут «боевые станции»? Это ведь только ради сохранения традиций, правда?

— Некоторые традиции могут стать реальной жизнью,— все обернулись на голос Плывущей-через-Поток.

Смотрящий, обессилив, рухнул в кресло.

— Все же я не понимаю.

— Я присутствовал в лаборатории в тот момент, когда

подтвердились наши предположения,— раздался рядом с ним голос Уносящего-ношу-Вдаль. Его напряжение ничуть не уменьшилось с того момента, как Смотрящий вошел в зал.

— Мы очень долго не заходили в нормальный космос и я решил проверить расчеты. Когда я вошел в лабораторию, предварительные исследования проходили строго в соответствии с планом. Но у меня еще тогда возник вопрос, который я не успел задать, так как ситуация стала очевидной для всех.

— Какая ситуация? — раздраженно спросил Смотрящий-на-Карты, так ничего и не поняв.

— Можешь представить себе реакцию исследовательского отдела,— с иронией в голосе продолжал Уносящий.— Ведь как и все остальные они с воодушевлением выполняли поставленные перед ними задачи, задачи, которые были целью всей нашей жизни. Вместо этого они получили совершенно неожиданные результаты и были вынуждены заняться совершенно новым для них видом работы.

— Что же неожиданное они обнаружили? — спросил Смотрящий, теряя терпение.

Уши Уносящего полностью наклонились назад и остались параллельны полу.

— Сначала никто этому не поверил, но все оказалось верным. «Последователь» вышел на орбиту Ширазы. Это подтвердило излучение с ее поверхности, распространяющееся в основном в виде примитивных радиоволн. Излучение слишком интенсивное, чтобы быть природным явлением.

— Когда мы вступим в ночное полушарие, Вы сможете сами все увидеть,— взволнованно добавил Встающий-с-Приветствием.

Смотрящий-на-Карты был в недоумении.

— Увидеть что?

— Огни. Огни населенных центров.

— Искусственное освещение,— уши Уносящего запрыгали.— Мы видели это и вынуждены признать очевидное.

— Может быть это Квози? Может какой-то другой корабль поселенцев сбился с курса и сел на эту планету?

Из дальнего угла послышался голос старшего Навигатора:

— Корабли с поселенцами не сбиваются с курса. Кроме того, мы ведем радиоприем, но не смогли понять ни одной передачи. Там внизу, на Ширазе, очевидно, существует множество языков, и ни один из них не похож на наш.

«Кроме того есть другая причина», — пробормотал он себе под нос.

Смотрящий-на-Карты одновременно чувствовал тревогу и радость. Другой разум! Все учебники настаивали на том, что Квози — единственные разумные существа во Вселенной. И так будет всегда. И поэтому перед ними была поставлена задача наполнить жизнью все пригодные для этого планеты. Вот цель Квози.

А сейчас оказалось, если, конечно, правильно расшифровали данные, что они не одни. У них есть друзья. А может соперники? Вопросы один за другим вспыхивали у него в мозгу. Но он задал Капитану самый главный вопрос:

— Какие они?

— Пока мы не знаем, — мягко ответила Плывущая-через-Поток. — Их многочисленные радиопередачи мы можем пока лишь только слышать. Но уже ясно, что они не могут быть похожими на нас.

— Откуда это известно? — снова спросил Смотрящий.

Глава Комитета смерил его взглядом.

— Потому что они воюют...

Все четырнадцать пальцев Капитана напряженно переплелись между собой.

Смотрящий-на-Карты старательно пытался понять услышанное. По ходу у него возникло множество вопросов, но задать их он все же не решился. Сейчас он хорошо понимал, кто он и где находится.

— Я приношу тысячи извинений за свое невежество, но почему вы так думаете? Ведь вы еще не видели ни одного из них.

Уносящий терпеливо пояснил ему:

— Конечно, наши приборы недостаточно сильны, чтобы различить отдельное существо на поверхности, но они смогли определить существование и передвижение большого числа технических средств и целых групп живых существ. Смогли уловить также частые, но несильные взрывы, целые колонны металлическихдвигающихся средств,

атакующих друг друга, и, по крайней мере, два населенных центра, которые постоянно бомбят И всю эту информацию мы почерпнули за время предварительных наблюдений.

— Теперь Вы все знаете и понимаете,— заговорила Плывающая-через-Поток,— почему это должно быть сохранено в тайне от большинства наших колонистов. А мы с вами будем собираться здесь, в этой охраняемой комнате, два раза в день, в определенное время, чтобы обсудить все поступающие данные. Мы не будем использовать для связи обычные каналы, чтобы не произошло утечки информации.

Все остальные, не имеющие отношения к подготовке посадки на Шираз, не должны ничего знать о возникших проблемах. Для них наши дела идут успешно. Я думаю мне не нужно говорить, каким суровым будет наказание для того, кто не сумеет сохранить нашу тайну. У меня все. Жду ваших соображений,— она закончила речь, указав точное время их следующей встречи.

Как и все остальные члены команды, Смотрящий-на-Карты был вынужден оставить на время свои мечты. Весь персонал, занятый предварительными исследованиями, пытался получить дополнительные подробности о ставшем вдруг опасном мире Шираз. Часть информации была обнадеживающей, другая — наоборот.

Основной задачей Капитана стала безопасность самого «Последователя», поскольку не было никакой гарантии, что воюющие жители их нового дома не повернут свое оружие против миролюбивых пришельцев. Но этот страх быстро рассеялся, так как вскоре стало ясно, что у коренного населения отсутствовали технические средства, способные покидать низкие слои атмосферы. Их летательные аппараты передвигались очень медленно и на малых высотах.

Также не наблюдалось никаких приборов обнаружения, действующих на больших расстояниях. Таким образом, находясь на орбите, «Последователь» был в полной безопасности и недосыгаем с поверхности. Обнаружить его можно было разве что с помощью примитивных визуальных аппаратов. После небольшой дискуссии было решено, что жители планеты навряд ли обладали оптической аппаратурой, способной идентифицировать такой маленький

объект, как «Последователь». Но даже если они и обладали такой техникой, то вряд ли они стали бы именно сейчас изучать космическое пространство в каких-либо астрологических целях. Они были слишком заняты, убивая друг друга.

Было видно, что хотя конфликт и носит всеобщий характер, тем не менее наиболее выражен он был лишь в некоторых районах: в основном на одной части самого большого океана и на двух больших земельных массивах. Именно на этих участках и сосредоточила все свое внимание группа исследователей.

Им придется спуститься вниз. Смотрящий-на-Карты понимал это также хорошо как и Капитан, и любой другой колонист. «Последователь» не был предназначен для постоянной жизни, он был лишь связующим звеном между их прошлым домом и будущим. Они не могли вернуться на Квозинию или полететь еще куда-нибудь. Шираз была их новым домом, невзирая на то, заселена она или нет, сотрясают ли ее взрывы или там царит мир и спокойствие. А им придется попросту приспособливаться.

Также не имело смысла ждать того, что произойдет там внизу. Если провести аналогию с древней Квозинией, то тогда население Ширазы возможно уже воюет многие тысячелетия, и конца этой войны можно и не дожидаться. По-видимому, наспех объединившимся местным группировкам и в голову не приходило, что конфликт может быть погашен уже в самом начале. У них, наверное, не было такого исторического прецедента, на базе которого можно было бы создать такую важную для обеспечения мира модель.

Плывущую-через-Поток и Командование больше волновало то, что в условиях войны технический прогресс воюющих сторон мог резко шагнуть вперед. Так случилось на Квозинии. Если развитие наций пойдет по такому же пути, то в любой момент аборигены смогут открыть более эффективное оружие, способное поражать цель далеко за пределами атмосферы, и тогда для «Последователя» возникнет реальная угроза. Будет намного разумнее построить на Ширазе Первую Нору и жить в относительной безопасности, чем ждать на орбите конца местных событий.

Этим объяснялись первоначальные действия Командования. И решение об использовании боевых станций не было шуткой. Его отменили лишь тогда, когда исследовательские команды пришли к выводу, об ограниченности технических возможностей ширазян. Но так будет не всегда. Прогресс остановить невозможно. Поэтому как можно скорее нужно принять окончательное решение.

Преодолеть такое расстояние, чтобы в последний момент все рухнуло. Это было невыносимо. Смотрящий-на-Карты не мог скрыть своего огорчения. Это заметили его друзья и ему пришлось прибегнуть к помощи терапии и дополнительной медитации. Он был не одинок в своих чувствах. К счастью, члены рабочей группы были либо полностью изолированы от основной массы населения корабля, либо наоборот, находились в самом тесном контакте с остальными Квози. Поэтому ни у кого не возникло ни малейшего подозрения, и секретность была обеспечена. Большинство колонистов занимались своей обычной работой по подготовке к посадке, совершенно не подозревая о случившемся. А главное, на корабле удалось избежать паники.

Но чем дольше откладывался день посадки, чем дольше «Последователь» оставался на орбите, тем труднее становилось скрывать правду о том, что их новый дом был уже кем-то заселен.

III

— Нам ничего не остается делать, как попытаться убедить этих воинственно настроенных аборигенов поделиться с нами своим домом,— все со вниманием слушали Скрывающего-свои-Чувства. Главный философ корабля выступал нечасто, но когда он это делал на него попросту не обращали внимания. Но сегодня все было по-другому.

— Несмотря на преобладание воды, на планете много незаселенной суши, которую местные жители либо не хотят, либо просто не могут использовать в своих целях. Квози могут поселиться где угодно. Огромные территории

лишены всяких признаков сельского хозяйства или урбанизации.

Однако, не следует исключать и ту возможность, что эта цивилизация находится в первоначальной стадии своего развития и поэтому их численность пока невелика. Но независимо от причин, там достаточно места для поселения.

— В чем мы больше всего нуждаемся сейчас,— раздался голос Плывущей-через-Поток,— так это в знаниях не о самой Ширазе, а о ее населении. Мы пришли к выводу, что по своему умственному развитию они далеки от нас. Но Квози когда-то давно воевали точно также, как и они сейчас. А не могут ли они быть похожими на нас физически? Биологи сказали мне, что разум не развивается повторно в одинаковой физической форме. Но тем не менее, даже если мы и окажемся похожи друг на друга, это вовсе не означает, что они нас примут с распростертыми объятиями. Мы для них все равно будем чужестранцами.

— Это все гипотезы. А возможно, они встретят нас именно с распростертыми объятиями, а их самки доверяя нам, не будут защищать свои сумки с младенцами,— проворчал Встающий-с-Приветствием. Глава Комитета был далеко не оптимист.

— В этом-то и заключается вся наша проблема,— Капитан повела одним ухом в знак понимания позиции Главы Комитета.— Но мы не можем позволить себе предпринять какие-то шаги, основываясь на одних домыслах. Вся информация, которую мы имеем, поступает к нам с весьма отдаленной территории, благодаря экстра-атмосферным исследованиям. Нам не нужны более точные знания.

Смотрящий-на-Карты почувствовал, как его захлестнула волна возбуждения, но, конечно же, не показал виду. Его статус и авторитет не позволяли ему это сделать.

— Существует также ряд этических проблем,— снова вступил в разговор Скрывающий-свои-Чувства.— Наши технологии намного опережают технологии аборигенов, но у нас на борту лишь несколько малых боевых орудий. И мы просто не сможем потеснить разумных жителей с лучших территорий, да мы и не стали бы этого делать. Поскольку мы не можем с ними бороться, у нас остается только два

варианта: мы будем либо сотрудничать с ними, либо будем пытаться избежать любого контакта. В данный момент, я полагаю, лучше избрать второй вариант. Мне очень жаль, но так будет лучше.

«Вот чем мы отличаемся от древних Квози», — подумал Смотрящий-на-Карты. Те действовали бы иначе. Они бы совершили посадку, вырезали все местное население, захватили бы их территории и продовольственные запасы. Цивилизация навсегда с этим покончила. Теперь Квози жили по-другому. Они не могли позволить себе поступать таким образом, но при этом они все равно оставались Квози. А это означало, что им должна сопутствовать удача.

Смотрящий продолжал изучать изображения новой планеты до тех пор, пока перед глазами не возникла пелена и не отяжелели веки. Так много свободной земли. Они могут спрятаться и начать строительство колонии тайно. Возможно, воюющие существа сами уничтожат друг друга. И это сразу решит все проблемы.

Хотя, было бы здорово подружиться с ними. Прекрасно сознавать, что такая ответственная ноша, каковой является сохранение разума во Вселенной, теперь лежит не только на плечах Квози. Прекрасно иметь свою компанию, но, конечно, дружескую, а не враждебно настроенную.

Но как они, продолжая воевать, смогли достичь такого уровня механической технологии? Этот вопрос не давал покоя членам исследовательской команды. Как можно разумным существам сначала успешно сотрудничать, а затем тут же начинать друг против друга боевые действия? Широким оказалась местом, где реальность превратилась в нечто противоположное, в какой-то абсурд.

— Мы должны сделать посадку, — настаивал Встающий-с-Приветствием. — Мы не можем больше оставаться на орбите, и выглядывать наружу, как младенцы из сумки своей матери.

С каждым днем колонисты проявляют все большее беспокойство и нам все труднее сохранять секретность и безопасность. Мы так и не узнаем, какие шаги нам предпринять, до тех пор, пока не осуществим посадку и не увидим все своими глазами, простите мне мою резкость, — его глаза скосились в сторону Смотрящего-на-Карты. —

Наш хорошо обученный и подготовленный персонал потеряет свою форму, если мы будем сидеть и ждать. Квози потеряют свои навыки из-за бездействия. Сейчас не время дискутировать. Нужно решительно действовать.

Прямота Главы Комитета была слишком резкой, но одновременно она придавала всем силы и уверенность. Соблюдая субординацию, оба разведчика не издали ни звука. Но внутренне они ликовали и подбадривали своего руководителя.

— Вспомните Мазну,— призвал Скрывающий-свои-Чувства, сделав знак ушами.— Она была населена враждебными и опасными неразумными существами. Я согласен с предыдущим оратором: мы должны послать наших сотрудников вниз, но сделать это необходимо очень осторожно.

От радости Смотрящего охватило желание выбить все зубы философу, подвесить его за уши, раздробить его конечности. Зов крови. Он отчаянно начал медитировать.

Все надеялись услышать программное выступление Плывущей-через-Поток, но она, поднявшись, произнесла только одну фразу:

— Я соберу Совет Семерых и мы постараемся найти выход из этой непростой ситуации.

Весь следующий день Смотрящий-на-Карты провел в ожидании решения. Статус разведчика был слишком низок, чтобы влиять на ход событий. Поэтому они с Уносящим-ношу-Вдаль просто сидели в креслах и ждали указаний. Только Капитан и Совет могли решить, продолжать ли им орбитальные исследования, или же начать исследования непосредственно на Ширазе. «Ждать трудно, но еще труднее,— успокаивал себя Смотрящий,— принимать решения, от которых зависит судьба всей колонии».

В этот момент из зала заседаний вышел Встающий-с-Приветствием.

— Извините меня за нескромность,— залепетал разведчик,— я знаю, что это не мое дело, но ничего не могу с собой поделать. Не могли бы Вы подсказать, Ваша Светлость, какое решение намерен принять Совет?

Встающий-с-Приветствием едва глянул на него. И это

очень расстроило Смотрящего, который боялся, что Глава Комитета вообще ему не ответит.

Однако, тот стал медленно говорить, как будто сам с собой:

— На огромных просторах Ширазы мы можем создать Первую Нору в полной тайне от коренного населения. Не все в этом убеждены, но большинство согласно, что мы не можем задерживаться здесь слишком долго. Вы не единственный, кто с нетерпением ждет того момента, когда наконец-то мы сможем стать ногами на твердую почву и вдохнуть свежий воздух вместо циркулирующей атмосферы.

Заселив Первую Нору, мы сможем спокойно изучать нравы местного населения, наблюдая за ними вплотную. Это решение оправдывается и тем, что у нас нет другого выхода, — коренастый Глава поправил шарф на бедре.

Смотрящий-на-Карты выждал и спросил:

— Мы будем использовать силу? — И в знак уважения он тоже поправил шарф на своей ноге.

— Нет. Мы не можем этого сделать. Если контакт станет неизбежен, мы все равно должны будем отказаться от насилия, независимо от последствий. Иначе произойдет самое страшное — будет нанесен сильнейший удар психике Квози. Имейте это ввиду, когда спуститесь вниз.

Смотрящий-на-Карты забыл обо всем на свете.

— Вниз? Это уже решено?

Глава посмотрел на закрытую дверь.

— Еще нет, но скоро это произойдет. Они придут именно к такому решению. Я в этом абсолютно уверен. Выбора нет.

Сердце Смотрящего-на-Карты учащенно забилося, но он постарался скрыть свои эмоции от Наставника, чтобы не оказаться невежливым.

— Когда?

— Возможно, уже завтра. Один корабль. Вы, Уносящий-ношу-Вдаль, а про остальных еще будет решаться. Пошлем полный экипаж.

«Разумно», — подумал Смотрящий. Сначала один корабль на случай непредвиденных осложнений. Проведение непосредственных исследований внизу займет много вре-

мени, но только в этом случае появится уверенность. Уверенность у тех, кто пока останется на «Последователе». Но не у тех, кто первым спустится вниз. «Что ж, нужно будет одеться в самый лучший наряд», — сказал себе Смотрящий.

Глава Комитета посмотрел на свой хронометр.

— Кого бы вы взяли с собой? — неожиданно спросил он.

Рой мыслей пронесся в голове Смотрящего.

— В вопросах моделирования прекрасно разбирается Летаящая-на-Хвосте. У нее быстрая реакция.

— А что касается команды ученых?

Смотрящий почтительно потупил глаза и опустил уши.

— Я не уверен, что в моей компетенции выбирать экспертов.

— Не скромничайте. Вы все прекрасно знаете друг друга. Смелее, я прошу у вас совета.

— Если вы интересуетесь моим мнением, то я бы взял Вздыхающую-с-Горечью в качестве метеоролога и Гуляющего-в-Молчании геологом. Прошу прощения за мой выбор.

— Вам также нужен ксенолог.

Смотрящий-на-Карты задумался. В этой ситуации ксенолог обязан быть женской особи, поскольку экипаж должен состоять из равного количества самцов и самок. Долго думать ему не пришлось.

— Стоящая-на-Заседаниях.

Встающий-с-Приветствием не смог скрыть своего удивления:

— Ведь она пятого поколения. Я ценю вашу почтительность, но хотел бы услышать дополнительные объяснения.

— Да, я знаю. Но она все еще активна в сексуальном плане. К тому же группе ученых будет нужен внутренний руководитель. И именно она сможет возглавить их.

— Некоторые говорят, что на самом деле она четвертого, а не пятого поколения.

— Не имеет значения. Я встречался с ней несколько раз и буду непротив иметь с ней более тесную связь. Она несомненно будет авторитетом для остальных членов экипажа, особенно если случится непредвиденное и мы столкнемся с аборигенами. Мне бы хотелось, чтобы с нами были ее знания и опыт.

— Как хотите. Я хвалю ваш выбор, но еще раз контролируйте, чтобы перед отлетом все приняли нужную дозу препаратов, подавляющих сексуальное влечение.

Смотрящий-на-Карты с готовностью согласился.

— Совершенно верно. Если все пойдет хорошо, мы сможем наверстать упущенное позднее. Находясь на Ширазе, мы не должны отвлекаться по таким пустякам.

— Да, вы правы,— согласился Глава Комитета по Приземлению.— Я также не могу не согласиться с вашими кандидатурами. И я уверен, Капитан также одобрит Ваш выбор.

«Все идет довольно гладко»,— подумал Смотрящий. Несмотря на волнения и беспокойства, разведчики совершат посадку, выберут место для строительства Норы, а затем они помогут произвести посадку «Последователя». При этом они должны избегать каких бы то ни было контактов с враждующими жителями Ширазы. Слава без боевых конфликтов. Их имена навсегда войдут в тексты по истории.

Он был очень оптимистично настроен. Ему просто необходимо было быть оптимистом. Как и всем остальным, так как лететь им больше некуда.

Встающий-с-Приветствием хотел было уйти, но разведчик задержал его последним вопросом:

— Вы уверены, что аборигены не имеют средств обнаружения «Последователя» на орбите?

— Группа, анализирующая излучение с поверхности, не может быть ни в чем абсолютно уверена. Все очень относительно. И мы вынуждены довольствоваться этим — еще одна причина для скорейшего выбора площадки под Нору,— он немного поколебался и на секунду из Главы Комитета превратился в близкого друга.— Но это не значит, что мы толкаем вас на риск. Вы с Уносящим-ношу-Вдаль — два наших лучших разведчика. Для корабля будет катастрофой, если с вами что-то случится. А меня это просто убьет,— он повернулся и быстро зашагал, прежде чем Смотрящий смог что-то ответить.

Разговор с Главой Комитета наполнил теплом душу Смотрящего, и он долго вспоминал учителя пока бродил в поисках коллеги. Им было о чем поговорить до отлета.

— Кто бы мог это ожидать? Или представить? — Уносящий-ношу-Вдаль потягивал через соломинку какой-то напиток, лежа на софе. В когнате для отдыха кроме них, никого не было. Все остальные находились на посту. А их работа начнется завтра.

— Как ты думаешь, какие они?

— Это не наше дело. Мы должны обеспечить быстрое приземление и защитить команду ученых.

— Я знаю, чем мы должны заниматься, — Уносящий устало уставился в потолок. Содержимое сосуда взволновало его. — У них, должно быть, холодная кровь и оголенные скелеты.

— Если верить данным техников, изучавшим коренное население, то нет. Напротив, они говорят, что те очень похожи на нас.

— Верить этим самцам? — Уносящий насмешливо хмыкнул. — Я бы не слишком доверял тому бреду, что они несут. Если бы их репортажи содержали снимки аборигенов!

— К сожалению технология еще не достигла такого высокого уровня, а мы не можем ждать, пока они добудут для нас такие изображения. Мы быстренько должны спуститься вниз. Хотя даже не знаем наверняка, какой там климат.

— Я вижу, ты тоже не слишком веришь этим длинным и утомительным отчетам. Я так и думал, — казалось, Уносящий был доволен. — Что касается меня, я не верю ни одному слову, пока сам лично не сделаю первый вдох на Ширазе.

— Но погода, собственно и не будет играть особой роли, если мы будем жить под землей, — пробормотал Смотрящий.

— Самое главное это то, что судя по всему население Ширазы очень малочисленно. Поэтому, я думаю, нам удастся найти подходящее укромное местечко без особого труда.

— Столько воды, — произнес Уносящий-ношу-Вдаль, разглядывая пузырьки в своем сосуде. — Если бы мы были речными обитателями...

Хорошо, что в этот момент его никто не слышал, а то

слова Уносящего посчитали бы ужасной бестактностью. Но в комнате, кроме них двоих, никого не было.

— Интересно, как долго мы сможем избегать контактов,— размышлял вслух Смотрящий.

— Если они примитивны до такой степени, что воюют друг с другом, то я думаю Совет попытается избегать встречи с аборигенами как можно дольше. Не беспокойся, мой друг. Нам будет что посмотреть. И впечатлений будет предостаточно. Перед нами лежит целый мир, а флора и фауна сами по себе не бывают враждебными. Если, конечно, цивилизация этих аборигенов не нарушила экологического равновесия на планете.

— Это как раз вовсе не обязательно. Никто не знает, на что способны разумные существа, что они думают, и как действуют. А ты рассуждаешь с позиций Квози. Процессы мышления ширазян могут быть абсолютно отличными от наших. Они бы уже давно истребили друг друга, не будь логики в их действиях.

Уснуть Смотрящему удалось лишь с помощью сильных медитативных пленок. Важность предстоящего, ответственность перед всеми за свои действия стали постепенно проникать в его сердце.

А утром им, шестерым членам первого исследовательского экипажа, была показана посадочная площадка на Ширазе. Она располагалась на востоке гористой местности, где не велись боевые действия, у самого подножия гор. Территория была почти не заселена, а многочисленные горы помогут им в полной тайне произвести посадку. Ближайшие населенные пункты находились достаточно далеко от этого места.

Вздыхающая-с-Горечью поинтересовалась как будет действовать Командование, если разведчиков все же обнаружат боевые летательные аппараты аборигенов. Встающий-с-Приветствием ответил, что судя по полученным данным, даже самые лучшие самолеты ширазян не обладают необходимыми приборами для поиска мелких объектов на поверхности планеты, поэтому беспокоиться не о чем. Что касается самой посадочной площадки, то у Комитета по Приземлению просто не было времени, чтобы найти более удачное место.

Исследовательский корабль был небольших размеров и довольно узкий. Два ряда подвижных крыльев располагались над корпусом и предназначались для экстра-атмосферных полетов. Летающая-на-Хвосте была уже в пусковом отсеке, когда туда пришли остальные. Она все утро провела с механиками, расспрашивая у них все до мельчайших подробностей о строении корабля, наблюдая за подготовкой к работе дублирующих систем. В конечном счете именно от нее будет зависеть, как пройдет посадка.

Все члены экипажа одели свои лучшие наряды вместо простых, но не очень удобных рабочих комбинезонов. Ничего лишнего. Зато им было разрешено надеть полный комплект украшений. Смотрящий-на-Карты проверил свои многочисленные серьги. Так что им не придется выполнять такую ответственную работу в затрапезном виде. Одежда позволяла чувствовать себя уверенно. К тому же он не до конца доверял утверждениям исследовательского отдела о теплом климате на Ширазе.

Приборы дальнего слежения установили, что самолеты ширазян всегда пролетали мимо выбранной посадочной площадки, не обращая на нее никакого внимания. Это немного успокаивало, хотя не очень.

Уносящий-ношу-Вдаль заметно нервничал, что было странно после всех его бравад. Смотрящему было интересно узнать отношение к его другу Главы Комитета и остальных старейшин. Однако те хранили молчание. Собранная воедино команда шестерых включила лучших представителей «Последователя». И сейчас было не время отказывать друг другу в доверии.

Смотрящий внимательно оглядел своих коллег — участников исторического путешествия. Вдыхающая-с-Горечью имела слабость к различного рода стрижкам и всегда старалась выглядеть как можно лучше. Она заметила его взгляд, но никак не отреагировала: верный признак действия гормональных блокирующих препаратов.

Стоящая-на-Заседаниях, расположившись отдельно от всех, сохраняла молчание. От нее исходило спокойствие и уверенность, как и подобало старшему члену команды приземления. Единственным среди них, кому никак не удалось скрыть нервозность был Гуляющий-в-Молчании.

Геолог отличался своей возбудимостью. Смотрящий отметил про себя, что Гуляющего всегда назначали помощником, так как излишняя впечатлительность геолога могла заметно осложнить любую чрезвычайную ситуацию, даже во время учебной тревоги.

«Но у нас чрезвычайных ситуаций быть не должно», — настраивал он себя. Первое приземление на Шираз скорее всего окажется утомительным, но полностью спланированным и безо всяких осложнений.

Перед отлетом Смотрящий обмолвился с Гуляющим несколькими словами.

— Я прекрасно себя чувствую, — заверил его геолог. — Нет, Вы только подумайте, на пороге каких грандиозных событий мы сейчас находимся. Я стану первым геологом, ступившим в новый мир, мир, который никогда раньше не видел Квози. Это же здорово!

Смотрящий-на-Карты старался казаться равнодушным:

— Почему? Разве горы не везде одинаковы?

— Нет, — воодушевленно ответил Гуляющий и его глаза устремились в сторону трапа, ведущего на корабль. — У нас не осталось времени на разговоры. А сейчас за дело.

— Да, вперед! — Торжественно произнес Смотрящий. — Не беспокойся. Все будет нормально.

— Я это знаю, — ответил ему геолог, направляясь к кораблю. — Но все же было бы намного лучше, если бы планета не была заселена. Нет, вернее не так. Если бы они были цивилизованными.

— Может так и окажется.

— Я сомневаюсь, — Гуляющий-в-Молчании стал подниматься по трапу, неуклюже шлепая по пластиковым ступенькам.

Формальная церемония прощания была короткой и трогательной. Плывущая-через-Поток не смогла на ней присутствовать. В тот момент она была в командном центре, еще раз все проверяя перед стартом.

Поскольку не было полной уверенности в том имеют ли аборигены на Ширазе радиоперехватывающие устройства или нет, Совет решил сократить до минимума контакт между «Последователем» и исследовательским кораблем. Выходить на связь разрешалось только в экстремальной

ситуации. А все разговоры решено было отложить до их возвращения, когда времени для бесед будет предостаточно.

Мысленно Смотрящий-на-Карты уже тысячи раз видел, как они приземляются на самые разные планеты. Но в жизни оказалось все по-другому. Он слышал голос Летающей-на-Хвосте, видел, как ее пальцы осторожно касаются приборов управления, но все же это было как-то не так, по-другому. А все потому, что это была реальность, а у нее, видно, свой привкус.

Затем был полет. Они летели навстречу бело-голубому шару, чувствуя при этом искусственное притяжение «Последователя».

Справа от Смотрящего молча сидел Уносящий-ношу-Вдаль. Он весь ушел в себя.

Оба разведчика были первоклассными пилотами, но это была не их специальность. Никто не посадил бы корабль лучше, чем Летающая-на-Хвосте. Они еще раз восхитились ее мастерством, когда корабль вошел в верхние слои атмосферы.

Трое ученых находились в задней части корабля в отдельных лабораториях. Там они следили за спуском корабля, глядя на мониторы. Смотрящему стало их жаль. Ведь там они не смогут видеть то, что видно отсюда, из переднего отсека.

Шираз стремительно надвигалась на них. Их новый дом был похож на драгоценный камень, качающийся на молочных волнах, на заполненную водой и сушей родительскую сумку. А «Последователь», единственный дом, который они до сих пор знали, превратился вдруг в обыкновенную схему на экране монитора.

Смотрящий глубоко вздохнул. Дети Квози покидали Сумку. А как повезло планете Шираз, что они выбрали именно ее.

Корабль швыряло в разные стороны, когда они летели сквозь плотные слои атмосферы. Четыре крыла выравнивали направление полета, а тормозной двигатель постепенно снижал скорость корабля. Если бы кто-то на Ширазе увидел их стремительный спуск, решил бы, наверное, что падает метеорит.

Сейчас они уже видели поверхность. Наскоро установленные приборы для предупреждения об обнаружении их местными радиолокационными установками, молчали. Никто на Ширазе и не подозревал об их приближении.

Внезапно Смотрящий почувствовал, как от напряжения заныло все тело. Он так яростно следил за полетом, что заболели мускулы. Он прочитал расслабляющие упражнения и весь сосредоточился на точных и уверенных действиях Летающей-на-Хвосте, которая вела корабль на посадку. Благодаря блокирующим препаратам он мог спокойно смотреть на мягкие изгибы ее плеч, шеи, ушей. Его взгляд задержался на причудливом узоре, выстриженном на ее левом плече, выглядывающем из-под выреза ее делового костюма.

Они стремительно мчались вниз, навстречу белым шапкам гор и огромному зеленому лесу. Сердце Квози прыгало от радости. Настоящие деревья! С могучими стволами. Смотрящий старался схватить все детали открывающегося вида.

Вдруг он снова ощутил притяжение, которое было несколько меньше, чем на «Последователе» и Квозинии. Разница была несущественной, но тем не менее она чувствовалась.

И вот они внизу. Послышался глухой удар о поверхность. Это Летающая-на-Хвосте посадила корабль на небольшую открытую площадку рядом с деревьями.

Деревья были высокие, ровные и почти одного вида. Но на этом их сходство с деревьями Квозинии кончалось. Вместо листьев на этих деревьях было нечто вроде зеленого меха. До них было довольно далеко, однако Смотрящему стало ясно, что ни в одном из учебников ни о чем подобном не упоминалось. Они так же не были похожи на деревья, открытые на трех уже заселенных Квози планетах. И все же это были деревья, какими бы странными они ни казались.

Уносящий-ношу-Вдаль наконец смог сосредоточиться на своей работе.

— Мы не можем здесь оставаться. Местность слишком открытая, — он наклонил вперед ухо. — Вон там есть место довольно большое, чтобы вместить наш корабль.

Летающая-на-Хвосте согласилась с ним и маленький корабль при помощи пропеллеров поднялся в воздух и понес их ближе к зеленой стене. За ним поднялись клубы пыли.

Разведчики пересекли небольшой луг, водоем и какие-то зеленые растения, которые колыхались под воздействием пропеллеров. Затем они лихо пронеслись над водным потоком, впадающим в озеро. На дальнем берегу озера была ровная открытая площадка, окруженная со всех сторон поваленными, видимо во время наводнений, деревьями. Летающей-на-Хвосте удалось спрятать корабль под одно из таких огромных деревьев. Корабль несильно ударился о ветки, и тут же были выключены моторы. Они сели на землю под зеленый навес.

Самым трудным сейчас для Смотрящего-на-Карты было сдержать свои эмоции и дожидаться результатов предварительной проверки. Необходимо провести все обязательные измерения и дать им оценку. Казалось, что прошла целая вечность, прежде чем долгожданные данные высветились на экране.

Все было в пределах нормы: воздух, температура. Им не придется одевать огромные громоздкие защитные комбинезоны. Летающая-на-Хвосте долго смотрела на озеро, пытаясь представить, каков же вкус воды Ширазы, и какие микроорганизмы она содержит.

Но тут Смотрящего постигло большое разочарование. Как и было решено, он и Уносящий-ношу-Вдаль бросили жребий, чтобы узнать кому из них выпадет честь первому ступить на поверхность Ширазы, и Смотрящий проиграл. Он всячески пытался скрыть свое огорчение поздравляя коллегу, который чувствовал себя неловко за свой выигрыш и даже пытался уступить Смотрящему, но тот, конечно, отказался. После этого радостный Уносящий приготовился открыть люк и первым выйти наружу.

Разведчики надели защитные рукава: необходимые меры предосторожности, предпринятые впервые на враждебной Мазне. Но все страхи бесследно исчезли, когда они открыли люк и выдвинулся трап.

Воздух был чистый и теплый, полон незнакомых запахов живых существ. Квози остановились, чтобы вдохнуть

его как можно больше. Повсюду слышались негромкие звуки, совсем не похожие на шумы Квозинии. Эти звуки были намного мелодичнее. Из глубины высоких, зеленых растений, которые со всех сторон окаймляли озеро, доносилось неясное стрекотание. Смотрящий-на-Карты с интересом стал изучать водный поток прямо под трапом корабля.

— Вода. Свежая, не переработанная.

— Вода есть вода,— ответил Уносящий-ношу-Вдаль и бесцеремонно зашагал вниз по трапу, прямо в этот поток. Вода набралась в его сандалии и намочила мех.

— Холодная,— произнес он и наклонился, чтобы зачерпнуть воды и попробовать ее на вкус. Своим поступком он нарушил все правила безопасности, описанные в учебниках.

Смотрящий услышал как позади задохнулся от ужаса Гуляющий-в-Молчании, а Стоящая-на-Заседаниях тотчас толкнула нарушителя в спину:

— Не делай этого!

Разведчик стряхнул с пальцев капли воды и удивленно посмотрел на ксенолога.

— Как вкусно,— он повернулся и выскочил из воды.— Пошли.

Смотрящий-на-Карты заспешил вниз по трапу. Следом за ними шла Стоящая-на-Заседаниях. Летающая-на-Хвосте с завистью смотрела на них из своего кресла. Она не могла покинуть корабль до тех пор, пока разведчики не обследуют местность.

Вздыхающая-с-Горечью тоже осталась на борту, чтобы продолжить атмосферные исследования.

С Гуляющим-в-Молчании дело обстояло несколько иначе. Никто из разведчиков не нуждался в услугах геолога, пока они делали первоначальные наблюдения. Но поскольку видимой опасности не наблюдалось, они не могли настаивать на том, чтобы он оставался на борту. После некоторого инструктажа ему было разрешено сойти с корабля, но находиться он должен был в поле зрения пилота. Гуляющий неохотно согласился, но вскоре так увлекся собиранием образцов камней и почвы, что полностью забыл о недавнем споре.

Это позволило двум разведчикам и их старшему Ксено-

логу свободно побродить по лесу. «Чудесная природа,— подумал Смотрящий-на-Карты.— Лучшее, на что мы могли надеяться. И не удивительно, что здесь зародился разум». Повсюду высились странные пушистые деревья, от которых исходил резкий запах, незнакомый, но бодрящий.

Исследователям не понадобилось много времени, чтобы определить, кто же издавал те щелкающие звуки, которые они слышали, выходя из корабля. Их источником были маленькие крылатые существа, порхающие между деревьями. Звуки, издаваемые этими существами иногда походили на пронзительную речь Квози, но были лишены всякого смысла.

— Я не думаю, что такие маленькие и хрупкие существа могут нести в себе разум,— определил Уносящий-ношу-Вдаль. Его предположение подтвердилось, когда они увидели пару таких существ, копающихся в грязи.

Шираз была полна еще и странными ароматами. Ни флора, ни фауна, казалось, не скрывали своих запахов, как это было на Квозинии. Возможно здешние животные не питались запахами, а возможно срабатывал какой-то другой механизм. Именно эту загадку должны будут решить Стоящая-на-Заседаниях вместе со своей научной командой.

Смотрящий решил, что он будет просто наслаждаться. Он даже едва не забыл сделать запись своего появления, а ведь организм мог получить большую перегрузку, просто стоя на одном месте, вдыхая ароматы и прислушиваясь к звукам. Но им было нужно узнать как можно больше о Ширазе.

Поэтому Смотрящий-на-Карты выбрал это направление. К тому же ему показалось, будто он что-то увидел перед самой посадкой. Причина была, конечно, неубедительной и, возможно, Встающий-с-Приветствием не согласился бы с ним. Но сейчас у них не было связи с «Последователем» и они действовали так, как считали нужным. Кроме того предполагалось, что разведчик в случае необходимости был вправе проявить инициативу. Что, собственно, Смотрящий и делал.

Уносящий-ношу-Вдаль никак не отреагировал на указанное коллегой направление. Стоящая-на-Заседаниях

могла бы его поправить, но она промолчала, давая молодым разведчикам возможность самим решить этот вопрос. Вместо этого она занялась тщательным осмотром местности. «Милая старушка, — подумал Смотрящий-на-Карты. — Несмотря на свой возраст она работает без усталости, как молодой Квози».

Их костюмы содержали необходимые запасы на несколько дней, но Смотрящий не собирался покидать исследовательский корабль надолго. Они проведут предварительные обследования и тут же вернутся. К тому же он был уверен, что Летающая-на-Хвосте даже не успеет забеспокоиться, если они ненадолго выйдут из поля зрения. А пользоваться индивидуальными переносными коммуникаторами разрешалось только в чрезвычайных ситуациях.

Смотрящий не собирался во время своего первого визита заниматься лишь изучением деревьев и летающих существ. Они должны собрать как можно больше информации, а для этого не надо обращать внимания на излишне осторожные инструкции и предупреждения Командования. Ведь разведчики просто обязаны разузнать, с чем столкнулись Квози, и с чем они могут столкнуться, если ситуация выйдет из-под контроля. Смотрящий так долго этого ждал. Он чувствовал, что Уносящий-ношу-Вдаль всегда поддержит его в этом, когда возникнет такая необходимость. Если все пройдет гладко, то они отметят это событие танцами.

А между тем он наслаждался необычной природой, зная, что все решения будут приниматься только Стоящей-на-Заседаниях. В какой-то степени их с Уносящим задачей было сопровождать и защищать ее. Хотя, конечно, и их наблюдения могут иметь ценное значение для оставшихся на «Последователе».

— Посмотри, — Уносящий-ношу-Вдаль согнулся и поднял коричневый предмет величиной с кулак с острыми краями. Точно такие же штуковины висели на ветках ближайшего дерева.

— Что-то вроде шелухи от семян, — предположил Уносящий.

— А может взрывной радиуправляемый механизм, — сухо возразила Стоящая-на-Заседаниях.

Разведчик уже занес руку, чтобы выбросить эту штуку,

но в последний момент передумал, не зная, шутит ли его опытный коллега, или говорит всерьез. Как бы там ни было, предмет не взорвался в его руке и не выделил никакого токсичного сока. Уносящий осмотрел его со всех сторон, а затем привязал к одному из шарфов на левой ноге. При каждом шаге предмет подпрыгивал.

Не желая отставать в приобретении трофеев, Смотрящий-на-Карты сорвал красивые яркие цветы и приколот их к плечевому ремню на своем костюме. Теперь он мог чувствовать их запах, даже не поворачивая головы. Все на Ширазе казалось ему более насыщенным, чем на корабле: цвета, запахи, чистота воздуха. Новый мир блистал в своем великолепии. Специалистам по запахам понадобятся годы, чтобы только занести в каталог все разновидности местных запахов. А сколько других чудес находится впереди, вот за этим деревом или тем бугром?

Немного погодя они остановились перекусить. Все шло по намеченному плану. Они не встретили ни враждебной фауны, ни местных жителей, лишь красота в изобилии. «Прекрасное место для любви», — подумал Смотрящий. Но этого не случится. Долг выше любви. Поэтому для выполнения столь почетного и ответственного задания выбрали именно их с Уносящим. И они сделают все от них зависящее, чтобы с блеском завершить начатое дело.

Пробираясь по лесу, разведчики повидали много удивительной местной живности. Случайно подняв головы вверх, они заметили маленьких пушистых зверьков, которые жили высоко на деревьях, и время от времени издавали действующие на нервы звуки. Зверьки имели едва уловимое комичное сходство с крохотными Квози. Кроме того им повстречалось небольшое существо, бегающее по земле, чьи уши здорово походили на уши Квози. Хотя это существо не могло двигать и вертеть своими ушами даже так, как это умели маленькие квозинята. А ведь сложные движения ушами являлись основой общения между Квози.

Четвероногое существо заметно испугалось, когда они случайно наткнулись на него на небольшой поляне. Оба разведчика инстинктивно потянулись за оружием, но их остановила Стоящая-на-Заседаниях.

— Не торопитесь, постарайтесь применить свои зна-

ния,— прошептала она, после того как увидела незнакомца.— Совершенно очевидно, что это не плотоядное животное. У него полностью отсутствуют клыки. И когти.

Обаятельное коричневое существо еще немного поглазело на них, а потом пустилось бежать в ближайшие кусты.

— Смотри! Еще один! — Крикнул Уносящий жестикулируя при этом обоими ушами.

Этот был более мелкий и с пятнами, что породило спор между тремя путешественниками. Они не могли прийти к единому мнению о том, принадлежали ли оба к одному виду, или все же к разным.

Им так и не удалось найти истину, но вдруг лес кончился, и перед ними открылась просторная местность. Вся земля была изрезана вдоль неглубокими канавками. Видимо здесь поработали какие-то машины. Были и другие признаки более-менее разумной деятельности.

Стоящая-на-Заседаниях заколебалась:

— Нам лучше возвратиться назад в лес.

— Ерунда! — Смотрящий-на-Карты уверенно двинулся к забору, сделанному из деревянных столбов. Между столбами была натянута колючая проволока.

— В этом нет никакой опасности,— с этими словами он подцепил шип на проволоке.— Нет, вы только посмотрите, насколько примитивно. Куда проще перейти поле между столбами.

— А может каждый шип содержит особое отравляющее вещество,— задумчиво произнесла Стоящая-на-Заседаниях.

Уверенности Смотрящего как небывало, он с опаской посмотрел на палец. Шип не проник через мех в кожу. Смотрящий глубоко вздохнул, затем повернулся и жестом показал свое унижение.

— Вы правы. Я сделал глупость. Это недостойно тренированного разведчика.

— Никто из нас не застрахован от этого,— Стоящая подошла и изучающе посмотрела на забор.— Слишком много нового и неизвестного. И вообще, мы сначала делаем, а потом уж думаем.

Она подняла глаза и кивнула влево.

— Так как вы все равно настроены идти вперед, давайте пойдем туда.

Небольшой водный поток размыл в одном месте землю под забором так, что они смогли спокойно проползти под проволокой, не задевая ее. После этого они пересекли вспаханное поле. «Интересно, что здесь выращивают», — пробормотал Смотрящий-на-Карты.

Уносящий-ношу-Вдаль пнул ногой небольшой комок земли:

— Трудно сказать что-либо определенное. Почва очень твердая, практически не мульчирована.

Они продолжали подниматься вверх на холм, когда по сигналу Уносящего всем пришлось лечь на живот.

На фоне деревьев недалеко от них виднелось строение. Точнее, несколько строений. Самое большое имело полукруглую крышу. В стенах имелись проемы. Ближайшее здание имело тщательно продуманный дизайн. Исполнение тоже было на высоком уровне. Солнечный свет отражался от окон и ворот. Протопанная тропинка бежала от восточного крыла здания к большой дороге, идущей с юга на север и исчезающей за горизонтом. Однако никаких признаков движения не наблюдалось.

Чувствуя, как от волнения сердце колотится в груди, Смотрящий заставил прочитать несколько отрывков из Восьмой Книги Шамизин. Это успокоило его ровно настолько, чтобы суметь трезво оценить ситуацию. Было ясно, что перед ними жилье аборигенов.

«Что же делать?» — В душе Стоящей-на-Заседаниях шла борьба между врожденным консерватизмом и страстным желанием зайти внутрь здания. Если бы там был хоть кто-нибудь из местных жителей, такого вопроса не стояло бы. Надо любым способом избегать контактов. Но, дело в том, что сооружения были пусты.

Они долго наблюдали за обстановкой, но единственными живыми существами были четвероногие животные и какие-то летающие существа, которые, судя по всему, не являлись носителями разума.

— А может это брошенное здание, — с надеждой снова предположил Уносящий.

— Оно для этого слишком хорошо ухожено, — Стоящая немного спустилась с вершины холма и задумалась. — И все же, кажется, сейчас там никого нет. Мы вернемся

в лес и переночуем там,— решила она,— а утром придем обратно. Если и тогда здесь никого не будет, попытаемся осмотреть все поближе.

Желание у Смотрящего-на-Карты было одно — как можно скорее спуститься с холма к строениям, но он понимал, что без уважительной причины это сейчас сделать невозможно. Слово Стоящей-на-Заседаниях — закон. Она — старшая. А он вынужден подчиняться.

IV

Они провели бессонную ночь, но не потому, что им мешали незнакомые ночные звуки. Просто каждый думал о том, что же они увидят завтра. Уносящий был на ногах еще до восхода местного солнца. Он тут же разбудил всех остальных.

И Квози снова зашагали вверх по склону, чтобы снова ждать и наблюдать за домами. Оба разведчика из последних сил сдерживали нетерпение. В конце концов, Стоящая-на-Заседаниях вынуждена была признать, что место было пустынно. Было дано разрешение спуститься вниз и разведчики едва не пустились во всю прыть.

С более близкого расстояния строения не казались такими солидными, как с холма. Несмотря на то, что были построены из самого божественного материала — дерева. Фундамент составляли обтесанные камни.

Осторожно приближаясь к зданию, исследователи обратили внимание на нескольких небольшого размера существ с перьями, которые копались рядом с домом в пыли, не обращая никакого внимания на Стоящую-на-Заседаниях, даже когда та подошла вплотную. Поведение этих существ разительно отличалось от поведения лесных обитателей.

— Приручены,— прокомментировал Смотрящий-на-Карты,— но с какой целью? Может быть аборигены питаются ими?

— Во всяком случае, их используют явно не для охраны,— сказал Уносящий-ношу-Вдаль и лихо повертел левым ухом.

Никого не удивило, что дверь дома была заперта. Результаты тщательного осмотра показали, что единственным препятствием на их пути был маленький металлический замок. Но эта проблема была быстро решена. Первым шел Уносящий, замыкал цепочку Смотрящий, а посередине, охраняемая двумя разведчиками, оглядываясь по сторонам, ступала Старшая группы.

Когда они открыли дверь ими овладело чувство враждебности, но по мере продвижения внутрь дома, враждебность постепенно исчезала и вскоре вместо нее наступило расслабление. Дом был полон предметов и вещей, цель и назначение которых была просто очевидна. Мягкий полковик покрывал пол для того, чтобы было удобнее двигаться. Был ряд предметов специально для сидения. И хотя их пропорции не соответствовали размерам Квози, все же предметы можно было использовать для этих целей. «Аборигены, — подумал Смотрящий, — по-видимому, имеют очень короткие ноги, а ступней у них нет вообще».

Закончив первый поверхностный обзор всех комнат этого нехитрого жилища и получив удовлетворение от того, что в нем никого не оказалось, они начали более тщательный осмотр обнаруженных предметов. Маленькие устройства в стене зажигали свет в электрических лампочках. Другие лампы, более крупных размеров и совершенно другой конструкции, содержали какую-то весьма пахучую жидкость, которая, по мнению Стоящей-на-Заседаниях, зажигалась, чтобы получился дополнительный свет.

Место для приготовления пищи было оборудовано большим металлическим ящиком, где еда хранилась холодной. Уносящий-ношу-Вдаль загорелся желанием попробовать что-нибудь из пищи чужаков, но он тут же получил запрет от ксенолога. Одно дело любить приключения, совсем другое — поступать глупо.

— Пахнет очень аппетитно, — не унимался Уносящий.

— Это еще ничего не значит. Оно может содержать все виды смертельных бактерий, — заявила ему Стоящая-на-Заседаниях, однако все же дала свое согласие на пробу воды из маленького крана. Ведь Уносящий уже попробовал воду в лесу и пока не наблюдалось никаких признаков его увядания.

Они вернулись в большую комнату, и Смотрящий даже свистнул, когда увидел нечто, висевшее на стене. Его коллеги тут же устремились к нему. На стену было приколото плоское изображение аборигенов.

Техника, использованная для репродукции была очень примитивной. Изображение было двухмерным. Но тем не менее, этого было достаточно; чтобы дать им первое представление о жителях Ширазы.

— Они похожи на нас и не похожи,— Уносящий переводил взгляд с одного изображения на другое.— У них абсолютно нет меха. А может они выбривают его до самой кожи?

— Обратите внимание на одежду,— Смотрящий показал на ближайший портрет.— Вполне возможно, они выбривают только открытые места, а под одеждой мех не трогают.

— В данном случае я согласна с Уносящим,— задумчиво произнесла Стоящая.— Скорее всего им нужны дополнительные одежды, чтобы защитить свое голое тело от капризов погоды.

Она постучала пальцем по верху стеклянного портрета:

— И все же у них есть какая-никакая, а шерсть на голове. И очень длинная.

— А что, если это служит для сексуальной привлекательности? — предположил Смотрящий.

Лица аборигенов казались еще более чужими, чем их тела. У них было два глаза, но они были намного меньше, чем глаза Квози. Ноздри, вместо того, чтобы располагаться на самой поверхности лица, образовывали вытянутую костную структуру, и были одного цвета с кожей. И только рты были более или менее одинаковы, хотя у аборигенов они чуть шире. На некоторых репродукциях чужаки оголяли свои зубы и это было или абсолютно враждебной акцией или эти изображения имели устрашающее значение.

Что касается ушей, то вначале Смотрящему показалось, что они отсутствуют вообще. Однако, Стоящая определила, что крошечные сморщенные структуры, расположенные, кто бы мог подумать, на левой и правой сторонах черепа, и являются органами слуха. Смотрящий же расценил их просто как декоративные кожные образования. Ведь они

были слишком малы, чтобы служить для такой цели.

— Нет, не может быть,— засомневался Уносящий-ношу-Вдаль.— Как можно слышать такими ушами?

— Просто, вероятно, их слух и зрение не настолько остры, как у нас,— объяснила Стоящая-на-Заседаниях.

— Глухие и слепые. А еще может и немые,— уши Уносящего презрительно задрожали.

— Тогда они вовсе и не опасны. Посмотрите вот на этого. Показывает свои зубы. Но ведь они крошечные и совсем не страшные. Ими нельзя сильно покусать.

— Нельзя их недооценивать,— предупредила его Стоящая.— Они владеют чрезвычайно эффективным оружием.

Но Уносящий даже присвистнул от сознания собственного превосходства:

— Я даже не понимаю, как они могут этими зубами жевать пищу.

— Может они и не жуют. Их обмен веществ, возможно, процесс более медленный, чем у нас. И поэтому им требуется гораздо меньше питания. Если это так, то здесь они имеют преимущество.

Следующее изображение пары аборигенов в полный рост дало ответы на многие вопросы. На каждой кисти имелось по пять, а не по семь, как у Квози, пальцев. Это предполагало более низкие манипулятивные способности. О ступнях нельзя было сказать ничего определенного, потому что в обоих случаях они были спрятаны в своего рода закрытые сандалии.

На двух картинках были изображены представительницы женской особи. И все-таки, ширазые были абсолютно другие. Вместо того, чтобы быть спрятанными в сумке для младенцев, женские молочные железы были расположены прямо на груди. Сверху они прикрывались одеждой.

— У женской особи немного больше меха на голове,— отметил Уносящий, внимательно рассматривая плоские изображения.— Бедра шире, по-видимому, в связи с тем, что сумка находится внутри организма. Тем временем Стоящая-на-Заседаниях сделала две аккуратные копии со всех имевшихся репродукций. Разведчики же продолжали обследование здания и всего содержимого. Они так и не смогли понять назначения прибора в форме большого

ящика, который стоял у дальней стены. Выяснение было поручено ксенологу.

Уносящий и Смотрящий заспорили также о цели большого, напоминающего пещеру, отверстия в стене. Пол там был весь усыпан пеплом. И они не могли решить для чего это приспособление используется — для приготовления пищи или же для обогрева помещения. В самый разгар спора из таинственного ящика вдруг раздались чужие голоса. В первую секунду Стоящая резко отпрянула от странной коробки, но потом стала усиленно крутить небольшое колесико, расположенное внизу прозрачного светящегося четырехугольника. На поверхности четырехугольника виднелись какие-то иероглифы. По-видимому, это была разновидность примитивного письма. При повороте колесика между иероглифами начинала двигаться узкая стрелка.

Смотрящий-на-Карты враждебно взглянул на ящик.

— Это что? Переговорное устройство?

— Не думаю,— Стоящая продолжала настраивать звук.— Я уже несколько раз попыталась найти с ним контакт, но безрезультатно. Эту машину, наверное, просто слушают.

После этого они оставили ящик в покое и продолжили обзор. Несколько раз воздух в комнате сотрясился мощными взрывами и звуками, похожими на крики раненых и умирающих. Звуки издавал злополучный ящик.

— Похоже это звуковое оформление какого-то фильма,— вновь выдвинул гипотезу Уносящий, прислушиваясь к мучительным крикам.

«Может быть»,— пробормотала Стоящая.

— Но вспомните результаты орбитальных наблюдений. Эти примитивные существа воюют друг с другом,— она ухом указала на ящик,— так что, видимо, это не выдумка.

Внезапно возникшее чувство опасности уже больше не покидало их весь день, пока они продолжали осматривать помещение, делать записи, стараясь собрать воедино всю полученную информацию. Стоящая-на-Заседаниях выглянула в окно, и тут же посмотрела на хронометр.

— День заканчивается. Он намного короче, чем мы привыкли. Мы должны уходить.

У разведчиков не было желания покидать жилище.

— Может, длина волос — это своего рода признак определенного социального статуса, а не показатель пола, — размышлял вслух Смотрящий.

— Нет, я думаю, как раз наоборот, — возразил Уносящий-ношу-Вдаль, продвигаясь к выходу. Снаружи уже было темно.

— Завтра попытаемся вернуться, — в голосе Стоящей-на-Заседаниях слышалось явное нежелание это делать. — Нам нужно многое проверить. Хотя это и не было запланировано. Раз уж мы начали, то нужно довести дело до конца.

Она снова повернулась к говорящему ящику, из которого доносились пронзительные крики, слышалась речь. Но понять было невозможно. Было бы здорово, если бы эту штуку можно было бы забрать с собой. Но, во-первых, ее могли схватиться, а во-вторых, она довольно тяжелая и массивная, чтобы тянуть ее всю дорогу за собой. Смотрящая подошла и выключила ящик.

— Я абсолютно согласен с вами, — Уносящий пошел к входной двери. Он был на полпути к ней, когда дверь вдруг распахнулась. Последние солнечные лучи проникли в комнату и заставили Уносящего зажмурить глаза.

— Мне кажется, я слышал..., — заревел чей-то чужой голос, но так и не закончил предложения.

Появившийся в дверном проеме абориген был явно ошарашен происходящим. Наступила тишина.

«А ведь они совсем не страшные. Просто уродливые», — подумал Смотрящий. Как и на репродукциях у ширазянина на голове росли волосы. Но спутанная шерсть так же свисала и с лица. Он был выше и намного массивнее, чем они. Смотрящий с ужасом подумал, что те изображения на стене не дали им никакого представления о размерах аборигенов. Ведь если, глядя на размеры мебели, они с радостью решили, что коренное население должно быть маленького роста, то теперь при виде существа, стоявшего в дверях, у всех наступил шок.

Как и предполагалось, у ширазян почти не было ступней, но зато ноги оказались намного длиннее, чем Квози могли себе представить. Кроме того, у аборигена был мощный торс.

Смотрящий и Стоящая инстинктивно застыли на месте,

а Уносящий шагнул вперед. Не зная, что делать, он принял формальную приветственную позу, опустил вниз уши, руки вытянул вдоль туловища. Когда абориген не ответил, разведчик попытался его подбодрить. Он протянул свою правую руку вверх и дотронулся до лица аборигена, тем самым показывая свою доброжелательность и дружеские намерения.

Вместо того, чтобы таким же образом ответить на этот жест и коснуться лица Уносящего своей рукой с пятью пальцами, чужак вдруг направил на него какую-то металлическую трубку, крича во все горло:

— Крист! Мартин!

Из трубки вдруг вылетело облако дыма, и вся комната содрогнулась от сильного взрыва.

После этого события стали разворачиваться стремительно.

Уносящий-ношу-Вдаль на секунду замер со своей вытянутой рукой. Затем он сделал два шага назад, остановился и глянул на свою грудь. Там зияла дыра, из которой струилась кровь. Дотронувшись до груди рукой, которой он только что приветствовал чужака, он издал пронзительный, душераздирающий крик.

Это заметно расстроило ширазянина. Смотрящий-на-Карты заметил, как он начал целиться своей металлической трубкой в сторону Стоящей-на-Заседаниях, которая стояла парализованная возле одного из кресел. Как настоящий разведчик Смотрящий должен был моментально действовать. Времени на раздумье не было.

Выбросив вперед руку, он прицелился в противника и выстрелил. Послышался несильный хлопок и ширазянин споткнулся. При этом он издал куда более слабый звук, чем Уносящий-ношу-Вдаль. Уставившись на Смотрящего-на-Карты, он трясущимися руками попытался наставить на него свою трубку. В целях самозащиты Смотрящий выстрелил во второй раз. Металлическая трубка, в свою очередь, опять грохнула, и за спиной разведчика что-то разбилось вдребезги. Разведчику же пришлось выстрелить еще три раза, прежде чем абориген окончательно свалился. Вскоре он перестал дышать. «У них очень странная защитная реакция организма, — подумал Смотрящий, тяжело ды-

ша и с опаской поглядывая на лежащего ширазянина.— Или же их нервная система заметно отличается от нашей».

Убедившись в том, что им теперь ничего не угрожает, Смотрящий позволил себе присоединиться к Стоящей-на-Заседаниях, которая стояла у тела Уносящего.

Уносящий и он практически вместе выросли. Они вместе учились и играли, вместе выдержали годы учебы и тренировок, часто параллельно занимались любовью с красивыми самками. Уносящий всегда был смелее его. И вот сейчас, желая вступить в дружеский контакт, он допустил какую-то чудовищную ошибку. Какую именно, им еще предстоит выяснить.

Но теперь это неважно.

Важным было то, что никакая медицинская помощь не могла воскресить Уносящего.

— Его пробило насквозь,— пробормотала Стоящая, опуская вниз свой сканнер.— Задето сердце. Жаль. Он был таким сильным самцом.

— Самым сильным. И самым элегантным,— Смотрящий едва мог произносить слова.

Он встал и попытался начать церемонию прощания, но не смог. Уносящий был слишком дорог ему. Тогда он поручил сделать это Стоящей-на-Заседаниях, а сам вышел наружу осмотреться. Но в наступившей темноте никого не увидел. Кругом было тихо. Когда Стоящая закончила, она вышла к нему. Вместе они уставились на ярко-желтый диск спутника планеты Шираз.

— Видимо, этот абориген жил здесь один,— наконец сказала она.

Смотрящий обернулся:

— Без самки?

— Мы ничего не знаем об их сексуальных привычках,— она посмотрела внутрь открытой двери.— Мы должны забрать с собой тело Уносящего-ношу-Вдаль. Нельзя оставить его здесь, чтобы на него натолкнулся какой-нибудь чужак. Все следы нашего здесь пребывания должны быть уничтожены.

Смотрящий-на-Карты немного подумал:

— Тогда мы должны убрать и тело аборигена,— разведчика охватил приступ удушья от понимания того, что он

совершил.— Ведь он убит из оружия Квози, которое, конечно же, отличается от их оружия.

— Вы сможете нести его? А я попробую нести Уносящего.

— Да, я отнесу его,— заверил он Стоящую.— У меня нет выбора.

Водой, взятой в месте для приготовления еды, и медикаментами из своих сумок они уничтожили следы крови убитых. Стоящая прошлась по всем комнатам, чтобы убедиться в том, что все осталось как и прежде, до их прихода сюда. Затем они покинули дом, но уже не в том лучезарном настроении, а в полном отчаянии и кромешной темноте.

Нести на себе ширазянина оказалось не таким простым делом. Они не сделали и нескольких шагов, как Смотрящий был вынужден остановиться и опустить свою ношу на землю.

— Это невозможно,— прохрипел он.— Абориген весит как пара самых тяжелых Квози.

Стоящая-на-Заседаниях оглядела окрестности, что было нетрудно при сияющем диске спутника.

— Давайте посмотрим, что же можно сделать.

В конце концов они обнаружили большую платформу с двумя колесами. С одной стороны имелась пара поручней. Квози поместили на нее чужака, а сверху на него Уносящего-ношу-Вдаль. Затем каждый из них взялся за ручку и они слегка приподняли платформу, переместив при этом центр тяжести на два колеса. Так они смогли взобраться со своим жутким грузом вверх на холм, а затем пробраться по вспаханному полю к лесу. Они постоянно останавливались, чтобы восстановить в памяти путь, а также, чтобы уничтожить следы, оставленные платформой.

Забор, под которым разведчики так ловко пробрались утром, теперь стал непреодолимым препятствием. Им пришлось по очереди переносить через заграждение сначала тела, затем платформу, а потом перебираться самим. При этом все нужно было делать очень осторожно, чтобы на проволоке не осталось ни малейшего клочка одежды. Только к утру они добрались до леса.

Было очень тяжело везти по лесу перегруженную платформу, но здесь, под ветвями пушистых деревьев, они

чувствовали себя намного увереннее. И хотя эта работа требовала от них все силы и энергию, оба не переставали прокручивать в памяти события предыдущего вечера.

На приветственный жест Уносящего ответом был выстрел. Не было даже попытки как-то вступить в общение с ними, или спокойно разобраться в происходящем. Видимо ширазянин выстрелил инстинктивно, но ведь рука Уносящего была доверчиво протянута ему навстречу. Стоящая-на-Заседаниях пришла к выводу, что абориген был очень напуган внезапной встречей, тем не менее это не снимает с него ответственность за содеянное. Ему следовало подождать и посмотреть, что же будет дальше.

Если поведение этого аборигена не было отклонением от нормы, если он не был психически ненормальным, то Шираз оказалась обманчивым раем. Как они смогут войти в контакт и подружиться с существами настолько нецивилизованными. Которые воюют друг с другом и убивают дружелюбных незнакомцев, так и не разобравшись, в чем дело. Такие мысли никак не могли служить утешением. Поэтому их обратный путь на корабль нельзя было назвать радостным.

«Неужели так будет всегда,— думал Смотрящий-на-Карты.— Насилие, смерть, противостояние?» Он поделился своими сомнениями со Стоящей-на-Заседаниях.

— Нет, такого быть не может. Ведь нас всего несколько тысяч. Вы видели с орбиты огни больших населенных пунктов. То есть, их, наверное, миллионы, а может даже миллиарды. Наше оружие хоть и более передовое, но все же предназначено для выяснения отношений с враждебными неразумными существами. А их оружие, хоть и примитивное, но его оказалось достаточно, чтобы убить Уносящего-ношу-Вдаль, то есть оно более эффективное в данных условиях. Любой конфликт с ширазянами закончится истреблением нашей колонии. И даже если мы достигнем каких-либо успехов обороняясь, то психологический шок у наших жителей окажется куда более страшным последствием, чем смерть,— она вопрошающе взглянула на него.— Вы уже пришли в себя?

— Едва ли. Я пытаюсь выбросить из головы мысли о случившемся, но это, наверное, нелегко. А ведь я имел

социальную подготовку. Я понимаю, что Вы имеете в виду. Но что же нам делать? У нас нет возможности оставить Шираз и ее умалишенных жителей.

— Не нам это решать.

Последняя фраза явилась в некоторой степени успокоением для Смотрящего. Он смог расслабиться, когда понял, что его ответственность не так уж велика. Конечные решения будут приниматься Капитаном, Встающим-с-Приветствием и Советом Семерых. Все, что требуется от него и Стоящей-на-Заседаниях, так это сделать необходимые отчеты о проведенных исследованиях. Затем он бы смог заняться восстановлением.

Но ведь он убил другое разумное существо. То, что это был не Квози, не облегчает душу. Хотя тогда у него не было времени думать. В тот момент он знал только то, что он в опасности, Его могли убить.

К тому же он был шокирован смертью своего близкого друга. Ведь никаких причин для этого не было. Только теперь он обратил внимание на то, что у аборигена было с собой оружие. Неужели чужаки всегда носят при себе оружие, как Квози шарфы или серьги? Смерть как украшение? Зачем носить оружие в своем собственном жилище?

— Это дикари, чья технология намного превосходит их социальную зрелость,— таково было мнение Стоящей-на-Заседаниях.— Они еще не научились воплощать свое стремление к насилию в виде искусства или в любую другую форму, как это делаем мы. Они управляют сложными машинами, но их разум находится на самом низком уровне. Это несколько меняет ситуацию. Нам нужно поближе познакомиться с их психологией. Но для этого необходимо разобраться в их языке. Одно ясно сразу: склонность к насилию наложила отпечаток на их поведение. Вот почему они производят столько шума. Очень громкая речь и является показателем их примитивности.

— Мы так мало о них знаем. Как нам удастся добыть всю информацию, не подвергая опасности себя?

— Оставь это экспертам. Я знаю только то, что «Последователь» больше не может находиться в космосе. Он должен опуститься вниз. Нам придется осесть здесь.

Снова стемнело, короткий день как рыболовной сетью

покрыл их сумерками. Они решили передохнуть под одним из пушистых деревьев. Двухколесная платформа с телами убитых выделялась на фоне тусклого неба и служила неммым напоминанием о провале.

— В жилище не было самки, — продолжал Смотрящий-на-Карты. — Возможно ли это? Он ведь был нормальным в этом отношении?

— Может быть частота совокуплений у них несколько ниже, чем у нас, — Стоящая-на-Заседаниях рассматривала чужие деревья, играя с острыми зелеными иголками, заменяющими нормальные листья. — Может, это происходит у них через день или два. И может он как раз оттуда и возвращался.

С этими словами она резко повернулась к нему и произнесла:

— А мы, собственно...

Смотрящий пришел в ужас. Из-за событий последних двух дней они совсем забыли принять блокирующие пилюли. Тут же по всему телу прошла знакомая дрожь.

Необходимости в словах больше не было. И здесь, в лесу, в ту ночь они восемь раз удовлетворили друг друга. К утру он почувствовал себя намного лучше, чем если бы все это время провел, вспоминая стихи священной книги Шамизин.

Через некоторое время они были уже на месте, в кругу друзей. Шок, который испытали те, кто остался на корабле, был во много раз сильнее, чем у тех, кто присутствовал при несчастье. Гуляющий-в-Молчании сразу потерял сознание, и им понадобилось приложить немало усилий, чтобы привести его в чувство. А Летающую-на-Хвосте и Вдыхающую-с-Горечью пришлось отпаивать лекарством, чтобы восстановить функции пищеварительного тракта и органов дыхания. Прошло много времени, прежде, чем они смогли осмотреть тела погибших без использования гипервентиляции. Такова была реакция Квози на насильственную смерть двух разумных существ.

«Все они прошли необходимую подготовку и испытания, — подумал Смотрящий-на-Карты. — А как тогдаотреагирует на все это простой Квози? Апоплексическим ударом?» Стоящая-на-Заседании была права. Они не должны

даже и думать о борьбе. Если даже Квози и выиграют несколько сражений, урон, нанесенный психике, окажется невосполнимым.

Вновь обретя способность спорить, Гуляющий-в-Молчании настаивал:

— Мы не можем сейчас вернуться на «Последователь». Я только начал свои исследования.

— Он прав,— согласилась Вдыхающая-с-Горечью.— Я тоже только что начала составлять карту атмосферных передвижений.

— Все это теперь не имеет значения,— Стоящая-на-Заседаниях произнесла это голосом, нетерпящим возражений.— Мы не можем оставаться здесь.

Она указала на тело аборигена:

— Его могут хватиться в любой момент. Как вы понимаете, мы не собирались обзавестись таким экземпляром. События послали его нам. А возможности для должного его изучения и сохранения существуют только на «Последователе». Если мы хоть на немного отложим возвращение, этот бесценный склад информации начнет разлагаться.

Летающая-на-Хвосте брезгливо поморщилась:

— Он уже начал.

— Абсолютно верно. Мы не можем подвергаться риску быть обнаруженными здесь. А что касается новой информации, то мы узнали больше, чем предполагалось. Гораздо больше,— официально произнесла Стоящая,— чем хотелось бы. Если реакция со стороны этого аборигена на наше присутствие типична для них всех, то мы в опасности. Наше пребывание на Ширазе все еще тайна. Поэтому самая главная задача — сохранение секретности. И пока у нас есть шанс, нужно улететь незамеченными.

Геолог и метеоролог все еще продолжали спорить по поводу преждевременности отлета, но теперь это не имело значения. В чрезвычайных ситуациях решения принимала Стоящая-на-Заседаниях. Ее поддержали Летающая-на-Хвосте и Смотрящий-на-Карты. Ученые продолжали ворчать даже тогда, когда проводились последние приготовления к отлету. Теперь они спорили о том, когда лучше стартовать.

Было решено подниматься в самое темное время ночи,

когда видимость будет наименьшей. «Мы покидаем Шираз, не попрощавшись с ней», — думал Смотрящий-на-Карты, приводя в порядок свои доспехи. Они бежали с мертвецами на борту, потеряв весь оптимизм. Они бежали, чтобы сохранить в строжайшем секрете факт своего существования.

Не так представлял он себе свое возвращение на «Последователь». Исчезли мечты о славе, о триумфе. Один из его лучших друзей мертв, а Шираз оказалась намного хуже, чем они себе представляли. Он займет немного другое место в истории, чем он себе воображал. «Если только колонисты просуществуют столько, что появятся учебники по истории», — сказал Смотрящий себе.

С Мазны поступала обширная информация о том, как вести себя с враждебно настроенными живыми существами. Но там ничего не было сказано о враждебных разумных существах, даже теории такой не существовало. Им придется разработать свой план, зная, что каждый неверный шаг может привести к гибели.

Чувство гордости уносилось вверх на вращающихся лопастях маленького корабля, которым управляла Летающая-на-Хвосте. Смотрящий вдруг понял, что ему следует больше доверять старейшинам: Плывающей-через-Поток, Встающему-с-Приветствием и остальным. Им всем придется смириться со случившимся, потому что выбора у них нет. В его голове сами собой стали всплывать строки из первой части Девятой Книги. Корабль в это время покинул лес и устремился в ночное небо.

«Нет конца.

Нет начала.

Есть только середина.

Мы благодарны за все, что нам дано.

Нам трудно все постичь».

На «Последователе» члены медицинской группы, которые проводили санитарную обработку и проверяли корабль на наличие чужеродных вирусов, засыпали их вопросами, на которые, к сожалению, ответа быть не могло. Так же дружелюбно разведчиков встретили и простые колонисты. Лишь некоторые недовольно и даже враждебно косились в их сторону. В основном же все продолжали заниматься своим делом и старались не мешать работе исследователь-

ской команды, хотя иногда нет-нет, да и случались недо-
зволенные визуальные контакты. Но по взаимному согла-
сию на них просто не обращали внимания. Сейчас было не
до правил этикета. Всех неотступно преследовали воспоми-
нания о случившемся насилии. На обратном пути они
несколько раз связались с «Последователем» и сообщили
о состоянии дел. Несмотря на все меры предосторожности
сохранить в тайне столь трагическое событие было практи-
чески невозможно. И поэтому на корабле ощущалось на-
пряжение от того, что на Ширазе что-то не в порядке, что
их новый дом вовсе не цветущий сад, похожий на Азель. Но
точно, что случилось, никто не знал. Однако все это чув-
ствовали.

«Самые страшные домыслы о Ширазе не могли
сравниться с тем, с чем мы столкнулись. А жаль. Планета
просто прекрасна», — размышлял Смотрящий. Он не обра-
щал внимания на тихие предупреждения охраны, которая
сопровождала его в зал заседаний и защищала от всяких
расспросов. Конечно, там все уже были на месте: и Капи-
тан, и Встающий-с-Приветствием, и Скрывающий-свои-
Чувства, и все остальные.

Когда подошла его очередь, он постарался сделать свой
доклад как можно более спокойно, без лишних эмоций.
Было нелегко видеть потрясенные лица старейшин, когда
он описывал обстоятельства гибели Уносящего-ношу-
Вдаль и последовавшую за этим смерть ширазянина. Про-
износя последнюю фразу, он испытал огромное облегчение,
что все позади и он может сесть на свое место чтобы послу-
шать отчет Стоящей-на-Заседаниях, которая также демон-
стрировала аудиовизуальные записи, сделанные на поверх-
ности. Но радость при виде настоящего ясного неба, огром-
ных пушистых деревьев, потрясающей флоры и фауны все
же была омрачена предыдущим выступлением. Вот почему
при первых кадрах с изображением жилища аборигена
в комнате повисла напряженная тишина.

Смотрящий постарался, как мог, подготовить всех при-
сутствующих к просмотру этих кадров, но сердца его кол-
лег сразу же наполнились ужасом и тревогой. Камера
Стоящей-на-Заседаниях работала с первого момента их
проникновения в дом, и хотя из-за помех изображение на

экране было немного искажено, тем не менее все прекрасно увидели, как Уносящий-ношу-Вдаль сделал несколько шагов навстречу чужаку, взрыв на конце металлической трубки и ответ Смотрящего.

Некоторым старейшинам сразу же потребовалась медицинская помощь. Спустя несколько минут просмотр возобновился, но возвращение разведчиков на исследовательский корабль не вызвало уже такой реакции.

Когда все немного пришли в себя от пережитого шока, момент встречи с аборигеном был просмотрен еще раз на нормальной скорости, затем замедленно, и в завершение очень быстро с тем, чтобы оценить событие с разных точек зрения. Только после этого Встающий-с-Приветствием взял слово.

— Вы уверены, что рядом не было других аборигенов? Вы, возможно, просто кого-то не заметили?

— Мы ни в чем не можем быть уверены,— ответил Смотрящий-на-Карты.— Но обсудив случившееся, мы пришли к выводу, что кроме ширазянина, которого мы встретили, в этом доме больше никто не проживал. Этот одинокий чужак жил в уединенном месте, далеко от других поселений. В этом отношении нам повезло.

— Что вы можете сказать о природе Ширазы,— голос Капитана был чуть слышен.

Стоящая-на-Заседаниях поднялась:

— Вода богата минералами, но употреблять ее можно. Воздух свежий, чистый, и пропорции содержания в нем различных элементов полностью соответствуют результатам орбитальных исследований. Как вы убедились, флора и фауна внизу довольно безобидная. Деревья уникальны, но они настоящие, как и на Квозинии. Вдыхая их запах и дотрагиваясь до кроны, Вами овладевает спокойствие. Это мир, достойный восхищения. Мир созданный для Квози.

— За исключением того, что мы там будем не одни,— пробормотал Встающий-с-Приветствием и уставился на Смотрящего-на-Карты.— Вы, случайно, не захватили с собой чужого оружия?

— Нет,— не зная, совершили ли они серьезную ошибку, Смотрящий в нерешительности обернулся к Стоящей-

на-Заседаниях за поддержкой, и заметил как та одним ухом кивнула в его сторону. Разведчик немного расслабился и спокойно продолжал: — Мы решили, что будет лучше, если мы оставим жилье таким, каким оно было до нашего вторжения.

— Я не думаю, чтобы кто-то,— добавила Стоящая-на-Заседаниях,— связал исчезновение аборигена с присутствием инопланетян, но все же лучше было не оставлять следов и поводов для раздумий.

— Вы поступили правильно,— оба уха Главы Комитета по приземлению печально поникли.— Но в данном случае, было бы неплохо, если бы вы поступили наоборот.

Смотрящий-на-Карты отреагировал на это замечание спокойно:

— У меня было время для тщательного изучения оружия. Оно стреляет маленькими металлическими снарядами с большой проникающей способностью. Это, конечно, примитивно, но убивает так же эффективно, как и наше современное оружие. Мне сказали, что таким же оружием они убивают и друг друга.

— Ужасно,— прошептал один из присутствующих.

— Как примитивно и нецивилизованно,— фыркнул другой.

— Но когда-то и у нас происходило то же самое, пока мы не постигли мудрость учения книг Шамизин и не шагнули вперед в своем развитии,— сказав это, Стоящая-на-Заседаниях обвела взглядом зал.— Мы впервые столкнулись с разумом, но он отличается от нашего. Тем не менее, давайте не будем судить их с наших собственных позиций.

В зале наступила тишина, а через некоторое время она продолжилась:

— Очевидно насилия могло бы и не быть. А то что оно произошло, очень печально. Убиты два разумных существа. Но главное, как мне кажется, в другом. Главное заключается в том, что мы не можем бороться и не можем бежать.

Теперь Капитан обратилась к Летающей-на-Хвосте:

— Как Вы считаете, вас могли заметить, когда вы приземлялись и затем снова поднимались в воздух?

— Мы не видели больше ни одного аборигена,— отве-

тила пилот.— Приборы тоже ничего не обнаружили. Местность, которую мы посетили, как и предполагалось, оказалась пустынной. А к населенным пунктам мы не приближались.

Капитан сделала жест двумя ушами.

— Прежде чем произвести посадку «Последователя» мы должны узнать как можно больше об их летательных аппаратах. Интересно, есть ли у них экстраатмосферные, и если есть, то на каком топливе они работают, как они вооружены? Нужно быть уверенными, что на нашем пути не будет ничего непредвиденного.

Встал один из членов группы приземления, который сказал:

— Достопочтенный Капитан, это можно легко установить с орбиты. Если ширазяне воюют друг с другом, то они наверняка используют свое самое новое оружие. Мы можем вычислить и изучить все с помощью самых точных и чувствительных приборов.

— Обязательно сделайте это,— ответила Плывущая-через-Поток.— Мы исследуем все, предоставленные нам предметы, и примем решение, как нам действовать дальше,— она подняла глаза и осмотрела напряженные лица.— Вы все будете знакомиться с новой информацией по мере ее поступления и сможете получить необходимые консультации и высказать свое мнение. Я вместе со Скрывающим-свои-Чувства и его философами рассмотрю все возможные варианты. Мы продолжим поиск решения только в полном согласии с великими законами книги Шамизин.

В зале послышался всеобщий вздох облегчения.

Встающий-с-Приветствием слегка приподнялся.

— Что нам делать с работами по подготовке к посадке и строительству Норы? Колонисты полны тревоги. И чем меньше они в курсе дела, тем больше этим интересуются. И тем ужаснее слухи, распространяющиеся среди них.

Капитан выслушала замечания Главы Комитета, широко расставив уши, и дважды моргнув глазами.

— Прежде всего вы должны заверить всех в том, что атмосфера на Ширазе вовсе не из метана и аргона. Это один из самых распространенных страхов.

В зале послышался удивленный свист: Капитан знает слухи.

— Подготовительные работы вы можете уже начинать. Делайте все тщательно, не торопитесь. Нам нужно время. Начав подготовку, мы тем самым приостановим слухи и всякие разговоры. Я думаю, мне не стоит напоминать, что все, о чем мы сегодня с Вами говорили, не следует никому рассказывать. Ни в коем случае.

Она сделала резкое движение в сторону Смотрящего-на-Карты и Летающей-на-Хвосте, самых молодых Квози в зале.

— Особенно бдительны будьте во время половых контактов. Я бы не хотела, чтобы кто-то на корабле был повергнут в панику.

Оба молодых члена команды покорно опустили глаза и уши.

«Конечно, нам нужно время. Однако, независимо от того, сколько времени понадобится, его все равно не будет хватать», — думал Смотрящий-на-Карты. Требуются дополнительные знания о Ширазе, её сумасшедших жителях, а также время для подготовки самих колонистов, время, чтобы обдумать действия на случай неудачи, и еще на что-нибудь, о чем никто из шести поколений корабля и понятия не имел. После столь длительного путешествия на «Последователе» не хватало многого, но самой острой была нехватка времени.

«Конечно, со временем командованию придется ознакомиться большинство простых колонистов со всеми проблемами, — размышлял Смотрящий. — Но чем меньше внимания они будут заострять на существовании враждебного разума там, внизу, тем меньше вероятность возникновения паники среди Квози. Во время посадки ни у кого не останется времени на грустные размышления».

Наспех собранная команда Филологов предпринимала отчаянные попытки расшифровать наиболее распространенные языки Ширазы. Отчеты, сделанные после пребывания на Ширазе, подтвердили то, что хотя биологически аборигены и были схожи с Квози, но умственно и духовно они были абсолютно другие.

Вскоре, используя даже поверхностные знания об их психологии, стало ясно, что аборигены воюют друг с другом, потому что они никак не могут решить свои сексуаль-

ные вопросы. Они не имеют ни малейшего представления о том, как контролировать свою сексуальную энергию, преобразовывать ее в другие виды энергии, как использовать при этом разум, или подавлять свое стремление к насилию и реализовывать его через искусство, музыку и другие аспекты цивилизованного поведения. Вместо этого они постоянно ведут борьбу как с отдельными личностями, так и с целыми сообществами себе подобных.

Это поразило даже самых смелых психологов «Последователя». Ведь способность контролировать сексуальную энергию была основой для создания высокоразвитой цивилизации. То, что ширазяне достигли высокого уровня развития, было очевидно. Но так же очевидным было и то, что их цивилизация оказалась социально незрелой.

— Мы должны обратить наше внимание не только на то,— несколько дней спустя заявил старший философ,— что они продолжают воевать друг с другом, но также и на то, что они как-то смогли не уничтожить друг друга полностью.

— Войны на Ширазе происходят из-за отсутствия контроля и понимания аборигенами своей гормональной системы,— предположил его коллега.— Для них это единственное доступное средство для предотвращения роста численности населения.

— Здесь все не так просто,— не соглашался старший.— Война для данной цивилизации — дело обычное. Цели ее гораздо шире, чем контроль за ростом населения. У них все пропитано духом войны. А это, в свою очередь, обязательно скажется на их отношении к нам.

Ученые-аналитики, имея в своем распоряжении лишь аудиорепортажи, ничего конкретного не смогли сказать об искусстве ширазян. Но зато было записано множество отрывков национальной музыки. Это была сплошная дисгармония и диссонанс, продолжение той неразберихи, которая лежала в основе всей цивилизации на Ширазе. Такие открытия оптимизма не прибавляли, но бросить все и улететь было нельзя. Об этом не могло быть и речи. Несмотря на непрекращающиеся войны, дикие нравы аборигенов, Шираз должна была стать их домом.

Скрывающий-свои-Чувства и ксенологи пришли к глу-

бокому выводу, что после посадки Квози будут либо атакованы и уничтожены, либо радушно встречены и допущены на Шираз. Может их даже поприветствуют стоящими торчком ушами. Но поскольку в последнее не очень верилось, решили действовать по давно намеченному плану. Они выберут место под строительство Норы, приземлятся, обеспечат полную тайну своего существования, а на контакт с местным населением пойдут лишь в случае крайней необходимости, когда избежать его будет невозможно.

Если все будет хорошо и колония успешно выполнит намеченные мероприятия, то, по подсчетам старейшин, первые попытки вступить в контакт с местными жителями можно будет предпринять лет через сто или двести.

V

Сначала для строительства Норы Встающий-с-Приветствием, как глава Комитета по Приземлению, решил использовать остров. Любой остров. Но все более или менее большие острова были уже заселены, а на маленьких было недостаточно места для дальнейшего размножения. Существовало еще несколько психологических причин, почему Квози не хотели жить на небольшом клочке суши, со всех сторон окруженном водой. Дело в том, что рожденные в условиях космического корабля колонисты по учебникам знали о том, что в воде можно не только плавать, но и утонуть. Однако, это не означало, что кто-то хотел испытать это ощущение на себе.

Непригодными были признаны также и некоторые незаселенные регионы суши. Огромные заросли тропических лесов не подходили для создания там поселения, а кроме того, по сведениям, полученным с Мазны, такие территории являлись скопищем всевозможных болезней и опасных живых организмов. Еще менее подходящими были покрытые льдом полярные районы; там вообще отсутствовала всякая растительность.

Многообещающими оказались лишь несколько мест в северном полушарии, которые, несмотря на наличие боль-

ших уже заселенных территорий, были практически свободны. В конце концов, члены Комитета выбрали гористую местность к югу от посадочной площадки исследовательского корабля. Она имела несколько преимуществ, первое и самое главное из которых заключалось в том, что ее основные характеристики были схожи с уже изученным районом.

Тут не было буйной растительности, поскольку почва не отличалась плодородием, поэтому вероятность существования здесь каких-либо ферм местных жителей очень мала. Поверхность была изрезана каньонами и дикими речушками. Используя лучшие приборы на «Последователе», ученые не смогли обнаружить ни одного аборигена в этом районе планеты.

Квози организовали еще один спуск на Шираз. Как и первый, он прошел незамеченным. И во время третьего визита была окончательно определена наиболее идеальная площадка для поселения.

По узким долинам узкие потоки неслись в сторону огромного озера. Долины были похожи одна на другую и, наблюдая за местностью с высоты, навряд ли кто-нибудь обратил бы внимание на небольшие изменения, которые обязательно появятся с появлением здесь Квози.

Одна из долин, с особенно крутыми склонами, имела ширину «Последователя» и каменистую, абсолютно неплодородную почву. Именно поэтому здесь не было пушистых игольчатых деревьев, которые могли бы помешать кораблю во время посадки. В верхней части каньона имелся водопад. Его направление придется немного изменить. Но это не страшно, так как из-за полной изоляции региона навряд ли кто-нибудь, пересекающий эту местность, обратит внимание на небольшое смещение к западу места падения воды. А небольшая река послужит прекрасным прикрытием для «Последователя», когда его поместят в Нору.

Еще некоторое время корабль по-прежнему будет оставаться их единственным домом. Это будет продолжаться до тех пор, пока не наступят благоприятные условия для дальнейшего распространения. Так было задумано конструкторами на Квозинии, когда «Последователь» только проектировался. Мотор придется немного изменить и при-

способить к выработке энергии для всей колонии. Поэтому Квози не придется сооружать временные хижины из грязи и камней, ведь они будут жить в тех же самых комнатах, где прошли годы их длительного путешествия во Вселенной. Корабль останется родным бастионом спокойствия и безопасности, гигантской, пересекающей космическое пространство, Сумкой, которая будет рядом с ними всегда, не зависимо от того, как сильно разрастется колония.

Комитет по Приземлению выпустил топографические карты в трех и четырех измерениях, на которых постарались изобразить все, вплоть до небольших камешков. Поскольку корабль будет находиться под землей, на картах до мельчайших подробностей была отражена природа наверху. Все это время художники без усталости работали вместе с инженерами, геологами и землекопами.

Когда было объявлено о последних приготовлениях к посадке и о том, что сделан окончательный выбор места для их будущего дома, атмосфера на «Последователе» заметно разрядилась. Каждый с огромным энтузиазмом и решительностью приступил к выполнению своих задач. Завязался оживленный спор между художниками и землекопами, когда они на экранах начали предварительно моделировать расположение этажей будущей Норы. Смотрящий-на-Карты понимал, что все разногласия будут решены до начала посадки. Им придется найти оптимальный вариант. Потому что потом у них не будет ни времени, ни места для каких-то импровизаций.

Между тем, Встающий-с-Приветствием продолжал отстаивать свою точку зрения о темпах подготовительных работ. Он считал, что им не следовало торопиться. Но, несмотря на постоянные отсрочки даты посадки, наконец-то наступил день, когда Плывущая-через-Поток решила, что у них было достаточно времени для подготовки и теперь пришла пора от слов перейти к делу.

Была объявлена посадка.

Первыми должны были спуститься два корабля с разведчиками, чтобы проложить путь. Было совершенно ясно, что местному населению не составит труда даже невооруженным глазом заметить спускающийся корабль, а сев на землю и заглушив двигатель, он вообще становился полно-

стью беззащитным. Вот почему было решено, чтобы избежать неоправданного риска проводить спуск только в плохую погоду, когда примитивные приборы обнаружения на Ширазе из-за помех будут не в состоянии вести поиск воздушных целей.

Экипаж и колонисты были приведены в состояние готовности. Пришло время, когда больше уже нечего было проверять. И вот так, в атмосфере беспокойства и тревоги, вместо огромной радости, «Последователь» ожидал своего последнего полета.

Оба исследовательских корабля должны были приземлиться у края узкой долины, выбранной для сотворения Норы, и подтвердить правильность расчетов. Если вдруг там будет что-то не так, «Последователь» еще сможет изменить направление и заново подняться в небо. На одном корабле были Летающая-на-Хвосте и Смотрящий-на-Карты, на другом — Гуляющий-в-Молчании и Стоящая-на-Заседании. Смотрящий вдруг почувствовал, что ему очень не хватает самообладания старшего ксенолога, ее спокойной, рассудительной манеры говорить, но в то же время он прекрасно понимал необходимость такого разделения членов экипажа, уже побывавших на поверхности Ширазы.

Его и Летающую-на-Хвосте, в свою очередь, сопровождали еще четверо членов команды приземления, которые тщетно силились спрятать свое беспокойство и нервозность. Что поделать, если единственной темой всех разговоров на корабле перед стартом стали дикие ширазяне. В конце концов было решено, что ни о каких убийствах и насилии речи быть не может, во всяком случае до тех пор, пока сами аборигены не дадут повода применить силу. И не потому, что это может причинить какой-то вред ширазянам, а потому что прежде всего это скажется на психическом состоянии самих Квози.

Ведь даже Смотрящему-на-Карты и его коллегам, прошедшим специальную предварительную подготовку, все равно понадобилось пройти курс интенсивной терапии, чтобы восстановить покачнувшееся душевное равновесие и относительно без ущерба для психики пережить случившийся инцидент. А для психики обычных колонистов, которые не пользовались специальным тренингом, подоб-

ные события явились бы мощной разрушительной силой. Все это заставило Скрывающего-свои-Чувства и его коллег настаивать на предотвращении насилия любой ценой.

Однако, несмотря на проведенное лечение, Смотрящий-на-Карты до сих пор страдал кошмарами по ночам. Вид струящейся крови, осознание того, что он оборвал чью-то жизнь, пусть даже и в целях самозащиты, по-видимому, будут преследовать его до конца жизни. Силой обстоятельств он-вынужден был убить одного чужака. А что, если бы их было несколько?

Корабль трясло и швыряло из стороны в сторону. Порывы ветра были намного сильнее, чем в первый раз, и все потому, что сейчас они производили посадку как раз в самый разгар грозового шторма. Темные тучи служили надежным прикрытием для «Последователя» и двух других кораблей.

Задумавшись Смотрящий привел в порядок свежесбритые завитки, свой безукоризненно чистый мех, шарфы и украшения, которые указывали на его статус и личность. Возможно у них при посадке будут трудности, ведь погода не предвещает ничего хорошего, но он все равно должен выглядеть соответствующим образом.

Повинуясь четким и отработанным действиям Летающей-на-Хвосте, их исследовательский корабль пробивался сквозь бурю и дождь. Зловещая погода лишний раз подтверждала, что Шираз была далеко не райским местом, таким как, например, Азель. Совсем рядом с кораблями вспыхнула молния, а сильный ветер мешал спуску. Черные тучи закрывали видимость. Летающая-на-Хвосте все свое внимание сосредоточила на экранах приборов, предоставив возможность кораблю самому падать вниз; энергия подавалась лишь в самых необходимых случаях.

Вершины гор, опоясывавших посадочную площадку, напоминали острые зубья. Вероятность того, что в таких условиях коренные жители попытаются вмешаться и помешать посадке, была чрезвычайно мала. Но все равно они не имеют права на ошибку. Если разведчики собьются немного вправо или сядут чуть севернее, то «Последователь» просто соскользнет в какое-нибудь ущелье и развалится на части, не оставив ничего от заветной мечты Квози.

Из-за туч поверхность планеты появилась совершенно неожиданно, что вызвало свист удивления среди неопытных членов команды. В темноте, под льющим дождем это напоминало возвращение в родильную сумку. На фоне низкого тяжелого неба угрожающе виднелись очертания скалистых гор, но разведчики сразу же увидели просвет в горной цепи. Это и была посадочная площадка. Южнее корабля вспыхнула молния. Летающая-на-Хвосте сделала знак присутствующим, что она завершает посадку. Места для маневрирования не было совсем, а также не хватало времени, чтобы снизить скорость. Только что они были в воздухе и вели борьбу со штормом, а теперь корабль с грохотом мчался по гравию.

По инструкции после завершения спуска в салоне должна была воцариться полная тишина. На деле оказалось совершенно иначе. Все одновременно заговорили, при этом возбужденно махали руками в сторону блестящих гранитных гор и лиственных деревьев, растущих на восточных склонах. Что касается кустарника, то корабль без особого труда пробирался сквозь него.

Выбившись из сил Летающая-на-Хвосте посадила корабль, соблюдая все меры предосторожности. После того, как моторы были выключены, их поднятые уши наполнил шум другого рода, проникающий в корабль снаружи. Широко-разянский гром.

Поспешно были отстегнуты ремни. Универсальные сандалии, которые можно было носить при любой погоде, зашлепали по палубе корабля. Несмотря на усталость команда готовилась выйти наружу. Летающая-на-Хвосте приготовилась выйти вместе со всеми. Она заметно ослабла, но по-прежнему была в приподнятом настроении. У выходного люка она присоединилась к остальным членам команды, тесно прижавшись к Смотрящему-на-Карты.

— Все-таки кому-то следовало здесь оказаться, чтобы встретить нас словами «Добро пожаловать домой», — прошептала она. Взглянув на позу Смотрящего и увидев, что он разрешает дотронуться до своего тела, Летающая-на-Хвосте погладила разведчика шестью пальцами по щеке. Этого было вполне достаточно, чтобы, даже после изрядной дозы подавляющих препаратов, у обоих возникло сильное

желание оказаться вместе. Но все же Смотрящий преднамеренно отстранился. Да, они вместе произвели посадку, но сейчас было не время для всего остального.

Закончив последнюю проверку, они открыли люк. Шираз встретила ледяным ветром, дождем со снегом, вспышками молний. Но Смотрящий был доволен. В такую мерзкую погоду даже сверхчувствительным приборам было трудно обнаружить спускающийся корабль. А если верить их предварительным наблюдениям, у аборигенов таких машин не оказалось.

Шагая большими шагами вниз по трапу, ему пришлось придерживаться за поручни из-за сильного ветра. Другой исследовательский корабль, по-видимому, удачно приземлился на другом краю равнины. Позади Смотрящего четверо членов команды, борясь со стихией, размещали свое оборудование. Перед ними были поставлены две задачи: подтвердить данные, полученные на орбите, и быть готовыми, в случае необходимости, провести некоторые исправления. И хотя на них были надеты защитные костюмы, проводить работы из-за завывающего ветра и грохочущего дождя было практически невозможно.

— Какое великолепное место, — съязвил Смотрящий. — Несомненно наши потомки будут нам весьма благодарны.

— У нас не было выбора, — Летающая-на-Хвосте стояла совсем близко и наблюдала за изнуряющей работой команды приземления. — Мы были вынуждены спуститься в такое не очень привлекательное место. Но ведь Ширазия не похожа на нас в этом отношении.

— Мы не знаем всего, — поправил ее Смотрящий. — У них, возможно, есть свои причины избегать это место. Причины, которые нам трудно представить, — он смахнул с лица капли дождя, — хотя я не думаю, что они вдруг забредут сюда в поисках мягкого климата.

Он перевел взгляд на деревья, которые росли на равнине, а затем плавно переходили на склоны гор. Деревья, пусть чужие, ласкали взор, успокаивали, говорили о щедрости природы. Деревья были очень стройные, не похожие ни на одно дерево на Квозинии, с узкими заостренными листьями и неровной шершавой корой. Он задумался над тем, намного ли отличалась растительность в регионах

с умеренным климатом к югу от данного места.

Даже несмотря на защитный комбинезон и хорошо ухоженный мех, он почувствовал холод. Ветер ерошил шерсть, а дождь струился по коже. Молнии разрывали небо, прыгая с одной горной вершины на другую и неся на себе смертельные заряды природной энергии.

Вместе с Летающей-на-Хвосте Смотрящий свернул немного в сторону. Поскольку никто из команды по приземлению не нуждался в его советах, он мог спокойно наблюдать за происходящим и ждать своего часа.

— А вообще не такое уж отвратительное место,— пробормотал он с надеждой.— Если бы оно не было изолированным, холодным и труднодоступным, здесь бы уже давно было полным полно ширазан.

— Абсолютно верно,— Летающая-на-Хвосте сложила руки на груди и опустила уши, спрятав лицо от дождя.

Посмотрев на нее, он вдруг испугался мысли, что ее натренированность теперь была ненужной. Если бы это была обычная колонизация, она бы многие годы смогла посвятить сопровождению исследовательских экипажей и разведчиков. А вместо этого им придется прятаться в норах, потому что почти не будет передвижения по поверхности, не говоря уже о полетах под облаками. Если их призвут для какой-либо деятельности в новой колонии, тогда Летающей-на-Хвосте и другим пилотам потребуется пройти дополнительную обширную подготовку, что может и не доставить им особой радости. Что будет с ней? Какова будет его судьба? Разрешат ли проведение исследований на поверхности? Он не мог представить себе обратное.

— Прости меня,— он непроизвольно заговорил вслух.

Она удивленно взглянула на него, от дождя прикрыв глаз:

— За что?

— За мысли, которые только что пронесли у меня в голове. Мысли самовлюбленного эгоиста. Мне стыдно. Я унижен.

— Ты прощен,— мягко ответила она, не до конца понимая, за что она его прощает.

Они стояли совсем близко друг к другу, наблюдая за работой исследовательской команды, четырьмя пальцами

он теребил кончик ее хвоста, видневшийся из-под комбинезона. Сейчас он вспомнил Уносящего-ношу-Вдаль, и то, как они спорили, кто же из них будет первым. Получилось так, что они оба стали первыми. Только вкус победы оказался с горечью. Уносящий стал первым Квози, погибшим от руки представителя другой цивилизации, в то время как Смотрящий первым выстрелил в ответ.

Настроение падало, но на смену приходило новое чувство. «Нет, нельзя, — уговаривал он себя. — Не время и не место». Он вдруг почувствовал как оживает тело. Под дождем глаза Летающей-на-Хвосте сверкали призывным блеском. Он услышал ее нежный шепот, в то время как его пальцы ласково поглаживали ее хвостик. Возможно, еще не все потеряно, и он сможет стать действительно первым.

— Я, конечно, вижу, что погода далеко не идеальная и земля здесь твердая, но может все-таки?..

Ее горящие глаза встретились с его глазами. С этой секунды слова больше были не нужны, так у Квози было принято.

Он снова стал первым, но об этом первенстве знали только двое. Смотрящий воспринимал случившееся как дань памяти Уносящему-ношу-Вдаль, который, конечно, одобрил бы поступок своего друга.

После того, как они кончили и мокрые, но необыкновенно удовлетворенные, натягивали свои комбинезоны, Смотрящий рассказал Летающей-на-Хвосте о спорах, которые постоянно в течение многих лет велись им и его погибшим другом. Она грустно согласилась, что то, что они только что совершили и явилось прекрасным памятником для Уносящего, лучшим, о котором можно только мечтать.

Их беседа продолжалась до тех пор, пока сверху не послышался гул моторов. Рев работающих машин заглушил звуки грозы. Откинув назад головы, они увидели, как одно облако отделилось от общей массы и начало медленно спускаться вниз.

«Последователь», похожий на небольшую гору, постепенно терял высоту.

Если бы сейчас что-то случилось с двигателем, или кто-то из инженерной команды допустил бы ошибку, они навсегда потеряли бы корабль, или же, в лучшем случае,

нанесли ему много повреждений. А в случае посадки чуть южнее или севернее намеченного курса, оба исследовательских корабля были бы раздавлены громадиной «Последователя». Но, к счастью, все прошло благополучно, ошибок не произошло. Все слишком долго ждали этого момента.

Корабль медленно опускался в ущелье между отвесными склонами двух гор. Раскаленный воздух, вырывающийся из огнедышащих дюз корабля, превратил протекающую речушку в облако густого пара, заполнившего все вокруг. Несколько раз над кораблем вспыхивали молнии. «Последователь» плавно сближался со стонущей поверхностью планеты.

Вскоре корабль затих. Его металлические стены на одну треть виднелись над склонами гор: «Последователь» заполнил равнину от края до края.

Незнакомое чувство покоя овладело Смотрящим-на-Карты. Он почему-то был уверен в себе и в своих силах. Корабль, наконец, приземлился. Никто не погиб. Ни один абориген не почувствовал их прибытия, никто не догадывался об их присутствии. Как долго это продлится никто не мог сказать, но сейчас, в данную минуту и он, и Летающая-на-Хвосте, и Плывущая-через-Поток, и все остальные его соплеменники были живы и невредимы. Они были на поверхности. И с этого момента Квози могут строить на Ширазе свой дом.

Наверное в далеком будущем, другие поколения Квози напишут многотомную историю посадки на Шираз.

Но на сегодня с них хватит. Интересно, какое у них будет завтра?

Посадка была проведена на самом высоком уровне. Живи аборигены рядом, они все равно ничего бы не заметили. Размеры площадки были рассчитаны с такой точностью, что корабль лишь слегка задел скалы при спуске. Свечение, идущее от корабля, постепенно бледнело, а вскоре исчезло совсем. Это инженеры остановили двигатель видя, что теперь корпус корабля, благодаря притяжению, устойчиво стоит на твердой поверхности. Впервые за шесть поколений «Последователь» замолчал.

Пришла очередь отделам Геологии и Инженеринга раз-

вернуть свои войска сопровождения. Они вступили в борьбу со стихией, бушевавшей вокруг корабля.

Смотрящий-на-Карты осознавал важность возложенной на него обязанности: вести наблюдение за тем, как шел процесс окончательной установки корабля. «Последователь» закончил свое путешествие, а их приключения еще только начались. Шесть поколений Квози жили и умирали в этих стенах, тысячи колонистов посвятили свою жизнь содержанию в исправности огромной машины, и все для того, чтобы наступил сегодняшний день. Нынешние поколения навсегда останутся благодарны своим предшественникам. Они не подведут. Ведь они Квози. Смотрящий повернул серьгу.

«Последователь» больше никогда не взлетит. Просто не сможет после того, как они сами заглушили его все двигатели. Они перестали быть жителями корабля, теперь они в новом мире, и будут здесь жить, несмотря ни на какие трудности.

Смотрящий представил себе взбудораженных колонистов, толпившихся возле экранов, в надежде увидеть кусочек их нового дома. Показ, возможно, сопровождался лекцией Скрывающего-свои-Чувства или одного из его помощников, с целью подготовить всех к мысли о постоянном проживании в норах. Это могло вызвать шок у колонистов. Задача геологов и инженеров была проще, чем у философов. Ведь им нужно было всего лишь передвинуть гранит и металл, а не воздействовать на умы и чувства.

Сейчас колонисты взрывали груды камней. В процессе были задействованы огромные подъемники, которые выгребали обвалившиеся камни и землю и распределяли их вокруг корпуса «Последователя». Как огромное чудовище, похожее на доисторическое существо, живущее в норах, корабль постепенно начал оседать в землю, а вокруг него суетились тысячи крошечных квози. Он станет для колонистов Первой Норой, их новым и одновременно старым домом, до тех пор, пока не будут созданы первые туннели. Туннели, выходящие не на поверхность, а в самое сердце двух гор, окаймлявших равнину.

Они зароятся в землю, как это делали их далекие предки, осторожно и незаметно расширяя свои владения,

подальше от глаз ширазан. Правда Квози долго будут наблюдать только корни странных пушистых деревьев, но инженеры и строители выроят комнаты и галереи, туннели и театры, сельскохозяйственные отделы и многое другое.

Они создадут свой мир. А сейчас им нужно время и абсолютная секретность.

Сыгравший на руку ураган продлился восемь дней, затем стал ослабевать и мгновенно закончился, как будто его и не бывало. Этого времени оказалось больше чем достаточно, чтобы замести следы. Когда, на девятый день облака рассеялись, ничего не говорило о том, что под множеством камней и земли лежит погребенный звездный корабль. А над ним заново, до мельчайшей подробности, до самого маленького кустика и мельчайшего камешка был воспроизведен местный ландшафт. Любой, взглянувший вниз с высоты, не заметил бы никаких изменений. А для того, чтобы обнаружить то, что уровень земли значительно поднялся, понадобилось бы проводить специальные измерения и расчеты. Даже все изгибы и повороты реки, бежавшей теперь над спрятанным кораблем, были воспроизведены с безукоризненной точностью. И скорее всего, даже самый профессиональный наблюдатель пожмет плечами и спишет разницу в высоте на ошибки в старых картах.

Лишь убедившись в том, что местность вокруг пустыня, Плывающая-через-Поток и Встающий-с-Приветствием, а также несколько отобранных специалистов выбрались наверх, чтобы осмотреть поверхность. Теперь они могли увидеть и сравнить увиденное в репортажах первой исследовательской команды с тем, что предстало им самим перед глазами.

Между тем корабельные философы-медитаторы работали не покладая рук, чтобы как-то привести в порядок взвинченные нервы самых беспокойных поселенцев. В большинстве своем все реагировали нормально. Многие уже свыклись с мыслью, что остаток жизни придется прожить на борту «Последователя». Теперь планы несколько изменились, однако принцип остался тот же. Они будут жить под землей. Труднее всего это переживала молодежь. Ведь они жили мечтами о создании цивилизации на зеленой

поверхности их нового дома. Но со временем, получив необходимое лечение и проявив должное терпение, им придется смириться со своей судьбой.

Когда колония основательно осела в подземелье, Смотрящему-на-Карты было разрешено проводить некоторое время на поверхности, собирая нужную информацию и одновременно сопровождая небольшие группы ученых и специалистов по образованию. Поскольку наблюдения с орбиты показали, что ширазяне вели преимущественно дневной образ жизни, такие экскурсии стали возможны лишь в ночное время. В такие часы Смотрящего снова переполняла гордость за предоставленную ему привилегию. Ведь большинству членов колонии никогда не увидеть поверхности планеты.

Время шло, и Квози все больше и больше узнавали о новом мире. Лишь иногда детекторы корабля улавливали воздушные экипажи ширазян, да и то пролетающие вдали от их поселения, и никогда непосредственно над ними. Не стоило сомневаться в том, что коренное население даже не подозревало о существовании «Последователя» и его обитателей.

Открытия на Ширазе не переставали удивлять. На умеренной глубине геологи обнаружили огромные запасы воды необыкновенной чистоты и вкуса. Поэтому сама собой отпала необходимость строить сложный трубопровод, который по замыслу должен был поставлять воду из ближайшего озера. Не изобилуя полезными ископаемыми, прилегающие горы тем не менее содержали металл в количестве, достаточном для нужд колонии, в то же время горная порода была весьма прочной, и для строительства туннелей и комнат не требовалось дополнительных креплений и подпор. Это давало возможность инженерам продвигаться вперед намного быстрее, чем если бы дело происходило в мягком грунте.

Художники возобновили свою работу, часто вдохновляемые образами и записями, доставленными сверху членами небольших исследовательских команд. Сельскохозяйственные работы распространились за пределы корабля в близлежащие галереи. Жизнь шла своим чередом. Скоро флора

и фауна над кораблем восстановилась полностью. Как будто приземления не было вовсе.

Тем не менее, осторожность оставалась самым главным правилом среди колонистов. Все просьбы Смотрящего-на-Карты и других разведчиков о расширении исследований на поверхности постоянно отклонялись. Считалось, что в целях безопасности колонии достаточно данных, полученных в непосредственной близости. Было слишком неразумно рисковать сделанными открытиями только ради возможности добавить какую-то незначительную информацию к общей сумме знаний. В умах все еще было слишком свежо воспоминание о смерти Уносящего-ношу-Вдаль. Замешательство и депрессия, возникшие в результате смерти соплеменника и убийства разумного аборигена, оказались гораздо более вескими доводами, чем желания нескольких членов экипажа. Таким образом, не было и речи о широко-масштабных исследованиях. «Будьте довольны тем, что живете и создаете Первую Нору,— говаривал философ и его помощники.— А безрассудные экспедиции на поверхность оставьте для будущих, более самоуверенных поколений».

Тем временем колонисты постепенно превращали «Последователь» в центр поселения. Год спустя когда Смотрящий-на-Карты и Летающая-на-Хвосте решили соединить свои судьбы, Нора была уже полностью завершена.

Они немедленно обратились за разрешением обзавестись младенцем, но так же быстро получили отказ. Этого и следовало ожидать. Им придется подождать своей очереди, и надеяться, что вскоре из отдела планирования поступит положительный ответ. Скорость, с которой шло строительство новых сооружений, давала шанс надеяться на то, что скоро будет разрешено немного увеличить население. Однако, если контроль отменить совсем, то колония уже через два цикла перешагнет допустимый уровень численности.

Прошел год с тех пор, когда Квози спустились на Шираз, и за это время ни один ширазянин не приблизился к месту поселения. Однако это вовсе не мешало изучению быта и нравов обитателей планеты. Ведь благодаря постоянному просмотру местных передач и репортажей, Квози

знакомились с жизнью ширазян. Особенно большую роль в этом сыграли эксперименты по установке на поверхности специальных оптических приборов, с их помощью подтвердились первоначальные теории ксенологов.

Продолжительные военные конфликты между племенами были нормальным явлением среди аборигенов. Иногда войны прекращались наиболее властными племенами, которые в своих руках сосредоточили огромные запасы оружия, пребывая в полной уверенности, что будущие конфликты неизбежны. Даже для древней Квозинии такая неслыханная трата полезных ископаемых была недопустимой. Философы боялись сойти с ума от энергичных попыток хоть как-то объяснить столь странное поведение.

Размножались ширазяне без ограничения, но их цивилизации не грозило перенаселение, поскольку уровень воспроизводства аборигенов был намного ниже чем у Квози. Сексуальная энергия аборигенов управляла их жизнями и обществом в целом, а не наоборот. Теперь, пользуясь этим принципом, можно было объяснить и понять любой поступок ширазян, каким бы странным и непонятным он ни казался на первый взгляд. Этим объяснялось и то, почему технологически развитое общество постоянно вовлекалось в конфликты. Будучи неспособными понять и справиться со своими психосексуальными побуждениями, правящие мужские особи прибегали к кровопролитиям и насилию, чтобы продемонстрировать свое превосходство. Неудивительно, что общество ширазян представляло собой трясиину непонимания и общего напряжения. Эндокринологи и психологи еще не научились применять на практике свои учения. Неизбежным результатом данного положения вещей был хаос.

Что касается деторождающих женских особей, они также были неспособны разобраться в сложившейся ситуации и инстинктивно выполняли лишь функцию вынашивания и рождения младенцев. А результатом стало их физическое подчинение мужской половине, своего рода физиологический дисбаланс, который, по мнению ученых Квози, был отклонением от нормы, произошедшим в процессе эволюции. Поскольку мужские и женские особи Квози были всегда одного роста и силы, отношения между полами

складывались на основе равенства. А так как самки Квози вынашивали свое потомство в сумках, что никоим образом не уменьшало их физической активности, то они совсем не нуждались в мужской защите. Было очевидно, что ширазянам можно скорее посочувствовать, чем испытывать перед ними страх.

Эти предположения подтверждались поступающей все время новой информацией. Младенцы ширазян рождались прямо в огромный мир и были лишены на первых порах той защиты, которую дает материнская сумка. А раз отсутствовала необходимость вынашивать младенцев в сумке после рождения, то у местных самок не наблюдалось такой развитой мускулатуры, как у самок Квози. Вот почему превосходство мужской особи над женской здесь было не только возможно, но даже обязательно. Поэтому основу агрессивного ширазянского общества составлял вовсе не произвол правящих чиновников, как могло показаться на первый взгляд, а генетические особенности самих аборигенов. И ситуация может измениться к лучшему лишь в том случае, если местные женские особи вдруг каким-то невероятным образом преодолеют свои психические недостатки и постараются положить конец безумным межплеменным войнам, или же мужские особи осознают необходимость контроля над своим гормональным дисбалансом.

Но это были далеко не все проблемы. Ширазянам казалось, что этого недостаточно, и они придумали ошеломляющее множество языков. Как сказал один ксенолог: «Удивительно, что они вообще еще живы».

Смотрящий-на-Карты внимательно следил за изучением всех этих вопросов, и с интересом просматривал все материалы с поверхности, на случай, если во время какой-нибудь экспедиции они случайно встретят менее агрессивных аборигенов, чем в первый раз. Хотя это было и нереально, но они должны быть готовы и к такому повороту событий.

Летающая-на-Хвосте оставила свою профессию и освоила новую — детской няни. Оба исследовательских корабля поместили на длительное хранение. Они больше не понадобятся по крайней мере сто лет, если, конечно, не будут раньше обнаружены аборигенами.

Несколько раз Смотрящий-на-Карты, от имени своих коллег предлагал Командованию провести серию разведывательных ночных полетов для выяснения обстановки в ближайших городских поселениях аборигенов. Но ему все время отказывали. Ведь это было слишком рискованно, кроме того они получали достаточно информации, перехватывая репортажи ширазян. Для Квози секретность всегда была важнее знаний. Смотрящий-на-Карты бурно не соглашался, но ничего не мог поделать. Ведь он не был членом Совета, которых считал слишком консервативными.

Кроме того, вскоре доверчивым Квози пришлось убедиться в том, что опасность представляют не только дикие воюющие аборигены, но и некоторые представители животного мира, питающиеся вовсе не запахами, как было на далекой Квозинии. Так что проблемы с каждым днем прибавлялись.

VI

Шел второй год проживания в норах, когда наконец-то Смотрящему-на-Карты, который сопровождал исследовательскую команду, разрешили слегка расширить изучаемое пространство, что никогда до этого дня не позволялось. Два года ушло на то, чтобы изучить долину над Норой и добраться до соседней долины к югу, абсолютно такой же, как и первая, с небольшой разницей в топографии. Здесь они обнаружили несколько неизвестных дотоле представителей фауны. Но сами также были обнаружены каким-то существом.

Смотрящий-на-Карты с интересом наблюдал за шалостями небольшого, живущего на дереве, четвероногого зверька, когда вдруг услышал вдалеке крики и пронзительный отчаянный свист. Сначала он не придал этому большого значения. Четвероногое существо быстро двигалось, театрально шумело на своем непонятном языке. В репортажах ширазян зверька называли «бел-ка».

Стоял чудный теплый день. Смотрящий радовался тому, что Комитет по Приземлению все-таки сжалился и разре-

шил им проводить время от времени дневные экспедиции. Долгое отсутствие аборигенов сделало Квози несколько смелее. И теперь для таких путешествий Смотрящий всегда одевал полный комплект украшений и шарфов. Ученые совсем не обращали внимания на свой внешний вид, вот почему он считал своим долгом поддерживать надлежащую форму одежды.

Кроме того, среди коллег были две привлекательные самки, и ему хотелось произвести благоприятное впечатление на случай, если они отвлекутся от работы и захотят с ним прокоапулировать, даже несмотря на то, что в Первой Норе его ждала Летающая-на-Хвосте. С головой окунувшись в этот сказочный мир под теплым ширазянским солнцем, наблюдая за шалостями бел-ки, гордый от сознания собственной значимости, он меньше всего ожидал услышать крик.

Два геолога, работающих неподалеку, подняли головы. Они уже закончили все эксперименты и теперь нужно было аккуратно засыпать яму, разровнять поверхность и привести место в первоначальный вид.

Несколько дней назад они разбили небольшой лагерь на склоне ближайшей горы и за это время ничего и никого необычного здесь не встретили. Все было как прежде. Тем более не было ничего угрожающего. Но ошибки быть не могло. Раздался именно крик. Смотрящий-на-Карты мгновенно узнал голос ботаника и зоолога команды. Он прислушался. Крик повторился, отозвавшись эхом в лесу.

Смотрящий развернулся и побежал, его длинные ноги несли его вверх огромными скачками. При этом он весь насторожился, уши были напряжены до предела и слегка наклонены вперед, чтобы уловить малейший незнакомый звук. Инстинктивно его рука коснулась ремня. Впервые за последнее время он не обращал никакого внимания на великолепие окружающего мира.

Вдруг он услышал низкое, гортанное рычание, от которого вся шерсть встала дыбом. Звук был слишком громкий, его не мог издать ни Квози, ни даже абориген. Из перехваченных репортажей, которые ширазяне называли «программы о природе» Квози уже знали, что на планете суще-

ствует много плотоядных животных, но никто из членов команды до сих пор их не видел.

По склону горы протекал небольшой ручей. Смотрящий преодолел его одним прыжком, разбрызгав во все стороны грязь. Из-за большого дерева навстречу ему бросилась чья-то фигура. Это была Встречающая-Голубой-Рассвет, ботаник их группы.

Она задыхалась, и ему понадобилось время, чтобы слегка успокоить ее. В ответ на все вопросы она смогла лишь слабо повернуться и показать в направлении леса. В ее глазах застыл ужас.

— Показывай,— потребовал Смотрящий, преднамеренно шокируя самку своей грубостью.

И это ему удалось. Ее уши затрепыхали, и она более точно указала место. Оставив ее позади, он помчался вверх по склону туда, куда она показала. Встречающая не посмотрела ему вслед и, шатаясь, поплелась к лагерю.

За большим валуном Смотрящий обнаружил истекающее кровью, разрезанное тело зоолога. Голова была почти отделена от туловища и висела на нескольких связках. Разведчик стоял, наклонившись над телом, когда его ноздри уловили новый запах. Сильный и неприятный. Смотрящий заколебался. И вдруг перед ним ожил второй валун, который стал медленно подниматься, издавая злобное рычание.

Существо было огромное, во много раз больше Квози. Оно выглядело как настоящее чудовище, посещавшее его иногда в ночных кошмарах. Оно немного замешкалось возле жалких остатков тела мертвого зоолога и посмотрело на Смотрящего-на-Карты своими почти черными глазами.

Затем оно двинулось в его сторону. Существо явно не принадлежало к миру разума. Смотрящий в этом ничуть не засомневался. С такими клыками и лапами вовсе не требовался разум, чтобы защитить себя.

Точно прицелившись разведчик выстрелил несколько раз. Первые выстрелы лишь привели чудовище в ярость, не причинив ему видимых повреждений. Смотрящий продолжал стрелять, отступая назад. Монстр оказался намного быстрее, чем можно было предположить. Он смог бы догнать аборигена, но не Квози. И все же Смотрящий пони-

мал, что, если он даст загнать себя в тупик между скал, или же хоть на секунду замешкается...

Он уже забеспокоился о зарядах в оружии, когда его выстрелы начали достигать нужного результата. Чудовище завертело головой, затем повернуло в сторону и стало отступать за деревья. Смотрящий решил, что оно заберет с собой тело зоолога, но этого, к счастью, не случилось.

«Излишняя самоуверенность когда-нибудь нас погубит,— подумал Смотрящий, пытаясь перевести дыхание.— Мы стали слишком беспечными. Все-таки Шираз еще не дом». Перечитав несколько стоф из Военной Эпической поэмы он немного успокоился. То, что команды по изучению поверхности до сих пор не имели никаких проблем, вовсе не означало, что таких проблем не существовало. Единственным утешением было то, что, по-видимому, этот вид плотоядных монстров был редкостью в этих горных районах, раз он встретился им впервые.

Лишь убедившись в том, что животное не лежит где-нибудь неподалеку в засаде, он склонился осмотреть тело зоолога. Это было ужасно. Труп хотя и имел очертания тела, но в то же время все внутренности были выпотрошены. Смотрящий попытался вспомнить хоть какую-нибудь песню прощания, спел несколько строчек, повернулся и медленно побрел в направлении лагеря.

Во всем был виноват только он. Ведь он наблюдал за лагерьем и остальными членами команды и все равно смерть повисла у него на плечах. За безопасность отвечал прежде всего он, и вот он с треском провалился. Было похоже на то, что эта экспедиция станет его последней экспедицией на поверхность.

Предчувствуя это, Смотрящий не торопился обратно. В последний раз он видел это необыкновенное, голубое небо, огромные плывущие облака, бесчисленное множество растений, населяющих Шираз. Он нашел в себе силы и зашагал быстрее, стараясь избавиться от всякого выражения подобострастия в своей позе. С гордостью он поправил шарфы на ногах.

Причины горевать не было. Ведь ему повезло гораздо больше, чем соплеменникам, многие из которых могли судить о поверхности лишь по материалам научных экспеди-

ций на Шираз. Они никогда не вдохнут ее свежего воздуха, не почувствуют дурманящий запах растительности, не увидят все разнообразие безобидной фауны. Лишь некоторым было дано все это ощутить.

Теперь он лишился этой главной привилегии. Его ждали остальные. Он увидел, как расслабились их лица и позы, когда он показался из-за деревьев, удивляясь, почему они до сих пор верят ему.

— Мы все знаем,— геолог жестом указал на медленно приходящую в себя травмированную самку-ботаника.

— Тогда вы также знаете, что нужно делать...

Дальше все происходило медленно и болезненно для каждого. Тело зоолога нельзя было оставить разлагаться на поверхности, из-за хоть и незначительной, но все же существующей вероятности его обнаружения каким-нибудь ширазянином. Вот почему нужно было все упаковать и отнести в колонию для захоронения, а так же уничтожить следы на поверхности, включая пролитую кровь и разорванный мех.

Коллеги пытались утешить Смотрящего, объясняя все тем, что он был не в силах чем-нибудь помочь зоологу, тот сам был виновен в своей смерти, ему не следовало так далеко отходить от лагеря. И хоть Смотрящий не верил никому из них, он вежливо принял все соболезнования. Это помогло вернуть ему себе чувство уверенности.

Когда колонисты пересекли гребень холма, разделяющего две равнины, они наткнулись на тело чудовища. Его запах они почувствовали задолго до данного места.

— Вы очень храбрый воин и меткий стрелок,— сказал один из геологов.

— Лучше бы я не был им вообще.

Геолог с сомнением посмотрел на него:

— Я не понимаю вас.

Смотрящий осторожно подошел к огромной туше.

— Нам нужно также убрать это тело, ведь наше оружие отличается от оружия ширазян. И если они найдут это чудовище, то тут же увидят, что его застрелили из какого-то странного оружия. Естественно это их заинтересует.

— Мне кажется, что это излишняя предосторожность,— отозвался один из членов группы.

— А я согласен. Это вполне возможно. А мы не имеем права рисковать.

— Это не риск,— не унимался геолог.— Через несколько часов все будет уничтожено местными животными, питающимися падалью,— он нервно огляделся.— Они вот-вот появятся.

— Вы не понимаете. Мы не вправе принимать такие решения. Кроме того, неужели никто из вас не видит, что перед нами бесценный биологический экземпляр?

— Возможно,— продолжал спорить геолог,— но для нас он не может представлять ни малейшего интереса, поскольку у нас нет возможности затащить его в Нору.

— Мы должны это сделать,— настаивал Смотрящий-на-Карты.— Но не потому что он интересен с биологической точки зрения, а потому что это дань памяти Видящему-Вещие-Сны.

Последняя фраза ошеломила всех. Они могли спорить о том, что бесполезно пытаться сдвинуть с места такую тушу, но Смотрящий сразу обезоружил их своим аргументом, связав все со смертью зоолога. Он ловко подловил их. И теперь он пытался облегчить практическое выполнение данной задачи.

— У нас есть один подъемник. Возможно, с его помощью нам удастся забрать это с собой, если, конечно, постараться.

— Но подъемник уже загружен,— другой геолог показал ушами на заметно осевшую машину.

— Я знаю. Придется выбросить все образцы,— сказал Смотрящий.

Геологи начали обсуждать это предложение между собой. Не будучи ученым, Смотрящий-на-Карты не имел права голоса. Ботаник же была не в состоянии спорить или что-либо обсуждать.

В конце концов решили, что Смотрящий прав. Ценность убитого животного перевесила ценность всех образцов камней и почвы. Наиболее важные экспонаты нужно было выбрать и, погрузив в пакеты, забрать с собой. А подъемник будет использован для перевозки животного и тела их растерзанного коллеги.

Смотрящий предложил поставить в Норе убитому зоо-

логу достойный памятник. Все члены группы единодушно его поддержали.

После этого они занялись разгрузкой собранных экспонатов. Нужно было сложить все так, чтобы не нарушить общий вид поляны. Затем они подняли тушу и попытались погрузить ее на подъемник. Работа оказалась настолько тяжелой, что они все вместе едва с ней справились. Когда все было сделано они спели прощальную песню по своему искалеченному другу и двинулись в направлении Норы.

Восторгу биологов, когда они увидели тушу чудовища, не было границ. Однако Главный Геолог колонии напомнил всем, что в общем порыве чувств не следует забывать за счет чего стал возможен такой подарок.

— Ведь мы вынуждены были оставить большинство нашей добычи в этой экспедиции.

Глава биологов тоже был вынужден признать потерю геологического отдела.

— Мы проследим, чтобы вам обязательно компенсировали потраченное время в ходе следующей экспедиции.

Смотрящий-на-Карты вполуха слушал вежливое подшучивание, думая о том, где могла быть Летающая-на-Хвосте. Он уже собрался уходить, когда к нему подошел Главный Биолог — один из Совета Старейшин.

— Мне рассказали, как вы приняли такое решение. Вы нарушили все инструкции о предметах, которые разрешено забирать с поверхности. Но я думаю, в данном случае вам не о чем беспокоиться.

— Это было моей ошибкой, — не соглашался Смотрящий. — Ведь я мог убежать и возвратиться позже. Или же можно было просто поймать его, не убивая. Я же действовал в спешке.

— Вами управлял инстинкт, ведь вы защищали другие жизни. Жизни членов экспедиционной команды, а также свою собственную. Вы должны были разделаться с этим чудовищем. Мы ничего не знаем об этом существе, о его повадках. Если бы вы побежали, оно, возможно, стало бы преследовать вас, что могло повлечь за собой другие жертвы. Вот поэтому-то вы и разведчик.

В голосе Старейшины чувствовалось восхищение и

одобрение его действий. Как ни странно, но это помогло Смотрящему прийти в себя.

Главный Биолог продолжал:

— Каждому иногда приходится принимать молниеносные решения, не имея возможности проанализировать до конца ситуацию. Не всегда есть время прибегать к медитации. Не всегда можно действовать по велению сердца. Особенно, когда сталкиваешься лицом к лицу со смертью. Скажите мне, Смотрящий-на-Карты, как долго вы собираетесь быть разведчиком?

— После того, что случилось, недолго,— печально ответил Смотрящий-на-Карты, опустив на лицо уши.— Я знаю правила. Состоится формальное разбирательство. Каждый согласится с тем, что мне нужно сменить профессию.

— Я воспользуюсь своим влиянием, чтобы помочь вам.— И видя, что разведчик подавлен, Старейшина добавил: — Более того. Я расскажу вам о нашем последнем открытии. Пока это только теория и вы будете одним из тех немногих, кто сможет оценить ее значение и перспективы. Вы ведь знаете, что мы заканчиваем исследования тела того аборигена, которого вы, обороняясь, застрелили. Мы долго занимались этим экземпляром и вот наша работа близится к концу.

Уши Смотрящего выпрямились:

— Я что-то об этом слышал, но до меня доходили только какие-то неправдоподобные слухи о вашей работе. Хотя, признаюсь, мне трудно говорить о случившемся тогда на Ширазе. Ведь я убил брата по разуму.

Воспоминания об этой трагедии до сих пор преследовали разведчика, несмотря на то, что он умело пользовался медитацией. К счастью исчезновение ширазянина не произвело много шума среди местных жителей. Скорее всего он был не из их племени.

Вскрытие помогло узнать многое о внутреннем строении аборигенов, и теперь биологам очень хотелось получить еще и тело самки для сравнения. Но о насилии не могло быть и речи. Так что же удалось узнать биологам? Почему лишь несколько избранных посвящены в эту тайну? Смотрящий-на-Карты окинул комнату пристальным

взглядом. На них никто не обращал внимания. Ученые оживленно спорили у огромного скелета ширазянского животного.

— Практически все результаты исследований открыты для изучения,— прошептал биолог.— Но я как руководитель группы и тот, кто сформулировал эту теорию, решили скрыть некоторые данные. Они более чем противоречивы.

Взволнованное ожидание переполняло разведчика. Как и ожидал биолог, эта новость, отодвинула на второй план все остальные переживания Смотрящего.

— Но что же это? Неужели ширазяне обладают какими-то сверхъестественными духовными или физическими способностями, о которых мы не знаем? Это должно быть что-то особенное, если мы не смогли обнаружить ничего до сих пор.

— Вы правы. И самое странное здесь то, что практически каждый из нас подсознательно чувствует это. Когда мы наконец вступим в настоящий контакт с местными жителями, такое знание может оказаться нашим спасением или стать причиной нашей гибели. Все будет зависеть от того, как ширазяне отреагируют на наше появление.— Он жестом приказал Смотрящему-на-Карты приблизиться. Тот подчинился. После этого биолог стал долго и нудно объяснять суть открытия. Уже в середине этого рассказа Смотрящий понял, что они имели в виду разные вещи. Это было не совсем то, о чем думал разведчик. И тем не менее ученый был прав, говоря, что каждый в колонии подсознательно знал об этом. Огромная волна чувств и эмоций захлестнула Смотрящего, но он слушал биолога спокойно, стараясь не выдавать своего волнения. Закончив рассказ ученый повернулся и вышел из комнаты даже не попрощавшись. Смотрящий остался наедине со своими мыслями. Через некоторое время он решил разыскать Летающую-на-Хвосте.

Сумятица в мыслях и чувствах мешали ему взять себя в руки. Кроме того, его съедало любопытство, любопытство, которое не могло быть удовлетворено. Было бы неплохо дожить до того времени, когда эта теория станет известна всем. Интересно, что они смогут извлечь из нее, при условии, конечно, что биолог прав. Это было просто здорово и одновременно очень страшно. Теперь Смотря-

щий-на-Карты понимал почему ученый решил засекретить открытие. Оно могло взорвать колонию.

Выходы из колонии не охранялись. Сама мысль о том, что кто-то в нарушение всех законов Норы попытается тайком покинуть ее, казалась кощунственной. Лишь немногие исследователи имели право бывать на поверхности планеты, в то время как большинство членов колонии проводило свою жизнь в огромном «Последователе» и тех многочисленных подземных лабиринтах и туннелях, которые были созданы их же руками. Никто не проявлял недовольства своей участью.

Квози не тосковали по солнцу и небу, потому что ни они, ни их родители просто не знали, что это такое. Они могли просматривать записи, сделанные на поверхности планеты и, может быть, даже мечтать о ней, но нарушить закон, чтобы увидеть все это своими глазами, для них было невозможно. Кроме того, на то и существуют Старейшины, чтобы принимать наиболее верные решения о будущем колонии. Очень помогло и то, что они теперь уже могли смотреть телевизионные передачи людей, как ширазяне называли себя. Тщательное изучение их программ являлось составной частью обязательного образования Квози. Когда наступит время контакта, они будут хорошо подготовлены к нему.

К удивлению Смотрящего-на-Карты его не отстранили от работы. В том, что исследовательская команда оказалась в долине, населенной чудовищами, не было его вины. Он по-прежнему сопровождал ученых в подобных экспедициях.

Закончив изучение долины, простиравшейся на север от колонии, Смотрящий-на-Карты возглавил группу, отправлявшуюся на юг. Их было четверо. Смотрящий-на-Карты предпочитал небольшие команды, так как в этом случае было легче обеспечить безопасность членов экспедиции. Зачастую ученые напоминали ему заигравшихся детей, не обращающих внимания на происходящее вокруг них.

По дну скалистого ущелья текла река и ботаник с зоологом не скрывали своего нетерпения, ведь до сих пор жизнь под водой была практически не изучена. А телевизионные передачи людей свидетельствовали о многообразии

существ, населявших реки, озера и другие водные пространства.

Смотрящему не составило труда найти удобный спуск к реке. Но вдруг он отчетливо услышал музыку. Более того, это была знакомая музыка. Смотрящий-на-Карты жестом приказал своим спутникам остановиться, а сам отправился на поиски источника звуков. Может быть это какая-то ширазянская птица, обладающая даром имитации и повторяющая мелодию, услышанную от другой экспедиции?

Звуки становились все громче и громче и, наконец, он оказался у небольшого естественного амфитеатра в центре которого находились два Квози. Самец играл на флейте, а самка исполняла грациозные пируэты на песке. Смотрящий-на-Карты видел эту самку впервые. Светло-коричневый мех покрывал ее мордашку, руки и ноги, а почти треть тела была искусно выбрита. Необычный вид ее украшений и лент озадачил и без того изумленного разведчика.

А вот самца Смотрящий узнал сразу же. Тот был так же тщательно выбрит, как и его спутница, а из украшений на нем были только серьги. Звучащая мелодия была лишена модных нововведений. Стало ясно, что эти двое не представляют никакой опасности, всего лишь обычное неповиновение законам Норы.

Не доставая оружия Смотрящий спустился ниже.

— Поющий-высоким-Голосом! Надеюсь у вас есть разрешение на это представление.

Музыка резко оборвалась. Танцующая самка застыла на месте. Поющий опустил флейту. Они не бросились убежать и это уже было неплохо. Но что они здесь делают, одни, без оружия и так далеко от Норы?

— У меня есть разрешение. Вам не о чем беспокоиться.

— Меня успокаивают ваши слова,— Смотрящий прыгнул на песок, приблизился к ним и вопросительно посмотрел на самку.

— Думающая-о-Печальном, это — разведчик Смотрящий-на-Карты. Но вы, вероятно, уже узнали первого Квози, совершившего убийство на этой планете.

Смотрящий напрягся, но не ответил на вызов. Ничего другого он и не ожидал от музыканта. Старые обиды не забываются.

Несмотря на этот враждебный выпад Поющий-высоким-Голосом и его подруга сохраняли бесстрастный вид, словно появление разведчика не имело для них никакого значения. Это можно было бы истолковать как необычную форму безумия, но Смотрящий-на-Карты не спешил делать выводы.

— Итак, у вас есть разрешение.— Этой фразой он давал возможность Поющему вернуться к привычной для Квози манере разговора, но ответ был ошеломляюще груб:

— Да, есть.

Оскорбленный разведчик с трудом взял себя в руки, понимая, что он находится здесь не для того, чтобы расследовать это происшествие. Он может вежливо проститься, оставить их в покое (с их музыкой и танцами) и составить официальный отчет-доклад. И пусть Старейшины принимают решение. Но он просто не мог уйти. Что держало его: любопытство, воспоминания или, может быть, чувство ответственности и долга? Трудно сказать. Он не смог бы ответить на этот вопрос.

— Кто выдал разрешение? — Спросил он, а про себя удовлетворенно подумал: «Вот так. Я тоже умею грубить».

— Вторая книга Шамизин. Манускрипт Эстетики. Монологи оратора. Вся история искусства Квози,— невозможно ответил музыкант.

Уши разведчика дрогнули:

— Я не понимаю.

— Ничего другого я и не ожидал,— верхняя губа музыканта дрогнула и обнажились передние зубы. Смотрящий-на-Карты почувствовал, как кровь зашумела у него в ушах. Древний вызов едва не заставил его броситься на Поющего-высоким-Голосом и только опыт и выдержка удержали его от атаки.

— Вы не художник,— продолжал Поющий.— Всего лишь еще один винтик в машине.

— Как и все мы. Главное — это наше сообщество. Вы неправильно понимаете значение своей индивидуальности. Вам нужна помощь.

Поющий отрицательно покачал ушами.

— Не нам. Мы, как художники, не можем подчиняться

группым и деспотическим законам, которые заставляют нас, словно жуков, копать в земле.

— Квози всегда жили под землей,— запротестовал Смотрящий-на-Карты.— Нет ничего зазорного в том, что мы ведем тот же образ жизни, что и наши предки.

— Да, если бы у нас не было другого выбора.

Смотрящий-на-Карты попытался перевести разговор в другое русло.

— Решения Совета не обсуждаются.

— Речь идет об искусстве. И если уж они решили лишить нас права выбора, то мы должны бороться.

— Вы оба сошли с ума.

— Мы художники,— Поющий произнес это так, словно эти слова все объясняли. И в какой-то мере он был прав.

Чувство долга заставило Смотрящего продолжить разговор.

— Итак, у Вас нет официального разрешения.

— Мы имеем право быть здесь,— произнесла самка.— Нам дает его наше духовное начало и вторая книга Шамизин. Больше ничего не нужно.

— Это решать буду не я. Надеюсь, вы понимаете, что я должен отразить факт вашего пребывания на поверхности планеты в своем официальном докладе.

— Ничего другого мы и не ожидаем,— даже эта обычная фраза прозвучала в устах Поющего оскорблением.— Пишите, что хотите. Это не имеет никакого значения.

— Я сделаю это после того как вы вернетесь в Нору.

— А кто говорит о возвращении в Нору? — откровенно наслаждаясь замешательством разведчика, музыкант продолжил: — Мы и не собираемся возвращаться. Мы создадим свою Нору, свободную от условностей и предрассудков. Здесь наша жизнь не будет расписана по минутам, как на корабле.

Затем он широко раскинул руки и обратился к небесам:

— Мир — это не подземелье!

— По крайней мере честно,— осторожно ответил Смотрящий.

Это было хуже, чем он думал, гораздо хуже. Теперь он не мог оставить их здесь.

— Но ведь вы можете попасть в руки местных жителей

и тогда поставите под угрозу само существование колонии.

— Ничего не случится. Мы укроемся так же тщательно как и вы. Мы понимаем ответственность, которую возлагаем на себя. У нас достаточно припасов; мы готовились больше года. Все будет в порядке.

Только теперь Смотрящий-на-Карты увидел пару самодельных, плотно упакованных рюкзаков, лежавших у скалы. Он вздохнул и взглянул в глаза упрямого музыканта.

— Это безрассудство. Никто не может покинуть Нору. Никто не может пренебрегать решениями Совета.

— Мы прожили в этом мире четыре года и ни один местный житель даже не приблизился к Норе. Два странствующих Квози не нарушат безопасности колонии. Нас никто не увидит. Может случиться так, что когда-нибудь нам надоест изоляция от общества и мы добровольно вернемся в колонию, но сейчас мы жаждем свободы. Нам нужны новые краски, звуки, запахи для вдохновения. Без новых впечатлений мы обречены на творческую гибель.

— Среди нас много художников и все они довольны своей жизнью.

— Откуда вы знаете? Вы что, интересовались их чувствами? Впрочем это не имеет значения. Важно то, что не довольны мы. Нам необходимо жизненное пространство.

— Вам не позволят покинуть Нору. Вы должны понимать, что вас вернут.

— Сначала нас нужно будет найти,— высокомерно произнес Поющий.— Не думаю, что Совет пойдет на это. Поиски могут принести куда больше вреда, чем наше исчезновение. Никто не знал о наших планах и известие о нашем побеге может подтолкнуть других к поискам свободы.

Смотрящий-на-Карты обдумал слова музыканта. Это не спонтанный поступок, как ему показалось вначале, а тщательно спланированное действие. Может получиться так, что Совет действительно решит выбрать из двух зол меньшее и не начинать поиски. Смотрящий еще больше приблизился к музыканту и остановился, балансируя на грани допустимого.

— Есть еще одна возможность остановить вас, но об этом вы не упомянули.

— Что же это?

— То, что столкнувшись с вами и узнав о ваших намерениях, я могу заставить вас вернуться в Нору. В этом случае необходимость в поисках отпадет,— и он демонстративно опустил правую руку на оружие, пристегнутое к поясу.

Поющий бросил быстрый взгляд на кобуру разведчика.

— Мы не собираемся возвращаться и ни вы, и никто другой не сможет заставить нас сделать это.

— Я могу уничтожить вас.

— Это вы можете,— уши музыканта восхищенно дрогнули,— после первого убийства сделать это будет просто.

Смотрящий-на-Карты ожидал оскорбления и несколько не удивился.

— Я не убийца. Я разведчик, который знает свои права и обязанности, так же как мы оба знаем законы. А вы их сейчас намеренно нарушаете. Я не убийца.

— Стоит ли тогда серьезно относиться к вашей угрозе?

— Я не сказал, что не смогу выстрелить в вас. На карту поставлено будущее колонии и я смогу заставить себя поднять на вас руку. Врачи поставят вас на ноги.

Он видел, что Поющий не поверил ему.

— Я знаю вас, Смотрящий-на-Карты. Вы — Квози. Если вы причините нам вред, ваш рассудок не выдержит этого.

— Да, я рискую, но могу не думать об этом. Меня готовили для этого. На вашем месте я бы не стал испытывать судьбу. И меня.

Музыкант попытался скрыть свои чувства, но Смотрящий-на-Карты видел, что он потрясен. В некотором роде это была победа.

— Если вы убьете нас, то потеряете все, ради чего живете. Индивидууму с отклонениями в психике никогда не позволят вернуться на поверхность планеты.

— Это вы-то говорите об отклонениях в психике? Впрочем, мне все равно. Я добровольно уйду в отставку. Я понимаю, что это будет стоить мне очень дорого. Друзья будут избегать меня. Родители, случайно столкнувшись со мной в коридоре со стыдом отвернутся. Никто не захочет заниматься со мной любовью. И все будут правы. Но я го-

тов вынести все это ради безопасности колонии.

— Да,— пробормотал Поющий,— похоже ты действительно настолько безумен, что решишься на это.

— Не думаю, что дело в моем психическом здоровье,— он потянул оружие из кобуры.— Ради нашего сообщества и его будущего на этой планете я настаиваю...

Он не успел закончить фразу.

Очнувшись, Смотрящий обнаружил себя лежащим на спине неподалеку от скалы. Встревоженные лица соплеменников склонились над ним. Но это были не Поющий и Думающая, а члены исследовательской группы. С их помощью он поднялся на ноги и осмотрелся. Рюкзаки исчезли вместе с их владельцами.

— Знаю, мы должны были дожждаться Вашего возвращения, но время шло, мы начали волноваться и решили отправиться на поиски. Покорнейше просим простить нас за это нарушение правил,— сказал зоолог.

— Вы имеете на это право,— медленно произнес Смотрящий. Сейчас было не до формальных условностей.

— Вы, наверное, поскользнулись и упали,— ботаник указал на мокрый склон.

— Я не упал. Меня ударили по голове,— и он рассказал о том, что увидел в котловане.

— Хотя Поющий и сошел с ума, но у него и его спутницы все в порядке с рефлексамми. Он отвлек меня разговором и я перестал следить за Думающей. Я настолько сосредоточился на мысли о том, что мне, возможно, придется применить насилие, что не подумал о том, что напасть могут на меня.

Рассказ о вероломстве соплеменников ошеломил ученых и для обретения духовного равновесия им пришлось заняться медитацией. Лишь после этого они смогли обсудить сложившуюся ситуацию.

— Вы считаете, что нам нужно попытаться догнать их? — спросил ботаник.— Нас четверо. Мы сможем заставить их вернуться.

Уши Смотрящего-на-Карты вытянулись параллельно земле.

— Нет, у нас нет на это полномочий. Кроме того, мы не знаем, в каком направлении они двинулись и у нас нет

приборов для поиска. К тому же,— с иронией он повторил один из аргументов Поющего,— мы рискуем столкнуться с местными жителями.

Зоолог взгляделся в лесную чащу.

— Но не можем же мы упустить их. Они подвергают опасности всю колонию.

— Я пытался объяснить им это, но они убеждены, что смогут остаться незамеченными,— Смотрящий дотронулся рукой до лба и увидел кровь на своих кольцах.— Итак, это свершилось. Один Квози пролил кровь другого. Эти художники сошли с ума, другого объяснения нет.

В отличие от прошлого случая, закончившегося убийством аборигена, на этот раз он был совершенно спокоен. Он делал то, что должен был делать, и если у него ничего не вышло, то, по крайней мере, он попытался. К тому же он никому не причинил вреда.

— Никто не обвинит вас в том, что произошло,— с глубокой симпатией произнесла геолог.— Вы действовали по всем правилам, поэтому и проиграли. Если бы не Вы, их побег был бы еще нескоро обнаружен. А теперь Старейшины смогут принять решение, пока еще не поздно.

— Может быть, и поздно,— Смотрящий покачнулся. Геолог подхватила его под руку и осмотрела. Над левым глазом кровоточила большая ссадина.

— Вы чудом остались живы,— воскликнула она.— Мы должны вернуться в Нору и доложить Совету Старейшин о случившемся. Наша работа может подождать.

— Конечно же,— горячо поддержал ее зоолог,— надо как можно скорее рассказать все Совету.

У них не было другого выхода, и все же Смотрящий-на-Карты внезапно испытал чувство сожаления. Может быть было бы лучше, если бы он действовал не раздумывая.

Глава Комитета по Приземлению высказался за отправление вооруженной поисковой группы. Но Капитан и Совет Семи были против. Как и предвидел Поющий из двух зол было выбрано меньшее.

— Хотя воздушные корабли землян примитивны,— сказала Капитан,— и появляются здесь достаточно редко, мы не можем полагаться на случай. Мы должны взвесить все обстоятельства. Поющий и Думающая — художники.

Они не имеют никаких навыков выживания на поверхности планеты.— Она бросила взгляд на Смотрящего, но тот упорно не поднимал глаз.— Они легко могут погибнуть в лапах какого-либо животного или отравиться пищей. И уж наверняка они не переживут сезона холодов.

В колонии уже было хорошо известно, насколько сурова природа в этой части Ширазы. Смотрящий-на-Карты подтвердил, что беглецы были легко одеты, хотя ему не удалось узнать, что было в их рюкзаках, которые выглядели не слишком большими.

Поднялся один из подчиненных Встающего-с-Приветствием и произнес:

— Беглецы во власти чуждой нам природы. Я не представляю, как они переживут холода,— он обвел взглядом присутствующих,— некоторые растения ядовиты для организма Квози, а у художников нет ни малейшего опыта в их распознавании. Они наверняка изучали записи ученых, но действительность совсем другое дело, тем более, что наши знания слишком недостаточны. Они могут рассчитывать только на себя и,— он не сдержал презрительной ухмылки в голосе,— пусть попробуют согреться своим искусством.

— Я думаю, они вскоре вернутся,— сказал один из философов.— Мы знаем, что для Квози жизненно необходимо общение с себе подобными. Даже если им удастся справиться с природой и климатом Шираз, то от себя им не уйти. Дайте им полгода и одиночество заставит вернуться их в Нору.

— Может быть Вы и правы,— сказал Скрывающий-свои-Чувства,— но не следует забывать, что Поющий и Думающая — художники. Такие личности способны на многое.

— Но не на такое,— возразил философ.— Если они еще и не сошли с ума, то их впереди наверняка ожидает безумие.

Смотрящий-на-Карты также смог высказать свое мнение.

— Поначалу я тоже думал, что они сумасшедшие. Но затем я понял, что это не так. Они были совершенно спокойны и отдавали себе отчет в своих действиях.

Уши Плывущей-через-Поток дрогнули и слегка свернулись.

— Что бы Вы посоветовали, разведчик?

Смотрящий уже обдумал свое предложение, поэтому ответил без колебания:

— Здесь только скалы и реки. Не думаю, что два необученных Квози смогут далеко уйти. Основываясь на наших сведениях и на собственных наблюдениях, я могу утверждать, что аборигены избегают бывать в этом районе. Ведь за все время мы не нашли ни одного свидетельства их пребывания в окрестностях Норы. Не думаю, что беглецы зайдут настолько далеко, что захотят встретиться с местными жителями. Если же это и случится, то мы можем предугадать реакцию аборигенов. Скорее всего они нападут на беглецов. Но в этом случае аборигены узнают о существовании только двух Квози, а происхождение, местонахождение колонии останутся для них секретом. Я изучал их передачи. Вначале будет много шума, который сразу же исчезнет, как только власти решат, что их было только двое. А теперь подумайте о том, что произойдет, если вооруженная поисковая группа случайно столкнется с аборигенами. Раньше я считал, что мы должны искать их. Но теперь... Пусть идет. Планета сама позаботится о них.

Плывущая-через-Поток и Встающий-с-Приветствием не голосовали. Право принять решение они предоставили экспертам, которые постановили, что лучше всего не предпринимать никаких действий. Совет будет медитировать в надежде на то, что беглецы вернутся. Они будут наказаны, но их с радостью примут обратно. Они все еще члены их сообщества, они — Квози.

После сеанса медитации Капитан произнесла проникновенную речь, в которой превознесла отвагу и бесстрашие двух художников. И она была права. В целях соблюдения секретности было решено поручить специалистам беседу с родственниками беглецов и не заострять внимания колонистов на случившемся.

Смотрящий-на-Карты поймал себя на том, что он декламирует стихи о душах художников. Поющий не был ему другом, но он и его подруга были членами сообщества Квози. Они заслуживали сочувствия, а может быть, даже и уважения. В то же время он сожалел, что ему не удалось убить их обоих.

Колония продолжала разрастаться, но по-прежнему соблюдался контроль за рождаемостью. Туннели и лабиринты простирались в семи направлениях. Система вентиляции подавала свежий воздух с поверхности планеты.

Разведчики во главе со Смотрящим-на-Карты все так же сопровождали исследовательские группы. Экспедиции продвигались все дальше и дальше, но никаких следов присутствия людей вблизи Норы обнаружено не было. В то же время, судя по репортажам, на планете одна за одной вспыхивали войны. Ширазяне, очевидно, от природы не были наделены даром взаимопонимания. Философы колонии проводили месяцы в бесплодных дискуссиях по этому поводу. Тем не менее отдельные племена ширазян развивались быстрыми темпами. Одной из исследовательских групп удалось установить и хорошо замаскировать антенну на северном горном хребте, так что качество изображения перехватываемых передач заметно улучшилось. Вскоре аборигенам удалось провести реакцию расщепления атомного ядра и создать ядерное оружие. Это было опасно, так как его бесконтрольное применение могло привести к уничтожению колонии. Но к безграничному удивлению ученых и философов колонии после краткого периода испытаний оружие так и не было применено ни в одном из конфликтов. Логику действий ширазян невозможно было понять. Создав мощнейшее оружие массового поражения, они добровольно отказались от его использования. В подобной ситуации древние Квози без всяких раздумий воспользовались бы им. Пропать, лежавшая между ширазянами и Квози оказалась еще глубже, чем можно было предположить.

Научно-технический прогресс людей продвигался такими быстрыми темпами, что ученые колонии стали задумываться о том, что же произойдет, если аборигенам удастся подавить свою природную склонность к междуусобным войнам. В небе появлялись все более и более совершенные корабли. Телепередачи приобрели цвет и резкость. И, наконец, настал день, когда приборы зафиксировали появление на орбите первого искусственного спутника планеты. За ним последовали другие, и состоялась посадка экипажа ширазян на единственный спутник Ширазы, на-

зываемый Луной. Колония наблюдала за происходящим со стороны, в то время как ее численность медленно, но постоянно росла. Окрестности Норы оставались такими же безлюдными, как и раньше. За все время после посадки корабля лишь однажды исследовательская группа во главе с постаревшим Смотрящим столкнулась с ширазянами. Тогда с риском для жизни, наскоро замаскировавшиеся исследователи решили вести наблюдения. Ширазян было четверо и они не подозревали о присутствии инопланетян.

— Не похоже, что они хотят создать здесь постоянное жилище,— сделал вывод зоолог.— Посмотрите, насколько мало и непрочно это сооружение, сделанное из какой-то примитивной материи.

— Вероятно, временное укрытие,— согласился с ним ксенолог.

Съемка происходящего велась круглосуточно. Ученые не хотели упустить ни единой мелочи. Информацию, получаемую из перехватываемых теле- и радиопередач, нельзя было и сравнивать с данными наблюдений, ведущихся в полевых условиях.

Было приятной неожиданностью обнаружить, что ширазяне путешествовали в равном количестве самцов и самок, так же как и Квози. Большую часть времени они проводили на открытом воздухе. Ученые были изумлены воочию увидев, как ширазяне занимаются так называемым «плаванием». Это было совершенно необычно, если не сказать, что это было просто безумием. Так прошло несколько дней. Особый интерес вызвала пара, предпочевшая заниматься любовью не в нелепом укрытии, а прямо на траве, среди деревьев. Впрочем, казалось, что ширазяне вообще не обращали внимания на окружающую их природу. Это немало огорчило исследователей, которые надеялись найти хоть что-нибудь аналогичное поведению Квози. После длительного ожидания группа была сражена догадкой, что пассивность ширазян вызвана вовсе не паузой в половом контакте, а его окончанием.

Старший зоолог в недоумении повернулась к разведчику.

— Вы действительно считаете, что это все?

— Похоже на то,— Смотрящий был изумлен не меньше

ее. В тщетной надежде заметить хоть какое-то проявление любовной активности ширазян, младший зоолог продолжал всматриваться в прибор ночного видения.

— Может быть они не совсем здоровы?

Но это предположение рассыпалось, когда им удалось зафиксировать совокупление второй пары, которое закончилось еще быстрее. Исследовательская группа была охвачена смятением. Ведь если допустить, что первая пара больна, то вторая должна быть на грани смерти. А тем не менее во всех остальных отношениях они казались абсолютно здоровыми.

— Большинство из них живет на уровне моря,— предположил геолог,— может быть атмосферное давление в этой долине влияет на их биоритмы? А может быть что-то не то с воздухом?

— Не думаю,— уверенно откликнулся Смотрящий-на-Карты.

— Если все дело в воздухе и давлении, то почему это никак не отразилось на Квози?

Смотрящий-на-Карты лично убедился в этом раз шесть совокупившись со старшим зоологом до восхода солнца и не почувствовав при этом никакой усталости. Воздух тут был ни при чем.

— Невероятно, как удалось им так заселить планету, если то, что мы видели, для них норма,— заявила на научной конференции зоолог через день после того, как аборигены свернули свое переносное укрытие и покинули долину.

— Если частота совокуплений настолько мала, то, следовательно, их способность к воспроизведению потомства очень высока. Не забывайте, что судя по их теле- и радиопередачам ширазяне практически не пользуются противозачаточными средствами,— предположил геолог.

Смотрящий-на-Карты движением ушей выразил свое согласие.

— Быть может для зачатия достаточно и одного совокупления. Это в большой степени объясняет заселенность планеты.

— А также их постоянные войны,— добавила старший зоолог.— Впрочем, не нам судить. Мы всего лишь исследо-

вательская группа, собирающая информацию. Рассмотрением этого вопроса займутся эксперты.

Новые данные не сделали ширазян ближе, но, по крайней мере, они стали понятнее. Было ясно, что несмотря на научно-технический прогресс, аборигены находятся на примитивной стадии духовного, эмоционального и сексуального развития. Для них были совершенно естественны вооруженные конфликты, спровоцированные гормональным дисбалансом.

По мнению ученых контакт между Квози и ширазянами вряд ли когда-нибудь станет возможным и существование колонии навсегда останется секретом. Но это мнение они пока держали при себе.

VII

Разговаривающий получал удовольствие от самого процесса обучения, особенно на занятиях по совокуплению. Его переполняла энергия. В остальное время он ничем не отличался от серьезных и сдержанных сверстников. Но он всегда считал, что секс — это слишком сложное занятие, чтобы целиком полагаться на интуицию. Поэтому он уделял большое внимание лекциям и практическим занятиям, пытаясь представить себе все богатство эмоций, которое испытали сексуально зрелые Квози. Но это было гораздо труднее, чем вообразить себя видящим сквозь стены или парящим в воздухе. Дело было не в том, что ему не хватало фантазии, дело было в его физическом состоянии. Можно узнать, как нужно делать что-либо, но заставить тело, не готовое к этому, осуществить что-то просто невозможно.

По крайней мере Разговаривающий был уверен, это не больно.

Выйдя из зала медитации, он внимательно осмотрел себя и остался доволен узорами, выбритыми на его правом предплечье, а также ярким золотисто-пурпурным шарфом, повязанным на левой ноге. Как жаль, что нужно еще несколько лет ждать разрешения на серьги. Ему так хотелось почувствовать их тяжесть. Пока же он и его сверстники

могут только любоваться изысканными украшениями взрослых, перебирая в уме тысячи вариантов нарядов.

Он принадлежал к третьему поколению Квози, родившихся на Ширазе. Ему гораздо больше нравилось это название, а не Земля. Но хотя аборигены были скучны, неэстетичны и воинственны, тем не менее его почему-то тянуло к ним?.. После занятий он часами просматривал записи передач ширазян, в то время как его друзья проводили свой досуг в поисках более приятных занятий. Пролитившаяся-сильным-Дождем и Появляющийся-и-Исчезающий узнали его по походке и повернули навстречу. Они были давно знакомы и считались близкими друзьями, тем не менее, полностью исполнили традиционный ритуал приветствия. Это было неплохой практикой и к тому же было над чем посмеяться, когда один из них забывал о какой-нибудь важной детали. На этот раз все прошло без ошибок и они пошли дальше вместе. Появляющийся выделялся среди Квози своими необычно крупными размерами. Было непонятно, как ширазяне справляются с таким огромным разнообразием типов. Быть может это еще одна из причин постоянных войн. Самки и самцы Квози были примерно одинаковы, и такие исключения, как Появляющийся, были чрезвычайно редки. Понимая это, он постоянно сутулился, пытаясь не привлекать к себе внимания.

Они прогуливались по Первой Норе, в центре которой располагался «Последователь». Корабль был потрясающим местом для исследований. В нем было полно теперь уже ненужных и потому недействующих приборов и механизмов. Когда-то это было единственное поселение Квози, теперь же корабль стал отправной точкой для множества лабиринтов.

Уже полным ходом велись работы над Норами три, четыре и пять. Туннели, ведущие к Норам, были давно готовы, четвертая Нора уже заселялась и мысли молодых Квози были заняты будущим, а вовсе не длительным перелетом корабля и посадкой.

Что касается аборигенов, то они оставались в таком же неведении о существовании колонии, как и в день посадки корабля. Этот район планеты по-прежнему почти не посещался ширазянами. При удачном стечении обстоятельств

такое положение вещей могло сохраняться на протяжении сотен лет, пока колония не укрепится настолько, что ей уже ничто не сможет угрожать.

Философы проводили много времени, пытаясь понять, почему аборигены избегали появляться в этом районе. Действительно, здесь был очень суровый климат, но телепрограммы показывали жизнь ширазян и в более сложных условиях. Они так же легко приспосабливались к новым условиям, как и Квози. Возможно, это было связано с отсутствием пахотных земель, ведь аборигены все еще не умели выращивать все необходимое под землей. Они могли бы поучиться этому у агрономов-Квози, которые извлекали все возможное из чистейшей воды и под воздействием искусственного освещения. Геологи обнаружили огромные запасы металлов. Не было недостатка ни в пище, ни в пространстве. Шираз была удивительно богата.

— Лично я, — сказала Пролившаяся, — не испытываю ни малейшего желания побывать наверху. Там так холодно и грязно, — она прижала уши к голове, чтобы подчеркнуть свои слова. — Здесь у нас есть все. Кроме того, там живут ужасные существа.

Каждый из них знал о чудовище, в лапах которого погиб зоолог из группы Смотрящего. Разговаривающего всегда охватывала гордость, когда при нем упоминали знаменитого, хотя и дальнего родственника. Однажды Разговаривающий даже набрался храбрости представиться ему, хотя отлично понимал всю разницу в их статусе. Смотрящий-на-Карты, как и положено, был сдержан и холоден, но уловив момент, когда на них никто не смотрел, он кивнул ухом Разговаривающему, который чуть было не подпрыгнул от восторга. Потом он несколько дней только и говорил о своем новом знакомстве. Разговаривающий понимал, что недостоин особого внимания со стороны известного разведчика, но чувствовал, что каким-то образом выделился из общей массы.

— Интересно, что бы я сделал, встретившись с таким чудовищем, — задумался Появляющийся.

— Я бы убежал, — уверенно заявил Разговаривающий.

— Это самый разумный поступок. Разве ты не видел его скелет в музее? Какие у него челюсти!

На самом деле Разговаривающий частенько задумывался, было ли это животное настолько кровожадно, или так было удобнее пугать детей и подростков, чтобы они не выходили наверх. Впрочем, у большинства колонистов и так не возникало желания выбраться на поверхность. Ведь погода там была чаще всего ужасной: суровые морозы в сезон холодов, слишком сухо в сезон тепла, и постоянная опасность встречи с каким-нибудь полоумным аборигеном и вероятная гибель.

Неожиданно для самого себя Разговаривающий сказал:

— А я бы не испугался наверх.

Пролившаяся удивленно взглянула на него:

— Тогда ты такой же сумасшедший, как и ширазяне.

— Там не так уж плохо.

— Смотрящий говорит другое, а он выходит на поверхность с соответствующим снаряжением и сопровождением, — заспорила она. — А ведь ты не разведчик.

— Мне ничего и не нужно. — К их изумлению он произнес это почти воинственно. — Каждому известно, что там, наверху, и без оборудования, и даже исследовательских карт можно обойтись. И в этом нет никакой опасности, если, конечно, оставаться в долине и не терять вход в Нору.

— Да ты там умрешь, — уши Пролившейся решительно задвигались.

— Думаю, что нет, — надменно ответил он. — Почему прогулка по настоящей земле должна быть опаснее, чем по туннелю? Просто нужно уметь ориентироваться на местности.

— А я говорю, что там нечего делать без необходимой экипировки.

Разговаривающий резко приблизился к ней:

— Хочешь, поспорим?

Его резкость огорчила ее. В поисках поддержки она растерянно оглянулась на Появляющегося:

— Я просто... Я ничего не предлагаю...

Разговаривающий отступил от нее и все трое свернули в следующий коридор. В качестве извинения он поправил ее шарф. Мимо них прошли двое взрослых, и три пары ушей дрогнули в уважительном жесте приветствия. Взрослые на это никак не ответили, хотя не заметь они доста-

точной почтительности, как молодым Квози не поздоровилось бы.

Пролившаяся наконец пришла в себя от резкости своего друга.

— И все же я считаю, что никто не сможет провести на поверхности суток без необходимого снаряжения.

— Конечно, сможет,— теперь Разговаривающий был совершенно спокоен.— Та же самая вода, которую мы пьем, течет в реках, там есть съедобные травы, да сутки можно и не есть ничего. Я думаю, что там можно оставаться сколько захочешь,— он сам задумался, не слишком ли далеко его занесло.

Видимо, да. Это было уж слишком даже для терпеливого Появляющегося, который после долгого молчания все же произнес:

— Никто не сделает этого. Даже сам Смотрящий не способен на такое.

Разговаривающий твердо взглянул в его глаза и небрежно ответил:

— Я смогу.

— Хватит, это просто смешно,— расстроенно сказал Появляющийся.— Мы теряем время на бессмысленные разговоры. Ты так говоришь, словно и правда сделаешь это. Даже если ты захочешь, у тебя ничего не выйдет.

Разговаривающий знал о чем говорил его друг. Речь шла не об охране. Ее просто не было, так как в ней не было никакой необходимости. Любой, решившийся покинуть колонию без разрешения властей, рисковал подвергнуться серьезному наказанию. Право выхода на поверхность имели лишь опытные, снаряженные экспедиционные группы. Сама мысль о нарушении закона граничила с кощунством. Никому даже и в голову не приходило ничего подобного. Именно это и волновало Разговаривающего. Не нужно ни снаряжения, ни специальной подготовки для пребывания на поверхности. Все, что необходимо — это желание.

Появляющийся продолжил:

— Не нужно и говорить об этом.

— Почему? — поинтересовался Разговаривающий.— Если я рискну, ты меня выдашь?

— Конечно, нет,— было ясно, что в словаре Появляющегося не было слова «предательство».

— К тому же мы несем ответственность за твои поступки,— с сарказмом добавила Пролившаяся-сильным-Дождем.

Разговаривающий рассмеялся:

— Ты права. Об этом нечего даже и думать. Не понимаю, почему мы столько времени тратили на этот разговор.

— Потому что ты не хотел заткнуться,— напомнила она.

Он со смехом повернулся к подружке и та в притворном испуге бросилась от него. Поблизости не было взрослых, и они могли позволить себе подурачиться. Глупый разговор о прогулке по земле был вскоре забыт.

Разговаривающий знал, что его друзья были искренни, говоря, что не выдадут его, но лишняя осторожность еще никому не помешала. Если он решится на этот поступок, то один из них может случайно проговориться и раньше, чем он успеет осмотреться на поверхности планеты его схватит специально высланная в погоню группа. Поэтому он делал вид, что и думать забыл об этом разговоре.

Тем не менее все больше и больше времени он проводил изучая отчеты исследовательских групп и прогнозы погоды, стараясь при этом не привлекать излишнего внимания.

До тех пор, пока молодые Квози были почтительны со старшими, им многое позволялось. Они свободно передвигались по колонии. Достаточно было предупредить родителей и учителей и можно было неделями жить у друзей. Взрослые иногда ворчали по этому поводу, но никогда никого не наказывали. При таком слабом контроле Разговаривающему не составило труда подкупить кое-какие продукты. А чтобы узнать, как открывается выход, нужно было всего лишь остановить при просмотре пленку и запомнить нужную последовательность действий. Ученые никогда не уничтожали эту часть записи, и Разговаривающий был им очень благодарен.

Прошло немало времени прежде чем он отыскал замаскированную под сучок настоящего дерева кнопку, приводящую в действие механизм двери.

И вот беззвучно отодвинулась куда-то в сторону тяже-

лая панель, скрывающая выход и осталось сделать лишь один шаг и очутиться на запретной и такой желанной земле.

Разговаривающий выбрал полнолуние. Мягкий ветерок тронул его шерсть и он глубоко вдохнул воздух, полный новых запахов. Сердце готово было вырваться из груди.

Он уже несколько дней не встречался со своими друзьями и надеялся, что они не обратят внимания на его отсутствие. Пролившаяся больше не вспоминала о споре и было похоже, что их разговор совершенно забыт.

Он легко нашел дорогу при свете луны. Величественные деревья купались в этом серебряном сиянии. Никакие записи не могли передать запахи и аромат нового дома. Он наслаждался каждым глотком свежего воздуха, пытаясь разобраться в запахах и чувствах. Мягко насвистывая и напевая про себя, он направился вниз по склону холма в поисках места, подходящего для встречи рассвета.

VIII

— Эй, пап!

Отец Чада копался в моторе гидроплана. День был жаркий и, повернувшись к сыну, он вытер пот со лба.

— Парень, ты же видишь, я занят!

— Па, но мама сказала, что может быть мы сможем слетать сегодня в город за продуктами. Ей правда нужны яйца и молоко.

— Ага, а тебе мороженое и печенье,— и отец кивнул головой в направлении одноэтажного домика, стоящего в сотне ярдов от берега озера.— Я уверен, что у мамы где-то есть печенье. А вот мороженое... Ты же знаешь, нам негде его хранить. Я бы с удовольствием купил и морозильник, и небольшую электростанцию, но боюсь, что в этом году нам придется обойтись без них.

— Я уже слышал это в прошлом году,— недовольно надул губы восьмилетний мальчуган, и его отец слегка вздохнул.

— Может быть в следующем году я получу повышение

и у нас появятся свои деньги. А пока мне нужно заняться мотором, а то мы вообще больше никуда не полетим. Почему бы тебе не прогуляться? Скажем, поохотиться на оленя?

Чад не смог сдержать улыбку:

— Слишком жарко.

— Тогда искупайся.

— Вода слишком холодная.

— Чепуха, нормальная. Иди поиграй с сестрой, пока я занят. Если ты будешь мне мешать, я что-нибудь напутаю и мы разобьемся на пути за продуктами,— и он вновь склонился над мотором.

— Ну уж нет, ты лучше всех разбираешься в самолетах,— мальчик повернулся и направился к дому.

Из-за самолета раздался голос отца:

— Может через день или два слетаем за мороженым.

Чад резко повернулся.

— Па, правда? Да?

— Если не испортится погода.

— Вот здорово! Я куплю шоколад, воздушную кукурузу и клубничное мороженое,— и продолжая перечислять сладости он бегом кинулся к дому.

В кухне мама фаршировала цыплят. Чад с грохотом ворвался в комнату.

— Ма, па разрешил мне взять печенье!

Мама оглянулась на него.

— Ничего он не разрешил,— вмешалась Минди, четырнадцатилетняя сестра Чада.— Он все придумал.

— А вот и нет! — бросил Чад в сторону небольшой комнаты сестры. Минди лежала на софе, разглядывая яркий журнал, с глянцевой обложки которого смотрел популярный рок-музыкант.

— Чад,— мама вновь повернулась к сыну.— Папа разрешил тебе взять печенье?

— Ну, не совсем,— Чад не смотрел ей в глаза.

— Что значит «не совсем»?

— Ну, он сказал, что у нас, наверное, есть немного печенья. А я не вижу смысла в том, что оно есть, если мы его не едим.

— Можешь взять немного.

Ой, ну мама! Я собираюсь в лес. Мне понадобятся силы!

Но она даже не улыбнулась. Сказано — значит сказано.

Рюкзак готов?

Ну, он всегда готов.

Рюкзак лежал на кровати в его комнате. Там была еще одна кровать, на ней часто спала его старшая сестра, и все же это была его комната. Точно так же, как и его дом, его самолет, его озеро и его горы. Юридические тонкости не интересовали его.

— Возьми в холодильнике бутерброд с тунцом и яблоко,— сказала мама.

— Он уже шарил по полке в поисках самого маленького бутерброда:

— Я не хочу яблока.

— Нет яблока, нет печенья.

— Ну хорошо,— он попытался притушить хитрый блеск глаз.— Одно яблоко и две пачки печенья.

На этот раз мать не сдержала улыбки:

— Две, так две, но лучше бы ты съел яблоко.

— Съем, но попозже.

Она не спрашивала, взял ли он воду. Чад знал, что ему нельзя уходить далеко от озера. Кроме того, неподалеку было несколько ручьев с чистой родниковой водой. Место, где стоял дом, не подверглось загрязнению. Они уже много лет приезжали на лето сюда, после того, как ее муж получил этот дом по наследству, и еще никто не отравился водой. Джек часто повторял, что это самое чистое место в стране.

— Вернешься до захода солнца,— напомнила она, но в этом не было необходимости. Чад знал правила. Несмотря на свой возраст, он был осторожным и внимательным путешественником-одиночкой. С пяти лет он уходил в лес один. Родители даже пообещали, что когда ему исполнится двенадцать, то они разрешат Чаду ночевать в горах. Мать старалась не думать о неумолимом беге времени и вернулась на кухню к цыплятам.

Чад аккуратно завернул бутерброд, яблоко и две упаковки печенья, положил коричневый бумажный пакет в рюкзак и выскочил из дома, пока мама не передумала.

Отец по-прежнему возился с мотором и иногда от озера доносились разные не очень хорошие слова. Чад никогда не решился бы повторить их в присутствии взрослых или сестры, которая тут же доложила бы об этом маме, предвкусывая его наказание. Вообще, он бы с радостью поменял свою вредную сестру на какие угодно неприятности, но, к сожалению, судьба наградила его Минди. Зато стоило ему вырваться из дома, где сестра проводила все время с журналами и стихами, он чувствовал себя счастливым человеком. Все было интересным: новое дерево, новая скала, новый жук, ползущий по прибрежной гальке, головастики, плывущий в нагретой солнцем воде, невидимые птицы с песнями, звучащими в прозрачном вечернем воздухе.

Жаль было только, что по соседству никто не жил. Отец объяснил ему, что здесь запрещено селиться людям и если бы дедушка Ларсон не построил здесь дом задолго до того, как был принят этот закон о заповеднике, то они бы тоже никогда сюда не попали. Кроме того, добраться к деду можно было только на гидроплане или пешком, поэтому здесь почти никого не бывало. Отец пытался объяснить сыну, что именно одиночество привлекает его. Он летал на больших самолетах и несколько недель в таком нетронутом уголке страны были для него наслаждением. Он был опытным летчиком, но берег озера был настолько изрезан, что даже ему стоило немалого труда посадить самолет. Матери тоже нравились покой и тишина озера, а сестре было все равно где писать стихи. Чад только насмешливо фыркал. Чего еще ждать от старшей сестры, да и вообще от девчонки? Стихи!

Интересно, как далеко ему удастся зайти сегодня? Как жаль, что нельзя совсем уйти от озера!

Вокруг было столько неизвестных ему ручьев, холмов! Но его даже не слушали. «Понимаешь,— говорил его отец,— если ты ушибешься (как будто Чад мог ушибиться!) и не сможешь идти, мы легко найдем тебя, если ты не будешь уходить слишком далеко от озера». Ему пришлось придерживаться установленных правил и никогда не терять озеро из виду.

День был действительно жарким, но если оставаться в тени могучих сосен, то все будет в порядке. Дом, причал

и гидроплан остались далеко позади. Он взглянул на часы. Они стоили всего лишь три доллара, но Чад чрезвычайно гордился ими. Пора было перекусить. И он с аппетитом накунулся на бутерброд и яблоко.

Разговаривающий понимал, что испытывает судьбу, пробуя незнакомые растения, ведь в случае серьезного пищевого отравления он не сможет добраться до Норы и никто не узнает, где он. Но он был готов к такому риску.

Готовясь к этой вылазке, он, как и всякий другой на его месте, просматривая записи исследовательских групп, пытался запомнить все, что могло пригодиться ему на поверхности. Например, он знал, что здесь растет много съедобных, хотя и не слишком питательных, растений. Он постоянно напоминал себе, что его окружает чужой ему мир, и всю первую ночь он провел без сна. На следующую ночь не было никаких причин спешить с возвращением в Нору, незадолго до рассвета его разбудил пронзительный крик какого-то животного. Шерсть на теле Квози встала дыбом, и он был удивлен тем, что такой душераздирающий вопль издавало очень маленькое крылатое существо. После этого он снова почти сразу же уснул. За все это время ему не удалось встретить ничего похожего на то чудовище, которое было выставлено в музее колонии. К сожалению у него не было карты. Если бы кто-нибудь в колонии заметил ее, его замысел был бы раскрыт. Разговаривающий не долго обдумывал, куда ему направиться. Он выбрал этот путь не потому, что тут было интереснее, чем в других местах, а потому, что так он сможет выбраться к реке. По крайней мере у него всегда будет питьевая вода.

Из отчета исследовательской группы он узнал, что река впадает в озеро на востоке долины. Ученые не уделяли много времени этому маршруту, но Разговаривающий сразу же решил, что он доберется до озера. Через три дня путешествия он вышел к водоему. Внезапное волнение охватило его. Через несколько часов он покинет территорию, изученную Квози, и ступит на неизведанную землю Шираз.

Спуск был пологим и ровным. Разговаривающий легко бы мог одним духом сбегать вниз, но гораздо приятнее было продвигаться не спеша и осматривать каждое дерево

на своем пути. Их грубая шершавая кора приводила его в восхищение.

В Норе между руководством колонии и художниками постоянно велась борьба из-за ширазянских деревьев. Художники хотели иметь как можно больше дерева в колонии, а руководство опасалось, что обильные вырубki обратят на себя внимание с воздуха. Философы попытались найти решение, приемлемое для тех и других, и, в результате, в колонию доставлялись только засохшие и упавшие деревья. Тем не менее художники продолжали ворчать, а руководство беспокоиться.

Разговаривающий приподнял с земли отломанную ветку. Для умелого резчика по дереву этого материала хватило бы на неделю медитации, но Разговаривающий отбросил ее в сторону с небрежностью внезапно разбогатевшего Квози. Ведь теперь повсюду вокруг него были деревья. Считалось, что высокие растения на западном крае озера были не только съедобны, но и вкусны. То, что в их корнях и стеблях накапливались металлы, лишь добавляло остроты их вкусу.

Жаль, что скоро вернутся холода, и вся эта красота будет укрыта снегом и льдом. Экспедиции почти прекратятся, и только специально снаряженные команды отважатся подняться на поверхность планеты.

Разговаривающий поднял с земли шишку, упавшую с соседнего дерева. Ее еще не тронули маленькие четвероногие зверьки, которых люди называли белками и которые устраивали свои дома высоко на деревьях. Шишки давно уже были настоящим лакомством для Квози. С самого начала своего путешествия он отказался от своих запасов и наслаждался подобными яствами. Он был уверен, что никто и не заметит скорлупу от орехов и пустые шишки, а если они и будут обнаружены, то аборигены все спишут на белок. И он продолжал наслаждаться. Его пиршеству позавидовал бы и сам Глава Совета. Только члены исследовательских групп могли себе позволить подобное угощение.

Двигаясь по берегу реки, он искал глазами тех удивительных зеленых земноводных, которые почему-то никогда не упоминались в отчетах, а здесь их, тем не менее, было

великое множество. Они просто очаровали бы зоологов колонии. Обычно эти существа неподвижно сидели у воды, их горловые мешки важно раздувались, но если их пугало что-то, то они прыжками бросались в воду. По ночам они наполняли воздух удивительно музыкальными переливистыми звуками.

Один особенно крупный экземпляр почему-то не кинулся в воду, когда Разговаривающий осторожно вошел в воду, пытаясь получше его рассмотреть. Удивительное создание посмотрело на него золотистым глазом, напряглось и прыгнуло в камыши. Разговаривающий скачком последовал за ним. Вспомнив о том, что в стоячей воде наверняка живет множество паразитов, он внимательно осмотрел свои ноги. Но этим существам не под силу было справиться с жесткой шерстью Квози.

Разговаривающий продолжал двигаться за земноводным, когда странный звук заставил его замереть. Это был куда более пугающий и выразительный звук, чем тот таинственный вой в ночи.

— Эй, лягушка!

Разговаривающий резко повернулся в воде, его уши напряглись в ожидании. С трех сторон его окружали высокие камыши и не понятно было, насколько там глубоко. У него было только два выхода: спрятаться в камышах, надеясь не утонуть в темной воде, или попытаться скрыться на берегу. Пока он мысленно метался от одного варианта к другому, решение было принято за него.

— Может через...

Занятия языком не пропали впустую, и Разговаривающий понял, что ширазянин запнулся на полуслове. На первый взгляд абориген казался очень маленьким. А без длинных ушей он был просто крошечным. Разговаривающий был поражен обнаженностью его рук и лица, что только подчеркивалось смешным клочком меха, украшавшим череп. На спине возвышался странный горб, и Разговаривающий не сразу понял, что это что-то вроде переносного контейнера, подобного тому, что висел на правом плече Квози. Ноги были тесно обтянуты тканью, возможно это было как-то связано с отсутствием мехового покрова на теле ширазянина. И, наконец, совершенно невообразимая

ооувь, которая не только защищала подошву ноги, но и полностью закрывала ее до щиколотки. Что-либо более непрактичное было трудно вообразить. Разговаривающему было неприятно даже смотреть на нее.

Оба подростка несколько секунд в изумлении рассматривали друг друга. Ширазянин первым нарушил молчание. Его голос был оглушающе громким и уши Разговаривающего болезненно дрогнули в ответ.

— Эй! Ты кто?

Разговаривающий провел немало дней, изучая язык аборигенов, но столкновение было настолько неожиданным, что все его знания улетучились неизвестно куда. Будучи не в состоянии произнести хоть что-то, он привычным жестом протянул правую руку к лицу ширазянина. Он совершенно забыл, что именно этот жест стал причиной смерти разведчика Уносящего-ношу-Вдаль от руки другого аборигена.

— Как тебя зовут? — наконец произнес Разговаривающий дрожащим голосом, уже и не надеясь, что будет понят.

Но в поведении ширазянина не чувствовалось враждебности. Не видно было и оружия. Принимая во внимание его размеры, Разговаривающий решил, что это скорее всего подросток.

— Эй, да ты умеешь говорить!

К своему удивлению Разговаривающий обнаружил, что понимает его.

— Немного, — сказал он, страстно желая, чтобы ширазянин говорил потише. Абориген смотрел на Квози слегка искоса. «Наверное, один глаз видит лучше, чем другой», — решил Разговаривающий.

— Только голос у тебя странный какой-то. Словно у говорящего кота, — и маленький ширазянин издал несколько резких странных звуков, таких же оглушающе громких, как и его речь.

Разговаривающий тщетно пытался понять их значение. «Вспоминай! Вспоминай же!» — приказал он себе. Наконец, его осенило. Этими звуками ширазяне выражают свои чувства. Он вспомнил, что аборигены не пользуются жестами и языком тела, а издают вместо смеха различные вари-

анты резких горловых звуков. «Ну что ж, если ширазянин смеется, значит он не сердится», — подумал Разговаривающий и склонил кончик правого уха в знак того, что понимает аборигена.

— Вот это здорово!

«Как они только выдерживают такую громкость?» — спросил себя Разговаривающий. Его уши вновь дрогнули, когда ширазянин протянул к нему пятипалую руку. «Как им удастся работать с помощью только десяти пальцев», — вновь подумал Квози.

— Что ты еще умеешь ими делать? — ширазянин указывал пальцем на его уши.

Разговаривающий был взволнован и в то же время удивлен. Неужели подростки ширазян так отличаются от взрослых? Ведь этот был так открыт и дружелюбен!

Конечно, подобные существа жили и на Квозинии и на Мазне. Их детеныши никак не реагировали на внешние раздражители, а вот взрослые особи яростно реагировали на любую попытку контакта. И, как ширазяне, они заметно отличались друг от друга размерами и формами. Разнообразие ведет к конкуренции, отсюда и постоянные конфликты. Неужели он выдал тайну колонии таким существам?

Он незаметно огляделся вокруг. Похоже, ширазянин путешествовал один. Но этого не могло быть, потому что ширазяне-подростки всегда находятся рядом со своими родителями. «Что же этот делает здесь один?» — с тревогой подумал Разговаривающий. Было видно, что ребенок здоров и хорошо откормлен. Не похож он и на потерявшегося. Определить его пол было достаточно трудно, но судя по его поведению и формам, это был самец.

Нет, где-то поблизости должны быть взрослые. А у Разговаривающего не было ни малейшего желания испытать на себе воинственные наклонности ширазян. Чем дольше он здесь останется, тем больше вероятность того, что появятся взрослые, и тем лучше его запомнит подросток. Правда, ученые утверждают, что кратковременные впечатления быстро стираются из памяти маленьких ширазян, а у многих вообще нет никаких воспоминаний. Впрочем, это было характерно и для некоторых высокопоставленных

Квози, которые частенько в своих действиях полагались на инстинкт, а не на здравые размышления.

Пока все эти мысли путались в мозгу Разговаривающего ширазянин обхватил его руку своими пальцами и встряхнул ее. Такое нарушение этикета потрясло Разговаривающего. Если ты прикасаешься к телу другого Квози, то только для нападения или совокупления. Логика подсказывала ему, что ширазянин не имел ввиду ни первого, ни второго.

— Ого,— объявил тот все тем же громким голосом,— да ты просто весь горишь. У тебя что, температура?

Разговаривающему ширазянин показался холодным как покойник, а ведь он производил впечатление здоровой особи. Разговаривающий понимал, что он сделал важное, хотя и случайное открытие. Никто не измерял температуру убитого много лет назад ширазянина, а когда он был доставлен на корабль, было уже слишком поздно. Интересно, взрослые особи такие же холодные? Не то чтобы тепло совсем отсутствовало, но оно было едва ощутимо.

— Да не бойся ты так,— сказал подросток.— Бояться нечего. Как тебя зовут? Откуда ты? Готов поспорить, не отсюда.

— Отсюда? — Разговаривающий вырвал свою руку и охваченный паникой бросился бежать.

— Эй, подожди! Куда ты?

Он едва касался земли. Нужно было исчезнуть раньше, чем появятся его родители. Может быть, они захотят получить его в качестве трофея. Надеяться нужно только на то, что ширазянин вскоре забудет об этой встрече. Да и что он сможет рассказать взрослым? Разговаривающий перепрыгнул через очередной ручей и бросился вверх по течению, не отдавая себе отчета в том, что прямым ходом несется в Нору. Он оказался совсем не тем бесстрашным исследователем, каким виделся себе, а всего лишь, перепуганным юнцом, столкнувшимся с неожиданностью.

— Парень, ну ты и бегаешь! — это были последние слова ширазянина, которые донеслись до него.

Он решил передохнуть лишь перебравшись через гору. Совершенно выбившись из сил и задыхаясь, он упал на землю и, падая, прищемил хвост, но не обратил на это

внимания. Гораздо больше страданий ему доставляла мысль о том, что он натворил. Его поступок больше не казался ему безобидной шалостью.

Наконец, Разговаривающий отдышался и смог все обдумать. Он пробежал огромное расстояние, и ширазанин остался далеко позади. Странно, как им удается не только удерживать равновесие, но еще и передвигаться на таких маленьких ножках? Наверное, у них есть какой-то скрытый механизм балансирования. Но бегать быстро они не умеют. Любой Квози сможет запросто обогнать их.

Только теперь он понял, что должен был запутать свои следы. Но ведь Разговаривающий знал только один путь к Норе и начини он петлять, как наверняка заблудился бы в этих горах.

Весь оставшийся день он мучительно размышлял о том, что же делать дальше, и к вечеру отправился в путь. По дороге он тщательно уничтожал все метки, оставленные им, чтобы не заблудиться. Он старался идти по камням, а при случае и по воде, не обращая внимания на холод. Это заняло у него больше времени, но зато Разговаривающий был уверен, что ширазяне не смогут выследить его.

Чад буквально ворвался в дом и кинулся на кухню. Минди равнодушно глянула на него и снова уткнулась в свои журналы.

— Эй, ма, па! Угадайте, что я видел?

Мама все еще возилась у плиты.

— Твой папа еще у причала.

Чад прислушался к звукам мотора, доносящимся со стороны озера.

Видя, что сын не собирается уходить, мать повернулась к нему с нежной улыбкой на лице.

— Хорошо прогулялся, дорогой?

— Еще бы! Ты даже представить себе не можешь, что я видел!

— И что же ты видел, Чадди? — она стала расставлять посуду на подносе.

— Я видел... — тут он запнулся, потому что волнение мешало ему подбирать слова. — Я не знаю, что это было. Но это было здорово. У него длинные уши, огромные ноги и...

— Кролик? — предположила мать, наполняя стаканы чаем.

— Да нет же! И почему взрослые ничего не понимают? Это не кролик. У него совсем другая мордашка и он гораздо больше.

— Американский кролик, — мать оставалась невозмутимой. — Твой папа говорит, что...

— Нет же!

Наконец-то она взглянула на него.

— Мама, это был не кролик. Да у него был хвост, но совсем не такой, как у кролика. Он ростом с тебя, и у него большие глаза, а зубы у него совсем как у нас. — Чад открыл рот и указал на свои резцы. — Он ходит совсем прямо и носит одежду, что-то вроде купальника, только с карманами и поясом. А бегают он как...

— Чад, ты слишком много слушаешь рассказы своей сестры.

— Это не выдумка, ма, я правда видел его.

Вдруг он понял, что даже если приведет в этот дом весь президиум Академии Наук вместе с Эйнштейном, Франклином и Кюри, и если они под присягой подтвердят, что все его слова правда, то и этого будет недостаточно, чтобы убедить в этом Миссис Алису Эйприл Купер, проживающую в штате Калифорния, г. Бербанк, Бульвар Чэндлера, 15445.

Поэтому вместо бессмысленного спора он вяло произнес:

— Может это был и кролик. Обед готов?

— Еще нет, — ответила мама.

И Чад услышал, как она произнесла вполголоса:

— Нужно прекратить эти жуткие ночные рассказы.

Минди была, конечно, страшной занудой, но таланта выдумывать разные небылицы у нее было не отнять. И если ночь выдавалась темной и дождливой, она делала все возможное и невозможное, чтобы запугать своего младшего брата. Хотя Чад вечно жаловался на нее, на самом деле он не представлял себе вечеров без рассказов своей сестры. А чем они страшнее, тем лучше. Как бы ему хотелось как и сестра так же искусно владеть словом, пересказывая ее истории приятелям по школе. Но увы! Ему не хватало

воображения. И его любимым предметом была математика.

Итак, он знал, что не обладает буйной фантазией и, что он действительно видел странное существо, разговаривал с ним, если можно назвать речью тот странный мурлыкающий свист. Существо испугалось и убежало. Так быстро не смог бы пробежать и Джимми Стивенс, который был чемпионом их школы. У существа были огромные ступни и длинные ноги, слишком длинные по сравнению с его туловищем.

Чад знал, кто это был.

Инопланетянин. А может быть он сбежал из зоопарка или из какой-нибудь медлаборатории? Но это было не животное. Он говорил смешно, но все-таки говорил, он был одет в яркий блестящий костюм и на нем были странные сандалии. Не бог весть какая одежда для гор, но если ты весь покрыт мехом, это не имеет особого значения. Да еще эти уши. Как у кролика, только уже и слегка загнуты по краям, словно кусок мокрого картона и, казалось, они были совершенно эластичными. А какие большие глаза! Зубы маленькие, но это хорошо. Он не мог вспомнить ни клыков, ни когтей.

Да, вот еще что!

— Ма?

— Что Чад? — она вновь была у плиты.

— А у кого бывает семь пальцев?

Она в первый раз за все это время с любопытством взглянула на него:

— Семь пальцев? Вот уж не знаю. Спроси лучше у папы, но я не думаю, что такое вообще бывает.

— Да, ладно. Это я просто так, — он уселся поудобнее, выбрал кусок хлеба из хлебницы, стоящей на столе, и оглянулся в поисках клубничного варенья.

— Не переусердствуй, оставь и другим.

— Ма, я есть хочу. Я ведь только из леса, ты помнишь?

— Помню. Вот и побереги место для обеда.

Он кивнул и намазал огромный ломоть белого хлеба нежным желе. Надо же, семь пальцев. $7 + 7 = 14$. Это все равно, как еще одна рука. «А может, мне просто показалось и это все рассказы Минди?» — подумал он и нерешительно пожал плечами.

Чад уже доедал бутерброд, когда его окликнула мама:

— Найди-ка свою сестру.

— Ты же знаешь, где она.

— И ты знаешь, вот и сходи за ней.

— Ну хорошо, только она меня не послушает. Скорчит физиономию и скажет, что я ей мешаю.

— Я ей покажу «мешаю», если она заставит меня ее ждать к обеду. Скажи, что это я тебя послала.

— Ладно, — ответил он, получив официальные полномочия, и отправился в комнату сестры.

Его мама неожиданно поймала себя на странных мыслях: «Почему семь пальцев? Почему не девять или десять? Если это было существо из рассказов Минди, то у него наверняка были бы щупальца с огромными присосками. — Она пожала плечами. — А почему бы и не семь? Такое же число, как и все остальные».

Она вытянула свою руку и посмотрела на нее. Кожа сохнет от воды. Еще два года и ей будет сорок. О черт! Если она будет продолжать в том же духе, то обеда сегодня никто не дождется. И она выбросила все эти мысли из головы.

Чад не мог дожждаться следующего дня, чтобы вернуться в заросли камыша на юго-западном берегу озера. Он осмотрел все, что мог и провел там целый день, рискуя задержаться после заката солнца, но не нашел никаких следов вчерашнего незнакомца. То же самое повторилось и на следующий день. Может он и правда все это придумал? И он больше никогда не упоминал об этом случае.

В течение нескольких следующих недель Чад приходил к камышам, пока почти не поверил в то, что инопланетянин всего лишь плод его воображения. Наверное он просто вообразил себя разговаривающим с ним, пожимающим ему руку, смотрящим в его разумные глаза. Ведь так быстро не может бегать никто. И вообще, может быть, его кто-нибудь разыграл. Как тот парень, что разгуливал по Вашингтону в костюме Бигфута, пока его не застукали переодевающимся в туалете на заправочной станции. Его фотографии были во всех газетах. Вот только тогда этому шутнику надо выступить на Олимпийских играх.

К тому времени, когда они вернулись в Лос-Анджелес он почти забыл об этом случае.

Почти.

Разговаривающий-на-Бегу безошибочно нашел дорогу к Норе. Замаскированный вход в подземный мир выглядел так же, как и несколько дней назад. Разговаривающий с облегчением вздохнул, увидев его, так как силы и запасы подходили к концу.

Каждый камешек и каждая ветка были на том же самом месте. Никто не пользовался этим входом после него. Он нажал кнопку, сделанную в виде сучка дерева и часть скалы беззвучно отодвинулась в сторону, открывая вход в темный туннель.

В последний раз обвел он взглядом Шираз, глубоко вдохнул свежий прохладный воздух и переступил порог. Плита бесшумно встала на место. Разговаривающий со вздохом протянул руку к кнопке замка, но...

— Эй, парень, погоди-ка. Нет необходимости закрывать эту дверь, мы как раз собираемся выйти отсюда.

Его сердце ушло в пятки. Перед ним, в полной экипировке исследователей, стояли четверо взрослых Квози. «Не может быть,— яростно завопил ему внутренний голос.— Ведь на Ширазе уже восходит солнце, а дневные вылазки опасны. Опасны и чрезвычайно редки. Ну и повезло же мне столкнуться с одной из этих единичных экспедиций».

Если бы только они появились на несколько минут позже или раньше! Но они видели, как он входил в туннель. Они знают, что он был на поверхности. Да и земля на его сандалиях была достаточным доказательством его преступления. Впрочем, это уже не имело значения. Ничего больше не имело значения.

Единственным его желанием было наброситься и убить их на месте, чтобы сохранить свою страшную тайну, смыть свой позор их кровью. Но, как истинный Квози, он со смиренным видом произнес самую проникновенную и трогательную речь, на какую только был способен. Взрослые понимали всю серьезность его проступка и поэтому они не прерывали Разговаривающего пока силы не оставили разрушителя.

— Я понимаю, что вы обязаны доложить о таком серъ-

езном нарушении закона,— едва выдавил он из себя.— Покорно прошу вас лишь об одном — примите во внимание мой возраст и тот факт, что я совершил этот дерзкий проступок на спор, но я не причинил никакого ущерба колонии.

Руководитель экспедиционной группы нерешительно дернул ушами. Нарушение безопасности колонии было гораздо важнее, чем их задание. Группе придется вернуться назад и доложить о случившемся. Его дело рассматривала комиссия из трех Квози: один из старейшин, один из поколения его родителей и последний — из его сверстников. Обычный состав для рассмотрения проступка подростка.

Комитет по приземлению не вмешивался в ход дела, хотя внимательно следил за происходящим. Частью наказания Разговаривающего должно было стать его обещание никогда не рассказывать о случившемся ни родителям, ни друзьям, никому другому. Совет Старейшин и Комитет по Приземлению больше думали о сохранении тайны, а не о соблюдении закона. Разговаривающий видел, что представитель Совета Старейшин прилагает огромные усилия, чтобы держать себя в руках. Больше всего на свете старейшине хотелось бы соскочить со своего места и до полусмерти избить этого молокососа. Большую часть времени этот старый Квози проводил вполголоса декламируя песнопения книги Шамизин, которые успокаивали его. Впервые в своей жизни Разговаривающий столкнулся с реальной угрозой физического насилия, и в его мозгу вспыхивали кровавые картинки из древней истории Квозинии.

Дело дошло до того, что старейшина был вынужден взять самоотвод, чтобы не запятнать репутацию своего поколения. Квози, заменивший его, все оставшееся время провел, глядя прямо на Разговаривающего. Это было очень неприятно, кроме того, он мог заметить фальшь в его словах и поведении.

Признав незаконное посещение поверхности планеты, Разговаривающий-на-Бегу не стал уточнять, где именно он был, сказав, что точно не знает. Его не спрашивали, был ли он на таком-то озере, так как никто из Квози не бывал там. У судей не хватало данных, чтобы оценить по достоинству

его проступок. Они считали себя достаточно строгими. Никому из них не могло даже прийти в голову, что неподготовленный, плохо снаряженный подросток смог пройти гораздо большее расстояние, чем профессиональные исследовательские группы. Конечно, он не тратил времени на научные изыскания. Ему всего лишь хотелось уйти как можно дальше.

О своей встрече с ширазянином-подростком он не сказал ни слова. Он не говорил неправды, он просто промолчал. Никто, разумеется, не спрашивал его об этом.

Разговаривающего расспрашивали спокойно и настойчиво. «Оставили ли вы что-либо на поверхности планеты? — Нет. — Зачем вам было нужно такое опасное и бессмысленное путешествие? — Чтобы расширить свой кругозор. — Понимаете ли вы, что поставили под угрозу само существование колонии? — Я не отрицаю этого».

— Тем не менее вы пошли на это, — мрачно подчеркнул его сверстник.

Хотя Разговаривающему было гораздо легче объясняться со своим сверстником, но он понимал, что именно сверстник скорее всего потребует самого сурового наказания, как раз из-за того, что принадлежит к поколению, которое опозорил молодой нарушитель.

— Это был самый глупый поступок в моей жизни, — пробормотал он. — Я никогда не забуду об этом. Этот позор останется со мной до конца моих дней.

— Нас беспокоит вовсе не ваш позор, — строго сказал Старейшина. — Нас волнует безопасность колонии, которую вы в угоду своим эгоистичным целям поставили под угрозу.

— Могу ли я сказать хоть что-то в свою защиту?

Судьи посмотрели друг на друга и дружно кивнули головами.

— Я не первый Квози, ступивший на эту планету. Многочисленные экспедиции также подвергались опасности встретиться с аборигенами.

— Но это опытные, хорошо подготовленные разведчики и ученые.

— Я изучал их приемы и методы, — честно признался Разговаривающий. — В противном случае я бы не решился на такой поступок.

— Мы высоко ценим вашу предусмотрительность и осторожность,— с сарказмом заметил один из судей.— Но изучение записей — это еще не опыт, а напоминание — еще не знание.

Разговаривающий склонил голову и ничего не ответил.

— Вам будет объявлено наше решение позднее,— произнес член Совета Старейшин.

Судьи оказались в непростом положении, но Разговаривающий был так напуган, что не понимал этого. Если наказание будет суровым, это нельзя будет скрыть от родителей и друзей. В результате придется всем объяснить в чем состоит его вина, а как раз этого власти хотели избежать. Гораздо проще было наказать его за менее серьезный проступок, например, за неуважение к старшим или порчу имущества.

Итак, эмоции были побеждены разумом, и в результате Разговаривающий получил самый строгий выговор. И все. Более суровое наказание непременно вызвало бы вопросы, а этого необходимо было избежать любой ценой.

Теперь Разговаривающий-на-Бегу был практически свободен в своих действиях. Но он не испытал никакой радости, узнав об этом. Он отлично понимал насколько велика его вина. Он знал, что в течение длительного времени за ним будет вестись наблюдение, и любая странность в его поведении будет сразу же замечена. Но это не волновало Разговаривающего. И в самом деле, с этого дня он стал образцовым гражданином и практически перестал бывать на верхних этажах Норы, избегая их как чумы. Постепенно надзор за его поведением сокращался. У властей и без него хватало забот. Круглосуточное наблюдение перешло в редкие проверки и, наконец, превратилось в редкие бюрократические отчеты типа: «В поступках, представляющих опасность для колонии, не замечен».

После своего путешествия Разговаривающий никогда больше не приближался к выходу из Норы и даже не проявлял никакого интереса к исследованиям на поверхности планеты. Закончив обучение, он выбрал неприметную работу инженера-ремонтника и, казалось, был совершенно доволен своей жизнью. Да, он по-прежнему, смотрел телепередачи ширазян, но в этом не было ничего необычного.

Эти передачи служили неплохим развлечением для колонистов. Власти были довольны тем, как складывалась жизнь неудавшегося исследователя.

Тоже самое мог сказать о себе и Разговаривающий.

IX

Чаду казалось, что в этом мире нет ничего постоянного и все находится в состоянии изменения. Разумеется, тринадцатилетие было куда более значительным событием, чем все предыдущие дни рождения. Как и всякий подросток, он не думал о том, что любой день рождения важнее чем предшествующие.

Но на этот раз он был прав. Есть что-то магическое в этом возрасте. Теперь он уже не ребенок, а подросток. Долгие годы Минди смеялась над ним, но теперь с этим покончено. Конечно, в свои восемнадцать она считала себя взрослой, причем гораздо взрослее, чем их родители. Хотя она и не питала особой любви к дикой природе, Минди смирилась с ежегодным отдыхом на озере. Как любила напоминать ее мама, через несколько лет она будет вольна делать все, что ей угодно, а пока она должна вести себя как член семьи. У Чада было другое мнение, но он благоразумно держал его при себе.

Интересы Минди расширились, и теперь помимо музыки и стихов, они включали в себя и мужчин. Чад не обращал на них особого внимания. Сестра была довольно симпатичной, и они появлялись и исчезали, оставляя волны запаха лосьона после бритья и букеты цветов.

Единственное, что не менялось,— это горы.

Так думал Чад, прижавшись лицом к иллюминатору и рассматривая знакомые ущелья и пики. Немногие осмелились бы пролететь над этими каньонами. Раньше он относился к мастерству отца как к чему-то само собой разумеющемуся. Теперь он понимал, что для такого умения требуется еще и талант.

Под ними не было дорог. Здесь их вообще никогда не было, и как полагало федеральное правительство, не будет.

Лишь звери и птицы, да семья Коллинз, которая владела акром земли в заповеднике, домом и возможностью до него добраться. Слишком незначительное исключение из правил, чтобы обращать на него внимание.

Самолет подлетал к озеру, и Чад напрягся, ища глазами дом. Ну вот, наконец-то! Дом стоял такой же неизменный, как и горы. В этом году были сильные снегопады, а это означало высокий паводок и отличную рыбалку. Отец несколько лет пытался приучить к ней Минди, но безрезультатно. Теперь он взялся за Чада, который время от времени сопровождал отца, но все время проводил бесцельно разглядывая облака или листая комиксы. В рыбалке его больше всего привлекала возможность сколько угодно пить содовую воду.

Чаду никогда не было скучно на озере. Время шло, он вырослел, и ему позволяли уходить все дальше и дальше от берега. Он чувствовал себя в горах, как дома и, в отличии от Лос-Анджелоса, здесь не было хулиганов и сексуальных маньяков, а медведи, несмотря на все его попытки встретиться с ними, явно избегали его.

На посадку ушло немного времени. Каждый знал свои обязанности при разгрузке самолета. Последние несколько лет участвовал в этом и Чад. Затем принимались за уборку дома. Отец проверял и запускал холодильник и электричество, составляя список того, что нужно починить или заменить. Мама вместе с сестрой приводили в порядок спальни, а затем перебирались на кухню. День — другой, и они готовы к двухмесячному безделью, как это называл отец.

Чад не переставал удивляться тому, что его сестра, потерявшая голову от стихов и мужчин, продолжала приезжать на озеро. «Одиночество, — утверждала она, — полезно для творческой натуры». Она твердо решила стать писателем. До сих пор ее успехи были незначительными, но она не теряла надежды. Публикация ее стихов в небольшом литературном журнале не принесла денег, но получила положительные рецензии. Была опубликована пара коротких рассказов в журнале, который никто не покупал, и новелла, за которую она получила приличную сумму в 250 долларов.

Она проводила целые дни в своей комнате, распугивая белок и мышей стуком своей пишущей машинки. Минди работала над романом.

«Одиночество жизненно необходимо,— настаивала она.— На озере никто из поклонников не надоедает». Чтобы успокаивать их, она пользовалась телефоном в городе во время редких вылазок за продуктами.

Чад одобрял ее увлечение литературой. Теперь она не донимала его так, как раньше. Он стал для нее чем-то, с чем нужно мириться, а не изводить. Возраст изменил ее в лучшую сторону, хотя было жаль, что больше нет смысла ее дразнить. Теперь она просто не обращала на него внимания, тогда как раньше приходила в ярость. Годы меняют людей.

Примерно через неделю за ужином Чад наконец-то затронул тему, которая давно его волновала.

— Па, ты ведь называешь меня «парень».

— Ты и есть парень.

— И у меня никогда не было проблем в горах, так?

— Так. Именно поэтому мы позволяем тебе отправляться в горы одному.

— Если так,— он сделал глубокий вздох,— тогда вы разрешите мне там переночевать одному?

Отец замер с ложкой у рта и взглянул на мать. Она молчала. Это был неплохой знак.

— Мы уже разрешали тебе.

— Да, но только на веранде или на причале. А я хочу отправиться в настоящий поход с ночевкой. Я справлюсь.

— Но ты не умеешь готовить, да и не на чем.

— А мне и не надо готовить. Я все возьму с собой. Мне ведь много не надо. Всего лишь на одну или две ночи,— продолжал он уговаривать родителей.

Словно призрак из ночи возникли слова сестры:

— Ты испугаешься.

— Я никогда не встречал в лесу никого больше лисицы и, в отличие от некоторых, не боюсь темноты.

Глаза Минди вспыхнули, но она всего лишь вздохнула и печально покачала головой. Может быть, сестра и не была больше его открытым врагом, но и веселья с ней было мало.

— Я обещаю, что не испугаюсь,— он держал себя в руках.— И вообще это моя проблема.

— Если только не упадешь в темноте со скалы,— мрачно вступила в разговор мама.

— Но, ма, я не собираюсь разгуливать по ночам и падать со скалы. Я знаю, как разбить лагерь и развести костер. У меня есть фонарик и спальный мешок. Все будет хорошо!

— А как насчет палатки? — спросил отец.— Я думаю, тебе вполне по силам захватить палатку.

— Я думаю, спального мешка будет вполне достаточно. У него есть дождевая накидка, а я отправлюсь в путь только при хорошей погоде.

— По ночам все еще холодно.

О чудо! Отец, кажется, не против!

— У меня теплый спальный мешок.

— А как же звери?

Чад затаил дыхание, а отец продолжил:

— Там и правда нет никого крупнее лисы. Я думаю, все будет в порядке. Надо же когда-то начинать. Это научит его ответственности за свои поступки.— Он посмотрел на сына.— Будет интересно выяснить, боится ли он темноты или нет. Это будет неплохое испытание.

— Испытание действительно неплохое, но не кажется ли тебе, что он еще мал? — возразила мать.

— Но он здорово соображает для своих лет. Не думаю, что он натворит что-нибудь, да?

Чад яростно закивал головой:

— Все будет нормально.

— Он будет идти только в одном направлении. Если что-нибудь случится, мы его легко найдем.

— Ничего не случится, па,— быстро сказал Чад.— Здесь ведь никого нет, а я не собираюсь карабкаться по скалам. Это будет обычная прогулка, только подлиннее. Что может случиться?

— Ты можешь сломать ногу, вот что может случиться,— мама пожала плечами.— Только одна ночь, по крайней мере, пока. Ты должен вернуться на второй день до захода солнца. Потом посмотрим.

— Отлично!

— Будь осторожен,— сказала Минди и, к его удивлению, улыбнулась ему.

Проведя всю свою сознательную жизнь в словесных схватках с сестрой, Чад не знал, как отреагировать на такое проявление родственных чувств.

Он был так взволнован, что встал до восхода солнца. Мама была уже на кухне. Она приготовила столько бутербродов и лекарств, что их бы хватило на небольшую экспедицию, отправляющуюся в дебри Амазонки.

— Будь внимательнее,— предупредила она его на пороге.— Помни, никаких скал. Просто прогуляйся. Ешь не только сладости и пей побольше воды.— Не обращая внимания на его протесты, она поправила на нем кепку.— Не оставайся подолгу на солнце.

Он отстранился, перевернул кепку козырьком назад и ответил:

— Ма, все будет в порядке. Правда.

— Не задерживайся.

— Конечно, я ведь могу определить время даже по солнцу,— похвастался Чад, хотя разумеется, были часы, теперь уже за десять долларов.— Не беспокойся.

— Не буду,— солгала она.— Куда ты собираешься?

— На север, а затем вдоль ручья.

— Какого ручья?

— Ну того, большого, на западе. Может, я найду его исток.

Она не сдержала улыбки.

— Может, и найдешь. Как ты думаешь его назвать?

— Не знаю еще. Посмотрим. Может, Нил? Нет, это уже было,— он ухмыльнулся.— Конго? А, знаю! Наверное, я назову его Алиса Эйприл.

— Это будет замечательно,— она с удивлением почувствовала комок в горле.— Ну, тебе пора. Не пропусти рассвет.

— Ни за что. Спасибо, ма,— Чад быстро поцеловал ее, надел рюкзак и выбежал из дома.

Мама вышла на крыльцо и проводила его взглядом, пока он не скрылся в лесу. «Черт возьми,— подумала она,— он слишком быстро взрослеет».

С годами Разговаривающий-на-Бегу становился все се-

рьезнее и все чаще удивлял своих друзей и родных. Почти все свое свободное время он проводил в медитации. Это радовало его учителей, но не товарищей. Им было не интересно общаться с ним. Постепенно его перестали приглашать на групповые совкупления и различные игры. Не то, чтобы в его поведении замечались отклонения от нормы, просто он был очень сдержан.

Философы отмечали его удивительное знание книги Шамизин и предлагали ему заняться философией профессионально, но он предпочитал работу, связанную с техникой и прекрасно справлялся со всеми заданиями. Вместо того, чтобы просто приниматься за ремонт, он вначале медитировал, а только затем принимал решение и приступал к работе. В результате он работал несколько медленнее других, но качество его работы было значительно выше. В отношении к занятиям он проявлял гораздо больше ответственности, чем его сверстники, для которых юность была временем игр. Пока они занимались танцами и придумыванием новых нарядов, Разговаривающий изучал электрические схемы колонии, чертежи механизмов, работающих в ней, чтобы быть готовым в случае их поломки. Словно какое-то шестое чувство помогало ему определять место возможного повреждения и предотвратить его. Интуиция Разговаривающего-на-Бегу завоевала всеобщее уважение и сэкономила ему время. Те, кто раньше насмехались над ним, теперь расточали похвалы.

Он возился со сломанным гравилетом, когда в мастерской появилась его привлекательная владелица. Ее звали Потерявшая-половину-Шарфа и они уже были хорошо знакомы.

— Не хочешь заглянуть ко мне сегодня вечером?

Разговаривающий взглянул на нее. В течение полугода они были партнерами по совкуплению и до сих пор не надоели друг другу.

— Я не могу. Я буду медитировать. Хочу заняться Милианским Циклом.

— Милианский Цикл может подождать, а я нет,— Потерявшая-половину-Шарфа не интересовалась философией.

— Я должен этим заняться,— просто ответил он.

Она на секунду прикрыла глаза ушами. Ошибиться в интерпретации этого жеста было нельзя.

— Станный ты какой-то, Разговаривающий-на-Бегу. Даже при совокуплении я чувствую твою отстраненность. Я тебя не понимаю.

— Не удивительно,— он попытался ввести нотку легкомыслия в их разговор.— Я и сам иногда себя не понимаю. Философ третьей Норы говорит...

— Ты слишком часто полагаешься на философию, а не на действие,— прервала она его, что было откровенной грубостью с ее стороны, но он не ответил тем же.

Разговаривающий отступил в сторону, раскладывая инструменты по своим местам. Она не сделала попытки приблизиться к нему, и он был ей за это благодарен.

— Вот, все готово.

— Спасибо.

Потерявшая взобралась на гравилет и с высоты своего положения съязвила:

— А теперь займись собой. Я поищу Выбритого-до-Синева и узнаю, не хочет ли он разделить со мной компанию. Можешь помедитировать и об этом.

— Я думаю, он будет счастлив видеть тебя.

Она явно рассчитывала на другой ответ.

После ее ухода он, как и всегда в таких случаях, почувствовал сожаление. Дело было не в том, что он не испытывал к ней интереса, просто у него были более важные дела.

Он заранее предупредил о своих намерениях, и его излюбленная комната медитации уже ждала. Пустое помещение с потолком в виде купола было четыре длины туловища в диаметре, так как это считалось лучшим размером для достижения максимальной концентрации внимания. Стены, потолок и пол были выкрашены в бежевый цвет. На полу лежал простой коврик, изготовленный в четвертой Норе. Это была прекрасно выполненная копия традиционного ковра из дерева сии. Эти деревья росли только на далекой Квозинии, и коврик в его комнате был из пластика.

Разговаривающий уселся поудобнее и поставил слева от себя небольшую чашу, которую принес с собой. В ней лежали маленькие разноцветные кубики, подобранные та-

ким образом, чтобы усилить визуальное впечатление. Рядом с ней, примерно на расстоянии двух пальцев, он поместил конусообразную бутыль. В ней был освежающий напиток.

Дверь бесшумно закрылась. Теперь никто не осмелится побеспокоить его. Усевшись по старинному обычаю на корточки, он молча уставился на стену, на которой появился небольшой экран.

Разговаривающий-на-Бегу начал медленно нараспев произносить стихи из книги Шамизин. Постепенно погас свет, и из скрытых динамиков полилась музыка. Пол, стены и потолок исчезли, и вместо них появилось синее небо и облака. Он плыл по лесу Квозинии, и деревья, известные только по записям, касались его своими нежными листьями. Неподалеку показалась небольшая деревушка. Повсюду мелькали Квози, занятые повседневными делами. Все они были одеты в старинные одежды.

Слева от него заплескалась вода. В укрытой скалами бухте местные рыбаки сталкивали в море широкую плоскодонную лодку.

Внезапно он оказался в ней. Разговаривающий чувствовал острые запахи масла, рыбы и выделений своих древних предков. Они так же ощущали его присутствие, но не обращали на него никакого внимания. Их тела были выбриты самым варварским образом.

Разговаривающий-на-Бегу задумчиво наблюдал за тем, как рыбаки забрасывают сеть. Через некоторое время он встал и взял в руки бутыль с напитком и чашу с кубиками. Пройдя сквозь своих соплеменников, лодку и бухту, он остановился перед противоположной стеной медитационной комнаты.

Подчиняясь его умелым и проворным пальцам, панель отъехала в сторону. В середине картины древнего моря открылось слабо освещенное отверстие. Сквозь него просматривался туннель для служебного пользования.

Проскользнув через потайной ход, Разговаривающий аккуратно вернул панель на место. Его рюкзак лежал неподалеку от входа. Он добавил к его содержимому разноцветные кубики и бутыль с освежающим напитком. Позади него, в комнате, продолжала разворачиваться картина жиз-

ни рыоаков милианского цикла. Это была серьезная тема для медитации, и ему никто не посмеет помешать.

В конце туннеля пришлось отодвинуть еще одну панель. Отверстие казалось слишком маленьким для взрослого Квози, но Разговаривающий провел немало времени в тренировочном зале, развивая гибкость своего тела. Толкая рюкзак перед собой, он быстро продвигался по новому туннелю. Разговаривающий-на-Бегу хорошо знал дорогу и ему не нужен был свет для ориентации. Когда вторая шахта пересеклась со следующей, он начал спускаться по ней, извиваясь словно рыба в наполненной водой трубе. Гладкий металл тесно обхватил его тело, но узость туннеля не пугала его. Клаустрофобия была неизвестным понятием для народа, чьи предки тысячелетиями жили в норах под землей.

Через некоторое время он добрался до основной шахты, где его встретил поток свежего воздуха. Здесь можно было передвигаться на четвереньках, и, проделав несколько упражнений, восстанавливающих дыхание, он продолжил свой путь. После того, как можно было встать на ноги, он закинул свой рюкзак за спину.

Добравшись до первого вентиляционного отверстия, он начал взбираться по узкой служебной лестнице. Приглушенный свет освещал ступени. Разговаривающий был осторожен, но продвигался быстро, ясно представляя, сколько еще этажей Норы ему предстояло пройти. Его обдувал воздух, всасываемый мощными насосами с поверхности планеты.

Он проходил мимо многочисленных боковых шахт, по которым воздух поступал на различные этажи Норы. Все они были меньшего диаметра, чем основная шахта. Когда сердце начинало колотиться о ребра, он останавливался, жадно глотая воздух, пребывая в полной уверенности, что на этот раз его обязательно обнаружат. Но единственными звуками в туннеле было жужжание вентиляторов и свист воздуха.

У самой поверхности земли находились многочисленные хорошо замаскированные фильтры. Он был у цели. Главный вентилятор на огромной скорости и почти бесшумно рассекал воздух. Его мощные лопасти могли бы

в одну секунду рассечь на части невнимательного Квози. Их можно было бы остановить как бы для ремонта, но, сделав это без разрешения властей, он бы привлек к вентилятору ненужное внимание. А Разговаривающему этого вовсе не хотелось.

Под костюмом на его теле был намотан тонкий прочный шнур собственного изготовления. Из рюкзака он достал пистолет с присасывающимся наконечником. Тщательно прицелившись, он выстрелил. Звук выстрела потерялся в шуме вентилятора. Присоска прочно закрепилась на гладком металле противоположной стены. Разговаривающий-на-Бегу проверил натяжение шнура, глубоко вздохнул, прочитав вполголоса любимые строчки из шестой Книги, и сделал шаг в бездну.

Как обычно в первое мгновение его охватил страх, что шнур оборвется, но затем наступило облегчение. Собрав всю свою волю в кулак, он начал подниматься вверх, подтягиваясь на руках. Добравшись до присоски, Разговаривающий достал из рабочего пояса небольшой ключ и нашел им небольшую щель в стене. Раздался легкий щелчок, и в стене открылся небольшой люк. Разговаривающий-на-Бегу забрался в него, отсоединил присоску от стены и начал продвигаться по новому туннелю.

Теперь его окружали не металлические, а пластиковые стены. Этот ход был выдолблен в стене, и на его прокладывание у Разговаривающего ушло несколько лет.

В конце туннеля не было тщательно замаскированной и управляемой электроникой двери. Выбравшись наружу, он несколько часов потратил на то, чтобы прикрыть люк опавшими листьями и ветками деревьев. Быстрый осмотр местности подтвердил, что поблизости никого нет. За ним никто не следил, и вероятность того, что он столкнется с одной из исследовательских групп ничтожно мала. Он тщательно следил за графиком их работы и выходил на поверхность только будучи твердо уверенным, что наверху нет ни одного Квози.

За выходами из колонии теперь велось постоянное наблюдение, но у него был его собственный ход — тщательно продуманный и искусно выполненный с помощью самых обычных инструментов. Эта дверь в иной мир при-

надлежала только ему и тем духам, с которыми он медитировал, но уж они-то не выдадут его.

Была ночь. Все с уважением относились к его сеансам медитации. Иногда они длились по несколько дней, и его благочестие неоднократно отмечалось. По окончании сеанса он вернется к обычной жизни отдохнувшим и посвежевшим. Никому и в голову не придет, что вовсе не медитация над Милианским Циклом, а прекрасные прогулки в одиночестве по бодрящей, удивительной, уникальной и запрещенной планете Шираз, так поразительно влияли на него. Он гулял по своей планете Шираз, так он привык думать о ней.

Х

Уверенность Чада в себе исчезла вместе с солнцем. Конечно, можно уверять родителей в своей непревзойденной храбрости, но совсем другое дело оказаться в лесу ночью одному, за десятки километров от дома. В лесу, который стал домом для зверей задолго до появления человека. Как они отнесутся к его присутствию?

По мере того, как вокруг него сгущалась темнота, он все сильнее жалел, что отказался взять с собой палатку. Хотя она и была не из слишком прочной ткани, палатка укрывала бы его на ночь, в то время как спальный мешок и дождевая накидка лишь частично оградят его от темноты.

В течение дня лес был полон звуков и красок. А теперь лишь неясные безмолвные тени крадучись пробирались меж деревьев. Голоса совы, сверчков и лягушек, живших в ручье по соседству, были знакомыми и успокаивающими. Но шум перешептывающихся листьев, хлопанье крыльев невидимых птиц давали богатую пищу детскому воображению.

Он не собирался разжигать костер. Спальный мешок надежно укрывал его от прохлады ночи, бутерброды с тунцом не требовали подогрева, и тем не менее он торопливо собрал сухих сучьев и листьев и, сломав с десятков спичек,

наконец-то развел костер. Облегчение, испытанное им при виде огня, трудно было описать словами.

Костер был слишком мал, чтобы испугать крупного зверя, но тени, представлявшие для него реальную угрозу, исчезли в темноте леса. Позади его небольшого лагеря протекал быстрый ручей, и Чад считал, что это хорошая защита от нападения сзади. Шум воды приятно успокаивал. Будучи защищенным костром и ручьем, он быстро забрался в спальный мешок и развернул шоколад. То, что он отложил бутерброд с тунцом, намеренно изменив обычный ход вещей, наполнило его душу чувством гордой независимости.

Луны не было видно, и он не знал радоваться этому или огорчаться. Удивительно яркие звезды напоминали сахар, рассыпанный на черном бархате. Постепенно его сморил сон.

Чада разбудил громкий всплеск воды. Он так резко подскочил в спальном мешке, что сбил дождевую накидку.

Щурясь от яркого света, он повернулся к ручью. Судя по звуку в воду упал осколок скалы. Никто — ни гризли, ни лось, — не пытался перебраться через ручей к его лагерю. Лишь круги разбегались по воде. Повернувшись к слабой струйкой дымящемуся костру, он вновь услышал какой-то непонятный звук. И опять Чад ничего не увидел, но решительно выбрался из спального мешка, одел джинсы и направился к ручью. Взобравшись на гранитный утес, он пристально взгляделся в воду. Быстрое течение вымыло здесь глубокую яму. Если бы вода не была такой холодной, это было бы отличное место для купания. Не задумываясь, он наклонился пониже и тут же с криком отпрянул назад. Через несколько секунд он вновь осторожно подобрался к краю утеса. Чтобы это ни было, но оно не пыталось выбраться из воды, а просто лежало на дне, бессмысленно дергая конечностями. Крошечные пузырьки воздуха цепочкой поднимались на поверхность воды. Существо показалось ему знакомым. Нет, оно было ему знакомым. Давным-давно, еще ребенком, он видел его. Это было то самое существо, думая о котором, он не мог заставить себя поверить в то, что это всего лишь плод его воображения, или еще нечто подобное.

— Что ты там делаешь? — изо всех сил закричал он, стараясь перекрыть шум воды, но существо продолжало пускать пузыри. — Ты в порядке? Не ушибся? Если ты будешь там так и лежать, то замерзнешь. — Чад не испытывал страха, только любопытство. — Ну, если это тебя устраивает, то я пойду.

В ответ появилась новая серия пузырьков, и существо еще энергичнее замахало тонкими пушистыми руками. Как и в первый раз, он обратил внимание на кисти рук: на каждой было по семь пальцев.

— Ты, что, хочешь выбраться оттуда? — добивался своего Чад. — Почему ты не плывешь?

Внезапно его осенило, что скорее всего существо не умеет плавать. В свои тринадцать лет Чад еще не понимал, что объем легких другого существа в соотношении к его телу может быть недостаточным для поддержания естественной плавучести тела. Он решил, что существо ранено, и ему требуется помощь. Став на колени, он плеснул себе в лицо водой, прогоняя последние остатки сна. Заставив себя забыть о холоде, он лег на живот и как можно глубже опустил руку в воду. По телу пробежала дрожь. Чад почувствовал, как его руку охватили пальцы существа. Напрягшись изо всех сил, он потянул его наверх. Длинноухая мордочка появилась над водой, извергая из себя воду и задыхаясь от кашля. Чад чувствовал бы себя так же, если бы его слишком долго продержали под водой. Он продолжал тащить незнакомца на сушу. Пытаясь помочь ему, существо отталкивалось второй рукой от земли. Чад обеими руками подхватил его под мышки и приподнял. Несмотря на свою кажущуюся хрупкость, существо оказалось неожиданно тяжелым. Крупные серьги покачивались в обвисших ушах. Яркие полоски ткани на руках и ногах волочились по земле. Мокрая шерсть добавляла веса его телу.

— Тебе нужно к огню, — проговорил Чад сквозь стиснутые зубы. — Давай попробуй встать.

Громадные ноги, обутое в сандалии, мешали Чаду наполовину тащить, наполовину нести на себе старого незнакомца к лагерю. Он уложил его на спальный мешок и бросился разжигать костер.

Вода тонкой струйкой сбегала из уголка рта существа. Его дыхание было резким и прерывистым, большие глаза закрыты. Теперь, мокрый и жалкий, инопланетянин не производил на него такого сильного впечатления, как в первый раз, но не трудно чем-то удивить в тринадцать лет так же сильно, как и в восемь.

— Держись,— он старательно раздувал огонь. Чад подбрасывал сухие веточки до тех пор, пока костер не занялся жарким пламенем. Облегченно вздохнув, он подтянул спальный мешок с инопланетянином как можно ближе к огню. Развернув очередную шоколадку, он уселся перекусить.

— Надеюсь, тебе лучше.

— Да,— большие глаза открылись.

— Значит, ты все-таки умеешь говорить. Впрочем, я никогда не верил, что это все мне показалось.

— Я долгое время изучал ваш язык. Он не очень трудный. Вот только говорите вы невыносимо громко.

— С такими ушами, как у тебя, проблем со слухом не будет,— Чад перешел на шепот.

Ухо собеседника изогнулось, и мальчик безошибочно определил юмористический характер жеста.

— Спасибо, что стал говорить тише.

— Не за что. Ты выглядел так смешно, барахтаясь на дне ручья. Ты, что, хотел утонуть?

— Утонуть? — инопланетянин заколебался.— Нет, не утонуть. Я...— длинная тонкая рука указала на огонь.— Я увидел твой лагерь. Ты спал, и я решил осмотреться. Мне показалось, что я тебя узнал.

«Значит, тот самый»,— подумал Чад. Он не знал радоваться этому или огорчаться.

— Я хотел убедиться,— продолжал его собеседник.— Я попытался найти место, откуда бы смог как следует рассмотреть тебя, не выдавая себя. Я вошел в воду, думая спрятаться там, и не заметил, как оступился.

— Не расстраивайся. Со мной тоже такое случалось. Но разве ты не умеешь плавать?

— Плавать? Мы не плаваем, как ширазяне. Мы тонем. Плотность нашего тела такова, что в соотношении с воздухом поглощаемой способностью мы...

— Я понял.

— Это очень странное ощущение. Как ты понимаешь, мы не заходим в воду по своей воле с головой, если под рукой нет никаких подручных средств. Мы изучали ваш вид спорта — плавание. Это не для нас.

— Похоже на то. Как ты нас назвал?

— Ширазяне. Шираз — так мы называем ваш мир.

— Неплохо. Шираз, — Чад повторил новое слово. — Получше, чем Земля.

— Должно быть, вы не очень высокого мнения о своей планете, если так ее назвали.

— Ну, это не я сделал. А вы когда-нибудь моетесь? Кстати, ты ведь парень?

— Да, самец. У нас другие средства очищения тела.

— Вы, наверное, много о нас знаете.

— Мы уже давно слушаем и смотрим ваши радио- и телевизионные передачи.

Чад весело рассмеялся:

— А мама постоянно говорит мне, что в них нет ничего познавательного.

— Там, в ручье, я пытался позвать тебя на помощь.

— Я видел только пузыри, уши у меня не такие большие как у тебя.

— Но ты правильно оценил ситуацию и спас меня. Я — твой вечный должник. Я буду медитировать о тебе.

— Да ну, забудь. Послушай, ты ведь инопланетянин. Откуда? Ведь не из солнечной системы? В нашей системе нет разумных существ.

— Да, я издалека, но не могу сказать откуда. — Несмотря на молодость своего собеседника, Разговаривающий-на-Бегу знал, что это — опасная тема. Он сделал слабую попытку поправить свой наряд.

— А ты один или еще есть? — Чад зашарил глазами по лесу за ручьем.

Разговаривающий начинал понимать, что, несмотря на долг перед ширазянином, на карту поставлено больше, чем личная дружба. Ему придется следить за каждым своим словом. «Будь осторожен, — сказал он себе, — будь осторожен».

— Я здесь один, — честно ответил он и спросил: — А ты почему один?

— Могу спросить тебя о том же. Думаю, что ответ будет одинаковый.— Чад длинной палкой помешал сучья в костре.— Я здесь сам по себе, изучаю природу.

— Изучаешь природу? — уши Разговаривающего резко дернулись.— Я тоже, но Старейшины не одобрили бы моих поступков.

— Ну, мои старики тоже не в восторге.

— Ты не должен говорить им обо мне,— строго сказал Разговаривающий-на-Бегу.

— Я уже однажды пытался, когда встретил тебя в первый раз. Они не поверили мне тогда, не поверят и сейчас. Зачем я буду им говорить?

«Ответ слишком поверхностный,— подумал Разговаривающий,— но что остается делать? Только довериться». Он не чувствовал подвоха в ребенке. Если бы тот был деревом, он бы был более уверен в его чувствах. Деревья никогда не лгут.

— Меня зовут Чад. Чад Коллинз,— он протянул руку. Разговаривающий-на-Бегу с сомнением посмотрел на нее и дотронулся своей до щеки мальчика. Чад обхватил его пальцы своими.

— Не пугайся. Это — жест приветствия.

Разговаривающий постепенно обсыхал.— Но почему вы так враждебно скалите зубы?

Чад улыбнулся:

— Это улыбка и в ней нет ничего враждебного.

— Улыбка. С этим понятием я сталкивался только абстрактно. В реальности все гораздо труднее. Среди моего народа обнажение зубов считается угрозой.

— Как у собак, да? Ладно, я постараюсь больше не улыбаться. Как тебя зовут?

— Меня зовут Разговаривающий-на-Бегу, если это вообще можно перевести на ваш язык.

— Странное имя.

— Нет. Странно то, что ваши имена ничего не обозначают. Как можно носить имя, которое представляет из себя бессмысленное сочетание звуков?

— Имя — это всего лишь имя.— Чад равнодушно пожал плечами.— А что ты еще умеешь делать ушами?

Разговаривающий изобразил пару-тройку движений, чем привел Чада в полный восторг.

— Вот это да! А где твой космический корабль? Где-нибудь поблизости?

— Нет, не здесь.— Традиционные для Квози навыки иносказания сослужили Разговаривающему хорошую службу в разговоре с ширазянином. Он не лгал. «Последователь» действительно был гораздо восточнее.

— Ты живешь поблизости? — спросил Разговаривающий.

— Не совсем. Мы приезжаем сюда на пару месяцев каждое лето. А вообще-то здесь никто не живет. Правительство не разрешает. Это — заповедник. Здесь нельзя строить дома и пользоваться машинами. Наш дом — исключение. Мой дедушка построил его еще до того, как был открыт заповедник, понимаешь?

— Не совсем. Слишком много новой информации. У меня есть кое-какие проблемы с вашим языком, а ты говоришь о совершенно новых для меня понятиях. «Кроме того,— подумал он,— я должно быть, выгляжу ужасно».

— Наш дом, место, где мы постоянно живем, в Лос-Анджелосе. Это большой город на юге.

— Я знаю о Лос-Анджелосе.

— Ты говоришь словно девчонка с больным горлом,— неожиданно заметил Чад.— Что ты делаешь? Учишься?

— Мы учимся всю жизнь.

— Тогда вряд ли мне у вас понравилось бы.

— Я чиню сломанные вещи.

И оба подростка погрузились в обсуждение проблем образования.

— Перестать учиться — значит умереть,— настаивал Разговаривающий.

— Я не об этом говорю. Я говорю об окончании школы,— отбивался Чад.

— Уйти из школы — значит уйти из жизни.

Так они проговорили и проспорили большую половину дня, пока Чад не спохватился, что ему давно пора отправляться в путь, если он не хочет опоздать домой к заходу солнца. Он бы рискнул остаться еще на одну ночь, но так как это была его первая ночевка, лучше было не ссориться с мамой.

Разговаривающий-на-Бегу не мог понять, почему походы Чада так зависят от разрешения родителей. С самого раннего возраста каждый Квози мог свободно перемещаться по всем Норам. А как еще, спрашивается, он сможет познать окружающий мир, если ему не разрешат исследовать его?

Чад был полностью согласен с ним, но заметил:

— Я — не Квози, я — Человек.

Они договорились встретиться на этом же самом месте через неделю с условием, что если кто-то из них не появится, то они вновь придут сюда через день. К своему удивлению Чад узнал, что несмотря на всю свободу передвижения Квози, у его нового друга могут возникнуть сложности с выходом из колонии.

И все же через неделю встреча состоялась, а за ней, другая, и еще одна, и еще... И не только этим летом, но и последующим.

Как только гидроплан заходил на посадку, Чад начинал волноваться. Родителям он казался очень воодушевленным, возможно из-за того, что все больше времени он мог проводить в лесу. «Наш городской мальчишка превращается в настоящего лесного бродягу», — говорил его отец.

Чад и Квози с восхищением наблюдали за взрослением друг друга. Вначале Разговаривающий-на-Бегу был выше Чада, но вскоре тот уже на голову обогнал своего приятеля.

— Наше развитие происходит по-другому, и среди нас нет такого разнообразия типов. Когда я был маленьким, я уже точно знал, какого роста я буду, когда стану взрослым. Это отметало всякие сомнения. А вот у вас разница в размерах тела вызывает соревнование. — Левое ухо качнулось в знак утешения. — На твоём месте я бы считал это несправедливым. Вы необоснованно много значения придаете пропорциям.

— Я согласен с тобой, но ничего не поделаешь.

Все дни они проводили в разговорах.

Теперь Разговаривающий-на-Бегу был одним из самых уважаемых специалистов колонии. Он был нарасхват. Проводя столько времени в медитации, он многого достиг. Он был осторожен и уединялся так же часто и в сезон холодов, когда никто не выходил на поверхность. Нельзя, чтобы

кто-то обратил внимание на сезонность его благочестия.

В семнадцать лет Чад мог проводить в лесу по четыре-пять дней подряд. Его родители были убеждены, что он излазил каждую скалу в окрестностях. На самом деле он изучил лишь озеро, чтобы быть в состоянии ответить на случайный вопрос и спасти свою репутацию.

Во время встреч Разговаривающий мало говорил о себе, и то только поняв, что может полностью доверять своему другу. Квози знал, что Чад мог не один раз за эти годы выдать его. То, что это не случилось, доставляло Разговаривающему удовлетворение. Возвращаясь в колонию, он с трудом сдерживал свое изумление по поводу заблуждений исследовательских групп. Они работали только с запутанными, а порой и намеренно искаженными телевизионными передачами фактами. В отличие от него они не могли получить разъяснений от настоящего землянина. Несмотря на это он хранил молчание. Одно неосторожное слово могло погубить его. Но как часто ему хотелось опровергнуть ту или иную концепцию «экспертов»! Чад знал, что его друг живет в колонии, но Разговаривающий-на-Бегу ничего не говорил ему ни о ее размерах, ни о ее местонахождении. Чад с пониманием относился к сдержанности своего друга. Он внимательно выслушивал его, отдавая себе отчет в том, что любая попытка надавить на Разговаривающего может привести к тому, что скудный ручеек информации совсем исчезнет. В то же время Разговаривающий-на-Бегу чувствовал его жгучее любопытство и восхищался сдержанностью своего земного друга.

— Если каким-то образом станет известно, что я встречаюсь и беседую с тобой, — сказал он однажды, — меня могут убить.

— Мне казалось, что ты говорил, что вы не прибегаете к насилию, — заметил Чад.

— О нет, мы верим в насилие, но только в терапевтическом, абстрактном смысле: в искусстве, музыке, разговорах. Физический контакт с другой особью запрещен, не считая, конечно, совокупления и других особо оговоренных случаев. Это не будет расценено как насилие или убийство, скорее как очищение. Мне бы не хотелось, чтобы меня «вычистили».

— Да уж,— задумчиво произнес Чад.— А не захотят ли они в таком случае «вычистить» и меня?

— Интересный вопрос,— положение ушей Разговаривающего указывало на внутренний спор.— Философские и моральные барьеры, которые для этого нужно преодолеть, очень велики. К тому же тебя будут искать твои родители.

— Необязательно. Они могут подумать, что я утонул в озере или упал со скалы.

— Но мой народ думает по-другому.

Чад обдумал его слова:

— Сколько еще, ты думаешь, вы продержитесь?

— Продержимся? — иногда обороты речи Чада ставили Разговаривающего в тупик.

— Ну, сколько вы сможете держать свое присутствие на Земле в секрете?

— Решения принимает Совет Старейшин и администрация Нор, а не я. Ты — единственный человек, который знает о нашем существовании. Мы храним тайну нашего присутствия вот уже полвека.

— А почему ты рассказал мне о колонии?

— Не мог же я вечно молчать. Ты вполне разумен и раньше или позже предположил бы, что я не могу существовать в одиночку.

— Может так, а может и нет. Может я оказался бы настолько глуп, что поверил, если бы ты сказал, что ты эдакий космический отшельник.

— Это вопрос для философов. Смотри! — Разговаривающий указал рукой на ручей.

Два молодых оленя направлялись к воде, но заметив незнакомых живых существ, в нерешительности остановились. Из леса донесся слабый звук то ли упавшей шишки, то ли хруст ветки под лапой кролика. Олени сорвались с места и стремглав унеслись прочь.

— Самка и ее детеныш, тоже самка,— прокомментировал происшествие Квози.

Чад с сомнением посмотрел на него:

— Как ты определяешь пол животного на таком расстоянии?

— Не знаю, это получается само собой,— и Разговари-

вающий повернулся к Чаду.— Мы еще никогда не говорили с тобой о совокуплении.

— О совокуплении?

— О сексе, о половых сношениях, о процессе воспроизводства. Мы многое о вас знаем, но эта тема недостаточно широко освещается в ваших передачах. Скажи мне, пожалуйста, Чад, сколько раз в день ты обычно совокупаешься?

Его друг смотрел куда-то в сторону. С удивлением Разговаривающий-на-Бегу отметил изменение цвета его лица:

— Я тебя оскорбил?

— Нет, просто я еще этим ни разу не занимался.

— Чем этим?

— Да совокуплением, черт возьми!

— Значит, я все-таки оскорбил тебя. Но ты выглядишь сексуально зрелым. У тебя что-то повреждено?

— О черт, ничего у меня не повреждено! Просто, насколько я понимаю, мы развиваемся не так как вы. Я имею в виду, что в физическом отношении все в порядке, а вот в эмоциональном... Не говоря уже о социальном аспекте. А сколько раз в день это делаешь ты? — агрессивно спросил Чад.

— Это зависит от загруженности дня. Нормальная частота для моего возраста и положения около девяти-десяти раз.

— В день? — глаза Чада чуть не выскочили из орбит.

— Ну да,— Разговаривающий-на-Бегу был удивлен реакцией своего друга.— Для вас это ненормально?

— Насколько я понимаю, в общем-то, да,— Чад поколебался и неуверенно переспросил: — Каждый день?

— За исключением дней медитации и дней отдыха. Тогда активность может быть выше или ниже, каждый решает сам.

— Как же у вас остается время на что-нибудь еще?

— Это не занимает много времени. На копуляцию уходит в среднем от двух до шести минут.

— Ну тогда еще ладно,— по каким-то непонятным для Разговаривающего причинам его друг слегка успокоился.

— Еще одно различие между нами,— понимая, что эта

тема неприятна для Чада, Разговаривающий-на-Бегу решил поговорить о чем-нибудь другом. — А что ты думаешь о войнах?

— Странно, что ты заговорил об этом после секса.

— Почему? Ведь эти понятия тесно связаны друг с другом.

— Почему ты хочешь об этом поговорить?

— Потому что мы находим по меньшей мере странным и противоречивым то, что разумные, технически высоко-развитые народы сражаются друг с другом. Древние Квози тоже постоянно жестоко сражались, но это было очень давно. По мере того, как наша раса развивалась, были найдены другие способы контроля за численностью населения. У нас сублимация насилия считается самым полезным времяпровождением. А все ваши попытки пойти по этому пути просто смешны. Например, ваши телевизионные передачи показывают насилие, но в приглашенном виде, поэтому их терапевтическая ценность равна нулю. Хуже того, в действительности эти передачи провоцируют людей на реальное насилие.

— Телевидение создано не для терапевтических целей, — возразил Чад. — Оно предназначено для отдыха и развлечений. И все.

— Чем больше я о вас узнаю, тем меньше я вас понимаю. Ведь эти войны не приносят пользы и только замедляют рост численности населения планеты.

— Не говоря уже о том, что погибают люди, — пробормотал Чад.

— Да, конечно, — Разговаривающий-на-Бегу поднялся и начал бросать гладкие камушки в воду. Чад никогда не видел, чтобы кто-нибудь был так искусен в этом. Дополнительные пальцы явно помогали ему.

— Я вижу, ты не понимаешь элементарного психологически обоснованного понятия — если насилие в определенном количестве подается в форме развлечения с резким осуждением его, межличностное насилие исчезнет.

— Думаю, люди не понимают этого. — Чад поймал себя на том, что внимательно рассматривает своего друга: нежный мех и хрупкие руки, задумчивые глаза и длинные уши. — Трудно даже представить себе, что вы когда-то

сражались. Ты не похож на убийцу и уж, наверняка, не знаешь, как это делается.

— Внешность обманчива. Мне кажется, в вашем языке есть такое выражение.

Внезапно он резко подпрыгнул, и его лицо приобрело яростное выражение Квози Четвертой Империи с фрески уважаемого художника Пересыпающего-мелкий-Песок: выкатившиеся из орбит глаза, уши загнуты назад, лицо перекошено, зубы оскалены. Левая рука вытянулась вперед, пальцы изогнулись таким образом, что ногти стали похожи на когти. Правая нога с огромной ступней обозначила резкий мощный удар по голове Чада. Все это было сделано без единого звука, в манере древних Квози.

А вот Чад не молчал. Увидев огромную ногу перед своим лицом, он издал пронзительный вопль. Достигни этот удар своей цели, его череп был бы уже размозжен.

Разговаривающий-на-Бегу как ни в чем не бывало стоял с ним, поправляя свой костюм. Его лицо было таким же вежливым, как и раньше.

В первый момент нападения Чад чуть было не упал. Теперь он прочно стоял на ногах и пытался взять себя в руки, понимая, что только что был на краю гибели.

В голосе Разговаривающего не было и намека на самодовольство:

— Прошу простить меня. Я испугал тебя. Но я решил, что слова не убедительны, а демонстрация будет гораздо эффектнее.

— Да уж, куда больше,— проговорил Чад.— Что это было?

— Один из многих приемов древнего воинского искусства. Много веков назад эти удары достигали своей цели. А вот с помощью вот этого,— он указал на небольшой металлический предмет, прикрепленный к поясу,— я бы мог перерезать тебе горло. До тех пор, пока мы не обнаружили всю незрелость психологических обоснований нашего поведения, кровопролитие доставляло нам удовольствие.

— Но вы больше не сражаетесь.

— Это искусство мы превратили в танцы и способ невербального общения. С помощью подобных движений можно очень многое выразить. Прикосновение к телу себе-

седника будет расценено как страшное оскорбление. Суть состоит в приближении без касания.

— А как реагирует тот, кого коснулись?

— Он испытывает огромное смущение за другого. Ты даже представить себе не можешь страдания того, кто нанес такое оскорбление.

— А если я тебя ударю?

— Думаю, ты не сможешь. Твоя реакция оставляет желать лучшего.

— Но если бы ты стоял ко мне спиной? Ты бы ответил мне ударом на удар?

— Только если бы моя жизнь была в опасности. Если же нет, я просто уйду, и мы больше никогда с тобой не увидимся. Я больше не смогу считать тебя разумным существом. Ты подтвердишь своим поведением мнение некоторых наших ученых о ширазьянах.

— Что-то в этом роде я и думал. Неудивительно, что ваши Старейшины так опасаются контакта. Если мое правительство или какое-нибудь другое решит уничтожить вас, вы не сможете отразить удар.

— Нет, сможем. Вспомни, я говорил о том, как буду действовать, если в опасности будет моя жизнь. Но в этом сражении не будет настоящей победы — если мы проиграем, то на этом все закончится. Если победим, то не сможем больше смотреть друг на друга. Мы потеряем или наши жизни или наши души, в любом случае победа будет не за нами. Вот почему Старейшины боятся контакта.

— Но не сможете же вы всегда прятаться?

— До сих пор это получалось. Жизнь под землей — не самый лучший выбор, но большинство с ним согласны. По мере того, как мы совершенствуем и расширяем Норы, жизнь становится все лучше. Если то, что ты говоришь об этом районе правда, у нас в запасе есть несколько столетий. Совет считает, что мы сможем скрываться столько, сколько это будет нужно.

— Но не от меня.

— Да, не от тебя.

— Но ведь я смогу тебя выдать, — Чад внимательно рассматривал реку. — Я могу обо всем рассказать.

— Наверное, — как обычно выражение лица Разгова-

ривающего не изменилось. Было что-то жуткое в разговоре с существом, которое никогда не улыбалось, никогда не хмурилось. Только его уши находились в постоянном движении.— Но ты этого не сделаешь.

— Откуда ты это знаешь? Почему ты так в этом уверен?

Разговаривающий-на-Бегу взглянул на него большими грустными глазами.

— Потому что я тебя знаю.

— Люди могут совершать непредсказуемые поступки. Мы часто действуем по первому побуждению.

— Ты потом будешь проклинать себя всю жизнь. Вряд ли тебе этого захочется.

— Я тоже так думаю,— Чад поднялся и кивнул в сторону камышовых зарослей.— Что, если мы снова поищем там лягушек?

XI

Встречи стали обычными.

И вот однажды Разговаривающий явился в костюме, которого Чад еще никогда не видел. Вместо знакомого ему костюма инженера, выдержанного в коричневых и желтых тонах, на Разговаривающем был изумрудно-зеленый комбинезон в розовых и черных крапинках. Шарфы и серьги, как и обычно, были со вкусом подобраны в тон. В качестве маскировочного костюма он не выдерживал никакой критики, но тем не менее новая модель поражала воображение. Впрочем изменения коснулись не только одежды. На лице и руках Разговаривающего были выбриты новые узоры. Над каждым ноготком пальцев рук и ног мастерски поработали ножницы.

— У тебя что, свидание? — спросил Чад, как только увидел друга.— Ты выглядишь потрясающе.

Разговаривающий-на-Бегу протянул руку, чтобы ответить рукопожатием на приветствие друга. Затем легким движением прикоснулся ладонью к его лицу.

Они направились к лагерю, где уже стояла палатка.

— Что ты принес мне на этот раз? — как всегда Разговаривающий-на-Бегу был нетерпелив после долгой разлуки с другом. Впрочем, Чаду он казался таким же бесстрастным, как и раньше.

— Поищи. Посмотрим, что ты найдешь, — Чад не улыбался. Хотя Разговаривающий и понимал значение улыбки, все же ему было неприятно видеть обнаженные зубы. Чад постоянно следил за собой.

Разговаривающий нашел несколько пластиковых пакетов и быстро вскрыл их. В его ладонь посыпались маленькие коричневые предметы.

— Что это? — он поднес ладонь к лицу. — Они пахнут другими лесами.

— Орехи. Такие здесь не растут. Ты уже видел арахис, а остальные будут для тебя новинкой.

Разговаривающий-на-Бегу внимательно осмотрел каждый орешек, прежде чем положить их в рот.

— Это просто замечательно, — сказал он, опустошив полный пакет. — Впрочем, все, что ты приносишь очень вкусно. Мы надеялись найти хоть что-нибудь съедобное на Ширазе, но никак не ожидали столкнуться с таким разнообразием. — Он издал высокий свист, что, как знал Чад, означало вздох.

— Тяжело осознавать, что я не могу поделиться ничем из этих деликатесов со своими друзьями.

— Ты ведь не один в таком положении. Ничего из того, чем ты со мной делишься, я не могу никому даже показать. Это чертовски неприятно. Ведь наши цивилизации могли бы многим поделиться друг с другом, хотя бы в сельском хозяйстве. А вы могли бы заняться деревьями.

— Между Квози и деревьями всегда были глубокие духовные отношения. Нам было очень приятно узнать, что ваши деревья такие же, — сказал Разговаривающий и взял в руки большой изогнутый орех. — Как он называется?

— Бразильский орех.

Разговаривающий-на-Бегу положил его в рот и с наслаждением задвигал челюстями.

— Прекрасно, — он вгляделся в глубь палатки. — А ты захватил бутерброды с тунцом?

— Конечно.

— Наши инженеры обсуждают возможность строительства подземного канала от Норы семь к реке. Если проблема будет решена, мы сможем заняться разведением рыб. Исследовательские группы пробовали местную рыбу и нашли ее питательной и вкусной, как и все на вашей планете, хотя нам и не очень нравится мясо крупных животных. Благодаря тебе я знаю, что они правы. Но рыбы великолепны, и пресноводные и морские. Это добавит разнообразия к столу колонистов. Пока мы по-прежнему предпочитаем растения. Я думаю, мы далеко ушли по сравнению с вами и от плотоядных предков.

— Я помню, мы уже говорили об этом.

Чад вскрыл следующий пакет с лакомствами:

— Например, вы совершенно потеряли клыки. Попробуй вот это.

Разговаривающий-на-Бегу заинтересованно смотрел на пакет:

— Что это?

— Разные разности. Кое-что ты уже пробовал. Картофельные чипсы, крекеры, печенье, воздушная кукуруза. Мама просто расстроилась, видя как я вскрыл все наши запасы и из каждого пакета взял понемножку. Впрочем, она снисходительна ко мне. Считается, что я очень эксцентричная личность, потому что провожу столько времени в одиночестве.

— Очень интересно. С тех пор как я начал проводить больше всех времени в медитации ко мне в колонии все, кроме, конечно, главных философов, наоборот стали относиться с огромным уважением,— если Разговаривающий-на-Бегу мог, он бы усмехнулся, но вместо этого его уши дважды изогнулись.— Мои коллеги удивляются тому, как мне удается поддерживать великолепную физическую форму, проводя столько времени в глубокой медитации. Они ведь не знают, что мое тело получает такую же нагрузку, как и мозг. У меня тоже кое-что для тебя есть.

Он достал несколько соединенных друг с другом колец. Они были изготовлены из дерева, каждое различного цвета и структуры, отполированные до сияния. Одно было темно-коричневое, другое — черное, третье — светло-коричневое с золотистыми крапинками, четвертое — ярко-синее. Пя-

тое кольцо было черным с белыми точками, шестое — серебристо-серое и последнее — неожиданно розового цвета.

Разговаривающий-на-Бегу продемонстрировал, как из этих колец можно создать различные фигуры или носить как украшение. Чад взял их в руку.

— Они, наверное, такие дорогие? Какие они красивые! Ого!

Он чуть не выронил связку колец, почувствовав как черное кольцо зашевелилось у него на ладони. Кольца были абсолютно разными на ощупь. Все они были привезены с далекой Квозинии.

— Я бы хотел подарить тебе их, но...

Чад был взволнован:

— Боюсь из этого ничего не получится,— он не мог оторвать взгляда от связки колец. Было нелегко вращать их, гладить пальцами и в то же время слушать своего друга.

— ...Но дело в том, что их могут увидеть. Твои родители, сестра или твои друзья, поэтому...

— Они не ботаники. Они подумают, что это какая-то головоломка из ближайшего магазина. Если, конечно, не возьмут ее в руки,— Чад погладил черное кольцо, чувствуя, как оно вздрагивает под его пальцами.

— Ты можешь пообещать, что этого не случится?

Чад опустил голову:

— Нет, конечно, нет,— торопливо сказал он и протянул руку.— Оставь их у себя. Они просто прекрасны, и я бы хотел их иметь. Ценю твое доверие, но это неоправданно большой риск.

Разговаривающий превратил передачу колец из рук в руки в настоящую церемонию, затянувшуюся на несколько минут. Затем он вновь обратился к лакомствам, принесенным Чадам. Больше всего ему нравились различные орехи.

— Расскажи мне о твоём костюме. Что случилось? Тебя видно за километр.

Разговаривающий-на-Бегу оглянулся на него:

— Я решил, что все будет в порядке и не стал переодеваться. Погода пасмурная, не думаю, что меня кто-нибудь увидит.

— Я имел в виду твоих соплеменников. Вы ведь посто-

янно высылаете исследовательские группы. Впрочем, ты прав. В лесу никого нет. А эти узоры? Я их раньше не видел. Они что-нибудь обозначают?

— Еще бы. Я стал отцом.

— Ты хочешь сказать, что у тебя теперь есть семья?

— Да, мы с моей старой подружкой наконец-то получили разрешение на зачатие. И оно произошло. Ты же знаешь как внимательно мы следим за численностью колонии.

— Я помню ты говорил: «Ребенок — это большая привилегия». Ты должно быть очень гордишься.

— Еще бы. Если бы ты его видел, когда он уютно устраивается в сумке матери. Он чуть больше твоего большого пальца, но очень быстро растет, гораздо быстрее, чем человеческий ребенок, хотя тот рождается более зрелым. А как дела у тебя?

Чад поднял обе руки:

— Я сдаюсь. Пока я ни с кем постоянно не встречаюсь.

— Какова же твоя частота копуляций? То есть я хотел сказать, как часто ты занимаешься любовью?

Чад отвел взгляд:

— Тебе нужно понять. Мы совсем другие. Мы просто не занимаемся этим так часто как вы. Мы созданы по-другому. И так часто не говорим об этом. У нас считается плохим тоном говорить об интимных вещах.

— Я не хотел обидеть тебя.

— Ты и не обидел.

«К привычке Разговаривающего постоянно извиняться трудно привыкнуть», — подумал Чад.

Между ними завязался спор о том, что считать интимным в сексе и вообще можно ли говорить об этом с другими.

Пока они спорили, Минди пряталась в кустах напротив палатки, едва осмеливаясь дышать. Она следила за братом от самого дома, теряла его след, но все же нашла Чада. Он не прошел и половины пути, на который она рассчитывала.

Целых два дня он провел на стоянке у реки, сидя все время у палатки. Это было более чем странно. Затем из леса вышло что-то невысокое, пушистое, с огромными ногами, с крошечным хвостом, одетое в яркий зеленый костюм. Существо обменялось рукопожатием с братом и Чад начал кормить его орехами и чипсами. После этого

они говорили, говорили, говорили и не могли наговориться, что тоже было очень странно.

Появившееся существо ни на что не было похоже, но оно двигалось с такой грацией, что нельзя было заподозрить маскарад. Полчаса тщательного наблюдения убедили Минди, что собеседник ее брата был явно не отсюда. Он выглядел, как пришелец из космоса, хотя гораздо нелепее, чем она себе представляла. То, что он хорошо говорил по-английски и был одет словно с продажи на Карнаби Стрит, только добавляло загадочности происходящему.

Она была далеко от них, чтобы слышать их разговор. Если существо и было вооружено, то это не было заметно, а Чад вел себя очень спокойно. Минди решила, что незнакомец неопасен. Если она хочет хоть что-нибудь услышать, то ей нужно подобраться поближе.

— Ты ошибаешься,— говорил Разговаривающий.— Именно поэтому так важны для нас Книги Шамизин.

— И сколько их?

— Сотни. Не хватит и нескольких жизней, чтобы изучить их. Книги охватывают каждый аспект жизни Квози и поэтому постоянно пишутся и добавляются новые тома, это развивающийся организм. Когда ты их открываешь, то ты даже не изучаешь их. Ты вдыхаешь их, впитываешь их,— он резко оборвал свою речь, вглядываясь в кусты позади своего друга.

Чад обернулся и ничего не заметил:

— Что с тобой? Что-то увидел?

— Нет, не увидел. Но я слышу, как там что-то шевелится. Оно очень неловко и от него исходит напряжение.

Чад вновь повернулся и внимательно всмотрелся в кусты.

— Ничего не слышу. Но мои уши не сравнить с твоими.

— У меня так же лучше зрение и обоняние. Самые высокочувствительные люди по сравнению с нами ничто.

— Зато вы совершенно не умеете плавать,— Чад поднялся на ноги.— Ничего не вижу.

— Какое-то животное, больше чем белка, но меньше оленя.

Неожиданно между кустами мелькнуло яркое пятно. Этого было достаточно для Чада:

— Это не животное, это — моя сестра, — он сделал шаг в ее направлении, затем повернулся к Разговаривающему. — Тебе лучше спрятаться в палатке.

Тот отрицательно покачал ушами:

— Она здесь уже достаточно давно, и, боюсь, заметила меня. Если бы она не следила за нами, то ей незачем было прятаться. Впрочем... — он нырнул в палатку.

Чад опустил дождевую накидку и отправился к кустам.

— Эй, Минди, можешь выходить.

Она не шелохнулась.

— Я тебя видел. На тебе эта дурацкая зеленая юбка, та самая с красными полосками. Уж если ты собираешься прятаться в лесу, то, по крайней мере, выбирай что-нибудь не такое яркое.

После долгой паузы она все-таки появилась из-за куста, немного правее, чем он предполагал.

— А я и не пряталась.

Она улыбалась ему, даже не пытаясь избавиться от того слегка высокомерного тона, которым она обычно говорила с ним. Он заметил, что сестра не отрывает взгляда от палатки. Его сердце ушло в пятки. Разговаривающий был прав.

— Что это, братец?

— Что — это? — раздраженно отозвался Чад. — И не называй меня так.

Не обратив никакого внимания на его просьбу, она кивнула в сторону палатки:

— Твой друг с огромными ногами и ушами.

— Зачем ты следила за мной? — спросил Чад, пытаясь оттянуть неизбежное.

— Мне стало интересно. Ты же знаешь мое любопытство. Ты постоянно говорил о своих путешествиях, о новых местах, но каждый раз, уходя из дома, отправлялся в одном и том же направлении. Каждый раз, за годом год.

Сначала я думала, что ты где-то нашел золотую жилу. Потом я решила, что ты познакомился с такой же сумасшедшей путешественницей, и ты тайком от родителей где-то здесь встречаешься с ней, — и она указала на палатку: — Это девушка?

— Нет, Разговаривающий не девушка, — печально ска-

зал Чад и издал самый тяжелый вздох в своей жизни.— Пошли. Похоже, пора тебя представить.

Он подвел ее к палатке и откинул дождевую накидку:

— Можешь выходить, Разговаривающий. Ты был прав. Она нас видела.

Что-то зашевелилось в глубине палатки. Минди напряглась, пытаясь взять себя в руки.

— Его зовут Разговаривающий-на-Бегу. Если это вообще можно перевести на английский язык. Я мог бы попытаться произнести его правильно, но я не слишком хорошо владею их языком. Звуки слишком высокие и мягкие для меня. Он говорит, что я звучу так, словно постоянно ворчу. Но я стараюсь.

— Ты можешь говорить на его языке?

— Мы уже давно дружим.

Внезапно наступившую тишину разорвал глубокий вдох Минди, которая увидела, как Разговаривающий вышел из палатки. Он показался ей бесчувственным и серьезным. Она не знала, что означают легкие движения его рук, глаз, ушей. Со своей стороны Разговаривающий изучал ее с неприкрытым интересом.

— Ты — первая женская особь, с которой я встречаюсь лично, так что какая-то польза из этого выйдет.

— Его английский так же хорош, как и твой, Чад. Как ты выучил наш язык? — спросила она Разговаривающего.

Квози вопросительно посмотрел на своего друга.

— Будет лучше, если ты ей что-нибудь расскажешь, — устало сказал Чад. — Если ты промолчишь, она потом замучает меня до смерти.

— Я расскажу, но, — Разговаривающий повернулся к Минди, — ты должна поклясться никому не рассказывать ни о нашей встрече, ни о моем существовании. Твой брат хранит тайну много лет. Способна ли ты на это? Если нет, наше знакомство на этом закончится, навсегда.

— Нет, нет, — быстро проговорила Минди. — Я клянусь, клянусь. Зачем мне кому-то рассказывать? Ведь это большой секрет, да? Наш секрет. — Ее глаза осмотрели Разговаривающего. — Мне нравятся твои украшения.

Квози склонил голову набок, рассматривал Минди:

— Я уже обращал внимание на это, а теперь получаю

еще одно подтверждение. Несмотря на беспомощность ваших органов слуха вы с удовольствием украшаете их, хотя больше этим увлекаются женщины.

— Может, мы поменяемся серьгами. Нет, нельзя? Это может поставить под угрозу твой секрет, да?

Разговаривающий не скрывал своего облегчения:

— Я рад, что на тебя можно положиться.

Она выбрала местечко поудобнее и уселась, обхватив колени руками.

— Расскажи мне все о себе и о..., как ты их назвал, братец?

— Квози.

Чад не знал, сердиться ему на Минди за ее слезку или радоваться, что она так легко согласилась хранить их тайну.

— Что ты хочешь узнать? — спросил Разговаривающий.

— Все! — и она улыбнулась ему.

— Мне не хватит и жизни, чтобы рассказать все, но я постараюсь удовлетворить твое любопытство, хотя бы в общих чертах. Начнем с улыбки.

Пока Разговаривающий читал лекцию Минди, Чад искал термос с холодным фруктовым соком.

Рассказывая о себе, Разговаривающий обдумывал случившееся. Если не считать варианта с убийством девушки, у него был не слишком богатый выбор. Несмотря на всю разумность этого выхода, он сомневался в том, что Чад поймет его. Убить их обоих? Это слишком опасно. Родители начнут беспокоиться, возможно их будут искать специально обученные люди. Может случиться так, что они найдут не только следы убийства, но начнут догадываться о том, кто это мог сделать. Ни при каких обстоятельствах он не мог подвергнуть колонию такому риску.

Впрочем, все это не имело значения, то есть у него не только не было ни малейшего желания убивать Чада, но и психологически и духовно он не был готов к убийству. Он не мог даже приблизиться к ним без их разрешения. Он должен был отбросить эти мысли, не обсуждая их со своим другом.

Чад вынужден был признать, что Минди все-таки

справилась со своей болтливостью, когда они вернулись домой. Она не дала никому ни малейшего повода предположить, что произошло что-то необычное.

Родители не удивились, когда она объявила им, что вместо занятий литературным творчеством, с этого времени она будет сопровождать своего брата в его путешествиях. Напротив, им было приятно видеть детей забывшими свои распри. Минди рассказывала, что она и не подозревала, как мало знает о лесе, а Чад сдержанно признавал, что неплохо иметь товарища в долгих походах.

Все шло гладко до последней недели лета. Чад разбил лагерь как всегда, но прошло три дня, а Разговаривающий все не появлялся. Чад начал волноваться. Он умывался в реке, когда к нему подошла Минди:

— Он когда-нибудь так задерживался?

— Нет,— Чад взял полотенце.— Никогда.

— Может быть, его что-то задержало?

— Вряд ли. Квози просто помешаны на пунктуальности. Он часто говорил об этом.

— Ну ладно, он опаздывает. Паниковать рано. Он же не может предупредить нас письмом. Может, случилась какая-нибудь нелепица, скажем, он случайно запер себя в ванной. Или он был очень занят и забыл о нашей договоренности.

— Может быть на несколько часов, но не на три дня. Это совсем на него не похоже. Ты права, конечно, говоря, что с ним могло что-то случиться. Может он столкнулся с пумой или медведицей с детенышами? Мы всегда побаивались этого.

По лицу Минди было видно, что она не обдумывала такой возможности:

— О господи! Надеюсь, что этого не случилось.

Чад с удивлением посмотрел на нее.

— Вот уж не думал, что он так много для тебя значит.

— Опять ты за свое,— с раздражением отозвалась она,— думаешь за меня, говоришь за меня. Разве я когда-нибудь давала тебе повод так думать?

— Нет. Но ты всегда гораздо больше интересовалась его рассказами, чем им сами.

— Ты ненормальный. Я так же люблю его, как и ты.

Внезапно Чад почувствовал, что этот разговор ему неприятен. Он вновь повернулся к речушке.

— С ним что-то случилось, я знаю.

— Может, он заболел. Как ты думаешь, они болеют?

— Наверное. Смешно, но мы никогда об этом не говорили,— он слегка расслабился.— Может, все так и есть. Хотя все равно это на него не похоже.

— Болезни не планируют. Может быть, он беспокоится больше, чем ты. Не может же он попросить врача или кто там у них, отослать нам телеграмму.

Она поставила на переносную плиту сковородку.

— Нам ничего не остается как только ждать и надеяться на лучшее. Если он не появится, мы отправимся домой и вернемся сюда через неделю.

Чад кивнул головой:

— Так и сделаем.

Разговаривающий не появился ни через день, ни через два. Чад пытался уговорить себя не беспокоиться. Разговаривающий, наверное, просто подвернул ногу. Для Квози это могло быть очень серьезно. А может у него проблемы на работе или в семье. Все выяснится через неделю, когда они вернутся в лагерь. Не один раз Чад думал о том, что, возможно, он никогда больше не увидит Разговаривающего. С удивлением он понял, как много для него значит его длинноухий друг. Минди лучше других знала, что уже многие годы ее брат отличался от обычных людей.

XII

Не было никакой болезни или рассеянности. Разговаривающего подвела самая опасная вещь — случайность. Если бы он появился раньше, никто бы не заметил открывающуюся крышку люка. Если бы инженеры работали, а не предавались медитации в перерыве, он бы услышал шум и переждал их ухода. Но он всегда считал, что случайности происходят из-за небрежной подготовки. А вот теперь он сам попался на эту удочку.

Проходящие мимо колонисты оглядывались на него, что

само по себе было крайне невежливо и умножало его унижение. Он не мог остановить и упрекнуть их. Он понимал: их нельзя винить в нарушении этикета. Еще никогда никого в колонии не сопровождала вооруженная охрана. В ней просто не было необходимости, в колонии некуда было бежать. А вот Разговаривающий нашел куда и теперь его ждет наказание.

Итак, встревоженные прохожие застывали, видя как одного Квози сопровождают четыре вооруженных охранника. Разговаривающий не выглядел опасным для общества и Квози могли только догадываться, что он натворил.

При его появлении теперь все замолкали, но как только колонисты понимали, что они нарушают правила этикета, они в смущении отворачивались. Разговаривающий чувствовал их взгляды, брошенные украдкой, представлял, как вытягивались их уши, пытаясь уловить хоть одно слово охранников. Но те тоже молчали. Не потому, что им нечего было сказать, а потому, что они боялись говорить в его присутствии. Они не знали, в чем именно провинился инженер, но не сомневались в серьезности его проступка. Как им сказали, его преступление лежит за границами понимания.

Его эскорт остался за дверью зала. «Наверное, они считают, что я достаточно психически здоров, чтобы не совершить самоубийства,— подумал Разговаривающий, входя в зал.— Тут они правы. У меня нет ни причины, ни желания убивать себя». Он был меньше уверен в чувствах Старейшин по этому поводу.

Зал был небольшой и уютный, и находился в седьмой Норе. Все вокруг было совершенно новым: украшения на стенах, колокольчики, висящие в углах и мелодично позвонивающие при дуновении искусственного ветра и прекрасно выполненные под дерево такие настенные панели, ковры, изысканных цветов и фасонов.

Зал был полон Квози. Некоторые лица были ему знакомы, большинство же он видел в первый раз. Все разговаривали друг с другом, не обращая внимания на вошедшего Разговаривающего. Кто-то равнодушно указал ему на место в центре зала. Мягкий, приглушенный свет сфокусировался на нем. Он не выдал своего волнения, но его уши

были выпрямлены, и в его позе чувствовалось напряженное внимание.

Если его судьям и было приятно видеть такое поведение Разговаривающего, то они ничем не выказывали этого. Создавалось впечатление, что все они увлечены интересным разговором, который начался задолго до его прихода. У него оказалось достаточно времени, чтобы найти глазами пятерых из семи членов Совета Старейшин и всех Глав Нор. Там были также представители практически всех научных департаментов. И все это ради него одного. Но он не был польщен такой честью.

Кое-кто из собравшихся с трудом сдерживал свой гнев, но ничего другого он и не ожидал. Он потерял всякое право на сочувствие или понимание. Наконец, общий разговор прекратился, и все присутствующие повернулись к нему. Разговаривающий произнес краткую речь, в которой он отказался от каких-либо притязаний на симпатию и милосердие. Единственным ответом ему было несколько свистящих вздохов. Теперь, он понимал, что пришло время вопросов.

— Сколько времени все это длится?

Этот вопрос задал Глава Четвертой Норы. Не было необходимости объяснять, что он имел в виду.

«Как легко было всего этого избежать», — подумал Разговаривающий. Он вспомнил свои обычные путешествия, многочасовые беседы со своими друзьями. Вот он открывает свой потайной люк, закрепляет шнур, спускается по нему и собирается закрыть крышку, прежде чем ступить в бездну.

Если бы он только глянул вниз, он бы сразу увидел замерших от изумления техников. Они молча занимались медитацией в перерыве, когда их внимание привлек шум наверху. Человек никогда бы не почувствовал этого, но четыре пары ушей Квози моментально обнаружили источник звука.

Имея столько свидетелей, было бессмысленно спасаться бегством. Пока он стоял над бездной, несколько мощных фонарей осветили его лицо. У него не было другого выхода, как только сдаться. Отвечая на вопрос, он не питал никаких иллюзий по поводу своего будущего.

— Достаточно долго.

— Не уклоняйтесь от ответа! — все с одобрением взглянули на Главу четвертой Норы. В уединении зала они могли себе позволить быть невежливыми.

— Уклончивость Вас не спасет. Я хочу знать все!

Разговаривающий опустил голову:

— Я не пытался обойти вопрос.

Глава четвертой Норы продолжил:

— Я могу понять гнев, ненависть и безумие. Но поставить под угрозу колонию из-за простой глупости и жадности?! — хотя он говорил спокойно, но не мог скрыть своей ярости.

— Я понимаю всю неуместность своих извинений, но все же... — Разговаривающий взглянул на Главу Норы. — Я выходил на поверхность Шираза в сезоны тепла в течение последних четырех лет.

Он был готов услышать изумленные возгласы, вздохи, ведь он подтвердил их худшие опасения.

«Нет, — сказал он себе. — Это еще впереди».

— Так долго? — переспросил Глава второй Норы, который похоже уже смирился с судьбой. — Вы должно быть многое узнали о поверхности планеты.

Не говоря ни слова, Разговаривающий признал правоту его слов движением ушей. Затем Глава взял что-то в руку. Это были орехи. Их можно было легко спрятать и Разговаривающий решился принести их в колонию. Но его комната подверглась тщательному обыску сразу же после его ареста и орехи были найдены.

— Где вы это взяли и что это такое?

— Пища людей, — Разговаривающий не ответил на первую половину вопроса. Это была слабая попытка оттянуть неизбежное.

— Разумеется, вы нашли ее во время ваших путешествий? — последовал новый вопрос, на который Разговаривающий не ответил. Если бы только они удовлетворились своими собственными предположениями, он был бы спасен. Но полагаясь только на предположения, Главой Норы не станешь.

— Ученые исследовали эти предметы, — и Глава осторожно положил перед собой пакеты с чипсами и орешка-

ми.— Существует возможность того, что такие скоропортящиеся продукты могут какое-то время сохраниться нетронутыми на поверхности Земли.— Глава взял в руки ветвь, усыпанную круглыми ягодами.— Но это не было защищено вакуумной упаковкой. Благодаря тщательным исследованиям мы знаем, что это такое. Наши ученые определили, что ширазяне называют это виноградом. Специалисты считают, что, если такие ягоды будут оставлены на земле хотя бы на несколько минут, местная фауна тут же уничтожит их. А эти, как мы видим, совершенно не повреждены.— Он положил виноград рядом с другими продуктами.— На каждом из этих пакетов есть следы выделений человеческого тела. И вы хотите, чтобы мы поверили, будто вы просто наткнулись на покинутую людьми стоянку и нашли все это там? Вы были очень осторожны, но сразу же после ареста вся ваша одежда подверглась исследованиям. Точно такие же отпечатки обнаружены на вашем рюкзаке. Исходя из этого мы можем сделать вывод, что вы вступили в контакт с людьми. Я отдал бы все, даже свою жизнь, только бы услышать, что это не так.

Разговаривающий по-прежнему молчал, вынуждая Главу Норы подойти к неизбежному.

— Будет лучше, если вы скажете нам всю правду. Если мы усомнимся в вашей искренности, то нам придется прибегнуть к помощи некоторых специальных препаратов.

«Вот оно, что,— подумал Разговаривающий.— Если они не поверят моим словам, они введут средство, под влиянием которого я расскажу все». Чтобы сохранить хоть какое-то уважение к себе, он поправил свой костюм. Не стоит выглядеть небрежным, делая подобные признания.

— Это связано с двумя людьми.

— Только с двумя? — быстро переспросил Глава второй Норы.

— Только с двумя. Они — молодые люди, брат и сестра.

— Молодые люди, путешествующие одни?

— Они не путешествуют одни, и никогда не были поблизости с колонией. Мы встречались в Третьей долине на востоке. Я могу показать место на карте.

Это одна семья: родители и двое детей,— он задум-

мался как перевести или объяснить собравшимся такое удивительное понятие людей как «отпуск», — они регулярно посещают этот район в период тепла для ежегодной медитации. Они одни приезжают сюда и никого больше.

— Как вы можете быть уверены! — спросил кто-то из зала.

— Потому что, в этом меня убедил друг Чад. Он — человек.

— И вы ему верите? — раздался новый вопрос.

— В течение четырех лет у меня не было повода усомниться в каких-либо его утверждениях, и я не думаю, что в этом случае он лгал.

— Вы общались все эти четыре года?

— Больше.

«Зачем что-то скрывать», — подумал Разговаривающий и сказал:

— Мы с Чадом впервые встретились еще 10 лет назад детьми.

— Да, этот инцидент отражен в наших документах. Нельзя было снимать наблюдение за вами, но вы всех ввели в заблуждение своим примерным поведением. К сожалению эту ошибку уже нельзя исправить. Какую цену мы теперь платим!

— Вы все так испуганы, — Разговаривающий держал голову высоко поднятой. Каково бы ни было его преступление, они не увидят его униженным.

Не обращая внимания на вызов в его позе, заговорил Квози, которого Разговаривающий никогда не видел.

— Итак, с помощью самодельного выхода на поверхность планеты, который сейчас, конечно, опечатан, вы в течение этих лет общались с людьми?

— Я медитировал на поверхности планеты.

— Я не принимаю такое объяснение.

Разговаривающий понял, что этот Квози занимает высокое положение среди ученых. Тем временем ученый наклонился вперед, его уши были направлены на Разговаривающего и он снова спросил:

— Что они знают о колонии?

— Очень мало. Они знают о ее существовании и что

в ней живет не один Квози. Они также знают, что мы живем под землей, но не знают, где именно.

— Этого достаточно,— сказал другой представитель ученого мира.— С тех пор, как мы поселились на Ширазе, местные жители далеко ушли в своем развитии. Если они хотя бы приблизительно знают район, в котором находится колония, то этого достаточно для них, чтобы определить ее точное местонахождение.

— Но мы способны создать приборы, которые могут ввести в заблуждение их инструменты,— вежливо возразил ему коллега.

— Все это не так,— торопливо заговорил Разговаривающий. Пусть его считают невежей. Хуже, чем сейчас, они к нему уже не отнесутся.

— Оба молодых человека вполне разумны и с симпатией относятся к нам. Особенно близкие отношения у меня с юношей. Я много раз говорил о необходимости хранить тайну нашего существования и они соглашались со мной. Я уверен, что они ни с кем никогда не говорили о нас.

— То есть,— ехидно заметил Глава второй Норы,— мы можем вздохнуть спокойно? Если предатель Разговаривающий так уверен в этом, то о чем нам волноваться?

— Нет ничего постоянного,— тихо проговорил Разговаривающий.

— Не надо цитировать книгу Шамизин, презренный червяк! — Глава Норы вскочил на ноги, но видя ошеломленные лица своих коллег, медленно опустился на свое место.— Я извиняюсь. Прошу простить мне эту вспышку гнева. Мне очень стыдно.

Ему было стыдно, конечно, не за свои чувства. Точно так же думали о Разговаривающем-на-Бегу все присутствующие в этом зале. Но Глава позволил себе потерять контроль над собой и взять верх примитивным инстинктам.

Атмосфера еще больше накалилась.

— Я могу сказать только одно,— повторил Разговаривающий,— что мой друг Чад за эти четыре года никому не открыл наш секрет. Ни его родители, ни его друзья, ни тем более власти, ничего о нас не знают.

Один из Глав Нор бесстрастно произнес:

— Если это так, не можем ли мы обеспечить нашу

безопасность в будущем, убив этих двух людей?

Разговаривающий не успел произнести ни слова, как один из присутствующих философов опередил его.

— Отбросив мораль в сторону,— твердо сказал член Совета Старейшин, обращаясь к замершей аудитории,— мы убьем два разумных теплокровных существа, которые не причинили нам никакого вреда. Они ни в чем не виноваты. Возможность причинения вреда — недостаточная причина для убийства. Если они исчезнут, их обязательно будут искать родители. Мы не должны даже обсуждать эту мерзость.

— Их отец — пилот самолета. Его обязательно хватятся,— добавил Разговаривающий.— Место их летнего времяпрепровождения известно всем родным и друзьям.

— И все же я бы обсудил эту возможность,— впервые заговорил Глава Колонии.— Если бы мы могли заранее быть уверены в успехе... Но как напомнил нам наш потерявший разум соплеменник ни в чем нельзя быть уверенным. Итак, с одной стороны, его уверенность в том, что эти два ширязянина не выдадут нашу тайну. Нужно принять во внимание так же тот факт, что в случае их физического уничтожения, местные жители могут узнать кто это сделал. Как они отнесутся к этому? Среди себе подобных они иногда терпимо относятся к убийствам, но я не думаю, что они благосклонно отнесутся в этом случае к нам. Я твердо убежден, что при таких обстоятельствах мы никогда не сможем установить с ними мирных отношений,— с этими словами Глава сурово посмотрел на Разговаривающего и спросил:

— Что произойдет, если вы никогда больше не встретитесь с этими людьми? Они забудут вас?

— Может быть. Но они могут попытаться искать меня, боясь, что со мной что-нибудь случилось в лесу. Я никогда не опаздывал настолько.

Глава Колонии что-то искал в своей шерсти.

— Это я и боялся услышать. Люди — странные существа. Их настойчивость достойна отдельного обсуждения. Интересно, как долго они будут молчать о том, что они знают, если вы не будете постоянно напоминать им о необходимости соблюдения тайны?

— Прошу простить мою дерзость, но не хотите ли вы сказать, что этим контактам надо продолжаться? — спросил один из Глав Нор.

— Пожалуй, да. Поймите меня правильно! Я так же сильно, как и вы осуждаю произошедшее. Но все уже случилось. Это — факт, и мы должны справляться с его последствиями. К сожалению, наши пожелания и мечты сбываются лишь при медитации. Мы же имеем дело с реальностью. Это — кризисный момент в нашей истории, и разрешая его, мы должны руководствоваться разумом, а не эмоциями. — Он опять посмотрел в центр комнаты и неожиданно сказал: — Вы можете быть свободны, пока мы будем принимать решение.

Разговаривающий заморгал глазами:

— Я свободен?

— Возвращайтесь к своей работе. Займитесь настоящей медитацией, вам ее очень не хватает. Мне не нужно предупреждать вас о том, что произойдет, если вы попытаетесь проникнуть на поверхность планеты.

Разговаривающий не верил своим ушам. Может он должен произнести благодарственную речь? Но тут он понял, что вовсе не оправдан, а только временно освобожден. В каком-то смысле это было хуже, чем окончательный приговор. «Возможно, — подумал он, поднимаясь со своего места, — это часть моего наказания. Трудно вести обычный образ жизни, зная, что в любую минуту тебя могут лишить всего. Но Глава Колонии говорил о продолжении контакта. Смогу ли я жить этой надеждой?»

Пока он шел к выходу, среди ученых разгорелся спор. На Разговаривающего уже никто не обращал внимания, — верный знак освобождения. Освобожден для работы, для друзей, для совокупления и метидации. Он был потрясен.

Его прежней охраны не было и в помине, но он не заблуждался на этот счет. Он был освобожден, но не прощен. Он знал, что за ним наблюдают. Окажись он совершенно случайно у вентиляционной шахты, и его свободе тут же придет конец. Люди по-другому бы отнеслись к своему соплеменнику, соверши он подобный проступок. Им никогда не удавалось жить в согласии со своими идеалами. В человеческой цивилизации существовала огромная про-

пасть между мыслями людей и их поступками. И если когда-нибудь такой день придет, Квози помогут людям уничтожить эту пропасть.

Нет, это всего лишь его мечты. Совет может найти решение, при котором убийство людей будет оправдано. Он молился, чтобы Старейшины и Главы Нор, от которых зависело окончательное решение, проводили побольше времени в медитации.

Остаток дня он пытался расслабиться, просматривая самые натуралистические и жестокие сцены из истории Квози, какие только нашлись в библиотеке записей. Лишь после этого он почувствовал, что может вернуться к обычной работе. Он видел в глазах своих родных и друзей любопытство, но они не задавали вопросов. Если он захочет, то все расскажет сам. Никто не хотел нарушать правила этикета и первым проявить интерес. У него могли быть личные причины для такого поведения, и в этом случае любопытствующий просто попал бы в очень неловкое положение.

«Хотя в любом случае, какое бы решение не было принято, я узнаю об этом первым», — подумал Разговаривающий.

Но прошел день, второй, третий, а ничего не происходило. Все было окутано туманом неизвестности. Прошло много времени, прежде чем его, наконец, вновь пригласили в зал заседаний. На этот раз охрана его не сопровождала. Она была не нужна, Разговаривающий шел добровольно, хотя знал, что, возможно, там его ожидает смерть. Попробуйся он бежать или скрыться, он опозорил бы этим поступком тех, кто его вызвал, и хотя они могли оказаться его палачами, он не мог так поступить. Это лишило бы его самоуважения. Он был Квози, хотя, наверное, далеко не все согласились бы с этим утверждением.

На этот раз в зале было гораздо меньше народу. Из Глав Нор были только трое. Здесь же сидели и представители научных департаментов. Такая расстановка сил несколько удивила Разговаривающего, но у него не было времени обдумать плохо это или хорошо. Ученые не будут реагировать на случившееся так же обостренно, как администраторы, но, с другой стороны, они не проявят к нему

никакой личной симпатии. Кроме того, вместо одного философа на этот раз присутствовали два. Для чего они здесь? Для того, чтобы выступить в его защиту или, наоборот, уничтожить?

Усаживаясь в центре зала, он по позам присутствующих пытался определить их намерения. Общее настроение присутствующих не казалось враждебным. Или он выдавал желаемое за действительное?

Первым выступил Глава департамента, занимающегося исследованиями на поверхности планеты. Значит, это заседание проводится по инициативе ученых. Легче от этого Разговаривающему не стало.

— По всем законам нашего общества,— сказал Глава,— Вы должны быть подвергнуты самому суровому наказанию.

Разговаривающий считал, что он готов к подобному исходу, но при этих словах его охватила дрожь.

— Тем не менее, мы должны адекватно оценивать создавшуюся ситуацию, так как достаточно удалить один элемент и вся структура погибнет. Ведь если вы исчезнете, то ваши друзья начнут поиски. Если исчезнут и они, это вызовет еще большие неприятности. Рано или поздно нам придется вступить в контакт с жителями Шираза. История, логика и все разумные доводы за то, чтобы это случилось как можно позже. Но Разговаривающий-на-Бегу решил по-своему. Мы не можем изменить то, что уже произошло, но, по крайней мере, мы должны как можно лучше использовать случившуюся ситуацию. Вы вступили в контакт с двумя людьми. Очень хорошо. Может случиться так, что мы откроем тайну нашего присутствия на планете раньше, чем планировали. В этом случае эти двое могут выступить в роли посредников. Насколько нам понятно, они не готовы к этой роли. Может быть, стоит подумать о том, как подвести их к этому.

Хочется надеяться, что все мы, и я и вы, и эти люди, доживем до глубокой старости, сохранив нашу тайну в неприкосновенности. Если же это не случится, ваши друзья смогут подтвердить наши мирные намерения.

С этого дня вы будете снимать на пленку все ваши встречи. Вам дадут список вопросов для совместного обсуждения.

Пусть эти люди поближе познакомятся с нашей жизнью, а мы с их. Когда дело дойдет до контакта, мы сможем полагаться не только на наши интерпретации их телепередач, но и на непосредственные наблюдения за людьми. Мы сможем проиграть с ними различные ситуации и оценить поведение этих экземпляров.

Разговаривающему было неприятно слышать слово «экземпляр» в отношении своих друзей, но не в его положении было предъявлять какие-либо претензии. В то же время, он видел, что ученые заинтересованы в продолжении контакта. Они понимали необходимость соблюдения секретности, но в то же время они испытывали острый недостаток достоверной информации о людях. И вот представилась возможность хотя и неожиданная, изучить ширязян, не объявляя о своем присутствии на планете.

С удивлением он понял, что несмотря на глубоко укоренившуюся в сознании колонистов необходимость секретности, очень многие Квози страстно желали контакта с людьми.

— Я сделаю все, что смогу,— ответил он.— Правда я — инженер, а не исследователь, но...

Видимо, сегодня был день сюрпризов.

— Вы вернетесь не один. Вас будут сопровождать члены исследовательских групп. Их будет немного, мы не хотим пугать людей. Если то, что вы говорили правда, то они будут рады встретиться с нами. Быть может, это даже поможет им окончательно убедиться в необходимости соблюдения секретности.

Умом Разговаривающий понимал, что ученые правы. Но сердцем... Чад и Минди были его друзьями.

«Впрочем, это лучше, чем принять смерть»,— напомнил он себе. Было бы глупо с его стороны пытаться удержать Чада и Минди около себя. Почему он должен ревновать их к своим соплеменникам? Разве он не хотел расширить контакт? Чего же ему еще?

— Мы должны спешить,— сказал он.— Сезон тепла подходит к концу. Скоро мои друзья со своими родителями уедут отсюда и вернутся только через год.

— Бояться нечего,— сказал один из ученых.— Вы скоро с ними встретитесь. Помните, что теперь вы выступаете

в роли официального представителя нашего народа. Для ваших близких и знакомых вам будет дан новый социальный статус.

Но не забывайте, что вы предали их так же, как и всех нас.

— Вам нечего беспокоиться. Как только вы познакомитесь с Чадом и Минди, вы поймете всю безосновательность своих опасений.

— Если и можно быть в чем-то уверенным, говоря о людях, так только в непредсказуемости их поведения,— мрачно заметил один из членов исследовательской группы.— Не думаю, что ваша пара так уж отличается от остальных людей. Они слишком часто действуют нерационально, не то, что мы.

— Не говорите за всех,— с упреком возразил руководитель группы.— Вспомните о Поющем-высоким-Голосом и Думающей-о-Печальном.

Каждый Квози знал историю двух художников, которые много лет назад сбежали из колонии. По общему мнению их кости лежали где-нибудь в Ширазянском лесу, если их не съели местные животные.

— Я не думаю,— продолжил Глава группы, указывая на Разговаривающего,— что он также иррационален...

— Благодарю вас,— в этот момент Разговаривающий готов был бросить к его ногам все сокровища мира.

— Он просто глуп,— закончил тот.

Но эти слова уже не могли испортить Разговаривающему настроения. Не нужно больше прятаться в лесу, рискуя своей жизнью, взбираться по вентиляционной шахте. В следующий раз он воспользуется официальным выходом вместе с другими Квози. Вполне возможно, что им будет поручено убить его, если они сочтут нужным, но он постарается ничем не встревожить их. Он будет разговаривать с Чадом и Минди так же, как всегда, а они пусть слушают и записывают.

По дороге к жилым кварталам он зашел в Комнату Агрессивности и в ключья разорвал несколько гало-образов вооруженных до зубов Квози. Вышел он из комнаты спокойным и уверенным, кланяясь старшим по возрасту и провозжая отеческим взором младших.

Значение имело только одно — он снова сможет увидеться со своими друзьями.

ХIII

В воздухе уже чувствовалась осень.

«Скоро мы уедем отсюда обратно в Лос-Анджелес», — подумал Чад и, повернувшись к сестре, сказал:

— Мы его больше никогда не увидим.

Минди встряхивала термос с водой и фруктовой эссенцией.

— Он не может исчезнуть навсегда, не сказав нам ни слова.

Чад и сам не знал, почему он так на этом настаивал. Откуда спрашивается, он знает, как бы поступил Квози.

— Он чертовски изобретателен и как-нибудь свяжется с нами.

— Наверняка, с ним что-то случилось. — Минди поставила термос на раскладной столик.

— Что если он сорвался и упал в вентиляционную шахту?

— Я просто не знаю, что с ним случилось?

Чад направился к палатке, обходя камни, покрытые мхом.

«Я просто отказываюсь смотреть фактам в лицо», — сказал он себе.

Минди внезапно посмотрела на него.

— Ты думаешь, это из-за меня?

Она рассеянно чертила что-то в блокноте.

Вдобавок к писательскому дару, Минди неплохо рисовала. «А я не справлюсь и с элементарной поздравительной открыткой», — подумал Чад.

— Я так не думаю. Если бы он не доверял тебе, он бы давно уже об этом сказал.

— Я тоже так считаю, но хотела услышать твое мнение. — Она взглянула на небо. — Послезавтра мы должны вернуться, а через пару недель отправимся домой. Па разговаривал со старожилками в Буз, и они говорят, что

зима в этом году будет ранняя. Они говорят это каждый год, но па стареет. Он боится, что мы попадем в буран.— Она посмотрела на реку.— Что если он никогда больше не прилет? Что нам делать?

— Он заставил меня дать слово никогда не пытаться искать колонию. Я даже не представляю, где она находится. Он не настолько мне доверял.

— Может быть это и к лучшему,— прервал его чей-то высокий голос.— Вы не предложите нам ничего выпить?

Чад и Минди резко повернулись на голос.

— Разговаривающий! — Чад кинулся к другу, но, увидев, что он не один, остановился на полпути.

Разговаривающего сопровождали три Квози: самец и две самки. На них были очень скромные наряды и минимум бижутерии и шарфов. Он сразу же представил своих спутников, которые с нескрываемым интересом разглядывали Чада и Минди.

— Не понимаю,— сказал Чад.— Я считал, что наш секрет...

— Раскрыт,— прервал его Разговаривающий.— После тщательного рассмотрения всех вариантов было решено не только позволить мне продолжить встречаться с вами, но познакомить вас с нашими учеными. Но это ни в коей мере не уменьшает необходимости соблюдения секретности.

— Мы понимаем,— сказала Минди.

— Я думаю, это здорово.— Чад сделал шаг вперед и протянул руку к лицу ближайшего ученого. Тот инстинктивно выбросил вперед левую руку, обозначая удар по его горлу, но Чад, в соответствии с уроками Разговаривающего ответил отличным блоком.

Глаза ученого изумленно расширились. Повернувшись к своим коллегам, он взволнованно заговорил на своем языке. Некоторое время они обсуждали неожиданную реакцию грубого и невежественного туземца. Наконец, ученый вновь повернулся к Чаду и спросил его на чистейшем английском языке:

— Где ты этому научился?

— У моего друга,— Чад указал на Разговаривающего.

Минди не могла больше сдерживать себя и встала рядом с братом. В ее руке был альбом.

— Вы собираетесь изучать нас?

Уши одной из самок утвердительно качнулись.

— Здорово! Давайте сядем и познакомимся поближе.

Чад сказал бы это по-другому, но он уступил роль лидера сестре. У нее было врожденное умение вести себя в обществе.

Ученые с готовностью уселись вокруг пластикового раскладного столика и с удовольствием принялись дегустировать охлажденный фруктовый сок.

Разговаривающий тоже решил, что ему не стоит претендовать на лидирующее положение в разговоре, ведь это может быть не совсем правильно истолковано.

Встреча проходила гладко, правда, у Минди и Чада практически не было времени поспать, так как почти всю ночь напролет их расспрашивали обо всем — начиная с человеческой пищи и кончая международными отношениями. Время пролетело быстро, необходимо было возвращаться домой, но брат и сестра твердо пообещали вернуться через неделю.

Чад и Минди пополнили свои запасы и убедили родителей отпустить их еще на несколько дней в горы. Квози уже ждали их на стоянке. Ученые подготовили новые вопросы. У Минди и Чада был занят каждый час. Во многом это напоминало Чаду первые встречи с Разговаривающим.

Иногда Квози казались настороженными, когда Чад задавал им встречные вопросы, которые, впрочем, не оставались без ответа. Чад понимал их сомнения. Минди не соглашалась с ним и находила ученых искренними и открытыми. Несмотря на предложенную им палатку, Квози предпочли спать на открытом воздухе, воспользовавшись своими накидками. мех защищал их от утренней прохлады, хотя он был недостаточно густым, чтобы выдержать зиму в Айдахо. Квози предпочитали прохладную погоду, но и их выносливость имела свои пределы.

Бабье лето клонилось к концу, и Квози с изумлением смотрели на Чада, плескавшегося на том самом месте, где когда-то чуть было не утонул Разговаривающий. Впрочем, теперь он осмеливался зайти в воду по пояс, в то время, как ученые не решались намочить и ноги.

— Мы не испытываем потребности в купании,— гово-

рила старший исследователь, в то время как Чад вытирался.— Мы используем воду для очищения тела, но сама мысль о том, чтобы полностью погрузиться в воду ради развлечения, абсолютно чужда нам. Мы не обладаем вашей способностью плавать и, честно говоря, не завидуем ей.— Положение ее ушей указывало на глубокое отвращение, вызванное этим зрелищем

Чад вытирал последние капли.

— Мы с Разговаривающим много говорили о наших различиях. Я не нахожу сидение на корточках в маленькой темной комнате прекрасным отдыхом. Как и многие люди, я страдаю клаустрофобией,— и он попытался объяснить что это такое.

Квози удивились его словам.

— Но ты ведь знаешь, что стены не сомкнутся.

— Я говорю о том, как я себя чувствую. Вам нужно поговорить с...

Его прервал пронзительный крик, заставивший всех четырех вздрогнуть. Он доносился из рощицы за палаткой.

— О господи!

Чад засуетился с обувью.

— Похоже, это Минди.

— Ее что-то испугало,— встревоженно сказал Разговаривающий, который почему-то сразу вспомнил чучело ужасного монстра, хранящееся в музее колонии.— Может это медведь? Что мы будем делать, если это медведь?

— Мы заберемся в...— Чад запнулся, так как вспомнил, что Квози не умеют плавать.

— Вы умеете лазить по деревьям?

— Лазить? — с сомнением произнесла старший исследователь.— Мы умеем делать многое, но лазить по деревьям? Это что-то новое.

«Их предки не были приматами,— напомнил себе Чад.— Их пальцы созданы для искусных манипуляций, но их ноги просто невозможны».

Его сестра показалась из рощицы, за ней следовала какая-то тень. Это был не медведь. Все узнали Квози, бегущего рядом с Минди. К удивлению Чада, Минди сразу же бросилась к брату за защитой.

— Что с тобой, что случилось? — он был смущен.

— Он...,— она глотнула воздуха,— это животное... Я рисовала, а оно набросилось на меня!

— Набросился на тебя? — Чад никак не мог понять, что она имеет ввиду.— Ты хочешь сказать, он хотел причинить тебе вред?

Чад не был одинок в своем недоумении.

Рядом с ним стояли три изумленных Квози.

Минди начала успокаиваться.

— Ну нет, не совсем так, я думаю.

— Не совсем так? Минди, здесь тебе не твой роман.— Она не смотрела ему в глаза.— Что ты имеешь в виду?

— Ну, хорошо! — Она подняла голову и пристально посмотрела на Квози.

— Он попытался завладеть мной!

— Что?

— Мне что, продемонстрировать? — Сарказм сменился в ее голосе гневом.

Подозреваемый Квози, Переводящий-тему-Разговора, был уважаемым ученым. Его голос был бесстрастным и спокойным, но уши были напряжены.

— Боюсь, что я явился причиной недоразумения.

— Ничего себе, недоразумение! — Разговаривающий с трудом удержал себя в руках.— Если вы прикоснулись к ней...

— Подождите минуту, помолчите!

Чад обдумал слова сестры и ученого. Они затрагивали тему, на которую Квози говорили гораздо свободнее, чем люди. А с сестрой он вообще никогда не говорил об этом. В конце концов, она его сестра. Теперь он понимал, что был неправ.

Квози приступил к своему объяснению, но прежде чем он добрался до сути дела, прошел почти час. Чад видел его недоумение. Квози не понимал, в чем его вина. Когда он, наконец, закончил, Чад взялся за допрос.

— Скажи точно,— спросил он сестру,— что сделал Переводящий-тему-Разговора.

После того, как прошел первый испуг, Минди не казалась такой же уверенной.

— Ну, дотронулся до меня.

— Где дотронулся?

Она сделала большие глаза, а затем сказала:

— Здесь и здесь.

— Почему ты решила, что этот контакт носил сексуальный характер? — Чад сам себе удивлялся. Откуда только у него брались слова? Видно беседы с Разговаривающим пошли ему на пользу. Ни один психоаналитик не добился бы такого результата с неуклюжим застенчивым подростком.

— Переводящий-тему-Разговора — специалист по межличностным отношениям. Быть может, он пытался лучше узнать тебя.

— Возможно для тебя это и неожиданность, братец, но это я уже слышала.

Переводящему не терпелось выступить в свою защиту.

— Прошу простить меня за это недоразумение, — его голос был искренним и взволнованным. — Я не понимаю, чем я мог вызвать такую реакцию.

В разговор вступил Разговаривающий:

— Неужели вы после всех ваших исследований не знакомы со странными женскими табу в этих частях их тела?

— Простите меня.

Чад понимал, чего стоило высокопоставленному ученому произнести эти слова перед простым инженером. Но помолчав, ученый добавил:

— Тем не менее исследования в этой области для нас очень важны.

— Это не значит, что их нужно проводить на нас, — напомнил ему Чад.

Тут в разговор вмешался Прозрачный-как-Тень:

— Мы имели возможность изучить строение мужского организма. — Чад знал о трагически завершившейся первой встрече Квози и человека. — Но до сих пор мы не могли как следует познакомиться с женским телом. Действия Переводящего могут быть если не извинены, то, по крайней мере, объяснены его профессиональным энтузиазмом.

— Энтузиазма ему было не занимать, — Минди уперлась руками в бедра и сдала шаг вперед.

— Я не собираюсь раздеваться ни перед ним, ни перед кем другим.

чаду было все труднее серьезно относиться к случившемуся, ведь теперь было ясно, что Минди не пострадала.

— А почему нет? Только не надо говорить, что ты смущаешься! — Он указал на Переводящего. — Он интересуется тобой не как возможным партнером, а как изучаемым объектом.

Теперь была очередь Чада удивляться.

— Я должен признать, что это был не только профессиональный интерес, — Переводящий-тему-Разговора отвел взгляд от Минди, — мы оба теплокровные разумные существа. Что касается секса, то Квози интересуется вся подходящая для этого фауна. Такова наша природа.

— Я не фауна, — запротестовала Минди. — Можете кидаться на оленей, лосей и даже дикообразов, но от меня держитесь подальше.

«Вот это да, — растерянно подумал Чад. — Переводящий действительно хотел заняться сексом с Минди. Взбредет же такое в голову! Что за чепуха! Или не чепуха?»

— Будет так как вы хотите. — Переводящий извиняюще качнул ушами. — Я никогда больше не повторю такой ошибки. — Его голос звучал так жалобно, что Минди смягчилась.

Когда Разговаривающий со своими коллегами отправился ловить лягушек, Чад взялся за сестру.

— Я понимаю, ты испугалась, но нехватила ли ты через край? Ты выставила его полным идиотом в глазах его товарищей, так что он вряд ли когда осмелится еще хоть раз выйти из колонии. Ничего бы не случилось. Квози очень сильно отличаются от нас. Даже если ты захочешь опровергнуть теорию конвергентной эволюции, не забывай, что он инопланетянин.

— Переводящий — вовсе не пучеглазое чудовище, — ответила сестра. — Ты вообще присматривался хоть к ним? Они очень похожи на нас — почти тот же рост, две ноги, две руки, два уха.

— Ну и что? — Он прищурился и пристально посмотрел на нее. — Только не говори, что теперь ты заинтересовалась.

— А ты, что, нет? Ты никогда не интересовался их самками?

— Когда я смотрю на их женщин, я вижу их ноги, похожие на бейсбольные биты и сумки, в которых поместилось бы все остальное снаряжение команды. И вообще я этим не интересуюсь. Они ведь даже отдаленно не напоминают людей.

— Я знаю,— согласилась она.— И это самое странное.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

Как и в детстве, она перехватила инициативу в разговоре.

— Может быть потому, что тебе только 18.

— Может быть мне только 18, но я, по крайней мере, знаю, что такое конвергентная эволюция.

Они еще долго спорили, не обращая внимания на окружающих.

Переводящий никогда больше не повторял своего поступка, и никто не заговаривал о случившемся. Но это вовсе не означало, что об этом не думали.

Ведь мысли не являются преступлением.

XIV

На улице шел небольшой дождь. Сильные дожди бывали в Лос-Анджелесе только в январе и феврале.

Он вышел в магазин, чтобы закупить еженедельную порцию продуктов.

Затем он вернется домой, чтобы заняться своей работой по микробиологии. А может быть, он отдохнет, сходит в музей или кино или навестит маму. Его отец был сейчас где-то между Лос-Анджелесом и Бангконгом в кабине Боннга — 747. Отец достиг стабильного положения в компании. Теперь у него была хорошая зарплата и возможность самому выбирать маршруты.

Конечно, если он заедет к матери, она попросит его остаться на ночь, а ему бы хотелось провести эту ночь в своей квартире. Кроме того, дорога была слишком длинна для его старенького Форда.

Он зашел в новый супермаркет, где лишь половина магазина была отведена под продовольственные отделы,

а другая была занята электротоварами, лекарствами, игрушками, автомобильными запчастями, одеждой и всякой всячиной.

Приближалась Пасха. У его тети было две маленькие дочки, и нужно было найти свободные деньги на игрушки и сладости. Поэтому трудно было пройти мимо пасхальной распродажи. В конце зала продавались мягкие игрушки. Прилавки были заставлены огромными кроликами и цыплятами, которые держали в руках ведра или лопатки.

Среди всего этого пестрого изобилия он разглядел очаровательного пушистого утенка, который выглядел достаточно прочным, чтобы выдержать напор Энни и Дженни хотя бы пару дней.

Доставая свою пластиковую карту, чтобы расплатиться, Чад осмотрелся вокруг. На полках справа расположились разодетые герои мультфильмов. Здесь были и Микки Маус, и Дональд Дак, и Даффи, и Том, и Джерри, и Снупы. Многих он видел в первый раз.

Вдруг его взгляд приковала одна полка, где между Винни Пухом и Скруджем была втиснута странная фигура с большими ногами, длинными гибкими ушами, плоским лицом, слишком большими глазами и маленьким хвостиком. На нем был тесноватый костюм знакомого фасона, хотя и непривычной расцветки. И тут он понял — это был Разговаривающий.

Чем больше он смотрел на игрушку, тем сюрреалистичнее она ему казалась. Ему даже почудилось, что пластиковые уши задвигались.

К нему приближалась женщина с двумя малышами, которые возбужденно подталкивали ее к игрушкам.

Он взял игрушку в руки.

Она была около фута высотой. Уши странной формы упали ему на лицо. Не обращая внимания на вопли детей, он вертел игрушку в руках. Сзади была прикреплена этикетка: «Сделано в Южной Корее. 20 % вискоза, 80 % полиэтилен. Не токсично. Не воспламеняется. Тел № 2556 439 906».

Больше интереса представляла другая пластиковая этикетка, пришитая к левой ноге.

Это настоящий

Квози!

Он проделал огромный путь

С Квозинии на Землю.

Чтобы стать твоим!

Его зовут

Смотрящий-в-твое-Сердце.

«Неправильно,— отстраненно подумал Чад.— Имя Кво-
зи состоит из трех, а не из двух или четырех частей». Ошибка не помешала ему продолжить чтение.

Квози — отличный друг!

Он никогда не подведет тебя.

Он никогда не причинит

тебе боли, потому что

не умеет драться!

«Опять неправильно,— подумал Чад, мозг которого ра-
ботал в автоматическом режиме.— Они отказались от на-
силия сознательно».

У Квози серые глаза и он носит
зелено-серый костюм ученого-ботаника.

Собери всех Квози и у тебя будет
своя колония!

Любящий-тебя-искренне,

Свернувшийся-калачиком,

Всегда-смотрящий-на-тебя,

Смеющийся-над-самим-собой.

На обратной стороне значилось:

Смотрите своих друзей Квози

каждую субботу утром!

Это самые лучшие 30 минут на ТВ!

Найди эту передачу в программе

(или попроси папу или маму).

Очень медленно Чад поставил безучастного Разговари-
вающего на полку. В тот же момент мальчик отбросил
в сторону толстого кота Сильвестра и схватил Квози:

— Смотри, мама, смотри! Квози! Хочу!

— У тебя уже есть такой,— завопила его сестра.

— Нет, такого нет! Это Смотрящий-в-твое-Сердце!

Он — ботаник,— мальчик схватил маму за рукав.— Он ну-
жен мне. С ним у меня будет полная исследовательская
группа.

— Не будет,— перебила его сестра,— состав группы постоянно меняется.

— Откуда ты знаешь? Смотришь только эту глупую «Танцевальную Лихорадку».

— Не ссорьтесь,— мать семейства решила отдать дань Пасхальной лихорадке.— Сколько стоит?

«Этикетки,— рассеянно подумал Чад,— они уже заменили детям букварь».

— 10.99,— тут же ответил мальчик.

— Ладно,— устало сказала женщина. «Это даст ей передышку дня на два, пока новая игрушка не надоест»,— думал Чад.

— Но больше никаких Квози, понял? Их у тебя и так предостаточно.

— Но, ма,— начал было мальчик,— Квози не может быть...— Но тут он понял, что и эта игрушка, еще не оплачена, и торопливо добавил: — Этого будет достаточно, ма.

— Вот так-то лучше. Пойдемте.— Она покатила по проходу тележку с покупками.— Нам еще нужно купить индейку.

И Разговаривающий оказался в корзине между литровой бутылкой шоколадного молока и огромной коробкой конфет.

Чад следил за тем, как Разговаривающий удалялся от него. Когда семейство с покупками скрылось из вида, он начал шарить в грудe игрушек. Ну, конечно, там было еще два Квози: Целующий-тебя-на-Ночь и Любящий-быть-Рядом. Ни одно из этих имен не встречалось на этикетке ботаника. Может быть, это последние новинки. Он выбрал Любящего-быть-Рядом. Чад одновременно испытывал изумление и отвращение. Игрушка была слишком толстой. Хотя все Квози, которых он видел, были подтянутыми и стройными, а Разговаривающий никогда не упоминал о тучности своей расы. Более того, на кукольной мордашке была изображена настолько широкая и бессмысленная улыбка, что любой Квози однозначно истолковал бы ее как смертельную угрозу.

Чад убедился, что все этикетки на месте и положил игрушку в свою корзину. Он шагал как во сне и лишь чудом ни с кем не столкнулся по пути к ближайшей кассе.

Черт возьми, что происходит? Многие годы он хранил тайну о Квози и их колонии. Мог ли кто-нибудь еще где-нибудь увидеть Квози? Мог ли Разговаривающий умолчать о том, что где-то на земле существует еще одна колония?

Тут ему на ум пришла история о сумасшедшем музыканте Поющем-Высоким-Голосом и его такой же безумной подруге, сбежавших из колонии вскоре после ее основания. О них ничего не было известно и все решили, что они давным-давно погибли где-то в горах. Что если это не так, и они остались в живых? Их могли видеть, кто-то, может быть, разговаривал с ними. Возможно, Минди и он вовсе не единственные люди, вступившие в контакт с Квози. Это было единственное разумное объяснение. По крайней мере, пока он больше не мог ничего придумать. Он не хотел думать об этом, не хотел верить этому.

Но если судить по этикеткам на игрушках, существование колонии давно уже ни для кого не является секретом.

Он замедлил шаги. Может быть, это не совсем так. Но разве можно тайну раскрыть наполовину?

В конце концов, он ведь не видел в газетах огромных заголовков о Квози или фотографию Разговаривающего, дающего интервью Барбаре Уолтерс, на обложке «Ньюсуик». Это всего лишь мягкая игрушка.

Может быть, какой-нибудь ненормальный увидел Квози во сне?

«Выбрось это из головы. Ты же — ученый или, точнее, собираешься им стать. Кто-то видел и разговаривал с Квози. Другого объяснения нет. Теперь нужно выяснить кто, как и где. Вполне логично будет начать с шоу на телевидении», — так рассуждал Чад, пока наконец не принял решение.

Он никогда не смотрел детские передачи. Для него и его друзей субботнее утро было замечательным временем, чтобы отправиться на уик-энд подальше от города или как следует выспаться. Но завтра все будет по другому. Завтра он заведет будильник и...

— 33.60, пожалуйста.

— Что? — бессмысленно уставился он на кассиршу.

— 33.60, — настойчиво повторила она.

Он взял себя в руки. Кассирша с сомнением смотрела на него.

— С вами все в порядке?

— Все хорошо.— Он достал бумажник.

— Завернуть в бумагу или положить в пакет? — спросил мальчик на упаковочной линии.

— Пакет.

Он так спешил домой, что забыл купить газету.

Спал Чад очень плохо и будильнику пришлось немало потрудиться, чтобы разбудить его. Не нужно варить кофе, пить сок, есть завтрак и обдумывать предстоящий день. Вместо этого он не спеша отправился в ванную. Чад умылся холодной водой, точь-в-точь как какой-нибудь алкоголик из кино. К его удивлению, это действительно, помогло. Он вошел в комнату и включил телевизор. Итак, «Время Квози», 8.00 каждую субботу. Неудивительно, что он никогда не видел ее. Чад начинал ощущать себя полноценным человеком не раньше 9.30, а по выходным еще позже.

Переключившись на нужный канал, он увидел огромное количество визгливых котов преследующих толстых мышей. Как обычно, вопреки всякой логике, мыши опрокинули стол на своих врагов. Чад никогда не понимал мультфильмы: слишком рациональный склад ума, он знал об этом. Сидя на продавленной кушетке — излюбленном предмете своей обстановки, он с нетерпением ждал, когда стрелки часов покажут 8.

Мультипликация в коммерческой рекламе была в сотни раз лучше, чем та, которую он только что видел.

По мере того, как приближалось время передачи, Чад все больше напрягался, сжимая руки между колен. Он не слышал лично вокруг себя: ни соседей за стеной, ни шума движения.

Когда наконец передача появилась на экране, ему не оставалось ничего, как расслабиться и откинуться к стене. Молча он наблюдал за парадом Квози на экране: толстых и худых, маленьких и высоких, в то время как отличительной чертой реальных Квози было единообразие в размерах и телосложении. Самки в мультфильме пользовались косметикой и танцевали под нескончаемую музыку. Одна из них носила солнечные очки.

Но не все было полной выдумкой. Движение ушей и пальцев точно соответствовали своему значению. Костю-

мы, украшения, шарфы были изображены со знанием дела. Имена не были знакомы Чаду, но все они были приторно-сладкими.

Сама колония была чистым вымыслом. Вместо подземных нор в заповеднике Айдахо Квози жили в небольших строениях неподалеку от какого-то провинциального американского городка. Они общались только с землянами-подростками. В мультфильме взрослые были либо негодяями, появляющимися, чтобы оживить действие или родителями, чья единственная функция состояла в том, чтобы постоянно мешать своим детям и Квози.

Вместо того, чтобы произносить высоким свистящим шепотом изысканные полные подтекста фразы, нарисованные Квози пользовались подростковым слэнгом, говоря к тому же настолько громко, что могли бы свести с ума настоящего Квози.

Гораздо интереснее был сам сюжет. Речь шла об одном Квози, настолько увлекшимся самоанализом, что однажды во время медитации он дошел до потери материальности своего тела. Это была интересная история с захватывающей моралью.

Но он уже однажды слышал ее от Разговаривающего. Это была назидательная басня для молодых Квози, но передача преподносила ее как реальный факт. Квози и дети суетились в панике, пытаясь помочь своему бесплотному другу, но вместо него материализовали чудовище, абсолютно вопреки логике сюжета, но в точном соответствии с законами жанра. Монстр был ужасающе черным созданием с желтыми глазами и появился то ли из чьего-то подсознания, то ли еще откуда-то, и несчастный Квози спас своих друзей, а затем они помогли ему обрести свое тело. Но к этому времени Чад уже потерял всякий интерес к сюжету.

Его внимание привлекали движения Квози, их наряды, позы, ритм их речи. Вскоре ему стало совершенно ясно, что хотя большая часть представления и была выдумкой, но основано оно было на знании реальных Квози.

Правда, это не относилось к тому, как Квози общались друг с другом или со своими земными друзьями. В фильме было слишком много физического контакта, прикоснове-

ний, объятий. Одного этого было достаточно, чтобы свергнуть реальных Квози в войну. Понятия уважения к телу другого Квози и неприкосновенности вообще в мультике отсутствовали. Слава Богу, все имеет конец, и вот Квози и дети, счастливые и веселые, на пределе своих легких распевают смешную песенку. На их фоне появились быстро бегущие титры. Большинство имен были явно азиатского происхождения. Но несмотря на это одно имя бросилось ему в глаза.

Минди Марианн Коллинз — редактор.

Некоторое время он молча сидел, уставившись в экран, пока там не появились полуобнаженные герои очередного шоу, вооруженные лазерами, которые сражались с какими-то злодеями, отличавшимися от них лишь цветом своих костюмов и тем, что у них не было зрачков.

Внезапно на экране появился человек и начал говорить о бассейнах с морской водой. Это было настолько неожиданно, что Чад вернулся к реальности. Он взял в руки пульт и выключил телевизор.

Итак, это его сестра. Поющий-высоким-Голосом и его подруга тут ни при чем. Его сестра. Вот как она поступила с секретом, доверенным ей Разговаривающим и всей колонией. Теперь каждое субботнее утро об этом секрете узнает вся Америка. Все, о чем Разговаривающий рассказывал ей, все, о чем она узнала от Чада, от членов исследовательской группы, — все это было выставлено на обозрение всем желающим.

Теперь понятно, почему она делала столько зарисовок.

Он знал, что она работала на телевидении, но Минди никогда не упоминала ни компанию, ни шоу, а он был слишком занят учебой, чтобы поинтересоваться этим. Интересно, сколько это все продолжается? Возможно, мультисериал создается прямо здесь, в Лос-Анджелесе, хотя там столько восточных имен. Может быть, его делают в Японии или на Тайване. Нужно выяснить это.

Его первой мыслью было позвонить в местный филиал компании, но тут он вспомнил, что сегодня суббота. Офисы закрыты, нужно ждать понедельника. Правда, у него в понедельник семинар, но семинар может подождать.

Теперь все может подождать.

Чад быстро оделся, пытаясь понять, как Минди могла решиться на предательство. Если бы она рассказала об этом подруге, он бы еще мог ее понять, но выставить колонию напоказ по телевидению?.. Это выше его понимания.

Слишком поздно что-нибудь предпринимать. Джин уже выпущен из бутылки. Она продала Квози, но не за 30 серебрянников, а за гораздо большую сумму.

Может это результат крушения ее литературных надежд? Он вспомнил, как Минди в отчаянии стонала, когда она не могла найти нужное слово или построить необходимое предложение. А ее бесконечные попытки закончить роман? Все эти годы она пыталась стать писателем. Он вспомнил ее унижительные визиты домой, чтобы занять еще немного денег, вздохи матери, уверения Минди, что это действительно последний, самый последний раз.

И отказы, отказы, отказы... Ей отказали почти все издатели... Один за другим. Все же Минди удалось продать пару коротких рассказов, две-три журнальные статьи и какой-то сценарий фильма, который так никогда и не был поставлен. Тем не менее она не сдавалась. Мама считала это стойкостью, а отец просто упрямством.

А затем успех, но Чад слышал о нем лишь краем уха. Какая-то литературная работа для крупной телекомпании. Не кино, конечно, но постоянная, надежная, хорошо оплачивается, вообще, нормальная работа. «Интересно,— мрачно подумал Чад,— если бы Иисус был бы сегодня жив, получил бы он хоть часть авторских прав на историю своего распятия?»

Редактор. Он не знал наверняка, что это значило, но звучало вполне внушительно. А ведь однажды она как-то летом в горах упомянула о специфике детских телепередач. Но он даже не поинтересовался, что она имела в виду. Для него детские передачи кончались «Улицей Сезам» и «Прогулками по радуге», на PBS, но о существовании субботних мультфильмов, он и не подозревал.

Чад громко хлопнул дверью, выходя из квартиры, думая о том, как теперь провести выходные. Может быть, найти Минди? Или может лучше нагрянуть к ней в офис, там-то ей не удастся отвертеться. Чад был не слишком крупного

телосложения, но видя его лицо, встречные торопливо уступали ему дорогу.

Он ничего не мог изменить и это было самым обидным. Но хуже всего было то, что об этом никому не расскажешь.

Впрочем к чему теперь пытаться скрывать существование Квози; когда любой теперь может просто включить телевизор, чтобы увидеть Квози на экране. Самый великий секрет на планете в перерыве между рекламой кукурузных хлопьев и игрушечных солдатиков.

Выяснить, где работает Минди было несложно. Все, что ему нужно было сделать, это позвонить домой и поговорить с мамой. Гораздо труднее было сохранить спокойный, непринужденный тон в разговоре с ней.

Итак, в понедельник утром он стоял в приемной нового здания в Энгино. Ко всему в добавок его заставили еще и ждать.

Сколько раз он наблюдал своих родителей, расхваливающих всем своим друзьям успехи дочери в жестоком мире телебизнеса. Затем, как правило, следовал вопрос: «А как же ваш сын? Такой умный мальчик!» И тут же слышалось в ответ: «Ах, Чад... Он работает над диссертацией. Да, все еще».

«Если бы только они знали, — думал Чад, — что в основе успеха их дочери лежит самый обычный и мерзкий плагиат, а вовсе не творческие способности. Все ее занимательные истории украдены у инопланетян, а зарисовки сделаны с натуры».

Стены офиса были украшены красочными кадрами различных мультфильмов компании. Большинство из них были ему неизвестны и изображали суперменов, смешных животных и детей.

Но некоторые персонажи он слишком хорошо знал.

Они были взяты из «Времени Квози» — и их он внимательно посмотрел. Неестественные размеры, остроумные имена и другие изменения уже не удивляли его. Компания снимала не документальные фильмы.

Журналы, лежащие на столиках, он видел впервые. Их названия ничего ему не говорили: «Варьете», «Репортер», «Американское кино», «Американская анимация». Он сидел в кресле и ждал, а люди то и дело заходили и выходили.

ли, оставляли какие-то пакеты у секретарши, завязывали случайные знакомства. Ни на одном из них не было ни костюма, ни галстука.

Через некоторое время секретарша взглянула на него и сказала:

— Вы можете пройти, мистер Коллинз. Прямо по коридору, затем направо, последняя дверь.

Он задержался у входа:

— Какой номер ее кабинета?

Она улыбнулась ему:

— Там нет номера. На двери табличка с ее именем.

«Вот так,— подумал он,— табличка с именем. А почему бы и нет? Разве она не редактор? Они даже представить себе не могут, сколько ей приходится редактировать».

Некоторые двери были открыты, и он видел маленькие комнатки, заполненные шкафами с книгами, рисунками, плакатами, эскизами и людьми, склонившимися над столами.

Дверь с именем его сестры на табличке была закрыта. Машинально он поднял руку, чтобы постучаться, сдержался, сказал сам себе: «Черт побери!» и вошел.

Это было неожиданно просторное помещение по сравнению с теми комнатками, которые он только что видел. Здесь стоял диван, несколько стульев, длинный и узкий стол. Вся мебель была выдержана в строгом датском стиле модерн. Но на стенах висели большие картинки из разных мультфильмов, в том числе были кадры и из «Времени Квози». Большое окно выходило во двор, в котором пышно разрослись пальмы и причудливые тропические растения. Ноги его утопали в пушистом белом ковре, имитирующем шкуру белого медведя. Обе мусорные корзины были пусты, зато стол весь завален самыми различными вещами. Кое-что из них Чад узнал: любимая кукла Минди и справа стояла пишущая машинка, слева клавиатура и терминал компьютера. Посередине сидела сестра. Она удивленно улыбнулась ему:

— Вот это сюрприз! Тебе нужно было позвонить мне, чтобы я ждала тебя.

— Чтобы ты куда-нибудь сбежала от меня?

— Я удивлена... Ты не предупредил...

— Я был занят,— лаконично ответил он.— Ученую степень в биологии не получишь, фабрикуя результаты опытов, и, в отличие от некоторых других профессий, нельзя позаимствовать тему своей работы у кого-нибудь еще.

— Я бы предпочла не такое начало, но что сказано, то сказано. Почему бы тебе не присесть? Устраивайся поудобнее.

— Спасибо, удобнее мне уже никогда не будет. Я лучше постою. Если я сяду, то могу что-нибудь разнести кулаком.

— Не думаю, что до этого дойдет. Я не беспокоюсь, Чад. Ты можешь говорить все, что тебе угодно, но ты не склонен к насилию.

— Я рад слышать, что ты не беспокоишься. Может быть, ты забеспокоишься, если я пойду прямо к твоему боссу и расскажу, чем ты здесь занимаешься?

Она улыбнулась:

— А чем я здесь занимаюсь? Что ты скажешь моему боссу?

Явный блеф скрыть трудно. Он блесит и бросается в глаза. Конечно, он не сможет рассказать все ее боссу.

— Как ты могла это сделать? — спросил он, наконец.— Ведь Квози,— Чад понизил голос,— они тебе доверяли. Разговаривающий и все остальные. Они доверили тебе все — свою историю, легенды, сам факт их существования. А ты предала их. За деньги.

Минди больше не улыбалась:

— Разве? — Она взяла в руку карандаш и стала покусывать резинку на его конце, детская привычка, от которой она так и не смогла избавиться.

«Зачем ей юлить, ведь я уже все понял», — подумал Чад.

— Я должен доказывать это тебе? — Он уже не смотрел на нее.— Ты рассказала всему миру о существовании Квози. Все твои зарисовки, эскизы, записи... Ты ведь давно это задумала. Сами Квози тебя никогда по-настоящему не интересовали, тебя волновали только коммерческие возможности их продажи. Ну что, это оказалось выгодно?

— Нет смысла это отрицать,— спокойно ответила Минди.

— Сколько времени все это продолжается?

— С самого первого лета. Как только я их увидела, меня поразила мысль использовать Квози и их истории как базу для детской мультипликации. Но я не знала, как подойти к этому, с чего начать. Всю зиму я только об этом и думала. К концу второго лета у меня было достаточно материала для первичной заявки. Я показала ее моему агенту и она решила, что этим стоит заняться. Потом заявка попала на стол Барбаре Каммер, исполнительного редактора, и та пригласила меня к себе и заказала три сценария. На это ушла еще одна зима. Успех пришел сразу. Мы второй год снимаем фильмы и сейчас готовимся к очередной серии. С самого начала «Время Квози» держит первое место в рейтинге.

В ее голосе чувствовалось восхищение.

— Никто этого не ожидал. Все было так неопределенно. А теперь крупнейшие компании перекупают друг у друга вспомогательные права.

— Я видел мягкие игрушки.

— Да? Замечательные, правда? А ты уже видел стаканы в Мак-Дональдсе?

Стаканы в Мак-Дональдсе! Он повернулся к ней, скорее онемевший, чем рассерженный:

— Для тебя, что, все это ничего не значит? Твое предательство, то, что ты натворила? Ты говоришь только о деньгах! А доверие? Тебе наплевать, что будет с Квози!

— Совсем наоборот,— возразила она с неожиданным жаром.— Я много об этом думаю. А вот ты? Ты у нас умный мальчик, тебя всегда гладили по головке. Что думаешь ты?

— За ними установят строгий контроль и начнут исследовать. Ксенофобы поднимут крик о инопланетном вторжении. Неотесанные ковбои начнут приводить в порядок свои ружья и заказывать билеты в Айдахо, а телеевангелисты завизжат о гневном господнем и инопланетянах безбожниках, а...

— Успокойся. Ничего этого не случится. Никто о Квози не узнает больше, чем мы показываем в мультиках. Ни правительство, ни ковбои, ни телеевангелисты.

Чад уставился на нее:

— Не хотелось бы разрушать твоих иллюзий, но каждую субботу Квози можно увидеть по ТВ. Понять, в чем дело не составит большого труда.

— Неужели? Понять что, Чад? Что каждую субботу дети смотрят мультфильмы про инопланетян, которые существуют в реальности? И как же они об этом догадаются? Теперь для каждого человека Квози всего лишь плод писательского воображения. Моего воображения. Сколько фильмов ты видел? Могу поспорить, немного, а то ты бы давно уже был здесь. Сколько?

Чад поймал себя на том, что старательно рассматривает пальмы во дворе.

— Ну, в общем, пока только один.

— Один. Если бы смотрел сериал с самого начала, то ты бы знал, что ни в одной серии ничего не говорится о колонии Квози, спрятанной в горах Айдахо. Ни в одной из них не упоминается об их перелете на Землю. Вот в чем вся прелесть детского телевидения. Не нужно никакой предистории, никаких объяснений. Если бы я даже и упомянула о настоящей колонии, это не имело бы никакого значения, потому что никто бы не воспринял это серьезно. Это детская передача, Чад, а не клуб уфологов.

В сериале Квози живут неподалеку от маленького городка в Южной Калифорнии. Они общаются только с детьми и сами ведут себя как задержавшиеся в своем развитии подростки. К настоящим Квози они имеют такое же отношение, как черепашки-ниндзя к настоящим черепахам и японцам.

Они настолько же нереальны для детей как и все остальные персонажи мультиков. Это ведь даже не куклы, а всего лишь двухмерные изображения. Что касается взрослых, то они думают о Квози, только когда их дети начинают требовать купить им последний комикс или наклейку.

Чад посмотрел ей в глаза:

— Ты думаешь, что все так и будет продолжаться?

— Почему нет? — Она опять улыбалась. — Остынь, братишка. Секрет Квози в такой же неприкосновенности как и раньше. Как и двадцать лет назад никто и не подозревает о их существовании. Квози — всего лишь персонажи мультиков, плод моего воображения. И больше ничего.

Ты — единственный человек, который знает правду, а ты никому ничего не скажешь. Так о чем ты беспокоишься?

— Я скажу, о чем беспокоюсь! Я беспокоюсь, я... — Он остановился на полуслове. Точность ее логики была обезоруживающей. Ведь действительно, если он или кто-то другой заявит, что Квози — не выдумка, а реальность, то наверняка попадет в сумасшедший дом.

— Тебе это так не сойдет с рук.

— Конечно, сойдет. Я справляюсь с этим вот уже три года и собираюсь заниматься сериалом, пока он будет иметь успех. Если нам повезет, это еще пять-шесть лет. А затем Квози исчезнут с экранов, как и все их предшественники. Но к этому времени у меня уже будет имя в шоу-бизнесе.

Она абсолютно права и он не может остановить ее.

— Ты больше не вернешься на озеро, — неубедительно произнес Чад. — Ты больше никогда не увидишь ни Разговаривающего, ни его друзей.

— Конечно, увижу, — ее улыбка стала еще шире. — Мне нужен материал для следующего сезона. Третий год — самый важный. Ты хоть понимаешь, о каких суммах мы говорим, братишка! — Она наклонилась к нему, и Чад отпрянул от нее. — Послушай, ты таскаешься в университет на этом добитом хламе, а когда он отказывается заводиться ждешь автобуса. Почему бы тебе не купить что-нибудь новенькое?

Подбери что-нибудь подходящее и перешли счет мне. Это — самое малое, что я могу для тебя сделать. Ведь если бы не ты, я бы никогда не узнала Квози и никакого сериала не было бы. Я бы по-прежнему пыталась продать этот глупый роман и статьи в журнал за 100 баксов. Как насчет новенького Корветта? — В ее глазах зажглись искры.

Ничто не смогло бы его сбить с мысли лучше, чем это предложение. Он с трудом проглотил слюну.

— Ведь это 30.000 долларов.

— Нет проблем. Это, конечно, приличная сумма, но, как я уже сказала, ты заслуживаешь этого. А так как сериал продолжается, то он принесет еще много денег. Ты уже видел мягкие игрушки, а еще есть настольная игра, наклейки, стаканы. Я получаю часть прибыли.

— Как «автор», — с сарказмом заметил Чад.

— Да, это так, братишка. Я многое покупаю маме и папе.

Он кивнул головой:

— Это ты купила им путевки в круиз по Европе?

— Конечно. Они всегда могли попасть в любое место благодаря работе отца, но не могли позволить себе останавливаться в первоклассных отелях, обедать в лучших ресторанах. Теперь могут. Об этом забочусь я. Почему бы мне не побеспокоиться о своем младшем брате? Если тебе не хочется Корветт, как насчет RX-7? На разницу в цене ты можешь купить новый телевизор, видеоманитофон или компьютер.

Мне давно нужно было сделать тебе это предложение, но я боялась, что ты начнешь спрашивать, откуда у меня деньги. Теперь все решилось само собой.

— Ты такая заботливая, альтруистичная. Как бы меня не стошнило прямо здесь. Я не возьму ни цента из этих мерзких денег, Минди.

— Мерзких?

— Ты использовала доверие, чтобы получить их.

Она устало вздохнула:

— Мне показалось, что мы уже решили эту проблему. Никакого предательства не было. Секрет существования колонии остался в неприкосновенности. Что касается денег, то если ты не хочешь их брать, это твое дело. Я не могу тебя заставить. Они останутся на моем счете. Это более справедливо?

— Это не более справедливо, это просто... — он в смятении замолчал. Его сестра гораздо лучше обращалась со словами. Он вошел в офис с твердо сформировавшимся мнением, а она легко и спокойно разрушила всю его уверенность.

Теперь он видел себя плавно скользящим в новом авто по шоссе. С помощью кнопки поднимаются стекла автомобиля, а из последней модели стереомагнитолы льется спокойная музыка. Все калифорнийские блондинки в восхищении смотрят на сверкающий автомобиль и на его вежливого водителя. Он может тогда отправиться на уик-энд куда угодно, не беспокоясь о том, что машина будет ломаться

через каждые десять минут. Он с трудом отогнал эти мысли прочь.

— Я не буду покупать «Корветт» на эти деньги.

Она пожала плечами.

— Как угодно.

— Я думаю...— неожиданно в нем вспыхнула решимость.— Я думаю, что лучше куплю «Мазду».

Он пытался не обращать внимания на широкую улыбку, появившуюся на лице Минди.

— Вот это братец! Решил приберечь немного денег в банке на черный день. Разумно. Ты и в детстве был таким рациональным, Чад. Я всегда знала, что в крайнем случае это может меня выручить.

— Я делаю это только для того,— резко ответил он,— чтобы все деньги не достались тебе.

— Естественно. Ты накажешь меня на столько, на сколько я тебе позволю.

Он добровольно оставил высокие моральные позиции и теперь ему оставалось только одно:

— Минди, этот год будет последним. Ты уже заработала кучу денег, сделала себе имя. Хватит. Пора остановиться.

— Конечно, Чад. Все закончится, когда интерес к сериалу упадет, а сопутствующие товары перестанут продаваться. А пока ведь Квози не причиняется никакого ущерба. Если ты можешь доказать мне обратное, попробуй. Если нет, иди, покупай свою машину. Мне нужно заняться работой,— и она, повернувшись к компьютеру и включив его, стала с завидной скоростью печатать. Он ошалело смотрел, как ее пальцы летают по клавиатуре.

— Я просто еще раз хочу сказать, что ты совершила огромную ошибку. Это нечестно, это самое большое предательство, с каким я сталкивался.

— Ты не прав,— ответила она, не отрываясь от компьютера.— Пока не влюбишься не говори со мной о предательстве. Что-нибудь еще?

— Ну,— промямлил он у двери.— Мне самому позвонить тебе или оставить твой телефон в магазине?

Он уже много раз бывал в комплексе, отведенном под исследования Ширази. Как основной посредник между колонией и людьми, он постоянно требовался ученым, изучающим жизнь людей. Он всегда был в их распоряжении. Разговаривающий знал большинство ученых по именам, но эту молодую ассистентку, встретившую его у входа, он видел в первый раз. Она проводила его к Передвигающемуся-короткими-Прыжками, главе департамента. Тот закончил свои дела и жестом предложил ассистентке сопровождать их дальше. Разговаривающий не задавал вопросов и соблюдал почтительную дистанцию.

Передвигающийся-короткими-Прыжками и его спутники вошли в отдаленную комнату, заполненную всяческой аппаратурой. Здесь сидела еще не старая самка, которая взглянула на Разговаривающего, но тут же отвела взгляд, чтобы не нарушать правил учтивости. Она сразу же ему понравилась, но она ничем не выказала своего отношения к нему. Ее хвост оставался расслабленным, уши — наклоненными вперед — такое проявление незаинтересованности граничило с оскорблением, но очевидно, что для такой реакции были какие-то основания.

— Что-то случилось? В округе появились люди?

То, что люди могли появиться в аллее и каким-нибудь образом натолкнуться на замаскированный вход или вентиляционную шахту, а может быть, встретиться на поверхности планеты с исследовательской группой, было причиной постоянного беспокойства колонистов.

— Нет, дело не в этом, — ответил Передвигающийся-короткими-Прыжками, дав ему понять, что действительно возникли проблемы.

На главе департамента было великолепное ожерелье и три пары серег в правом ухе, выполненные из местной древесины, которую Разговаривающий вслед за Чадом называл сахарным кленом. Как и все, изготовленное из деревьев Ширази, это было чрезвычайно дорогое украшение.

Самка встала со своего места и закрыла на ключ дверь. Это было настолько необычно и неожиданно, что Разгова-

ривающий не нашелся, что и сказать. Когда она возвращалась на место, Передвигающийся-короткими-Прыжками что-то прошептал ей. Она кивнула головой и нажала на кнопки на пульте. На стене появился небольшой экран.

— Я — Святящаяся-в-Ночи. В мои обязанности входит изучение развлекательных и информационных программ ширазян. Я занимаюсь этим уже много лет. Это очень важная работа, полная неожиданностей. Как только вы решите, что наконец-то поняли ширазян, случается что-то совершенно неожиданное и опрокидывает все ваши концепции.

«К чему эта лекция о людях? Мне, Разговаривающему-на-Бегу?» — удивился он, но в присутствии старшего не решился прервать ее. Он только задумался о том, находит ли она его наряд привлекательным. «Терпение,— сказал он себе.— Скоро все станет ясно».

— В течение многих лет мы не могли получить качественного изображения, но после установки на северном пике антенны и появления спутниковой связи, многие проблемы отпали. Но так как резко возрос объем принимаемых передач, было невозможно записывать их все. Последние годы изучения проводились выборочно. К сожалению, это привело к пренебрежению другими передачами. Они иногда записывались для будущих исследований и состояли в своем большинстве из безобидных развлекательных программ и не представляли такого интереса, как информационные и серьезные искусствоведческие передачи.

— Иногда в подоплеке самого безобидного лежит самое опасное,— философски заметил Передвигающийся-короткими-Прыжками.

— Одна из таких передач привлекла внимание нашего начинающего стажера. Ее сравнили с другими подобными передачами. Это одна из тех передач, что выходят в эфир через постоянные промежутки времени, что делает возможным длительные исследования. Итак, мы обнаружили ее совершенно случайно. Если бы не стажер, мы бы до сих пор не знали о ее существовании.

Она вновь нажала на какие-то кнопки — экран засветился. Разговаривающий взглянул на него. То, что он

увидел, поразило его настолько, что он чуть не упал. Это были рисунки. Движущиеся рисунки, выполненные в типичном для людей стиле. Рисунки, изображающие людей и Квози! К его ужасу один из них очень напоминал его самого. Передача была безумной смесью реальности и кошмара, действительности и выдумки. Нарисованные Квози разговаривали с оглушающей громкостью людей и использовали человеческие жесты и мимику. Они даже улыбались.

По мере того как действие разворачивалось, он испытал повторный шок. Разговаривающий-на-Бегу начал узнавать сюжет. В его основе лежала история о том, как сканер ночного видения взорвался в руках одного из ученых, что привело к комико-трагической попытке оказать ему совместную первую помощь людьми и Квози.

Время от времени передача прерывалась так называемыми рекламными вставками, которые, как объяснил ему Чад, были выполнены на заказ и предназначались для того, чтобы убедить зрителей купить вещи, которые им не нужны, по ценам, которые они не могут себе позволить. Бизнес людей был такой же загадкой для Квози, как и людской интеллект.

Наконец-то экран погас, но Разговаривающий не почувствовал облегчения. Забыть то, что он увидел, было невозможно. Передвигающийся-короткими-Прыжками и Светящаяся-в-Ночи смотрели на него в упор, отбросив все правила приличия.

— Я еще не сообщил об этом членам Совета и Главам Нор,— сказал Передвигающийся.— Пока об этом не знает никто кроме меня и Светящейся-в-Ночи. Мы решили, что вначале может быть полезным узнать вашу реакцию.

— Что я могу сказать? — и он разразился самой изысканной и длинной речью в своей жизни. Красноречием и многословием он затмил свою первую подобную речь, произнесенную им перед судом, когда открылись его тайные одиночные прогулки по планете.

Теперь он понимал ту официальность, с которой к нему обращался Передвигающийся-короткими-Прыжками, и ту необычную сдержанность, проявленную самкой. «Но ведь это не моя вина,— хотелось крикнуть ему.— Ни Чад, ни

Минди никогда не сделали этого. Должно быть какое-то другое объяснение».

Если бы только он мог знать какое.

Пока он боролся с угрызениями совести и воспоминаниями, Светящаяся вернула последние кадры на экран. На нем высветился короткий список имен. Передвигающийся-короткими-Прыжками указал на одно из них.

— Это имя одного из ваших друзей, не так ли? Наши семантики перевели слово «редактор», как ответственный за сценарий программы.

Разговаривающий-на-Бегу отлично читал по-английски.

— Там ведь нет имени Чад Коллинз?

— Оно нигде не упоминается,— сообщила ему Светящаяся.

— Тогда вся ответственность за это,— бесстрастно сказал Разговаривающий-на-Бегу,— лежит на его сестре.

— То, что его имя не указано в титрах, не оправдывает его,— настаивал Передвигающийся-короткими-Прыжками.— Может быть, он все-таки принимал участие в создании этой передачи. Отсутствие его имени ничего не означает.

— Нет, означает,— спорил Разговаривающий-на-Бегу,— а иначе бы оно появилось.

— Это не имеет значения. Важно то, что эти люди обманули нас. По крайней мере Минди, если не оба.

— Я не могу в это поверить.

— Доказательства перед нашими глазами,— в голосе и быстрых движениях Светящейся-в-Ночи чувствовалась горечь.

— Как широко показывается эта передача? — устало спросил Разговаривающий.

— Этого мы не знаем,— Передвигающийся-короткими-Прыжками задумчиво смотрел на экран.— Светящаяся-в-Ночи считает, что очень широко. В противном случае люди не стали бы тратить деньги на ее трансляцию с помощью спутниковой связи.

— Сколько времени ее показывают?

— Видимо, порядочно,— ответила Светящаяся-в-Ночи.

— Увеличилось ли в последнее время число людей,

посещающих долину и другие окрестности колонии?

— Для Квози, чье будущее под вопросом, вы задаете слишком много вопросов.— Передвигающийся-короткими-Прыжками взглянул на инженера.— Именно об этом Светящаяся-в-Ночи и я думаем с момента этого неприятного открытия. Но мы ответим на ваш вопрос. Исследовательские группы в своих отчетах не отмечают чего-либо необычного в окрестностях колонии.

— Мы считаем, что эта программа является чисто развлекательной передачей для детей,— сказала Светящаяся-в-Ночи.— В ней ничто не преподносится как факт. Ни одному взрослому, увидевшему ее, не придет и в голову, что это нечто большее.

— Это уменьшает опасность, но не снимает проблему. Мы должны решить, каким образом доложить о случившемся Главам Нор и какие шаги нужно предпринимать,— Передвигающийся пристально разглядывал Разговаривающего.

«Эти шаги непременно затронут мое будущее,— сообщил Разговаривающий-на-Бегу.— Интересно, увижу ли я когда-либо еще Чада?» Он по-прежнему думал о нем как о своем друге, но был меньше уверен в Минди. В титрах передачи упоминалось ее имя, следовательно, она могла быть участником предательства. Но выяснить все это он мог только в разговоре с ними, а вот в том, что такой разговор состоится, он очень сомневался.

В заседании принимали участие Передвигающийся-короткими-Прыжками, Светящаяся-в-Ночи, двое ученых из исследовательских групп, Главы Четвертой и Первой Нор и Разговаривающий-на-Бегу.

В следующий раз их может быть только двое: Разговаривающий и исполнитель приговора.

— Итак, что же мы будем делать? — Глава Первой Норы не тратил времени впустую.— Наше существование больше не является секретом для людей.

— Не совсем так, досточтимый Глава,— Передвигающийся-короткими-Прыжками ухом указал на Светящуюся-в-Ночи.

Она встала для разъяснения.

— Очевидно,— сказала она в заключение,— что люди

считают этих персонажей и эти истории вымыслом чистейшей воды. Я внимательно просмотрела более двадцати серий и ни в одной не упоминается действительное местонахождение колонии. Кроме того, эти передачи предназначены детям и подросткам.

— Можем ли мы прекратить эти передачи? — спросил Глава Четвертой Норы.

— Мы можем вмешаться в трансляцию, — ответил Передвигающийся, — а со временем и уничтожить спутник связи. Но я считаю, что это приведет только к тому, что люди начнут трансляцию через другой спутник, а сами займутся поисками причины случившегося. Думаю, что о подобных действиях не может быть и речи. Это не решение проблемы, тем более что большое количество передач уже вышло в эфир. Мы не можем уничтожить то, что уже произошло. — Передвигающийся-короткими-Прыжками обратился за поддержкой к ученым своего департамента, которые утвердительно кивнули ушами. — Более того, на данном этапе продолжение этих передач в наших интересах.

Оба Главы Нор выразили свое недоумение. — Глава Четвертой Норы не совсем пристойными жестами, Глава Первой Норы — словами.

— Это заявление требует больше, чем просто объяснений.

— Я попрошу обосновать наше мнение своего коллегу.

Место Передвигающегося занял пожилой Квози. Разговаривающий подумал, что выбритые полосы у его правого уха выглядят вполне современно.

— Совсем недавно мы получили доступ к материалам, собранным Светящейся-в-Ночи. Мы внимательно их изучили. Наши выводы неожиданны, но тем не менее безоговорочно положительны. Эти выдуманные Квози изображаются как дружелюбные, миролюбивые, чувствительные и готовые прийти на помощь существа. Они так же показаны неуклюжими, глупыми, смешными и неспособными на связное выражение своих мыслей. Не нужно воспринимать это как оскорбление, земляне изображаются такими же. Короче говоря, Квози показаны не просто безвредными,

но и добрыми существами. Мы считаем, что это обстоятельство перевешивает многие неточности.

Таков образ Квози в глазах миллионов юных телезрителей. Может быть, он не точен, но из этого можно извлечь пользу. Рано или поздно нам придется вступить в контакт с землянами. В настоящий контакт, а не тот тайный и крайне ограниченный, что мы имеем сегодня. Мы надеялись, что сможем отложить его еще лет на двести. Но, как всем ясно,— он взглянул на Разговаривающего,— события быстро опережают наши желания. Таким образом, мы должны как можно лучше приспособиться к обстоятельствам, которые мы не можем взять под контроль.

Так как этот сериал подается как выдумка, ориентирован он на детей и отношение в нем к Квози, несомненно, положительное, мы считаем, что колония не должна вмешиваться в процесс его трансляции. Когда наступит время контакта, возможно, нам придется общаться с людьми, которые с детства считают Квози смешными, безобидными клоунами.

Если уважаемые представители власти сочтут возможной такую реакцию, мы бы рекомендовали попытаться повлиять на процесс создания этих передач.

Разговаривающий-на-Бегу с трудом верил своим ушам, а для Квози это было невероятным событием. Главы Нор так же были в замешательстве.

— Вы говорите,— выдавил из себя Глава Первой Норы,— что мы должны предоставить дополнительную информацию предателям?

— Когда речь идет о контакте, мы должны признать, что выпустили инициативу из своих рук,— твердо сказал член Совета Старейшин.— Если мы не можем прекратить его, то, по крайней мере, мы должны направить его в нужное русло. Тщательно отобранная информация может передаваться этим людям через нашего,— и он споткнулся на следующем слове,— посла.

Больше всего на свете сейчас Разговаривающий хотел бы оказаться в теплой, глубокой материнской сумке. Его статус поднялся до уровня посла. Как замечательно! А ведь еще недавно он чувствовал себя всеми презираемым и отвергнутым Квози.

Он попытался найти хоть какое-то утешение в мысли, что сможет встречаться со своими друзьями. Когда начнется очередной сезон тепла, он выяснит, как могло случиться такое несчастье. Правда, некоторые высокопоставленные члены общества вовсе не находят случившееся трагедией. Они, видимо, считают, что обман и нарушение закона с его стороны и со стороны его друзей могут в результате принести пользу колонии. Если это и случится, то благодаря слепой удаче, а не тщательно спланированным действиям.

Сколько еще им будет везти? Сколько времени осталось до того, как какая-нибудь случайность сломает устоявшуюся жизнь колонии? Ему придется очень долго и много говорить об этом с Чадом и Минди.

Очень много.

Сколько веревочке не виться, а конец все равно будет.

XVI

Первая встреча следующим летом из драмы превратилась в комедию. Квози не знали, как перейти к теме, которая их больше всего волновала, в то время, как Чад и Минди и понятия не имели, что предательство Минди уже отражено в документах Квози.

Чад один вел беседу, в то время, как Минди безучастно оставалась в тени, ничего не говоря и украдкой поглядывая на брата и на членов исследовательской группы. Разговаривающий-на-Бегу уже стал экспертом по интерпретации выражений лиц людей. Он видел, что что-то не так, но был слишком Квози, чтобы прямо спросить, что случилось.

Чад так же заметил необычное жестикулирование ушами Квози. Со всей прямоотой человека он спросил, в чем дело. После продолжительных извинений и отступлений выяснилось, что причина для беспокойства у всех одна и та же.

Чад был потрясен, а Минди рада, что Квози не только не сошли с ума от гнева, но решили помочь ей в работе над сериалом. Однако все встало на свои места, когда Разговаривающий объяснил им, что Квози толкнуло на это чувство необходимости и что представители власти вовсе не рады

этому. У них просто нет другого выхода. Это была очень серьезная и строгая речь, и Чад еще никогда не видел Разговаривающего таким расстроенным. Минди казалась огорченной, но Чад был уверен, что это всего лишь представления для Квози. Он знал, что это вовсе не так. Возможно, она слегка смущена, но не огорчена.

Теперь, когда все карты были открыты, атмосфера в лагере заметно оживилась. Исследовательская группа занялась своей работой и сбором материала, а Минди принялась делать зарисовки и расспрашивать ученых.

Разговаривающий-на-Бегу и Чад сидели на скале, нависшей над ручьем. Разговаривающий болтал своими длинными ногами в воде, а Чад, сидя на корточках, подбрасывал камушки в воду.

— Они, должно быть, пришли в ярость.

— О, все были очень расстроены. Очень.— Разговаривающий вспенил воду ногами.— Можешь представить себе наш шок, когда в процессе обычного изучения земных телепередач один из наших ученых обнаружил, что Квози стали обычными телевизионными гостями в домах миллионов людей.

— Я тоже был изумлен и шокирован. Как только я узнал об этом, я сразу же бросился к Минди, но все напрасно. Было уже поздно. Она давно все обдумала, и у нее были готовы ответы на все мои обвинения. Проблема с секретом заключается в том, что стоит только чуть-чуть приоткрыть его, и ты уже не в силах что-либо изменить.

Разговаривающий согласно кивнул левым ухом:

— Наши Старейшины пришли к такому же заключению. Нам остался только один путь.

— Если бы я смог убедить Минди прекратить свою работу, это бы не имело значения. Сериал все равно бы продолжался только с другим редактором. У нее нет авторских прав. Так она мне это объяснила. Сериал принадлежит компании, на которую она работает.

— Она говорила,— подтвердил Разговаривающий.— Мы столкнулись со многими неизвестными для нас экономическими понятиями. Но значение имеет то, что сериал будет прекращен только в том случае, если он надоест зрителям. Скажи мне, что ты думаешь о решении наших

Старейшин? Могут ли эти передачи помочь снять напряжение во время предстоящего контакта?

— Откуда мне знать? Большую часть времени я провожу у микроскопа. Я не всегда понимаю поведение людей, находящихся рядом со мной. Между мультфильмами и осознанием факта, что их персонажи — настоящие инопланетяне, живущие по соседству, лежит пропасть. Я даже представить себе не могу, что может случиться. — Он швырнул очередной камушек в воду. — Они не наказали тебя?

— В этом не было смысла. Секрет раскрыт, вред причинен. Квози — практичные существа. Пока я могу приносить пользу колонии, все будут заботиться обо мне и о моем здоровье. У меня есть знания и опыт. За спиной меня проклинаят, но никто не осмеливается высказать мне свои чувства прямо в лицо.

— Мы более прямолинейны и откровенны, — Чад оглянулся на Минди и ботаников, собирающих гербарий. — Посмотри на нее. Если судить по ее поведению, никому и в голову не придет, что она натворила. Чиста, как первый снег. Я думаю, это как-то связано с ее работой в Голливуде. По тому, что я слышал, можно сказать, что моральные устои там не из железа, а из резины. У каждого есть моральные принципы. У нее, мне кажется, это прежде всего выгода и рациональность.

— Это мне непонятно, — признался Разговаривающий. — Минди говорит о творчестве, но позволяет многим людям вмешиваться в него. Я не понимаю этого парадокса. Это словно похвалить скульптуру, а зачем уничтожать ее?

— Об этом тебе лучше спросить мою сестру. Посмотри, как оживленно твои друзья беседуют с ней.

— Не так уж оживленно. Они не скажут ей ничего жизненно важного, — Разговаривающий вытащил ноги из воды и поставил их солнышку. — Несмотря на все, что случилось, а, может быть, благодаря мне кажется, что нам придется расплачиваться. Мне, тебе, твоей сестре. Ноша велика, а вот плечи подставить кроме нас некому.

Чад взглянул в глаза Разговаривающему:

— Чтобы ни случилось, это не должно отразиться на наших отношениях.

— Да. Нашу дружбу никому и ничему не разбить. Может быть, популярность передачи скоро пойдет на спад и наши тревоги исчезнут.

— К сожалению, вымышленные Квози очень нравятся детям. Сейчас похоже, ничто не продается так как Квози.

— Да, вы уже говорили об этом. Было бы интересно посмотреть на этих кукол.

— Думаю, мы сможем их достать,— угрюмо ответил Чад.— У сестры, должно быть скидка. Ты знаешь,— задумчиво добавил он,— она зарабатывает на вас очень большие деньги. Они получают деньги за ваши истории.

— Мы не чувствуем себя обделенными.

— Я знаю, знаю, но все-таки это меня беспокоит.

— Из-за денег или из-за того, что ты не получаешь своей доли?

Чад резко взглянул в глаза друга, думая о машине, стерео и других благах цивилизации, приобретенных на деньги сестры:

— Я брал деньги. Мне нужны были некоторые вещи, и Минди заплатила за них. Она бы все равно истратила их.— «Не очень-то я и сопротивлялся,— напомнил он себе».— Я бы все отдал, только бы вернуть все сначала.

— Секрет, как яйцо,— философски произнес Разговаривающий-на-Бегу.— Однажды разбив, его уже не восстановишь, но если правильно поступить, то от его содержимого может быть польза.

— Ага. Как тигр и его хвост. Если ты за него ухватился, то уже не сможешь его отпустить.

— Да, раз мы не можем изменить то, что произошло, то будем снабжать твою сестру информацией для продолжения сериала, так что теперь мы сможем в некоторой степени контролировать его содержание. Я вот думаю, чем все это кончится? Я долго медитировал над этим, но все безрезультатно.

— Я тоже,— с жаром поддержал его Чад.

— Не расстраивайся так сильно. Мы ведь многое узнаем от вас. Некоторые ученые интересовались, нельзя ли встретиться с вашими родителями?

— Не думаю, что это хорошая мысль,— медленно ответил Чад.— Я уверен, что мама будет очень нервничать.

Насчет отца не знаю. Он много общался с иностранцами. К тому же это удвоит число людей, знающих о вашем существовании.

— Вот поэтому-то от этой идеи отказались. Совет Старейшин понимает неизбежность более широкого контакта, и, одновременно, боится его. Они постоянно обсуждают и отклоняют какие-то варианты. Люди оказываются слишком непредсказуемыми, когда дело доходит до неожиданностей.— Он протянул ему тонкую семипалую кисть.— Чтобы они там ни решили, нашу дружбу ничто не разрушит.

Как обычно, Чад удивился неожиданно крепкому рукопожатию.

— Ничто. Никогда.

Изменившиеся обстоятельства упростили отношения Квози и людей. Чад и Разговаривающий-на-Бегу проводили целые дни в свое удовольствие, в то время, как сменяющие друг друга группы ученых общались с Минди и помогали ей готовить материал для будущих серий.

«Время Квози» по-прежнему занимало первое место в рейтинге телепередач, а игрушки и сопутствующие товары продавались с неизменным успехом. Другие компании не раз пытались переманить к себе Минди, что приводило к постоянным дополнительным премиям. Руководство компании ничего для нее не жалело.

Минди была преуспевающей молодой женщиной.

Она щедро делилась своим достатком с семьей и друзьями. У Чада, как всегда, не было свободного времени, чтобы регулярно смотреть передачу. Научная степень по-прежнему ускользала от него, и он с трудом находил работу, позволяющую три летних месяца проводить в горах. У его сестры не было таких проблем. Ее хозяева были рады видеть ее, проводящей отпуск с родителями, так как она всегда возвращалась с ворохом новых идей. Поэтому Чад был более чем удивлен, когда однажды Минди объявила, что в этом году не поедет на озеро. Он потребовал объяснений, и она сказала, что у нее накопилось много дел, связанных с новыми игрушками, новыми сериями, требующими ее пристального внимания. Если все будет в порядке,

она справится за несколько недель и присоединится к ним.

Он читал в своей комнате, обдумывая предстоящую встречу с Разговаривающим и учеными, когда мама объявила, что Минди наконец-то приехала, и отец уже отправился за ними в Буз.

Чад дочитал абзац, нахмурился и заглянул в кухню. Мама двигалась медленнее, чем раньше, но готовить стала еще лучше.

— За ними?

— За Минди и ее женихом. Ты что, не знал? Ну конечно же, не знал. Ты так увлечен своей работой, что до тебя трудно достучаться. К тому же ты такой рассеянный.

— Сколько это продолжается? — Он отложил книгу и подошел к окну, выходящему на озеро.

— Продолжается? А, ты имеешь в виду, сколько они помолвлены? Чуть больше трех месяцев, я думаю. Его зовут Арло.

— Арло?

О чем только думает Минди, привозя сюда абсолютно чужого человека? Не то, чтобы в этом была какая-то опасность, если только она не...

— Чем он занимается?

— Как и она занимается искусством. Мне кажется, он какой-то агент. Я не знаю точно, но он производит впечатление состоятельного человека и твоя сестра любит его.

Чад ничего не ответил. Как сказала его мама, он был рассеянный. Но теперь ему было о чем задуматься.

Хотя он пытался отложить на потом составление окончательного мнения, Арло не понравился ему с первого взгляда. Может быть, это было связано с тем, как он был одет. Хотя его джинсы и были из грубой хлопчатобумажной ткани, а рубашка из хлопка, они казались более уместными для вечеринки Беверли Хилл, чем для отдыха в горах.

«Это твои проблемы, а не его, — был вынужден признать Чад. — Почему бы ему не одеваться так, как ему нравится. Только потому, что твоя одежда лет шесть-семь назад вышла из моды, не стоит осуждать чужой костюм. Может быть, ему нужно так одеваться, чтобы произвести впечатление на клиентов, продюсеров или с кем он там,

черт его возьми встречается». Чад понимал, что его беспокоит вовсе не внешний облик этого человека.

Беспокоило Чада его поведение, то, как он, вытягивая шею, осматривался по сторонам, словно ища взглядом что-то необычное. Как только Чад остался с Минди наедине, (они убирали мусор за домом) он сразу же спросил ее:

— Что он знает?

— Арло? — Уже стемнело, и Минди держала фонарик. — Что ты имеешь в виду?

— Не уходи от ответа, — отозвался Чад. — Ты ведь ему ничего не рассказала?

Она не ответила. Они продолжали убирать мусор в молчании и лишь возвращаясь домой, Минди проговорила:

— Он мой жених, Чад. Мы собираемся пожениться.

— Значит ты ему все рассказала. — К своему удивлению он почувствовал не гнев, а усталость. — Он тебе поверил?

— Не сразу. Впрочем, я не уверена, что он верит и сейчас, но после того, как он встретится с Разговаривающим и другими, все станет на свои места.

Чад остановился, схватил сестру за локоть и резко развернул ее к себе лицом:

— Ты шутишь. Ты ведь не собираешься взять его с собой?

— Я должна, братишка.

— Не называй меня так. Я никогда не бил тебя, но, похоже, пора навестывать упущенное.

Она освободилась от его руки:

— Послушай, я собираюсь выйти замуж за этого человека, Чад. Я не могу скрывать от него эту тайну. Это занимает слишком большую часть моей жизни. Как по-твоему я должна поступить? Велеть ему поддерживать огонь в семейном очаге, пока я каждое лето провожу со своей семьей за полторы тысячи миль от него?

Что это будут за отношения?

— Сейчас меня волнуют наши отношения, если ты думаешь, что я позволю тебе взять его с нами, то ты очень ошибаешься.

— Кстати, как Разговаривающий-на-Бегу? Ты ведь уже виделся с ним?

— Просто великолепно, — огрызнулся в ответ Чад. — Также как и все остальные Квози, и так будет пока их тайна сохраняется. Вот почему ты не можешь привести его туда. До тех пор, пока он не верит в их существование, все в порядке, а он не поверит, чтобы ты ни говорила, пока не увидит их своими глазами. Я не позволю этого.

— Ты не сможешь помешать мне.

— Только попробуй. Может быть, я не смогу остановить тебя физически, но я быстрее чем ты передвигаюсь по лесу. Я предупрежу Разговаривающего и остальных Квози. Они вернутся в колонию, которую вам никогда не найти, а мы найдем другое место для встреч. Ты знаешь, что это значит? Больше никаких идей для сериала.

Она спокойно ответила ему:

— Если ты сделаешь это, я вернусь сюда не с Арло, а кое-с-кем еще. Может быть, с репортерами. Они придут, потому что я им заплачу. И мы найдем колонию, где бы она не была.

Чад был ошеломлен.

— Ты не сделаешь этого.

— Хочешь рискнуть? Посмотрим, насколько ты азартен, братишка.

«Она слишком хорошо знает меня, — подумал Чад. — Как же она может? Она ведь дружила с Квози, провела с ними столько времени. Но в одном она права: я никогда не пойду на такой риск».

Она молча ждала его решения, играя с фонариком. У него не было выбора, и она знала это.

— Ты уверена, что ему можно доверять? Он будет хранить секрет?

— Я доверяю ему. Я доверяю ему свою жизнь, свое будущее.

Это была слабая гарантия.

— Я думаю о том, как поведут себя Квози. Сначала был только я, затем появилась ты, а теперь нас будет трое. Что если Совет решит, что это слишком много?

— Ты думаешь, они осмелятся на насилие? — Минди обдумала эту возможность. — Вряд ли. Они не прекратили встречи, так как решили, что это не в их интересах. Они никогда нам ничем не угрожали. Они смирятся с Арло,

потому что любые действия могут причинить им вред. Кроме того, физическое насилие неприемлемо для Квози, так гласит книга Шамизин.

— Не слишком-то рассчитывай на это,— предупредил ее Чад.

Она смотрела мимо его, размышляя вслух:

— Я вот думаю, а смогут ли они в случае необходимости защитить самих себя? Я не уверена, что они сами себя знают. Расслабься, Чад. Ты слишком волнуешься. Им понравится Арло. Он — хороший человек. В нем слишком много голливудского духа, но это не его вина.

— Очень успокаивает.

— Я справлюсь с ним.

И она справилась.

Разговаривающий-на-Бегу был также ошарашен, как и Чад. Но предпринять что-либо было поздно.

Арло только смотрел, слушал и почти ничего не говорил.

Что касается Квози, то их первоначальное волнение улеглось, после того, как Чад и Минди заверили их, что новому человеку можно доверять. Тот факт, что Арло и Минди собирались пожениться, произвел на них неожиданный для Чада и более чем положительный эффект. Ему даже показалось, что Квози лучше понимают положение его сестры, чем он сам. Постепенно он успокоился и смирился с происходящим.

Так продолжалось до конца лета, пока по вечерам не стало холодать. Выглянуть из окна его заставил шум мотора. Гидроплан отошел от причала, взлетел и направился на восток.

«Обычный полет за продуктами,— сказал он себе,— возможно, последний в этом году». Он больше не думал об этом, пока в комнату не ворвалась сестра. Она бросила на него полный боли взгляд и кинулась к окну.

Он запомнил страницу и отложил книгу:

— Что случилось? — Чада самого удивило его спокойствие.

— Арло. Я нигде не могу его найти. Мне казалось, что он собирается пойти с нами в горы.

Арло спал в небольшой комнатке рядом с кухней. Не-

важно, какой век, но они с Минди всего лишь помолвлены. Мама все равно бы настояла на соблюдении приличий, так что счастливая пара предупредила ее волнения и добровольно остановилась на раздельном проживании.

— Я обыскала все,— в ее голосе чувствовалось беспокойство.— Была даже у мусорного бака.

— Это неплохое место, чтобы спрятаться,— подхватил Чад.

— Наконец, я спросила маму, и она сказала, что он что-то говорил о том, чтобы слетать с папой в Буз, чтобы сменить обстановку.

— И он ничего не сказал тебе? Не слишком-то много веселья он найдет в Буз, но не думаю, что он там задержится. Вещи он взял с собой?

Она поколебалась, не смея взглянуть ему в глаза:

— Только рюкзак.

— Не хотел пробуждать подозрений. Разумно.

Минди села на единственный в комнате стул, закрыла лицо руками и разрыдалась. В ее плаче не было муки, лишь слабость отчаяния. Чад выждал некоторое время, затем встал, подошел к ней и обнял Минди за плечи. В конце концов, она его сестра, хотя и законченная идиотка. Насколько он понимал, это было естественным состоянием влюбленных.

Когда она стала реже хлюпать носом, он вышел в ванную и вернулся с салфетками Клинекс.

— Слушай,— сказал он ей,— мы уже ничего не можем поделать. К тому времени, как мы уговорим отца на следующую поездку, твой дружок будет уже далеко,— он иронически рассмеялся.— Па доставит его прямо в аэропорт. Лучше не придумашь.

— Но ведь я верила ему,— голос Минди был полон горечи.— Мы собирались пожениться, черт возьми. Я заставила его поклясться, что он никому ничего не расскажет о том, что увидит.

— Легко обещать, когда не знаешь, что именно увидишь. Шесть недель в общении с пришельцами без сомнения ослабили его решимость. Я думаю, это кого хочешь ломает. Твой Арло ничем не хуже и не лучше других.

— Нет, лучше!

— Ну, ладно. Лучше скажи, что он может сделать? Ты знаешь его лучше, чем я, по крайней мере, ты так думаешь.

— Я не знаю, — безутешно пробормотала она.

— Думай, черт побери. Он может пойти в «Таймс»? На телевидение?

— Говорю же тебе, не знаю. Может, он сядет и все обдумает.

— Ну да. Он сразу мне показался чрезвычайно рассудительным человеком. По крайней мере, он не знает, где колония. Я думаю, главное — сможет ли он убедить кого-нибудь в том, что его слова правда. Он не поверил тебе. Возможно, никто ему не поверит. Если Квози удастся спрятаться на пару лет, может быть на этом все закончится. Мы должны посоветоваться с Разговаривающим. Сейчас риску подвергаемся не мы, а его собратья. Хватит ли у тебя мужества пойти со мной и объяснить, что произошло?

Он не надеялся, что она согласится и был готов понять ее отказ. Но она не отказалась.

— Полагаю, что после всего, что я натворила, я перед ними в неоплатном долгу. Но я не хотела этого, Чад! Я и не предполагала, что может произойти нечто подобное. Мне нравится и Разговаривающий-на-Бегу, и все остальные Квози и я...

— Влюбилась. Может быть, Квози поймут тебя. Ты тоже нравишься им, Минди. Несмотря на то, что ты сделала.

— Ты думаешь, они придут в ярость? Я знаю, чтобы я сказала бы по этому поводу, но здесь ситуация другая. Ты думаешь, они действительно могут причинить нам вред?

— Понятия не имею и даже не знаю, смогут ли они. Мне кажется, все зависит от того, рассматривали ли они подобную возможность, — он посмотрел в окно. — Все когда-нибудь случается в первый раз.

Сразу они ничего не сказали, позволив возбужденной группе ученых выполнить свои полевые эксперименты и дать отдохнуть их уставшим лапкам. Однако не так легко было обмануть Разговаривающего. Взгляд его огромных глаз заметался между братом и сестрой, уши тревожно насторожились, а хвост напрягся и застыл.

— Затруднения?

— Да, и боюсь, довольно-таки большие.

— Очень большие,— добавила Минди. Она уже примирилась со всем, что может произойти.

Чад спрашивал себя, может ли она впасть в панику. Это не принесло бы ей ничего хорошего. Самый медлительный Квози в группе мог бы легко ее догнать.

— Что тебя так сильно беспокоило? Почему у тебя появились морщины, друг Чад?

— Секрет раскрыт,— просто ответил он и повернулся к сестре.

Так как брат и Разговаривающий пристально глядели на нее, ожидая ответа, Минди не оставалось ничего, как все рассказать.

— Это все моя вина,— из ее глаз готовы были брызнуть слезы, но голос был тверд.— Я была обручена и собиралась выйти замуж за Арло. Я чувствовала себя с ним уютно, готова была разделить с ним свою жизнь. Это означало бы для меня разделить с ним все. У вас не может быть секретов от своего мужа. Вы...— Тут она потеряла самообладание.— Он поклялся хранить секрет. Он поклялся! Но теперь он...

— Он улетел с нашим отцом, не сказав никому ни слова,— объяснил Чад прежде, чем Минди смогла продолжить.— Взял кое-что из своих вещей и не вернулся. Отец сказал, что он говорил о какой-то важной встрече, о которой он якобы забыл, и ему срочно было нужно вернуться домой. Больше его никто не видел. Видишь ли, знание о вашем существовании может принести ему много денег.

— Я понимаю,— сказал Разговаривающий-на-Бегу, тщательно подбирая слова, чтобы не быть превратно понятым.— Вы считаете, что этот Арло может пойти на все ради денег?

— Все шло хорошо,— пробормотала Минди.— У нас не было никаких ссор или чего-нибудь подобного. Я думала, мы понимаем друг друга. Полагаю, он чувствовал, что заговори он со мной о своих намерениях, я бы попыталась его остановить.

— Не сомневаюсь, что ты бы это сделала,— горячо поддержал ее Чад.

— Мы переживали и другие потрясения,— сказал Разговаривающий, погруженный в свои мысли.

— Не такие как это,— проговорил Чад.— Неужели ты не понимаешь? У Арло нет интереса сохранять ваш секрет. Как только ему удастся, он вернется сюда с репортерами, фотографиями, учеными.

— Даже, если ему никто не поверит?

— Это ничего не значит,— сказала Минди медленно с горечью в голосе.— Он может нанять фотографов, специалистов с аппаратурой для обнаружения местонахождения колонии.

— Мы хорошо замаскированы и у нас есть защита от электронного вторжения. Нас не так-то просто найти. Но обсуждать этот вопрос дело Старейшин, а не мое.— Он печально взглянул на Минди.— Ты понимаешь, на этот раз я могу потерять больше, чем просто свободу.

— Проклятие! Я так сожалею! Я не знаю, что еще сказать.— Она протянула руку, чтобы обнять его за плечи, но тут же осознала, что это будет непрошеным вторжением, и сама отскочила, мрачно уставившись в землю.

Разговаривающий резко свистнул, предупреждая группу ученых об опасности:

— Мы поставим в известность Старейшин, но прежде мне нужно оповестить своих коллег о таком повороте событий.

Чад и Минди отошли в сторону, наблюдая, как Квози обсуждают создавшуюся ситуацию. Когда они закончили, то с ними заговорил не Разговаривающий-на-Бегу, а Говорящий-через-Стекло, старший группы:

— Ситуация угрожающая. Вы получаете особый статус, так как рассказали нам все, вместо того, чтобы попытаться выгородить себя. Поступки говорят больше слов. Я верю, что вы поможете нам, если сможете.

Минди была очень серьезна:

— Я сделаю все что нужно. Я постараюсь исправить то, что натворила.

— Если еще можно что-то сделать,— сурово проговорил зоолог.— Возможно есть способы, чтобы остановить твоего друга. Что это за способы, я сказать не могу. Мы — ученые, для которых человеческая психология представля-

ется тупиковым тоннелем. Лишь члены секции по изучению человека могут выдвинуть какие-то предположения, и Совет должен решить, как поступить. — Он немного колебался. — Чтобы дать им возможность принять оптимальное решение, потребуется самая достоверная информация. То есть ваша.

— Наша? — Чада переполняли смешанные чувства страха и возбуждения.

— Вы должны пойти с нами, чтобы в первую очередь доказать, что вы действительно намерены нам помочь, а так же высказать свои предположения и дать совет. Это все, о чем мы вас просим.

— Ваше отсутствие не вызовет ни у кого подозрений, — напомнил им Разговаривающий-на-Бегу. — Все знают, что вы проводите в походах по несколько дней. До колонии всего лишь два дня пути.

— Так близко? — Чаду всегда казалось, что до нее по крайней мере неделя ходу.

— Я бы давно показал тебе это место, если бы не опасность.

— Вы действительно собираетесь взять нас с собой?

— Вы и так уже много знаете. Вы согласны?

— Конечно, мы согласны. — И не услышав ответа сестры, обратился к ней. — Мы же пойдем, Минди?

— Да, — прошептала она.

Он мог представить, о чем она думает. Как только они окажутся в колонии, Совет Старейшин сможет сделать с ними все, что угодно. С другой стороны, если бы они хотели их убить, то сделать это можно было немедленно.

Кем были Главы Нор? Деспотами, политиками, философами? А вообще, теперь это было неважно. Чад и Разговаривающий выросли вместе при взаимном уважении и доверии. Теперь это доверие было поставлено под сомнение. Все, что у них осталось, так это уважение, и Чад не собирался рисковать им. Он отправится в колонию, чтобы узнать, может ли он хоть чем-то помочь, и то же самое сделает его сестра. Даже если ему придется связать ее и доставить туда силой.

— Дайте нам несколько минут, чтобы собраться.

— В этом нет необходимости,— ответил Разговаривающий.— У вас будет все необходимое.

— Не в этом дело,— отозвался Чад, быстро собирая лагерное оборудование.— Если сюда кто-нибудь забредет, разыскивая нас, и найдет только палатку, то может решить, что с нами что-то случилось. А так можно будет подумать, что мы просто перебрались на другое место.

— Это ты хорошо придумал,— с одобрением отозвался Говорящий-через-Стекло,— похоже, все, что говорил о тебе Разговаривающий-на-Бегу — правда.— Он перевел взгляд на Минди.— А вот в тебе я не уверен.

— Я не виню в этом тебя. Не беспокойся.— Она поднялась со своего места.— Я докажу свою честность. Все это время я была занята только собой, но теперь я сделаю все, чтобы помочь вам.

— Ты можешь только уменьшить серьезность случившегося, не больше.

XVII

Фактически, чтобы добраться до колонии, им потребовалось два с половиной дня. Место ничем не отличалось от других долин и ничего не говорило о том, что в ее глубине могут обитать не только барсуки.

Но когда один из членов исследовательской группы прижал раскрытую ладонь и правое ухо к углублению на шершавом валуне, скала внезапно сдвинулась в сторону и за ней оказался туннель с гладкими, облицованными пластиком, стенами.

Годы общения с Разговаривающим и другими Квози не подготовили Чада к восприятию такого большого количества Квози в одном месте. Его поразила скученность. Квози были везде: они сновали взад и вперед, не сталкиваясь друг с другом, более того, соблюдая некоторое расстояние между собой. Какой-то внутренний радар предотвращал столкновения. Они были похожи на меховые разнополюсовые магниты.

И они разговаривали. Шум был ошеломляющим, и он

поражал еще больше, чем запах, — непрекращающийся, пронзительный лепет мужских и женских голосов. Он звучал так, словно миллион буддистов повторяли одну и ту же молитву. Ему пришли на ум дороги Лос-Анджелеса в час пик: все медленно и методично двигались, практически полностью избегая столкновений, а из радиоприемников несли резкий и неприятный шум, и люди разговаривали на фоне шума перегретых моторов.

В некоторых местах Квози собирались, чтобы поговорить и поспорить. Подростки гонялись друг за другом, пробираясь сквозь толпу, в то время, как дети глазели на это невероятное скопление, выглядывая из сумок своих матерей. Взрослые то и дело останавливались у бесчисленных зеркал, чтобы поправить свой наряд.

Но самое большое впечатление на Чада и Минди произвели ужасающие картины и скульптуры, располагавшиеся вдоль стен. Ни одно из них не ободряло дух. Чад часто слышал о варварском кровавом прошлом Квози, но слова внушали меньший страх, чем эти изображения. На всеобщее обозрение было выставлено столько сцен кровопролития и садизма, что вряд ли их можно увидеть даже в каком-нибудь кинотеатре для автомобилистов в Западном Техасе летней субботней ночью.

Все это было изображено с поразительным вниманием к деталям и удивительным для темы вкусом. Спокойные миролюбивые Квози мило прогуливались по залитым кровью коридорам.

Он хотел было спросить Разговаривающего об одном особенно ужасном барельефе, но напомнил себе, что он здесь не на экскурсии.

Квози со своей стороны то и дело бросали взгляды в сторону посетителей, производили приветственные движения ушами и тут же отводили глаза, чтобы их не сочли невежливыми. Но некоторые настолько потеряли самообладание, что им было уже все равно. Они разглядывали их в упор. И были потрясены, когда Чад поднес обе руки к голове и с их помощью изобразил предостерегающие жесты Квози.

Беседовали с ними несколько раз. Владение языком лингвистами, переводящими их речь, поразило и Чада

и Минди. Эти Квози говорили лучше их самих, уместно используя сленг. Иногда они переходили на французский, который они изучили благодаря передачам канадского телевидения.

Отведенная Чаду и Минди комната была маленькой и узкой, хотя по стандартам колонии, и просторной. Им объяснили, что лучше не покидать это помещение без сопровождения. Это может вызвать среди Квози замешательство и испуг. Их краткое появление и так слишком взбудоражило колонию.

О том, насколько искренним было рассказание Минди, говорил тот факт, что она ни разу не вытащила свой блокнот, чтобы сделать наброски или записи.

На третий день Чаду стало ясно, что некоторые выводы уже сделаны. Как ни странно, он совершенно не беспокоился о себе.

Из чувства врожденной вежливости разговор велся на английском языке.

— Два ребенка случайно встречаются друг друга, — властно заговорил Передвигающийся-короткими-Прыжками. — В результате изменилась жизнь двух цивилизаций. Можно сколько угодно планировать, но действия отдельных личностей ставят нас в глупое положение. — Его уши возмущенно изогнулись под прямым углом.

— Когда тяжелый камень начинает катиться вниз по склону, остановить его с каждой минутой все труднее, — сказал другой ученый. — Камень приобретает инерцию. — Он бросил взгляд на Минди. — Я полагаю, правильным английским словом для обозначения этого процесса будет «лавина».

— Именно с этим мы и столкнулись, — снова поднялся со своего места Передвигающийся-короткими-Прыжками.

Чад восхищался отточенностью их движений, внимательно прислушиваясь к каждому слову.

После короткой паузы, вызванной переводом этих слов для Глав Нор, Передвигающийся-короткими-Прыжками продолжил свою речь:

— Эта лавина слишком велика, чтобы ее можно было остановить. Если мы не справились с этим раньше, то не сможем сделать это и сейчас. — Он на мгновение закрыл

глаза ушами.— Колонию можно найти с помощью приборов, чувствительных к некоторым уровням спектра электромагнитных волн. Мы можем установить электронную защиту, но не можем дать гарантии, что она не будет распознана. В последние годы ширазяне разработали приборы измерения чрезвычайно низких уровней радиации. Случайный человек нас, конечно, не найдет, а вот целенаправленные поиски в конце концов увенчаются успехом. Мы не можем рисковать нашим будущим. Мы считали, что сможем сохранять в тайне от людей наше существование еще по крайней мере лет сто, но теперь это уже невозможно.— Он снова сел на свое место. Наступил момент медитации, в которой Чад и Минди попытались принять активное участие. По ее завершении встал один из самых молодых ученых.

— Решение должно быть принято, откладывая больше нельзя. Мы не можем позволить перехватить инициативу этому человеку, Арло. По этой причине с большой неохотой и грустью мы должны первыми пойти на контакт. У нас мало времени, но мы попытаемся найти оптимальный выход из сложившегося положения.

Его место заняла Испытывающая-слабый-Накал. Чад был слегка удивлен, увидев ее. Он считал, что она просто техник. Возможно, новые обстоятельства изменили ее статус. Она пристально смотрела на него — то ли с любопытством, то ли с укоризной — Чад не мог понять этого. Вначале ему казалось, что она сочувствует ему. Ему никогда не приходило в голову, что он просто может ей нравиться.

— Что ты думаешь по этому поводу, Чад?

— Вы не можете прятаться вечно. Я всегда так считал. Если не Арло, то кто-нибудь другой, кого мы не знаем, может натолкнуться на вас, и тут мы уже ничего не сможем поделаться,— он глубоко вздохнул.— Я всегда считал, что вы обманываете себя, считая, что сможете прятаться еще сотни лет. Конечно, здесь почти нет людей, но девственная природа все больше и больше привлекает туристов. Если бы вы жили под паковым льдом где-нибудь в Гренландии, у вас был бы шанс. Но здесь рано или поздно вы столкнетесь с людьми. Возможно, сюда нагрянет какая-нибудь подпольная геологическая партия. Ведь здесь есть и ко-

балът, и хром и другие ценные металлы. Разговаривающий-на-Бегу говорил мне, что вы и сами ведете разработки. Они также могут найти вас.— Он повернулся к присутствующему на встрече Главе одной из Нор и опустил глаза, как поступил бы на его месте любой Квози. Чад шестым чувством ощутил, что его жест был по достоинству оценен.— Арло попытается расширить контакт. Вы можете опередить его. Но каким образом? Реклама, телевидение, пресса? Представители крупных газет, конечно, не придут, но местные заинтересуются. Как только они опубликуют первые фотографии, мы сможем предпринять что-либо еще.

Испытывающая продолжила:

— Мы будем действовать осторожно. С вами отправятся два Квози. Мы полагаем, что это оптимальный вариант, так как для людей будет слишком большим потрясением узнать, что на их планете живут тысячи Квози. Чем дольше нам удастся скрывать местоположение колонии и расположение Нор, тем лучше. Ведь люди могут очень болезненно отреагировать на наше появление.

— Этого не случится,— вмешался Чад и тут же пожалел о своем порыве.

— Ты можешь это гарантировать?

— Нет.

— Тогда мы должны быть очень осторожны. Мы полагаем, что эта встреча должна произойти в большом городе, подальше от колонии. Это отвлечет внимание от этого района, что только пойдет на пользу. Нам нужно выиграть время. К контакту нужно подготовить и население колонии.

— Давайте отправимся в Лос-Анджелес,— предложил Чад.— Мы хорошо знаем этот город, это один из крупнейших информационных центров. Но как мы туда доберемся, не раскрыв раньше времени секрета?

— Ты водишь машину,— сухо ответил Передвигающийся-короткими-Прыжками.

— Здесь нет машин и нет дорог,— возразил Чад.— Именно поэтому над приходится добираться сюда на гидроплане.

— Мы могли бы отправиться пешком,— предложил

Разговаривающий.— Идти можно по ночам, у Квози нет проблем с темнотой.

Чад видел, что Минди изумлена.

— Нечто вроде этого мы уже обсуждали раньше. Мы можем сказать родителям, что хотим немного попутешествовать. Доберемся до какого-нибудь небольшого городка, вы с Минди останетесь там, а я доберусь куда-нибудь, арендую машину и вернусь за вами. Может быть, мне удастся достать фургон, и вы сможете спрятаться в кузове. Это может сработать. Все будет великолепно!

— Великолепно было бы, если бы у нас было лет сто спокойствия впереди. Судьба заставляет нас заключать скверные сделки,— серьезно заметил Передвигающийся-короткими-Прыжками. Его уши медленно покачивались.— У наших представителей будет миниатюрный, но очень мощный радиопередатчик, так что мы всегда будем в курсе событий. Он будет работать на мало используемой волне, никто ничего не заподозрит. В случае необходимости он подаст сигнал тревоги.

— Вряд ли вам удастся вести интенсивный радиообмен между колонией и Лос-Анджелесом,— предупредила их Минди.

— Каждый из ваших спутников обеспечивает многочисленные подканалы для связи. Многие из них не используются. Мы займем один из них. Передачи будут закодированы, а их скорость значительно выше обычной. Они не привлекут внимания.

— Вы уже решили, кто пойдет? — робко спросил Чад. Впервые заговорил Глава Шестой Норы:

— Вопреки нашему желанию, но под давлением обстоятельств эту задачу мы поручим Разговаривающему-на-Бегу.

Если Разговаривающий и ожидал этой неохотно дарованной ему чести, то он хорошо скрыл свои чувства.

— Его личный опыт общения с людьми нельзя недооценить, хотя он и не слишком удачен. Но мы должны руководствоваться высшими интересами, а не нашими чувствами. Его спутником будет, конечно, самка.

«Естественно»,— подумал Чад. Он хорошо знал Квози и понимал, что любой Квози не выдержит без подружки

и пару недель. Ими, как и людьми, управляли гормоны, но в отличие от людей они научились управлять ситуацией.

Встала молодая самка.

— Это Соединяющая-швы-Металлом,— представила ее Испытывающая-слабый-Накал.— Она не самый опытный член нашей исследовательской группы, но у нее живой ум. Мы считаем, что в данном случае более чем другие качества ценно умение импровизировать. К тому же она хорошо знает ваш язык. Она специализировалась по теме «Общественные отношения». Это как нельзя кстати соответствует случаю.

— Более чем,— прошептала Минди. Она явно не ожидала такого научного подхода к человеческому обществу в колонии.

— Нам нужно время на подготовку,— сказала Соединяющая-швы-Металлом. Ее голос звучал как свирель. Было очевидно, что Разговаривающий более чем доволен выбором спутницы.

— Сборы не займут много времени. Мы сможем сказать родителям, что попутешествуем несколько недель. Они только кивнут в знак согласия. Родители будут рады провести хоть немного времени вдвоем. За столько лет они уже устали от нас,— заметил Чад.

— Ты прав,— согласился Передвигающийся.— Но ты зря использовал множественное число.

— Что? — Чад был в замешательстве.

— У нас нет выбора, мы вынуждены верить вам,— спокойно объяснил ему ученый,— но несмотря на это мы должны подстраховаться.

— Каким образом?

— Самым надежным,— он ухом указал на Минди, которая выглядела очень встревоженной.— Ты можешь идти, предупредить родителей, приготовить запасы для длительного перехода.

— Послушайте, если вам нужен заложник, то я...

— Нет, Чад,— Минди была взволнована, но голос ее был тверд.— Если они хотят, чтобы осталась именно я, то так и будет. Ты предупредишь родителей, а я буду тебя ждать. Это самое малое, что я могу сделать, чтобы искупить свою вину.

— У нее будет время поразмышлять, — ободряюще сказала Испытывающая-слабый-Накал. — Философы считают, что это пойдет ей на пользу.

— Да, братишка, ты иди, — поддержала ее Минди слабой улыбкой, которая тут же исчезла, когда она увидела, как Квози, сидевшие рядом с ней не смогли скрыть своего отвращения и отвернулись. — Я останусь здесь. У меня есть о чем подумать. Придумай что-нибудь правдоподобное для родителей.

— Ну, если ты так решила, — неохотно согласился он.

— Это не я решила. Так хотят Квози. Со мной все будет в порядке. — Она снова улыбнулась, но на этот раз губы ее были сжаты. Она притянула его к себе и поцеловала. — Только смотри, чтобы тебя не отвлекла какая-нибудь книга, или что-нибудь еще. Не забудь вернуться, да? Я знаю, насколько вежливы и обходительны Квози, но не забывай о...

— Я понял. Я видел их произведения искусства.

XVIII

Чад проделал свой путь до дома и обратно за рекордно короткое время.

Минди не скрывала своего облегчения при виде брата.

Четверо путешественников тут же отправились в путь. Некоторое время их сопровождали члены одной из исследовательских групп. При прощании они обменялись ритуальными приветствиями с Разговаривающим и Соединяющей. В них было так мало видимых эмоций, что трудно было поверить в то, что они веряли судьбу всей колонии в руки этих двух Квози.

От места расставания до ближайшего небольшого горного селения, называемого Бонанза, было еще пять дней пути. Там Чад и Минди немного поспорили из-за того, кому из них оставаться с Квози, а кому идти в город. Нужно было добраться до Буз, чтобы арендовать машину. Чад настаивал на том, что это должен быть он, так как он более вынослив, но Минди утверждала, что молодой одинокой

привлекательной девушке будет легче поймать попутную машину, нежели неопратно одетому молодому человеку без багажа. Под давлением свойственного ей здравого смысла Чад был вынужден отступить.

Последующие дни были для него нелегкими. Он постоянно спрашивал себя, а что если его сестра решит все бросить и отправится самолетом в Буз к своему жениху? В этом случае он ничего не сможет поделать.

Несколько раз им приходилось прятаться от людей. Наконец, в один прекрасный день тревога оказалась ложной, так как они попытались укрыться от Минди. Ее отсутствие оказалось недолгим. Чаду было неловко за свои недавние мысли.

— Машина на северной окраине города.

— Но фургон бы мог и сюда проехать.

— Фургон бы мог, но я взяла в аренду трейлер,— видя его удивление, она добавила.— Почему бы и нет? Мы сможем передвигаться так же быстро, как в фургоне, в то же время там достаточно места для всех нас, и никто нас не увидит.

Разговаривающий-на-Бегу и Соединяющая-швы-Металлом согласились с ее доводами. Трейлер оказался совершенно новым, 24 фута в длину, и хорошо оборудован внутри. Хотя Разговаривающий и Соединяющая видели фотографии таких машин, им было чрезвычайно интересно нажать на каждую кнопку, а ванная комната вызвала целый шквал одобряющих жестов ушами. Их интерес несколько ослаб к концу второго дня. Разговаривающий-на-Бегу занимался сборкой микроволновой печи, которую он разобрал накануне вечером. Чад наблюдал, как он, словно ювелир, составляющий мозаику из бриллиантов, ловко манипулировал крошечными электронными компонентами. Соединяющая-швы-Металлом пристроилась у маленького бокового окна и часами рассматривала постоянно меняющийся пейзаж.

Минди успела сделать кое-какие покупки. Часть трейлера была завалена одеждой, торопливо подобранной в подростковых отделах некоторых магазинов. Примерка этих костюмов доставила немало веселья и Квози и людям. Впрочем случайного наблюдателя их вид вполне мог бы

обмануть, если только Квози не выйдут из бастая. Уши вполне можно спрятать под шапочкой, но ступни их ног можно замаскировать только во время лыжного сезона.

Соединяющая выбрала легкий плащ с капюшоном, который вполне скрывал ее. Таким образом, она могла практически все время проводить у окна, наблюдая за убегающим со скоростью 60 миль в час ландшафтом.

Они двигались по одному из самых оживленных шоссе в Америке. Сотни миль были пройдены без каких-либо неприятностей. На Квози произвели сильное впечатление серые бастионы восточной Сьерры-Невады. Как объяснил Разговаривающий, Квозиния была очень древней планетой с разрушенными горами и засыпанными каньонами. Со всем другое дело Шираз.

— Возможно, когда-нибудь я смогу увидеть Квозинию,— сказал Чад.

— Нет, ты ведь знаешь, что ваши корабли не могут летать со скоростью, достаточной, чтобы этот перелет стал возможным. Для самого небольшого перелета необходимы жизни нескольких поколений,— ответил ему Разговаривающий, лежа на своей кровати в задней части бастая.

Одетая в плащ и шапочку Соединяющая-швы-Металлом по-прежнему сидела у окна.

— Сейчас нашим миром является Шираз.

Чад приподнялся, чтобы выглянуть наружу через заднее окошечко:

— Ты никогда не рассказывал мне, почему ты сделал это, Разговаривающий. Почему ты нарушил все законы и вышел на поверхность планеты?

Я хотел видеть свой мир,— просто ответил он.— Норы удобны, но это шаг назад к древней истории Квози. Я хотел почувствовать почву под ногами, полной грудью вдохнуть свежий воздух, услышать пение птиц. Больше всего я хотел прикоснуться к деревьям, почувствовать своей рукой их кору, прикоснуться к жизни леса.

Чад кивнул головой:

— Я помню, как однажды ты целый день проговорил о лесе.

— В деревьях заключена высшая истина,— твердо от-

ветил Разговаривающий-на-Бегу.— Все чудеса природы существуют в лесу. Изучать лес — это означает изучать вселенную. Более широкий контакт с людьми прежде всего даст нам свободный доступ к лесу. Ты ведь знаешь о законе, который разрешает исследовательским группам приносить в колонию только кору и древесину мертвых деревьев.

— Помню, я ведь сам приносил тебе не только местные ель и сосну, но и кизил, каштан и красное дерево. Я их доставал в Лос-Анджелесе.

— Если мир стал домом для деревьев, то он сможет принять и вас.

Чад вспомнил те кольца, которые много лет назад Разговаривающий чуть было не подарил ему. Для Квози лес был не просто лесом. Не упустил ли он здесь что-то важное? Может быть, деревья Квозинии были более высоко развитыми, чем деревья на Земле, или просто другими? Квози совершали межзвездные путешествия. А на что были способны деревья Квозинии?

На одной из заправочных станций чуть было не произошел первый контакт с людьми, но вовсе не такой, к которому стремился Разговаривающий. Минди вышла в туалетную комнату, а Чад в это время следил за тем, как заправлялись баки. Вдруг он заметил маленькую девочку, которая задрав голову, пристально рассматривала их трейлер. Он попытался проследить за ее взглядом. Но тут она развернулась и бросилась бежать к стоящему рядом микрофургону.

— Мапочка, мапочка, посмотри, какой большой кролик!

Чада бросило в жар. Он бросился платить, не обращая внимания на недоумение служащего. Ему казалось, что в виде бастая не было ничего необычного, но сомнения в том, что девочка умудрилась что-то заметить не было. К счастью, ее уставшую мать трудно чем-то заинтересовать. Прежде, чем ей удалось это сделать, путешественники покинули заправочную станцию и направились к шоссе.

Соединяющая виновато подтвердила:

— Малышка заметила меня. Я увлеклась и потеряла осторожность.

— Разве целью нашего путешествия не является контакт? — пожал плечами Разговаривающий.

— Да, но не таким образом.

Квози принялись спорить. Чад и Минди хорошо понимали их. Как и все споры Квози, этот был бесконечным: сам предмет спора скоро был совершенно забыт, поскольку каждый из спорящих стремился превзойти другого в изысканности извинений. Они старались избегать даже видимости борьбы. Чад спрашивал себя, смогут ли они справиться с возможными враждебными вопросами людей. Разговаривающий-на-Бегу поставил точку в споре. Каким образом они собираются объявить о себе всему миру? Обратиться к местным радиостанциям? «Здравствуйте, меня зовут Чад Коллинз. У нас с сестрой есть пара пришельцев с другой планеты, которые хотят дать интервью. Вы пришлете кого-нибудь к нам?» — Конечно, так они и сделают. Журналисты в белых халатах и с угрюмыми лицами.

Все дело было в том, что ни Квози, ни люди не продумали этот механизм. Теперь, по мере приближения к Лос-Анджелесу они все отчетливее понимали, что пора этим заняться.

Чад понимал, что ему придется переложить большую часть этой работы на Минди. Работая на телевидении с такой популярной программой, ей, наверняка, часто приходилось давать интервью. Уж она то знает, что делать и всегда сможет дать совет Разговаривающему-на-Бегу и Соединяющей-швы-Металлом.

Квози очень разволновались, когда они свернули на 405 шоссе, связывающее соседние штаты и залитое морем огней. Ведь это шоссе отмечало внешние границы долины Сан-Фернандо. Было уже далеко за полночь, и все автомобили двигались с включенными фарами. Их трейлер не привлек к себе любопытных глаз.

— Есть ли такие большие города в Квозинии? — поинтересовалась Минди.

— О, да! — ответил Разговаривающий-на-Бегу. — По крайней мере, так гласят наши книги. Сам я их никогда не видел.

«По крайней мере, у Минди есть дом, — размышлял

Чад.— Им не придется прятать Квози в его квартирке».

Это был просторный, крытый черепицей двухэтажный дом. Он был гораздо больше, чем требовалось сестре, но с ее положением и доходом, она могла его содержать. Живописный сад окружал дом с трех сторон. Здесь можно было найти уединение. Впрочем, дом не пустовал.

— Привет, любимая! — встретило их в холле нахальное приветствие.— Где ты была? Я ожидал, что ты вернешься еще несколько недель назад.

Минди решительно прошла в свой кабинет.

— Как ты сюла вошел?

Арло сидел на кушетке:

— У меня есть ключ. Мы ведь помолвлены, не забыла?

— Стараюсь не вспоминать,— холодно ответила она.

— Ну же, моя радость,— его слова ничуть не успокаивали, а скорее наоборот.— Не паникуй. Я знаю, что делаю. Все к лучшему, поверь.

— Ты солгал. Ты обещал, что будешь хранить секрет. Ты обещал, Арло.

Он не смотрел на нее:

— Если вы собираетесь возить их по всей стране, то вряд ли вы его долго сохраните. Того, что слева, я знаю. А вот самку вижу в первый раз.

Чад торопливо закрыл дверь. Арло подошел к Соединяющей-швы-Металлом и дотронулся до ее лица правой рукой. При всей нелепости ситуации эта попытка изобразить традиционное приветствие Квози вызывала уважение. Однако Чад не был склонен доверять этому жесту, это было всего лишь имитацией чувствительности.

Соединяющая-швы-Металлом хотела было ответить ему тем же, но спохватилась.

— Кто этот человек?

Чад, иронически усмехаясь, представил его:

— Это друг моей сестры, тот самый, что спровоцировал это путешествие и вызвал все беспокойство. Арло, познакомься. Это — Соединяющая-швы-Металлом.

— Очарован, восхищен, рад,— произнес Арло слова приветствия. «Здесь какая-то ловушка»,— думал Чад, взглядом обыскивая комнату.

— Где репортеры? Где камеры?

— Их пока нет. Все это нужно делать по-другому. Еще не время. Я не хочу действовать в одиночку. Мы могли бы сотрудничать.

— Как бы не так,— отпарировал Чад.

— Эй, не горячись, парень,— Арло повернулся к Разговаривающему: — Я знаю, ты понимаешь, о чем я говорю. Вы не можете все время скрываться. Рано или поздно вы столкнетесь с людьми.

Чад подумал, что этот довод он слышал уже сотни раз, да и сам не один раз использовал его в разговорах с Квози.

— Для вас было бы лучше самим раскрыть секрет и сделать это так, как вы сочтете нужным. Сами. Поверьте, я принимаю близко к сердцу все ваши тревоги и волнения.

— У тебя есть сердце? — поинтересовалась Минди.

Арло обиделся:

— Дорогая, давай не будем забывать, что ты уже нажила неплохой капиталец за счет наших друзей, не так ли? Все, что я хочу,— так это небольшая доля. Мне нравятся эти существа, так что я лучше подойду, чем падкие на сенсации репортеры. Мысль о том, чтобы прятаться еще 200 лет под землей, просто идиотская. Я не собирался ничего предпринимать немедленно. Я хотел сначала обговорить все с вами, да и с Квози тоже.

— Ты думаешь, в это кто-нибудь поверит?

Арло пожал плечами:

— Поверить в это трудно, но это так. Чего я не ожидал, так это того, что вы приедете не одни.

— Я думаю, Арло прав.— Все повернулись к Разговаривающему.

Арло просиял:

— Ну вот, видишь. Ты понимаешь?

— Разговаривающий-на-Бегу, я не по... — начал было Чад.

— Друг мой,— серьезно сказал Квози,— всю свою жизнь я верил, что более широкие контакты с людьми жизненно необходимы для поддержания нормальной жизнедеятельности колонии. Мои контакты с тобой и твоей сестрой только укрепили меня в этой мысли. Чем больше мы будем прятаться и бояться контакта, тем сложнее он

будет. Теперь наши намерения тверды. Если мы хотим стать полноправными жителями этого мира, то мы должны пойти на контакт. Я знаю, меня считают сбившимся с истинного пути. Совет, конечно, не согласен с моей точкой зрения, но есть Квози, согласные со мной. Просто они не осмеливаются высказать это вслух. Это позволить себе могу только я. Теперь когда мы здесь, и у нас есть полномочия для установления контакта, я считаю, что мы сможем сделать наше представление намного эффективнее. Я не вижу причин, по которым мы должны изменить наши планы.

Соединяющая-швы-Металлом свирепо взглянула на него:

— Совет считал, что нас предали. Если бы они знали, что это не так, они наверняка бы изменили свои инструкции.

— Но они ничего не знают.

— Мы свяжемся с ними и спросим, что делать.

— Великий Смотрящий-на-Карты был моим родственником. Разведчики должны проявлять инициативу. Мы не будем использовать передатчик.— Его уши резко качнулись.— Я вынул кое-какие детали, так что он не будет работать.

— Предатель.

— Я так не считаю. Я убежден, будущее покажет, что я прав.

— У меня нет вопросов,— Арло расплылся в улыбке.— Я предлагаю свою помощь.

— Помощь? — Минди с сомнением взглянула на него.— Чем ты можешь помочь?

— Это работа агента — помогать своим клиентам.

— Клиентам! — Чад не смог удержаться.— К чему ты, черт возьми, клонишь, называя себя...

— Каждый, кто хочет, воспользоваться средствами массовой информации для презентации, просто нуждается в агенте. Квози станут самой большой сенсацией тысячелетия.

— Ты мне нравишься,— Разговаривающий-на-Бегу пожал руку Арло.— Я думаю, твои друзья недооценивают тебя. Я верю, что ты можешь помочь нам.

— Подождите, подождите! — события развивались слишком быстро для Чада.

— В чем дело, Чад? — Арло обвиняюще уставился на него. — Хочешь сохранить Квози только для себя?

— Это нелепо. Я хочу лишь того, что наилучшим образом отвечает их интересам, и...

— Я знаю, что больше всего отвечает нашим интересам.

Все повернулись к Соединяющей. В левой руке она сжимала маленькую прямоугольную коробочку.

— Это очень мощное устройство, — спокойно сказала она.

По спине Чада ручейком заструился пот.

— Оно может превратить в пепел камень. Здесь не останется ничего, напоминающего о нашем присутствии.

— Пожалуйста, еще одну минуту, — умоляюще проговорила Минди, отступая назад.

Соединяющая-швы-Металлом была невозмутимой:

— Это самое лучшее решение. О нашем присутствии на Ширазе знают только три человека. Все они в этой комнате. — Она спокойно посмотрела на Разговаривающего. — Я получила инструкции ликвидировать вас, если это потребуется.

Разговаривающий-на-Бегу казался совершенно неудивленным:

— Ты убьешь пять разумных существ, включая себя. Ни один Квози не может сделать этого.

— Нормальный Квози нет. Я — совсем другое дело. Как ты думаешь, почему в спутницы тебе была выбрана я? Я — являюсь отклонением от нормы, я не похожа на вас. Я могу это сделать. У меня нет желания умирать, но у меня нет выбора. — Она повернулась к Чаду и Минди. — Я очень сожалею, но это необходимо.

«Настоящий Квози, — подумал Чад. — Вежлива до последней секунды».

— Ваше уничтожение поблизости от колонии могло бы повлечь неприятности, поиски. Здесь же не будет никакой шумихи, никакой угрозы колонии.

— Как ты можешь это знать? — попыталась блефовать Минди.

— Мы смодулировали ход рассуждений и действий людей в подобной ситуации.

Разговаривающий-на-Бегу не поддался панике. Чад восхищался его самообладанием.

— Если ты действительно не похожа на других Квози, как ты говоришь, то ты должна быть больше похожа на меня, чем на наших ископаемых из Совета Старейшин. Следовательно, ты должна понять, что путь, который я предлагаю, является оптимальным для будущего Квози Ширази.

— Я знаю, что я должна выполнить полученные инструкции при первом удобном случае.

Ее палец нажал на кнопку. Минди пронзительно вскрикнула. Арло бросился на кушетку. Чад закрыл глаза, сожалея, что ему ничего больше не остается.

Прошла секунда, другая. Он открыл глаза. Минди замолчала. Арло выглянул из-за кушетки. Соединяющая-швы-Металлом растерянно рассматривала свое устройство. Разговаривающий-на-Бегу подошел к ней и взял его из ее ослабевших пальцев. Она не сопротивлялась.

— Не понимаю, почему оно не работало.

— Оно не работало, потому что я давно нашел его и понял, что это такое,— объяснил Разговаривающий.— Я обезвредил его — убрал кое-какие детали, так же как в передатчике. Ты, что думала, я целыми днями разбираю кухонное электрооборудование?

Прижав руку ко лбу, Минди тяжело опустилась на стул. Арло попытался что-то сказать, но не смог.

Соединяющая-швы-Металлом снова была спокойна и вежлива:

— Деструктор всегда был со мной, значит, ты прикасался ко мне, когда я спала. Без моего согласия.

— Здесь нет ничего невозможного для такого существа как я.— Разговаривающий насмешливо пошевелил ушами — жест несдержанный для Квози.— Те, кто снабдил тебя этим устройством, вероятно, забыли что я когда-то занимался ремонтом сложной электронной техники.— Он положил теперь уже безопасное взрывное устройство на край стола.— Это было несложно для меня.

Она шагнула к нему:

— Где недостающие компоненты?

Чад затаил дыхание, ожидая увидеть, как Квози совершает насилие над своим собратом.

Уши Разговаривающего по-прежнему насмешливо покачивались:

— На дне реки, за сотни миль отсюда. Их никто никогда не найдет. А если это и случится, то нашедший их не догадается о их предназначении.

— Ну что же, я вынуждена смириться с реальностью.— Она повернулась к Арло, который, наконец-то, поднялся с кушетки, и сказала как ни в чем не бывало:

— Если ты можешь помочь нам в реализации нашего проекта, мы будем тебе чрезвычайно признательны.

— погоди, погоди! — на лице Минди было написано недоверие.— Ты ведь только что пыталась убить нас!

— Да, и я сожалею, что у меня ничего не вышло. Возможно я бы смогла убить одного или двух из вас до того, как вы сумели бы обезвредить меня, но это было бы бесполезно. Кто-то бы остался. Следовательно, я обязана не думать об этом и должна позаботиться о будущем.— Она снова повернулась к Разговаривающему.— Ты добился своего. Я очень об этом сожалею. Теперь скажи, чем я могу помочь?

— Я не знаю,— он посмотрел на Арло.— Что предложит нам наш друг?

Друг? Чад сел на стул и попытался успокоиться. Между тем Разговаривающий-на-Бегу и Соединяющая-швы-Металлом, которая только что пыталась убить их, начали обсуждать варианты.

Минди присоединилась к брату:

— Посмотри на нее,— Минди указала на Соединяющую-швы-Металлом.— Как она может?

— Квози считают, что нельзя тратить время на невозможное. Если они смиряются с неизбежным, то делают это открыто. Нам больше не нужно опасаться ее.

Быстро приходя в себя от потрясения, Арло присоединился к обсуждению:

— Вас беспокоит то, как вас примут люди, не так ли?

— Да. Конечно, телепрограмма создала атмосферу доброжелательности по отношению к Квози, но мы не увере-

ны, что этого будет достаточно для преодоления врожденного чувства недоверия людей к существам, отличным от них.

— Правильно. Но я думаю, что мы на правильном пути, говоря о презентации. Полагаю, что будет лучше, если мы все организуем в неформальной обстановке.

— Не знаю, как это вам удастся неофициально объявить о появлении на Земле инопланетян,— саркастически заметил Чад, но никто не обратил на его слова никакого внимания.

— Нам нужно пока держаться подальше от властей, насколько это возможно,— продолжил Арло.— Вам нужно появиться перед рядовыми американцами. Я бы смог незаметно провести вас в Белый Дом, но нам это ни к чему.

— Это не товар, который нужно продать,— напомнил ему Чад.

— Черта с два, Чад. Не много же ты знаешь о реальном мире. Все является предметом купли и продажи. Мыло, кукурузные хлопья, философия, радиальные шины, религия, курс валют. И это мой бизнес.— Он хотел было похлопать Квози по плечу, но вовремя опомнился.— Вам ни к чему садиться за стол переговоров со скучными соглашениями и предложениями вечного мира и сотрудничества. Вы продаете себя. Шоу Минди уже подготовило для нас аудиторию. Вы обходите правительство,— как бы набирая скорость, продолжал Арло,— и обращаетесь прямо к простым людям. Мы так быстро создадим вам славу, что эти ксенофобы и пальцем тронуть вас не посмеют.

— Ты так же глуп, как и Разговаривающий-на-Бегу,— выпалил Чад.

— Глуп? — с ухмылкой ответил ему Арло.— Я занимаюсь глупым бизнесом, Чад. Нужно быть глупым, чтобы работать в нем. Но ты не можешь оспаривать одну вещь: я знаю людей. Я знаю, на какие кнопки нажать и за какие веревочки дернуть. Мультипликационные пришельцы или настоящие — публике все равно, если правильно преподнести товар. Вы хотите осуществить успешный контакт,— сказал он, обращаясь к двум Квози,— значит вы не подходите для «Ньюсвик». Вам нужно появиться в «Стар энд зе Инквайера». Вы устраиваете подходящее шоу, и поверьте,

скоро политики будут умолять вас о чести появиться на публике рядом с вами.

— Возможно, что это самое важное событие в истории человечества,— проворчал Чад,— а вы превращаете его в пошлое шоу.

— Конечно. Теперь ты знаешь, Чад, как заводить друзей и вступать в контакт. То, что воспринимается как обыденное, не воспринимается как угроза. Возьми религию. Чем большее количество людей обращается к ней, тем слабее она становится. Мы хотим, чтобы публика относилась к Квози как к чему-то обыденному, как к обычному развлечению.— Он многозначительно взглянул на Разговаривающего и Соединяющую.— Вы все еще не уверены в этом? Хорошо, я докажу вам.

Чад почувствовал, что теряет контроль над ситуацией. Он потратил годы на встречи и разговоры с Разговаривающим, затем появилась Минди, а теперь все переходит в руки этого малознакомого, легкого на обещания и крайне ограниченного человека. Все это происходило на его глазах. Разговаривающий-на-Бегу и Соединяющая-швы-Металлом все внимательнее прислушивались к словам Арло. И уже ничего нельзя было поделать. Впрочем, это уже не имело значения. Сейчас было важно понять прав ли этот человек. Арло продолжал говорить:

— Вам, конечно, нужно будет зарегистрироваться.

— Зарегистрироваться? — Уши Разговаривающего недоуменно качнулись.

— Не беспокойся, я проработаю все детали. Нам понадобятся юристы, бухгалтеры, управляющий, чтобы заниматься доходами колонии. А он будет приличный и не только от презентации.— Он взглянул на Минди, но она была настолько поражена, что не могла возражать.— Мой гонорар не будет слишком большим. Действительно. Принимая во внимание перспективы, Разговаривающий, тебе необходим хороший агент, которому ты сможешь доверять, потому что если ты потерпишь неудачу, то и он тоже.

Квози оглянулся на своего старого друга:

— Он говорит правду?

Чад хотел солгать и этим уничтожить Арло. Но вместо этого он сказал:

— Если он сможет заработать на этом деньги, то сделает все, чтобы помочь вам. Это правда.— Он посмотрел на человека, который был всего лишь на несколько лет старше его, которого он ненавидел и на которого, видимо, им придется положиться.— Как ты собираешься доказать им, что все это сработает? Ты только что сказал, что докажешь это.

Арло доверительно произнес:

— Мы возьмем их с собой и представим людям, которые раньше никогда их не видели.

Минди с сомнением посмотрела на него:

— Вот так?

— Именно так.

— Если тебе повезет, ты отделаешься только нарушением общественного порядка, а не развяжешь войну.

— Ничего подобного не случится, дорогая. Есть одно место, куда мы можем пойти все вместе. Там их присутствие не вызовет никакого волнения. Там они смогут поговорить с людьми настолько свободно, насколько им захочется.

Чад пристально посмотрел на него:

— Ты не просто глуп. Ты невменяемый.

— Такого места нет,— категорически высказалась Минди.

— Нет, дорогая, есть. Место, где столько необычного, что даже Квози не будут слишком бросаться в глаза. Это — Диснейлэнд!

XIX

Минди и Чад в изумлении уставились друг на друга. Арло, наслаждаясь произведенным эффектом, пояснил озадаченным Квози:

— Это парк, специальный парк. Люди там одеты в костюмы различных персонажей телевизионных шоу. Понимаете? Вас уже знают, как героев мультфильма «Время Квози». Посетители как раз и ожидают увидеть там что-либо подобное. Все решат, что вы — люди, переодетые

в специальные костюмы. Ничего другого им в голову не придет. Вы сможете задавать любые вопросы, делать все, что захотите, и никто даже не заподозрит, что вы инопланетяне. Самая большая проблема будет заключаться в том, что все дети захотят с вами сфотографироваться.

— Мы не инопланетяне,— вежливо, но твердо поправил его Разговаривающий.— Я здесь родился. Шираз и мой мир тоже.

— Шираз — это хорошо. В этом что-то есть. Ну, что скажете? Поедете? — в заключение добавил: — Я могу достать билеты со скидкой.

Разговаривающий несколько минут обдумывал это предложение, а затем обратился к Чаду:

— Что скажешь? Нам нужно ехать?

— Я думаю, что это самая большая глупость, которую я когда-либо слышал.— Он глубоко вздохнул.— Но я думаю, что это может сработать.

Арло выглядел победителем:

— Если и есть на планете место, где Квози могут спокойно разгуливать, так это Диснейлэнд. Проблема в том, что вы слишком хорошо говорите по-английски.

— Это так,— сказала Минди. «Это сумасшествие, настоящее сумасшествие»,— думала она.— Вы должны говорить так,— и она заговорила писклявым детским голоском.

Соединяющая-швы-Металлом внимательно выслушала ее:

— Я изучала передачи со всех концов вашей страны, но не узнаю этого говора.

— Это нечеловеческий акцент. Так разговаривают Квози в моем шоу.

— Это звучит нелепо,— сказала Соединяющая с чувством собственного достоинства,— слишком громко и пронзительно. Любой Квози сочтет такую речь унижительной и невежливой.

— Но ведь вы будете разговаривать не с Квози. Вы будете говорить с детьми, а они привыкли к такой речи. Это поможет сохранить инкогнито.

Лицо Соединяющей дрогнуло. Она сосредоточилась и произнесла совершенно ребяческим голоском:

- Ты это имела в виду?

— Замечательно! — воскликнула Минди. — Даже лучше, чем у профессиональных актеров, озвучивающих передачу.

— А что? — Голос Чада был очень сух. — Может им удастся получить работу в твоей передаче? Они очень хорошие имитаторы.

— Я тоже могу так говорить, — сказал Разговаривающий и тут же это продемонстрировал. — Скажи, это похоже на речь Квози?

Минди была в замешательстве:

— Оставим это. Впрочем, кажется, это я сама начала.

— Я поведу машину, — Арло направился в гараж. — В моей машине тонированные стекла. — Он улыбнулся Квози. — Вы можете сесть на заднее сидение, вас никто не увидит. А как только мы туда доберемся, это уже не будет иметь никакого значения.

День был будним, и огромная стоянка машин была более чем на половину свободна. Минди и Чад вышли из машины, переполняемые дурными предчувствиями, а Арло был в хорошем настроении. Разговаривающий и Соединяющая следовали за ними.

Когда они выходили из машины, мимо них проезжал автомобиль, подыскивающий удобное место для стоянки. Из него высунулись дети и стали пальцами показывать на «Кадиллак» и его пассажиров. Женщина в машине улыбнулась и помахала им рукой.

— Вот видите, — восхищенно сказал Арло, — вас принимают за мультипликационных героев, и никому в голову не приходит, что вы — настоящие инопланетяне. Так будет и дальше.

У них были специальные гостевые билеты, которые позволяли им войти без очереди. Один охранник неуверенно взглянул на них, но Арло прошептал ему что-то на ухо, и тот позволил им пройти. Чад спиной чувствовал его взгляд.

Соединяющая-швы-Металлом и Разговаривающий-на-Бегу слегка расслабились. Парк был очарователен, но еще более очаровательными были его посетители. Впервые в жизни они были окружены людьми и хотели впитать

в себя все сразу: краски и звуки, формы и размеры, движения и реакции. Несмотря на предупреждения Чада Соединяющая в конце концов не выдержала, достала крошечную телекамеру и начала запись. Его тревога оказалась напрасной. Никто не обращал на нее никакого внимания, только пара любителей-фотографов бросили пару любопытствующих взглядов, так как видеокамера больше напоминала хрустальную пепельницу.

— В вашей культуре все подавляется,— высказал свое мнение Разговаривающий.— И только в играх есть место реальной сублимации. Но игры не подходят для Квози, так как включают в себя физический контакт. И все равно, этого недостаточно для ваших психологических потребностей, так как помогают только тем, кто принимает в них непосредственное участие. Вам нужно прислушаться к нашим философам, Чад. Они могут помочь вам.

— Отличная идея! — Арло разглядывал толпу, наслаждаясь успехом своего предприятия.— Мы устроим вашим философам специальное шоу в лучшее время. Филу Донахью придется потесниться.

— Не торопись,— Чад не разделял энтузиазма Арло.— Сначала должен состояться официальный контакт, а потом уже более широкие публичные выступления.

— Опять ты за свое, Чад. Что ты знаешь о массовой культуре?

— Только то, что я читал в газетах и видел по телевизору.

— Так я и думал.

К середине дня даже Чад расслабился и начал получать удовольствие от прогулки. Время от времени Соединяющая выбирала более или менее уединенный уголок, остальные заслоняли ее собой, и она передавала Совету подробности их пребывания в парке. Эпизод с испорченным деструктором уже был обсужден и ушел в прошлое. Возможно, кто-то в Совете и сожалел о ее неудаче, но это уже было позади. Квози продолжали движение вперед.

Чаду казалось, что ее передатчик слишком мал, для того, чтобы связаться со спутником, находящимся на орбите Земли. Но Разговаривающий объяснил ему, что здесь использована технология задеирования любой находя-

щейся поблизости отражающей поверхности для усиления сигнала. Лучше всего — металл, но подойдут и стекло и, пластик.

Как и предсказывал Арло, дети восторженно встречали своих любимых героев. Они толпились вокруг Квози, засыпали их вопросами и старались прикоснуться к их мягкому меху, постоянно просили разрешения сфотографироваться с ними. Родители благодарно улыбались и восхищались качеством костюмов Квози.

— И не жарко тебе в этом? — спросили Разговаривающего.

— В чем? — Разговаривающий испуганно посмотрел на Чада в надежде на его помощь.

— В этом костюме? — дотошный краснолицый посетитель из штата Айова пытался обнаружить на спине Разговаривающего-на-Бегу молнии и крепления.

— Он привык, — поспешно ответил Чад. — Он из жарких краев.

— А, понятно, надеюсь, ему неплохо платят. Выглядит не слишком удобным — слишком плотно подогнан.

— Это так, — согласился Разговаривающий.

Через некоторое время они остановились отдохнуть под деревьями центрального сквера. Рядом с ними плыла разноцветная толпа. Соединяющая-швы-Металлом убрала камеру.

— Похоже, мы действительно им нравимся.

— Конечно, нравитесь. — Минди держала Арло за руку. — Большинство этих детей уже несколько лет смотрит мою программу. Они знают, что Квози милые, сообразительные существа и они всегда готовы прийти на помощь.

— И глупые тоже, — не смог удержаться Чад.

Его сестра неодобрительно посмотрела на него:

— Вовсе нет. Это детская программа, поэтому Квози изображаются в ней такими, чтобы детям было все понятно.

Некоторое беспокойство доставил им мужчина средних лет, в течение долгого времени пристально рассматривающий Квози. Когда его жене, наконец, удалось увести детей от них, он задержался. Чад подошел к нему.

— Интересно?

— Что? — Мужчина искоса посмотрел на него и кивнул в сторону Квози. — Вы видели эти костюмы?

— Квози? Да, я даже знаю этих актеров.

— Вот как? В таком случае передайте им, что это самые лучшие костюмы, которые я когда-либо видел. Я гример и говорю как профессионал. Я наблюдал за ними, когда они разговаривали, и должен сказать, никогда не видел такой искусно выполненной маски, даже у Рика Бейкера. Потрясающе!

— Неплохая работа, не так ли? — Чад перешел на шепот. — Только никому пока не рассказывайте. Мы испытываем кое-что новенькое, хотим посмотреть, как отреагируют дети.

— Я просто потрясен. — Он неохотно обернулся на зов жены и стал догонять свою семью, все еще оглядываясь через плечо. К огромному облегчению Чада больше они не встретились.

Как выяснилось позже, опасаться было нужно не людей, хорошо разбирающихся в гриме, а кое-кого другого. Они столкнулись с этим человеком в павильоне приключений. На нем был безукоризненно выглаженный костюм в стиле сафари, его сопровождал человек в неуместно выглядывшем здесь строгом костюме и галстук. Они подошли к друзьям, спокойно рассматривающим безделушки в одной из многочисленных витрин.

— Извините, вы все вместе?

Минди с тревогой взглянула на человека в деловом костюме:

— Да, мы вместе, — она нахмурилась. — Кто вы такой? — Тут она обратила внимание на человека в костюме сафари, спиной оттеснившего толпу от прилавка.

— Служба безопасности, — голос мужчины был любезен. — Мы были бы признательны вам, если бы вы прошли с нами.

Чад в панику оглянулся, но бежать было некуда. Да и не было смысла. Их схватят через несколько минут. Разговаривающий-на-Бегу и Соединяющая-швы-Металлом могли с легкостью убежать от любого человека, но вряд ли будет лучше, если они потеряются в незнакомом городе. Чад не мог понять, в чем же их ошибка.

— Извините, мы что, нарушили какое-то предписание? — выступил Арло. — Насколько я понимаю, мы не совершили ничего противозаконного. Мы, как и все остальные, любим парк.

— Не совсем так. — Человек из службы безопасности указал на Квози. — Эти двое, насколько я понимаю, Квози, не так ли?

К чести Арло, он не колеблясь ответил:

— Да, конечно. Многие любят одеваться в маскарадные костюмы. Что в этом плохого?

Передача «Время Квози», — мужчина был так серьезен, что можно было подумать, что он предъявляет ордер на арест по подозрению в убийстве, — не связана с компанией «Дисней» и не производится ею. Квози не являются героями наших мультфильмов, следовательно, их не должно быть в парке.

— Господи, — Арло стукнул себя по лбу, — как же я об этом не подумал? — Он повернулся к Минди. — И ты тоже забыла! — Она стояла онемевшая, не в состоянии произнести и слова.

— Мы будем признательны вам, если вы пойдете с нами. Не стоит привлекать внимания других посетителей парка.

— О, нам так жаль, — быстро заговорил Арло, но Чад видел, что справиться с этим инцидентом будет не так легко и быстро, как им бы хотелось. — Мы не подумали, что может кого-то задеть, правда. Почему бы вам просто не отпустить нас?

— Боюсь, это не совсем так просто. Мы наблюдали за вами некоторое время и видели, как вы раздавали автографы и фотографировались с детьми. Нам необходимо выяснить с какими целями вы приехали в парк: с коммерческими или, действительно, просто отдохнуть и развлечься? Вы рекламируете продукцию другой компании на территории нашего парка.

— Ничего подобного, — в отчаянии сказал Арло. — Мы здесь только потому, что...

Его прервал высокий и писклявый голос:

— Мы не давали никаких автографов, — настаивал Разговаривающий-на-Бегу.

Человек из службы безопасности недоуменно посмотрел на него:

— Очень хорошо, но вы не можете находиться на территории парка в этих костюмах.

— Мы вовсе ничего не рекламируем,— вступила в разговор Минди.

— Разве?

Человек в костюме сафари указал на Соединяющуюшвы-Металлом.— А как вы это называете?

— Квози,— ответила Соединяющая, пытаясь помочь, но не зная, что делать.

— Замечательно,— он повернулся к Арло.— Я вынужден повторить свое приглашение.

Арло не нашел, что ответить. Вперед выступил Чад:

— Хорошо, мы пойдем с вами. Я уверен, что мы разберемся за несколько минут.

Агент службы улыбнулся:

— Конечно, разберемся.

Их проводили в отдаленную комнату, затем они спустились в подземный переход. Шум веселой толпы сменился бормотанием рабочих и тихим жужжанием электрических тележек, перевозящих и людей из одного конца парка в другой. Разговаривающий прошептал Чаду:

— Очень мило. Пустовато, но в остальном не слишком-то отличается от наших Нор.

— Как ты думаешь, что будет? — спросила Минди у брата.

— Почему ты у меня спрашиваешь? Я не знаю. Возможно, они только зададут несколько вопросов и потребуют, чтобы они не использовали парк в интересах другой компании.— Арло и Чад старательно изображали раскаяние, в то время как Минди успокаивала Квози. После этой лекции их провели в другой кабинет. Там для соблюдения всех формальностей им стали задавать вопросы, после чего пообещали отпустить.

У Чада появилась надежда, что они смогут выбраться отсюда. С именами и адресами не возникло проблем — Минди на ходу придумала анкетные данные для Разговаривающего и Соединяющей. Все это было старательно занесено в компьютер.

— Ну, вот и все,— женщина ободряюще улыбнулась. Чад и Арло выдавили ответные улыбки, в то время, Квози уже повернулись, чтобы уйти.— Остались только фотографии,— добавила она.

— Фотографии? — Чад почувствовал, как улыбка медленно сползает с его лица.

— Для полноты сведений. Вы же понимаете. Пройдите сюда, пожалуйста.

Она провела их в заднюю комнату и они увидели перед собой большую камеру мгновенного фотографирования, которой обычно пользуются для изготовления фотографий на водительские права. Чад нерешительно предстал перед камерой. За ним последовали Арло и Минди. Разговаривающий шептался с Соединяющей, его серьги мелодично позвякивали. Женщина начала терять терпение. Спокойно глядя прямо перед собой, с напряженными ушами, Разговаривающий подошел к указанной линии. Один из агентов службы безопасности улыбнулся ему.

— Ну, хорошо, хватит. Костюм, конечно, прекрасный, но не подойдет для официального документа. Снимите хотя бы голову.

Разговаривающий-на-Бегу всю свою жизнь шел впереди событий. Возможно, этому подчинялись все его действия. А может быть, он просто устал от игры. Но какова бы ни была причина, но ответил он:

— Моя голова не снимается.

Минди закрыла глаза. Арло вздохнул и тяжело опустился на ближайший стул. Чад негромко застонал. Соединяющая-швы-Металлом спокойно ожидала реакции людей. «Наблюдает, как всегда»,— подумал Чад.

Человек в костюме сафари горел желанием вернуться на свой обычный пост.

— Послушайте, эти игры хороши среди людей, но их здесь нет, и нам действительно необходимо сделать фотографию.

«Нужно отдать должное Арло»,— подумал Чад, когда тот выступил вперед.

— Подождите. Эти костюмы цельные. Нельзя вот так взять и снять голову, к тому же на это потребуется не-

сколько часов. А мы собираемся появиться в них сегодня вечером в другом месте.

— Это уже ваши проблемы,— проворчал в ответ человек в сафари.— Снимите их.

— Что, если они откажутся?

Агент нахмурился:

— А сами за себя они сказать не могут? — Он наклонился, чтобы получше рассмотреть Разговаривающего-на-Бегу. Тот в свою очередь с интересом смотрел на него.

— Как вы сделали такие глаза? Линзы или какое-то специальное покрытие?

«Все совсем не так, как представлялось,— устало подумал Чад.— Должны были играть оркестры, вспыхивать фейерверки, важные люди произносить речи и пожимать руку Старейшинам Квози».

— Они не разденутся. Это не костюмы. Это настоящие Квози, посланники колонии Квози на Земле.

Человек в деловом костюме, не оставив незамеченным это сенсационное заявление:

— Ну вот, договорились.

Чад взглянул на дверь, спрашивая себя, не стоит ли попытаться прорваться, но тут же отбросил эту мысль. Все не имеет смысла. Из парка им все равно не вырваться.

— Есть у вас здесь медицинский пункт?

— И не один,— оскорбленно ответил агент.— Почему это вас интересует? Кому-то плохо? — внезапно забеспокоился он.

— Нет, никто не заболел,— Чад пытался быть сдержанным.— Если у вас есть рентгеновская установка, то мы можем прямо сейчас раз и навсегда разобраться с этим.— Агент по-прежнему сомневался.— Только один снимок. А затем можете делать свои фотографии.

В разговор вступил Арло, к месту заметив:

— Мы даже заплатим за работу.

Агенты обменялись замечаниями. Затем один из них пожал плечами, что, кажется, и разрешило проблему.

Человек в костюме сафари вернулся на свой пост, переложив все расследование на плечи агента в строгом костюме, и к своему сожалению пропустил реакцию молодого оператора рентгеновской установки. И так как он

отказывался поверить своим глазам, снимок пришлось повторить дважды в присутствии дополнительных свидетелей. Затем наступила пауза, на которой настояли Разговаривающий-на-Бегу и Соединяющая-швы-Металлом. Им было необходимо уединиться на несколько минут, так как они оба нервничали и не из-за разоблачения, а из-за того, что слишком много времени прошло с тех пор, когда они последний раз совокуплялись. Чад и Минди стерегли их у двери, пока они предавались этому чрезвычайному занятию.

Тем временем агент посоветовался с медицинским и техническим персоналом, а затем позвонил администратору парка, который грозился всех четвертовать или по крайней мере расстрелять за это происшествие, пока своими глазами не увидел снимки и Квози. Он также связался со своим начальством и вызвал еще одну группу медицинских экспертов. Уже закрытый к тому времени парк представлял собой необыкновенное зрелище, к нему подъезжало гораздо больше машин, чем отъезжало. Средства коммуникации, независимо от степени их защищенности, всегда давали утечку информации, словно пятидесятилетние кастрюли. Нашлись репортеры, узнавшие о сенсации века, и первая прес-конференция, посвященная появлению инопланетян, была проведена в административном корпусе Диснейлэнда. Если это и не понравилось бы президентам и премьерам, то Дали и Босх были бы в восхищении.

Разговаривающий-на-Бегу и Соединяющая-швы-Металлом свободно и толково отвечали на задаваемые им вопросы. Так же поступила и Минди, а вот Чад пошел на это с большой неохотой. Говоря о размерах и местонахождении колонии, Квози были преднамеренно уклончивы в своих ответах. Вся информация передавалась в Совет Старейшин во время частых отлучек Разговаривающего в ванную комнату.

К утру администраторы, репортеры, Квози и их друзья были совершенно измотаны. Для эскорта пришельцев были вызваны полицейские машины и вертолеты. За домом Минди было установлено круглосуточное наблюдение, которое осуществляли люди в штатском. Впрочем, это почти не привлекло внимания ее соседей, так как они знали, что

она работает на телестудии и от нее можно ожидать любых причуд. Впрочем, поговаривали о каких-то диких оргиях с наркотиками, но никто не догадывался, что происходит на самом деле.

Разговаривающий и Соединяющая без труда уснули в комнате для гостей. А вот их друзья долго не могли успокоиться и беспокойно ворочались, охваченные тревогой и волнениями.

Между тем, соседи начали понимать, что их первоначальные предположения не совсем верны, так как на лужайке перед домом Минди, словно сорняки, стали вырастать кинокамеры. Если бы не присутствие небольшой армии полицейских в штатском и агентов ФБР, то они бы попытались заглянуть в окна. К восходу солнца кое-кто решил, что его гражданский долг разбудить мэра города, чтобы он предупредил об опасности федеральное правительство.

Арло, однако, опередил всех, он воспользовался тем, что никто не догадался отключить телефон в их доме. Какую бы сильную неприязнь не испытывал Чад по отношению к жениху Минди, он вынужден был признать, что тот хорошо знает свое дело.

Когда в шесть часов утра к дому подъехала делегация, в состав которой входили два члена Палаты Представителей, сенатор от штата Калифорния, несколько человек из канцелярии губернатора и мэр города, лейтенант полиции сообщил им, что обитатели дома недавно уехали в сопровождении надлежащего эскорта.

— Что, черт возьми, вы называете «надлежащим эскортом»? — пришел в ярость сенатор. — Почему вы их не задержали?

Более всего на свете лейтенант хотел бы находиться сейчас в каком-нибудь более безопасном месте, например, при перестрелке двух банд.

— Никто не говорил, что их необходимо задержать. Они не арестованы. Кроме того, на этом настояли инопланетяне, сэр.

— Идиот! — закричал сенатор. — Куда они хоть направились?

— Я не знаю, — сознался полицейский.

— Немедленно выясните.

— Эй,— раздался громкий окрик.— Взгляните-ка сюда!

Один из репортеров, разместившийся у самых ступенек лестницы, пристально глядел на монитор своей аппаратуры. Солнце светило очень ярко, и ему приходилось затенять экран рукой.

— Это не они?

Сенатор протиснулся через быстро образовавшуюся толпу. Полиция все еще пыталась оттеснить журналистов назад. Операторы включили все свои мониторы.

Шла популярная передача, не такая известная как шоу Донахью или Уолтерс, но собиравшая у экранов немало зрителей. У Арло были неплохие отношения с ведущей, и, хотя она вначале заподозрила обман, то после доказательств в виде рентгеновских снимков и забега на короткую дистанцию, который продемонстрировала Соединяющая-швы-Металлом, она согласилась на их появление в эфире.

— Хорошо, если бы все это оказалось правдой,— делилась она своим мнением с гримершей, заполняя последние бесконечные минуты перед выходом в эфир.

— Действуй по обстановке,— наставлял ее Арло.

— Все подумают, что это розыгрыш. Меня поднимут на смех и я не смогу получить работу в кулинарном отделе в Маскоги.

— Это правда,— Арло наблюдал за тем, как прихорашиваются Разговаривающий и Соединяющая.— Через 15 минут у тебя будет больше доказательств, чем нужно. Только не останавливайся.

В действительности прошло немногим более 20 минут, и практически все репортеры Лос-Анджелеса оказались около станции и всеми правдами и неправдами пытались проникнуть внутрь. В давке одному из них сломали ногу, но он был настолько возбужден, что не покинул ряды штурмующих.

К этому времени и зрители в студии начали понимать, что это интервью с пришельцами может оказаться не шуткой, и заворуженно следили за тем, как взволнованная ведущая пытается задавать Разговаривающему-на-Бегу и

Соединяющей-швы-Металлом вопросы в своей обычной несколько фамильярной манере.

Когда настала очередь зрительской аудитории задавать вопросы гостям, атмосфера уже была достаточно доверительной и теплой. Люди забыли о своих заботах и работе, о детях и необходимых покупках, и приникли к экранам телевизоров. В то время, как средняя Америка наблюдала и задавала вопросы, армия репортеров боролась с непробиваемыми агентами службы безопасности в коридоре студии.

— Откуда точно вы прибыли? — спросила мать троих детей.

— Нам бы не хотелось говорить об этом, — замысловатые движения ушами Соединяющей не были поняты зрителями. — Впрочем, это не имеет для вас никакого значения. Это так далеко, что найти нашу планету на вашем небе просто невозможно.

— Как вам нравится на Земле? — это был вопрос машиниста из Детройта. Как и остальные, он улыбался задавая вопрос, и это вызвало нервную дрожь у Чада.

— То, что мы успели увидеть, нам очень понравилось, — вежливо ответил Разговаривающий. — Но нас беспокоит то, как к нам отнесутся люди.

— Вам не стоит волноваться об этом, — микрофон у ведущей выхватила тучная женщина из Рино, которая явно была очень сентиментальна. — Мои дети смотрят вашу передачу уже несколько лет, и они так любят вас!

Все происходило так, как и предсказывал Арло, и как надеялся Чад. Зрители путали вымысел и реальность в пользу последней.

— Это не наша передача, — Разговаривающий указал на Минди и попытался объяснить ситуацию. Но никто в аудитории не слушал его, их просто это не интересовало. Люди были в восхищении. Разговаривающий и другие Квози были их любимыми героями, разве они могут быть недружелюбными? Сама мысль об этом была нелепой. Все, что от вас требовалось, так это смотреть на них и наслаждаться их высокими, шелестящими голосами. Они были не просто безобидными, они были очаровательными!

— Сколько времени вы уже на Земле? — последовал следующий вопрос.

Впервые Разговаривающий-на-Бегу заколебался. Он что-то шепнул своей подруге, но студийные микрофоны не уловили его слов. Она так же тихо ответила ему.

— Примерно пятьдесят ваших лет, — наконец ответил он. По студии пронеслась волна шепота, и те некоторые репортеры, которым удалось прорваться в студию еще яростнее защелкали фотоаппаратами. Было очевидно, что все ожидали услышать — несколько недель, ну самое большее, пару месяцев.

— Как же вам удалось скрываться столько лет? — выразил общее удивление молодой человек.

— Мы умеем быть незаметными, — ответил Разговаривающий, не задумываясь.

— Сколько вас?

Чад не услышал ответа. Эта встреча, действительно, была гораздо лучше, чем какой-нибудь официальный то-скливый разговор с правительственными чиновниками. Обо всем говорилось открыто, а ведь страхам и слухам жизненно необходимы тайны и недомолвки. Все, о чем вещали Разговаривающий-на-Бегу и Соединяющая-швы-Металлом, передавалось по всей стране и по всему миру.

Ведущая спустилась от зрителей и передала микрофон Квози. Она уже полностью успокоилась. Чад видел, что точно так же она бы вела себя на интервью с любой знаменитостью о его новой кинокартине. Он оглянулся и увидел, что Арло кивает ему головой и ободряюще улыбается.

— Итак, вы обеспокоены тем, как вас примут на Земле. Давайте поговорим об этом.

Разговор шел своим чередом. Передача давно исчерпала обычно отведенное ей время, затем еще десять минут, еще двадцать, еще полчаса, час. А в это время ответственные за составление программ отчаянно сражались, пытаясь высвободить время для беспрецедентного, разворачивающегося в прямом эфире, шоу. Неоспоримым подтверждением того, что простые американцы приняли Квози, стали многочисленные звонки домохозяек со всех концов страны, протестующих против замены любимых «мыльных опер» на «этих нелепых инопланетян». Как и предсказывал Арло, подобная подача материала быстро превратила уникальную тему в банальность.

В конце концов, прибыли специалисты из ЦРУ и обес-
точили студию, но к этому времени Квози провели в эфире
уже более двух часов. Было слишком поздно делать вид;
что их не существует.

Чад видел, как только что прибывшие правительствен-
ные чиновники взволнованно переговаривались и то и дело
указывали на Квози. Они явно спорили о чем-то.

Между тем ведущей сообщили, что эфир прерван, но не
объяснили почему. Она, вполне довольная собой, и, нако-
нец, осознавшая историческое значение только что завер-
шившейся передачи, в последний раз обратилась к своей
аудитории.

— Боюсь, мы вышли за рамки отведенного нам време-
ни, но уверена что вы окажете истинное гостеприимство
нашим гостям. Не так ли, Америка? Нашим гостям и друзь-
ям больше некуда идти. Мы ведь примем их на Земле, не
так ли?

Возгласы одобрения, которыми ответила аудитория, за-
ставили журналистов еще яростнее наброситься на свои
блокноты, а чиновников содрогнуться от ужаса. Они не
теряли контроль над ситуацией, потому что им так и не
удалось взять ее под свой контроль. Реакция публики была
более чем теплой, но официальная точка зрения явно от
нее отличалась. Как только Квози попытались покинуть
аудиторию, их тут же окружили полицейские и люди
в серых костюмах.

— Вы пойдете с нами,— строго заявил один из них.

— Мы никуда не хотим идти с вами,— также строго
ответила Минди.

— Вы понимаете, что это такое? — он предъявил ей
развернутое удостоверение и тут же спрятал его в карман.

— Я понимаю, но это ничего для нас не значит. Мы
никуда с вами не пойдём.

Во время этого разговора мужчина то и дело погляды-
вал на быстро увеличивающуюся вокруг них толпу. Ново-
сти, как обычно, распространялись чрезвычайно быстро.

— Но мы должны вас защитить.

— Защитить от кого? — поинтересовался Чад.— От
людей? Почему? Они хорошо относятся к Квози.

— Это не игра,— ответил мужчина.— Я видел рентге-

новские снимки. Эти существа настоящие. Их много и они заявили на этом проклятом шоу, что хотят остаться здесь. Этот вопрос не может решаться с помощью голосования в телевизионной студии.

— Почему мы не можем вернуться домой? — спросила Минди.— Вы с таким же успехом, как и в другом месте, можете вести наблюдение там.

— В этом нет необходимости.

Чад с тревогой обратил внимание, что группа агентов службы безопасности все плотнее окружает их и начинает двигаться в нужном им направлении. Вырваться силой из кольца этих вооруженных людей было невозможно. В этот момент в разговор вступил Разговаривающий.

— Мы бы хотели остаться с нашими друзьями. Вы же не попытаетесь доставить нас в другое место против нашей воли?

Агент был поставлен в тупик. Он явно не ожидал, что эти пушистые пришельцы могут выдвинуть какие-то собственные требования, и при этом они будут вполне законными.

— Никто никого не заставляет что-либо делать против его воли,— неловко пробормотал он, неожиданно почувствовав горячее желание, чтобы на его месте оказался кто-нибудь еще, и ему не нужно было бы принимать решения.

— Вот и хорошо,— весело отозвался Арло,— потому что в противном случае это бы очень и очень скверно выглядело в газетах.

— Правильно. Очень скверно,— поддержал его незнакомый высокий, хорошо одетый мужчина.

— А вы, черт возьми, кто такой? — поинтересовался агент.

— Меня зовут Экерс,— ответил тот.

Чад видел, как вздрогнул агент, услышав это имя. Джек Экерс был ведущим вечерней программы на Си-Би-Эс Ньюз. С сенатором или губернатором агент мог бы договориться. Но с таким известным журналистом это было не так-то просто.

При сложившихся обстоятельствах правительство не успевало за событиями. После двухчасового шоу и в присутствии известных репортеров было невозможно увезти

Чада, Минди, Арло и инопланетян в какой-нибудь подземный бункер и начать официальное расследование. Для грифа «секретно» было уже слишком поздно.

Пока Экерс любезно беседовал с Чадом и Разговаривающим-на-Бегу, агенты совещались между собой. Наконец, один из них обратился к Чаду. Голос его звучал совершенно безжизненно.

— Вы можете возвращаться в свой дом. Но учтите, вы находитесь под круглосуточным наблюдением. Больше никаких несанкционированных ночных поездок, никаких телевизионных выступлений.

— Хорошо,— согласилась Минди,— раз уж мы будем жить дома, а не у вас.

Они с трудом пробрались к кадиллаку.

Высокий агент внезапно почувствовал, как чья-то рука провела по его бедру. Он вздрогнул, обернулся и чуть не потерял дар речи, увидев идущую сзади Соединяющуюшвы-Металлом. Она посмотрела ему прямо в глаза и подмигнула. На какое-то мгновение он забыл зачем он здесь и кто он такой. Соединяющая проанализировала его реакцию и явно осталась ей довольна.

Возможно, деструктор не сработал к лучшему.

XX

В конце концов им пришлось отключить старую линию связи Минди, но власти продемонстрировали свою запоздалую расторопность, установив полдюжины новых. Хотя посещавшие агенты и представители не давали им свободы действий, зато не было запрещено использовать тех агентов, которые жили в доме. Джек Экерс следил за этим.

Охрана, которая обычно окружала дом, должна была быть увеличена, чтобы блокировать большинство из ближайших кварталов, поскольку слух о том, что здесь живут пришельцы, уже распространился. Система охраны была настолько плотной, что родителям Чада и Минди понадобилось полдня, чтобы пробраться через нее. У них вышла приятная поездка: они стремились вернуться к домашним

делам и работе, но вместо этого их засыпали просьбами дать интервью и комментарии, которые исходили от все увеличивающейся армии репортеров. Но все равно отец смог ускользнуть. Даже самые могущественные информационные организации не могут заставить дать интервью. Мать нашла убежище у родственников.

Что касается Арло, то он блаженствовал, принимая на себя нескончаемый поток запросов, персональных появлений, прав на кино и книжную продукцию. Он поддерживал всеми способами интерес не только к Квози, но также и к Чаду и Минди. Личности, которые на него набрасывались, обычно существовали только за счет вымысла и фантазии. Единственное, о чем он жалел, так это то, что ничего нельзя было проверить тайно, поскольку все, входящее в дом и выходящее из него, перехватывалось и проверялось.

Журналисты брали телеинтервью, которые появлялись в каждой программе; иногда проводился всесторонний анализ поспешно приглашенными «экспертами». Журналы и газеты соревновались в том, кто сможет выступить о Квози и представить о них самые необычные издания. Повтор телевизионного выступления, если бы это можно было устроить, стал бы без сомнения самой популярной передачей в истории средств массовой информации.

Разговаривающий и Соединяющая участвовали во всем этом с присущим им изяществом. Годы контакта с Чадом и Минди, просмотр телевизионных передач сослужили Квози хорошую службу. Они не только могли хорошо ответить на любой вопрос, но и их английский в большинстве случаев был намного лучше, чем у берущих у них интервью.

В основном это были правительственные специалисты, которые подключали к своей работе Чада и Минди. Поскольку Арло был новичком в контактах и плохо знал Квози, он часто оставался один, что давало ему возможность заключать и подписывать сделки.

В течение двух недель колония стала богаче, по крайней мере, на бумаге, чем любая территория в Соединенных Штатах.

Как только одна группа исследователей завершала свою работу, ее место занимала другая. Президент прибыл на четвертый день: он пожимал руки всем вокруг. Небольшая группа людей на заднем плане выкрикивала «Да здравствует Президент!» Здесь же присутствовала тщательно отобранная группа репортеров. Президент даже сделал попытку выполнить традиционное приветствие Квози, демонстрируя тем самым, что он готовился к этой встрече. Соединяющая мило показала ему, как нужно правильно располагать пальцы.

На экране это выглядело потрясающе.

Чад, немного оцепеневший, повернулся, хотя было совершенно очевидно, что улыбка Президента предназначалась не им с сестрой, а пришельцам.

— Интересно пожать руку тому, у кого она не покрыта мехом,— ответил Квози на реплику Президента:

— Интересно, пожать руку тому, у кого семь пальцев.

Президент искренне рассмеялся. Это был знакомый, вселяющий уверенность смех.

— У меня не столько времени, сколько хотелось бы. Много других неотложных дел. Я просто хотел вам сказать от имени американского народа, что вы можете оставаться здесь столько, сколько вы захотите. Это свободная страна, имеющая традицию принимать беженцев, не обращая внимания на расу, убеждения, цвет кожи и происхождение. Вы можете обратиться с просьбой стать гражданами страны, как любой другой.

— Они не беженцы, господин Президент,— прошептал помощник, но Президент проигнорировал его. Он был в своей стихии в окружении фотокамер и получал от этого большое удовольствие.

— Я намерен предложить конгрессу сделать исключение, чтобы вы могли немедленно обратиться с просьбой о предоставлении вам американского гражданства.

— Подождите минутку. Они не уверены, что хотят остаться здесь. Они, возможно, захотят теперь уйти, поскольку отпала необходимость прятаться.

В тот самый момент, когда Чад заговорил, он вдруг понял, что делает замечание Президенту Соединенных Штатов Америки и, что как третьеразрядный биолог-ис-

следователь средней биотехнической фирмы он, должно быть, переступил границы дозволенного.

Арло делал ему предостерегающие знаки, но это не помогло.

— Хорошо, я уверен, Чад,— ответил ему Президент, сохранив на лице все ту же блистательную улыбку,— что наши новые друзья обдумают все возможные варианты, прежде чем принять окончательное решение. Я просто хотел сказать, что мы рады видеть их здесь.

Он снова повернулся к Квози:

— Вам здесь нравится, не так ли?

— Да,— вежливо ответил Разговаривающий.— Я понимаю, что есть холодные, необжитые районы на вашей планете, например, в России.

Чад побледнел, но это было ничто по сравнению с реакцией некоторых помощников Президента. Затем он обратил внимание на положение ушей Квози.

— Это всего лишь шутка, господин Президент. Разве вас не проинформировали, что у нас, Квози, очень развито чувство юмора?

На лице Президента вновь появился румянец. Кто-то нервно засмеялся. Смех распространялся, и даже Президент не остался спокойным. Разговаривающий-на-Бегу и Соединяющая-швы-Металлом спокойно наблюдали за ними.

— У меня есть время только на короткий брифинг,— Президент поставил его на место.— Мы на пороге интересных событий, не так ли?

— Я надеюсь, что да,— сказал Разговаривающий.— Некоторые из наших Старейшин очень хотели бы с вами встретиться.

— Ах да, лидеры вашей колонии. Мне говорили об этом. Поразительно, как вам удается поддерживать с ними связь при помощи вашего крошечного передающего механизма. Но мы можем поговорить об этом в другой раз. А пока мы, конечно же, можем что-нибудь сделать для Вас, чтобы вы чувствовали себя здесь более уютно.

— Примите наши благодарности, уважаемый Старейшина,— ответила Соединяющая,— но именно сейчас у нас все нормально и не требуется никакой специальной помощи.

— Но процесс, который приведет к созданию ведомства по Делах Квози, уже начался. Предварительное финансирование было одобрено обеими палатами. Конечно, вы можете использовать только один или два миллиарда.

Оба уха Разговаривающего наклонились вперед.

— Мы высоко ценим вашу заботу, господин Президент, но мы действительно в состоянии обойтись собственными средствами. К счастью, в будущем мы сможем воспользоваться вашей щедростью и благородством. Мы не хотим стать обузой для вашего народа.

Президент смягчился. «Какой приятный маленький народ», — размышлял он.

Один из стоявших рядом с ним людей нарушил молчание.

— Мужду прочим, вы не очень ясно выразились о вашем точном количестве. — Чад узнал Государственного секретаря, министра иностранных дел. Или, возможно, министр внутренних дел, Чад не был уверен. — Вас здесь несколько десятков? Несколько сотен?

На этот раз Разговаривающий посмотрел не в сторону Соединяющей-швы-Металлом, чтобы посоветоваться, а в сторону Чада, который устало пожал плечами:

— Ты можешь больше ничего не скрывать, Разговаривающий-на-Бегу.

Квози наклонил ухо по направлению к должностному лицу, который задал вопрос:

— Согласно последнему подсчету в Норах находится примерно шестьдесят три тысячи четыреста двенадцать Квози, включая детей в сумках.

В комнате воцарилась полная тишина. На Чада эти слова произвели также ошеломляющий эффект. Сейчас он вспоминал, что никогда не спрашивал Разговаривающего о том, сколько Квози было в колонии.

— Так много, — мысли секретаря сбивались. — И все под землей?!

— Мы действовали адекватно, — прокомментировала Соединяющая.

— Должен это признать. Подумать только, — Президент не выглядел таким пораженным, как его помощники. «Возможно, — размышлял Чад, — он думает о будущих го-

лосах Квози. В конце концов, если они станут полноправными гражданами...» Это было реально. В данный момент возможно было все.

Он вспомнил времена, когда Разговаривающий рассказывал ему о строгом подходе Квози к проблеме контроля за численностью населения. Если такой контроль привел к тому, что подземное население составило шестьдесят три тысячи, что же случится, если этот контроль будет устранен?

— Мы надеемся обратиться к вам за помощью в будущем,— сказала Соединяющая-швы-Металлом,— и предложить вам то немногое, что мы для вас сможем сделать.— Это была не более чем обычная вежливость Квози, но она явно понравилась Президенту, так же как и следующие слова произнесенные Соединяющей:

— Мы бы попросили вас об одном одолжении.

Президент теперь полностью расслабился. Ему что-то прошептали.

— Скажите, чем я могу помочь вам?

— Мы не хотим быть связанными пространственными рамками колонии. Мы хотим свободно перемещаться. Это жизненно необходимо для нашего здоровья.

Чад слушал эту откровенную ложь и старался внимательно следить за выражением своего лица, но не мог не задаться вопросом, сами ли Квози сформулировали подобным образом эту просьбу, или это дело рук Арло.

— Естественно, мы никоим образом не хотим причинить вред вашему здоровью,— Президент продемонстрировал свою отеческую заботу.— Вам будет позволено свободно передвигаться, за исключением закрытых для гражданских лиц зон.— Непроизвольный стон раздался в дальнем углу комнаты, где стоял заместитель начальника Управления Национальной Безопасности. Президент тоже услышал его и тут же исправился.

— Я надеюсь, что вы не сочтете нас навязчивыми, если мы обеспечим вас сопровождением, чтобы оградить вас от толп ваших почитателей. Дело в том, что люди испытывающие к вам слишком сильные чувства, могут быть опасны. И хотя мне тяжело об этом говорить, но могут найтись и такие, которые представляют для вас угрозу, потому что

вы слишком популярны. Обо всем этом я имею точные сведения. Таким образом, вам необходима защита.

— Означает ли это, что вопрос в принципе решен?

— Все произошло так быстро,— Президент улыбнулся Соединяющей.— Если можно так выразиться, то вы совсем не похожи на тех инопланетян, которых ожидали увидеть люди.

... — Чего же ожидали люди?

Президент слегка задумался:

— Нечто менее привлекательное. Люди не просто удивлены, они вами очарованы.

«Арло был во всем прав,— подумал Чад.— Теперь их никто не сможет увезти в какую-нибудь подземную лабораторию для изучения или расспросов. Все это невозможно после появления на телевидении, стольких интервью, и особенно, после этой встречи с Президентом и его гарантии их права более или менее свободного передвижения. Открытость оказался самой прочной броней».

Как только правительства других стран узнали о Квози, то они сразу же заявили решительный протест против, так называемой, монополии американцев на контакт с инопланетянами. Белый Дом не без остроумия ответил, что он не имеет никакого отношения к выбору Квози. Это несколько приглушило, но не прекратило недовольство.

Тем временем Разговаривающий и Соединяющая путешествовали по Лос-Анджелесу, стараясь, по-возможности, не привлекать к себе внимания. Они наблюдали, передавали информацию в колонию, а так же общались со взрослыми и детьми. Наблюдая реакцию людей по отношению к Квози, Чад убедился в том, что их не только приняли в человеческое общество, но через некоторое время они вполне смогут претендовать на государственные посты.

Поэтому в какой-то степени сюрпризом оказалось то, что возникли кое-какие проблемы. Протест исходил от небольшой группы политиков с сомнительным прошлым и большими деньгами. Их сдержанно поддержали небольшие, но пользующиеся уважением научные организации.

Они заявили, что с научной и моральной точки зрения нельзя позволить шестидесяти трем тысячам неизученных инопланетян получить практически неограниченный до-

ступ к планете. Пошли слухи о неизвестных заразных болезнях. Протестующие настаивали на том, что практически каждый претендующий на выход из колонии Квози должен пройти специальное обследование. Кроме того, они предложили ограничить пребывание Квози несколькими резервациями, в которых можно было бы постоянно контролировать их действия.

Короче говоря, они потребовали того, чего с самого начала опасались Чад и Разговаривающий.

Каковыми бы благими не были намерения Президента Квози действительно не имели гражданских прав.

Эта полемика не сказалась на доходах корпорации, созданной Арло от имени колонии. Все было согласовано с Советом Старейшин, которые переложили на Арло ведение дел. Между тем технические специалисты все еще пытались обнаружить местонахождение колонии. Они безрезультатно перекопали весь участок у доме Минди. Чад понимал, что в конце концов колония будет обнаружена, но Квози были рады и этой отсрочке. К тому же, было гораздо проще уладить эти осложнения, пока местонахождение Нор не было определено.

Им предстояло появиться перед судом. Все дело было абсолютно нелепым, что, впрочем, полностью соответствовало основам современной американской юриспруденции. Адвокат, которого им назначили, была полностью на их стороне и оказывала им большую помощь.

— Это просто позор, — говорила она, — но нам придется через это пройти. Всего лишь простая формальность.

Но Чад был в этом не уверен. У Арло было еще больше опасений.

— Я знаю, — говорила она, — это абсурд. Все средства массовой информации только и кричат об этом. Но Президент объявил чрезвычайное положение, и мы должны подчиняться законам. Я даже не могу сказать насколько это неприятно для правительства. — Она с любопытством посмотрела на Разговаривающего и Соединяющую, — боюсь, что просто декларирования ваших добрых намерений будет недостаточно. Вам придется это доказать.

Советский Союз тут же предложил им политическое убежище, не выдвигая никаких условий. Но после того, как

Разговаривающий и Соединяющая обсудили это предложение с Советом Старейшин решено было отклонить это любезное приглашение. Они предстанут перед судом и будут отстаивать свои интересы перед всеми скептиками и сомневающимися.

Инициативная группа, требующая ограничения прав Квози, наняла несколько известных и популярных юристов. Ученые оказались в одном ряду с ксенофобами и псевдо-зелеными.

Когда Чад сидел в комнате для слушаний, где противоположная сторона выставила для обсуждения свои аргументы, он представил себе местность, обнесенную колючей проволокой, вышки с автоматчиками и минные поля.

Адвокат отвергла все обвинения.

— Так ли мы должны отнестись к безобидным пришельцам, оказавшимся в безвыходном положении на нашей планете? Вы знаете их историю. Они не ожидали столкнуться с разумной жизнью на этой планете. И вот они обнаружили нас: болтливых и придирчивых людей. Они не могут отправиться на другую планету. Единственное, чего они хотят, так это остаться здесь и быть нам хорошими соседями и друзьями.

— Может быть все это и правда, — отвечала противоположная сторона, — но это еще нужно доказать. Что касается истинных намерений Квози, то пока мы слышим только их слова и свидетельства двух молодых людей, абсолютно неподготовленных для научных наблюдений и анализа.

Разговаривающий и Соединяющая наблюдали за этим спором, время от времени удаляясь в небольшую изолированную комнату. Видимо они вступали в контакт с Советом Старейшин, ожидая совета, но Чад понимал, что немало времени у них уходило и на совокупления. Из уважения к особой чувствительности американской публики к этой теме, ни Квози, ни он, ни разу не упомянули об этой специфической потребности Квози.

В заключение противоположная сторона выдвинула аргумент о том, что Квози прибыли в страну нелегально. Это заявление вызвало громкий хохот присутствующих, а так же едкие комментарии и насмешки в средствах массовой

информации о «нелегальных инопланетянах». Это возражение отпало на следующий день, когда Президент подписал наспех составленный указ, разрешающий неограниченную иммиграцию из любого места, расположенного на расстоянии более пятисот тысяч миль от границ Соединенных Штатов.

Тогда оппоненты выдвинули довод, что если Квози будет разрешено беспрепятственно распространяться по стране, то они обязательно станут обузой для и без того испытывающей трудности системы социального обеспечения.

Адвокат с легкостью отпарировала этот удар с помощью цифр, предоставленных Арло, которые доказывали, что Квози уже стали самыми богатыми существами на планете. Они вполне могут прекрасно содержать себя без какой-то ни было поддержки государства.

Оппозиция видела куда клонится чаша весов и держала в руке свою главную карту — все еще не было доказательства, что Квози и люди могут без какой-либо опасности для детей и взрослых существовать бок о бок. До тех пор, пока такие доказательства не будут представлены, Квози должны оставаться в месте их сегодняшнего обитания. То, что Разговаривающий и Чад встречались уже 14 лет, не имело для них никакого значения. Одна ласточка весну не делает.

Адвокат допустила серьезную ошибку, упомянув, что Квози вполне устраивает их сегодняшнее положение. Противоположная сторона тут же ухватила за это. Если это так, то почему бы им не оставаться в колонии, до тех пор, пока не будет обеспечена полная безопасность земель? Что плохого в том, что мы проявим некоторую осторожность? Сначала мы все изучим и проанализируем, и если дело действительно обстоит так, как мы все надеемся, — прекрасно.

Этот довод многим показался разумным, и оппоненты Квози могли поздравить себя с пополнением в рядах сочувствующих. Если Квози действительно хотят быть хорошими соседями, то зачем им возражать против такого подхода к делу? Где тут опасность?

Чад понимал, что опасность существует и заключается

она в том, что правительство и публика вполне могут удовлетвориться этим статусом-кво.

Простые «формальности» обернулись затянувшимся разбирательством, сначала неделя за неделей, а затем эти недели превратились в месяцы. Прелесть новизны постепенно исчезла, и вскоре публика переключила свое внимание на более свежие новости. Всеобщее безразличие укрепило положение оппозиции. Нужно было что-то предпринимать и действовать быстро.

Все это было легко прочитать по лицу адвоката, когда однажды туманным утром она вошла в комнату для слушаний. В ответ на вопрос Чада она просто улыбнулась и попросила его занять свое место, расслабиться, но ничему не удивляться. Ни Арло, ни Минди не присутствовали на этом заседании. Сегодня показания должен был давать Разговаривающий. Соединяющая-швы-Металлом как обычно снимала все заседание.

Когда адвокат попросил пригласить еще одного свидетеля, на это никто не обратил особого внимания. Уже были заслушаны сотни экспертов разного профиля, которых постоянно вызывали по требованию конфликтующих сторон.

Вошедшая в зал пожилая женщина была одета очень просто, ее волосы были коротко подстрижены. Разговаривающий внезапно ощутил тревогу и глубоко вздохнул. Чад, не видя ничего необычного, удивленно взглянул на него.

— Как давно вы знакомы с личностями, о которых пойдет речь? — задала ей вопрос адвокат.

Чад, забеспокоившийся, когда она назвала место своего жительства, едва дышал. Разговаривающий же, чувствуя опасность, поднялся во весь рост.

— И что вы думаете о ваших друзьях? — продолжала задавать вопросы адвокат.

— Это самые лучшие друзья, которые когда-либо у меня были. И у меня, и у Орнери, и у Вилли. Не знаю, что бы я делала без них после смерти Вилли. Я живу в суровой местности. Старой женщине жить там нелегко.

— Миссис Гринли, скажите нам, возникали ли у вас какие-нибудь проблемы с вашими друзьями за все эти годы, когда они с вами жили?

— Ничего серьезного. В основном, они доставляли радость мне и моей семье,— она осмотрела присутствующих в зале заседаний.— Если бы не их помощь, вряд ли я сейчас стояла здесь.

— Спасибо, миссис Гринли. Ответьте мне, пожалуйста, что они хотели получить от вас взамен за свою помощь?

Чад видел, что обвинитель хотел было возразить против такой постановки вопроса, но пока они не представляли себе, к чему это может привести. Таким образом, они допустили ошибку, решив, выждать и ничего не сказав.

— Немного. Только позволить им жить под моей крышей, играть свою музыку и воспитывать своих детей.

— Вы считаете, что они вели себя так же как и самая обычная супружеская пара?

— Ваша честь, мы протестуем,— обвинитель встал со своего места.

— Протест отклоняется,— судья внимательно осмотрел комнату. Все были чрезвычайно напряжены и с нетерпением ожидали дальнейшего развития событий. Озадаченный обвинитель сел на свое место, что-то тихо говоря своим коллегам.

— Пожалуйста, ответьте на мой вопрос, миссис Гринли.

— О, даже более того. Они ухаживали за мной, как будто я была одной из них,— ей пришлось напрячь голос, чтобы ее услышали из-за внезапно возникшего шума стрекочущих камер и щелканья фотоаппаратов.

— Таким образом, все это время вы жили как одна семья и у вас не было серьезных разногласий.— Адвокат обратилась к главному консультанту обвинения.— Как видите, никаких заболеваний от совместного проживания не возникло.

— Нет,— пожилая женщина была совершенно спокойна, ее не волновали ни вспышки фотокамер, ни окружающие ее люди.— Фактически, только благодаря им я чувствую себя более здоровой, чем когда-либо в жизни.

— Если бы вам пришлось дать краткую характеристику вашим друзьям, что бы вы сказали после стольких лет знакомства?

— То же, что я сказали своим внукам — они посланы нам Богом.

— Благодарю вас, миссис Гринли.— Адвокат с торжествующим видом повернулась к двери. То же проделали и все присутствующие.— Пусть войдут члены семьи миссис Гринли.

Шум все усиливался. В комнате появилось несколько человек. Это были молодые мужчина и женщина в сопровождении детей. С ними было также несколько неясных фигур, спрятанных под легкими плащами с капюшонами. В Калифорнии это выглядело более чем нелепо.

Многие из присутствующих заметили непропорционально большие ступни ног, и когда они скинули свои одеяния, удивления не убавилось.

Итак, Разговаривающий и Соединяющая оказались не единственными Квози в Лос-Анджелесе.

— Женщина вызвалась сама, добровольно,— проинформировал Чада и Минди помощник адвоката, от возбуждения перешедший на шепот.— Разумеется, мы сначала не поверили ей. С тех пор, как все это началось, нас завалили ложными звонками. Мы — государственная организация и обязаны выслушать каждого.

Но чем дольше она говорила, тем больше мы убеждались, что она действительно что-то знает, хотя и не могли понять, что именно. Ей было известно, что-то такое, о чем никто и не подозревал.— Он кивнул в сторону адвоката.— Элен это почувствовала.

Второй помощник с энтузиазмом присоединился к говорящим:

— Миссис Гринли следила за всеми сводками новостей. Когда эта команда решила упрятать Квози под землей навсегда, она сочла своим долгом появиться на публике. Она хотела помочь.

Другой помощник посчитал нужным принести свои извинения. Ему пришлось повысить голос, чтобы быть услышанным на фоне несмолкающего шума.

— Мы держали это в тайне от вас двоих, потому что Элен хотела преподнести вам сюрприз, и еще потому, что они...— он кивнул в сторону семи Квози, собравшихся перед судейской кафедрой,— они настаивали на этом.

Разговаривающий и Соединяющая стояли посреди этого

крошечного ада, спокойно разглядывая кучку Квози, таких же молчаливых, как и они сами. Обмен приветствиями с помощью ушей и рук уже состоялся. На людей они не обращали ни малейшего внимания. А в это время судебный распорядитель тщетно пытался восстановить среди чрезвычайно возбужденной публики хотя бы какое-то подобие порядка.

Разговаривающий быстро заговорил на языке квози. Он обратился к седому старику, который был старшим среди собравшихся. Из тех, кто стоял достаточно близко, чтобы услышать их разговор, только Чад и Минди поняли до конца все то, что говорилось.

Разговаривающий и старый Квози начали с того, что обменялись комплементами по поводу одежды и украшений. Затем Квози произнес:

— Знаешь, Совет был не прав, впрочем, как всегда. Всего этого можно было бы избежать.

— Как знать,— в разговоре с одним из величайших преступников ширазянских Квози Разговаривающий был подчеркнуто почтителен.— Совет выбрал неподходящее время.

— Хотя сам ты так не считаешь,— добавила сопровождающая патриарха самка того же возраста.— Ты думаешь так же, как и мы.

— Нет,— энергично возразил Разговаривающий, помогая себе и тоном и ушами.— В отличие от вас я не сбегал из колонии. Я не искал встречи с людьми. Она произошла сама собой. То, что произошло потом я не одобрял и никогда не одобрю.

Самка сделала крайне невежливый жест ухом и возразила:

— Твоя поза выдает тебя. Твой разум никогда не переубедит твой дух. В тебе слишком много жизни.

Молодая пара, сопровождавшая старика Квози стояла поодаль, приглядывая за своими детьми и терпеливо ожидая окончания разговора.

— Ты не должен был остаться в живых, Поющий-высоким-голосом,— Разговаривающий до сих пор с трудом верил, что он действительно лично общается с этим бессовестным предателем.

— Если бы не эта женщина, мы не пережили бы и первых холодов.

Чад обратился к ним на языке квози:

— Было бы прекрасно, если бы вы перешли на английский. Вы говорите настолько быстро, что я едва успеваю за вами. Что до остальных, то они вообще не понимают вашу речь. Вы ведь говорите по-английски?

— Ну, что ж, очень хорошо,— заявил Поющий.

Когда Квози перешли на английский, все в зале неожиданно притихли, сами собой улеглись споры, и все как один прислушались. Репортеры, политики, полицейские — все они сидели неподвижно, стараясь уловить каждое слово.

— Я — Поющий-высоким-Голосом,— возвестил старик-Квози.— Это моя подруга Думающая-о-Печальном. А это наши дети и внуки.

Почти сразу же после того, как мы обосновались в вашем мире, я вознамерился отделиться от той монолитной общественной системы, в которой существуют Квози. Я чувствовал себя стесненным строгими ограничениями, необъяснимыми с позиций здравого смысла. И в это время совершенно новый мир поманил меня к себе. Мне не хватало смелости уйти одному, без друга, мыслящего так же как и я.

— Смерть,— пробормотала Соединяющая.— Смерть им обоим.

— Я понимаю,— сказал Чад.

Разговаривающий попытался объяснить:

— Это те легендарные изменники, которые покинули первую Нору задолго до того, как я появился на свет. Считалось, что они погибли в лапах хищников или от холодов.

— Ну что ж, вполне логично,— легко согласился Поющий, без всяких оговорок.— Так бы и случилось, если бы не многоуважаемая миссис Гринли.

— Они замерзли,— объяснила женщина.— Я не знала, кто они, но в то время это не имело никакого значения. Им нужна была помощь, а в своей жизни я еще никому не указала на дверь в трудную минуту, и не важно, кто как выглядит. После того, как они отогрелись, и мы начали разговаривать, мне показалось, что им хотелось бы остаться—

ся где-нибудь поблизости на некоторое время. Маленькой Синди чужаки сразу же пришлись по душе, да и они к ней привязались. Я сама была рада их компании. Знаете, после смерти Вилли мне было так одиноко. Они немного рассказали мне о себе и о том, откуда они. Когда Коди Джеймс женился на Синди, она сказала ему: «Они пришли, чтобы жить с нами, и мы все храним их секрет». Думающая-о-Печальном помогла поставить Синди на ноги, они и Поющий подняли и моих внуков.

Теперь заговорила молодая застенчивая женщина:

— Да, нам было хорошо вместе, всегда так легко. Когда я носила мою младшенькую, Юдит, мне так хотелось одолжить сумку Думающей. Ведь тогда не нужно носить ребенка на руках, или мыть его, если он сидит внутри тебя, живой и здоровый.

Квози может быть и выглядят забавно, но они самые обычные, такие же как люди. Мы жили вместе, и хозяйство вели вместе, а наши дети играли с ними все дни напролет.

Миссис Гринли слушала ее, время от времени одобрительно кивая головой:

— Все они — моя семья. И дети, и внуки. У одних уши длинные, у других — обычные, но все они мне родные. — Женщина вызывающе осмотрела присутствующих. — Может кто и мне захочет указать, где можно жить моим внукам, а где нет? — Ее добрые глаза теперь метали молнии. Смерив унижительным взглядом старшего советника, она бросила в упор:

— Эй, господин судья, это все еще свободная страна, или как?

Последний всплеск невообразимого хаоса, поднятого репортерами, спешившими передать свои отчеты и видеоматериалы в редакции, вскоре сменился относительным затишьем. Еще с минуту председательствующий в тщетной попытке восстановить порядок ожесточенно барабанил по столу своим молоточком, но затем, отложив его в сторону, расслабился:

Ведь куда приятнее было наблюдать за детьми Квози, мирно игравшими со своими человеческими сверстниками.

Вот так в конце концов не исследователю Разговаривающему и не его другу Чаду Коллинзу, и даже не Совету

Старейшин достались лавры успешного проведения первого столь широкого по своим масштабам контакта между людьми и Квози, а престарелому предателю и музыканту Поющему-высоким-Голосом. Все только что смолкнувшие споры казались сущей нелепостью на фоне детей, счастливых играющих вместе.

Чад поздравил Разговаривающего, к нему присоединился приехавший, узнав о столь потрясающих событиях, Арло. Минди чуть было не обняла Соединяющую, но, вовремя вспомнив, что такой жест может быть принят за выражение враждебности, а не радости, отступилась. В это время генеральный прокурор принимал поздравления прессы. Часть аудитории наделенная паталогической неприязнью к инопланетянам, извергала проклятия и негодующе бурлила в поисках поддержки для и без того затянувшихся споров; но справедливости ради нужно отметить, что все их провокации были полностью проигнорированы. Почти все собравшиеся теперь были заняты поисками наиболее выгодных ракурсов для снимков детей обеих рас, беззаботно игравших прямо перед судейской кафедрой.

Вскоре большинство репортеров бесследно исчезло, и теперь их осталось только двое, да и те представляли мелкие местные газетенки и не помышлявшие конкурировать со своими коллегами из мощных газетных синдикатов. Все их претензии не шли дальше поисков каких-нибудь пикантных деталей, которые впоследствии могли бы стать отдельной темой для их работы.

Один из них с отсутствующим видом брал интервью у Синди Гринли, да и что ему оставалось делать, когда главная новость дня уже начала свое путешествие из компьютера в компьютер, распространяясь по всему свету. И все же могло случиться еще что-нибудь. Совершенно неожиданно их терпение было вознаграждено, что было тем более странно, так как женщина казалась скорее склонной к рассказу о своих солениях и варениях на зиму, чем о Квози.

Молодая миссис Гринли расчесывала длинные светлые волосы мальчугана лет шести, время от времени поглядывая на остальных детей. Слева от нее двое маленьких Квози весело боролись со старшими внуками Гринли. Кво-

зи казались гораздо проворнее, зато человеческие дети заметно превосходили их по силе.

Выбирая наиболее удачное положение, репортер между делом поинтересовался, как ей жилось до замужества, до того, как в ее жизни появился Коди. Сказать по правде, ничего особенного от этой деревенщины услышать он не надеялся.

— Так и жили, все больше тихо да незаметно, — ответила Синди, пытаясь совладать с непослушными белокурыми волосами. — Коди понравился мне с первого взгляда. Он был такой же как я и мама: немного простоватый, зато все понимал, всего-то ему хоть однажды да хотелось попробовать. — И совершенно непринужденно, словно продолжая тему зимних заготовок, Синди добавила: — Мама была права, до прихода Поющего и Думающей на ферме было действительно одиноко. Но Поющий оказался превосходным любовником. С ним зимы пролетали как один день.

Чад, слушавший до сих пор эту болтовню вполуха, резко повернулся к Синди. Минди отошла к дивану, занятому женщинами. Арло развлекал юристов и репортеров. Старые Квози беседовали о чем-то с Коди Джеймсом, а дети людей и Квози играли тем временем чуть подальше. Рядом же с Синди были только репортер и ее малыш.

И чего ради эта женщина оставила себе девичью фамилию?

По лицу журналиста было совершенно невозможно прочитать его мысли:

— Простите, мэм, — выдавил он, — боюсь, я не совсем расслышал, что вы сказали.

— Вы имеете в виду то, что зимы стали переноситься легче?

— Нет, нет. До этого.

— А, тогда это о том, что Поющий — прекрасный любовник?

— Да, да, — репортер был очень взволнован. — Вы конечно, имеете в виду платоническую любовь, не правда ли? Ведь Квози хорошо обращаются с детьми, да и вас выручали в трудные времена.

— Нет, я имела в виду совсем не это. Еще недавно мне

было бы трудно и неловко говорить об этом, но пожив с Квози вы начинаете принимать вещи такими, какими они есть. Так и со мной: то, что раньше смущало, теперь кажется совершенно естественным.

Когда я сказала, что Поющий был прекрасным любовником, я именно это имела в виду. Ведь это случилось еще до появления Коди.— Синди блаженно потянулась.— Раз уж у нас зашла об этом речь, то можете спросить Коди, что он думает о Думающей-о-Печальном. Она же не только со своими флейтами умеет забавляться.— Слегка нахмурившись, женщина окинула взглядом комнату.— Вы действительно верите, что у людей и Квози ничего не может получиться вместе?

Репортер улыбнулся:

— Ну конечно же нет. Сегодня уже столько раз задавали этот вопрос. Миссис Гринли, а вы что, серьезно все это? Не задумали ли вы какую-нибудь шутку?

— Нет, мистер. Я не шучу с вами,— улыбка сползла с ее лица.— Если вы мне не верите, переговорите с Думающей и Соединяющей.

— Спасибо, не сейчас,— вежливо отреагировал тот, несмотря на то, что ошеломленный Чад уже нетерпеливо посматривал в сторону Соединяющей. Он тут же вспомнил, как биолог-Квози преследовал Минди, какие взгляды бросала на него самка из исследовательской группы. В свое время он списал это на чистое любопытство ученых, и очень может быть, что так оно и было. Но если миссис Гринли говорит сейчас правду, то все значительно менялось. Значительно.

— Вы знаете, это совершенно безопасно,— продолжала свой рассказ женщина, и казалось, что она говорит о самых незначительных пустяках, а не о величайшем общественно-научном открытии, самом значительном с тех пор, как появились Квози.— Не буду обманывать, я не понимала, как это все происходит, хотя разница между нами вроде и пустяковая. Но Коди от природы внимательнее чем я, и он говорит, что «приборы» у них устроены лучше, чем наши. Да и мне самой так кажется, гибче наших они, что ли.

— А не кажется ли вам это, ну скажем, противоесте-

ственным? — Глаза репортера по форме и размерам напоминали теннисные мячики.

— Знаете, мистер, зимними ночами темно и холодно, и поэтому то тепло, что вам предлагают, не кажется противоестественным. Если бы все люди занимались любовью в полной темноте, в мире не было бы глупых предрассудков. — Немного помолчав, она добавила: — Единственное, что поражает в них сразу, так это шерсть. А потом уже просто перестаешь об этом думать.

— Можем ли мы напечатать все это?

Чад, беспокойно оглянувшись по сторонам, убедился, что их никто не подслушивает.

— Нет, нет! Это не для печати.

— Не для печати! Черт побери! — репортер сунул диктофон в карман и раздраженно ворча направился к выходу.

Нежное прикосновение чей-то руки заставило его обернуться, и вот он уже стоял, всматриваясь в ясные зеленые глаза Синди Гринли.

— Не обижайтесь, ладно? Зачем всем знать об этом? Рано или поздно люди сами дойдут до этого.

Чад уже видел в мыслях кричащие газетные заголовки. Какой же могла быть общая реакция? Спокойная и доброжелательная, как у Гринли, или же эта новость стала бы бомбой, разорвавшейся в стане противников контакта?

Голос ее был мягким и очень напоминал голоса Квози. Женщина продолжала:

— Знаете, они ведь тоже млекопитающие. Умные и заботливые. Коди, мама и я — все мы приехали сюда, чтобы люди поняли, как счастливы мы будем вместе. — Человечество и Квози. Мы полностью совместимы, мистер Коллинз.

— Да, совместимы но...

— Все к лучшему.

Повернувшись, он увидел, что в двух шагах от него стоит Соединяющая-швы-Металлом.

— Она говорит, что постепенно об этом все узнают?

— Разумеется. После того, как все Квози переселятся. После того, как вы получите гражданство. После того, как ваши поселения разрастутся так, что вас уже никто не сможет удержать взаперти, на одном месте. Но когда-

нибудь это больно заденет наши спецслужбы. Да и потом, шок от публикаций, появится страх...

— Страх чего? — Синди казалась искренне изумленной. — Страх инфекций? Страх невосприятия? Перед новым образом жизни? Я уверена, что знания, которыми обладают Квози, сделают их очень популярными.

— Людям придется придумать много новых слов, чтобы дать названия новым понятиям. И поверьте они сделают это с большой охотой. Это то, в чем нуждается Человечество. Это то, что всегда было людям необходимо, — сказала Соединяющая, полностью уверенная в своей правоте.

Чад поднял на нее глаза:

— Вы знали. Вам все это время было известно...

— Я занималась изучением людей, — ее ухо дрогнуло, и в такт этому движению все ее серьги начали легкий мелодичный перезвон. — У нас были кое-какие данные, потом появились досье на тебя и на тебе подобных. Было очевидно, что разница между нами минимальная. Знают об этом и Главы Нор, и сотрудники нашего отдела. Остальным колонистам об этом неизвестно. Но придет время, и они все узнают.

— Но кто бы мог подумать?

— Люди мало думают о таких вещах, но для Квози эта тема представляет огромный интерес. До Ширазамы были уверены, что во всей Вселенной Квози — единственные разумные существа. Мы были потрясены, узнав, что эта планета — дом равных нам по разуму, но не по социальному устройству существ. И поэтому куда меньшее впечатление на нас произвела новость о половой совместимости Людей и Квози. А вот население Квозинии будет поражено, когда получит это известие. Для того, чтобы это случилось, нужно будет построить другой корабль. Это станет признаком зрелости жителей Нор. Азель поступил так, и даже Мазна. Шираз тоже вышлет свой корабль, с той лишь разницей, что он принесет величайшую из новостей — новость о том, что мы не одни, у нас есть друзья, и о том, что мы совместимы в половом отношении. Люди и Квози полетят на Квозинию вместе. Этот путь будет долгим. Возможно, вернутся лишь наши внуки. Быть может, сме-

нятся несколько поколений. История развивается по своим законам. Так гласит книга Шамизин.

Нежная рука с семью пальцами мягко прикоснулась к его плечу:

— А теперь, Чад, ответь откровенно на мой вопрос.

Он вздрогнул от неожиданности:

— Какой вопрос?

Огромные фиолетовые глаза пристально смотрели на него.

— Неужели ты никогда об этом не задумывался?

Ему показалось, что он никогда не видел таких прекрасных глаз цвета аметиста. Ни один человек не мог соперничать с Квози по глубине цвета и чистоте оттенков глаз. Уголки ее губ едва вздрагивали в прекрасном подобии человеческой улыбки, на которую были способны Квози.

— Чад, нельзя бояться тех, кого ты можешь полюбить.

Она провела его через зал, и Минди с удивлением заметила, как эта пара зашла в какую-то боковую комнату. Как только дверь за ними закрылась, Чад опустил свою руку на шелковистый мех Соединяющей. По своей мягкости он не уступал драгоценному меху шиншиллы.

— Ты знаешь, — пробормотал он изумленно, — мы могли бы сотрудничать с вами в области науки. А вот в остальном я не уверен.

XXI

Люди — существа с высочайшей приспособляемостью. После того, как бурный поток шуток сошел на нет, в зале воцарилась атмосфера благодушия, что выдало дружеский настрой Квози. Команды телевизионщиков, тележурналисты и политики — все они с радостью были приняты в Норах колонии, хотя по совету Чада и были спрятаны заранее, подальше от людских глаз прекраснейшие образцы искусства Квози. Между двумя расами подсознательное влечение друг к другу все еще превышало взаимопонимание.

Корпорация, которую заблаговременно создал Арло,

теперь проворачивала огромные суммы, действуя в интересах колонистов, которым компенсации выплачивались абсолютно за все, вплоть до внешнего вида. Эксперты Квози были посланы на помощь людям-лесничим, и сейчас они уже работали на огромных пространствах от Финляндии до Эквадора. Для них стало правилом путешествовать первым классом, а непринужденные разговоры с попутчиками делали такие поездки еще приятнее. Подобно Разговаривающему-на-Бегу и Поющему-высоким-Голосом, многие с радостью ухватились за такую возможность и приступили к обследованию новой родной планеты.

Не только коммерческая выгода от работы Квози влекла к ним людей. Их музыка пользовалась фантастической популярностью, а вечеринки, где не присутствовала хотя бы парочка Квози, считалась теперь до неприличия скучной. Их с радостью принимали в любом обществе; природная любознательность и укрепившаяся за ними слава тонких чувствительных натур делали их центром внимания в любой компании. Квози с удовольствием ели большинство человеческих блюд, и лишь спиртное их организмы отвергали безоговорочно. Однако, пришельцы и ему быстро нашли замену, пристрастившись к фруктовым напиткам.

Тем не менее, у новых земель появились и некоторые проблемы, связанные с религией. Но в конце концов, коль скоро Господь сотворил человека по образу и подобию своему, то к кому же следовало отнести Квози, по меньшей мере по уму ни в чем не уступавшим людям? Однако, на этом дебаты себя не исчерпали. Некоторые философы из числа новых переселенцев с трудом мирились с тем фактом, что ни одни они были единственными разумными существами в этой Вселенной, что кроме них жили еще и безволосые гиганты с крохотными глазами и маленькими ушами.

Когда количество Квози в Норах достигло огромной цифры, на них просто обрушился поток сочувствия, люди наперебой жалели бедных пришельцев, страдавших от перенаселения. Одно за другим следовали предложения от людей поселить Квози то там, то здесь, и эта помощь принималась ими с искренней благодарностью. В конце концов

диаспора переселенцев быстро и верно стала догонять людскую, к большому удивлению самих Квози.

Поначалу вновь прибывших досаждали многочисленными анкетами, но затем были сняты все ограничения на их рождаемость. Вскоре семьи Квози расселились по всему миру от засушливых пустынь центральной Австралии до благословенных шведских лесов. Появление их повсюду встречалось с огромной радостью, никто не отказывал им в приюте. В еде они были довольно умеренны, а природная смекалка позволяла им становясь фермерами, создавать большие запасы продуктов повсюду, где они обосновывались. То были самые плодовитые беженцы во всей истории человечества.

Способность Квози с легкостью переносить холод стала причиной огромного спроса на их работу на крайнем Севере, а их чувствительные руки с семью пальцами сделали их необходимыми там, где требовалась сноровка и смекалка. «Дайте Квози участок под дом для его семьи, немного еды, немного красоты и хорошую компанию, и вы станете богатым», — любили говаривать люди.

В поразительно короткий срок Квози в своих блестящих комбинезонах, ярких шарфах и эффектных украшениях стали привычным зрелищем. Их охотно принимали в число почетных граждан Соединенных Штатов, да и в других странах это также считалось большой честью.

И не важно, куда они направлялись, чем бы они ни занимались, чувство собственного достоинства им никогда не изменяло, а порой Квози были просто ошеломляюще вежливы.

Квози не просто жили с людьми, они среди них растворялись, принося с собой состояние, почетные должности и кредитные карточки. Стало модным усыновлять детей Квози, а учитывая традиционную многочисленность их семейств это было совсем не трудно.

Среди людей, хоть и изредка, но вспыхивала паника, сопровождаемая выкриками ораторов о скором захвате Земли этими пришельцами, размножавшимися быстрее тех, кто их приютил. Там, где эти настроения принимали массовый характер, Квози по своей инициативе восстанавливали контроль за рождаемостью. Да и справедливо-

сти ради стоит сказать, что численность Квози неумолимо росла везде, где они обосновывались, недовольные голоса блекли и терялись на фоне общей эйфории. Эти существа были идеальными эмигрантами.

Параноя среди Старейшин Квози исчезла сама собой, да и как могло быть иначе, ведь повсюду, куда они ни приезжали, их встречали как желанных гостей. Все шло прекрасно. Совершенно очевидно, что на Ширазе было достаточно места для жизни двух народов, особенно таких дружных, как эти. Плюсом было и то, что Квози не жили обособленно, а селились среди людей.

Постепенно то, что раньше казалось всего лишь шуткой, теперь стало реальностью: Квози выставляли свои кандидатуры на руководящие посты. Их самообладание и вежливость повсюду оценивались по достоинству. Начальство из числа Квози было свободно от предрассудков и относилось объективно даже к своим собратьям. Квози были неподкупны, хотя об их решениях, равно как и о людских, много судачили.

К тому времени уже нельзя было скрывать правду об истории и культуре Квози. На смену естественному отвращению пришли любопытство и интерес, и вот уже под руководством философов-Квози началось переосмысление прошлого. В конце концов и люди были не без греха. Американцы настаивали на праве ношения личного оружия, в Латинской Америке сиеста была предлогом для еженедельного безделья, а французы боготворили Джерри Льюиса, так кто же имел право критиковать Квози за то, что насилие в их искусстве занимало большое место, в то время как поведение их всегда было безупречно.

Слияние наций было признано полным, когда Квози с присущей им осторожностью и деликатностью начали пошучивать на людской манер в смешанных компаниях.

Вместо того, чтобы чувствовать угрозу со стороны Квози, человечество видело в них защиту. Они действовали быстро, но осторожно. И очень, очень доброжелательно.

К тому времени, как Чад достиг расцвета лет и вошел в силу, Квози перестали быть диковинкой. Теперь уже трудно было представить каким же был мир до их появления. У Чада не было ни нужды, ни желания работать, ведь

он сумел утвердиться среди представителей властей Квози. Арло, в свою очередь, формально оставался исполнительным директором, но в действительности он уже давно делил свои обязанности с женой Минди. Будучи первым человеком, вошедшим в контакт с Квози, Чад стал звездой мировой величины, слишком занятой для того, чтобы мыть грязные пробирки в заштатной лаборатории.

С легкой небрежностью он носил мантию, разъезжал на шикарном лимузине и жил в собственных апартаментах. До сих пор Чад чувствовал себя неуютно на публике, и поэтому ему пришлось овладеть ораторским искусством. В его совете одинаково нуждались и гигантские корпорации и скромные одиночки-предприниматели, желавшие вести дела с Квози.

Закончились мелкие локальные войны. Со своим пониманием насилия Квози умели представить дело так, что всякий конфликт начинал казаться сущей глупостью всем его сторонам, да и у остальных воинствующее настроение после этого как рукой снимало. Дух соперничества в людях остался, но навсегда исчезло кровопролитие. Как объясняли Квози: война — это болезнь, корни которой уходят в проблему полов. Самим своим существованием Квози доказали, что война вовсе не была неизбежной по мере развития технологий.

Из истории человечества пришельцы поняли, что каждый единичный конфликт может быть прослежен до сексуальных первопричин, включая даже религиозные столкновения. Как бы ни трудно человечеству признать этот факт, но такова была правда. Разумеется, ничего приятного в этом не было, но поддержка друзей помогала справиться с горечью такого открытия.

XXII

Как странно было вернуться в Норы после стольких лет! Чад думал об этом, медленно идя по коридору. Это была запретная зона, но для Чада на всей планете не нашлось бы ни одной закрытой двери. Да, известность имела свои положительные стороны.

В равной мере казалось странным видеть собственные седые волосы и идти, опираясь на трость. Но такова жизнь...

Чад не боялся в этом тусклом свете натолкнуться на Квози. Их здесь больше не было. Они переселились глубоко под землей, и это была необходимость, а не их желание. Теперь они жили там, где находился Киев, Рангун и Владивосток.

Но жизнь не покинула Норы. Вокруг вечно сновали и сустились технари, превратившие это место в парк развлечений и музеев. Поселение стало главным аттракционом, столь любимым туристами всех мастей, что ежегодная прибыль от него составляла миллионы долларов.

Все это оказало крайне благоприятное влияние на экономику близлежащих городов Буз и Бонанза.

Росписи, покрывавшие стены, при всей своей кричащей пышности были ничем иным, как репродукциями. Подлинные работы Квози переехали вместе со своими хозяевами к новым очагам, и лишь малая их часть занимала наиболее почетные места в коллекциях крупнейших музеев мира. Старые художественные мастерские Нор теперь занимали художники — Квози, в огромных количествах выпускавшие украшения для домов, городских скверов и частных собраний. Как это не было странно, но для ледянящих кровь творений, выходивших из-под их кистей возник неожиданно рынок сбыта. А быть может, в этом не было ничего удивительного: ведь Квози помогли людям понять самих себя. Так размышлял Чад.

В Норах специально обученные Квози устраивали костюмированные представления своих древних обрядов. Делалось это не только с целью развлечения туристов, но и ради тех молодых Квози, что родились уже на Ширазе и знали о планете Квозинии лишь понаслышке. Им их далекая родина представлялась унылым пустынным местом, где живут одни только Квози и где не встретишь ни одного живого Человека.

Все шло превосходно. Так раздумывал Чад, медленно двигаясь дальше. Ни в книгах, ни в фильмах никто и предположить не мог такой ход событий. В свое время все, как один, недооценили то влияние, которое обе расы оказывали друг на друга.

Все остальное оказалось следствием.

Кроме того, что старое поселение стало местом развлечений и центром образования, у него было еще одно предназначение. Сейчас его стали использовать для официальных церемоний. Вообще Квози любили пышные и помпезные ритуалы, а восстановление тех из них, которые были забыты, приветствовали всем сердцем.

В тот день должен был состояться обряд посвящения в Главы Старейшин. И сейчас их по-прежнему был семеро, но они стали лишь бледной тенью той, прежней Семерки. Причиной сохранения церемонии была не только и не столько ее пышность, сколько поддержание чести Квози. Как нация, они уже исчезли. Теперь осталась лишь их история и искусство.

Старость до сих пор почитали, на нее смотрели с уважением, почти также, как католики взирают на Папу, а неврастеники — на любимых астрологов.

Чад подумал, что Минди это понравилось бы. Несомненно, в былые времена она сумела бы обыграть этот ритуал так, чтобы затем из него вышел превосходный сценарий для будущих постановок. Разумеется, уже давно ушло в небытие шоу «Время Квози». Да и не стало уже и самой нужды в нем, ведь теперь повсюду можно было встретить живых Квози. И сами они были прекрасными актерами, справлявшимися равно как со своими, так и с людскими пьесами. А тот незначительный факт, что один только Господь мог бы заставить их улыбнуться, в расчет не брался.

Но Минди уже не было. Она ушла пять, нет шесть лет назад. Арло был болен и не смог почтить ее память лично, но прислал свои соболезнования. Несмотря на всю разницу между ними, он оказался прекрасным мужем. А что до Чада, то он так и не женился — занят был, что ли; но сейчас у него были и племянники, и племянницы, души не чаявшие в своем знаменитом дядюшке.

Боковая дорожка, по которой он брел, привела его в VIP-холл, где старик мог наслаждаться обрядом в окружении Людей и Квози столь же знаменитых, как и он сам. Зрелище это, как все, создаваемое Квози, было чарующим по своей красоте и неистовости. Звучали чудесные песни

и дивная музыка, устраивались потешные бои и тут и там мелькали изумительной красоты одежды. Все это радовало и глаз, и сердце.

Но Чаду было трудно свыкнуться с мыслью о том, что Разговаривающий-на-Бегу стал центром всеобщего внимания. Он не мог думать о старом, седеющем Квози иначе, чем когда он впервые увидел его, лежавшего неподвижно на дне горного озера, сосредоточенно рассматривавшего чужое небо.

Но он не утонул. Услужливая память Чада тут же напомнила ему, что он сам вытащил пришельца для того, чтобы теперь он стоял здесь.

Вот он. Уши опущены, на огромных ногах — дорогие сандалии. Бригады телевизионщиков снимали его со всех сторон, сопровождая кадры торопливыми комментариями. Весь мир увидит его. В конце концов, не каждый день случается посвящение в Семерку.

Когда церемония закончилась, Чад, прихрамывая, направился вперед, чтобы вместе с огромной толпой поздравить Квози. Он ощущал на себе взгляды, слышал шепот; люди его узнавали. Отступая назад, они быстро расчистили ему путь. Да, в известности была несомненная выгода.

Разговаривающий-на-Бегу, облаченный по столь торжественному поводу в самые пышные одежды, наклонился к старому другу и тепло похлопал его по плечу. Слабыми уже ушами он все же проделал жест приветствия. На него были направлены сотни камер.

Только после того, как спала первая волна внимания, а журналисты стали разбредаться по округе, Разговаривающий прошептал Чаду на ухо:

— Теперь, когда с этой ерундой покончено, ты должен немного посидеть со мной, — его голос был по-прежнему слабым и тонким.

— Кажется, это дело слегка затянули, не так ли? — боковым зрением Чад видел двух премьеров Президента, как-то нелепо выстроившихся в ряд в ожидании того момента, когда Глава Старейшин пожмет им руки.

— Приходи завтра, — шепнул Разговаривающий старинному другу. — Мы отправимся в путешествие, я хочу посмотреть на старую реку.

— Поехать к святыне? — удивился Чад.

— Нет. Там слишком много туристов. Мы пойдем вверх по течению, туда, где был наш лагерь.

— Ну что ж, затея как будто неплоха. Меняется мир, цивилизации рождаются и умирают, а Природа остается такой же, как и была. Она-то знает, как распорядиться своим временем. Да вот, боюсь, она и мое все прихватила.

— Как и мое.

Они расстались. Чад пообещал вернуться на следующий день.

Несколько дней они наслаждались прохладными рассветами и жаркими горными полднями. Толпы людей суетились в их отсутствие, но эти двое все же умудрялись выкраивать время, чтобы посидеть на берегу реки, предаваясь воспоминаниям.

Незаметно подкрался закат последнего дня их каникул; настало время для Чада усестись в собственный самолет и отправиться в Лос-Анджелес; а для Разговаривающего-на-Бегу — приступить к своим новым обязанностям в ля Паз. Сантименты не омрачили их расставания. Для этого они были слишком стары и слишком мудры.

— Неплохо мы провели время, правда, Чад? — вздохнул Разговаривающий.

— Как ни странно, да.

— Если бы только первые Старейшины могли увидеть, как изменился мир! Уверен, они бы пожалели о таком пустячке, как смерть.

Чад забылся на минуту и мечтательно улыбнулся, но затем быстро вернулся к реальности.

— Ну что ж, пора прощаться. Я уверен, тобой будут гордиться. — Они пожали друг другу руки и Разговаривающий качнул ушами. Рукопожатие слегка затянулось, и Чад нахмурился:

— Что-нибудь еще?

Казалось, Разговаривающий-на-Бегу на секунду задумался, а потом твердо произнес:

— Нет. Больше ничего. Прощай. Приезжай к нам на юг, если сможешь.

— Конечно, обещаю.

Разговаривающий смотрел вслед другу, уходившему

вдаль по коридору. Как будто повинуюсь мысленному зову, за пультом управления материализовался молодой шофер. Он помог старику забраться вовнутрь и рванул с места, увозя с собой щемящие сердце воспоминания.

Разговаривающий-на-Бегу тоже повернулся, но обнаружил, что его собственный путь прегражден креслом-качалкой. Эта маленькая аккуратная штучка была напичкана электроникой. А иначе и быть не могло, ведь ее владелец Смотрящий-на-Карты уже давно не мог ходить. В тусклом свете коридора новый Глава Старейшин прищурился. Затем он низко наклонил уши и закрыл глаза, явив тем самым древнейшую позу полной беспомощности. От внезапно нахлынувшей радости его голос задрожал:

— Для меня огромная честь видеть тебя, мой дальний родич.

— Открой свои глаза,— голос говорившего был так тонок, что даже другой Квози с трудом его воспринимал.— Я стараюсь не пропускать церемоний.

Разговаривающий-на-Бегу поднял уши, и теперь они горделиво смотрели прямо вверх.

— Какую услугу я могу оказать тебе?

— Поговори со мной немного. Раньше были дороги мои дни. Теперь бесценны мои минуты.

Хотя разговор шел о пустяках, Разговаривающий понимал, что будет помнить его до конца своих дней. Постепенно осмелев, он задал тот вопрос, который мучал его всю жизнь.

— Ты мог бы стать Главой. Ты окружен всеобщим вниманием, и все же ты неизменно отказываешься от этого поста, предпочитая его размышлениям в одиночестве. Младшее поколение, те, кто мог бы тебя боготворить, живут, в большинстве своем, ничего не подозревая о самом твоём существовании. Почему?

Кресло тихонько скрипнуло, когда его хозяин обернулся и посмотрел на голую стену. Сейчас это место было в строительных лесах. Вскоре сюда должны были установить копию огромной статуи, которая когда-то возвышалась здесь, окруженная фонтанами и цветниками. Молчание затянулось, и Разговаривающий начал опасаться, что его собеседник просто заснул.

Тем не менее Смотрящий не спал, а лишь погрузился в молчаливую задумчивость.

— Я не принимаю столь высокую честь, поскольку я ее не заслуживаю.

— Достопочтенный Старейшина, признаюсь, я об этом другого мнения.

— Думай, что хочешь. Не ты первый,— его старые глаза пристально вглядывались в глаза Разговаривающего, будто ища в них что-то.— Как могу я принять столь высокую честь, я, убивший однажды своего собрата?

— На то были свои причины. Вы чисты.— Разговаривающий-на-Бегу слышал эту историю, но судить о ней не брался.

Затянувшаяся вновь пауза была прервана хрипловатым бормотанием:

— Возможно. Но у меня тоже есть вопросы. Ответ на один из них, Старейший, как ты думаешь, какой будет реакция Квозинии, когда по прошествии шести-семи поколений прилетит корабль с Шираза, и смешанная команда расскажет об успехе колонии?

— Не имею ни малейшего понятия.

— Подумай. Но не тани с ответом. Помни, мои минуты быстротечны.

— Это всего лишь моя надежда, но я хочу верить, что там их примут столь же радушно, сколь и нас приняли люди.

— Хочу верить и я. Я должен в это верить.— Глубокий вздох заполнил коридор, и на мгновение Разговаривающий испугался. Но голос зазвучал снова: — Иногда мне кажется, что разум, в отличие от удачи, ничего не стоит. Прекрасно знать, что мы не одни, даже если наши потенциальные друзья — варвары и убийцы.

— Да, двух мнений здесь быть не может,— признал Разговаривающий,— но в этом может быть и польза. Об этом много спорили и размышляли и на ученых советах, и среди Глав Нор. Там, где могут жить люди, могут жить и другие существа, может быть менее сговорчивые и более воинственные. Такое легко можно представить.

— Да, те корабли с колонистами, что отправились на Квозинию, могли столкнуться с врагами. А с их аргументами я знаком.

— Со временем мы все узнаем. Но сейчас мы ничего не можем поделать, даже если станет известно, что они живы. Пока мы не можем воевать. Но у нас есть друзья, которые смогут защитить нас.

— Это спорный вопрос,— донесся шепот.— А захотят ли они?

— Я говорю, основываясь только на собственной жизни и на личном опыте. Я уверен, что они захотят.

Ухо его одобрительно качнулось, но движение было столь ускользающе и мимолетно, что Разговаривающий-на-Бегу не мог бы сказать с уверенностью, действительно ли он его видел, или ему это показалось.

— Но дело того стоило. Все, что случилось, и даже то, как это случилось. Попадись другой человек, отреагируй он по-другому, и судьба Шираза могла бы стать трагичной. До сих пор этот мир принадлежит людям, хотя положение наше сейчас прочнее, чем когда бы то ни было. Самое лучшее — это позволять им думать, что они полностью контролируют положение. Их примитивная гордость требует этого. Они не могут взаимодействовать, пока не уверятся, что они — хозяева. Так тому и быть. Мы через это уже прошли. Важен лишь результат.

— У нас есть Шамизин,— сказал Разговаривающий.

— Это так. Они идут вперед, хотя до сих пор и позволяют половым инстинктам властвовать над своими умами. Хотя теперь они, наконец, могут предвидеть собственную судьбу. Мы помогли им поставить точку в их глупых племенных войнах.

— Через 10—20 циклов первый ширазянский корабль войдет в атмосферу, полный Людей и Квози. Они верят, что мы помогаем им распространиться по галактике. Они не видят того, что это окольный путь. Они ничего не могут поделать с тем, что они — Люди, а не Квози. Но со временем они разовьются.

— Так тяжело обманывать друзей,— пробормотал Разговаривающий-на-Бегу.

— У них тоже есть вещи, которые они предпочитают хранить в тайне от нас. Во взаимном обмане, может быть, есть своя справедливость. Значение имеет лишь то, что они уверены в своих позициях. Это наиболее безопасный путь.

Квози не надо взбираться на вершину горы. У нас есть дела и поважнее. Гораздо проще позволить друзьям туда вскарабкаться, чтобы потом узнать, что лежит на той вершине.

— Мы живем там, где они нам позволяют, и этого более чем достаточно. В обмен на их помощь и дружбу мы даем им знания, здоровье, слова благодарности и возможность путешествовать к далеким звездам. Они пойдут с нами, чтобы основать Великий Галактический Союз, в котором они могут даже объявить свое верховенство, если им того захочется. Мы отойдем в сторону, вежливые и почтительные, как никогда, и пусть они надрыдают себе животы. Таким путем пойдут Квози.

— Если бы они об этом узнали, я уверен, нашлись бы люди, пожелавшие вступить с нами в борьбу.

— Сражаться с нами? Да большинство самих же людей этого не допустят. Они слишком нас любят. Гораздо лучше быть умными, приветливыми и полными любви, чем держать в руках большое ружье и острый меч. Мы подчиняемся их законам и ограничениям, мы оставляем им право принимать самим все важные решения — мы будем лишь советовать, тихо и осторожно. Мы в точности выполняем то, что они нам приказывают, а приказывают нам как раз то, что нужно нам.

Разговаривающий-на-Бегу стал Главой Старейшин не из-за недостатка понимания. Он знал, о чем говорили другие, он все понимал. Любой мог бы найти это в Шамизин и в истории Квози. Все вместе это имело смысл.

Это имело настолько огромный смысл, что старый разведчик невольно расплылся в широкой ослепительной ухмылке.

КОТАЛИЗАТОР

Эту книгу я посвящаю Борису Гомесу Луна, Давиду Рикальде и Чарли Манну, трем совершенно разным людям, которые хорошо осознали одну простую вещь: лучше сохранять окружающую среду в чистоте, чем загрязнять ее.

А также народу Перу, который проявил мудрость, объявив жемчужину тропических лесов Ману заповедной зоной.

А также Миттенсу, Сатерну, Орке, Дасте, Пичесу и Дэйлайту, которые помогли мне в написании этой книги.

«Человеческая природа не выносит слишком много реальности».

Т. С. Элиот

Глава I

Капитан пытался проникнуть взглядом сквозь клубящийся едкий дым. Он слышал крики раненых и стоны умирающих. Отблески огня играли на пуговицах его формы. Совсем рядом с ним разорвался снаряд, обсыпав его комьями земли и дымящимися клочьями разорванных тел. Ад был на земле.

— Я не вижу ее! — он старался перекричать грохот боя. — Регул, ты видишь что-нибудь?

Рядом с ним прижимался к земле мулат. Одной рукой он протер глаза, другой до хруста в суставах вцепившись в свою винтовку.

— Нет, но она, это уж точно, должна быть здесь, — отвечая, капрал прищурился от едкого дыма. — В этих местах я вырос и помню их как свои пять пальцев. Не так уж долго я пропадал на Севере!

Дулом винтовки он ткнул в сторону:

— Вон старые кварталы, где я бегал мальчишкой. Там вдали — большой дом, здесь справа — ручей, а рядом с ним коптильня. В прежние времена в ней коптили рыбу. Поищем там! Я знаю мисс. Она не станет сидеть дома, когда кругом такая кутерьма. Это уж точно!

— Все это заварил Шерман, — проворчал капитан, грязным рукомов вытирая пот со лба, отблески пламени прыгали на лезвии его сабли. — Что же останется от Атланта, когда все закончится?

— Ничего! Это уж точно! Генерал не любит шутить, — ответил мулат.

— Он сражается за победу, Регул. Он хочет выиграть эту войну и освободить твой народ. Но он не джентльмен. Нет!

— Это уж точно. Однако, где же мисс Аманда может быть?

Сквозь невообразимый шум битвы, женский крик вдруг пронзил грохот рвущихся снарядов и свист пуль. Капрал вскочил:

— Она! Это уж точно! Я узнаю дорогой голос среди тысячи других.

— Поспешим, Регул! — крикнул капитан, и двое мужчин скатились по склону к реке и оказались у крытого сланцем сарая, бесстрашно примостившегося у самой кромки воды. В утробе ветхого строения близилась к трагическому завершению жуткая сцена насилия. Трое мужчин, грязные и оборванные, сгрудились вокруг водопада белого кринолина и шелка, из которого время от времени выплывала волна рыжих волос и проблескивала гладкая нежная кожа. Оскалы зубов и выраженья ухмылок мужчин не оставляли сомнений в их намерениях. Зажатая со всех сторон, женщина отчаянно сопротивлялась.

Крепко сжав рукоятку своей сабли, капитан ворвался внутрь крытой сланцем развалюхи.

— Довольно, ублюдки! — в его голосе звенела беспощадность.

Все трое разом повернули головы, и ближайший из них, высокий и крепко сбитый головорез, видом напоминавший матроса, сверкнул нетерпеливо глазами и произнес, ухмыляясь:

— Это не ваше дело, сэр! Почему бы вам и тому черномазому не заняться своим делом? А нам уж позвольте заниматься нашим!

Его дружки что-то промышчали в знак одобрения. Пробуя на вес свою саблю, капитан ответил ухмылкой на ухмылку:

— Я намеревался было отдать вас троих под полевой суд, но теперь думаю, будет правильнее избавить правительство мистера Линкольна от лишних расходов.

С этими словами он испустил крик и ринулся вперед. Регул не заставил себя долго ждать и последовал за капитаном. Один из троих негодяев сразу же получил сабельный удар по лицу и рухнул на пол как тюк, в то время как другой, напоминавший матроса, подбирался к капитану

сзади. Капитан успел обернуться, но не успел отвести в сторону приклад направленной на него винтовки и получил удар по голове. Едва удержавшись на ногах, он увидел третьего негодяя, целившегося из револьвера в лежащую на земле женщину: нет свидетелей — нет суда, считал он.

Регул с криком бросился наперерез выстрелу. Капитан услышал хлопок револьверного выстрела в тот момент, когда он, изловчившись, сделал выпад, и еще минуту назад чересчур говорливый матрос с пронзенным сердцем молча рухнул на землю. Третий негодяй с револьвером в руке ринулся в раскрытые двери и исчез в шуме боя. Капитан бросился было в погоню, но остановился, его взгляд упал на Регула, распростертого возле водопада белого кринолина и шелка. Красное пятно темнело на груди капрала.

— Регул,— отложив саблю в сторону, капитан опустился на колени,— ты не должен умирать! — мягко звучал его голос.— Неужели ты умрешь после всего, что нам довелось испытать? Вспомни про Нью-Йорк, Регул!

Ответ дался капралу с большим трудом, голос его был хрипл:

— Все... все хорошо, капитан. Мой час пробил. Это уж точно,— он повернул голову, чтобы видеть лицо своего друга.— Так и должно было случиться.

— О, Регул! Я знала, ты вернешься! — женщина прижала голову капрала к своей кринолиновой груди, слезы ручьями текли по ее нарумяненным щекам.— Пожалуйста, не умирай!

Боль искажила черты лица умиравшего, когда он поднял глаза и с нежностью всмотрелся в лицо женщины.

— Я обещал вашему отцу, мисс Аманда, что позабочусь о вас, если вдруг разразится война. Я никогда не забывал, что только благодаря вам я обрел свободу. Если... — он запнулся.

Повисла долгая пауза. Женщина продолжала выжидающе смотреть ему в глаза. Капитан, стоя на коленях, по-прежнему всем своим видом выражал безграничную печаль. Но пауза затягивалась.

— ...если что, Регул? — пробормотала женщина.

— Дерьмо! — заорал умиравший.— Не могу я это гово-

ритель! — он резко сел. — Не могу я говорить этот текст! Не могу войти в эту дурацкую роль!

— Стоп! — в сцену с ревом ворвался новый голос.

Отдаленный грохот разрывов стих, зашумели вентиляторы, выгоняя клубы дыма из сараев.

— Я сказал «стоп», черт возьми! — подошедший темноглазый смуглый коротышка, по всей видимости, часто и легко впадал в ярость. — Ты не можешь говорить этот текст? — спросил он сквозь сжатые зубы.

— Мне очень жаль, парень, не могу! — как ни в чем не бывало, капрал встал и вытер грязь со своего лица, кровавое пятно на его груди уже не расплзлось как прежде. — Мне осточертела вся эта дребедень! Ну сами посудите! Этот пижон родился рабом. Так? Его освобождают, он едет на Север, находит приличную работу. Так? Вступает в армию Союза, где встречается с этим белым малым, — он кивнул в сторону капитана, который уже поднялся с колен и сбросил с лица выражение безграничной печали. — Они одноклассники. Так? Этот капрал проходит настоящий ад, и все для того, чтобы его народ на Юге стал свободным. И что дальше? Он идет в прислужники к капитану и проделывает обратный путь, снова превращаясь в раба, и подставляет грудь под пули, чтобы спасти эту рыжую лису, отец которой был его хозяином. Почему? Почему он это делает? Потому что когда-то у нее шевельнулась совесть, и она освободила его? Заметьте, его и больше никого! Тут явно что-то не сходится. Не верю я этому! — капрал распалялся все больше. — У него жена и дети в Нью-Йорке! Конечно, он должен испытывать чувство благодарности к этой курочке, — он повернулся в сторону разодетой в кринолин женщине, которой все происходящее внушало отвращение, — но чтобы положить голову за нее... Так не бывает!

Во время его монолога взгляд коротышки свирепел все более.

— Ты теперь у нас сценарист! — выдохнул он наконец и повернулся к капитану. — А ты, Джейсон? Ты тоже пишешь сценарии?

Джейсон протестующе поднял обе руки. Кто-то из съемочной группы уже подобрал оставленную им саблю и вытирал ее куском белой материи.

— Нафуд, я исправно говорил свой текст! — возразил Джейсон.

— Я спрашиваю твое мнение! Ты думаешь, он прав?

Джейсон Картер взглянул поверх головы режиссера туда, где по-муравьиному сустились работники съемочной группы. Одни вешали маскировочные сети, другие устанавливали экраны, техники занимались проверкой проводки, целая команда распрягала чуть живого оператора.

— Послушай, я делаю свою работу. Не надо меня ни во что втягивать! Договорились? — попросил режиссера Джейсон.

— Я тебя втягиваю ни во что иное как в съемочный процесс! — воскликнул Нафуд.

Картер взглянул на капрала. Мелроуз, как и Нафуд, ждал его ответа. Джейсон вздохнул.

— Ну хорошо, я отвечу. Я тоже не думаю, что этот капрал в подобных обстоятельствах должен принести себя в жертву. У него же есть семья! Вот если б у него не было семьи...

— Ты слышишь, парень? — Мелроуз не дал Картеру закончить фразу, он злился, и ему было не до изъяснений признательности за поддержку. — Я все время толкую об этом же! Почему он должен умереть? Почему только черные парни должны жертвовать собой? Дерьмо это все! Какого черта ему лезть под пулю? У него жена и двое детей в Бруклине! Почему бы для разнообразия иногда и белому парню не умереть благородной смертью?

С подчеркнутым усилием режиссер сдержал себя и произнес, тщательно вычеканивая каждое слово:

— Потому что в сценарии написано, что умирает капрал, а не капитан! — он даже улыбнулся. — Ты видел сценарий или нет? Вон ту толстую пачку тонированных листов бумаги, с которыми все здесь носят, потому что это и есть сценарий! Ты его прочитал несколько месяцев назад и дал согласие сниматься!

— Послушай, парень, — сказал актер, — мой агент прочитал сценарий и сказал, мне следует сниматься, я не читал, но как только я понял, что речь идет о гражданской войне, я осознал, что на главную роль надеяться не приходится. Если бы фильм снимали братья Хадлен или

Спайк Ли, тогда другое дело! А черным ребятам никогда не достаются главные роли в фильмах о гражданской войне. Я уже четыре недели занят в съемках и все никак не могу понять, почему я должен умереть, — он тряхнул головой. — Я не могу сыграть эту роль, парень! Ну бывают такие сценарии, в которые невозможно поверить, и это как раз один из них! Когда-то мальчишкой я смотрел «Чертову дюжину», где Джим Браун жертвует собой ради спасения белых дружков, и знаешь, я не хочу делать то же самое, — он отвернулся от Картера и режиссера. — Мне надо подумать, парень!

— Послушайте, ребята, вы прежде должны были подумать, что вы хотите делать, а что нет! Я не могу больше все это терпеть! — режиссер был в ярости.

Женщина тем временем подобрала свои забрызганные грязью одеяния и встала:

— Ваши вопли тревожат мою карму! — она огляделась. — Где мой наставник, где Сиддарт?

— Я здесь, крошка! — появилось чучело огородное в длинном бежевом халате и с черною бородой, оно покровительственно положило одну свою руку на голые плечи актрисы, а другой взяло ее за пальцы: — Все будет хорошо, закрой глаза и постарайся дышать глубоко, думай о чем-нибудь хорошем, думай о ветре, думай о шумящей листве, ветер извлекает из шума деревьев божественные звуки...

Режиссер, пробурчал проклятие и добавил:

— Эй, кто-нибудь, уберите этого святого со съемочной площадки! У нас не храм! Мы тут пытаемся снять фильм.

— Сиддарт — мой наставник! — оскорбилась актриса. — Если он покинет съемочную площадку, покину ее и я!

Чучело огородное вознесло молитвенно руки к небу и пролило из своих уст речь на хинди.

— Я прошу Бога не за себя, — добавило оно по-английски и шепнуло актрисе: — Пошли, малышка, нужно избегать раздражающих вибраций.

Сиддарт уводил ее с площадки, когда она повернулась к режиссеру и пропела сладким голоском:

— Скажи-ка этому сопливному пердуну с револьвером, чтобы он не щипал меня за задницу во время съемок, а то получит коленкой по причинным местам.

— Аманда! Дорогая Аманда! — теперь уже режиссер сам тащил главную героиню и ее наставника прочь со съемочной площадки. — Дезертиры армии Союза насилуют тебя, и возможно ли снять эту сцену, избежав при этом физического контакта ее участников? Осчастливь меня, посоветуй, как это сделать?

— Это твои проблемы, — отрезала она, — ты режиссер, ты и думай! А я говорю тебе, что если тот малый еще раз сунет свою вонючую лапу мне под юбку, то он станет единственным, кого придется спасать капитану и капралу. Ты меня хорошо понял, Нафуд?

— Но все это включено в твой контракт... — голос режиссера был уже чуть слышен, трио направлялось к трейлеру актрисы. — ... к тебе никто не должен прикасаться?..

— Я не могу сыграть это! — Мелроуз Флит облокотился на бутафорный валун и зажег сигарету. — Мне говорили, съемка будет быстрой, Нафуд очень скор, даже когда в фильме много действия.

Картер слушал с полуотсутствующим видом.

— Этот текст! Какой дурак сможет произнести эти реплики с серьезным лицом? И в довершение всего приходится терпеть эту сумасшедшую сучку и ее слащавого гуру, бормочущего свои мантры даже во время репетиций! — щелчком он отбросил в сторону окурков, полез в карман, извлек оттуда пузырек. — Что скажешь насчет секонала, парень?

Картер улыбнулся и уклончиво повертел головой. Флит понимающе кивнул, вытряс из пузырька несколько таблеток для себя и сунул пузырек обратно в карман своих брюк.

— Не хочу я сниматься! Есть контракт или нет контракта, без разницы! Я же играл в пьесах Шекспира! Я играл Тони!

Картер подошел и положил руку на плечо своего партнера:

— Это не Отелло, конечно, Мел! Здесь требуется просто ремесло.

— Да уж, знаю! — Флит снял с головы форменную кепку армии Союза. — Мне следовало бы проще относиться ко всему этому. Я знаю, что бывают моменты, когда от тебя требуется быть профессионалом, а свои собственные чув-

ства следует засунуть куда подальше. Но черт подери, могу я иметь свою точку зрения?

— Один только эпизод! — сказал Картер успокаивающе.

— Вечно один только эпизод, парень! — продолжал кипятиться Флит. — Всегда у них так: «вот снимем последний такой эпизод, а потом...» Наверное, я делаю много шума из-за пустяка, — он взглянул на Картера. — Тебе никогда не понять меня. Посмотри на себя: высокий красивый блондин. У тебя сильный глубокий голос. Ты играешь все, что думаешь, и никогда при этом не будешь выглядеть идиотом.

— Вовсе это не так, — ответил Картер. — Бывали случаи, и не раз, когда я чувствовал, что выгляжу полным идиотом.

Флит прищурил один глаз:

— Что-то не могу я тебя понять, парень, — он кивнул в сторону съемочной площадки. — Ты делаешь все это, хоть и без удовольствия, но делаешь!

— Это моя профессия.

— Не это я имел в виду! У тебя, парень, есть все! А я наблюдал за тобой. У тебя есть все, а ты похож на счастливчика куда менее меня или же той тупой телки, у которой груди больше, чем коэффициент умственного развития. Что с тобой происходит? Тебе ничего не интересно! Скажи мне, чего ты хочешь?

— Здесь я шлифую свое актерское мастерство, — спокойно ответил Картер.

— Да, может быть ты и прав! Что это я лезу во все дыры! Хотя, может быть, иногда и надо лезть во все дыры для того, чтобы изменить что-либо в этом деле! Нужно, в конце концов, иметь свою точку зрения и отстаивать ее.

Картер понимающе кивал головой:

— Конечно, у тебя должна быть своя точка зрения, как, впрочем, у всех. Но нужно знать место и время, если хочешь добиться результата. Я не уверен, что съемочная площадка, на которой снимается коммерческая дрянь, и есть то место, где тебе следует выразить свою точку зрения.

— Эй, однако, парень, на чьей ты стороне? Моей или

Нафуда? — Флит с неприязнью посмотрел в сторону трейлера актрисы.

— На твоей. Я только хочу сказать, что я уже давно в кино, и вряд ли тебе удастся изменить в этом бизнесе что бы то ни было, — он заколебался, боясь показаться чересчур откровенным. — Хотя я отдал бы свою правую руку за возможность сыграть в «Отелло».

— Неужто? Тогда почему ты этого не делаешь?

— Никто не приглашал меня. Взгляни! Похож я на Яго? Вот так-то! Мое лицо не несет в себе типаж. Был бы я почерней... — он слабо улыбнулся. — Однажды я читал Шекспира на прослушивании «Юлия Цезаря». Я надеялся, мне достанется роль Брута, а знаешь, что мне предложили? Сыграть одного из стражников. Они хотели одеть меня в доспехи и кожаное бикини и сунуть в руку копье. И была всего одна строчка текста! Вот почему я оказался на съемках этого фильма. Здесь у меня хотя бы главная роль! Я должен играть, пусть даже сценарий написан не Хехтом и не Манкевичем.

— Да, но я не уверен, парень, что главная роль здесь лучше шекспировской строчки там. Не уверен!

— У меня нет выбора, — ответил Картер. — У тебя, Мел, хоть есть из чего выбрать. Ты же играл когда-то Тони! — он тяжело вздохнул. — Послушай! Я поговорю с Нафудом, когда он закончит разговор с Амандой и немного остынет. Я попробую уговорить его изменить слегка сценарий, — добавил он.

— Ну конечно! А что именно?

— Хотя бы звуковые эффекты! Можно или заглушить те строчки, которые особенно тебя раздражают, или ускорить действие, ну, ты знаешь, диалог внахлест, так что понять ничего невозможно, и все такое прочее. Я поговорю об этом и с Амандой, — Картер кивнул в сторону трейлера.

— С этой сумасшедшей сучкой? Дерьмо! С тех пор как ей удалось вырваться из порнографического кинематографа, она возомнила себя помесью Стэнвик с Монро. А она всего лишь навсего толстая курица! — от возмущения Флит даже смотреть не мог в сторону трейлера.

— Нафуд прав, — рассмеялся Картер, — ты не только хочешь быть сценаристом, ты еще хочешь подбирать состав исполнителей!

Флит готов был уже пролаять ответ, но взял себя в руки. Хитроватая улыбка расплзлась по его лицу:

— Ну, Картер, тебя-то я взял бы в картину! Ты несколько вяловат, но по мне, сойдешь!

— Никто лучше Аманды не умеет надувать губки,— Картер, казалось, не обратил внимания на последнее замечание Флита.— Уж это ты должен признать!

— Хорошенькое дельце! Ничего другого она и не умеет делать! Разве что вносить полнейшую сумятицу в съемки!

— Нам с ней работать, Флит, точно также, как и со сценарием. Не забывай, сценарист — племянник продюсера фильма! Но я, все-таки, поговорю с Нафудом. И не думаю, что эта картина повредит твоей актерской карьере.

Разговор начинал утомлять Картера.

— Мы же говорим не о моей карьере, парень! Мы говорим о человеческой гордости и, в частности, о моем чувстве собственного достоинства,— нос Флита подался вверх.

— Если такие вещи, как гордость и достоинство, так важны для тебя, ты должен не оглядываясь бежать из кинобизнеса.

— Да, наверно,— Флит усмехнулся.— Ладно, парень, поговори с Нафудом, ну а если у тебя ничего не получится, не расстраивайся. Не хочу, чтобы ты задерживался здесь дольше меня. Чем скорее мы спихнем эту дребедень, тем скорее я выберусь отсюда. Но у меня есть гордость! Так-то!

— Наверно, ты мог бы выбрать другое время, чтобы показать нам, какой ты гордый. От тебя здесь пока что требуется только показывать профессиональное мастерство. Подумай об этом.

— Попытаюсь, не завожусь! А сейчас схожу-ка я съесть пару сэндвичей,— Флит направился к трейлеру, в котором размещалось кафе.

Картер обнаружил, что он один остался на съемочной площадке, только рабочие за его спиной восстанавливали разрушенную стену сарая, больше никого не было. Последний снимаемый эпизод был затянутым, трудным для актеров, сложным для постановки и съемки, но бунт Флита разразился под конец эпизода, и отснятые кадры можно было не переснимать.

Обещание Картера поговорить с Нафудом не было пустым звуком, хотя больших надежд на этот разговор вряд ли стоило возлагать. Скорее всего, Нафуд откажется что-либо менять или же пообещает, но позже продублирует требуемый текст, как ему вздумается. Участие Картера в съемках к тому времени закончится, и что будет с отснятыми метрами пленки в монтажный период, меньше всего волновало его.

Он думал о том, что ждет актеров сегодня. Если бы съемки были студийными, Нафуд, вероятно, объявил бы перерыв, чтобы страсти поутихли, но они работали на местности, и остановка съемок могла вылететь в кругленькую сумму.

В следующем эпизоде должно было быть отснято нежное воссоединение капитана со своей любимой. Учитывая настроение Аманды, Картер с ужасом ждал второй половины дня, когда ему придется сниматься в бесчисленных мучительных для него дублях.

Он направился к кафе и вдруг почувствовал, что его бьет дрожь. Долгие съемки последнего эпизода измотали его, по телу струился пот. Местное телевидение утром обещало похолодание к вечеру в центральной Джорджии, и, почувствовав холодное дуновение ветерка, Картер безоговорочно поверил в прогноз.

Он прошел половину пути, когда чей-то голос вывел его из задумчивости.

— Мистер Картер, мистер Картер!

— «Ой, только не сейчас!» — подумал он устало, когда, обернувшись, увидел спешащую к нему уменьшенную расстановкой фигурку Трань Хо. Впереди нее рассекал воздух микрокассетный магнитофон. Очень уж он походил на саблю вымышленного капитана армии Союза, когда тот бросался на врага! Но разве могла сабля сравниться с магнитофоном в силе своей смертности? Сабле было до магнитофона далеко!

У Картера не в первый раз возникла мысль, что этот магнитофон не был вещью, существующей отдельно от Трань Хо, он стал прямоугольным отростком ее тела и угрожающе торчал из руки, пугая черным гляncем своих боков.

Бульварная газетенка, которой Трань Хо продавала свою писанину, явно не стоила бумаги, потраченной на нее. Картер избегал репортеров, их рассказы основывались на случайных фотографиях, откровенных сплетнях и нелепых домыслах. Однако, открытое пренебрежение репортерами таило опасность. Был риск, однажды, взяв в руки газету, натолкнуться на набранные жирным шрифтом строчки: «Джейсон Картер презирает журналистов, а также женщин и мужчин всех остальных профессий. Наихудший фильм в истории кинематографа — с его участием!» С этими ребятами не было никакого сладу. Если вы говорили им правду, они перевирали ее. Если вы говорили ложь, то выдавали ее за правду. Если вы ничего не говорили, они выдумывали что-нибудь совершенно немыслимое и небылицами заполняли газетные полосы.

Картера не покидала мечта, что в случае, если северные вьетнамцы будут настолько любезны, что не откажутся принять Трань Хо в один из своих «лагерей перевоспитания», его коллеги согласятся сброситься на один билет до Вьетнама.

Она подошла к Картеру, когда тот наполнял пластиковый стакан чаем из бака с надписью «сладкий»:

— Я слышала, у вас сегодня что-то стряслось на съемочной площадке.

Магнитофон болтался перед его губами, как экзотический африканский паразит, приноравливающийся, как ловчее пролезть во внутренности. Глаза Трань Хо лихорадочно блестели. Она чуяла скандал, как овчарка чует мертвую овцу за полмили.

— Ничего не случилось! — отстранился Картер.

— Ну уж нет, Джейсон! Я слышала, что произошел скандал!

— Мне жаль, никто не умер.

На ее лице, однако, не промелькнула тень разочарования. Люди в Джорджии умирали каждый день, и при желании каждую смерть можно было обратить в занимательную статейку.

— Я слышала, разбушевался Мелроуз Флит. Он отказался доигрывать эпизод.

Картер отхлебнул чай из пластикового стакана.

— Съёмки не были легкими, Мел немного переутомился, вот и все!

Как хотелось Картеру, чтобы съёмки поскорей закончились! Может статься, в следующий раз ему удастся заполучить роль получше. Но сейчас необходимо сохранять спокойствие и делать свою работу как надо, и, может быть, после этой чепухи ему предложат что-нибудь стоящее, роль, которая позволит ему играть, а не принимать позы, мужественно выпячивая грудь. Как ему надоело корчить из себя героя и ослеплять камеру своей знаменитой улыбкой! А если посдерживать улыбку? Представив себе разочарование Нафуда, Картер усмехнулся.

— Может быть, случилось что-нибудь смешное? — с надеждою спросила Трань Хо.

— Ничего, что могло б заинтересовать тебя, — он посмотрел на нее сверху вниз.

Тонкие черты лица и миниатюрная фигурка делали ее похожей на безобидную овечку, но впечатление было обманчиво. «Вкрадчиво говорить и всегда иметь при себе магнитофон — вот что необходимо в этой профессии», — размышлял Картер.

— Мне все сгодится! Ну, давай же, рассказывай, Джейсон! — настаивала Трань Хо. — В статье я выставлю тебя в самом лучшем свете! Я уверена, когда картина пойдет в прокат, все увидят, сколь ты в ней великолепен! Ты проявишь себя в ней с лучшей стороны, нет сомнений!

«У меня нет лучшей стороны, — подумал он, — впрочем, как и худшей». Об этом толковали в кинематографических кругах, а он всеми фибрами души желал, чтобы режиссеры перестали эксплуатировать его наработанный имидж.

— Дай мне передышку, Трань. Я же ведь не сделал тебе ничего плохого, не так ли? А здесь я ради карьеры серьезного актера! — пошутил он.

— Серьезного актера? — она прыснула. — Я знаю все твои достижения наизусть, Картер! «Ядовитое чудовище», «Отчаянные рубаки Манхэттена» ...а как назывался тот фильм, в котором ты снимался в прошлом году в Италии и еще завоевал потом награду Академии? Ах, да! «Геркулес встречает Джесси Джеймс»!

Она назвала три. Картер же про себя насчитал пять фильмов.

— У англичан совсем другие проблемы,— сказал он.— Актер может играть в течение одной недели в «Короле Лире», а потом спокойно сняться в непритязательном фильме. Главное — это работа.

— Послушай, Картер, я помогу тебе, ты помоги мне! Мне нужен хоть какой-нибудь материал! Мне платят за каждую колонку.

Она бросила быстрый взгляд на трейлер, приютивший главную героиню фильма:

— Хорошо, давай договоримся, я напишу, что эта картина стала значительным этапом в росте твоего актерского мастерства, а сейчас,— ее голос упал до заговорщического шепота,— Расскажи мне, наконец, что-нибудь занимательное!

— Скабрезное? — уточнил Картер, Трань уже исходила слюной.— Джейсон Картер нанчит двухголового ребенка Аманды Петерс или что другое в таком роде?

— Это бы подошло,— она даже не моргнула глазом,— но я не видела детей на съемочной площадке, ни двухголовых, ни обычных. С меня бы хватило, если б ты хотя бы сказал, с кем Аманда Петерс спит,— магнитофон по-прежнему маячил перед его лицом.— Не с Нафудом, это точно, она терпеть его не может. Быть может, с тобой? Должно быть, она не прочь прыгнуть к тебе в постель, Джейсон, как, впрочем, любая из вашей киногруппы, а?

— Я приехал сюда, чтобы работать, а не валяться в постели,— отрезал Картер.

В глазах Трань Хо мелькнуло озарение:

— Тогда, значит, с Флитом? Или с тем малым, что играет главного насильника?

— Понятия не имею, с кем она спит,— устало ответил Картер,— меня это не интересует.

Магнитофон сжалился и отодвинулся от лица.

— Если б ты и знал, то все равно оставался бы нем, как рыба, разве я не права?

Картер взглянул на Трань Хо как на диковинный фрукт.

— Для того ли твои родители сели в лодку и бежали от несправедливостей режима Северного Вьетнама, чтобы в Америке ты приставала к людям?

— Они хотели жить в свободной стране. Здесь они сумели поставить на ноги троих детей. Их дочь окончила с отличием Ирвинский университет и получила степень по журналистике, но в связи с тем,— продолжала она,— что кресло главного редактора «Нью-Йорк Таймз» было уже занято, а «Экономисту» не требовались зарубежные корреспонденты, приставать к людям оказалось лучшим занятием из того, что могла найти их дочь. Я зарабатываю меньше, чем главный редактор «Нью-Йорк Таймз», но больше, чем зарубежные репортеры «Экономиста», и мне нравится общаться с интересными людьми.

Картер заметил, что в нем шевельнулось сочувствие.

— Неужели я кажусь тебе интересным?

— Ну, не особенно, но ты самый большой красавчик из тех, кого мне когда-либо доводилось видеть.

— Господи, как же мне это надоело! Почему люди не желают видеть во мне актера?

Трань Хо сделал шаг назад и оглядела его с ног до головы:

— Ну, я полагаю, когда-нибудь они его в тебе рассмотрят, и то, что ты высок, светловолос и выглядишь великолепно, не должно для этого стать непреодолимым препятствием. Каждому приходится нести свой крест. Мой крест — срок сдачи материала, твой — привлекательная внешность. Я вижу по твоим голубым глазам, ты все понимаешь. Ты догадываешься, что в этом мире найдется тысяча неудовлетворенных собой людей, которые охотно поменялись бы с тобой местами?

— Знаю, знаю. Веришь ты мне или нет, но я ненавижу свою внешность,— был искренен Картер.

— Даже зарабатывая на ней сто пятьдесят тысяч долларов за одну картину? Бросай все это и отправляйся играть в пьесах Ибсена!

— Я так и сделаю,— ответил он.

— Конечно! Сделай! И двадцать человек, возможно, придут в театр, чтобы взглянуть на тебя, Джейсон Картер. Ты не такой уж скверный малый, хотя и не очень-то разговорчив! Я не стану о тебе писать. Меня больше интересуют постельные битвы мисс Петерс. Однако, у нас с тобой много общего!

— У меня ничего нет общего с тобой! — Картера коробил разговор.

— Неужели? Ты получаешь роли в дешевых картинах, а я пишу о звездах, которые играют в этих дешевых картинах, и мы оба пытаемся пробиться наверх. На побережье снимают фильм об угоне «Шатла», в главных ролях Шайдер и Костнер. Вот было б здорово получить задание редакции и съездить к ним! Но какое там! Разве может мне подвалить такое счастье? — она отвернулась от Картера.

— Если бы ты не руководствовалась в своих поступках моралью кобры и была б немного талантливее огородной репки, то нравилась бы мне больше, Хо.

— Не стоит об этом! Наш разговор становится опасным для тебя. Ты слишком чувствителен. Но если бы ты передумал и согласился бы стать моим источником информации, я могла б сотворить чудеса для твоей карьеры!

— Спасибо, свою карьеру я сделаю как-нибудь сам! — возмутился Картер.

— Конечно, конечно! Какую следующую картину подобрал тебе твой агент? — она театрально сдвинула брови. — Что-то о том, как ты и трое других ребят оказываются в Бразилии, теряют деньги, одежду и сдерживающие начала и плывут на моторной лодке по одному из притоков Амазонки, впереди неизвестность?..

Он отвернулся:

— Я не давал согласия на участие в этом фильме.

— Твой агент давно проболтался мне!

Картер резко повернулся:

— Как ты умудряешься откопать подобные вещи?

— Это же моя работа! — она засунула магнитофон в карман. — Подумай, Джейсон! Ты даешь мне информацию, и я оставляю тебя в покое. А если нет, — сказала она уходя, и змеиная улыбка заиграла на ее губах, — я уж постараюсь сделать тебе пакость.

Картер проводил ее взглядом. Миниатюрные азиатские формы были не лишены привлекательности, но он заставил себя вспомнить все, что знал о ядовитых тварях и о существовании правила, гласившего: чем меньше создание, тем оно ядовитее.

Съемочной группе становилось все труднее не обращать

внимание на крики, доносившиеся из трейлера мисс Петерс. Беседа Нафуда с исполнительницей главной роли проходила, очевидно, далеко не гладко.

Неожиданно Картер осознал, что его разглядывают и указывают на него пальцами. Хорошо одетые туристы явно были обеспеченными людьми. Он автоматически улыбнулся, чем спровоцировал бурную реакцию ответных, счастливых улыбок и энергичных приветственных жестов. Все это давно стало для него привычным. Он успел устать от постоянного внимания к себе.

Допивая свои чай, он позволил туристам пощелкать фотоаппаратами, что они исправно делали, пока их гид, кто-то из занятых в съемках пуэрториканцев, не увел их.

Картер направился к трейлеру, который не был столь велик, как трейлер Мисс Петерс. Это был его трейлер. В контрактах оговаривалось, помимо всего прочего, сколько молекул кислорода должен потреблять за сутки каждый исполнитель. Впрочем, подобные вещи Картера мало трогали. Он с большим удовольствием ночевал бы и в простой палатке где-нибудь в лесах штата Джорджия.

В траве что-то блеснуло и привлекло его внимание. Сначала он подумал было, что это ювелирное изделие, но, встав на колени, обнаружил в траве небольшой металлический диск диаметром в два дюйма. Когда он его поднял, полуденное солнце заиграло на его поверхности всеми цветами радуги.

Он стер грязь с обеих сторон диска и осмотрел его. Никаких повреждений не было, как не было и никаких надписей. Он огляделся, но никого не обнаружил поблизости. Никто не бродил по площадке в поисках потерянной вещицы.

По пути к своему трейлеру Картер показывал диск каждому встречному, но его хозяин так и не нашелся.

Когда он добрался до своего временного жилища, набежали тучи и принялся накрапывать послеполуденный дождь. Грохочущий звук прокатился по сырому воздуху и Картер так и не смог разобрать, шел ли он с небес или со стороны трейлера Мисс Петерс. Но даже если бы Нафуду и удалось уговорить исполнительницу главной роли продолжить сегодня съемку, из-за дождя об этом не могло быть и речи.

Картера обрадовала неожиданная передышка. Он сможет расслабиться и немного почитать. Дробный стук дождя по крыше трейлера успокаивал его. Он осторожно положил таинственный диск на кухонный столик и направился поискать какой-нибудь журнал.

Глава 2

О'Лал совершенно отчетливо ощущала помехи. Они были почти неуловимы, но бесспорны. Кто-то стремился нарушить в мире мерный ход вещей, и ничтожный сдвиг абсолютного равновесия был достаточно веской причиной для ее беспокойства, но она посчитала преждевременным предупредить об опасности Других. Не потому, что никто не сумел бы ей помочь, а потому что Наблюдатели далеко отстояли друг от друга, и каждый нес ответственность за свой участок работы. Этот мир целиком находился под ее ответственностью.

Тот факт, что помехи были крайне незначительны, свидетельствовал о том, что их виновник полностью отдавал себе отчет в том, чем он рискует, вторгаясь в запретную зону. Зафиксировав помехи, О'Лал, однако, никак не могла установить их виновника, не обнаружив при этом себя, что не следовало делать ни в коем случае. Этот шаг мог повлечь за собой нарушение естественного процесса социальной эволюции в мире, который она была призвана охранять, и она ревностно исполняла свои обязанности.

Но кто-то пытался внести в этот мир разлад, и хотя пока не было серьезных причин для беспокойства, так как помехи оставались столь незначительными, что едва касались поверхности ее сознания, их виновник, однако, был совершенно реален по своему происхождению и являл собой закономерный выверт мутационной мимикрии.

Помехи продолжали доходить до ее сознания, и она решила, что это никто иной, как Шихараранет. Помехи несли в себе его отчетливые характеристики. Но все Шихараранеты на этом участке ей были известны. Значит, выходило, ощущения обманывали ее?

Она так не думала. Какой-то примитив к тому же принялся разгуливать по поверхности ее физического восприятия, но он не был Шихаром, хоть и был на него похож. Этот примитив остановился, чтобы ее рассмотреть, но воспринял он только незначительную часть того, что мог бы воспринять зрелый Шихараранет. Жители этого мира развивались и зрели, но им еще нужно было пройти огромный путь, чтобы приблизиться к уровню сознания Наблюдателей.

Они начинали уже адекватно воспринимать окружающий их мир. Их первые робкие попытки проникнуть в пространственно-временной континуум сдерживались недостаточным развитием мышления. Им еще только предстояло научиться управлять пространством и временем, чтобы получить возможность перейти на более высокий уровень восприятия мира. Они все еще оставались привязанными к местам, где высокая концентрация материи создавала соответствующую гравитацию. В этом они очень сильно отличались от Шихараранетов, для которых путешествия сквозь разнообразно-организованную реальность были привычны.

Пространственно-временные прыжки оставались за пределами возможностей туземцев. Время от времени кто-нибудь из них случайно попадал между плоскостями бытия и возвращался назад, даже не осознав, что совершил перемещение. Они всегда оставались живы, но не отдавали себе отчета в том, что с ними произошло.

О'Лал не удивилась, когда самец приблизился и его глаза впились в ее глаза. Взгляд у этого примитива, как у настоящего Шихара, с удовлетворением отметила она. Но во взгляде примитива не было интеллекта Шихараранетов. О'Лал оглядела оценивающе самца.

Пожалуй, жаль, что она не из тех, кто любит затеять флирт с примитивом. Это был великолепный экземпляр, поджарый, мускулистый. Его доза являла собой смесь сдерживаемой враждебности, любопытства и похоти. Обычное для примитивов сочетание.

Когда он приблизился к ней вплотную, она тщательно рассчитала угол для прыжка и отступила. Примитив не мог преследовать ее. Она почувствовала, как кривая плоскость,

выбранная ею для бегства, понесла ее. Вверх или вниз, не имело значения. Направление движения при перемещении не играло никакой роли, так же как и гравитация.

Ошарашенный примитив дико озирался, но никаких следов своего присутствия О'Лал ему не оставила. Она перелетала из одной реальности в другую. Зрелый Шихар мог бы последовать за ней, беспрепятственно преодолевая перегородки пространственно-временного континуума. Примитив не мог.

Она вынырнула не так далеко во времени, но на значительном расстоянии в пространстве. Другой город, другое полушарие. На этот раз никто не увидел ее, хотя иногда случалось, кто-то оказывался невольным свидетелем ее появления. Но примитивы и представители элементарных родов, с которыми примитивы делили свой мир, были совершенно не способны правильно оценить ее способ передвижения. Они полностью отдавали себя во власть несущей успокоение реальности. Появление О'Лал никогда не влекло за собой каких-либо последствий.

Она снова и снова убеждалась в том, что помехи — результат деятельности зрелого Шихара. Они цеплялись за поверхность ее сознания и никак не желали исчезнуть. Уже прошли годы с тех пор, как она ощутила их. И каждый раз, когда она делала попытку начать преследование, они бесследно растворялись, как бы издеваясь над ее стремлением. Она проявляла настойчивость и прилежание, но даже более опытный Наблюдатель вряд ли смог бы поймать этот источник помех.

Не могла она тратить свою энергию на то, чтобы выслеживать призраков. У нее было достаточно дел. На ней лежала забота о недоразвившихся Шихарах этого мира, а подающих надежды Других нужно было осторожно вести по пути цивилизации. Однако, помехи никогда не исчезали надолго. Время от времени их отголоски заставляли ее настораживаться.

Где-то ждал своего часа неизвестный Шихар, и он вынашивал враждебные миру планы разрушения. Она должна была расстроить его замыслы и при этом сохранить себя в тайне. Ее ждала огромная работа и великое множество с первого взгляда незначительных, но чрезвычайно

важных мелочей. Работа Наблюдателя требовала полной отдачи, но велика была и награда. Не один, а два вида находились под ее неусыпным вниманием: Шихары и Другие, и видеть, как они успешно развиваются, было величайшей наградой, какую только мог получить Наблюдатель.

У нее не было никакого желания стать свидетелем того, как однажды какой-то Ренегат сведет на нет все ее усилия.

Где-то на небе есть Бог, думал Джейсон Картер, и он заботится о дураках, идиотах и склонных к самоубийству режиссерах. Думал он так, потому что тучи на небе рассеялись и дождь прекратился, как, впрочем, и скандал.

После продолжительной беседы со своим совершенно лишенным вкуса, но не здравого смысла агентом, доходчиво растолковавшим преимущества какой-либо работы перед полным ничегонеделаньем, Мелроуз Флит соблаговолил вернуться на съемочную площадку и выдал оставшийся текст с таким пафосом, что даже заслужил аплодисменты измученных членов съемочной группы.

Аманда Петерс, урожденная Этель Беркович из Тоупа, штат Оклахома, также исполнила заключительную сцену с воодушевлением, продемонстрировав высокий стиль игры, и умудрилась одновременно перевоплотиться в обезумевшую от горя сироту, благородную южную красавицу и облаченную в костюм периода Гражданской войны нимфоманку. После того как звукорежиссер заверил Нафуда, что случайно вырвавшиеся у нее и не предусмотренные сценарием нецензурные слова легко можно убрать со звуковой дорожки, режиссер объявил съемочной группе, что он, наконец счастлив.

Облака еще не успели разойтись окончательно, обеспечив тем самым съемкам рассеянное освещение, которое еще более драматизировало и без того трагический эпизод. Когда же только что отснятые пленки оказались в коробках, дождь возвратился таким потоком, что, пролейся он сотню с небольшим лет назад над Атлантой, он моментально потушил бы пожар той исторической битвы.

Картер добежал под дождем до трейлера, в котором располагалась гардеробная, скользнул за ширму и принял-

ся снимать костюм. Также как и другие костюмы актеров, его наряд должен был быть упакован, пронумерован и отправлен в Лос-Анджелес для хранения на случай повторных съемок.

Картер проворно впрыгнул в джинсы, надел спортивный свитер и теннисные туфли, вышел из-за ширмы и протянул форму капитана армии Союза немолодой женщине за стойкой, которая, сверяя со списком, лежащим у нее на коленях, каждый отданный ей предмет, принялась болтать с Картером.

— Готова биться об заклад, ты рад окончанию съемок,— согласные звучали резко, будто кто-то дергал струны гитары.

«Техас!» — подумал Картер. Он никогда бы не решился спросить ее, откуда она родом, но этого и не требовалось, акцент ее выдавал. Он пожал плечами:

— Обычные разногласия в профессионально-актерских интерпретациях!

Она презрительно фыркнула:

— Ты имеешь в виду разногласия в профессионально-актерских совокуплениях? Но ты, кажется, остался незапятнанным, не так ли? В этом бизнесе так и следует поступать, дорогой! Несмотря на твою внешность и твой голос, ты умудряешься сохранять равновесие тела и духа! Я всегда говорила, что профессия не имеет значения, когда речь идет о характере человека.

Она сунула его офицерскую кепку в пластиковый пакет и нацарапала на нем его имя.

— Говорят, придется задержаться на недельку,— продолжила она. — Нужно доснять несколько крупных планов и пару общих планов местности. Только потом мы, наконец, уедем отсюда,— она улыбнулась ему.

Картер подозревал, что ей было уже за пятьдесят. Красивая деревенской, не голливудской красотой, Марджори Эшвуд была то наполовину кокеткой, то наполовину заботливой бабушкой, и в обоих случаях профессионалкой. На своей машинке, оснащенной лазерным компьютером, она могла тут же, в трейлере, сшить новый костюм быстрее, чем другие швеи подрубали кромку. Он ответил ей улыбкой, но поморщился, когда она добавила:

— Я слышала, ты собираешься сниматься в Южной Америке.

— Возможно, — пробормотал он.

— Фильм о реке или что-то в этом роде, не так ли?

— Я не хотел бы говорить об этом. Все еще не решено окончательно.

— Можешь не рассказывать, — она застегнула его офицерский китель, повесив его на пластиковую вешалку. — Запомни, ты говоришь со старушкой Мардж, и можно не бояться сболтнуть лишнее.

Она нажала кнопку, приводящую в движение вращающуюся вешалку, и повесила костюм рядом с его собратьями. Вешалка была забита до отказа. Исторические картины требовали огромного количества костюмов. Когда она вешала брюки, небольшая вещица выпала из переднего кармана, но не успела упасть, Мардж поймала ее на лету и поднесла к свету:

— Что это?

— О, я совсем забыл! — он расправлял свой плащ. — Я нашел этот диск в траве. Показывал всем, но хозяин не отыскался.

Он задумался:

— Сегодня на съемочную площадку наведывалась компания ротозеев. Кто-то из студийных подхалимов их сопровождал. Наверно, один из туристов потерял эту вещицу. Нет никакой надписи.

— Я вижу! — свет отразился от серебристого диска, когда Марджори повернула его. — Похоже, это компьютерная дискета. Странно, что нет надписи. Может, наклейка отвалилась?

Она подняла на Картера свои такой же голубизны, как у него, глаза:

— Давай-ка посмотрим, что на этой вещице записано!

— Не уверен, стоит ли, — возразил Картер, — это частная собственность.

— Черт возьми! А если здесь контрабандная копия записи какого-нибудь концерта? Очень даже возможно, судя по отсутствию наклейки! Мы должны выяснить имя хозяина, чтобы ты возымел удовольствие возвратить этот диск его законному владельцу.

— Почему я? — удивился Картер.

— Потому что нет прока в том, что верну я! А ты заполучишь себе верного поклонника на всю оставшуюся жизнь.

Она повернулась и села за клавиатуру, компьютер загудел, когда она включила его в сеть и сунула диск в двухдюймовую прорезь. Пробежавшись по клавиатуре, она сбросила швейную программу и настроила компьютер на поиск. Картер терпеливо ждал.

— Сегодня утром забегала одна восточная девица, разыскивала тебя, — Марджори Эшвуд говорила, не переставая играть клавишами компьютера. — Она репортер?

— Ее зовут Трань Хо, и репортер — это слишком громко для нее сказано. Она проныра-профессионал.

— Неужели? Я подумала, дело просто в том, что ты ей нравишься!

— Ей нравится каждый, из кого есть что вытянуть. Она, думаю, переспала бы со мной, но не ради секса как такового, а для того, чтобы выудить из меня какую-нибудь информацию для своих статей.

— Знаю я подобных девиц! Они испытывают оргазм каждый раз, когда их ушей достигает очередная сплетня.

Замечание Марджори не удивило Картера. Несмотря на внешность и замашки заботливой бабушки, Эшвуд имела здоровое молодое чувство юмора. Кроме того, она ведь работала в кино уже тридцать лет.

— Она и меня пыталась раскрутить!

— Ты, конечно же, не дала ей никакого повода для газетных сплетен.

— Разумеется! — Эшвуд подняла на него возмущенный взгляд. — Мне скоро выходить на пенсию, и я не собираюсь ею рисковать, распространяя слухи, которые могут вывести на меня.

Она наклонилась к экрану, всматриваясь в него поверх своих бифокальных очков.

— Это интересно! — воскликнула она.

— Что там? — он попытался взглянуть на экран через ее плечо.

— Посмотри сам!

Он уставился на экран, но понять ничего не смог.

— Ты знаешь, я не разбираюсь в компьютерах, Марджори! Я вовсе не из тех актеров, которые хотят быть и режиссером, и продюсером, и осветителем, и оператором в одном лице. В технике я разбираюсь не больше герани.

— А здесь и разбираться нечего! Содержание диска надежно защищено от постороннего любопытства. Система записи слишком сложна, и потому вряд ли на этом диске записана контрабандная копия какого-нибудь дешевого концерта. Мы имеем дело с записью важной информации.

Она прошла снова пальцами по клавишам. Слова и цифры заплясали на экране.

— Что ты собираешься делать?

— Попытаюсь разобраться в системе кода. Ага, вот мы и приехали! Код не так уж сложен, как я думала. Для новичка — быть может, но я-то ведь в этом деле не новичок!

Картер беспокоился.

— Возможно, мы лезем, куда нам не следует совать нос!

— Успокойся! Если бы здесь было что-нибудь действительно важное, ну, какая-нибудь правительственная или оборонная информация, мне не удалось бы так легко разгадать код. Но это также не имеет никакого отношения и к коммерческим программам. Посмотри-ка! — она торжествующе кивнула на экран. — Имя и адрес владельца диска! Вот, пожалуйста! Мы сделали хорошее дело! Здесь говорится о вознаграждении тому, кто найдет и вернет диск в случае его потери.

Ее пальцы снова взвились над клавиатурой:

— Что же это он так хочет вернуть себе назад?

Картер положил руку на ее плечо:

— Мы не имеем права, Марджори! Возможно, здесь что-нибудь очень личное: семейные дела, например, или налоговая информация... Мы же не знаем!

— А разве тебе не любопытно узнать?

— Не очень!

— Вознаграждение — тысяча долларов! — она постучала пальцем по экрану. — Он живет в Джорджии. Не далеко! Я не знаю, правда, где находится Брансуик, но можно же

отыскать по карте. Давай-ка, Картер, вместе съездим и разделим вознаграждение пополам.

— Мне не нужны эти деньги, Марджори, — он глядел на нее с улыбкой.

Ее предложение разделить вознаграждение говорило о том, что голливудские нравы мало повлияли на Марджори Эшвуд.

— Я, конечно, не стану настаивать, чтобы ты взял себе деньги, но я была бы рада, если бы ты составил мне компанию. Мы могли бы поделить время за рулем, если ты не хочешь делить вознаграждение. Решайся, дорогой! Я буду постоянно высовываться из окна машины, чтобы все думали, что ты мой жиголо. Доставь удовольствие старой девушке! Завтра воскресенье! Я уверена, до понедельника мы работать не начнем.

— Нафуд говорил, нам следует поторопиться, — лениво ответил Картер.

— Ага! И первое, что он сделал, это спросил у актеров их мнение насчет даты отъезда. Спустись на землю, красавчик! — сказала грубо Эшвуд.

Картер размышлял. Его первой мыслью было, что, несмотря на разницу в возрасте, Мардж пытается соблазнить его и, стало быть, их профессиональные отношения под угрозой. Но тут же он осознал нелепость подозрений. Если бы Марджори Эшвуд этого хотела б, она бы поставила вопрос прямо и гораздо раньше.

— Давай-ка прежде всего отыщем на карте это место, — сказал он.

— Ты решился? Великолепно!

Она, вынув диск, включила основную программу и атлас адресов. По почтовому индексу компьютер отыскал Брансуик.

— Побережье Южной Джорджии! Не так уж близко! — прокомментировал Картер. — Немного дальше на юг, и ты уже во Флориде!

— По мне, так это совсем не плохо. Я давно мечтала прокатиться по южным штатам. Никогда не приходилось прежде бывать в тех краях, — она одарила его улыбкой с хитрецей. — Я не столь уж много путешествовала, в отличие от некоторых.

— Забавно, но только сейчас мне пришла в голову мысль, что на самом деле я не видел тех мест, где снимались фильмы.

— Ну так ты едешь? Мы составим с тобой интересную парочку! Наше появление будет вышибать всех встречающих местных жителей из колеи.

Картер решил, что, действительно, не так уж плохо избавиться на некоторое время от гнетущей атмосферы съемок, увидеть новые места, встретить новых людей... У Тимстеров, у которых он обычно околачивался по воскресеньям, были свои планы на ближайший уикэнд. Кроме того, он неоднократно слышал о небывалых красотах южного побережья Джорджии.

— Почему бы и нет? — он застегнул пуговицы своего плаща. — Я возьму напрокат машину.

— Это тебе, пожалуй, можно доверить, — удовлетворенно сказала Марджори Эшвуд.

Глава 3

На пути к южному побережью они держались 95-ой дороги, затем севернее саванны, свернули на федеральную 16-ую, откуда пролегал прямой путь на юг.

Городок Брансулик утопал в густой зелени, что всегда несказанно восхищало всех прибывших из Южной Калифорнии. Повсюду возносили к небу свои кроны сосны, за исключением восточной части города, где заросшие тростником протоки отделяли побережье от живописной цепочки островков.

Адрес привел их всего лишь навсего к небольшой колонии частных почтовых ящиков, но настойчивость Эшвуд и безудержность улыбки Картера помогли им выведать у сотрудника почтовой службы местопроживание владельца диска. Неохотно тот назвал его.

Эшвуд заметила совершенно справедливо:

— Мы же не можем требовать вознаграждение у почтового ящика!

Владелец диска жил на одном из небольших островов, который располагался невдалеке от более крупного острова Сент-Саймон. Пользуясь дорожными указателями, они ехали сначала по оживленному шоссе, затем по массивной дамбе, потом мимо коттеджей и торговых центров, пока не оставили, в конце концов, позади себя дамбу поменьше, оказавшись совершенно неожиданно на великолепной аллее, обсаженной громадинами-дубами.

Улочки, носящие названия цветов, птиц и животных пролегали перпендикулярно как к материку, так и к Атлантическому океану. Дома отличались разнообразием стилей. Можно было увидеть особняки, построенные в фермерском стиле пятидесятых, то тут, то там были разбросаны кастильские здания и бетонные крепости, украшенные в стиле Баухаус.

На улочке Робин-лейн стояло только четыре дома. Последний из них, сплошь кирпич и стекло, смотрел на Атлантику. Подъездной путь к нему преграждали мрачные кованые ворота. Уж насколько мало Картер разбирался в подобных делах, но и он видел, что дом бездарно спроектирован и еще хуже исполнен.

— Неплохой домишко,— прокомментировал Картер, уничтожая его скромной похвалой.

— В Беверли-Хиллз он сошел бы за будку смотрителя, а здесь он, наверное, считается верхом совершенства,— проворчала Эшвуд.

Переговорное устройство располагалось на столбе справа от ворот. Эшвуд опустила оконное стекло, высунулась из машины и взяла трубку. После недолгой паузы ответил мужской голос.

— Кто это? — владелец голоса говорил немного в нос и растягивал слова, что выдавало в нем скорее уроженца Новой Англии, чем этих мест.

— Меня зовут Эшвуд. Со мной мой друг, и у меня к вам есть один вопрос. Не были ли вы случайно на днях в районе Мейкона?

Последовала пауза.

— Кто вы такие, и что вы хотите? Я очень...

— ...занят,— закончила за него Эшвуд.— Я знаю, все мужчины всегда очень заняты. Но ответьте на мой вопрос.

Не были ли вы недавно на съемочной площадке и ничего ли вы не потеряли?

На этот раз паузы не было.

— Вы нашли?

— А что вы потеряли?

— Небольшой диск с записью некоторой информации,— нетерпеливо ответил голос.— Очевидно, вы его нашли, потому что иначе вы не разыскали бы меня. Подождите секунду.

Бестелесный голос сменился жужжанием скрытого мотора, и тяжелые ворота разъехались в стороны.

— Припаркуйтесь у главного входа, пожалуйста, я вас встречу.

— Не спешите,— попросила Эшвуд.— Я хочу увериться, что именно вы владелец диска, а не привратник, нанятый присматривать за домом. Ваше имя...— она помедлила, вспоминая,— Брайтон Фивик?

— Февик! — отрезал голос.— Февик, а не Фивик!

Когда Картер подогнал машину к главному входу, по лестнице быстро и легко сбежал Февик. Двигался он с изяществом, неожиданным при его полноте. У него были светлые волосы, карие глаза, а внешность и манеры — взрослого ребенка. Вопреки ожиданиям Картера, он был довольно молод, самое большее, тридцать лет.

— Я очень вам благодарен!

«Определенно, он из Новой Англии»,— подумал Картер. Все же он был неплохим актером и слету улавливал любой акцент.

— Я некоторое время работал с этим диском и, надо же, потерял его! Пожалуйста, заходите.

— Должно быть, этот диск для вас — большая ценность! — сказала Эшвуд.

А Картеру она шепнула:

— Стал бы он иначе повсюду его таскать с собой! Надо будет взять с него две тысячи!

— Марджори! — укоризненно покачал головой Картер.

Он ожидал увидеть прислугу, но в доме не было никаких признаков жизни, когда Февик вел их через весь дом в свой кабинет, который также служил ему библиотекой.

— Глупо было с моей стороны, — сказал хозяин дома, — носить диск с собой.

— Действительно, — Эшвуд сделала вид, что разглядывает книги на полках.

— Вы, очевидно, знакомы с работой системы, раз вы проникли в нее достаточно глубоко, чтобы узнать мое имя и мой адрес.

— Мне, действительно, приходится работать с записями визуальной информации, — неопределенно ответила Эшвуд, а про себя подумала: «Он выглядит так же глупо как снеговик, занимающийся серфингом. Только он розоват, вместо того чтобы быть белым, и ему не хватает угольков вместо глаз и морковки во рту, и он не ходит в перекладку, как можно было бы ожидать от снеговика, он покрывает расстояние, как чемпион по спортивной ходьбе».

В отличие от своей спутницы Картер нашел комнату очаровательной. Ему только однажды случилось в жизни видеть большее, чем здесь, собрание книг в частной библиотеке. Это было в доме главного продюсера, когда решался вопрос, приглашать ли Картера на роль. Каждая книга в том собрании выглядела совершенно новой, вероятно, потому, что пальцы людей не касались ее с тех пор, как она покинула переплетный цех. Книги же Февика, напротив, всем своим видом говорили о том, что их не раз тщательно перечитывали. Они стояли на полках неровно, некоторые даже лежали горизонтально.

Огромный старинный стол занимал угол у окна, которое выходило на песчаные дюны и солончаки. Гнутые ножки и края стола украшала позолота. Поодаль располагались еще два стола. Столешница одного из них была наклонена под углом и завалена листами бумаги. Она подсвечивалась изнутри. Другой стол служил пристанищем для дюжины широких мелких ящиков, подобных тем, которые можно увидеть в офисе профессионального картографа.

Скульптуры и старинные предметы были расставлены по всей комнате: на полках, пьедесталах и просто на покрытом ковром полу. Картер вдруг увидел, что стоит около нелепой человеческой фигуры, грубо высеченной из черного дерева. Она была украшена жерьями и разноцветными бусами. Картеру показалось, что ее глаза, сделанные из

раковин каури, следят за ним, куда бы он ни пошел. Он решил, что кусок янтаря величиной с кулак, лежащий на столе, гораздо привлекательнее статуи, несмотря на дюжину насекомых, замурованных в нем.

Янтарь лежал рядом с небольшой скульптурой, которая явно была подлинником, а не копией. Художник изобразил ласки обнаженной женщины и лебедя в такой момент, что трудно было рассчитывать увидеть когда-либо изображение этой скульптуры по каналу Диснея.

— Сколько книг! — Эшвуд огляделась. — И вы их все прочитали?

— По крайней мере, некоторую часть, — весело ответил Февик.

Картер отвернулся от стола:

— Вы не станете возражать, если я спрошу, каким бизнесом вы занимаетесь?

Февик просиял:

— Самым лучшим, какой только есть на свете!

Глухой булькающий звук исторгся из его горла, и поскольку Февик не выказывал признаков горя, этот звук мог означать только смех. — Мои родители богаты до неприличия, — принялся рассказывать Февик. — Они болезненно самолюбивы, страшно умны и до смерти скучны. Поэтому, как только я получил наследство от деда с бабкой, которые были еще богаче и еще скучнее, не тратя времени, я тотчас же покинул семейный особняк и обосновался на этом острове.

— А где находится дом ваших родителей? — спросила Эшвуд.

— В Бостоне. Вы бывали в Бостоне, мистер...

— Джейсон Картер. Я из штата Миннесота. Городок, в котором я родился, находится в пятидесяти милях к западу от Миннеаполиса. Он называется...

— Ужасно интересно, — поспешно перебил Февик, и когда он улыбнулся, до актера дошло, что его грубость не была преднамеренной, по крайней мере, Февик был прям и честен ничуть не менее исполнительного продюсера или, скажем, убийцы с топором.

— Не будете ли вы так добры вернуть мне мою собственность? — попросил он.

Эшвуд вынула из своей сумочки аккуратно обернутый бумагой диск и передала его Февикку, который нежно взял диск за края и с чувством выразил ей свою признательность.

— Почему он столь значим для вас? — спросила Эшвуд, и в чем в чем, а в чувстве такта заподозрить ее Февикку стало уже невозможно.

Вместо ответа он открыл сбоку выдвижной ящик. Диск скользнул в пустой паз и успокоился рядом с дюжиной себе подобных дисков. Картер понял, объем информации, хранящейся в этом ящике огромен.

— В диске, кажется, было сказано что-то о вознаграждении, — многозначительно произнесла Эшвуд.

Февик закрыл ящик.

— Старая информация! Мне давным давно следовало бы ее стереть.

Выражение лица Эшвуд изменилось, и она взяла тон, который испугал Картера. Она перестала быть доброй старой гардеробщицей Мардж.

— Старая информация? Вы держали в руках эту вещь, как будто она вот-вот растает, а теперь говорите, старая информация?

И немного мягче она добавила:

— Неужели вы способны обманывать старую леди?

— Ну хорошо, — вздохнул Февик. — Чтобы вы не считали, что вляпались в глупую историю, я дам вам... сто долларов.

— В записи на диске вы обещали тысячу!

— Двести!

Большой рыжий кот вдруг появился на столе. Картер решил, что все это время разговора он спал под столом. Кот потерял о ногу Февика, и его хозяин протянул руку и погладил кота по спине. Полузакрытые персидские глаза кота изучали посетителей.

— Это мой Мо, — хозяин был счастлив появлению кота, Картер видел это.

— Девятьсот! — сказала Эшвуд.

— Триста, — Февик продолжал ласково гладить кота. — Вот мой лучший друг! Вы не находите, что коты гораздо симпатичнее людей?

Он окинул взглядом неподвижную Эшвуд.

— Я не Мо, и у меня нет времени, чтобы тратить его на пустяки,— сказал он.— Пятьсот.

— Ладно, пусть будет так,— согласилась Мардж.

Рот Февика был маленьким. Его улыбка утонула в толстых щеках. Усевшись за стол, он выписал чек и поднялся, чтобы отдать его Эшвуд. Та с опаской смотрела на чек.

— А с чего я могу быть уверена, что вы не приостановите платежи по этому чеку, как только мы окажемся за дверью?

Февик восторженно захлопал в ладоши:

— Какой восхитительный цинизм! Мадам, я мог бы вам вообще ничего не заплатить, но из доброты я даю вам пятьсот долларов, ценя ваше время, затраченное на поездку.

— У меня такое впечатление, что в вашей душе больше гнилья, чем доброты.

Февик поджал свои маленькие до нелепости губы:

— Вы только что изволили оскорбить меня!

— Я вас изволила оскорбить? — удивилась Эшвуд обороту речи.— Поменьше смотрите плохое кино и поскорей выбирайтесь из этого мавзолея в реальную жизнь!

— Марджори! — попытался остановить ее Картер.

— Не беспокойтесь, все в порядке, мистер Картер,— заверил его Февик.— Мне не привыкать к тому, что и моя внешность, и моя речь вызывают у людей насмешки. Но теперь, прошу вас, вы оба сделайте, пожалуйста, мне большое одолжение, покиньте мой дом.

— Так ли уж нужно было тебе его оскорблять, Марджори? — Картер сел за руль взятой напрокат машины и включил зажигание.

— Вовсе нет! Но разве это было не забавно? Этот сукин сын обещал тысячу долларов в качестве вознаграждения и надул! Каково, а? — она вынула чек.— Я готова была смять его и бросить ему в лицо, но, к счастью, вовремя опомнилась.

Она уронила чек обратно в сумочку.

— Эй, а почему бы нам не поехать через Валдосту? У нас еще есть время,— предложила она.

— Ну не знаю, звучит заманчиво.

Как только тяжелые ворота из кованого железа закрылись, толстяк, стоявший у окна на втором этаже, опустил придерживаемую рукой штору и возвратился к позолоченному столу. Усевшись, Брайтон Февик открыл ящик и осторожно достал блудный диск, который плавно скользнул в прорезь компьютера, появившегося из глубин стола, когда Февик нажал на кнопку. После сложных манипуляций с ключевыми словами экран наполнился драгоценными сведениями, хранившимися на диске, и Февик убедился, что информация осталась неповрежденной. Он позволил себе расслабиться.

Он работал над своим исследованием в университетской библиотеке штата Джорджия, когда один из знакомых предложил ему принять участие в экскурсии на съемочную площадку, и то, что он позволил уговорить себя, чуть было не обернулось для него катастрофой. Месяцы работы, горы прочитанных книг и множество изученных карт, все бы пошло прахом, если бы не корыстные побуждения этих простачков, нашедших диск.

Теперь его работа перейдет в новую стадию. Настало время провести последние приготовления. Он, конечно, сумел бы пережить утрату диска, но она продлила бы его работу еще на месяцы, а после стольких лет каторжного труда, любая задержка была для него мучительна.

Скоро весь мир узнает о его достижениях и замрет в благоговении перед его именем. Особено же его родители! Они его едва удостаивают редким словом с тех самых пор, как он; будучи студентом предпоследнего курса, объявил о своем намерении заняться исследовательской работой вместо того, чтобы продолжить семейный бизнес.

Он гладил кота и слушал его довольное урчание. Своим решением он был обязан Мо, который однажды случайно сбросил книгу с полки в библиотеке его отца. Эта книга заинтересовала тогда еще совсем молодого Брайтона и полностью изменила его жизнь. Прежде он был посредственным студентом, но в связи с открывшимися перспективами стал очень прилежным и набросился на учебу.

Его не беспокоило тогда то обстоятельство, что родители не одобряли его занятий. Их отношение к своему единственному сыну было безразличным. Они растили его как какого-то породистого пса, за которого им пришлось переплатить. Они редко беседовали с ним, и он ловил на себе их взгляды смутного разочарования.

Все изменится, когда он закончит свою работу! Им ничего не останется, как признать серьезность его научных достижений и восхититься им, потому что им восхитятся и его достижения признают все их высокомерные друзья из самых высоких кругов общества.

Он улыбнулся коту еще и еще раз, в душе благодаря Мо за тот счастливый случай, изменивший его жизнь.

Студентом Февик часто встречал бродячих котов в Кампусе, но только этот привязался к нему сразу же после первой встречи. С тех самых пор они были неразлучны.

Мы оба изгои, думал Февик, и мы оба принадлежим друг другу. Он вытащил одну из книг, стопкой лежавших на столе, и стал сличать ее содержание с тем, что было записано на диске. Совсем скоро его родители не смогут больше пренебрегать своим сыном! Они будут вынуждены признать его правоту и то, что они в отношении его глубоко заблуждались. Его репутация с каждым днем будет утверждаться, слава расти и расти, и родители сменят гнев и разочарование на восхищение своим сыном и гордость за него. Его надменный отец, в конце концов, признает, что не так уж плохо иметь в семье знаменитого археолога.

Ренегат был вполне доволен. Другой бы начал проявлять бурные признаки беспокойства, если б его так долго вынашиваемые планы оказались настолько близки к осуществлению, но этот держал себя в руках. Его ощущение времени было иным, чем у других заурядных существ, не лишенных разума.

Нельзя сказать, что игра не приносила Ренегату удовольствия. Наоборот, именно она придавала смысл его существованию, и если бы не она, он давно бы умер от невыносимой скуки.

События игры развивались пока согласно его плану,

несмотря на присутствие Наблюдателя. Ее тщетные попытки засечь его и положить конец его деятельности только добавляли остроту в игру. Ничто не помешает ему получить свое маленькое удовольствие. Скуку можно унять, только привнося в схему развития неожиданные аномалии, и если при этом погибнут миллионы существ, что ж, это игра, зато он сможет испытать острые ощущения. Он страстно предвкушал кульминацию затеянной им игры.

Однажды, лениво скользя сквозь грани бытия, он наткнулся на уникальную возможность внести беспорядок в мерный ход вещей и немедленно ухватился за нее. Наблюдатель не так уж давно ощутила его присутствие. Ее последующие попытки выйти на него стали для него источником истинного наслаждения.

Все это время он был терпелив и должен оставаться терпеливым. Конечно, всегда существовала возможность вмешательства наделенных разумом коренных существ этого мира, но он был уверен, что сумеет справиться с ними, не раскрывая себя. Эти существа были забавны и не очень-то восприимчивы. Они даже не подозревали о его существовании, как, впрочем, не подозревали и о существовании Наблюдателя, потому что были всецело заняты собой.

Он потратил столько времени и приложил столько сил, чтобы все случилось именно так, как ему однажды захотелось, что теперь уже ничто не остановит его.

Ключ к дестабилизации в этом районе Вселенной дал ему сардонический космос, и он постарается воспользоваться им в полной мере. Если достаточно умно применить его, этот ключ обеспечит ему силу, обладая которой, он сможет бросить вызов стабильности еще где-нибудь, и тем самым он вначале значительно осложнит работу Наблюдателя, чтобы затем свести ее вовсе на нет. Жаль только, что никто из других Шихараранетов не разделяет его страсти к хаосу и разрушению. Но приверженность к порядку и эволюции вызывает у него тошноту. Только он один может внести диссонанс в этот мир, и он сделает это обязательно! Ничего, если ему придется начать с малого.

Кто-то похлопал довольно сильно его по спине, но Картер не удивился. Годы, проведенные им в кинобизнесе, отучили его возмущаться навязчивостью окружающих. Но на этот раз, обернувшись, он был поражен.

Он увидел расплывшееся в улыбке лицо Марджори Эшвуд, в руке она не очень крепко держала бокал, причем не того дешевого шампанского, которое продюсеры великодушно поставили для отважной вечеринки, а крепкого брэнди цвета жареных желудей. Она не была пьяна. Она была счастлива.

— Привет, красавчик!

— Привет, Марджори!

Она подмигнула ему, как заговорщица:

— А я знаю одну тайну! Хочешь, расскажу?

— Стоит ли, Мардж? — осторожно ответил он, ни малейшего представления не имея, к чему она клонит.

Будь она помоложе, все было бы ясно, но он уже знал, на что способна, а на что нет хозяйка гардеробной.

— Эй! — недовольство послышалось в голосе, достигшем его ушей сквозь гвалт вечеринки, и он вынужден был повернуться к своей прежней собеседнице, одной из актрис, игравших в фильме бесчисленное множество южных красоток второго плана.

Несмотря на то, что в ее бокале было шампанское, она казалась гораздо пьянее Эшвуд. Прекрасные глаза недовольно блестели, бедра раскачивались, но не для выразительности, ее тело не нуждалось в дополнительных средствах, чтобы подчеркнуть достоинство фигуры.

Картер терпеливо наблюдал. Когда она заговорила, ее речь оказалась не тверже походки.

— Давай, отделяйся от этой старой перечницы, Джейс, и пошли, — она взяла его за руку.

— Не сейчас, Китти, — он освободил руку.

Китти сдвинула брови:

— Не говори мне, что ты предпочитаешь пойти с этой...

— Я не хочу никуда ни с кем идти, — отрезал Картер. — Я ужасно устал, а завтра мне улетать.

Она предприняла последнюю попытку:

— Ты выплешься в самолете, а здесь на вечеринке ты все равно не будешь спать!

— Я вообще не люблю вечеринки,— он улыбнулся извиняющейся улыбкой и пошел прочь.

Ее нетрезвые слова, сказанные ему вслед, поглотил шум веселившейся толпы.

Эшвуд перехватила его в противоположном от бара конце зала.— Благодарю тебя за спасение,— сказал он ей.

Она отхлебнула глоток из своего бокала.

— Ребята твоего возраста расценили бы это как вмешательство, а не спасение.

— Возможно, но я чертовски устал от томных взглядов женщин.

— Бедный мальчик! — она потрепала его по щеке, для чего ей пришлось встать на цыпочки.— Жизнь так жестоко обходится с тобой!

— Тебе вовсе не обязательно опекать меня,— проворчал Картер.— Я не говорил, что не нравлюсь самому себе. Я только хочу сказать, что подобные вещи надоедают, когда приходится сталкиваться с ними изо дня в день.

— Так ты хочешь узнать мою тайну?

— Что же это за тайна, Марджори?

— Тогда нам нужно пойти в мой трейлер!

— Я же только что поблагодарил тебя за одно удачное избавление!

— Речь не об этом, красавчик! Не то, чтобы я была против. Ты красив и молод. Но уверяю тебя, я не это имею в виду.

— А впрочем, почему бы и нет? Это же старая, как мир, история! — ответил Картер.

Они вышли из зала во двор беспорядочно разбросанного пригородного мотеля, в котором остановилась съемочная группа. Он последовал за ней по бетонному тротуару, мимо бассейна, вверх по лестнице, и пока его спутница возилась с ключом, он продолжал сомневаться, действительно ли она не имела в виду секс. Он беспокойно огляделся в поисках Трань Хо. Ее появление было бы сейчас совсем нестати.

Комната Мардж была убрана. Два битком набитых чемодана лежали открытыми на кровати. На маленьком,

заставленном коробочками столике покоился компьютер хозяйки гардеробной. Она села и включила его. На экране замелькали слова и цифры, сопровождаемые рисунками и картами.

— Ну вот,— сказала Эшвуд.— Вот мой секрет.

— Слишком быстро, я не успел ничего прочесть.

Она подняла на него глаза:

— Разве ты забыл про диск, который мы вернули его владельцу на прошлой неделе? Если за его возвращение предлагается большое вознаграждение, неужели тебе не любопытно узнать его содержание?

Он мог бы догадаться и раньше!

— Марджори, ты же не скажешь мне сейчас, что сняла с него копию!

— Только из предусмотрительности! Не смотри на меня так, красавчик! Я бы могла оставить себе оригинал, но не сделала этого. Неужели тебе на самом деле не интересно знать, что же на том диске было записано?

— Нет, не интересно! — он сделал движение, показывая, что собирается уходить.

— Ну если ты спрашиваешь,— она хитро прищурила один глаз,— то я скажу. Вообще, это карта местности, где спрятаны сокровища.

Он остановился.

— Ты начиталась дешевых сценариев?

— А ты считаешь, что сокровища существуют только в сценариях?

— Да объясни ты толком, о каких сокровищах идет речь!

Она взглянула на экран.

— Здесь не сказано прямо, где лежат сокровища, но информацию этого диска можно считать руководством к действию,— она широко улыбнулась.— И я собираюсь найти их!

Он уставился на нее.

— А как же твоя работа?

— Следующую картину, на участие в съемках которой я подписала контракт, начнут снимать через шесть месяцев. А я как раз планировала устроить себе каникулы.

Не удержавшись, он спросил:

— А где эти сокровища? Где-нибудь в море у здешнего побережья?

Как каждый, кто хоть иногда смотрит телевизор, он знал о сокровищах испанских галлеонов, поднятых на поверхность у южного побережья Флориды.

— Нет, речь идет не о побережье Флориды. Речь идет о Южной Америке, о Перу.

Картер на секунду задумался.

— Ты же не собираешься туда ехать? Там полным полно перевозящих наркотики контрабандистов и партизанов-маоистов, которые верят, что Сталин был величайшим из либералов.

— Послушай меня, сынок,— она заговорила голосом, который не так уж давно он слышал в кабинете Брайтона Февика,— обо мне ты почти ничего не знаешь. Для тебя я старушка Мардж, женщина, которая штопает твои жокейские штаны. Но до того, как я принялась шить, я занималась кой-какими совсем другими вещами, и я могу позаботиться о себе и сейчас.

— Даже так? Чем же ты этаким занималась, что настолько уверена в себе?

Она резко встала, давая понять, что и без того сказала слишком много.

— Могу только сказать, что я, действительно, много в жизни путешествовала и знаю, что это такое. А с тобой я говорила о сокровищах только потому, что считала, ты заслужил это. Ведь тот диск нашел ты. Теперь же иди на свою вечеринку! — она небрежно махнула рукой в сторону двери.

Он не шевельнулся.

— Мой следующий фильм, если я решусь подписать тот контракт, тоже начнут снимать нескоро, а снимать его будут как раз в Южной Америке, где-то на Амазонке. Не знаешь, Манаус — это далеко от Перу?

— Не очень,— она сделала удивленное лицо и постучала пальцем по экрану.— Там, куда я еду, не будет кондиционеров и услужливых официантов, готовых в любой момент подать тебе напиток со льдом, а будут гостиницы с клопами.

— Что ж! Это станет для меня чем-то вроде подготовки к новым съемкам,— сказал Картер.

— Что станет подготовкой? — поинтересовалась Эшвуд.

— Моя поездка с тобой. Ты же, если серьезно, не думаешь отправиться в подобное путешествие одна?

— Напротив, это как раз то, что я думаю.

— Я мог бы поехать с тобой, Маридж! Впрочем... В Нью-Йорке собираются ставить одну пьесу Ибсена, я хотел бы получить в ней главную роль, и если я ее получу, я буду связан по рукам и ногам до следующих съемок. Но если я ее не получу... Как мне тебя найти?

Она вырвала листок из блокнота и нацарапала номер.

— Вот номер моего домашнего телефона. Я живу в Долине. Но дожидаться тебя, предупреждаю, я не собираюсь.

Он положил листок в карман.

— Я думаю, ты сумасшедшая. Смешно даже думать, чтобы отправиться за сокровищами одной!

— А я думаю, что те, кто не знает цену риска, сумасшедшие самые настоящие! Мне пятьдесят три года. Кто я такая? Неужели я должна беречь себя для конкурса Пожилая Мисс Америка? Давай, езжай к своему Ибсену, а я сама побеспокоюсь о себе!

— Ты хорошая женщина, Мардж, и мне ненавистна мысль, что я хоть каким-то образом могу оказаться причастным к тому, что причинит тебе боль.

— Спасибо на добром слове, сынок,— она проводила его до двери,— но я не из тех, кто позволяет причинить себе боль.

Роль он не получил. Он читал не хуже других актеров, принимавших участие в прослушивании, но продюсеры оказались из того продюсерского подвида, который интересуется рецензиями больше, чем кассовыми сборами. Они бесповоротно решили, что назначение Джейсона Картера на роль терзаемого душевными муками интеллектуала станет для культуры страны слишком большим испытанием, и этот неоправданный риск они не готовы были на себя взять.

В тот же день он поднял телефонную трубку и набрал

номер, нацарапанный на листке рукой Марджори Эшвуд. Он был крайне озадачен, когда обнаружил, что номер отключен. Но каково же было его удивление, когда он выяснил, что номер был отключен давным-давно. Это могло означать только одно — Марджори Эшвуд намеренно подсунула ему ложный телефонный номер. Он был настолько зол, что решил обзвонить весь Лос-Анджелес, но разыскать ее делового агента.

Когда он, наконец, на него вышел, тот не выразил большого желания помочь ему связаться с Мардж.

— Я в который раз вам говорю, — вкрадчиво упрашивал Картер, — она сама просила меня позвонить ей.

— Но мне она не поручала передавать вам ее телефонный номер! — человек на другом конце провода колебался. — Давайте сделаем так: я сам ей позвоню и сообщу о вашей просьбе.

— Я не могу терять время! Послушайте, мы вместе с ней работали на съемках последней картины, в которой я играл главную роль, — настаивал Картер, подпуская в голос мольбу.

— Одну минутку, ваше имя Джейсон Картер? Я знаю вас. Прошлым летом фильм с вашим участием был хитом в Старом Свете. Как же он назывался? Ах, да, «Сила каленной стали».

Картер поморщился. Его знают по этой дряни, не по Ибсену.

— Конечно, я вас знаю! — в первый раз за время разговора агент Эшвуд выказал интерес. — Вы играли того парня, что в конце фильма врывается на патрульной машине в грузовик, груженный химикатами.

— Я хочу сделать Мардж сюрприз, — Картер старался говорить как можно убедительнее. — Сейчас я в Нью-Йорке, но хочу за несколько дней уведомить ее о своем приезде.

— К чему тогда такая спешка? — агент снова насторожился.

— По-моему, у меня для нее наклеивается кой-какая работенка.

— Вы что, меня за дурака держите? — последовал ответ с того конца провода. — Актер только тогда интересу-

ется гардеробщицей, когда ему штаны жмут в паху.

— Ну хорошо, просто мы с ней неплохо поладили на съемках последнего фильма и... В конце концов, если вы не хотите дать мне ее номер, забудем этот разговор.

— Не вешайте трубку! — агента Марджори Эшвуд раздрали противоречивые чувства. — Ну ладно, если вы хотите всего лишь навсего побеседовать с ней...

— Это все, что мне нужно!

— Хорошо, только не говорите ей, что это я дал вам ее номер, хоть я и поступлю так исключительно в ее интересах.

— Разумеется! Нет проблем! — уверил его Картер.

Закончив этот разговор, он тут же набрал номер одной известной ему службы, где по номеру телефона Эшвуд отыскиали ее адрес.

На следующий день он был уже в Лос-Анджелесе. Он ненадолго заехал домой, выкатил свой «Корветт» и спустился в Долину, район у подножия холма, где деревья росли быстрее цен на недвижимость.

Стоило предпринять все эти усилия, хотя бы для того, чтобы полюбоваться тем изумлением, что появилось на лице Эшвуд, когда она увидела Картера. Но она быстро оправилась.

— Привет, красавчик!

— Можно войти?

— Конечно же, почему нет?

Старый дом был обставлен набивной мебелью, повсюду виднелись скромные безделушки. Когда она повела его в зал, они прошли мимо маленькой комнатки, сплошь увешанной фотографиями актеров и актрис, которым ей когда-либо приходилось шить костюмы.

— Как же ты меня нашел? — она села в огромное кресло цвета спелой вишни.

— Я не так глуп, как кажусь.

— Полагаю!

— Я-то думал, Марджори, ты давно уже в Южной Америке!

Она тряхнула головой:

— Вряд ли мне удастся уехать раньше следующей

недели. Я же собираюсь не на уикэнд в Ла-Йоллу! Нужно тщательно подготовиться к поездке.

— Я еду с тобой,— Картер присел на край кушетки.

— Что-то не припомню, чтобы я тебя приглашала! — она окинула его тяжелым взглядом.— Конечно, болтаясь поблизости, ты снизил бы вероятность того, что я окажусь жертвой грабителей, но ты же можешь стать для меня и обузой. Ты такой баловень, красавчик!

— Вовсе я не баловень! — он разозлился.— Я постараюсь рассматривать все лишения путешествия как удовольствие.

— Не знаю,— она сомневалась.— Там у тебя не будет возможности пользоваться кредитными карточками, а хорошие манеры и твоя популярность не спасут тебя в переделках, и еще тебе потребуется крепкий желудок.

— Ты хочешь сказать, что ты умеешь переносить лишения, а я нет?

— Ладно,— решила Эшвуд.— Я беру тебя с собой. Ты умудрился разыскать меня, и это говорит о твоей находчивости. Но имей в виду, может случиться, мы ничего не отыщем! Ну а если ты едешь, то подготовкой вещей займись сам, у меня есть дела поважнее: самолет компании «Вариг» совершает из Лос-Анджелеса только один рейс в неделю. Я не хочу его пропустить. Мы вылетаем в ближайшее воскресенье.

Во время долгого перелета она поднатаскивала его в географии Южной Америки, показывала карты и разъясняла те сведения, что она обнаружила на скопированном диске. Картер никогда не был силен в географии, и большинство названий мало что ему говорило, лишь название одного маленького городка Перу показалось ему знакомым.

— Фитцкарральд? Герцог снял фильм о некоем малом по имени Фитцкарральд. В фильме была занята Кински. Большая часть съемок проходила на местности в ужасных условиях. Я не знал, что существует городок с таким названием, я думал, это имя.

— Нас ждут не киносъемки, а добраться нам предстоит туда, где нет даже таких маленьких городков, как Фитц-

карральд,— она очертила на карте огромную территорию.— Инфиерно Верде переводится с испанского как Зеленый Ад,— она ухмыльнулась.— У тебя еще есть шанс пересесть на обратный рейс, когда мы приземлимся.

Глава 5

Они ненадолго задержались в Лиме, ровно настолько, чтобы получить багаж и сесть на ближайший рейс до Куско компании Аэроперу.

Их предварительно забронированные места здесь ни для кого ничего не значили, но Картер сказал несколько приятных слов девушке, составлявшей списки пассажиров, и служащий пропустил их к самолету.

Они летели на дряхлом Боинге-707, трясло который страшно, но, однако, от которого за время полета ничего не отвалилось. Посадка была мягче, чем можно было ожидать, принимая во внимание сильные встречные ветры над высокогорными плато. Покинув самолет, они вдохнули чистый, сильно разряженный воздух Анд. Снежные пики очерчивали линию горизонта.

К полудню они совсем одурели от тошноты. В отеле им дали чай из коки, традиционного лекарства от высокогорной болезни, и уже через несколько часов они почувствовали себя настолько лучше, что даже пообедали.

Однако, Картер с отвращением отворачивался от Эшвуд, с жадностью поглощавшей недожаренный кусок мяса, его тошнота еще не прошла окончательно. Она самодовольно улыбалась ему через стол.

— Напомни-ка, что я правильно сделала, взяв тебя с собой!

Он ответил ей слабой улыбкой.

— Если ты хочешь поплевать,— продолжала она,— не стесняйся! Только дождись, пожалуйста, конца моей трапезы, хорошо?

Насытившись, она отложила нож и вилку и поднялась:

— Я иду наверх к себе и тебе советую сделать то же самое. Нужно выспаться, а завтра мы постараемся найти

проводника, причем такого, который не стал бы водить нас кругами, чтобы набить себе цену и содрать с нас побольше.

— Не хочу спать, мамуля! — захныкал Картер.

Грубость уже готова была сорваться с губ Эшвуд, но она сдержалась:

— Хорошо, сынок! Мир! Делай, что хочешь, но завтра, будь добр, постарайся проснуться с восходом солнца. И еще! Если ты думаешь, что сможешь раздавать тут автографы, то глубоко заблуждаешься. Тебя не знает здесь ни одна живая душа, тебе даже словом переброситься будет не с кем!

Но она ошиблась. Полчаса спустя к его столику приблизилась женщина, которая не стала пялиться на него, глупо улыбаться и просить автограф, как это имели обыкновение делать его поклонницы, она без тени смущения оглядела его и, не спросив разрешения, села на стул, недавно покинутый Эшвуд.

Целительный чай из коки сделал, наконец, свое доброе дело, и Картер с удовлетворением отметил, что исчезли последние признаки недомогания. Он поймал себя на том, что не знает, последовать ли разумному совету Эшвуд и отправиться спать или же дать событиям возможность развиваться так, как им заблагорассудится.

Женщина была высокой, почти с него ростом. Она была выше любого в этом отеле. У нее были классические кастильские черты лица, черные глаза и черные волосы до плеч. Стройное тело и узкие бедра дополняли ее кастильскую внешность и подтверждали первое впечатление. Выражение ее лица являло собой приятную смесь детской простоты с искусственностью: двенадцатилетняя девочка в привлекательном теле взрослой амазонки.

— Буэнос... добрый вечер,— отважился Картер.

Его испанский находился в эмбриональном состоянии, но случилось так, что ему не потребовались лингвистические способности. Она бегло говорила по-английски с приятным испанским акцентом:

— Меня зовут Франческа. Я живу здесь. . вы не отсюда. Вы гринго, североамериканец.

— Да, это так,— он привык к женско прямоте

— Вы турист?

— Да.

— Вы только что приехали? — женщина зажгла сигарету, Картер заметил, что все здесь курили. — Я не хочу совать нос не в свои дела и если вы не хотите, не отвечайте.

Ее жесты и речь были резкими, торопливыми.

— Я не шлюха, я просто люблю поговорить. Вы, должно быть, приехали посмотреть на развалины?

Энергия в ней была через край.

— Да, — ограничиться простыми «да» и «нет» Картеру оказалось легче, чем вставлять какие-либо замечания.

— А я живу в Куско. Здесь мой дом. Чем вы занимаетесь?

— Я актер.

Она кивнула.

— Когда я впервые увидела вас, я так и подумала, потому что вы очень красивы.

— Спасибо, вы сами сногсшибательны!

Улыбнувшись, она покачала головой.

— Взаимное восхищение? Что ж! Это прекрасно! — она заметила перед собой пустую тарелку. — Вы здесь не один?

— Со спутницей, — он не видел причины скрывать.

— Понимаю, — она оглядела почти пустой зал. — Я часто навещаю сюда, чтобы поболтать с людьми. Куско — захолустный городок. Здесь живут или очень бедные люди или люди, которые думают, что они очень богаты. Богатые задирают нос и до того скучны, что хочется плакать. А туристы привозят с собой иной мир, мне с ними ужасно интересно. Я хожу по отелям и потому, что мне нужно совершенствовать мой английский.

Картер решил, что она, действительно, непричастна к миру продажной любви. По крайней мере, за час непринужденной беседы Картер не заметил, чтобы она ждала момента, чтобы его или кого другого подцепить. Она не была обыкновенной болтливой ночной бабочкой.

— У меня нет денег на путешествия, — говорила она, они пили то, что здесь преподносили как национальный кофе, — поэтому я много смотрю телевизор и читаю журналы, но больше всего мне нравится перекинуться парой слов с кем-нибудь, кто бывал в Париже, Нью-Йорке, Буэнос-Айресе...

Он взглянул на часы:

— Тогда я надеюсь, что наша беседа была и приятной, и познавательной. Я был искренне рад познакомиться, Франческа.

Франческа, однако, пропустила намек мимо ушей. Навалившись грудью на стол, она продолжала сыпать вопросы:

— Расскажи мне, что ты собираешься делать в Куско? Конечно же, вы посетите Саксаюаман, да и здесь, в Куско, на Пласа де Армас столько чудесных зданий!

— Не знаю, все решает моя спутница.

— Я понимаю. А вы собираетесь наведаться в сельву?

— Может быть, может быть,— неуверенно пробормотал Картер.

— Нечего вам туда соваться! Это ужасное место! Вы попадете на завтрак к насекомым в качестве блюда, если змеи прежде не отправят вас на тот свет,— она развела руками.— Не понимаю я этих туристов! Мачу-Пикчу, Куско — это понятно, но стоит ли лететь черт знает откуда, чтобы попасть в пуэрто Мальдонадо и согнать с себя семь потов ради того, чтобы увидеть несколько южноамериканских пальм? Не сумасшествие ли это? У нас, местных, побольше здравого смысла,— она спокойно смотрела на него.— Лезут в сельву только те, кто делает это из-за денег: старатели, инженеры-нефтянники и браконьеры, но каждый из них предпочел бы избежать сельвы, будь у них другой выход, однако, для многих из них сельва — последний шанс. А кому взбредет в голову соваться туда без нужды?

— Почему люди ходят в зоопарк? — Картер допил свой кофе.— Я, например, один из тех, кто любит понаблюдать за животными.

Она пренебрежительно кивнула головой:

— Животные в сельве не подставляют свои бока под любопытные взгляды туристов, они кусаются, убивают и пожирают. Послушайтесь-ка моего совета и отправляйтесь со своей спутницей лучше на развалины! Там безопаснее.

Она встала, и он невольно повторил ее движение.

— Может быть, еще как-нибудь встретимся,— сказала

она. — Вы же не скоро съезжаете из этого отеля?

— Насколько я знаю, нет.

— Вы не станете возражать, если мы еще разок поболтаем? Я не хочу спать с вами, меня интересует только общение.

Ее прямоота показалась Картеру очаровательной.

— Ну вот и хорошо! Однако, здесь в горах у меня кружится голова.

— Конечно, я бы могла сделать так, что она закружилась бы у вас еще сильнее, — она наградила его улыбкой, — но это я могу позволить себе в любое время. Гораздо труднее найти хорошего собеседника. Увидимся здесь завтра вечером снова?

— Может быть. Спокойной ночи!

— Буэнос ночес!

Он проводил ее взглядом, когда она выходила из ресторана. То же самое проделали метродотель и единственный остававшийся в ресторане официант, как, впрочем, и дежурный клерк у входа. С ее красотой, ростом и королевской осанкой, она заставила бы обратить на себя внимание и на Манхэттэне, подумал Картер.

Только что ему было легко и просто сидеть, пить кофе и слушать милую болтовню, как неожиданно вдруг он почувствовал, что страшно устал. Лифт поднял его до четвертого, последнего этажа, на котором находилась его комната. Телефон молчал. Никаких стуков в дверь. Он разделся, лег в постель, припомнил перелет из Лимы высокогорное недомогание, чай из коки и сразу же провалился в глубокий сон, и сновидений не было.

Еще не совсем проснувшись, он ощутил, что в постели возле его ног кто-то беспокойно копошится. Тут он мгновенно проснулся, и фейерверком брызнуло у него в голове все, что он знал по телепередачам о дикой фауне Южной Америки: огромные змеи, ядовитые рептилии, пауки-птицееды и скорпионы, укусы которых, как правило, ведет к летальному исходу, сменяя друг друга, быстрой чередой пронеслись перед его глазами, как будто он прокручивал на дисплее соответствующий раздел энциклопедии.

Он яростно заморгал, чтобы согнать с себя последние остатки сна, и увидел у себя в ногах под одеялом неясный

силуэт. Негромко выругавшись, он резко сел и подтянул колени к подбородку, затем кинул ноги на сторону и выпрыгнул из кровати, дико озираясь в поисках какого-нибудь предмета, который мог бы послужить ему оружием.

Крепко схватив одной рукой стул, он с опаской приблизился к силуэту. Его глаза уже успели привыкнуть к темноте. Готовый в любой момент спастись в ванной комнате, свободной рукой он судорожно ухватился за одеяло и рванул его с постели.

Четвероногая тень метнулась с простыни под туалетный столик, но Картер успел ее разглядеть. Он испустил долгий вздох облегчения и поставил стул на пол, испытывая чувство стыда за свой страх. Надев халат, он опустился на колени и заглянул под столик. Пара горящих глаз, не мигая, уставилась на него.

Веришь ли, киска,— прошептал Картер,— ты напугала меня больше, чем я тебя. Давай-ка вылезь! — принялся он уговаривать.

Из-под столика раздалось «мяу», и появилась изящная кошечка, вся в белых и черных пятнышках. Вначале она показалась ему котенком, но, внимательнее присмотревшись, он решил, что это взрослая кошка.

Он положил ей руку на голову. Ее спина плавно заскользила под его пальцами. Кошка выгибала спину, урчала и не стала возражать, когда, сев в кресло, Картер посадил ее себе на колени. Она поспешила уютно свернуться калачиком. Почесывая у нее за ушком, Картер бросил взгляд на окно, выходившее на огороженную смотровую площадку.

— Как же ты сюда пробралась? Через окно?

На кошке не было ошейника, что не удивило Картера. В его представлениях такой захолустный городок отсталой страны, как Куско, должен был быть полон бродячих котов. Однако, он с удовольствием отметил, что кошка чиста, и при беглом осмотре паразитов в ее шерсти он не обнаружил. Наверное, блохам не нравится высокогорная местность, решил он.

Нечего было и думать звонить администрации отеля. В лучшем случае кошку выкинут на улицу. А Картер очень

любил животных. Лишь постоянные разъезды не позволяли ему завести себе четвероногого друга.

Резкий стук в дверь и голос Эшвуд нарушили тишину спящего отеля:

— Ты уже встал, дорогой?

— Да, минутку, Марджори!

Он поднялся с кресла и осторожно положил кошку на подушку.— Лежи тихо! — прошептал он и направился к двери.

Эшвуд стояла в коридоре полностью одетая для того, чтобы тотчас же отправиться в город.

— Как? Ты еще не готов? Так дело не пойдет!

— Извини, меня сегодня ночью разбудили.

— Кто посмел? Послушай, мне наплевать, чем и с кем ты тут занимаешься по ночам, Картер, но если уж ты связался со мной, то, будь добр, вставай каждое утро вовремя.

— Ты права, здесь замешана женщина,— он улыбнулся.— Почему бы тебе не зайти и не пожелать ей доброго утра?

— У меня нет ни малейшего желания встречаться с твоими...

— Не стесняйся, Марджори! — он схватил ее за руку и затащил в комнату.

Эшвуд огляделась.

— Где же она?

— В постели, где же еще! — по лицу Картера плыла широкая улыбка.

Эшвуд, увидев кошку, непременно процедила сквозь зубы:

— Теперь тебе определенно придется спать стоя! Откуда она взялась?

— Ни малейшего представления! Я подумал, может, забралась через окно?

Он сел в изголовье кровати и принялся ласково ее гладить. Кошка зашевелилась, но решила не просыпаться или, по крайней мере, делала вид, что спит.

— Она забралась под одеяло у меня в ногах, и скажу тебе, Марджори, я, выпрыгнув из постели, чуть было снова не оказался в Лиме, без помощи авиакомпания на этот раз.

— Что же ты собираешься с ней делать? — она нетерпеливо переминалась с ноги на ногу. — Нам не нужно съезжать из отеля!

— Я не выкину ее на улицу! — сказал Картер. — Но если я оставлю ее здесь, персонал отеля сделает это за меня. Я слышал, люди, которым нечего есть, случается, едят собак, а что едят здешние бедняки, я не знаю.

— Что же тебе остается? Взять ее с собой? — она вложила в свои слова как можно больше сарказма.

— Почему бы и нет? — ответ Картера прозвучал так, как будто эта мысль пришла ему в голову прежде слов Марджори. — Она скрасит мне твое общество.

Эшвуд еле сдерживала себя.

— Ты собираешься тащить кошку в джунгли?

— Что же здесь такого? Она немного весит и не занимает много места. Я буду носить ее в рюкзаке.

— Ты сумасшедший! Она достанется на завтрак диким зверям. Кошка — домашнее животное, Джейсон! — убеждала Эшвуд, с отвращением поглядывая в сторону подушки. — Крутой парень, которого зритель помнит не иначе как с пулеметом в одной руке и гранатометом в другой, будет нянчиться в джунглях с кошечкой? Когда это ты успел надумать такое?

— Только что, — честно признался Джейсон. — Мне никогда не приходилось поступать так прежде, что, однако, не означает, что я не могу поступить именно так сейчас.

— Я больше не стану тебя уговаривать! Поступай, как знаешь! Но у меня нет ни малейшего желания услышать о ней однажды, когда будет трудно нам самим, и гораздо более, нежели этой кошке в этом городе. Ты понял? Кошачьи проблемы — твои проблемы!

— Я именно так и думаю, — он нежно посмотрел на свою недавно обретенную подругу.

Кошка подняла голову и замурлыкала. Картер погладил ее. — Пробраться через окно ко мне в комнату! Это смело! Я назову ее Мачо.

Эшвуд от удивления выкатила глаза:

— Почему Мачо? Мачо — самец! Ты не можешь называть ее Мачо, она самка! Зови ее Мача, коли на то пошло,

и проследи, чтобы она никуда не высывалась, а то из Мачи получится мачача!

Картер закрыл окно на задвижку.

— Я не сомневаюсь, она будет спать, пока мы не вернемся,— сказал он и, обращаясь уже не к Эшвуд, добавил: — Ты же умница и будешь вести себя хорошо, да?

Ответом ему было довольное урчание.

— О, Господи! — поморщилась Марджори.— Когда мы окажемся в сельве, у тебя появится прекрасная возможность перекинуться парой слов со змеями и пираньями.

— Что я и сделаю с удовольствием, если они окажутся более приятными собеседниками, чем ты,— огрызнулся он.

— Давай-ка одевайся и пошли, наконец!

Они попытались сначала навести справки в отеле, потом в представительстве Американ Экспресс, которое располагалось неподалеку от отеля, на другой стороне улицы, но, в конце концов, они обегали весь город, пока какой-то говорящий по-английски полицейский не подсказал им обратиться в Организацию по Охране Южной Сельвы, офис которой располагался в центре города на Пласа де Армас.

Несшийся по коридору с пригоршней слайдов научный сотрудник Организации по Охране показал им нужную дверь.

В комнатке проводников был немыслимый беспорядок. Снаряжение и книги лежали навалом на ободранном столе у окна, мешая посетителям созерцать вид древнего собора на противоположной стороне Пласа де Армас. Телефон и дряхлая печатная машинка опасно соседствовали на самом краешке стола.

Единственным обитателем комнаты оказался смуглый молодой человек с живым взглядом, тонкими чертами лица и мягким голосом. Он показался им слишком уж молодым для столь опасной профессии, но выбора у них не было. Молодой человек превосходно говорил по-английски, что и следовало ожидать от проводника.

— Вы выбрали не самый удачный момент,— сообщил он своим посетителям.— Сегодня мне нужно срочно лететь в Лиму для осмотра нового снаряжения, закупленного нашей Организацией. Я не рвусь идти с вами в сельву.

— Сколько мы должны заплатить, чтобы ты не летел в Лиму осматривать новое снаряжение, сынок? — Эшвуд искрометно добавила что-то на испанском.

Картер с удивлением посмотрел на нее. Проводник ответил на родном языке. Пока они торговались, Картер оглядел комнату и обнаружил стопку фотографий восемь на десять: заросли в джунглях, черный аллигатор с хвостом дракона, две немыслимо огромные выдры, дремлющий на дереве ягуар...

После того как, по всей видимости, Эшвуд и проводник договорились о цене, последовали крепкие рукопожатия и бурное выражение взаимных симпатий. Картеру было объявлено, что теперь они с Эшвуд должны полностью довериться опыту и смекалке человека по имени Игорь фон Маннгейм де Сото.

- Ты на самом деле собираешься идти в джунгли с проводником по имени Игорь? — прошептал Картер Марджори.

- Ты слишком долго прожил в Лос-Анджелесе, — ответила Эшвуд. — Южная Америка не более однородна в этническом отношении чем Северная. У этого парня предки были немцами и русскими. Но меня его компетентность интересует больше его генеалогии.

- Ты не говорила мне, что знаешь испанский!

Она пропустила его замечание мимо ушей.

- Он сказал, что родился и вырос в Мадре де Диос и потому знает эту местность так же хорошо, как ты Беверли-Хиллз. С пятнадцати лет он ходит в сельву.

— Так и есть, — поддакнул Игорь, скромно молчавший все то время, пока Эшвуд расхваливала его достоинства.

Он молод и полон энтузиазма и немного помешан на сельве. Он пойдет с нами, куда мы захотим, разве не так, сынок?

— Конечно же! Вы сказали, что хотите поискать не-открытые еще развалины древних городов. Но я знаю, что на самом деле вы хотите. Вы хотите, чтобы я помог вам отыскать Паитити.

Эшвуд разинула рот.

— С чего ты взял, что мы хотим найти Паитити?

Игорь уселся на краешек облупленного стола и усмехнулся.

— Потому что все североамериканцы, приезжающие в наши края, говорят, что хотят отыскать неоткрытые еще развалины, и когда они так говорят, то всегда это означает только одно: они хотят найти Паитити. Паитити ищут со времен Писарро!

Картер поджал губы:

— Нет, мы здесь как раз для того, чтобы найти...

— Сокровища, — прервал его Игорь. — Нет никаких сокровищ! Все желают верить, что они существуют, но мне-то видней!

— Почему ты думаешь, что сокровищ нет? — принялся допытываться Картер.

— Потому что если и были когда-то спрятаны в сельве какие-то сокровища, конкистадоры разыскали их еще столетия назад. Люди Писарро чуяли золото, как собаки чуют падаль.

— Откуда ты все это знаешь? — спросила Эшвуд.

Молодой человек соскользнул со стола и порывлся в готовом вот-вот рухнуть переполненном книжном шкафу, который и сохранял-то вертикальное положение только благодаря тяжести увесистых томов. Игорь извлек пыльную книгу и принялся перелистывать страницы, не переставая рассказывать:

— Испанцы не смогли найти Паитити по одной простой причине. Паитити не существует! Это легенда. Не то, чтобы испанцы не старались. Еще как старались! Они пытались и убили множество инков, требуя чтобы те выдали тайну. Люди, которые ничего не знали и не могли знать, умирали из-за этой легенды. В 1912 году ваш земляк мистер Хирам Бингэм нашел севернее Агуа Кальентэ город инков Мачу-Пикчу. Многие считают, что его открытие стало причиной появления всевозможных рассказов о Паитити. Ведь Бингэм не нашел золота, только множество полуразвалившихся зданий. Я сам люблю съездить в Мачу-Пикчу и остаться на ночь среди развалин, когда схлынет нашествие туристов. Но что касается сокровищ... — он улыбнулся.

— Ты уверен, что Мачу-Пикчу и есть Паитити? — спросила Эшвуд.

— Я этого не говорил, но такой вывод напрашивается

сам собой! Сотни старателей, браконьеров, ученых и просто сумасшедших уже долгие годы пытаются найти сокровища и бестолку! Никто ничего так и не нашел! Я не хочу убеждать вас, что сокровищ нет! — он пожал плечами. — За кругленькую сумму я готов помочь каждому найти их, но что я могу обещать вам точно, так это то, что такой дикой природы, вы не увидите нигде! В бассейне реки Ману водится больше видов животных, чем где бы то ни было в другом месте мира.

— Мы не интересуемся фауной, — сказала Эшвуд, веселое неверие Игоря явно расстроило ее. — Может быть этот, как его там, не так уж хорошо искал, — пробормотала она.

В отличие от Эшвуд Картер не казался безнадежно расстроенным. В конце концов, для чего он сюда приехал? За сокровищами? Или ради южноамериканской сельвы?

Но Эшвуд сдаваться не желала:

— Так или иначе, у нас есть некоторые основания предполагать, что сокровища существуют.

— Ваше право так думать, — примирительно заговорил Игорь, — иначе бы вам не было смысла приезжать сюда, затратив на поездку кучу денег.

— Ты разумный молодой человек, — Марджори жестко взглянула на него.

Тот пожал плечами:

— В сельве взрослеют быстро или не взрослеют совсем, — голос его прозвучал по-прежнему ровно, и выражение лица не изменилось.

Ощущение внутренней силы, исходившей от него, было отчетливо. Такая же внутренняя сила помогала выжить на улицах Бейрута или Нью-Йорка тем молодым людям, которых Картеру доводилось играть, но в реальной жизни она встречалась редко.

Картер ждал, когда Игорь и Эшвуд закончат обговаривать детали предстоящего предприятия. Необходимо было сделать запасы продовольствия и лекарств. Эшвуд ворчала, но соглашалась с расходами.

— Может быть, ты хочешь, чтобы мы подписали договор? — спросила она Игоря, когда они закончили.

— В сельве нет юристов, — ответил он. — Она похожа на ваш Дикий Запад. Люди не прибегают к словам, чтобы

уладить разногласия, они пользуются для этого более весо-
мыми аргументами. Меня устроит, если вы заплатите эпе-
ред. Я не стану вас обманывать. Моя репутация стоит
дороже, чем чек, который вы мне выпишите.

— Расскажи-ка мне,— Эшвуд заглянула ему в лицо,—
сколько сумасшедших гринго, мечтающих найти Паитити,
доводилось тебе водить в сельву?

— Это имеет какое-то значение?

— Наверно, нет. Ты знаешь реку Пинипини?

Игорь удивился:

— Вы неплохо подготовились! Немногие бывали на
Пинипини! Река протекает между гор, и там, где подножия
гор сходятся с низинами, заросли непролазны. Мне доводи-
лось разбивать лагерь в месте впадения Пинипини в Верх-
нюю Мадре де Диос. Скверное местечко! До сих пор не
существует карты той местности, а первая и последняя
аэросъемка проводилась в тридцатые годы. Где вы остано-
вились?

— «Отель де Оро».

— Приличный отель, но не забывайте получше прятать
свои бумажники, особенно когда вас окружает детвора.
Карманное воровство — одна из наиболее процветающих
отраслей народного хозяйства Центрального Перу. Мне
потребуется два дня, чтобы все подготовить, первый
день — для того чтобы собрать все вещи, второй — чтобы
убедиться, что я ничего не забыл. Ничто нельзя забыть.
В сельве нет магазинов,— он посмотрел на каждого пооче-
редно.— Если случится так, что вы передумаете, я верну
вам деньги и помогу улететь в Лиму. Но если вы решитесь
идти, то помните, мы будем совершенно оторваны от мира
и вы должны будете полностью мне доверять. И пускай вас
не обманывает мой возраст! Я доставлю вас туда, куда вы
хотите, позабочусь о том, чтобы вы остались живы, и при-
везу вас назад в целости и сохранности. Но если вы рассчи-
тываете, что вас ждет комфорт или хотя бы его подобие,
пакуйте чемоданы! Вы ошиблись!

— Это правда, что я не бывала прежде в твоей сельве,
сыннок,— сказала ему Эшвуд,— но я бывала в разных пере-
палках, и в этой увеселительной прогулке ты делаешь свое
дело, а мы свое, договорились?

Картер помог Игорю закрепить ремни на крыше лэнд-ровера. Эшвуд сидела на переднем сидении, просматривая свои бумаги и разговаривала сама с собой, бормоча что-то себе под нос.

Картер обошел лэндровер и обратился к Игорю:

— Так значит, ты уверен, что никаких сокровищ в сельве нет?

— Я уже говорил вам. Может и есть, но нет причин верить в сказки,— он закрепил последний ремень и вытер руки о штаны.— Испанцы вывезли отсюда на кораблях горы золота, серебра, изумрудов. Возможно, что-то и осталось, но инки надежно припрятали оставшиеся сокровища. Если б меня кто спросил, то я сказал бы, что подлинное сокровище сельвы — ее уникальный животный и растительный мир, а не припрятанное золотишко.

Картер помог ему затолкать в багажник огромный ящик со льдом.— Природа интересует Марджори постольку-поскольку, ну а я — другое дело. Когда мы будем проезжать что интересное, скажи мне.

Игорь де Сото улыбнулся:

— Как же иначе? Приятно, когда рядом с тобой есть кто-то, с кем можно поделиться восхищением, которое внушает красота природы. Так, вроде бы все вещи на месте...

— Нет еще!

Картер поспешил в отель и вернулся с деревянным ящичком. Игорь наблюдал, как осторожно опускает его Картер на крышку ящика со льдом.

— Ты решил прихватить с собой кошку?

— Она не будет в тягость!

— Зачем она тебе?

К удивлению Картера, ответа у него не нашлось.

— Я не знаю сам. Марджори говорит, с ней я далеко не убегу. Мне кажется, если я оставлю Мачу в Куско, она долго не протянет.

— Сельва вряд ли будет к ней добрее!

— Сельва — может быть, но я — да! Я уже пробовал устраивать ее в своем рюкзаке, она сворачивается клубком

на полотенце и мгновенно засыпает. А холодной ночью она меня согреет.

Игорь выразил свои сомнения:

— Посмотришь, что с ней будет, когда она услышит первый рык ягуара!

Лэндровер трясло безбожно, но подъем через гребень обернулся для Картера удовольствием: с высоты двенадцати тысяч футов он с изумлением разглядывал обрывистые горные террасы и долину, по которой неуверенно вилась одинокая пыльная дорога.

Они проехали продуваемые всеми ветрами убогие городки Паукартамбо и Акханак, взрослые жители которых со спокойным любопытством разглядывали их машину, а темноглазые, грязные, смеющиеся дети бежали следом, пока лэндровер не скрывался из вида.

Когда они начали спуск, появились первые островки зелени, которые вскоре сменились сбегавшими со склонов зелеными волнами. Никогда прежде Картеру не приходилось видеть такое буйство растительности.

Обедали они, остановившись, в облаках, окутанные клубами тумана. Для кого-то этот заоблачный лес, как назвал его Игорь, был естественной средой обитания. Прозрачный горный поток бежал вдоль дороги, стараясь заполнить собой всякую выемку, каждое углубление, и всякая выемка, каждое углубление представляли собой отдельный мирок со своим собственным неповторимым экологическим равновесием. Каскады бесчисленных ручейков питали влажной дикой архидеи, мхи, причудливые травы.

Сидя на складном стуле, Игорь грыз крылышко цыпленка.

— На планете осталось не так уж много подобных мест. Здесь живут скрытные существа, предпочитающие уединенный образ жизни, очковый медведь, например. Даже птицы здесь не особо голосисты.

Картер наблюдал за тем, как Мача ловит в луже головастика. Она не отходила от людей. С тех самых пор как они покинули Паукартамбо, им не попадались встречные машины.

— Посмотри-ка, Марджори, какая красота!

В одной руке Эшвуд держала бутерброд, а другой хлопала себя по шее.

— Мне некогда любоваться красотами. Кто будет за меня хлопать этих кровососов?

Игорь даже не улыбнулся.

— Первые москиты! Это разведчики! Они предвестники великого нашествия.

— Я же намазалась средством от насекомых! — хлопнула себя на этот раз по лбу Эшвуд.

— Чем больше ты их бьешь, тем больше это им нравится, — сказал Игорь. — Они предвкушают свой предобеденный коктейль.

Он направился к лэндроверу, порылся в багажнике и достал розовую бутылочку с жидкостью.

— Попробуй вот это! Некоторым помогает, но лучшая защита от москитов — длинные штаны и рубашка с длинными рукавами, по две пары того и другого, но штаны при этом должны быть заправлены в ботинки. Длинные волосы тоже не помешали бы.

Марджори взяла из его рук розовую бутылочку:

— А вот с этим советом ты опоздал лет на двадцать!

Они продолжили спуск. Дорога стала сужаться и сузилась настолько, что им пришлось ехать между совершенно отвесной стеной с одной стороны и совершенно отвесным обрывом с другой. Туман мешал Картеру любоваться обрывом, что было кстати: вдоль дороги не было ограничительного барьера, а во многих местах была размыта и сама дорога.

Сорок пять минут они потеряли на то, чтобы пропустить взбиравшийся вверх везущий лес грузовичок. Они долго искали участок дороги, где можно было бы разъехаться, и пережили ужасные минуты, когда правое заднее колесо лэндровера зависло над пустотой в тысяче футов над простиравшимися внизу джунглями. В конце концов, грузовичок ухитрился проскользнуть мимо, и они продолжили спуск. За двенадцать часов спуска им больше никто не встретился.

Они тряслись на рытвинах и ухабах, пересекали селевые потоки и утопали в грязи, которая поглотила бы машину вместе с пассажирами, не окажись Игорь столь искусным водителем. Ветви деревьев нависали над ними, лишая их даже того света, который оставлял им непрекращавший-

ся проливной дождь. Казалось, они едут по темному зеленому туннелю.

Было темно, хоть глаза выколи, когда они, грязные и усталые, въехали в крохотное индейское селение Пилькопата. Дождь лил так, что попрятались даже собаки, не было видно ни одной. Фары лэндровера выхватывали из темноты призрачные фигуры.

Игоря скрыла завеса дождя. Появился он несколько минут спустя. Промок он до нитки, что, однако, ничуть, казалось, его не беспокоило.

— За рекой есть старая чайная плантация и несколько кроватей в домике, который держат специально для проезжих.

— А как мы переправимся через реку? — спросила Эшвуд.

Картеру показалось, что ее интерес к сокровищам инков несколько поубавился.

— Машина останется здесь. Дальше мы отправимся на лодке. Вы можете переночевать в лэндровере, если предпочтете заднее сидение машины сухой постели с чистыми простынями.

Эшвуд вылезла под проливной дождь. Картер взял спящую Мачу, осторожно положил ее в свой водонепроницаемый рюкзак и водрузил его на спину. Они последовали за лучом фонарика своего проводника.

К утру дождь прекратился. Владелец плантации приготовил к их пробуждению на удивление роскошный завтрак. Экзотические крики птиц джунглей, то хриплые, то разливавшиеся трелью, сопровождали беседу за столом.

К восьми часам, огибая мели, они уже плыли по реке в огромном каноэ, какое когда-либо приходилось видеть Картеру. Насаженный на длинную до смешного ось винт дряхлого моторчика «Эвинруд» исправно и плавно продвигал их вниз по течению. В каноэ не было сидений, Эшвуд и Картер ютились среди припасов продовольствия.

Каноэ управлял появившийся на рассвете в сопровождении носильщика-метиса по имени Кристофер лодочник Пьер. Очевидно, испанские имена не были в особенном почете в этой части света.

На следующий день Игорь приказал своим людям при-

стать к берегу. Отдалившись от реки, они наткнулись на скалы, покрытые рисунками.

— Древние петроглифы — пояснил Игорь.

— А где твои люди? Почему они не подходят? — Эшвуд оглянулась в недоумении.

— Они ни за что сюда не подойдут. Пушаро для них запрещено. Пойдем дальше!

Он обвел их вокруг каменных глыб. Под нависшим козырьком из гранита они увидели каменную стену, сплошь покрытую причудливой резьбой. Некоторые из узоров показались Картеру незавершенными, как будто художник устал или отчаялся выразить себя и перешел к другой части стены, чтобы попытаться заново осуществить замысел. Но и те рисунки, которые казались законченными, ни о чем ему не говорили.

Игорь улыбнулся:

— Не отчаивайтесь! Никто не знал, что здесь, в джунглях, существуют наскальные рисунки, пока отец Винсенте Сентигоя не обнаружил их в 1921 году. Но они никогда не подвергались систематизации и научному исследованию. Ничего не известно об их происхождении и создателях. Кроме того, они совершенно не похожи на те, что высекали инки. Так что можете толковать их, как вам заблагорассудится, — он принялся рассматривать стену. — Что касается меня, глядя на них, я переношусь в загадочные древние времена, — он дотронулся до гладкого серого камня. — Ясно, что вот это — человеческое лицо, но, убей меня бог, я совершенно не могу понять, что это за предмет рядом с ним, — Игорь передвинулся влево. — А вот этот рисунок я называю «солнце в ящике». Люблю придумывать этим рисункам названия!

Несколько сотен рисунков были, на первый взгляд, беспорядочно разбросаны по стене. Они рассмотрели многие из них и уже собрались было уходить, как Эшвуд вдруг указала на один:

— Подождите! Вот этот я, кажется узнала! Да, это он!

Брови Игоря от удивления взлетели вверх:

— Узнала?

— Да, у меня есть такой же рисунок! Я уверена, точно такой же!

Игорь задумался:

— Ну если так,— сказал он, растягивая слова,— то возможно, что мы, в конце концов, отыщем сокровища!

Громкий вопль отвлек их внимание от петроглифов. Картер дернулся было в сторону реки.

— Люди, живущие здесь, не едят кошек,— поспешил успокоить его Игорь, и они пустились в обратный путь.

Переночевали они в палатках на берегу, а на следующее утро двинулись вверх по одной из речушек. Картер наслаждался окружающим его миром, чего нельзя было сказать об Эшвуд.

— Мне кажется, на реке насекомые досаждают меньше,— пытался успокоить ее Картер.

Игорь время от времени спрашивал у Эшвуд, куда плыть и однажды, развернув каноэ, направил его в приток, о существовании которого Картер никогда бы не догадался, такой густой была растительность по берегам.

Им предстояло проплыть на каноэ как можно дальше вверх по притоку, чтобы затем отправиться пешком. Был разгар сухого сезона, как сказал Игорь. Большую же часть года болотистая почва и бурные пенистые реки оставляли местность, которую они сейчас пересекали, совершенно непроходимой.

Им удалось пополнить запасы продовольствия пираньей, белое мясо которой, пронизанное мелкой сеткой костей, отдаленно напоминало по вкусу форель. Игорь и его люди каждый вечер прыгали в воду ровно в пять часов пятнадцать минут, когда дневные москиты прекращали свои полеты, и с наслаждением плескались не больше десяти минут, чтобы успеть вылезти из воды к пяти часам тридцати минутам, когда ночные москиты возобновляют свои полеты.

Картер не испытывал охоты последовать их примеру, несмотря на огромный соблазн омыть тело, но вьевшиеся грязь и пот заставили, в конце концов, и его, и Эшвуд залезть в воду. Как и обещал Игорь, пираньи не накинулись на них, но угроза их нападения не давала Картеру расслабиться, когда он намыливался, стоя по пояс в воде.

Несколько дней спустя, когда приток сузился настолько, что плыть дальше стало невозможно, они вытащили

каное на берег и надели на спины рюкзаки. Картеру казалось, что в этой невыносимой жаре, при этой избыточной всепроникающей влажности, его рюкзак весит чуть меньше телевизора с тридцатидюймовым экраном. Мача удивительным образом размером и весом стала напоминать ягуара, крик которого они слышали недавно. Но Картер об этом молчал. Впрочем, как и Эшвуд.

Они тепло попрощались с Пьером, который остался с каное ждать их возвращения.

К концу первого часа пути Картер поймал себя на том, что завидует оставшемуся лодочнику. Он также с умилением вспомнил отель в Куско, кондиционер, кубики льда в стакане, освежающий душ и пахнущие лимоном простыни. На укусы прожорливых насекомых, ни на мгновение не перестававших штурмовать открытые части тела, он давно перестал обращать внимание, доверившись толстому слою желатинообразного средства, которое, однако, мало помогало, несмотря на то, что он добросовестно намазывался им каждое утро.

Попадались такие наглецы, которые умудрялись прокусывать даже джинсы. Но он и на них старался не обращать внимания.

Игорь рассказал о еще неисследованных болезнях, распространенных в Инфиерно Верде. Многие из них были неизлечимы, а у некоторых не было даже научных названий. Картер старался не думать о плохом. Все свое внимание он сконцентрировал на зелени, через которую им приходилось продираться. Мачете Игоря и Кристофера ритмично подымались и опускались, прорубая в сплошной стене зарослей тропу, которой никогда здесь не бывало.

После полудня его ноги дрожали и ныли, голова кружилась. Когда Игорь объявил привал, Картер направился к одинокому дереву, вокруг которого, в отличие от остальных деревьев, не было травы, и только он собрался сесть и прислониться к его стволу, как Игорь закричал:

— Не подходи!

Он успел за руку удержать Картера.

— Почему? Здесь травы нет, и, кажется, даже нет насекомых.

— Вот именно! Ничего нет! Это дерево называется пало санто.

Ствол дерева, примерно шести дюймов в диаметре, выглядел вполне безобидно, и все еще привлекал Картера.

— Посмотри на землю! Видишь? Ни опавших листьев, ни молодых побегов! Ничего живого!

Несмотря на жару, Картер почувствовал пробежавший по телу холодок.

— Ну и что? — спросил он, однако, бодрым голосом.

Игорь осторожно подвел его к дереву, остановившись на почтительном расстоянии от него.

— Видишь эти венозные линии на коре? Это муравьиные ходы. Дерево само предусмотрело их для муравьев. В благодарность муравьи выедают любое растение, осмелившееся пустить здесь корни, и убивают всякое приблизившееся существо.

Он постучал по стволу ручкой своего мачете. Мгновение спустя кора дерева покрылась множеством красных муравьев в четверть дюйма длиной.

— Выглядят они, вообще-то, не страшнее обычных муравьев джунглей, которых ты показывал нам несколько дней назад, — сказала, подойдя, — Эшвуд.

Вдруг Картер испустил крик и подпрыгнул на несколько дюймов от земли, схватившись за левое запястье. На тыльной стороне ладони впился жалом в его кожу один единственный муравей. Он извивался, стараясь загнать жало поглубже в кожу. Картеру пришлось несколько раз ударить себя по руке, чтобы сбросить муравья на землю. Вокруг укуса выступило красное пятно.

Игорь де Сото с обычной невозмутимостью осмотрел руку Картера. — Муравей, наверное, упал с ветки, — сказал он.

Картер бросил взгляд вверх на крону дерева и попятился.

— Когда-то меня укусил желтый муравей, — признался он, — но здесь дело явно посерьезней! Как может такое маленькое существо причинить столь сильную боль?

— У этих муравьев сильный яд, — пояснил Игорь. — Индейцы мачигуэнга, живущие в этих местах, наказывают преступника, привязывая его на ночь к стволу пало санто. Наутро преступник неизменно оказывается мертв.

— Думаю, нам следует посидеть в какой-нибудь гряз-

ной лужице, — проговорила торопливо Эшвуд и тоже отошла.

Солнечное, свободное от насекомых и травы пространство люди оставили его хозяевам — пало санто и муравьям.

Прошел еще один день, наполненный гнетущей жарой, удушающей влажностью и доводящими до бешенства москитами, и вот тут-то Игорь, как ни в чем не бывало, заявил, что с завтрашнего дня начинаются трудности.

— Трудно в это поверить в наши дни, но дальше перед нами простираются совершенно неизученные земли. Только дураки, не зная местности, уходят от рек и углубляются в джунгли, — он улыбнулся. — Что ж! Я приветствую моих братьев-дураков! Никто, конечно, в здравом уме и по доброй воле не полезет в этот зеленый ад, но зато у нас появляется шанс обнаружить неизвестный науке вид животного или растительного мира сельвы.

— А как насчет индейцев? — спросил Картер.

— Здесь, в Маку, живет племя, связь которого с миром цивилизации носит случайный характер. Язык этого племени не изучен, но не думаю, что мы встретим кого-нибудь, хотя здесь вполне возможно натолкнуться и на совершенно неизвестное остальному миру племя.

Когда дождь прекращался, между ветвями деревьев проглядывало синее небо, недостижимое, чистое, свободное — там, в вышине, не было сыпавшихся со всех сторон листьев, спор, насекомых. Продираясь сквозь джунгли, они карабкались при помощи крюков по склону, и все лишь для того, чтобы, достигнув вершины, спуститься с другой стороны, пересечь вброд очередную речушку и вновь начать подъем.

Теперь Картер наверняка знал, по каким именно причинам старатели и браконьеры не особенно жаловали посещением Ману. Эти места не зря слыли непроходимыми. Даже если бы кому-то и посчастливилось найти здесь что-либо стоящее, то проблему доставки вряд ли б ему удалось разрешить.

Спустя два дня они увидели индейца, чей облик совершенно не соответствовал ожиданиям Картера. Кожа стари-

ка и цветом, и фактурой напоминала высушенную солнцем кожуру банана. Неожиданное появление людей его испугнуло, индеец вскочил на ноги, и Картер прикинул, что его рост не достигает пяти футов. Одет был старик в обтрепанные по краям шорты и столь же изношенную рубашку. Сооружение из пальмовых листьев, служившее ему жилищем, находилось невдалеке. Несколько освеженных тушек неизвестных животных и десятков выпотрошенных рыб болтались на шесте, подставками которому служили два вбитых в землю кола.

— Браконьер? — предположила Эшвуд.

Игорь подошел к старику и обратился к нему на каком-то певучем языке. Индеец ответил, запинаясь и вознося руки к небу, как бы призывая небесные силы в свидетели.

Когда Игорь возвратился, некоторое раздумье читалось на его лице.

— Он не браконьер! Говорит, зовут его Минга, и утверждает, что он шаман, живет отшельником, соплеменники приходят к нему, когда нуждаются в его помощи. Он бывал в Шинтуе, индейском селении далеко вниз по течению Верхней Мадре де Диос. Но вот что интересно: его язык похож на язык индейцев Мачигуэнга и в то же время сильно отличается от него. Он говорит, что во всей округе нет ни индейских селений, ни лагерных стоянок, и я ему верю, — Игорь перевел взгляд с Картера на Эшвуд. — Я ему сказал, что мы ищем место, где, напоминая арку, стоят два каменных столба, почти соприкасающиеся вершинами. Он ответил, что исходил всю округу и знает только одно место, где стоят два таких столба. Он говорит, кроме него из людей никто никогда этих столбов не видел.

— Сможет он нас отвести к этим столбам? — заволновалась Эшвуд.

Игорь кивнул:

— Он знает о существовании бумажных денег, но он не доверяет бумаге. Его устроила бы какая-нибудь вещь. У меня есть два фонарика, батарейки которых можно подзаряжать днем солнечной энергией, и я думаю уступить ему один в качестве оплаты.

— А тебе не кажется, что он может рассказывать нам

сказки, для того чтобы заполучить фонарик? — Эшвуд окинула взглядом тощую фигуру индейца.

— Ну вот это уж мы сможем узнать, только если пойдем за ним, куда он поведет нас. Как иначе проверить, говорит ли он правду?

— А слышал ли он когда-либо о Паитити?

— Я спрошу,— Игорь направился к индейцу.

Когда он минуту спустя вернулся и заговорил, в его голосе Картеру послышалось волнение:

— Он никогда не слышал такого названия, но утверждает, что видел камни, на которых боги оставили свои письма.

— Боги? — переспросил Картер.

— Индейцы джунглей ничего не помнят об инках, они не сохранили историческую память об их цивилизации.

— Пообещай отдать ему фонарик,— согласилась Эшвуд,— но только после того, как он доставит нас к тем столбам!

Глава 7

Спустя четыре дня они вышли к потоку, который, прорезав себе путь в мягком известняке, бежал, разбрызгивая водяные искры и подмывая корни прибрежных кустарников. Не было даже подобия тропы, Картер с трудом верил в то, что старик-индеец сам знает, куда ведет их.

Они совершали восхождения и спуски, скользя по заросшим мхом камням и хватаясь за лианы, чтобы удержаться на ногах. И все это время Картера не переставала удивлять выносливость Эшвуд. Она, конечно, ныла и жаловалась, но ни разу не попросила остановиться для отдыха. Одной Маче путешествие не доставляло неудобств и не давало повода для жалоб.

Старик, как уж огибая лианы, извивался в зарослях и время от времени останавливался, поджидая, пока Игорь и Кристофер прорубят тропу.

Прошло еще три дня, прежде чем они добрались до камней, строгий порядок в расположении которых не мог

быть случайным оползнем. Приминая к склону крошащаяся стена была сплошь увита лианами. Среди буйной растительности она была едва заметна. В ней виднелось несколько проломов. Не было сомнений в том, что перед ними развалины древней постройки, заметить которую с воздуха невозможно из-за обступившей растительности.

Петроглифы едва проглядывались под лишайником. Они напоминали те петроглифы, что они видели в Пушаро, но вряд ли имели общее происхождение. Нигде никаких признаков золота или серебра не было, как не было и никаких разграбленных храмов и гробниц, да и сами развалины не производили особенно сильного впечатления. «Если мы стоим посреди затерянного в сельве города инков,— думал Картер,— то надо признаться, его размеры соответствуют примерно размерам станции технического обслуживания автомобилей».

Он до того устал, что даже не смог прочувствовать в полной мере охватившего его разочарования. Он без колебаний отдал бы сейчас все золотые сокровища за возможность принять горячую ванну.

Измощенная Эшвуд в конце концов отошла от петроглифов, так и не найдя ни одного знакомого, и тяжело рухнула на землю, привалившись спиной к вросшему в землю валуну.

— Я не могу понять, зачем Февику сдалось это проклятое место,— проворчала она,— здесь нет ничего интересного.

— Вероятно, затем же, зачем и нам,— тщательно осмотрев дерево и твердо убедившись, что перед ним не пало санто, Картер устроился под его густой кроной, снял со спины рюкзак, из которого поспешила высунуться Мача, и принялся наблюдать за кошкой.— Февик, как и мы, верил, что найдет здесь сокровища.

— Ну так мы сэкономили ему кучу времени! — простонала Эшвуд.— Как только я окажусь снова дома, первое, что я сделаю, так это напишу ему и посоветую не пускаться в заведомо обреченное на провал предприятие по поиску сокровищ древних инков. Я исключительно искренне и с удовольствием распишу ему все обстоятельства нашего путешествия, чтобы он решил, что я его обманываю и сам

бы появился сюда, истратив при этом, подобно нам, кучу денег, времени, здоровья и сил.

Даже неутомимый Игорь выглядел уставшим. Его хлопчатобумажная рубашка с длинными рукавами, темная от пота, висела на нем мешком. Впрочем, одежда остальных была не суше. Сидя у дерева, Картер после каждого укуса мысленно благодарил москитов за то, что отвлекают его от мыслей о плесенном грибке, который, он был уверен, неизбежно должен был в этой сырости поселиться между пальцами его ног. Он чувствовал, что уже созрел для возвращения в мир цивилизации. Новизна путешествия приутилась, ему нетерпелось поскорее заново познакомиться с обычными ванной и унитазом.

— Ты уверен, что поблизости нет других таких столов? — пытала Эшвуд Игоря. — Спроси у старика!

Игорь спросил, индеец повторил, что это единственное место во всей округе, где он видел письма богов.

— А что это за проломы в стене? — не сдавалась Эшвуд. — Мы не можем уйти отсюда, не убедившись, что там ничего нет! Могут же за проломами оказаться пещеры, комнаты, ниши, а в них...

— Если хотите, пожалуйста, осматривайте, но без меня, — Игорь отхлебнул из фляжки глоток воды.

— Почему же? — подал голос Картер.

Игорь еще раз приложился к фляжке, затем ответил:

— Дело в том, что Ману привлекательно не только для нас с вами, но и для нескольких очень интересных видов змей: кустарниковой змеи, фер-де-ланс и для пары десятков разновидностей гадюк, и все они одна другой ядовитей. Они обожают жить в темных сырых местах, а я уважаю чужие привычки и обхожу стороной места их обитания, — он посмотрел на Эшвуд. — Если у вас есть желание поближе познакомиться с ними, в добрый путь, мне остается тогда только пожелать вам долгих лет жизни. Но я сомневаюсь, что вы найдете золото. Золота здесь нет. Паитити — прекрасная сказка, в которую с легкостью готовы поверить те, у кого либо осталось слишком мало надежд на собственные силы, чтобы улучшить свою жизнь, либо же те, кому жадность и корыстолюбие застят глаза. Вы заплатили мне за то, чтобы я привел вас сюда, и я привел. Нельзя

сказать, что мне была неприятна ваша компания, но с гораздо большим удовольствием я водил бы по сельве натуралистов или хотя бы фотолюбителей. Кстати, нам здорово повезло с погодой, но наши припасы продовольствия кончаются, и потому сегодня мы разобьем лагерь и переночуем здесь, а завтра у вас будет возможность еще осмотреть эти камни, но послезавтра я приступлю к выполнению своих обязательств, которые заключаются в том, чтобы доставить вас в Бока-Ману, откуда уже вы сможете по вашему усмотрению или возвратиться тем же путем, каким мы шли сюда, или нанять самолет и добраться до Куско по воздуху. Я бы и сам, быть может, полазил бы с вами по этим камням, но моя работа — водить по сельве тех, кто этого желает, а что делаете здесь вы, я не знаю. Если вы надеялись найти здесь золото, то уедете отсюда без золота, но умудренные опытом.

— Я не надеялся найти золото! — возразил Картер.

— Ну а я надеялась! — заорала Эшвуд, вспугнув птицу, расположившуюся было на ветке у нее над головой.

Затем последовал каскад сочных, красочно расцвеченных, крайне эмоциональных выражений, которые Картер выслушал с неподдельным восхищением, а Игорь сразу же поспешил включить их в свой словарный запас английского языка.

Когда она начала выдыхаться, Картер ласково обнял ее за плечи:

— Успокойся, Марджори! У нас не было никаких гарантий на успех, вспомни!

Что-то мягкое и пушистое потерлось о его ногу. Мача прогулялась и теперь требовала к себе внимания своего хозяина.

Игорь помогал Кристоферу разбивать палатки, а Картер, оставив Эшвуд ворчать наедине, уселся под облюбванное им дерево, позволив Маче уютно устроиться на коленях. «Красивое местечко, — размышлял он, разглядывая развалины, — если бы не эта влажность и не эти москиты, райский уголок!»

Эшвуд взяла в руки фонарик:

— Ты можешь сколько угодно отсиживать здесь свою задницу, коли это тебе по вкусу, а я намерена посмотреть, что же там в проломах.

— Марджори! — принялся увещевать ее Картер. — Ты забыла, что сказал Игорь?

— Я не боюсь этих чертовых тварей, — фыркнула она. — Я родилась в Техасе, я выросла среди змей!

Он удивился:

— Техас? Я думал, ты из Калифорнии. Ты же ведь говорила...

— Видишь ли, кое о чем я умолчала, сынок! Но не беспокойся, я буду смотреть себе под ноги!

— Если бы все змеи были гремучими и возвещали о своем приближении!

— Я должна убедиться, что в проломах ничего нет, чтобы потом не случилось кусать локоточки!

Картер вздохнул и осторожно снял с колен Мачу:

— Придется идти с тобой!

— Не обязательно! Велика ль от тебя польза? Я проскользну там, где ты застрянешь. Если там достаточно большой проем, я позову тебя, договорились?

— Не нравится мне все это!

— Хватит! Я уже не раз говорила тебе, что не люблю, когда меня опекают! Черт возьми, я всегда умела сама за себя постоять, если что, а вот ты...

— Делай, что хочешь! — замахал он на нее руками. — Можешь на карачках проползти все эти развалины, найти самую большую в Перу кустарниковую змею, засунуть ее себе в бюстгальтер и с ней возвратиться в Куско, я не скажу ни слова! Мне наплевать!

Она удовлетворенно кивнула и принялась обследовать крошащуюся от времени и дождей стену. Из трех проломов самый дальний казался самым просторным, однако, он явно не служил входом в затерянный в джунглях храм, и вообще, все эти сооружения не могли быть пристанищем для более дюжины обитателей, если хоть когда-нибудь здесь кто-либо жил.

— Не кажется ли тебе, что, будь здесь хоть что-нибудь ценное, он давным-давно это бы себе присвоил? — Картер кивнул в сторону старика-индейца.

— Не обязательно! — Эшвуд направлялась вдоль стены к дальнему пролому. — Ты вспомни, как наши носильщики побоялись подойти к Пушаро. А это такое же священное для любого индейца место! Не думаю, чтобы наш краснокожий друг когда-либо осматривал эти проломы.

— Ну хорошо, Мардж, ты там все осмотри, разведай, а потом расскажешь нам, что ты там обнаружила, — Картер распаковал свой спальный мешок.

Она обернулась:

— А если, не приведи господь, я сломаю ногу или упаду на дно глубокой ямы, ты придешь ко мне на помощь?

Картер поленился ответить.

— Просыпайся!

Картер перевернулся на другой бок. Крохотная палатка едва вмещала его долговязое тело. Он спал, подтянув колени к груди.

— А ну вставай!

Он открыл один глаз и покосился в сторону выхода из палатки. Едва рассвело.

— Дайте же мне поспать! — сказал он.

Кто-то с силой пнул его голую пятку:

— Вставай!

— Что, черт возьми, стряслось? — Картеру пришлось проснуться.

Он протер глаза, и тут до него дошло, что этот голос он слышит впервые. Незнакомец говорил по-английски с ужасным акцентом. Сев, Картер поспешил натянуть на себя рубашку и брюки и напялить ботинки. Мача лежала у его ног. Ее уши подергивались, а хвост бился как неврастеничный метроном. Палатка над Картером ходила ходуном, потому что он то и дело бился головой о ее стойки. Отстегнув противомосkitную сетку, он откинул в сторону дождевой клапан и выполз из палатки, но при этом он сам не стал бы утверждать, что окончательно проснулся.

В тусклом свете раннего утра он различил Игоря и Кристофера, сидевших у догоревшего лагерного костра. Эшвуд маячила у входа в свою палатку, вид у нее был более чем несчастный.

Незнакомцев было двое. Третий же появившийся в лагере человек Картеру был знаком. Брайтон Февик исходил потом. Пистолет, зажатый в его пухлых пальцах, выглядел как не на своем месте. Черное дуло уставилось на Картера, как только он вылез из палатки.

— А я думал, актеры имеют обыкновение вставать рано, мистер Картер,— сказал Февик.

— Только когда им необходимо вовремя оказаться на съемочной площадке! — Картер застегнул пряжку ремня. — А вообще-то мы любим по утрам поваляться подольше в постели.

— Мне очень жаль, что мне пришлось разбудить вас столь рано, мистер Картер, а если это послужит вам некоторым утешением, то спешу сообщить вам, что ваше присутствие здесь, сонным или бодрствующим, в равной степени непереносимо для меня, как и мое вам.

— Банан тебе в задницу! — не выдержала Эшвуд.

Брови Февика поползли вверх, он откинул со лба белокурые волосы:

— Я и прежде успел заметить в вас, мисс Эшвуд, склонность к сквернословию, и хочу предупредить, если вы еще раз соизволите открыть свои уста для грязных слов, я пристрелю вас.

— Какая речь! С ума сойти! Вы не посмеете!

— Вы так думаете? Я полагал, вы швея, но вы еще пытаетесь, оказывается, и пророчествовать? Но ответьте, однако, на вопрос, как вы оказались здесь?

Эшвуд ответила торжествующей улыбкой, но не произнесла ни слова.

— Вы не хотите рассказать? Я, полагаю, сам смогу восстановить ход событий. У вас был мой диск, вы сняли с него копию и решили воспользоваться записанной на нем информацией, несмотря на тот немаловажный факт, что та информация была частной собственностью, и, воспользовавшись ей, вы чуть было не погубили дело всей моей жизни.

— Ты еще слишком молод, чтобы завершать дело всей твоей жизни! — Эшвуд сжимала кулаки. — Что ты собираешься с нами сделать, Февик?

— Фивик! — исправил он. — Пожалуй, я не застрелю

вас, если вы не станете огорчать меня и научитесь говорить на языке, принятом в приличном обществе. Невзирая на то, что вы несколько осложнили мою жизнь, оказавшись, по сути дела, ворами, я проделал весь этот путь, однако, не для мести.

— Располагая данными вашего диска, мы смогли пройти лишь половину пути. Сюда нас привел Минга, и он утверждает, что он единственный, кто бывал здесь раньше и знает это место. Каким же образом вы попали сюда? — Картер покосился в сторону старика-индейца.

Тот сидел поодаль, не выказывая интереса к происходящему. Он развлекался, рисуя остроконечной палочкой на сырой земле.

Февик нахмурился и, отвернувшись, бегло заговорил по-испански со своими носильщиками, один из которых и будил Картера на плохом английском.

Картер напрягся. Он знал пару рукопашных приемов, а Февик не производил впечатления серьезного противника, хотя пистолет, который он сжимал, не казался игрушечным.

Один из двоих носильщиков прокричал несколько слов, и из джунглей вышел третий индеец. Он был гораздо старше носильщиков Февика. При его появлении Минга поднялся с земли, отбросив палку в сторону, и в тот же момент проводник Февика увидел Мингу. Индейцы церемонно обнялись и направились к убогому травяному ложу, безумолку болтая и совершенно не обращая никакого внимания на других.

— Ты же говорил, только Минга знает, как разыскать эти столбы, или я ошибаюсь? — упрекнула Эшвуд Игоря.

Игорь пожал плечами:

— Он мне так сказал! Но, видимо, правда становится в сельве большой редкостью.

— Это вам ни к чему! — Картер кивнул на пистолет Февика. — Здесь нет золота, а значит, и причин проливать кровь. Если же вам не дают покоя лавры первооткрывателя, то я с радостью уступаю их вам.

— И я тоже, — добавила Эшвуд.

— Не будем о золоте пока говорить, но пистолет я оставлю наведенным на вас, мистер Картер! Если я уберу

его, у вас появится слишком большой соблазн напасть на меня, и я уверен, вы сделаете это на хорошем профессиональном уровне. Теперь же сядьте на землю, я прикажу своим людям связать вас. Вашему носильщику я не стану чинить препятствия, он может уйти, когда захочет, индейцы меня не волнуют.

Игорь зашептал что-то Кристоферу, и тот неохотно подчинился, собрал свой рюкзак и, в последний раз бросив взгляд на своего друга и нанимателя, поспешил к джунглям.

— Он приведет нам подмогу! — сказал Картер, когда Кристофер скрылся.

— Я глубоко сомневаюсь, — Февик наблюдал, надежно ли его люди связывают двоих мужчин и женщину. — Индейцы не бывают преданы белым. Хотя, быть может, вот он и заслужил их доверие, — он указал на Игоря, — но одного доверия, безусловно, недостаточно, чтобы они позволили вовлечь себя в неприятности. Я уверен, этот человек вернется к своей семье и постарается побыстрее забыть о нас.

Февик уселся на землю, привалившись спиной к дереву:

— Вы говорите, здесь нет сокровищ? Отсюда я заключаю, что золота вы не нашли.

— Да, и пусть твоя задница расхохочется, если это не так, — смачно выдала Эшвуд, — здесь нет ни затерянного города инков, ни их сокровищ! Ничего! Здесь только одна эта чертова стена!

— Я сам вижу, что здесь не могло быть города. Это, пожалуй, отдаленное поселение. Что же касается сокровищ, не будем торопиться!

— Я вижу, вы не особо расстроены! — заметил Картер.

— С чего бы это мне расстраиваться? — удивился Февик. — Вы стремились сюда за золотом, а я археолог, и денег у меня и без того много. Я ищу Паитити ради материала для монографии и для публикации в «Американском археологическом вестнике». Я должен утвердить себя в науке, чтобы сказать когда-нибудь своим родителям: «Я сделал себе имя без вас и ваших связей!»

Он указал на крошащуюся стену:

— Эти петроглифы, проглядывающие из-под лишайника, ни о чем вам не говорят, а для меня они-то и есть насто-

ящее сокровище. Эти петроглифы — свидетельства не-инкского влияния. Может быть, здесь были Чиму или Моче. Это совершенно неизвестное науке поселение. Я надеюсь найти здесь сделанные рукой человека предметы, и совсем не обязательно им быть из золота.

— Тогда зачем нас связывать? — Эшвуд сделала напрасную попытку высвободиться. — Мы уйдем и не станем мешать копать там, где только этого захочет твоя задница, Февик!

— Фивик! Я отпущу вас, — пообещал толстяк, — но позже! Вы должны оставаться здесь до тех пор, пока я не соберу материал, нужный мне для предварительной публикации. Я не могу допустить, чтобы вы, возвратясь в Лиму, разболтали бы обо всем первом встречному репортеру. Простите мне мою предосторожность, но это археологическое открытие — дело всей моей жизни, и я не хочу рисковать. Одного неосторожно сказанного вами слова будет достаточно, чтобы сюда нагрянули толпы искателей сокровищ, которые быстро уничтожат многое из того, что представляет собой научную ценность. Вам придется некоторое время потерпеть мое общество и веревки. Расслабьтесь и постарайтесь получить удовольствие. О вас будут заботиться, а когда я закончу исследования, вы обретете свободу, — Февик, возможно, хотел бы еще что сказать, но его монолог был неожиданно прерван неистовым воем, вой шел из его саквояжа.

— Что такое, мой хороший? — вопрос Февика явно не относился к бездушному саквояжу, — что за бес в тебя вселился, Мо?

— Мо? — Эшвуд уставилась на толстяка, — ты притащил мясистого котяру сюда из самой Джорджии?

— Мо сопровождает меня повсюду! — Февик окликнул одного из носильщиков: — Не стой же! Выпусти его!

Кивнув головой, носильщик откинул крышку коробки, привязанной ремнями к рюкзаку. Оказавшись на свободе, четвероногое существо ринулось к палатке Картера.

— Мача! — истошно заорал Картер.

Котяра, в несколько секунд покрыв отделявшее его от палатки расстояние, ржавым пушечным ядром врезался в ее полог, а Февик удивленно взглянул на Картера:

— Вы тоже повсюду возите с собой кота?

— Я подобрал Мачу в Куско,— Картер с тревогой наблюдал, как бьется, запутавшись в пологе палатки, орущий дурным голосом рыжий кот.— Я думал, со мной она будет в безопасности. Я собираюсь увезти ее с собой в Штаты.

Позади палатки появилась кошка Картера и кинулась в джунгли. Мгновение спустя кот Февика уже преследовал ее.

— Вы, оказывается, тоже поклонник представителей семейства кошачих! Я был о вас худшего мнения, простите. Вы говорите, у вас кошка? — он ухмыльнулся,— не думаю, что Мо ее обидит.

— А что, если они не вернутся?

— Мо вернется, но за вашу кошку ручаться не могу. Конечно, если вы ее хорошо кормили, она вернется непременно. Впрочем, они сами разберутся между собой без нашего вмешательства. Теперь же, простите, я вынужден вас покинуть, мне нужно приступить к работе.

Он передал пистолет одному из своих людей, приказав ему смотреть за пленниками в оба, а сам извлек из рюкзака фотоаппарат и начал съемку, методично продвигаясь от одного конца стены к другому.

— Если он, упаси боже, найдет золото, нас ждут неприятности,— пробормотала Эшвуд.— Эта мысль не дает мне покоя. Вероятно, тогда он пристрелит нас, и никто никогда не найдет наши останки.

— Не думай об этом, Марджори! — попытался ее успокоить Картер,— Февик не похож на убийцу!

— Ты так думаешь? Вот что я скажу тебе, сынок, когда дело касается золота, все ставки хороши, включая жизнь, тем более когда она чужая!

— Откуда тебе знать?

— Я видела, что происходит с людьми, когда у них вдруг появляется возможность хапнуть крупную сумму незаработанных денег!

Некоторое время она помолчала, взвешивая, стоит ли продолжать, но преодолела сомнения:

— Не думаю, чтоб ты слышал когда-либо о брекенриджской бойне.

— Нет! — Картер недоумевал.

— Не удивительно! Это было в... одним словом, как давно, что ты просто этого не можешь помнить. Был один банк, и на этот банк был совершен налет, но план налета не сработал. Двое глупых случайных парней оказались не в том месте и не в то время, за что и заплатились своими глупыми жизнями. Газеты назвали их убийство «брекен-риджской бойней». Один из троих таких же глупых налетчиков угодил за решетку, а второй — под колеса грузовика, когда уходил от полиции. Ну а третьим сообщником была девушка, которая ждала их в мотеле с тремя авиабилетами первого класса до Бразилии. Когда она узнала из газет, что ее милый дружок не просто мертв, а размазан по проезжей части на 180-ой федеральной, она поспешила в Даллас и сдала билеты. Ее так и не нашли.

Картер ошеломленно глядел на Эшвуд.

— Да, это была я. На первое время мне хватило денег от сданных авиабилетов, и, кроме того, я всегда умела обращаться со швейной иглой. Я осела в Лос-Анджелесе, освоила компьютерную программу лазерного закройщика и подалась в кинобизнес, чтобы переезжать с места на место и потому относительно спокойно спать. Должно быть, техасские полицейские давным-давно оставили попытки найти меня, но я не хочу рисковать. Надо признаться, жизнь обошлась со мной не очень ласково, — она погрузилась в воспоминания. — Это было тридцать пять лет назад. С тех пор я больше никогда не занималась сомнительными делами, но в молодости успела насмотреться всякого. Однажды на моих глазах один парень застрелил другого за десять долларов. Я хорошо знаю, как аромат легких денег меняет человека, — она кинула взгляд через плечо. — Совершенно не имеет значения, что говорит Февик насчет своего богатства. Если ему посчастливится найти что-либо конвертируемое, нам придется готовиться к худшему.

— Ты когда-нибудь в кого-либо стреляла, Марджори? — шепотом спросил Картер.

Она впилась взглядом в его глаза:

— Скажу только, сынок, что если ты умыкнешь у Февика его пушку, я сумею ею воспользоваться.

Обязанности Наблюдателя отнимали у нее много времени и сил: в ее ведении находилась немалая область реальности. Прошло много дней, прежде чем О'Лал отыскала ключ к системе, которую Ренегат взял на вооружение, пытаясь внести разлад в вверенный ей мир. Сначала ей не за что было зацепиться, кроме неясных признаков аномалии, присутствие которых она время от времени ощущала. Удивительно, что ей вообще удалось напасть на его след.

Она до сих пор не могла уяснить себе ближайшие намерения Ренегата. Они оставались для нее более туманными, чем его конечные цели. Для Шихараранета зло было физической реальностью. Его можно было пощупать, увидеть, измерить, и оно отчетливо проглядывало в действиях Ренегата.

Терпеливое наблюдение и тщательный расчет принесли результаты, и ее появление стало для него полной неожиданностью, хотя оказалось, Ренегат был гораздо сильнее, чем она предполагала. Но это не имело большого значения, потому что она не видела необходимости в его уничтожении. Ей было нужно всего лишь расстроить его замыслы.

Замешательство, которое он выказал при ее появлении обнаружило как его чрезмерную самонадеянность, так и легкую уязвимость. Он явно не ожидал, что она сможет разгадать его планы.

Ренегат предпринял атаку, на которую она отреагировала с мастерством, отточенным многолетней практикой. Она изящно исчезла в промежутке между двумя почти смыкающимися плоскостями существования и выскользнула из пределов его досягаемости раньше, чем он успел ее коснуться.

Полностью открыв свое восприятие мира, она скользила, пересекая сверкающие пространства, и ловко уклонялась и от тщетных попыток Ренегата схватить ее, и от массивных тел, случайно возникавших в непосредственной близости, и даже касавшихся ее.

Ренегат сделал попытку нанести удар, но О'Лал совершила аккуратный поворот и снова оказалась вне пределов его досягаемости. Она скользила по волнообразной поверхности бытия, о существовании которой Ренегат даже

не догадывался. Зная геометрию мира гораздо лучше его, она могла парить до тех пор, пока он не выбьется из сил. Ведь он не смел выйти на физический уровень из-за риска подвергнуться нападению представителей примитивной фауны.

О'Лал не нужна была его смерть. Ей нужно было только заставить Ренегата преследовать ее до тех пор, пока его тщательно продуманные замыслы не рухнут сами по себе, и мир, вверенный ее заботам, не окажется спасенным.

У'шак понимал, что разочарование и гнев ослабляют его, воздействуя на рефлекс отрицательно. Наблюдатель играла с ним, дразнила его, подпуская соблазнительно близко, и всегда в последний момент ускользала, чтобы он ни предпринимал. Она успевала предвосхитить все его действия. Ему стало ясно, что он никогда ее не победит.

Ее появление в самый критический для его плана момент было для него слишком неожиданным, он проклинал себя за излишнюю самоуверенность. В будущем угрожающе маячила неудача. К счастью, он успел создать систему предохранительных мер, но она была далека от совершенства и могла подвести, а он не имел возможности сосредоточиться на ее доработке, когда рядом присутствовала О'Лал.

К его огорчению, ему приходилось импровизировать, а импровизация всегда влекла за собой потерю некоторого преимущества, но все же план, который он разработал и претворял в жизнь, продолжал действовать. Он успокаивал себя мыслью, что возникшие неприятности явились результатом неудачного стечения обстоятельств, но не были прямым следствием работы Наблюдателя. Возможности О'Лал обязывали ее действовать, не открывая факта своего существования представителям вверенного ей мира, потому что это могло повлечь за собой нарушения в поступательном развитии более существенные, чем последствия его разрушительного, тайно осуществляемого плана.

Но ему тоже нужно было сохранять в тайне факт своего существования, это было жизненно необходимо для его безопасности и для успеха его начинания, если принять во внимание непредсказуемую природу представителей физического уровня.

Ничего другого не оставалось, как продолжать преследовать О'Лал, отвлекая на себя ее внимание, в то время как существа, для которых он определил особый путь развития, будут беспрепятственно следовать по нему.

Наблюдателю показалось, что Ренегат потерял уверенность в себе. Она догадалась, что частично уже разрушила его замыслы, и при этом она не раскрыла себя, хотя ее действия, все-таки, оказали некоторое неблагоприятное влияние на существа, которых она была обязана защищать.

Она спокойно уходила от погони, уверенная, что пока Ренегат занят ею, у него нет возможности влиять на реальность. Его злонамеренные замыслы потерпят неудачу до того, как он успеет причинить непоправимый вред схеме эволюционного развития. Теперь, когда она обнаружила его, она положит конец его вмешательству в реальный мир и станет держать его под контролем до тех пор, пока он не посчитает нужным убраться с вверенного ей участка мира.

Но ни Наблюдатель, ни Ренегат не могли предвидеть, что в уравнении появится новый элемент. Пока они были заняты друг другом, реальность не пребывала в статическом состоянии, она сохраняла свой собственный момент движения, который оказывал на развитие событий свое влияние. И Наблюдатель, и Ренегат, заметив это, принялись следить и анализировать сложившиеся обстоятельства.

Ушак приободрился, неожиданные элементы в схеме развития шли на пользу его плану и соответствовали его намерениям в большей мере, чем задачам Наблюдателя. Если удача будет к нему благосклонна и дальше, проявив достаточно выдержки и терпения, он еще полюбуется хаосом, в который ввергнется этот скучный мир.

Глава 8

Картер впустую провозился все утро, пытаясь высвободиться. Все, чего он достиг, было судорогами плеч. А Эшвуд упала набок и тщетно пыталась вновь принять сидячее положение. Была она с ног до головы задеревеневшая,

грязная и злая, когда их тюремщики возвратились с раскопок.

— Ну как? Нашли золото? — с ядовитым сарказмом спросила она Февика, успевшего обследовать только один из трех проломов в стене.

— Нет, — ответил он вежливо, — только сущие пустяки: несколько петроглифов с незнакомым мне рисунком, дюжину черепков и остатки древнего очага. Но для первого раза вполне достаточно! Мы ведь только приступили к работе. Великие открытия не делаются за один день. Археология — наука, требующая терпения.

Он взгрозился на гладкий валун, а его носильщики занялись приготовлением обеда.

— Неужели и нам что перепадет? — спросил Игорь.

— Вне всякого сомнения, — ответил Февик. — Моя цель — лишить вас возможности разболтать преждевременно о моем открытии, а не морить голодом. Но сначала поедим мои люди и я, чтобы затем развязывать вас и кормить по одному. Моя верная пушка будет держать вас все время под прицелом, пока вы не насытитесь. Ловко я придумал?

— И долго ты намерен держать нас связанными? — голос Эшвуда дрожал от злости. — Мы что, так и будем спать со связанными руками и ногами?

Февик поджал губы:

— Боюсь, несколько неприятных ночей вам не избежать, за что я спешу принести свои глубочайшие извинения.

— И я тоже! — голос не принадлежал ни носильщикам Февика, ни старикам-индейцам Мачигуэнга, которые отстраненно сидели поодаль у собственного костра и готовили что-то, пахнущее для белокожего носа не совсем аппетитно.

— А вот этого не следует делать! — строго сказал тот же голос, когда рука Февика дернулась к пистолетной кобуре.

— Кто вы? — рука Февика, повинаясь голосу, замерла в нескольких дюймах от рукоятки пистолета, он оглянулся.

— Франческа Да Римини! — высокая статная фигура

показалась из зарослей, и плененная тройка в изумлении уставилась на нее.

Носильщики Февика поспешили потихоньку ретироваться, в то время как старики-индейцы, занятые приготовлением ужина, едва удостоили происходившее своим вниманием.

Глаза Февика сузились в щелочки:

— Франческа Да Римини? Так называется одна русская опера!

— Ну а я, как видите, вовсе не опера! — сухо ответила амазонка. — Мои родители, быть может, не отличались богатым воображением, но у них в доме имелся хороший радиоприемник.

— Мне жаль, но все, сказанное вами, не впечатляет!

— Тогда, может, вот это произведет на вас некоторое впечатление? — она повернулась к джунглям и коротко свистнула.

Из зарослей вышли трое мужчин, двое из которых выглядели близнецами. На них была одинаковая одежда: брюки и рубашки из дорогой саржи, вместо обычных для местных жителей маек и заношенных донельзя шорт; на ногах — добротные походные ботинки; но больше всего впечатляло то, что они держали в руках по автомату Калашникова. «Для носильщиков, пожалуй, они слишком нарядны», — решил Картер.

Третий мужчина, в расползающих по швам джинсах, дырявых на коленках, и линялой рубашке, был моложе и выглядел скромнее.

Эшвуд наклонилась к Картеру и прошептала:

— Что это за амазонка?

— Я встретил ее в наш первый вечер в Куско после того, как ты отправилась спать.

Эшвуд закатила глаза к небу:

— Теперь все ясно! Ты все вытрепал ей про наши планы?

— Вот этого не было! — Картер почувствовал себя полнейшим идиотом. — Она показалась мне очень милой, ей хотелось с кем-нибудь поболтать, вот и все! Я сказал, что мы туристы.

— Ага! И потому она теперь здесь!

— Послушай, Марджори, не моя вина, если у нее возникли подозрения, но, может, все к лучшему, она спасет нас!

— Все правильно,— оборвала Эшвуд,— она здесь, чтобы спасти нас, а мой неумный Билли-Боб Постин грабил банки только потому, что ему не удалось стать стипендиатом Принстона,— она не потрудилась подавить смехок.

— Вам это не пригодится,— Да Римини без опаски подошла к Февуку, чтобы извлечь его пистолет из кобуры.

Близнецы с автоматами Калашникова в руках внимательно наблюдали за происходящим.

— А, кстати! Знакомьтесь! Братья Фернандес! Перепутать их невозможно друг с другом: слева Манко, а справа Бланко, он немного выше и более уродлив.

Один из двоих близнецов, подпадавший под описание, только добродушно усмехнулся.

— Мы с ними старые и добрые друзья,— добавила Франческа.

Молодой индеец, вместе с братьями Фернандес появившийся на свист Франчески из джунглей, почтительно обошел ее, равнодушно перешагнув через пленников и с поднятой в приветственном жесте рукой приблизился к старикам-индейцам. Минга и его собеседник подняли глаза и лениво ответили тем же жестом на его приветствие. Юноша-индеец уселся в почтительном отдалении от старших, и все трое предались неспешному разговору.

— Догадываюсь,— ядовито заметила Эшвуд,— что этот юноша-индеец — единственный человек на всем белом свете, который знает, где находится Паитити и как провести белокожих туда.

— Не совсем так,— в глазах Да Римини блеснул огонь.

Она уже не была той удивительной женщиной, какой запомнилась Картеру в тот вечер. Ее дикий взгляд его пугал, в нем порой металось безумие. Однако, какова женщина! Не побояться идти в сельву с двумя вооруженными до зубов головорезами в надежде найти... найти — что?

— ...но он знает,— продолжала тем временем Да Римини,— что его дядя с несколькими белыми отправился на розыски его деда, сопровождавшего других белых, и он, как видите, сумел отыскать их обоих.

Картер с удивлением отметил, что резкие движения Франчески и огоньки безумия в ее глазах пугают его гораздо больше, чем АК-47 в руках братьев Фернандес. Высокомерный Брайтон Февик был напуган и тем, и другим, но, нужно отдать ему должное, не выказывал своего испуга. А Картер, чем больше слушал и смотрел на Франческу Да Римини, тем беспокоился все больше: во что выльется ее гнев, когда она узнает, что легендарный город Паитити — это всего лишь навсего рассыпающаяся от времени и дождей стена, три дыры в ней и несколько заросших лишайником петроглифов и пара обработанных рукой человека камней.

— Я узнала вас, Джейсон Картер! И вашего проводника Игоря фон Мангейма де Сото я тоже узнала! А вот эта старая уродина, по всей видимости, и есть ваша спутница, не так ли мистер Картер?

Эшвуд было дернулась, раскрыла рот... но ничего не сказала.

— Этого же толстяка, — Да Римини уперлась взглядом в Февика, — я не знаю. Кто он?

— Его зовут Брайтон Февик, он археолог. Это он по научным сведениям изыскал это место, а Марджори и я, так сказать, присвоили результаты его исследований и первыми пришли к этой стене. Когда же подошел он, то был неприятно удивлен, обнаружив нас здесь, в результате чего мы лишились свободы и теперь лежим здесь связанными, — коротко изложил Картер.

— Все именно так, — изрек Февик с неуместной в его положении важностью. — Я могу официально считаться первооткрывателем Паитити, а вы, все здесь присутствующие, просто-напросто невежественные самозванцы!

Да Римини удостоила его чуть большим вниманием, чем москита. Она разочарованно обернулась на полуразвалившуюся стену:

— Это — Паитити? Где же город? Где золото Атауальпы.

— Вы не понимаете? — решил просветить ее Февик. — Эта стена — бесценнейшая археологическая находка, и сама по себе она золото!

Франческа одарила его убийственным взглядом:

— Не надо так шутить, толстяк! Особенно сейчас! Когда я здесь, а все трудности пути — позади!

— Я полагаю, это место могло быть курьерской станцией древних инков, — бесхитростно добавил Февик.

Да Римини, неожиданно проявив знание предмета разговора, напрочь отвергла его предположение:

— Все курьерские станции инков были высоко в горах, джунгли только затрудняли сообщение, тем более, что индейские племена сельвы всегда враждебно относились к инкам.

— А сокровищ-то здесь никаких нет! — Эшвуд не преминула воспользоваться возникшей на секунду паузой, чтобы не отказать себе в небольшом удовольствии и потешить свою зловредность. — Так что, сестренка, все твои старания — коту под хвост! Думаю, от этой небольшой прогулки удалось разжиться только нашим проводникам, но уж никак не нам с тобой! — она кивнула в сторону индейцев у костра.

— Ну уж нет! — Да Римини обшаривала взглядом стену. — Сокровища здесь! Они должны быть здесь!

— Не обязательно! — Февик упорно не желал вникнуть в настроение Франчески, он не осозновал деликатность сложившейся ситуации.

Картер поморщился и уставился в небо.

— Прочитав по данному вопросу всю доступную литературу, я пришел к выводу... — настаивал Февик.

— Заткнитесь! *Callese usted!* — Да Римини ударила Февика стволом его же пистолета по губам.

Картера передернуло, но он промолчал, про себя подумав, что Февик, конечно, тоже не стал бы обниматься с опередившими его, как он выразился, самозванцами, но он никогда и не ударил бы их чем попало по лицу, тем более заряженным пистолетом.

Археолог откинулся назад, но на ногах удержался. Из разбитой губы на камни закапала кровь.

— Свяжите-ка его, и в кучу, к остальным!

Бланко Фернандес небрежно закинул автомат за плечо, чтобы исполнить приказание, а распоясавшаяся амазонка обронила между тем пару слов носильщикам Февика, и ее слова были такого свойства, что те с достойным удивления

проворством сгребли свои припасы и снаряжение и, не оглядываясь, растворились в джунглях.

Все еще не отойдя от гнева, Да Рамини повернулась к стене и принялась изучать ее лишайники, а Картер тем временем стал изучать новый внешний облик самой Франчески и нашел его крайне впечатляющим. Промокшая до нитки, с мокрыми, стянутыми эластичной лентой волосами и пистолетом Февика в руке, она была великолепна. Ему показалось, что он присутствует на прослушивании, на котором Филипино подбирает состав исполнителей для очередного дешевого приключенческого сериала. Однако, пистолет в ее руке был заряжен не холостыми патронами, и кровь на губах Февика была настоящей. А чего стоил сумасшедший блеск ее глаз! Из-за него ее физическая привлекательность почти теряла свою силу.

Между тем ее проводник, а также дядя ее проводника, впрочем, как и его дед, отрешившись от возни, затеянной белыми, как ни в чем не бывало, продолжали неторопливую беседу у своего костра.

— Что вы собираетесь с нами делать? — вопрос Игоря прозвучал эхом утреннего разговора Февика со своими пленниками, но на этот раз ответ был менее сдержан.

— Как что? Конечно же, я убью вас. Неужели вы думаете, что мы тащим с собой эти пушки, чтобы стрелять из них по птичкам? Но не беспокойтесь, вы еще немножко поживете. Мы оставим пока в живых этого умника, — она указала на Февика, — на случай, если потребуется расшифровать надписи, а всех остальных прибережем для земляных работ.

— Ну, а если окажется, что здесь нет никаких тайных надписей и никаких сокровищ? — вопрос Картера заставил ее задуматься.

Она скрипнула зубами:

— Если мы найдем сокровища, я убью вас, чтобы избавиться от свидетелей. Если мы не найдем сокровища, я убью вас от разочарования. Или нет, не убью! Я прикажу привязать вас к пало санто! Надеюсь, вы уже ознакомлены с прелестными особенностями этого дерева и можете по достоинству оценить мое обещание!

Картер, насколько позволяли веревки, постарался при-

нять одну из своих наивыгоднейших геройских поз, чтобы сказать небрежно:

— А мне показалось, что я вам понравился!

— Вы правы, но совсем немного! Я предпочитаю более решительных мужчин, да и здесь,— она постучала пальцем по лбу,— у них должно быть побольше вашего, как у братьев Фернандес, например.

Позади нее Манко Фернандес ухмыльнулся и провел ладонью по вороненой стали своего АК-47.

Картер в недоумении уставился на братьев. Немолодые, непривлекательные, жестокие. Что она могла в них найти? Снова ему бросились в глаза их дорогостоящие оружие, снаряжение, одежда.

— Деньги! — сказал он. — Ты с ними, потому что у них большие деньги!

— Да, я не безразлична к деньгам,— почти дружелюбно ответила она,— но главное другое: мы понимаем друг друга, Манко, Бланко и я. И деньги у них, конечно, есть, но их количество не устраивает ни их, ни меня. Поэтому, когда я рассказала им о богатых североамериканцах, ищущих сокровища Паитити, они также захотели познакомиться с вами и взглянуть на сокровища, что, кстати, мы проделываем не в первый раз, но впервые нам улыбнулась удача, и североамериканцы отыскиали для нас Паитити.

— А я, кажется, узнал этого парня,— Бланко Фернандес подошел и в упор разглядывал Картера.— Он актер. В Мирафлоресе в «Одеоне» я видел несколько дерьмовых фильмов с его участием. Как же они назывались?.. Ах, да, «Планета тюрем», «Санта-Мария»... не помню остальных.

— Плакали ваши денежки, отданные за билеты, и не ждите, что я их вам верну,— Картер тяжело вздохнул, а Эшвуд оглядела новоявленного кинокритика с ног до головы и, нимало не пугаясь грозного вида братьев Фернандес, спросила:

— Чем же вы, ребята, занимаетесь в свободное от основной работы время, когда вам нет нужды состоять в качестве копьеметателей при Франческе-великанше.

— Мы бутылочники! — ответил Манко и впал в состояние легкой эйфории от охватившего его чувства собственной значимости.

— Не понял,— проявил Картер свое полнейшее невежество в вопросах местной экономики.

— Вы не слышали об инка-коле? Вы же уже не первый день в Перу!

— Никогда не слышал,— Картера охватило чувство нереальности разговора, он увидел себя действующим лицом в одной из тех пьес, которые его агент регулярно из месяца в месяц получал от очень ретивого рабочего одной из скотобоев в Канзас-сити, вообразившего себя великим сценаристом.

— Наша кола не похожа ни на пепси-колу, ни на кока-колу,— Бланко Фернандес затянул на Февике последний узел,— она изготавливается на основе сока грейпфрута. Мы с братом,— самодовольно продолжал он,— владеем концессией на ее производство и продажу в большей части Центрального Перу, а также во всей сельве, вплоть до Икитос на севере страны.

— Наши планы грандиозны,— объявил Манко,— хотя мы с братом на три четверти индейцы, а одна четвертая часть нашей крови — испанская, мы всю жизнь возмущаемся тем, что испанцы навязали нашему народу свою культуру и разрушили культурное наследие инков. Наша мечта — возродить древнюю культуру. Но для этого нужны деньги, много денег, лучше всего в твердой валюте, а не в национальной, не в инти, прибыль же от производства и продажи газированного напитка невелика.

— Что вы знаете об огромном международном черном рынке примитивного искусства? — поинтересовался Бланко.

— О, нет! — воскликнул Февик, пребывая в абсолютнейшем блаженном неведении относительно серьезности того положения, в котором оказался.— Все найденное здесь принадлежит перуанскому правительству, не вам!

— Мы не правительство, но мы поставим все найденное здесь на службу перуанскому народу, коренному населению страны, индейцам. Кое-что мы, пожалуй, оставим для образовательно-просветительских целей, но часть сокровищ мы вынуждены будем продать, чтобы получить в свое распоряжение деньги, необходимые для осуществления нашего проекта,— он взглянул на древнюю стену и ее молча-

ливые петроглифы. — Очень долго город Паитити был легендой, и, наконец, начнется...

— Что начнется? — спросил Игорь.

Манко даже не взглянул на недогадливого проводника, он крикнул в небо:

— Осуществление нашей мечты! Мы начнем пропаганду национального культурного наследия, мы восстановим его значение для современного мира, оно станет служить простым людям, а не только узколобым умникам, пропитанным книжной пылью, — он бросил презрительный взгляд на поскучневшего Февика.

— Мой брат и я, — продолжил он, — изучали американскую народную культуру, завоевавшую весь мир, мы узнали секреты ее успеха и теперь можем применить их для пропаганды нашей собственной культуры. Мы разработали идеальный проект, и вот настало время действовать... Но все, черт побери, упирается в отсутствие финансовых средств.

Гордость его распирала, он предвкушал успех:

— Мы не только распространим влияние нашей культуры по всему миру, мы еще при этом заработаем кучу денег! Это наш святой долг.

— Позвольте один вопрос, — лежа на твердых камнях, Картер сделал попытку сменить позу, — почему вы называете напиток на основе грейпфрута инка-колой, если в нем нет ни капли самой колы?

Манко Фернандес посмотрел на него с откровенной жалостью:

— Вы хоть что-нибудь когда-либо слышали о таком понятии как «рыночная стратегия»? И вы еще после этого вопроса будете называть себя американцем! Все самые знаменитые безалкогольные напитки имеют в своем названии слово «кола». Какая разница, что содержит напиток на самом деле! Главное другое — покупают его люди или нет.

— В чем же суть вашего великого проекта? — спросила Эшвуд, и Картер бы упал, не лежи он уже на земле: вопросы такого плана до сих пор вряд ли омрачали существование Марджори.

— Музей! — зашевелился Февик. — Музей культурных традиций древних инков! Грандиозно! Выставленные в со-

временном интерьере экспонаты, прославляющие деяния ваших великих предков! О, как я вас понимаю! Я с удовольствием пожал бы вашу благодонную руку, если бы не были связаны мои!

— Хорошо, пусть музей! — милостливо согласился Манко. — Но музей, если и будет, станет лишь частью огромного комплекса. Мы создадим здесь, на месте древнего Паитити, обширную парковую зону, и в ней найдется место не только музею, но и многому другому. Мы сохраним часть джунглей для всеобщего обозрения, предварительно освободив их от вредных насекомых, — его глаза туманились от возникавших перед его мысленным взором видений прекрасного будущего, — ...аллеи, аллеи, аллеи... множество аллей, бульваров, магазины, супермаркеты, аттракционы, театры... — от охвативших его эмоций голос Манко рокотал уже на самой низкой ноте. — Мы построим здесь тир, где люди смогут вдоволь пострелять в ненавистных им конкистадоров! И огромный амфитеатр, где каждый день мы будем проводить фестивали Инти-Райми! И зоопарк, где соберем всех диких животных мира! Сегодня — Паитити, завтра — Рио и Буэнос-Айрес, послезавтра — Америка, Европа и Япония, вместе взятые... Мы назовем эту парковую зону... Мы назовем ее...

«Сейчас кончит», — подумал Картер.

— ...мы назовем ее Мир Инков! — выдохнул он, наконец, расправивший его неземной восторг.

В последовавшей затем звенящей изумленной тишине тихо прозвучал голос Игоря де Сото:

— Некоторые из нас предпочли бы все-таки оставить сельву такой, какой она есть.

Мыслями Манко находился еще в стране грез, но слова Игоря частично вернули его к действительности.

— Эх ты, юнец зеленый, — произнес он сочувственно. — С тобой все ясно!

— Но что же заставит людей, забыв про все остальные чудеса света, кинуться в вашу кишашую насекомыми сауну, даже если вы и накроете свой парк стеклянным колпаком и снабдите его кондиционерами? — поинтересовалась Эшвуд.

На Манко Фернандеса страшно было смотреть. Может,

он умышленно прикидывается сумасшедшим? Картер от-
вернулся.

— Рыночная стратегия, — только и смог сказать Манко.
Эшвуд захохотала:

— Вы все тут с ума посходили! Эх, куда вас занесло!
А здесь нет никаких сокровищ инков!

— Заткнись, старуха! — рывкнула на нее Да Римини.

— Не смей называть меня старухой, кобылица! Если
бы не были мои руки связаны...

Хотя Да Римини находилась в расцвете молодости,
а Эшвуд несла на себе не один фунт лишнего веса, Картер
еще подумал бы, на кого поставить, затей они драку, но
амазонка не была расположена к драке один на один, по
крайней мере, пока у ее спутников в руках находилось
автоматическое оружие.

— Ты не можешь всех нас убить, — убежденно про-
изнесла Эшвуд.

— Это почему же? — искренне удивилась Да Рими-
ни. — Мы вас слегка присыпем, а потом муравьи и всевоз-
можные любители мертвечины за неделю обгложут ваши
косточки, и никто вас здесь, вернее ваши кости, не найдет.

— Ты порядочная сволочь! — не вытерпел Картер, —
но самое главное — ты скучнейший собеседник! Мне скуч-
но было разговаривать с тобой в тот вечер, да и сейчас не
веселей!

Да Римини демонстративно отвернулась от него и при-
нялась распаковывать свои вещи.

— Вы же не станете возражать, если мы воспользуемся
вашим инструментом? Все равно он лежит здесь без дела, —
она подняла с земли фонарик, а Бланко — складную ло-
патку и кирку.

— Мир Инков! — все еще благополучно пребывавший
в своей мечте Манко встрепенулся, крутнулся пару раз на
месте и направил дуло своего Калашникова в сторону
джунглей, откуда раздался крик.

Все повернули головы в ту же сторону.

— Мир Инков! Великолепная идея! Закрою глаза и ви-
жу все, как наяву! — из-за деревьев вынырнула хрупкая
фигурка.

У Картера внутри что-то оборвалось. Очевидно, решил

он, бессердечный Бог вознамерился покарать его сразу за все грехи.

— Прекрасная идея! — перед неотвратимо надвигающейся Трань Хо, как таран, несся ее неизменный микрокасетный магнитофон. — Чудесно! — обнаженные части ее тела блестели от пота.

Да Римини заметила реакцию Картера на явление Трань Хо.

— Что это за штучка? — спросила она с опаской.

— Ее зовут Трань Хо, — промямлил Картер, — она вольнонаемник от журналистики. Я воспользовался этим термином преднамеренно, из гуманных соображений.

Не обращая внимание на АК-47, Хо ткнула магнитофончиком Манко прямо в лицо:

— Сэр, не были бы вы так любезны поведать нашим читателям о ваших фантастических планах.

Ствол Калашникова дернулся и бессильно уткнулся в землю.

— Вам, действительно, это интересно?

— Безумно! Ваша информация — моя статья!

Франческа, не спуская глаз с того кустарника, из-за которого появилась маленькая вьетнамка, успела своим вопросом опередить пылкую речь Фернандеса:

— Где ваш проводник? Где ваши люди?

— Я пришла одна, никого со мной нет, — весело сообщила Трань Хо.

Манко не поверил:

— Ты шла за нами? Одна?

— Я всегда предпочитаю работать в одиночку, — она сбросила на землю свой небольшой рюкзачок, — извините, что-то он в последнее время потяжелел, несмотря на свои скромные размеры.

— Как ты нас выследила? — спросил Бланко грозно.

— Ты что, смеешься, парень? Да для статьи я выслежу кого угодно, хоть на звезде! Но вас-то выследить и труда мне не составило, вы так ломились через джунгли, что мне вас было слышно за несколько миль. И кроме того, мои родители сами выросли в пропитанных зловонными испарениями джунглях Юго-Восточной Азии.

— Да, но сама-то ты выросла в Канога-Парк, — напомнил ей Картер.

— Ну и что? — огрызнулась Трань Хо. — Лос-Анджелес — те же джунгли, только каменные.

— Вы на самом деле можете помочь нам поставить общественность в известность относительно наших планов? — робко приблизился к ней Манко. — И о нашем проекте заговорят?

— Я сделаю для этого все, что смогу, — пообещала Трань Хо. — Но я требую эксклюзивных прав на публикацию материала.

— Когда ты пряталась за деревьями и записывала себе на магнитофон весь этот бред собачий, не пропустила ли ты мимо ушей, что кроме всего прочего эти ребята собираются прикончить нас? — Эшвуд была готова сорваться в крик.

— Вы можете подумать, что я способна пропустить мимо ушей такое? — профессионализм Хо не мог вынести подобного оскорбления. — Конечно, во всем этом есть определенная доля трагического начала, нужно будет только соответствующим образом подработать материал, и редактора оторвут статью с руками.

— Что я слышу, Хо? — Картер попытался приподняться.

— Значит, вы не станете возражать, если мы их всех поставим к стенке? — Да Римини оторвала взгляд от затерянного города, ставшего за последние часы чрезмерно, пожалуй, населенным, — мы поставим их вот к этой, она тут единственная!

— Разве я похожа на идиотку? Мистер Картер может перед смертью засвидетельствовать отсутствие у меня всяких, каких бы то ни было, моральных принципов, и тем более отсутствуют таковые у моих нанимателей, — она широко улыбнулась, — если бы мы обращали внимание на такие мелочи, как мораль, наш бизнес закончил бы очень скоро свое существование.

Она повернулась к Картеру:

— Мне очень жаль, Джейсон, но давай посмотрим на это дело иначе, подумай об известности, которую принесет тебе моя публикация. Люди тут же забудут все твои дерьмовые картины и, охваченные единым порывом, обессмертят твое имя в стихах, прозе и бронзе. Я сама прослежу,

чтобы актер, который снимается в роли тебя в экранной версии твоей жизни, был бы лучше тебя самого.

— И ты будешь спокойно стоять и смотреть, как нас убивают? — Картеру страшно захотелось на съемочную площадку.

— А что я могу сделать? У них автоматы, а у меня только перочинный ножик.

— Сообщи хотя бы обо всем властям, когда снова окажешься в Лиме, — попросила Эшвуд.

— С какой стати стану я сообщать? Вы будете уже мертвы, а я, будет риск, потеряю великолепный материал.

— Но это поможет делу справедливого восстановления истины, — заметил Февик.

— Истина — неходовой товар, — сообщила ему Хо, — я репортер, и не будь я голым прагматиком, мне так и не удалось бы вырваться из вонючего перенаселенного вьетнамского гетто в Лос-Анджелесе.

— А я слышал, что твой отец был вице-президентом одного крупного банка, — сказал Картер.

— Ради святого Будды, какое это имеет значение? — она повернулась к Манко Фернандесу, — ваша идея создания Мира Инков грандиозна!

Никто не заметил, как трое индейцев, питая отвращение к подобным сценам, а также к большому скоплению людей, без шума и суеты собрали свои пожитки и так же без шума и суеты исчезли в сельве.

Бланко Фернандес и Да Римини, сопровождаемые Трань Хо, направились к одному из проломов в стене. Манко, отыскав местечко поудобнее, устроился на отдых, положив автомат себе на колени. Стало тихо, и Картер вдруг обнаружил, что с затаенной надеждой всматривается в джунгли, хотя после удивительнейшего появления Трань Хо, вероятность того, что сюда принесет еще какого-нибудь искателя сокровищ, научной славы или материала для статьи, стала крайне невелика. Шло время, но из джунглей раздавались только крики птиц и таинственные шорохи невидимых зверей.

— Меня волнует, как бы ваш кот не сотворил чего с Мачей, — обратился Картер к Февик.

— Мо не злодей, — Февик тоже стал всматриваться

в зелень джунглей.— В свое время у меня не поднялась рука кастрировать его, так что, возможно, сейчас им гораздо приятнее, чем нам с вами.

— У кого-нибудь есть какая-либо идея? — тихим шепотом, чтобы не услышал Манко, спросила Эшвуд.

— Помните пало санто? — заговорил Игорь, — если кто прислонится к нему, то муравьи перегрызут веревки, не беда, что при этом они съедят часть рук, зато этот «кто» обретет свободу.

— Блестящая идея! — заметила Эшвуд, — мы подождем тебя здесь.

День был на исходе, когда из третьего, самого дальнего, пролома в стене раздались истошные вопли.

— Обвал? — рискнула предположить, воспрянув духом, Эшвуд.

Игорь повернулся в сторону стены:

— Боюсь, что нет.

Франческа Да Римини и Бланко Фернандес, спотыкаясь, бежали к лагерю. От них не отставала Трань Хо. Ее портативный фотоаппарат щелкал, не переставая. Даже на расстоянии отблеск от металлической поверхности луча клонящегося к закату солнца нельзя было спутать ни с чем.

Манко вскочил. Пленники попытались сделать то же самое, но ни один не преуспел. Свой автомат Бланко отшвырнул в сторону и сыпал содержимое карманов в руки брата. Заколки, ожерелья, серьги, предметы домашней утвари, мерцающая тускло-желтым светом, падали на землю мимо ладоней ошалевшего от счастья Манко.

— Это еще что! — дикие глаза Франчески блестели огнем алчности, — посмотрите-ка!

Она отшвырнула тряпку, в которой прежде пыталась скрыть какой-то крупный предмет, и у всех перехватило дыхание, Эшвуд застонала, щеки Февика затряслись, в жестах и взгляде Манко опять проступило сумасшествие.

Золотое блюдо диаметром дюймов в восемнадцать и толщиной в полдюйма было сплошь покрыто рисунками и символами, инкрустированными бирюзой. Высокий внешний ободок по всей окружности украшали двадцать три изумруда, каждый величиной с серебряный доллар США.

— Вот этого-то я и боялась,— Эшвуд пыталась сесть.— Теперь уж наверняка они нас убьют!

Да Римини торжествующе, сверху вниз, посмотрела на притихшего Февика.

— А там,— она указала на пролом,— еще больше, еще и еще! Вот вам результаты ваших исследований! Вы не верили, что здесь могут быть сокровища! Ну и поделом вам!

Она повернулась в сторону стены и рассказала:

— Пролом привел нас в маленькую пещеру, дальний конец которой оказался ничем иным, как громадой обвалившихся, возможно, в результате землетрясения камней. Мы их разгребли и оказались в другой пещере. И что же мы в ней обнаружили? Лари! Целый ряд ларей с инкскими знаками, доверху набитые золотыми предметами!

Она повернула блюдо так, что солнечный зайчик прыгал с издевкой по лицу археолога.

— Мы поспешили покинуть пещеру, чтобы обрадовать Манко, но я успела заметить глиняный горшок, полный изумрудов, и хотя мы не осмотрели как следует пещеру, мы видели достаточно, чтобы утверждать, да, это действительно легендарные сокровища Паитити, те сокровища, которые спрятали инки и не смогли отыскать испанские конкистадоры.

Манко Фернандес забавлялся сверкающими золотыми ожерельями, любовно перебирал их пальцами. Время от времени он произносил:

— Мир Инков!

Видения миллионов покупателей, полных страстного желания удовлетворить свои потребительские нужды, вставали пред его мысленным взором, и все они покупали в огромных количествах инка-колу.

На следующий день пленников отвели в пещеру, но не для того, чтобы они полюбовались сокровищами, а потому, что так было удобнее держать их в поле зрения.

Хотя видно было мало чего, Февик не справился с собой и впал в состояние экстаза:

— Такого еще не было! Это потрясет научный мир! Я был прав! Качество исполнения каменных полов великолепно! До сих пор никто не знал, что инки строили и под землей!

— Интересно было бы узнать,— сказал Игорь,— что случилось с теми людьми, которые построили все это и спрятали здесь сокровища.

Февик на секунду задумался.

— Скорее всего, они вместе с другими индейцами отпраздничали сражение с испанцами, погибли и унесли с собой тайну Паитити. А может быть, они после распада империи ассимилировались с индейским населением джунглей или были уничтожены этим населением. Обвалившаяся стена закрыла вход в пещеру, хотя и без того индеец джунглей никогда ни за что не зашел бы в пещеру, почитая это место священным. Но очевидно также, что местные жители прежде не раз посещали эти развалины.

Им пришлось просидеть весь день в пещере, пока их тюремщики загружали свои рюкзаки золотом и драгоценными камнями. Единственным утешением им служило то, что здесь, в пещере, было намного прохладнее, чем под палящим солнцем джунглей.

Картер не сомневался, что когда Франческа и братья Фернандес загрузятся настолько, что больше унести им будет невозможно, они прикончат своих пленников. Но странное дело! Он осознал, что волнуется больше не за себя, а за Мачу, так и не вернувшуюся к нему с той поры, как кот Февика загнал ее в джунгли.

— Что это? — вопрос прозвучал из глубины пещеры, и Картер узнал голос Манко Фернандеса.

Приподнявшись и вытянув шею, он сумел увидеть только лишь луч фонарика, прыгающего в темноте как глаз любопытного, неведь откуда взявшегося здесь циклопа.

— Что там? — крикнул Бланко.

— Иди сам посмотри! — голос его брата пошел гулять эхом среди темных каменных стен.

Да Римини и Бланко, захватив большой фонарь, поспешили на голос. Вспышка фотоаппарата Трань Хо, время от времени разрывавшая темноту, преследовала их везде, как огромный светляк-паразит.

Когда они остались одни в крошечной тьме, Картер зашептал Игорю:

— Повернись ко мне спиной, я попробую развязать твои руки.

Но вернулась Да Римини, и они поспешили отползти друг от друга.

— Мы нашли... не понять что, — луч ее фонарика уперся в Февика. — Вы археолог, вот вы и разгадайте, что мы нашли.

— С какой стати! — заартачился Февик с решительностью, наполнившей Картера гордостью за него.

— С такой стати, что если вы этого не сделаете, я отстрелю вам левое яичко.

Февик предпринял судорожную попытку встать на ноги, произнося при этом поспешно:

— Всегда рад услужить очаровательной даме, нуждающейся в помощи.

— Остальные пойдут тоже, — Да Римини не собиралась оставлять пленников одних.

В самом отдаленном углу пещеры возвышалась идеально круглая платформа, сделанная из отполированного до зеркального блеска камня. На платформе располагалось небольшое, тоже круглое, строение из такого же отполированного серого камня. Оно не имело крыши, а его стены прорезали выдержанные в традиционном стиле инков трапцевидные окна. Чтобы войти в строение, нужно было обогнуть монолитный, покрытый причудливой резьбой, прямоугольный каменный блок в несколько тонн весом.

— Уж очень это напоминает интигуатану! — воскликнул удивленно Февик.

— Что это напоминает? — озадаченно спросила Эшвуд.

— Жертвенный камень в Мачу-Пикчу. Его четыре угла указывают направления компаса, а само это слово означает «место, где привязано солнце», — он нахмурился, — но здесь нет изображения солнца!

— Вас сюда не за тем привели, — Да Римини нетерпеливо сзади подталкивала пленников. — То, что мы нашли, внутри этого строения.

Они вошли вовнутрь и оказались перед гигантским яйцом.

Размеры яйца раза в два превосходили размеры живота Февика, и это обстоятельство весомо говорило само за себя. Нечто вроде подставки на четырех ножках, изваянной из голубой керамики, возвышалось яйцо на два фута над уровнем пола.

— Его с места не сдвинуть, — доверительно сообщил им Манко. — Я пробовал.

Верхние две трети поверхности яйца были покрыты рисунками и знаками, но они не были похожи на петроглифы Пушаро и на петроглифы стены. При искусственном свете поверхность яйца сияла жемчужным отблеском, отливая радужными узорами.

— Развяжите мне руки, если хотите, чтобы я тщательно осмотрел найденный вами предмет, — потребовал Февик.

— Ладно! — Да Римини кивнула Бланко, и тот развязал Февика руки.

— Только без глупостей! — предупредила она.

Февик удостоил ее слабой улыбкой, приблизился к яйцу и осторожно пробежал пальцами по его резной поверхности.

— На ощупь оно местами липкое, местами гладкое и сухое. Странно. Если яйцо сделали инки, оно уникально, — он осмотрелся по сторонам, — очевидно, должна существовать какая-то связь между интигуатаной и этим яйцом, но я нахожусь в полном недоумении относительно того, что все это может означать.

— Не в этом дело, — руки Да Римини находились в непрерывном движении, взлетая вверх, как пара взбесившихся калибры. — Представляет ли это яйцо реальную ценность? Может, это огромный драгоценный камень?

— Я не геолог, я археолог! — Февик зачарованно изучал молочно-белую поверхность яйца. — На первый взгляд, материал, из которого оно сделано, напоминает халцедон, но только на первый взгляд. Присутствие радужных узоров предполагает другой состав, но на лунный камень это тоже не похоже. Я теряюсь в догадках... Кварцевые кристаллы еще большей величины находили в бразильской провинции

Минас-Жерайс, но это так далеко отсюда! Человеческий же череп индейцев Майя, выполненный из кристалла, до сих пор является самым большим из предметов, найденных археологами в Центральной Америке. Я видел его и должен сказать, он меньше.

— Значит, насколько я поняла, это яйцо должно немало стоить! — Да Римини раздраженно прикрыла глаза рукой, защищая их от назойливой фотовспышки Трань Хо.

— Чудесно! — бормотала вьетнамка. — Еще одно великое открытие! Из этой поездки я привезу целую серию статей, а может быть даже книгу!

— Надеюсь, ты привезешь из этой поездки какую-нибудь редкую болезнь, — проворчала Эшвуд, но всецело поглощенная своим занятием Трань Хо не слышала ее, она продолжала снимать яйцо под разными углами и с разной высоты.

— Впрочем, у нас еще будет возможность убедиться, драгоценный это камень или нет, когда мы вернемся сюда в следующий раз, — сказала Да Римини.

Манко Фернандес не хотел уходить и приставал к Феву с вопросами:

— Ты уверен, гринго, что не можешь понять смысл этих знаков? — он водил пальцем по резной поверхности яйца.

— Я обнаружил здесь несколько элементов, знакомых мне по другим перуанским петроглифам, но только и всего. Большинство знаков я вижу впервые.

— Что это там? — Бланко Фернандес резко повернулся и направил дуло своего автомата в сторону звуков, но тут же заулыбался и расслабился.

— Сумасшедшие гринго прибыли в джунгли со своими домашними зверюшками!

Февик, опустившись на колени, поднял своего рыжего кота на руки приговаривая:

— Ах ты, блудный кот! Где ж тебя носило, Мо? Успел, наверное, соскучиться по мне, а? Как, Впрочем, и я по тебе.

Картер обеспокоенно оглянулся к выходу в надежде увидеть Мачу. Мачи не было.

Да Римини с нескрываемым отвращением наблюдала за сценой счастливого воссоединения Февика со своим котом.

— Как трогательно! — она попыталась пнуть ногой кота, но кот легко избежал удара, грациозно взлетел на верхушку яйца и оттуда настороженно уставился на нее.

— А ты, все-таки, первостатейнейшая сука! — доверительно сообщила ей Эшвуд.

Амазонка не повела и бровью, подошла к загадочному яйцу и постучала по нему пальцем.

— Я согласна, что эти знаки и рисунки интересны сами по себе, но даже если яйцо представляет собой большую ценность, очень уж оно большое, мы все равно не сможем его унести.

— Если бы мы знали, что обозначают эти знаки! — с чувством причитал Манко Фернандес, водя пальцем по контуру рисунков. — Они могли бы, наверное, многое пове-
дать нам о жизни наших предков!

Сверху свесился Мо и фыркнул ему в лицо. Яйцо загу-
дело. Сначала звук был еле слышен и держался на одной высоте, но затем резко усилился и зазвучал с громкостью человеческого голоса.

Испуганный Манко Фернандес выругался и отдернул руку, будто обжегся, от стекловидной поверхности, кото-
рую только что нежно гладил. Глаза Да Римини превратились в амбразурные щели.

А Мо продолжал невозмутимо восседать на верхушке гудящего яйца, и только когда оно засветилось изнутри интенсивным белым светом, кот соизволил, не теряя достоинства, спрыгнуть на пол и направиться к хозяину.

Эшвуд оказалась единственной из присутствовавших, у кого хватило ума броситься к выходу, но уйти далеко ей не удалось, потому что в этот момент свет резко усилился и неожиданно ослепительно вспыхнул, поглотив вокруг всех и вся.

Свечение прекратилось так же быстро, как и возникло, и Картер, потерявший было на мгновение и зрение, и ощущение действительности, ошарашенно оглядывался по сторонам, пытаясь понять, что же произошло.

Принявшее свой первоначальный вид яйцо непоколебимо покоилось на своей голубой подставке, а вокруг него стояли, протирая глаза, искатели сокровищ.

— Мать-пресвятая — богородица, — пробормотала Да Римини. — Что это было?

Февик моргал глазами и тряс головой, пытаясь восстановить ее работоспособность:

— Это не драгоценный камень! Это некоторое техническое устройство!

— Не сходите с ума! — Да Римини подняла повыше фонарь и, не спуская глаз с успокоившегося яйца, стала пятиться к выходу. — Хватит приключений! У нас и так достаточно золота! Пора убираться отсюда подобру-поздорову!

Обойдя снаружи интигуатану, Манко остановился в нерешительности. Луч его фонарика скользил по темным стенам.

— Что-то здесь не так!

— Что случилось? — оглянулась Да Римини. — Потопливайся!

— Стой! — он догнал ее. — Посмотри!

Луч его фонарика вырвал из темноты один из ларей, стоявших вдоль стены пещеры. Этот каменный ларь ничем не отличался от других, но Картер с удивлением осознал, что впервые видит сложную барельефную резьбу ларя.

Не обращая внимания на автоматы в руках братьев Фернандес, Февик испустил ликующий крик и бросился к ларю. Его пальцы дрожали, когда он ощупывал каменные письмена.

— Вы отдадите себе отчет, что это значит? Всегда считалось, что инки не создали собственного письма, а это тогда что? — его голос прерывался от едва сдерживаемого ликования, в глазах стояли слезы, — меня ждет, без сомнения, Бакстеровская премия, а может, даже Нобелевская!

Эшвуд нахмурилась и стала принюхиваться:

— Не кажется ли вам, что воздух стал суше?

Но никто не слушал ее. Страхи Манко улетучились, когда в следующий момент его брат совершил новое открытие. Пока Февик рыдал над инкскими письменами, Бланко попробовал открыть дверцу ларя, но она не поддавалась, и, рассердившись, он несколько раз ударил ее прикладом автомата. Дверца не выдержала, затрещала, затрещал и сам ларь, и содержимое ларя хлынуло на взломщика,

придавив его своей тяжестью, и протащило несколько ярдов по полу.

Когда поток, наконец, остановился, Бланко Фернандес отчаянно барахтался в море золота, пытаясь выплыть. Его брат, монопольный производитель инка-колы в Перу, барахтался поблизости. Золотые блюда и чаши, золотые полосы и слитки, ожерелья, кольца и серьги... Свет фонаря, многократно отразившись от сверкающего изобилия, весело прыгал по темным стенам и сводам пещеры.

Как и все, Картер был ошеломлен до потери речи. Небольшой ларь с высокими стенами хранил в себе несколько тонн золота. И тут же, вдоль стены, на отрезке не менее 50 ярдов, стояли другие лари, похожие на этот по форме и, возможно, по содержанию.

Картер отчаянно вглядывался туда, где стоял последний из ларей. Ни пятнышка света, ни лучика солнца! Как же так? Он взглянул на часы. Время было послеполуденное, солнце еще не должно было сесть... И тут он вспомнил, что те небольшие лари, мимо которых они шли сюда, вовсе не имели никаких дверей! Это были другие лари!

Трань Хо тоже что-то заподозрила:

— Мы вышли не туда, откуда пришли! Что ж, это чудесно! — она принялась, как сумасшедшая, щелкать своим фотоаппаратом. — Грандиозно! Восхитительно!

— Отвратительно! — пробурчала Эшвуд.

Оттуда, где братья Фернандес самозабвенно кувыркались в золотом оползне, Да Римини подозрительно рассматривала круглое строение, содержащее в себе загадочное яйцо.

— Я не понимаю, что происходит!

— Трань Хо права, — подал голос Февик, с сожалением отрываясь от милых его сердцу инкских надписей. — В то мгновение, когда яйцо ослепило нас, мы перенеслись из той пещеры в эту. Это яйцо — устройство для перемещения в пространстве, средство передвижения, передатчик материи, — он взглянул себе под ноги, у его ног, задумчиво наблюдая за резвящимися братьями Фернандес, сидел кот. — Каким-то образом, видимо, Мо, взгромоздясь на верхушку яйца, привел устройство в действие, и мы оказались здесь.

— Только магии еще нам не хватало! — занервничала Эшвуд.

— Никакой магии! Чистая наука! А в науках инки как раз продвинулись очень далеко. Они могли даже делать операцию на мозге. А это яйцо они изобрели, скорее всего, в последние дни существования империи, уже после того как Писарро разбил Атауальпу. Возможно, они сделали это изобретение специально для того, чтобы уберечь остававшееся у них золото от испанских конкистадоров.

— В голове не укладывается, — признался Картер.

— Вы можете предложить какое-нибудь другое объяснение произошедшего? — Февик откинулся, поднял глаза вверх. — Потолок здесь на двадцать футов выше. Куда же нас занесло?

— Может, в одну из пещер, куда ведут другие проломы в стене? — предположила Эшвуд.

Да Римини отрицательно покачала головой:

— Мы их осмотрели в первую очередь. Оба пролома заканчиваются тупиками.

— Возможно, не тупиками, а перегородками, преграждающими путь в другую пещеру, — заспорила Эшвуд, — и вообще, не кажется ли вам, что нам следует подумать, как выбраться отсюда, — на ее лице прописалось зверское выражение. — Если отсюда нет выхода, остаток наших дней, правда, немногочисленных, мы проведем среди золотых гор, и это утешает.

— Заткни свою пасть, — Да Римини была не в себе, она повернулась к забывшим обо всем на свете братьям Фернандес. — Эй вы, идиоты! Ищите выход! Успеете еще наиграться!

Картеру пришло на ум, что попытайся он сейчас, когда монопольные производители инка-колы плещутся в золоте, толкнуть зазевавшуюся Да Римини в спину и повалить ее на землю, Февик, единственный из пленников, чьи руки не связаны, мог бы вернуть себе свой пистолет и воспользоваться им по назначению. К несчастью, осуществление плана требовало активного участия Февика, а это, как тут же с грустью признался себе Картер, могло означать только то, что план был обречен на провал. Эх, была б у него возможность высвободить хоть одну руку!

Возбужденные братья Фернандес отправились на поиски выхода, остальные остались с тревогой ждать их возвращения.

Они вернулись через пару часов, странно притихшие.

— Мы не нашли выхода,— сказал Манко.

— Мы обнаружили только несколько небольших туннелей, но все они ведут вниз, не на поверхность. Мы не стали углубляться в них слишком далеко,— добавил Бланко, пытаясь унять дрожь.

— Но должен же здесь где-то быть выход! — воскликнула растерянно Да Римини.

— Не обязательно! — Февик преспокойно сидел у фонаря и нежно гладил Мо, устроившегося на его коленях и довольно мурлыкающего. — Разве можно придумать более надежное для сокровищ место, чем пещера, входом и выходом в которую служит только эта яйцеобразная штукавина? — он кивнул в сторону круглого, не имеющего крыши, сооружения.

Эшвуд зашевелилась:

— Не думаешь ли ты еще раз воспользоваться этим яйцом?

— Почему бы и нет? Если его использовали для транспортировки золота, значит, инкам приходилось перемещаться в обоих направлениях, ведь здесь нет скелетов! И разве есть у нас причины сомневаться в том, что мы в состоянии проделать то, что делали они?

— Тогда прихватим с собой и часть золота отсюда,— приободрилась Да Римини.

— Эй,— угрожающе заговорил Картер,— на чьей ты стороне, Февик?

— Фивик! — исправил археолог. — Я на той же самой стороне, на которой был, есть и буду всегда, мой несчастный друг,— уклончиво отвечал Февик. — Я на стороне знания,— он повернулся к Да Римини и заявил: — Если вообще существует какой-нибудь выход из этой пещеры, то только я смогу его найти. Однако, если вы пожелаете воспользоваться моей помощью, вам придется вернуть мне пистолет.

Он сделал многозначительную паузу:

— Решайте быстрее! Время не ждет, и батарейки в ваших фонарях, думаю не вечны.

Да Римини колебалась. Она оглянулась на братьев Фернандес. Манко кивнул головой.

— Хорошо, но если вы вздумаете шутить, то умрете!

— Неплохо сказано! Коротко и ясно! — улыбнулся Февик и снял Мо с колен.

— Ублюдох! — процедила Эшвуд, не вдаваясь в детали.

— Осмелюсь не согласиться, — запротестовал Февик. — Мои действия законны и продиктованы общими интересами, — он принял пистолет из рук Да Римини, проверил, снят ли он с предохранителя, и сунул его в родную кобуру.

— Вставайте! — приказала Да Римини остальным пленникам. — Пойдете с нами!

«Вот мы с Игорем и лишились возможности развязать друг друга, — удрученно подумал Картер. — И пало санто здесь нет». Они поплелись по туннелю.

Февик, действительно, как и обещал, нашел выход, причем там, где никто другой не догадался бы искать, под полуобрушившейся с одной стороны туннеля частью деревянной стены. Несмотря на ожидавшую их впереди печальную участь, Картер осознал, что ему не терпится подставить лицо свежему ветру и солнечным лучам. Если уж им суждено умереть, то пусть это случится под открытым небом, а не в темной каменной норе. Вдруг повезет и подвернется возможность бежать?

Уложенная каменными плитами тропа, вселившая в них столько надежд, уперлась в монолитную каменную стену. Февик не смог скрыть своего разочарования:

— А вот этого я не ожидал!

— Здесь нам не пройти! — прорычала Да Римини.

— Не растраивайся, толстяк! Ты нас правильно вел. Просто твои глаза не столь остры, как ум! — выступила вперед Эшвуд и указала рукой в сторону угла.

В небольшом углублении скалы помещалась миниатюрная, высотой не более двух дюймов, копия загадочного яйца. Она, конечно, уступала оригиналу в яркости блеска, но зато на идеально-гладкой поверхности яйца были выгравированы два знака. Манко протянул руку и потрогал

яйцо. Оно было надежно закреплено в углублении.

— Нажми на него,— приказала Франческа.

Манко кивнул, помедлил, соображая, и нажал двумя пальцами на оба знака одновременно. Раздался скрежещущий звук, который заставил всех отступить на несколько шагов назад. Часть монолитной стены сдвинулась в сторону, оставив проход, достаточно широкий для того, чтобы можно было в него проскользнуть одному человеку.

Вместе с прохладным воздухом в туннель ворвались незнакомые запахи и неяркий вечерний свет. По одному они выбрались наружу. Джунглей не было.

Они оказались на каменном склоне горы. Тут и там росли небольшие деревья и кусты, скрывая от любопытных глаз вход в туннель. Впрочем, скрывать было не от кого. Вокруг не было ни единой души. Перед ними простиралась необозримая, лишенная растительности равнина. Насколько могли позволить сгущавшиеся сумерки, они разглядели несколько обработанных клочков земли, растянувшихся вдоль небольшой речушки, и одинокий белый дымок, поднимавшийся в прозрачном неподвижном воздухе — видимо, в той стороне кто-то жил.

Небольшой одномоторный самолет медленно кружил на большой высоте над равниной. Зоркий глаз Игоря первым заметил, что именно высматривают пассажиры самолета на равнине. Он поделился своим наблюдением. Из глотки Манко Фернандеса исторглось проклятие на испанском:

— Наска, черт возьми, мы вышли к Наске!

— Что такое Наска? — заинтересовался Картер.

Февик, взглянув на актера, печально покачал головой:

— Более, чем известное место археологических исследований,— сообщил он и скосил глаза на жужжащий в небе самолет.— Люди специально приезжают сюда, чтобы увидеть огромные фигуры и линии, «нарисованные» на этой равнине индейцами Наска задолго до инков. Они сгребали верхние темные слои камней и гравия, обнажая таким образом более светлые породы. Многие из рисунков можно рассмотреть только с высоты птичьего полета. Множество гипотез выдвинули ученые, чтобы объяснить, зачем индейцы Наска это делали.

— Фон Даникен,— сказала Эшвуд.

— Тоже мне, величина! — поморщился Февик.

— Кто такой фон Даникен? — простодушно спросил Картер.

— Только не говори мне, что ты никогда не слышал ничего о фон Даникене! — Эшвуд с удивлением и любопытством взглянула на Картера. — Ты, на самом деле, ничего не знаешь о его гипотезе?

Картер пожал плечами:

— Я впервые слышу это имя.

— Эрих фон Даникен, — повторила Эшвуд, — он считает, что эти линии и рисунки индейцы Наска создали специально для того, чтобы здесь могли приземляться инопланетные космические корабли.

— Все его доводы были полностью опровергнуты! — разволновался шепетильный в вопросах науки Февик.

— Однако, его версия осталась жить, — Эшвуд оглянулась на выход в пещеру. — По крайней мере, вы не станете опровергать существование передатчика материи. Это же не щелчок «Кодака» перенес нас из Паитити по другую сторону Анд, в Наска!

— Эти два феномена совершенно не связаны между собой, — ответил Февик.

— Так где же мы находимся? — так ничего и не понял Картер.

— Более чем в двухстах милях к юго-западу от Ману, недалеко от побережья океана.

Игорь с надеждой все время разговора осматривал равнину: вдруг кто заметит их между деревьями на склоне горы!

Эшвуд не переставала набрасываться на Февика:

— Так значит, вы говорите, между этими двумя феноменами нет никакой связи? Тогда, объясните-ка мне, как это инки умудрились создать передатчик материи, и почему именно сюда он переслал нас?

Самолет накренился, сделал вираж и полетел на север, вместе с треском мотора унося с собой надежду Игоря на возможное спасение.

— Передатчик материи? — Манко Фернандес, молча слушавший до этого научную дискуссию, встрепенулся. — Ты понимаешь, Бланко, что он может для нас значить?

— Что? — подтвердил Бланко наблюдение Картера, что более рослый из близнецов соображал еще медленнее своего брата. — Деньги?

— Да! Да! Ученые отвалят нам кучу денег за возможность покопаться в этом чудо-устройстве. Но что важнее, гораздо важнее... — в его глазах появился предвещающий бурный всплеск фантазии огонь. — Подумай об открывающихся теперь возможностях переброски людского потока в Мир Инков!

— Неужели вас не интересует происхождение яйца и его назначение? — запротестовал Февик, — мы ведь говорим о величайшем открытии двадцатого столетия! Разве можно использовать его в чисто коммерческих целях?

Манко посмотрел на Февика так, как будто, это Февик, а не он сам, был сумасшедшим:

— Еще как можно!

— Но где же у него источник энергии? — ни к кому конкретно не адресовал свой вопрос Игорь. — Где источник его энергии?

Бланко заразило воодушевление брата:

— В Диснейленде нет ничего подобного! Мы установим это яйцо в Куско или даже, может быть, в Лиме!

— Но вы же не имеете ни малейшего представления, как оно функционирует! Вы не знаете, каков радиус его действия!

Братья, как будто не слышали слов археолога, уносились грезами все дальше:

— Людям не нужно будет лететь в сельву самолетом или трястись в машине по дороге через Паукартамбу! — мечтал Манко.

— Все это сделали инки! — распирала гордость за предков грудь Бланко. — Это они обработали до зеркального блеска камни в пещере, это они сделали искусные золотые украшения. Это все сделали они! Они знали, что делали! — он повторил несколько раз, как заклинание. — Они знали, что делали!

Прохладный вечерний ветерок напомнил Картеру, что он легко одет, и он с тоской посмотрел в ту сторону, где поднимался в небо одинокий дымок и виднелись вспа-

ханские поля. Он был уверен, что даже со связанными руками сможет уйти от братьев Фернандес.

Да Римини не разделяла восторгов братьев по поводу открывавшихся перед ними перспектив:

— По твоим глазам я читаю, что у тебя на уме, Джейсон Картер! Но не пытайся бежать! От пули ты не уйдешь! — на ее лице появилось выражение безумной решимости.

Резким движением она выхватила пистолет из кобуры Февика.

— Мадам, вы ведьма, — сделал вывод Февик. — Мы же заключили сделку!

Она злобно усмехнулась:

— Можете жаловаться на меня в свое посольство в Лиме!

Она пятилась ко входу в пещеру:

— Идут все! Мы возвращаемся в Паитити!

— Подождите минутку... — начал Февик, но Да Римини обожгла его гневным взглядом:

— Вы сами говорили, что устройство работает в обоих направлениях!

— Да, но...

— Заходите в пещеру! — она угрожающе повела пистолетом.

Братья Фернандес взглянули друг на друга непонимающе, но покорно вскинули свои автоматы и жестами приказали пленникам двигаться.

— Отлично! Отлично! — Трань Хо была в восторге. — Еще одно путешествие! На этот раз я постараюсь побольше сфотографировать!

— Послушай, восторженная вьетнамка, а тебе не приходило в голову, что эта ерундовина-яйцо может и не сработать, и лишь половину тебя перенести в другое место? — спросила ее Эшвуд.

— Оно сработает! — с ничем необоснованной уверенностью заявила Хо, — в прошлый раз оно ведь сработало! — добавила она, следуя странным законам своей логики.

Да Римини закрыла выход при помощи уменьшенной копии чуда-яйца, и они поспешили в центральную пещеру,

потому что к этому времени один из фонариков успел сгореть, и чтобы не идти на ощупь в темноте, следовало поторопиться.

— Все становятся там же, где стояли в прошлый раз! — командовала Да Римини и так размахивала пистолетом, что Картеру было не по себе. — Я не хочу, чтобы кто-нибудь остался по эту сторону Анд!

— А теперь что? — спросил Манко, когда все заняли свои места вокруг яйца.

Да Римини не колебалась:

— Пройдись-ка пальцами поверху, там, где сидел этот чертов кот!

Манко не очень обрадовало возложенное на него поручение, но он повиновался. Картер напрягся, однако, ничего не случилось.

— Еще раз! — приказала растерявшаяся Да Римини.

Фернандес повторно проделал те же манипуляции с яйцом, даже зашел с другой стороны, но все его попытки заставить яйцо действовать и на этот раз не увенчались успехом.

— Не повезло! — Эшвуд не смогла скрыть усмешку.

Да Римини только свирепо сверкнула на нее глазами.

— Как же так? Почему кот сумел включить его, а ты нет? — поделился ценным наблюдением Бланко Фернандес и, не долго думая, схватил Мо и водрузил его на верхушку строптивного яйца.

— То была случайность, — в голосе Февика послышались нотки превосходства над безмозглыми братьями, но тут яйцо загудело, и Да Римини бросила на археолога победоносный взгляд.

— Всем приготовиться — командовала, как перед стартом космического корабля, Да Римини.

Картер напрягся, вот сейчас он... Но Франческа встала напротив него, направив пистолет ему в грудь. «Рискнуть?..» — промелькнула у него в голове мысль. Если он точно рассчитает время и движение, пуля в худшем случае только заденет его, а шансов уцелеть будет, все-таки, больше, чем в джунглях... Но внезапно все залил яркий белый свет.

Картер неистово тер глаза, пытаясь восстановить утра-

ченное на время зрение, когда услышал странные слова Февика:

— Вот этого-то я и боялся!

Глава 10

Круглая комната бесследно исчезла, а избыток света, льющегося отовсюду, сразу же сделал бесполезными фонари. Они больше не стояли, сгрудившись вокруг яйца, в темной пещере Наска. Впрочем, возвращение в Паитити тоже не состоялось. Первое, что им бросилось в глаза, это потолок. Он был сделан из какого-то гладкого и блестящего материала и отстоял высоко-высоко над их головами. В конце широкого черно-серебристого коридора они увидели странные предметы и фигуры, расположенные в ряд на равных расстояниях друг от друга. Некоторые из них были заключены в прозрачные футляры, другие оставались открытыми. Воздух, Картер сразу же с удовольствием отметил это, стал приятно прохладным и сухим. Куда только делась зловонная влажность сельвы и сухой холод Наска!

— Посмотрите! — Февик не переставал быть ученым ни при каких обстоятельствах, и пока все оглядывались, он опустился на колени с намерением осмотреть одну из четырех ножек подставки, на которой покоилось яйцо.

— Что там еще такое? — спросила Да Римини, не в силах оторвать взгляд от удивительного зала, в котором они очутились.

— Обратите внимание на цвет! Он изменился! Он стал зеленоватым! — Февик встал и почтительно дотронулся до яйца, — мне кажется, что оно уже не оно!

— Невозможно! — отмахнулась от него Да Римини.

Эшвуд стояла посередине залитого мягким светом зала:

— Вот это да! Уж не сплю ли я? — только и повторяла она, как вдруг почувствовала, что пол под ее ногами сдвинулся с места, и все они, вместе с яйцом, находясь на платформе, сделанной из плотно подогнанных друг к другу желтых керамических шестиугольников, заскользили по залу и остановились только тогда, когда приблизились

к подобной же, не более фута высотой, платформе в конце черно-серебристого коридора.

Манко бросился и схватил с прозрачного постамента самый эффектный предмет из тех, что им попадались до сих пор. Это была великолепная корона, изготовленная из чистого чеканного золота, украшенная радужным плюмажем из драгоценных камней. Искуснейшая работа! Время не коснулось короны, она выглядела, как новенькая.

Осторожно он поднял ее двумя руками и водрузил себе на голову, и несмотря на одну четверть текшей в его жилах испанской крови, он на глазах превратился в знатного инка. Даже на Эшвуд это превращение произвело сильное впечатление, а Бланко с ухмылкой, манерно и нарочито почтительно поклонился своему величественному брату.

Февик не стал предаваться, как другие, созерцанию золотых предметов, а занялся изучением обстановки, в которой они оказались.

— Мы опять не в Паитити! — сообщил он безо всякой на то нужды. — Это современное сооружение, построенное, без сомнения, при помощи современных технических средств. Более того, оно построено людьми, которые хорошо знают, что такое колесо.

Он разговаривал сам с собой, никто не слушал его, да ему и не требовалось ничье внимание.

Картер сделал глубокий вдох. Воздух здесь был не просто приятнее воздуха Наска и воздуха Паитити, он был пропитан чудесным благоуханием, напоминавшим аромат красного жасмина.

Тем временем Трань Хо, сделав несколько снимков Манко Фернандеса, коронованного и горделиво вышагивающего по платформе, направилась осмотреть предметы в дальнем конце коридора, но когда она попыталась сойти с мозаичной платформы, то вдруг как будто уперлась во что-то и отступила шаг назад. Осторожно вытянув вперед руку, она повторила попытку, но столь же безрезультатно. Картер с интересом наблюдал за ней.

— Что-то не так, Хо?

Она заговорила, не глядя на него:

— Я не могу сойти с этой платформы. Здесь невидимый барьер.

Картер обследовал то, что Хо назвала «невидимым барьером», и обнаружил, что они могли двигаться влево и вправо, вперед и назад, но сойти с платформы не могли. Невидимая стена, мягкая, упругая, но непроницаемая, ограждала их со всех сторон.

— Кто-то идет! — сказал Игорь, и все повернули головы.

Старик был небольшого роста, темноволос, черноглаз, с орлиным носом. Наряд его состоял из серебристого цвета туники, беспорядочно расцвеченной голубыми пятнами, туника имела короткие рукава и доходила старику до колен. Нечто, отдаленно напоминавшее галун, украшало его правое плечо. Голову венчала серебристая с черным, сдвинутая на одну сторону, шапка. В руках он держал металлическую трубку, около фута длиной.

Он выплыл из-за угла, недовольно ворча себе что-то под нос, но остановился как вкопанный, как только увидел уставившихся на него путешествующих на яйце искателей сокровищ.

Да Римини оправилась первой. Она приблизилась к старику, насколько позволял невидимый барьер, и пожелала узнать:

— Куда мы попали? Что это за место такое?

Рядом с ней неистовствовала, ежесекундно щелкая своим фотоаппаратом, Трань Хо.

Картеру показалось, что где-то раньше он уже видел этого старика, но прошло время, пока он вспомнил отель в Куско и швейцара отеля. Старик был похож на этого швейцара, как будто они были братьями.

Справившись со своим замешательством, старик приблизился к ним и дотронулся до одного конца своей трубки, которая, очевидно, воздействовала на невидимый барьер, потому что он беспрепятственно вступил на платформу, не выказав при этом никакого беспокойства по поводу направленных на него грозных АК-47 братьев Фернандес.

Оценивающе оглядев их всех по очереди с ног до головы и, несомненно, обратив внимание на то, что у троих незваных гостей руки связаны, он обратился к Манко. Речь его показалась Картеру, не понимавшему слов, напыщенной, официальной, его трубка от обилия жестов то и дело

взлетала вверх. Однако, некоторые слова показались Картеру знакомыми.

— Ты понимаешь его? — спросил он Игоря.

— Он говорит на странной смеси испанского и кечуа, — ответил Игорь. — Попадают совершенно незнакомые мне слова, и акцент у него странный, но я понял, что он приказывает Манко положить его головной убор на место, говорит, что находиться здесь не дозволено никому, потому что это... — Игорь искал подходящее английское слово, — ...это экспозиция.

— Экспозиция? — переспросил Картер, — вообще-то, можно было б догадаться!

— Я понял из его речи, что этот зал — нечто вроде музея. Еще он спрашивает, почему у некоторых из нас руки связаны за спиной.

Ответила Да Римини, а Игорь постарался перевести ее испанскую речь своим англоязычным товарищам. Картер почувствовал себя более других выпавшим из языковой среды, возникшей на платформе. И Эшвуд, и Февик достаточно свободно владели испанским, и даже Трань Хо была с ним немного знакома. Картер же не знал практически ни слова, кроме пары приветствий. Он затосковал.

— Мы из Куско, — сообщила старику Да Римини, — Манко, идиот, положи корону на место. Мы возвращаемся, — она угрожающе повела стволом пистолета. — Всем встать вокруг яйца, и побыстрее!

Не обращая внимания на протесты облаченного в тунику старика, все сбились в кучу вокруг передатчика матери, Да Римини брезгливо подняла кота и посадила его на верхушку яйца... но кот, не осознавая, видимо, ответственности момента, свернулся на яйце клубком и отошел ко сну, и все настойчивые попытки расшевелить его не увенчались успехом, яйцо не работало. Да Римини лихорадочно тыкала пальцами туда и сюда, но яйцо оставалось темным и безмолвным.

— Почему оно не работает! — амазонка готова была разрыдаться, — Февик, почему оно не работает?

Археолог беспомощно развел руками:

— В вопросах техники я абсолютнейший профан! Я не могу даже масло сменить в автомобиле.

В отчаянии она развернулась и направила пистолет на старика. Картер напрягнулся, но старик посмотрел на нее так, как смотрят обычно на представителей особо интересного вида насекомых.

— Не стоило бы! — предупредила ее Эшвуд. — Возможно, он даже не знает, что такое пистолет, а если знает и не боится, то это говорит о многом, тем более не стоит! Возможно, у него есть веские причины не бояться огнестрельного оружия. Подумай!

Неуверенно Да Римини опустила пистолет.

— Нам нужно назад, — она обратилась к старику, — а вы как-то отключили это яйцо. Включите его снова!

— Это, должно быть, и есть подлинный город Паитити! — принялся во всеуслышанье восторгаться Картер. — Я не могу надышаться здешним воздухом!

Игорь только покачал головой:

— До меня не доходит, как можно спрятать подобное сооружение? Где его можно спрятать? Быть может, это чей-то частный музей в окрестностях Лимы, но тогда как объяснить своеобразие языка этого человека, его странное одеяние? И как объяснить этот невидимый барьер? Я уже не говорю о передатчике материи! Я, вообще, не знаю, что и думать!

— Не один ты такой! — Картер повысил голос. — Эй, дед, ты понимаешь хоть немного по-английски?

Старик на секунду прервал свою беседу с Да Римини и бросил на него безучастный взгляд. Картер едва сдержал охватившее его чувство горького разочарования. Какого черта его занесло сюда! Надо же было ему найти тот проклятый диск! Как хорошо сейчас ему было бы дома, в Лос-Анджелесе!

— Ты думаешь, он на самом деле отключил передатчик? — спросил Картер.

— Трудно сказать, — Игорь попытался прислушаться к беседе Да Римини со стариком.

— По крайней мере, он, кажется, настроен по отношению к нам дружелюбно! — заметил Картер.

— Все тебе кажутся дружелюбными, Джейсон, — прокричала Эшвуд, — я иногда удивляюсь, как ты вообще умудрился выжить до сих пор в этом скверном бизнесе, называемом кино.

Старик резко развернулся и сошел с платформы. Да Римини кинулась было за ним, но наткнулась на непроницаемый барьер. Несмотря на ее призывы, он так и не обернулся и скрылся за тем же поворотом, откуда появился получасом раньше.

После его ухода Да Римини еще раз попыталась воздействовать на яйцо, но тщетно, яйцо не поддавалось. Она прекратила свои попытки только тогда, когда старик вернулся, причем не один, а в сопровождении похожих на него мужчин. Они остановились в коридоре и принялись что-то горячо обсуждать, не замечая разгоряченную Да Римини, жестами пытавшуюся привлечь к себе их внимание.

— Они не знают, кто мы такие, — Игорю с трудом удавалось уловить смысл разговора, — они даже не уверены, что мы такое! Остальное не могу понять...

— Они инки? — спросил Картер.

— Не знаю, хотя по виду — индейцы, — ответил Игорь.

Да Римини не привыкла к тому, что на нее не обращают внимания, и она кликнула братьев Фернандес.

— Возможно, они на самом деле не имеют представления об огнестрельном оружии, ну так пусть узнают, что это такое! Бланко, дай-ка очередь, пока в воздух!

— Ты думаешь, Франческа, стоит?

— Стреляй, я тебе говорю! — закричала она.

С явной неохотой Бланко поднял свой АК-47 и дал очередь. Картер инстинктивно присел, когда пули засвистели у них над головами и, вдоволь налетавшись, посыпались, как горох, на пол платформы. «Поучительно!» — подумал Картер. Невидимый барьер был непроницаем не только для людей, но и для пуль.

Впрочем, выстрелы, все-таки, достигли некоторой цели: они привлекли внимание облаченных в туники людей. Один из них направил свою трубку в сторону стоящих на платформе путешественников, и братья Фернандес тут же взвизгнули дуэтом и отшвырнули свои автоматы на пол, как и Да Римини свой пистолет. Все трое запрыгали и затрясли руками, будто угодили пальцами в расплавленное железо.

Изыгающая проклятия Да Римини присела, пытаясь поднять свой пистолет, но тот же человек направил на нее

свою опасную трубку, и амазонка взвыла, упала на пол, схватилась руками за живот. Братья поспешили было ей на помощь, но на блестящие шестиугольные плиты мозаичного пола начало исторгаться содержимое ее желудка, и братья на удивление быстро отступили.

— До чего ж эти, в туниках, дружелюбны! — не преминула заметить Эшвуд с тонким техасским сарказмом.

Когда двое из тех, кто были облачены в туники, включая владельца таящей в себе неприятные сюрпризы трубки, победителями вступили на платформу, Картер и все остальные невольно подались назад.

Брезгливо обойдя распластанную на полу амазонку, мужчины подняли с пола автоматы Калашникова и пистолет и вскоре снова оказались за барьером.

Трань Хо поспешила проверить, не исчез ли барьер. Но удивительно, он был на месте.

— Вот так-то лучше, дорогая! — сказала Эшвуд Да Римини. — Гораздо лучше!

Она явно испытывала удовольствие оттого, что Да Римини пришлось пройти через некоторые болезненные ощущения. Февик подошел к Картеру, чтобы развязать ему руки. Братья Фернандес переглядывались. Без своих грозных автоматов и лишённые руководства Да Римини, все еще пребывавшей в состоянии, которое не оставляло ей никакой возможности отдавать приказы, они выглядели глупыми, беспомощными, виноватыми.

— Эти, в туниках, не только знают, что такое огнестрельное оружие, у них есть свое, получше любых ружей! — Февик, наконец, справился с последним узлом, и Картер блаженно потянулся, затем поспешил к Игорю, чтобы развязать и его.

— Почему вы развязали мне руки? — спросил он археолога, развязывая веревки Игоря.

Февик одарил его наиприятнейшей из своих улыбок:

— Мы оказались в довольно необычной и, скажем прямо, трудной ситуации, более-менее удовлетворительный выход из которой, несомненно, потребует от нас максимума взаимопонимания и доверия.

— Иными словами, — сказала Эшвуд, — когда наступают плохие времена, самое главное — прикрыть свою задницу.

— Именно так, — не возмутился на этот раз ее грубости Февик.

— Извините меня, но... — Трань Хо своим хрупким телом навалилась на невидимый барьер, — не могли бы вы поднять свою трубку повыше, чтобы получился более эффектный снимок?

То ли забавная смесь английского с испанским, то ли трогательный вид Трань Хо привлекли их внимание, но мужчины, облаченные в туники, повернулись, и Трань Хо, не заставляя себя долго ждать, запечатлела всех на пленку.

Картер прислушивался к разговору в коридоре и не переставал сокрушаться, что в свое время не посвятил некоторую часть своего времени краткому курсу испанского языка.

— Итак, мы теперь все под арестом! — пришел он к заключению.

— Вовсе нет! — возразил Игорь. — Но они озадачены, кто мы. Особенно они интересуются тобой.

— Мной?

— Да, а также Трань Хо и мистером Февиком. Остальных из нас, включая миссис Эшвуд, они не находят заслуживающими внимания. Все дело в вашей внешности. Трань Хо — вьетнамка, а вы с Февиком — голубоглазые блондины. Я думаю, что их замешательство объясняется тем, что их знание мира крайне ограничено, возможно, они долгое время были изолированы от остального человечества.

— Ты хочешь сказать, что эти люди — инки, спрятавшие золото?

— Их потомки, конечно!

— Рискну предположить, что эти люди, — решил принять участие в разговоре Февик, — узнали огнестрельное оружие, письмо, колесо, испанский язык и, наверное, многое другое, от конкистадоров, — Февик изучающе уставился в высокий, куполообразный потолок. — Но я так и не могу сказать, где же мы находимся!

— А я так и не могу сказать, что же они намереваются с нами делать! — встряла в разговор Эшвуд.

Проснувшийся Мо подал голос, и Февик поспешил снять кота с верхушки яйца, он посадил его себе на правое плечо.

— Я уверен, коты более разумны, чем люди,— сказал Февик.

Картер затосковал, вспомнив про Мачу. Нет, он не хотел бы, чтобы она сейчас оказалась здесь. В Паитити, вероятно, ей гораздо лучше.

В небольшой бледно-желтого цвета повозке, которая бесшумно катила по идеально ровному полу на мягких колесах, прибыли еще четыре инка. Они извлекли из повозки ящики и коробки, взошли на платформу и поставили все привезенное на пол. Когда они открыли коробки, в воздухе распространились новые ароматы. Из двух коробок шел пар. Еще одна содержала в себе обычные столовые принадлежности.

Команда доставки бесшумно удалилась, а пленники барьера с опаской обследовали содержимое коробок и остались вполне довольны.

— Радует, что хозяева как будто не собираются морить нас голодом,— Эшвуд созерцала на свет пузатый бокал, наполненный янтарной жидкостью.

На платформу ступил высокий инка, которому примерно было столько же лет, сколько Эшвуд. На нем была желтая туника, украшенная яркими красными полосами, в руках он держал трубку. Картеру удалось разглядеть изображение солнца на ней.

— Конечно, мы не станем морить вас голодом. Вы полагаете нас недостаточно цивилизованными?

Пленники удивились:

— Вы говорите по-английски? — выдохнули они в один голос.

— Мы говорим на разных языках. В свое время мы многое тайно переняли от виракочей, в том числе и языки. Для вас я — Апу-Тупа.

— Виракочи! Так древние инки называли первых встреченных ими испанцев! — прошептал Игорь Картеру, — Апу-Тупа на кечуа означает «господин Тупа». Он, по всей видимости, важная персона!

— Где мы находимся? — вежливо поинтересовался Февик. — Как называется это место? Как зовется ваш народ? Откуда он пришел?

— И когда вы отпустите нас домой? — вставила Эшвуд.

Апу-Тупа повернулся к Манко Фернандесу:

— Ты,— сказал он,— очень похож на нас. И ты,— он указал на Бланко.— Другие нет. Некоторые похожи на виракочей, некоторые подобны англичанам, а эта женщина,— он указал на Трань Хо,— не похожа ни на кого из знакомых нам народов.

Он снова обратился к Манко:

— У тебя в руках было оружие? Почему?

У Манко хватило ума оставить вопрос без ответа.

— А теперь я отвечу на твои вопросы,— он обратился к Февику.— Ты слышал когда-нибудь о Вилькабамбе?

Февик заговорил громко и отчетливо, как будто отвечал в школе урок:

— Вилькабамба — государство инков, которое существовало в джунглях еще долго после того, как Писарро и его люди разрушили империю инков.

Апу-Тупа кивнул:

— В конце концов, виракочи завоевали и Вилькабамбу, но они так и не смогли найти наш город.

— Паитити! — неожиданно воскликнул все время до этого молчавший Игорь.

— Да! Мы жили в полной безопасности, иногда тайно пробираясь на отвоеванные у нас земли, чтобы научиться знаниям виракочей. Мы убивали тех немногих из них, которые отваживались зайти на нашу территорию. Вину за эти убийства виракочи неизменно возлагали на племена джунглей, а существование нашего города оставалось для них тайной. И прошло много времени, прежде чем мы нашли интиран, который позволил нам перемещаться по Дороге Солнца.

— Передатчик материи, который находится в пещере под стеной древнего сооружения?

Апу-Тупа кивнул:

— Интиран перенес наш город и многих других людей, пришедших с гор, чтобы соединиться с нами, сюда, где мы могли спокойно жить и учиться. Более двухсот лет назад интиран перестал действовать, и все наши знания и умения не помогли нам запустить его снова. Мы перенесли его в этот зал, куда мы ходим созерцать дела рук наших великих предков и благоговеть перед ними. Но очевидно, инти-

ран вновь заработал, иначе как бы вы попали сюда!

— Так это не вы изобрели передатчик материи? — спросил Февик.

— Нет! Подобно многому, что мы здесь обнаружили, он был создан Теми-Которые-Были-До-Нас.

— Пришельцы! — зашептала Трань Хо, ее глаза сияли.

— А кто они, Те-Которые-Были-До-Нас? — спросил Февик.

— Мы не знаем. Мы даже не знаем, как они выглядели. Они не оставили ни одного своего изображения, по которому можно было бы судить об их внешности. Но они оставили нам многое другое, — он горделиво выпрямился. — И то, что они нам оставили, сделало нас более великими, чем наши предки, и более великими, чем виракочи!

— Меня назначили к вам, — продолжил он, — потому что я изучаю древний мир и его языки. Кроме кечуа, испанского, английского, я свободно говорю на французском и голландском, знаю также тевтонские диалекты.

Он посмотрел на яйцо:

— Сначала мы считали, что с помощью интирана можно путешествовать по лучам солнца. Позднейшие расчеты привели нас к выводу, что здесь нет волшебства, только чистая физика.

Февик вздрогнул:

— Вы знаете физику?

— Мы многое знаем. Среди всего того, что нам оставили Те-Которые-Были-До-Нас, есть машина, которая учит. Нет, она учит не при помощи голоса, не подумайте, она вводит знание непосредственно в мозг. Прежде мы ее боялись, но она поняла наши страхи и проявила терпение, объясняя мир и свое устройство в доступных нашему пониманию образах. Вскоре мы привыкли к ней, и тогда начался процесс глубокого учения.

Он рассказывал и рассказывал:

— Те-Которые-Были-До-Нас оставили на земле передатчики материи. Они начали наблюдать за эволюцией человечества задолго до того, как Пачакути основал империю инков в 1438 году. Затем по неизвестным нам причинам они исчезли, оставив свои технические устройства и здесь, и на земле.

— На Земле? Значит, мы не на Земле?! Мы пленники другой звезды? — Эшвуд скорей поверила бы, что она в доме сумасшедших.

Апу-Тупа задумался:

— Я бы не сказал, что вы пленники. О вас... заботятся, и нам нужно многое от вас узнать, например, мы хотели бы знать, что делают англичане в стране наших предков?

— Мы не англичане,— запротестовал Картер,— мы американцы.

Апу-Тупа наморщил лоб:

— Я не знаю такого народа.

— Это народ, который двести лет назад освободился от власти английского короля,— объяснил ему Февик.— Он заселил земли к северу от вашей древней империи.

— Понимаю,— кивнул инка, его голос вдруг посуровел, и он ткнул трубкой в сторону Да Римини, та сжалась.— Мы знаем, кто она. Она из племени завоевателей. Она виракоча.

— Позвольте, я никого не завоевывала,— возразила Франческа.— Вы говорите о событиях, случившихся сотни лет назад.

Картер постарался побыстрее сменить тему.

— А здание, в котором мы находимся, тоже построили Те-Которые-Были-До-Нас?

— О, нет! Это здание мы построили сами как и многое другое, но, правда, мы воспользовались оставленными нам техническими средствами. Теперь это наш дом — он посмотрел на потолок и очертил в воздухе дугу.— Здесь другой мир, другие звезды, и хотя мы хорошо изучили астрономию, мы до сих пор не знаем местоположение Земли на небосводе, так же как не знаем и расстояние до нее. Какая из звезд на небе Земля? А нашу звезду мы называем Контисуйя, так называлась юго-западная четверть Тахуантисуйи, один из четырех углов великой империи наших предков.

Он посмотрел на гостей с тревогой:

— Мы очень хотим знать, что произошло с нашей родиной в наше отсутствие?

Пустой живот Февика выдерживал рамки приличий достаточно долго все это время разговоров, но в конце

концов его хозяин не выдержал, взял ложку, вилку, тарелку, уселся на пол и с жадностью набросился на еду, отдавая отдельные кусочки застывшему в ожидании Мо.

Отвечать ему пришлось с набитым ртом:

— Во-первых, не существует больше вицекоролевства Перу. Ваша империя распалась на полудюжину независимых государств. Испания уже не великая держава, впрочем, как и Англия. Сегодня великие державы — Америка и Россия.

— Испанские тексты упоминают о России, стране, где правят цари, — кивнул головой Апу-Тупа.

— Царей в России уже тоже нет, — продолжил Февик.

— Понятно. Мне нужно некоторые вопросы обсудить с Советом, а вам пока придется остаться здесь, но не беспокойтесь, все ваши потребности будут удовлетворяться немедленно по мере их возникновения. Вы обнаружите, что пирк, невидимый барьер, отделит вас от передатчика материи. Мы не можем рисковать, позволив вам воспользоваться им еще раз.

— По этому поводу вам нет нужды беспокоиться, — весело сообщил ему Картер. — Он снова не работает.

— То, что вы не смогли включить его, еще не означает, что он не работает. Я распорядился изготовить для каждого из вас небольшие аппараты, которые позволят вам общаться с нами на нашем родном языке, и это нововведение упростит наши контакты. Надеюсь, вы понимаете, что ваше появление стало для нас потрясением.

— Да и мы не в восторге, что нас сюда занесло, — поверила Эшвуд, что она не на Земле.

Апу-Тупа зажмурился, когда ему в лицо блеснула вспышка Трань Хо.

— Ты женщина, не перестающая сверкать огнями, ты не англичанка, не испанка. Чем-то ты похожа на нас, но ты не инка. Кто ты?

— Я американка вьетнамского происхождения. Мои родители прибыли в Америку из страны, о которой вы вряд ли когда-либо слышали, — она так близко придвинулась к Апу-Тупе, что он невольно отпрянул, — послушайте, если все вы из тех ребят, которые знают, на какую карту поставить, я помогу обеспечить вам такой успех, какой вам и не снился!

— Успех?

— Да, успех! Реклама, пресса, общественные связи! Неужели до вас не доходит, что когда вы появитесь в Лос-Анджелесе, сразу станете знаменитостями. Не каждый день находятся исчезнувшие цивилизации! По прибытии вам потребуется квалифицированное руководство в незнакомой обстановке, вас надо будет связать с нужными людьми, обеспечить контакты со средствами массовой информации, и кто-то должен будет позаботиться о том, чтобы придать правильное направление всей рекламной кампании. А ваш передатчик материи! Он же стоит кучу денег! Разумеется, если не окажется, что он сильно загрязняет окружающую среду! А ваши наряды! Я устрою вам встречу с лучшими кутюрье! Немного изменить цвета, удлинить рукава и добавить аксессуары, и на демонстрации мод вашей звезды публика просто попадает с мест! Но взамен я требую исключительных прав на публикацию материала, — сияющая Трань Хо застыла в ожидании ответа.

Апу-Тупа неприязненно отстранился от нее.

— О чем говорит эта женщина?

— Она, как бы вам лучше это объяснить... — задумался Февик, — она вольнонаемная вязальщица кипу, причем одна из тех вязальщиц, которые не очень заботятся о качестве своих узелков.

— Уже сотни лет мы не пользуемся узелковым письмом, — ответил Апу-Тупа, — с тех пор как мы узнали от испанцев секрет письменности. Но простите, мне надо идти!

Преисполненный чувства собственного достоинства, он сошел с платформы.

— Эй, дайте хотя бы интервью! Всего лишь несколько вопросов! — Трань Хо бросилась его преследовать, но натолкнулась на невидимый барьер.

— Ты что, не соображаешь, что произошло? — в голосе Картера послышалась жалость, — может случиться так, что мы больше никогда не попадем домой. Может быть, ты никогда больше не увидишь ни своего отдела новостей, ни своего редактора.

— Чепуха! — беззаботно отозвалась Трань Хо. — Здесь живут такие же, как мы с тобой, люди, а не лупоглазые

гуманоиды. Я, конечно, не знаю ничего об инках, но могу поспорить, что они не меньше нашего любят, ненавидят, завидуют и мечтают, неизбежно между ними возникают конфликты, о которых кто-то должен рассказать миру, и это буду я. Это моя работа.

Эшвуд только плечами пожала:

— Мне бы хоть чуточку твоего оптимизма, сестренка!

О'Лал была Наблюдателем достаточно долго, но сейчас наступил такой момент, что она представления не имела, как поступить. События вышли из-под ее контроля.

Она успешно выследила Ренегата и ускользнула от его преследования, но когда она измотала его и перешла в наступление, он в последний момент выкинул совершенно невероятный трюк, к которому О'Лал не была готова. Только теперь она поняла, что все случившееся было неотъемлемой частью его разрушительных планов. Он ее сумел ловко провести.

Лазейка, которой он воспользовался, чтобы уйти от нее, оставалась для нее загадкой. Она даже не знала, куда он исчез. Но насколько она могла судить, система, в рамках которой продолжал развиваться вверенный ее заботам мир, не была нарушена и продолжала исправно функционировать.

Существовала вероятность того, что Ренегат, почти пойманный ею, испугавшись, откажется от своих коварных замыслов и предпочтет скрыться, спасая себя от ее гнева. Однако, сопоставив факты, она так и не смогла убедить себя в подобном исходе их противостояния.

Его исчезновение было столь ловким и своевременным, что вовсе не походило на отчаяние, и хотя у нее было полно других забот, она не могла посвятить им себя, пока не убедится, что Ренегат обезврежен.

Она бездействовала, размышляя, каким же образом он ухитрился провести ее, и стоит ли его преследовать. Она не упрекала себя за то, что упустила его, имея превосходную возможность покончить с ним раз и навсегда. Ренегат был силен и опасен, а подвергать себя физическому риску... нет, это не принесло бы ни ей, ни делу, которому она служит, никакой пользы.

Она была не в состоянии остановить ход событий, которым Ренегат дал толчок. Все, что она могла сделать, это попытаться направить развитие этих событий в более-менее приемлемое эволюционное русло, и чтобы сделать это, ей нужно было переиграть Ренегата. Но до сих пор ей это не удалось.

Система его методов была ей непонятна, но она предполагала отчетливо его конечную цель и больше не могла ему позволить мешать исполнению ее обязанностей Наблюдателя. О'Лал искренне полюбила человечество, не говоря уже о Шихараранетах, с которыми люди делали этот мир. Человечество подавало большие надежды, и в силу своих обязанностей она должна была опекать обе разумные расы этого мира и, даже ценой своей собственной безопасности, следить, чтобы ничто не мешало им нормально развиваться.

До появления Ренегата и люди, и Шихары продвинулись в эволюционном развитии далеко вперед, хотя человечество в большей мере требовало ее неусыпного внимания. Здесь попридержаться, там подтолкнуть — это все, что было необходимо для того, чтобы люди не отклонялись в сторону от Схемы и сохраняли запас импульса эволюционного движения. Позволить Ренегату нарушить прогрессивное развитие обеих рас она не могла.

Ей отчаянно требовался совет коллег, но огромные пространства, разделявшие Наблюдателей, делали общение почти невозможным. О'Лал приходилось полагаться только на себя.

По вполне понятным причинам она не могла обратиться за содействием к людям. Если она откроет им свою истинную природу, это причинит их обществу еще больший вред, чем тот, который пытался причинить ему Ренегат. Но и он вряд ли станет раскрывать себя людям, прекрасно отдавая себе отчет в том, что в таком случае с ее стороны последуют меры, которые могут стать для него смертельными.

Нет, она будет выжидать, зная, что она никогда не пойдет на то, чтобы раскрыть себя, прибегнув к прямому нападению.

О'Лал трудно было оставаться осмотрительной тогда, когда два вида, находившихся под ее наблюдением, подвер-

гались опасности со стороны сумасшедшего Шихара, каким был Ренегат, не говоря уже о нескольких, пребывавших в счастливом неведении конкретных людей, которыми он ловко манипулировал.

Собравшись, с которыми ей с большим трудом, все-таки, удалось связаться, советовали ей проявить терпение и выждать подходящий для влияния момент. Ренегаты обычно переоценивали свои возможности, совершали ошибки, вследствие которых все их тщательно построенные замыслы и расчеты разваливались под своей собственной тяжестью. Трудность и задача Наблюдателей состояла в том, чтобы свести к минимуму тот вред, который они успевали нанести, до того как это случилось.

Ей придавало силы и уверенность то, что вмешательство в людские дела ставило Ренегата в зависимость от способности людей проводить в жизнь его намерения. Принимая во внимание присущую им непредсказуемость, которую они уже не раз демонстрировали, становилось возможным, что в один прекрасный момент Ренегат потеряет контроль над ходом событий, даже без вмешательства Наблюдателя.

Она не поддавалась охватывавшей ее временами панике. Она предпочитала спокойно ожидать, как станут развиваться события.

Глава 11

Они не видели Апу-Тупу несколько дней. За это время им были предоставлены в распоряжение обещанные аппараты-переводчики, напоминавшие видом наушники. Контисуйскую смесь испанского и кечуа они переводили, по выбору, на современный испанский или сносный английский.

Когда Апу-Тупа почтил их, наконец, посещением, он властным жестом приказал братьям Фернандес следовать за ним. Братья обменялись недоумевающими взглядами и сошли робко с платформы. Когда же Эшвуд и Да Римини попытались последовать за ними, невидимый барьер был уже восстановлен.

— Подождите! Почему вы забираете с собой только этих двоих? — Эшвуд оперлась двумя руками на барьер.

Апу-Тупа обернулся:

— Потому что они инки, и мы хотим, чтобы они нам поведали правду об изменившемся на Земле мире.

— Я тоже могу рассказать все, что вас интересует! — закричала им вслед Эшвуд.

— Что же вы скажете насчет остальных? — крикнула Да Римини.

— Все остальные похожи на наших завоевателей, — сказал Апу-Тупа.

— Я не завоеватель! — возразил Картер, — я американец! Моя страна только-только возникла, когда вы в последний раз были на Земле.

— В любом случае, вы не инки! Мы знаем, что у испанцев было много союзников, и мы не можем позволить себе повторить ошибки наших предков и довериться белокожим. Мы вынуждены проявлять осторожность, — он резко отвернулся и, сопровождаемый братьями Фернандес, скрылся за поворотом.

— Подождите! Что все это значит, черт возьми? — кричала вслед Да Римини.

Игорь молча жевал нечто, напоминавшее зеленый картофель.

— Инки всегда знали толк в картофеле, — сказал он. — Не знаю, что все это означает, но мне кажется, что они не правы, разбивая нашу веселую компанию.

— Может быть, они просто, посчитав братьев Фернандес инками, хотят расспросить их об их жизни, — Февик кормил кота.

— Не нравится мне все это! — раздраженно сказала Да Римини, расхаживая вдоль невидимого барьера, разлучившего ее, как и обещал Апу-Тупа, с передатчиком материи. — С каким бы удовольствием я убралась бы отсюда, проберись я к этому яйцу и заставь его работать!

— Что невозможно, однако! — попробовал урезонить ее Картер. — Мы даже не знаем принципа, по которому работает эта пирка, отделяющая нас от передатчика-яйца, принцип которого нам тоже неизвестен.

Да Римини обратила свирепый взгляд на Картера и разразилась ругательствами:

— Черт побери, когда я встретила вас в первый раз, мистер Картер, я уже тогда подумала: «Вот так пустоголовик!» И с каждым часом я убеждаюсь все больше и больше в том, что была абсолютно права.

— Я вас тоже очень люблю,— одарил ее нежной улыбкой Картер.

— Поберегли бы силы и пыл и предложили бы что-нибудь действительно конструктивное,— рыкнула на них Эшвуд.

— У меня есть одно конструктивное предложение,— заявил Февик,— давайте отпробуем местной кухни, которая, я замечу, сытна, вкусна, не сказать, что изысканна, но, возможно, полезна.

— Как вы можете думать о еде? — возмущился Игорь.

— Могу, мой юный перуанский друг. Возможно, я чем-то сродни стегозавру. У меня два мозга, один в голове, он занят сейчас пустыми разглагольствованиями, а другой в животе, и этот другой, подлинный гурман, с радостью и самозабвенно вкушает сейчас прелести инкской кухни, и я не вижу причин нарушать такое удачное разделение труда моего организма, коль скоро мы оказались в ловушке, из которой не выбраться.

Он посмотрел в ту сторону, в которой скрылись Апу-Тупа и братья Фернандес и добавил:

— Тем временем не мешает рассмотреть возможность того, что методы наших хозяев при ведении опроса, чуть было не сказал допроса, могут оказывать на организм опрашиваемого далеко не целительное воздействие. Инки всегда славилась тем, что знали множество способов заставить говорить неразговорчивого пленника. Так что не будем завидовать нашим отсутствующим товарищам.

Знатные инки и видные представители инкской науки, собравшиеся в конференц-зале, горячо спорили между собой, а братья Фернандес, сидя в сторонке, тщетно пытались уяснить себе предмет спора, но их аппараты-переводчики оказались далеки от совершенства, тем более что эти

преемники древней цивилизации пользовались терминами, совершенно недоступными земным коммерсантам средней руки. Но не было нужды быть лингвистом, чтобы понять, что между инками возникли острые разногласия.

Поднялся один из знатных инков:

— Я думаю, что мы теряем время, выслушивая подобные предложения. Я буду голосовать против. За века, которые прошли с тех пор, как мы покинули Землю, мы создали здесь, на Контисуйе, процветающую и пребывающую в постоянном мире цивилизацию, о какой наши предки могли только мечтать,— он оглядел собравшихся.— И если мы встанем на тот опасный путь, которому некоторые из вас отдают предпочтение, как знать, не откроем ли мы себя еще одному нашествию виракочей. Наше население обучено и хорошо защищено, но оно недостаточно многочисленно,— он кивнул в сторону братьев Фернандес.— Вы все выслушали свидетельства этих двоих. Земля перенаселена, а у нас много пустующих плодородных почв. Стоит ли рисковать всем, чего мы достигли, ради того лишь, чтобы отомстить виракочам за те несправедливости, что они сотворили много лет тому назад? Я все сказал.

— Здесь нет никакого риска,— поднялся другой инка.— Только мы понимаем принцип действия интирана, и если верить этим двоим, они единственные люди с Земли, знающие о существовании передатчика материи, остальные же находятся в полнейшем неведении. Таким образом, мы сможем напасть на них тайно, неожиданно, а при необходимости отступим тем же путем. Риск ничтожен. Он сведется к нулю, если мы займем и укрепим древнюю базу в Наска.

— Базу? — выпалил удивленный Манко Фернандес,— в Наска нет базы, там только пещера с сокровищами!

— А вы осмотрели все пещеры?

— Нет, но мы обнаружили множество туннелей, разветвляющихся в разных направлениях. Мы не успели их обследовать.

Инка удовлетворенно кивнул головой:

— Превосходно! Под верхними помещениями располагаются более обширные пещеры, оборудованные и приспособленные нашими предками для военных целей. Вы же не

думаете, что десятки тысяч людей прибыли сюда посредством знакомого вам небольшого интирана. В Наска есть другой передатчик материи, оставленный нам Теми-Которые-Были-До-Нас, и он гораздо внушительнее того, что обнаружили вы. Мы думаем, он был построен специально для переброски больших масс. Он служил нам исправно, пока также не перестал работать. Но когда он заработает, а он заработает, раз вы здесь, мы теперь будем знать, как воспользоваться им наилучшим образом.

Он тоже оглядел собравшихся:

— Как только мы освоимся на базе в Наска, наши штурмовые силы станут практически неуязвимы, и мы сможем диктовать виракочам условия, какие только пожелаем.

— Можно мне сказать? — встрял Манко Фернандес, — те люди, с которыми мы прибыли сюда, виракочи! Они все виракочи! Я не стал бы верить ни одному их слову! Вы же сами знаете, что это за народ виракочи!

Один из инков окинул его подозрительным взглядом:

— Не ты ли держал тогда оружие в руках?

— Это длинная история, — заторопился Манко. — Видите ли, я и мой брат уже давно задались целью восстановить культурное наследие древних инков. Поэтому мы здесь. Прошло много времени с тех пор, как последний из вас побывал на Земле, поэтому вам непременно потребуются наши советы, помощь, содействие.

— Вас привели сюда, — строго сказал один из знатных инков, — чтобы вы отвечали на вопросы, но не для того, чтобы вы предлагали нам помощь, о которой мы не просим.

— Да-да, простите, — поспешно согласился Манко, — я не хотел вас обидеть, вон и брат подтвердит!

Бланко неистово затряс головой.

— Я просто... я думал... — продолжал Манко, — одним словом, я и мой брат инки, и вы тоже инки... Но где император?

Все заулыбались.

— У нас нет императора уже более ста лет, — сказал другой инка. — Император не смог уберечь для нас нашу землю, нашу свободу. На Конституе мы прислушались

к совету обучающей машины, и вот оно,— он обвел рукой сидящих за столом,— правительство Конституции, на первый взгляд несколько разноголосое и вздорное, но это лишь на первый взгляд. Так что мы продвинулись вперед не только в науках!

— Вы, действительно, думаете, что сможете навязать свою волю и отомстить потомкам тех, кто когда-то завоевал Империю? — спросил Манко.

Ответил облаченный в красную тунику инка, в котором Манко заподозрил военного:

— Среди устройств, оставленных нам Теми-Которые — Были-До-Нас, много таких, которые, будучи предназначены для чисто мирного использования, могут быть при необходимости использованы в военных целях. Мы не имеем представления, как далеко продвинулась военная наука на Земле в наше отсутствие, но я абсолютно уверен, что против того оружия, которое мы собираемся использовать, потомки наших завоевателей вряд ли смогут устоять, тем более что наше нападение будет внезапным и тщательно разработанным.

— Все это очень интересно,— согласился Манко.— Но что вы станете делать дальше? Вы восстановите свою власть на землях, перешедших к испанцам от наших предков? Возродите Империю?

— Не исключено,— согласился один из членов правительства.

— Но испанцы давно не контролируют больше ни одну страну в Южной Америке,— подал голос до сих пор молчавший Бланко.

— Неужели ни одну страну? — офицер нахмурился.— Впрочем, один из ваших говорил нам уже об этом.

— Он сказал сущую правду. Все страны Южной Америки давным давно обрели независимость.

— А сколько их, этих стран?

Бланков замешкался, пересчитывая страны, и потому ответил Манко:

— Тринадцать. С тех пор как ушли испанцы, страны Южной Америки не переставали воевать друг с другом, и им пойдет только на пользу, если кто-то более сильный, чем они, объединит их, пусть даже против их воли,— стра-

стный накал речи Манко усилил впечатление, произведенное на правительство Конституции его словами.— Их объединит общее испанское наследие, исключая Бразилию,— добавил он.

— Да, да,— вступил в разговор еще один инка,— инка с Земли имеет в виду тот смехотворный договор, заключенный испанцами с Португалией, в Тордесильяс, по которому совершился раздел стран. Мы восстановим справедливость!

— А что мы сделаем с теми, кто разрушил Империю и поработил наших предков? — спросил облаченный в красное военный.

— Испания до сих пор остается сильной европейской державой,— сообщил правительству Конституции Манко.

— Это не имеет значения! Мы сокрушим ее! — говоривший инка, однако, смотрел на братьев Фернандес с неприязнью.— Но не пытайтесь ложью завоевать наше расположение. Мы не испытываем доверия ни к одному из вас.

Его слова не смутили Манко. Он знал, как вести себя при подобных обстоятельствах. В конце концов, с какой стати они должны ему верить?

— Доверие приходит со временем и завоеывается делами,— сказал он с пафосом.

По залу прошелестел шепот одобрения.

— Мы сделаем все зависящее от нас, чтобы помочь вам,— продолжал вконец осмелевший Манко.— Если вы решите объединить Южную Америку и вам потребуется наладить управление, мы с братом с радостью принесем в жертву собственную карьеру, чтобы оказать вам содействие в этом трудном и благородном деле.

Бланко в знак согласия энергично закивал головой. Инки ждали продолжения речи, и Манко продолжил:

— У нас с братом есть некоторые собственные планы, которые превосходно увязываются с тем, что планируете вы. Мы намеревались со временем распространить свое влияние в Южной Америке, но с вашей помощью мы сделаем это гораздо быстрее.

— Но вас сюда привели не для того, чтобы мы обсуждали ваши планы! — напомнили Манко, и он сник.

Заговорил военный:

— Это наш священный долг! Мертвые предки призывают об отмщении. Первым делом мы должны покорить Испанию, чтобы затем установить справедливое правление на земле наших предков.

— Но это может оказаться не таким уж легким делом, как вы думаете,— вступил вновь в разговор пришедший в себя Манко.— Политические связи между странами Европы — не те, какими они были сотни лет назад. Испания объединилась с остальной Европой в организацию, называемую Европейское Экономическое Сообщество. В эту организацию входят также Англия, Франция и другие европейские государства.

— Также Америка и Россия?

— Нет, но...

— В таком случае, мы подчиним себе всю Европу, раз эти европейские государства были столь глупы, что вступили в союз с Испанией. Пусть пеняют теперь на себя!

— Не спешите! — забеспокоился Манко.— Одно дело — объединение Южной Америки, совсем другое — завоевание Европы! Подчинить себе, скажем, Германию, гораздо сложнее, чем, например, Парагвай!

Инка был неумолим:

— Мы поступим так, как сочтем нужным, но если мы и воспользуемся вашей помощью, то, скажите, что вы ожидаете для себя в качестве награды?

Манко взглянул на брата, потом снова на инка, застывшего в ожидании ответа.

— Мы с братом всегда мечтали создать в Перу индустрию развлечений, для того чтобы способствовать распространению культуры нашего народа. Если вы обеспечите нам контроль в индустрии развлечений Перу, нам этого хватит сполна.

— Люди будут прогуливаться в наших парках, кататься с наших гор, есть наши гамбургеры,— запричитал Бланко в слезах,— смотреть наши программы на нашем канале, наши фильмы в наших кинотеатрах... — ...слушать наше радио, пить нашу инка-колу,— подхватил начавший стекленеть Манко,— ...и даже... — он закончил заговорщическим шепотом,— ...Диснейленд!..

Он задержался в облаках несколько дольше, чем было

нужно, но вполне достаточно для того, чтобы следующие его слова вызвали легкое замешательство среди правительства Конститутии.

— Конечно, если война затянется надолго,— сказал он,— погибнут миллионы потенциальных покупателей...

— Война не будет долгой,— поспешили заверить его инки.— Ты все еще считаешь нас такими же нецивилизованными, какими наших предков считали виракочи? — спросил его Апу-Тупа.— Все произойдет так быстро, что европейцы даже не успеют понять, в чем дело. Прежде чем использовать свое оружие, мы выведем из строя их собственное. У них не будет другого выхода, как сдаться.

— Это предложение еще не принято, оно в стадии обсуждения,— напомнил Апу-Тупе один из знатных инков.

— Да,— поддержал его другой знатный инка,— решение должно быть принято или отвергнуто в традиционной манере наших предков.

Апу-Тупа задумался:

— Прошло много лет с тех пор, как мы в последний раз прибегнули к этой процедуре выработки решения.

Манко Фернандес заерзал на своем месте:

— А что значит «решить вопрос в традиционной манере»?

— Пустая формальность,— пояснил Апу-Тупа,— перенятая нами у наших предков процедура принятия решения включает в себя обсуждение вопроса знатными и учеными инками, последующие дебаты сторон и человеческое жертвоприношение,— он отечески улыбнулся,— как поборники древней культуры инков, я полагал, вы знаете, об этой традиции.

Манко сглотнул слюну:

— А ничем нельзя заменить эту процедуру? Ну, например, общей дискуссией?

— Нет, нельзя! Традиция есть традиция, и отклонение от традиций чревато распадом общества. Жертву было принято у наших предков выбирать среди пленников. Быть избранным на заклятие — большая честь для любого пленника. Кого бы вы посоветовали из прибывших вместе с вами на Конститутию в качестве кандидата в жертву?

— Боюсь, мы с братом вряд ли сможем вам в этом

помочь,— поспешил уверить правительство Конституции Манко,— мы недостаточно готовы...

— Тогда я сам сделаю выбор,— решил Апу-Тупа.— Это будет высокая женщина-виракоча! И даже не столько потому, что она потомок завоевателей, сколько потому, что традиция предписывает выбирать по возможности в жертву женщину, причем, красивую женщину. Жаль, что она не моложе своих лет, по традиции, лучшая жертва — юная жертва.

— Это жертвоприношение,— испуганно забормотал Манко,— что оно конкретно предусматривает?

— Традиции достаются нам от предков,— любезно объяснил ему Апу-Тупа,— мы их не выбираем. Перед тем как принять решение наши предки вскрывали жертве живот и читали волю богов по внутренностям жертвы.

— Вряд ли Франческа будет польщена оказанной ей честью,— мрачно изрек Манко.

— Ерунда! Она станет самым популярным у жителей Конституции человеком!

— И все-таки, я не уверен, что Франческе понравится ее участь. Послушайте, ваш народ прошел большой путь, достиг высокого уровня развития цивилизации, вы не можете больше совершать человеческие жертвоприношения!

— Это необходимо! — настаивал Апу-Тупа,— традиции нужно свято блюсти!

Попытки братьев Фернандес отстоять свою подругу оказались тщетными.

Когда все остальные прибывшие на Конституцию с Земли узнали о решении Совета, они были несказанно напуганы.

— Что же это такое? — разбушевалась Эшвуд.— Я никогда не любила эту наглую сучку, но чтобы резать людям животы, дабы взглянуть на их кишки — это уже слишком, тем более сегодня, в двадцатом веке!

— Вы неправильно поняли наши намерения,— попытался успокоить ее Апу-Тупа.— Мы только хотим исследовать ее внутренности.

Он повернулся к находившейся в полубморочном состоянии Да Римини:

— Ты станешь знаменитой во всех концах Конституции, твое лицо будет знать каждый!

— А мне совсем не надо, чтобы мое лицо знал каждый! Я хочу, чтобы оно, и остальные части моего тела остались моими, не превращаясь в достояния широкой общественности,— она пятилась, пока не уперлась спиной в стену экспозиции.

Трое вооруженных трубками стражей, сопровождавших Апу-Тупу, направились к ней.

— Не подходите ко мне! — завопила она, угрожающе растопырив пальцы.— Предупреждаю, мои руки — смертельное оружие!

Один из солдат поднял до боли знакомую братьями Фернандес трубку. Да Римини закатила глаза, обмякла и рухнула на пол. Эшвуд тяжело вздохнула. Картер поморщился и отвернулся.

— Мы ее только усыпили,— успокоил их Апу-Тупа.

— Какое это имеет значение, если вы все равно собираетесь принести ее в жертву,— проворчала Эшвуд.

— Тело должно быть в идеальном состоянии. Нам не хотелось бы, чтобы она преждевременно поранила бы себя.

Солдаты подняли уснувшую Да Римини и унесли ее прочь.

— Не волнуйтесь за нее! Жертвоприношение будет транслироваться на всю Конституцию. Вам мы предоставим возможность следить по экрану за событиями жертвоприношения.

Он задумался:

— Это событие соберет у экранов множество людей. Ведь более двухсот лет мы не приносили в жертву чужаков, тем более испанцев.

— Она не испанка! Она перуанка! — возразил Бланко.

— Кем бы она ни была, это уже не имеет значения. Мы представим ее как испанку, виракочу!

— Вы сказали «представим»? — встрепнулся Картер.

— Именно так! Мы хотим привлечь к этому событию внимание как можно более широких кругов населения Конституции.

— Верно! — заговорила Трань Хо.— Это грандиозная идея! Газеты с рассказами о человеческих жертвоприноше-

ниях идут всегда нарасхват. У читателя более популярны только Элвис и НЛО. Я уже вижу набранный самыми большими буквами заголовок «Прищельцы похитили земную женщину для жертвоприношения на чужой планете». — Она придвинулась к Апу-Тупе, тот вновь отпрянул. — Вы уверены, что Элвис не бывал в ваших краях?

Инка был озадачен:

— Что такое «Элвис»?

— Ну хватит! Тебя заносит! — шикнул на нее Картер. — Как ты можешь говорить такое? Ты вдумайся: они хотят принести ее в жертву и читать будущее по ее внутренностям!

— Разве я не из Голливуда? — защищалась Хо. — Ты хочешь, чтобы я выразила свое возмущение? Ну уж нет! Одно вшивенькое жертвоприношение не сделает даже первой страницы «Лос-Анджелес Таймз»! Что тебя, собственно говоря, так волнует? Она-то не сомневалась, стоит или не стоит тебя убивать!

Эшвуд призадумалась, шлепая себя пальцами по губам:

— Интересная точка зрения!

Картер бросил на нее злой взгляд и снова повернулся к Трань Хо:

— Предположим, что-то с Да Римини не получится, скажем, окажется, что у нее непрочитываемые внутренности, и потребуется другая молодая женщина для жертвоприношения. Догадываешься, за кем они придут в следующий раз?

Но на Трань Хо возможность такого развития событий не произвела впечатления:

— Эх, жизнь — такая штука: сегодня ты есть, завтра тебя нет, но хочу, чтобы вы знали, и после смерти я сохраню авторские права на все мои статьи, и если вы воспользуетесь моими магнитофонными записями или фотографиями, то будете обязаны заплатить процент с каждого проданного экземпляра чего бы то ни было моим законным наследникам.

— Какое совпадение! — сухо заметил Февик. — Когда они пришли за ней, то, что вы сейчас сказали, в высшей степени занимало меня.

Не в силах совладать с охватившим его чувством отвращения, Картер отвернулся от Хо:

— Ты сумасшедшая! Тебе нужно написать статью о самой себе! «Безумная корреспондентка добровольно расстаётся с этим миром»!

— Если бы я была уверена, что продам статью, я бы так и сделала! — весело отозвалась Трань Хо, — в любом случае, я не сомневаюсь, что наши хозяева найдут внутренности Да Римини такими же привлекательными, как остальные части ее тела. Она должна быть довольна! Кем она была на Земле? Перуанским ничтожеством! Когда же мы возвратимся домой, я сделаю ее знаменитостью!

— Если мы возвратимся домой, — откликнулся Игорь, думая о своем.

— Фотографии ее тела появятся в газетах всего мира! — увлеченно продолжала Трань Хо.

— Так или иначе, я не вижу возможности облегчить ее страдания, — Февик, сидя на полу, ласкал своего кота.

— Я уж решил было, что эти люди цивилизованы, — сказал Картер.

— Традиции играют огромную роль в жизни всех народов, — заявил Февик с видом знатока.

Как и обещал Апу-Тупа, экран был установлен. Он представлял собой гладкую плоскость серого цвета, изготовленную из какого-то твердого материала. Экран был установлен на стойке. Ни кнопок включения, ни проводов, ни антенн видно не было.

Картер решил не смотреть на экран, но когда на его серой плоскости появилось изображение и зазвучали слова комментатора, он не смог удержаться.

Камера была установлена в просторном зале, украшенном традиционными инкскими знаками, но более всего Картеру зал напомнил анатомический театр. В стороне застыла в ожидании группа мужчин и женщин, облаченных в блестящие, ярко расцвеченные одежды. На их лицах лежал толстый слой разноцветного грима.

Картер не вслушивался в болтовню комментатора, он был поглощен происходившим в зале. Действо началось. В зал вступили два служителя, разодетые, как персонажи южных пьес, из тех, что идут на Бродвее. Они держали под

руки безразличную, видимо, под действием какого-то наркотика, Да Римини. Была она одета в исполненное с большим вкусом, но легкомысленно короткое платье, которое Февик с присущей ему надменной ученостью определил как «традиционный наряд женщин, избранных инками для жертвоприношения» и добавил, что для амазонки не нашлось, по всей видимости, большего размера.

— Меня пугает реальность происходящего! Неужели, они действительно...

Но никому не было дела ни до самого Февика, ни до испытываемых им чувств. Глаза всех были прикованы к экрану.

Служители бережно подняли Да Римини и торжественно возложили ее на богато орнаментированный операционный стол. Затем они аккуратно привязали к нему ее руки и ноги. Ритуальное платье оставляло ее живот полностью открытым.

Трань Хо не переставала записывать на магнитофон свой собственный комментарий, не забывая подвергать при этом острой критике работу операторов.

Сделав свое дело, служители вышли из поля зрения камеры, и до сих пор спокойно стоявшие в отдалении люди в блестящих одеждах обступили стол. Тот из них, что встал у изголовья Да Римини воздел руки к небу и запел, остальные ему вторили. При заунывных звуках литургии Картер почувствовал, как холодный пот заструился у него по спине. Поились звуки музыки — смесь традиционных инских инструментов с электроникой. Он вспомнил, Февик говорил, что древние инки имели обыкновение изготавливать музыкальные инструменты из костей своих жертв.

Стоявший в изголовье опустил руки. Звуки музыки и пение смолкли, а сверху, откуда-то с потолка, спустился и зловеще завис над распростертой на столе беспомощной Да Римини какой-то сложный аппарат. Несмотря на наркотическое опьянение, блуждающий взор жертвы с трудом, но все же сфокусировался на аппарате, и в зале раздался ее крик отчаяния. Мелодия, взвившись вверх и достигнув драматических высот звучания, как нож гильотины, резко сорвалась и стихла.

Из аппарата угрожающе высунулась какая-то его часть,

и хотя Картер не заметил на ней режущих частей, он поспешил отвернуться, напоревшись взглядом на дрожащую в предвкушении крови Трань Хо.

Голос неустрашимой Эшвуд произнес:

— Нет, вы только посмотрите на это!

И голос Февика добавил:

— Вот этого уж я совершенно не мог предположить!

Картер заставил себя повернуться к экрану и увидел на столе Да Римини, по-прежнему белевшую чистым животом. Никакой крови. Никакого вспоротого живота. Никаких вывалившихся наружу кишков. Картина, нарисованная Картеру его не в меру живым воображением, осталась в мире фантазий.

Его взгляд привлек квадрат, появившийся в правом верхнем углу экрана. В мельчайших деталях на нем воспроизводились внутренние органы Да Римини. Они блестяли и пульсировали, кровь резво бежала по венам и артериям, механизм, запущенный Господом Богом двадцать с лишним лет назад, исправно функционировал.

Картер выдохнул. Жертвоприношение было символическим актом! Кому из них могло прийти в голову, что контисуйцы могут без труда прочитать все, что им требуется, не вспарывая живота жертвы? То ли представление Картера о подобных обрядах было сформировано под влиянием плохих голливудских лент, то ли в нем говорила память далеких предков, но он не додумался, что Да Римини останется в живых.

Взгляд сканнера легко скользил по внутренностям Франчески, крупным планом воспроизводя на экран отдельные интересующие гадателей закоулки ее чрева. Обступившие стол профессионалы оживленно обсуждали предмет гаданий, а управлявший аппаратом техник, следуя их указаниям, переводил взгляд сканнера с одного органа на другой.

— А вспомните-ка! — заговорил Февик, — ведь хитрец Апу-Тупа ни разу не сказал «убить», он говорил «принести в жертву»! Своеобразная интерпретация древнего обряда, вы не находите?

— Но они же не собираются действительно принимать решение о нападении на Землю, основываясь на обзоре

внутренностей живота Да Римини! — предположил Картер.

— Полагаю, нет! — согласился археолог. — Я начинаю подозревать, что цель обряда, как и само жертвоприношение, тоже носит символический характер, а там, кто знает! Мо, твое мнение на этот счет?

При упоминании его имени, кот поднял на хозяина свои сонные глаза и широко зевнул, продемонстрировав полное отсутствие интереса к обсуждавшемуся вопросу.

Действо продолжалось, но несколько заскучавшие зрители один за другим стали отходить от экрана. Трань Хо была глубоко разочарована:

— Глупая затея! Впечатление, будто я присутствую на обычном практическом занятии в медицинском колледже! Ну нет! За такой материал не получишь ни цента! — ее лицо вдруг прояснилось: — Если его, конечно, оставить таким, каков он есть! Но можно же его слегка подправить!

— Может, тебе стоит обсудить это с Да Римини? — посоветовал ей Игорь, — все-таки, мы совершили эту безобидную экскурсию именно по ее внутренностям!

Глава 12

Когда контисуйцы, вдоволь насмотревшись на скрытые в брюшной полости органы Да Римини, в конце концов позволили ей вернуться к остальным пленникам, она выказала полное безразличие относительно авторских прав на фильм, но живо откликнулась на выраженную ей поддержку братьев Фернандес, разразившихся впечатляющей бранью, виртуозно исполненной на испанском и кечуа. Она позволила им усадить себя на одну из кроватей, к тому времени предоставленных пленникам контисуйскими властями. Ее слегка трясло, может быть, от пережитого, может быть, от остаточного воздействия наркотика, введенного ей накануне.

— Я думала, они меня убьют, — пробормотала она. — Я не сомневалась! Но что они со мной делали? Я ничего не помню!

Эшвуд улыбнулась:

— Ты кричала, и довольно громко!

— Они не стали вас резать,— сказал Февик,— они только ознакомились с вашим устройством, воспользовавшись для этой цели сканнером.

— Все понятно,— сказала Да Римини и окинула археолога суровым взглядом.— Какие именно части моего тела их интересовали?

В ее голосе слышалась угроза. К ней возвращалась ее прежняя неистовость. Памятуя о проявленной не так уж давно склонности этой привлекательнейшей из женщин к грубому насилию, Февик хорошо на этот раз подумал, прежде чем ответить.

— Ваш желудок, почки, печень и кишечник.

— Всего лишь навсего? — она уперлась в него взглядом так, что археолог аж присел и, ограничившись кивком, сделал вид, что Мо срочно потребовалось внимание хозяина.

Да Римини откинулась к стене и обвела присутствующих взглядом:

— А когда они меня уводили, кто-нибудь из вас попытался их остановить?

— С чего бы это мы стали рисковать? — скрипнула Эшвуд.— Зачем это было нам надо? С голыми руками против вооруженных стражников? Если бы они забирали меня, ты бы хоть пальцем шевельнула ради моего спасения?

— Вряд ли! — кивнула Да Римини.— Ну и что, помогли им мои кишки принять решение?

— Не знаем,— ответил Игорь и повернулся к братьям Фернандес.— Вы с ними долго беседовали. Они могут напасть на Землю?

— Мы тоже не знаем,— как всегда за двоих ответил Манко.— Они много говорили о войне, но не показывали нам ни бомб, ни ракет,— он помолчал, прежде чем добавить: — Они просили нас помочь им.

— И вы согласились?! — привстала Эшвуд.

— Конечно же, нет! — возмущился Манко.— Зачем нам, чтобы они захватывали Землю?

— Мне нужно было тогда что-либо предпринять! — Трань Хо сожалела.

— Чтобы спасти меня? — удивилась Да Римини, впервые, пожалуй, обретая веру в людей.

— Нет! — ковырялась в своей камере Трань Хо. — Я не уверена, записалась ли пленка, которую я отсняла с экрана. Мне нужно было бы постараться самой попасть в зал.

Разочарованная Да Римини дернулась было к ней, но снова опустилась на кровать. Она еще недостаточно окрепла, чтобы задираться.

— Всю свою жизнь я слышала разговоры о золоте Паитити, — сказала она. — Всю свою жизнь я стремилась к нему и знала, что если когда-нибудь отыщу его, то перегрызу горло любому, кто попытается его у меня отнять. Но мне и в голову не приходило, что придется столкнуться с его законными владельцами!

Картер, сосредоточенно рассматривавший экспонаты на противоположной стороне платформы, повернулся к остальным:

— А мне пришло в голову, что, не исключено, мы пропустили мимо нечто очень важное с научной точки зрения! Может, действительно, стоит только нам заглянуть в чей-нибудь кишечник, как нам откроется великая истина?

Апу-Тупа не показывался несколько дней. Когда же он, наконец, появился, его сопровождала женщина в зеленом одеянии, которая сразу же принялась осматривать и прощупывать живот вяло сопротивлявшейся Да Римини.

— Чего ей было надо? — спросила она Апу-Тупу, когда женщина удалилась.

— Послеритуальный осмотр, — несколько виновато ответил Апу-Тупа. — Мы не хотим, чтобы жертвоприношение как-то отразилось на твоём здоровье.

— Вы предупредили хотя бы меня, что крови не будет! — упрекнула Да Римини.

— Мне казалось, это само собой разумеется! Однако, позволь мне, как человеку, не раз присутствовавшему на подобных церемониях, заметить, что твоё тело очень привлекательно...

Да Римини сдвинула брови:

— Не ваше дело!

— ...для гаданий,— невозмутимо продолжил Апу-Тупа.— Более того, оно нам дало доброе знамение, и мы собираемся отомстить убийцам наших предков и тем, кто по собственной глупости вступил с ними в союз,— он поднял кулак и потряс им.— Мы подчиним себе ваше Европейское Экономическое Сообщество и для этого используем такие средства, какие и не снились виракочам!

— Здорово! — воскликнула Трань Хо.— Мы увидим, значит, летающие тарелки?

— Что? Летающие тарелки? — удивился инка.

— Разве вы не знаете? Мы так называем космические корабли!

— У нас нет космических кораблей! Наши наступательные силы мы перебросим на Землю с помощью интирана.

— Ах, да! Я забыла! — Хо была разочарована.

— Мы сосредоточим наши войска на базе в Наска, хорошо спланируем удар, а наши техники произведут сборку доставленных по частям боеприпасов и летательных средств.

— Каким бы совершенным оружием вы ни обладали,— решительно заявила, вспыхнув земным патриотизмом, Эшвуд,— вам не удастся захватить Европу с помощью того немногого, что возможно перебросить на Землю посредством вашего передатчика материи.

Инка одарил ее высокомерным взглядом:

— Писарро завоевал империю с сотнею солдат. Мы считаем себя не менее искусными полководцами. Когда придет время, вы убедитесь в мощи нашего оружия,— он повернулся, чтобы уйти, но Эшвуд остановила его.

— Что будет с нами?

— Мы возьмем вас с собой, и если нам потребуется ваш совет, я надеюсь, вы нам в нем не откажете. Помните, помогая нам, вы спасаете жизни многих людей с обеих сторон! — Апу-Тупа уже шел по коридору.

— Ваша затея обречена на провал! — выкрикнула Эшвуд ему в спину, но то, как она произнесла эту фразу,

меньше всего свидетельствовало в пользу ее убежденности в собственной правоте.

— А что, если они, действительно, смогут победить Европу? Остановятся ли они на достигнутом? Не захотят ли вторгнуться в другие части света? Скажем, не вздумают ли покорить Техас? Как Соединенные Штаты и Советский Союз отреагируют на их вмешательство в дела Земли?

Эшвуд бросила взгляд на живот Да Римини:

— Вот где сокрыта тайна! Вот где ответы на все вопросы! Вон какой он у нее выпуклый, округлый от распирающих его секретов! Может, у тебя живот пучит, а?

Она посмотрела на обособившихся ото всех и шептавшихся между собой братьев Фернандес. Вряд ли они достойны большего доверия, чем Да Римини, несмотря на ее полный тайн живот, решила Эшвуд. Надо за ними присматривать! Что же касается Брайтона Февика, то никогда не знаешь, что у него на уме. Остаются Картер, Игорь и она сама. Вот кто может предотвратить оккупацию Европы и остаться в памяти благодарных европейцев на долгие годы!

Но собственно говоря, почему ее волнует судьба Европы? Она даже ни разу в жизни не была там! Но, предположим, контисуйцы, все-таки, захватят Европу. Что дальше произойдет? Возможно, они отобьют у итальянцев охоту жить безрассудно, у французов — распутничать, а у немцев — пускать ветры в местах общественного питания.

Она отпила из бокала глоток сока, недоумевая, так почему ж у нее на душе скребут кошки. Что ей — до Европы?

Ушак даже испытывал к Наблюдателю некоторое чувство благодарности за то, что она устроила их встречу, которая сильно поколебала его самоуверенность. Теперь он будет действовать более осмотрительно, и не совершит просчетов. По большому счету, все шло не так уж плохо, и он будет не он, если не приспособится и не подчинит себе любые обстоятельства.

Он скоро вызовет в этом мире распад эволюционной

схемы, он сведет на нет работу Наблюдателя и насладится восхитительнейшим хаосом, который воцарится на Земле, а потом он переместится и в другом месте снова учинит хаос, такой же, как на Земле. Он любил хаос, потому что галактика становилась слишком уж перенаселенной и цивилизованной. Но он в состоянии внушить этим пребывающим в самодовольном неведении примитивным разумным расам разрушительные мотивы поведения. Опустошительная война станет апофеозом. И в столь опасную близость он не подпустит больше к своим расчетам Наблюдателя.

Он вспомнил, как красиво успел ускользнуть от нее и порадовался тому, что уже серьезно осложнил ее деятельность. Он был доволен собой и убежден, что ей не удастся остановить его, даже если для этого ей придется раскрыть свою истинную природу.

Пленникам Контисуйи не оставалось ничего другого, как только есть, спать и прикидывать, как же сложится их дальнейшая судьба. Картера, кроме всего прочего, беспокоило, что же там подделывает без него его агент. Февик сетовал на невозможность поддерживать научную переписку с коллегами. Братья Фернандес сокрушались по поводу ущерба, непременно нанесенного производству инка-колы их затянувшимся отсутствием. Игорь же, напротив, был невозмутим, он знал, что если человек ушел в сельву и долгое время не возвращается, то принято считать его пропавшим без вести, пока его труп не вынесет из сельвы течение какой-нибудь реки.

Апу-Тупа время от времени заглядывал к ним, хотя, по его словам, был чрезвычайно занят приготовлениями к предстоящему вторжению на Землю. Несколько раз братьев Фернандес уводили. По возвращению они коротко рассказывали остальным пленникам, о чем с ними говорили, и в этих отчетах они выставляли себя мужественными героями. Картер и Эшвуд слушали и согласно кивали головами, но им обоим братья Фернандес напоминали нашкодивших котов.

Однажды Апу-Тупа появился в сопровождении плотного, внушительного вида контисуйца, который назвался Пукауаманом — Красным Ястребом, как перевел его имя Игорь. Ткань его коричневой, украшенной красным узором

туники была пробита золотой нитью. Выглядел он лет на сорок, его волосы были коротко подстрижены, и, если он вообще умел улыбаться, то скрыл этот дар.

Апу-Тупа выказывал ему почтение, впрочем, не унижаясь при этом. Со своей стороны Пукауаман предоставил ему полную свободу выбора темы беседы, сам он вступал в разговор только, когда ему было что-то непонятно. После его ухода пленники узнали, что это был главнокомандующий наступательными силами Контисуйи.

— Замечательно, что вы проявили благоразумие,— заметил Апу-Тупа,— я боялся, что для получения нужной нам информации придется прибегнуть к радикальным методам воздействия на психику.

При этих словах Картер живо представил себе, как Апу-Тупа, которого никак нельзя было назвать хрупким мужчиной, прибегает к радикальным методам воздействия, и с сожалением отметил предательский холодок в своей груди. Впрочем, не исключено, Апу-Тупа имел в виду воздействие на разговорчивость специальных химических препаратов, без волеизъявления человека развязывающих ему язык.

— В силу того, что мы оказались для вас в меру полезными, не позволите ли задать вам один вопрос? — сказал Февик.

Апу-Тупа снисходительно кивнул.

— Некоторые ученые бездоказательно утверждают, что линии и рисунки в Наска — это взлетно-посадочные полосы для инопланетных звездолетов. Что по этому поводу думают в Контисуйе?

— Насколько нам известно, Те-Которые-Были-До-Нас для перемещения в пространстве использовали интираны. Зачем же им были б нужны звездолеты, если они покрывают расстояния гораздо медленнее? Эта теория, действительно, беспочвенна. Мы думаем, что народы, жившие в Наска, вывели на плато эти линии и рисунки для своего собственного духовного назидания.

Февик ответом был полностью удовлетворен.

— Я и мои коллеги думаем по этому поводу то же самое,— гордо сообщил он.

— Я не спрашиваю о будущих жертвах военных дей-

ствий, но что станет с нами, когда ваше вторжение будет осуществлено?

— Я уже отвечал на ваш вопрос, вы останетесь с нами и будете, по мере необходимости, обеспечивать нас той информацией, которой вы располагаете, как современные жители Земли. Готовьтесь! Скоро мы начнем переброску наших войск.

Величественным шагом Апу-Тупа выплыл из комнаты.

— Скоро мы будем дома,— сказал Картер,— на Земле.

— Ага, и попадем прямехонько в самое пекло! — мрачно добавила Эшвуд.

Глава 13

Шли месяцы. Скука и уныние владели пленниками. Картер был уверен, что его агент давно забыл о нем и думать. Но наступил благословенный день, когда им позволили сойти с опостылевшей платформы и вывели из музея. Все были обрадованы случившейся переменой, хотя и не знали, что же их ждет.

Вагончик подвесной дороги мчал их в неизвестность. Высокие, мерцающие огнями башни возвышались над коробками офисов и жилых домов, широкие прямые улицы и авеню прорезали город по всем направлениям. Определить архитектурный стиль зданий было невозможно, но Картер, все же, высмотрел кой-где традиционные трапецевидные окна.

Оказавшись за городской чертой, вагончик прибавил скорость и бесшумно помчался через диковинные леса и поля. Спустя несколько часов они свернули с главной дороги на боковую, которая, в конце концов, привела их к гладкостенному туннелю, заканчивавшемуся обширными пещерами, искусственно укрепленными и благоустроенными. Повсюду суетились мужчины и женщины. Атмосферу ожидания нельзя было ни с чем спутать.

Вагончик остановился. Выйдя наружу, Картер и его спутники оказались среди солдат, вооруженных серебряными трубками, голову каждого из них защищал красный

шлем с прозрачным, прикрывающим лицо забралом.

Они попали в столпотворение. Туда-сюда беспорядочно сновали машины, голоса людей сливались в гул. Большую часть пещеры занимали выстроившиеся в ряд двенадцать огромных грузовых транспортеров, каждый размером с Бонинг-747. Их тускло-коричневые керамические тела с торчащими из них таинственными антеннами имели квадратную корму и скругленный нос. Двигатели отсутствовали.

В дальнем конце пещеры возвышалось гигантское, способное вместить в себя нефтяной танкер, белое яйцо, покоившееся на массивной платформе золотого цвета. Те-Которые-Были-До-Них не любили мелочиться, решил Картер.

Рабочие загружали в транспортеры через грузовые ворота в корме контейнеры и машины. Войска поднимались на борт через боковые двери.

— Который из них наш? — Манко Фернандес заметил, что Картер наблюдает за ним, и с излишней поспешностью, чтобы его не заподозрили в сотрудничестве, добавил: — Я имею в виду, на котором из транспортеров повезут нас, пленников?

Апу-Тупа провел их мимо Пукауамана, разговаривавшего, видимо, с чинами генерального штаба, и, когда они вышли на небольшую площадку, объявил:

— Нам оказана большая честь путешествовать вместе с генеральным штабом, поэтому наш интиран гораздо меньших размеров.

Внизу стоял небольшой передатчик материи, рядом с ним — транспортер размером с большой грузовик.

— В первую очередь мы переправим на Землю основные ударные силы, — продолжал Апу-Тупа, — чтобы к тому времени, когда прибудет генеральный штаб, они уже смогли бы обосноваться и закрепиться на новом месте. Судя по тому, что мы знаем о пещерах в Наска, это не займет много времени.

Картер посмотрел на Манко Фернандеса, но тот ловко избежал его взгляда.

— Ну а когда придут системы вооружения, мы сможем собрать их и провести подготовку к войне более основательно, — он проверил, на месте ли его серебряная трубка. — Еще немного, и начнется отправка. Это будет величе-

ственное зрелище! Наши интираны не работали более двухсот лет, поэтому я с нетерпением жду того момента, когда стану свидетелем знакомого мне только по древним писаниям явления.

Они ждали окончания погрузки. Когда последний солдат взошел на борт транспортера, техники и рабочие поспешили скрыться в другом конце пещеры.

Страстно желая попасть на Землю, Картер в то же время надеялся, что передатчик не сработает. Но пещеру наполнил низкий настойчивый гул, отозвавшийся у Картера в костях. Пол задрожал. Постепенно гул набрал силу, и гигантское яйцо засветилось светом невыносимой яркости. Все поспешили отвернуться, и в этот момент пещеру поглотила ярчайшая вспышка. Воздух заколыхался.

Когда Картер открыл глаза, он увидел, что транспортер, только что стоявший первым в ряду своих собратьев, исчез. Крики ликования наполнили пещеру. Следующий в ряду транспортер был перемещен на исходную позицию, ближе к интирану.

За два часа все двенадцать огромных транспортеров были отправлены на Землю. Наступило время поздравлений, но пленники не принимали участие во всеобщем ликовании. Несколько знатных инков и видных военных произнесли подобающие случаю речи, и только ближе к вечеру генеральный штаб в сопровождении двадцати солдат и стольких же техников загрузился, наконец, в свой собственный транспортер, интерьер которого показался Картеру до невозможности унылым: голые стены, и ничего кроме кресел и диванов, даже взгляду не за что зацепиться, кроме, конечно, самих генералов!

— Мы прибудем в верхние пределы базы,— сообщил Апу-Тупа,— чтобы немедленно занять предписанные каждому посты. Терять время мы не имеем права.

Запертые в транспортере, они не имели представления о том, что происходило снаружи, окон не было, вспышку они не увидели, но в определенный момент Картер почувствовал легкое головокружение, а когда двое техников поднялись и направились открывать единственную дверь, он понял, что они уже на Земле.

Дверь отъехала в сторону, двое вооруженных трубками

солдат встали по обе ее стороны внутри, а другие снаружи, и только после этого вышли из транспортера техники и генералы, сопровождаемые восемью пленниками — восемью потому, что Февик настоял на том, чтобы Мо был официально включен в группу в качестве полноправного члена.

Сразу по прибытии контисуйцы установили в пещере мощные переносные светильники, и Картер, оглядевшись, увидел, что пещера пребывает в том же состоянии, в каком они ее оставили. Передатчик материи все так же величественно возвышался в своем каменном алькове, груда золота, некогда чуть не задавившая Бланко Фернандеса, лежала нетронутой. Но Картер не ожидал, что в пещере не окажется ни одного из сотен солдат, отправленных накануне!

Охрана генерального штаба рассыпалась по туннелям и коридорам, а Картер с тоской подумал о том, что всего в полмиле отсюда находится выход на горный склон, и на этот раз руки и ноги его не связаны, а бегаёт он неплохо, и если ему удастся добраться до выхода, он сможет укрыться в кустарнике, не очень густом, но все-таки дающем возможность спрятаться на горных склонах Наска. Его шансы на успех удвоятся, если будет ночь. А какое время суток сейчас, там, на свободе?

Хорошо, он сбежит, но что потом? Что он скажет властям? Что в горах Наска есть пещеры, битком набитые вооруженными солдатами, и оружие их изготовлено по инопланетным технологиям? Что эти солдаты перешагнули через прорву световых лет с одной единственной целью — отыгаться на потомках тех, кто посмел обидеть их предков сотни лет назад? Его засмеют, если не упекут в дом сумасшедших!

Конечно, легче всего добраться автостопом до Лимы, а оттуда самолетом — домой. Вдруг агент подыскал для него подходящую работенку? А за развитием событий он сможет следить, сидя в кресле, по вечерним новостям. Но это для него означает прожить остаток своих дней, мучаясь тем, что он снял с себя всякую личную ответственность за то, что может произойти, начиная с этой минуты, на Земле.

А с другой стороны, подумал он весело, какое ему дело,

скажем, до французов с их лягушками! Вдобавок, Апу-Тупа не обделял пленников пристальным вниманием, и около полудюжины солдат безотлучно стояли у входа в туннель, который мог бы открыть путь к свободе, поэтому Картеру пришлось унять зуд в ногах.

Генеральный штаб был озадачен тем, что техники, которые должны были прибыть раньше, не успели еще установить в верхней пещере необходимое для работы штаба оборудование. Предварительно проделанные строгие расчеты позволяли генералам пребывать в уверенности, что в нижних пещерах все прошло благополучно, хотя не исключалась возможность того, что один или два из двенадцати огромных транспортеров не впишутся в предусмотренное для них пространство и окажутся погребенными в горной породе, но они были сконструированы с учетом подобного исхода перемещения и снабжены на этот случай необходимым горным землеройным оборудованием.

Вдруг к Апу-Тупа подбежал запыхавшийся солдат, на его лице были прописаны недоумение и ужас. Он что-то быстро говорил, а инка слушал, поглядывая в сторону пленников.

— О чем они говорят? — спросил Картер, поспешно нахлобучивая себе на голову наушники.

— Кажется, у них возникли некоторые проблемы! — ответил Игорь.

— Ну это я и сам вижу!

Апу-Тупа в сопровождении двух солдат направился прямо к ним.

— Вам придется пойти с нами!

Солдаты встали по обе стороны от пленников.

— Куда вы нас ведете? — осведомился Февик.

— В центральную пещеру, — Апу-Тупа говорил отрывисто, но довольно вежливо. — Генералы хотят вас видеть.

Их повели в один из боковых туннелей, который устремился в глубь земли. Он стал заметно расширяться по мере их продвижения. Впереди показался свет, и туннель вывел их в огромную, как арена древнего амфитеатра, пещеру, вырубленную в скале под равнинами Наска. Она была освещена установленными прожекторами.

Вдалеке возвышалось совершенно такое же яйцо, какое

они наблюдали в действии в самой Контисуйе. Двенадцать гигантских транспортеров безмятежно покоились на просторном полу пещеры.

Апу-Тупа и пленники подошли к одному из них. У грузовых дверей беспокойно прохаживались Пукауаман и его сподвижники, которые, несмотря на впечатляющие униформу и регалии, казались совершенно незначимыми рядом с огромной тушей транспортера.

— Мы стучали,— сказал главнокомандующий Апу-Тупе,— но не получили ответа,— он обвел рукой мощное каменными плитами пространство.— Сейчас здесь должно было бы уже быть множество людей, производящих сборку оборудования, а вместо этого, здесь тихо, как в могиле! Почему? Пусть они скажут!

Несмотря на угрозы обозленного неприятностью генерала, пленники не могли пролить свет на загадку, и, в конце концов, Апу-Тупе пришлось за них заступиться:

— Совершенно очевидно, что они, также как и мы, не имеют представления, что произошло. Их полное неведение прочитывается на их лицах и подтверждает их слова.

Пукауаман обратил свой гнев на транспортер:

— Почему же солдаты не выходят? Не может быть, чтобы у всех двенадцати транспортеров одновременно заклинило все двери! Может, они чересчур осторожничают? Но тогда они хотя бы ответили на наш сигнал!

Он направился к ни в чем неповинному транспортеру и с силой пнул его в гладкий керамический бок, как будто его ничтожная выходка могла разбудить ударные силы контисуйской армии. Как и прежде, ответа не последовало.

— Вскройте двери,— коротко приказал генерал техникам, и среди них возникло замешательство: подготовленные к решению сложнейших технических задач, они не знали, как подступить к простейшей.

После недолгого совещания было решено вскрыть небольшую дверь, расположенную в том месте, где должны были сидеть офицеры.

Один из техников побежал в верхние пещеры за необходимыми инструментами, и пока он отсутствовал Пукауаман продолжал пинать в бок чудо контисуйской технической мысли.

Когда техник вернулся с двумя пластиковыми коробками, его коллеги принялись рыться в их содержимом, пока один из них не извлек на свет нужный инструмент и не направился к транспортеру. Все замерли. Техник приблизился к двери и оставил на ней ясно видимый шов. Изнутри транспортера послышался шум, и техник, с опаской поглядывая на дверь, отступил. Раздался мягкий щелчок, дверь стала медленно отползать в сторону. Из образовавшейся щели вдруг с силой ударила струя теплой соленой воды, окатила незадачливого техника и сбила его с ног. Другим не удалось избежать той же участи.

Главнокомандующий, его штаб, солдаты и пленники в секунду стали мокрыми, поток не выбирал, и все они, отплевываясь, кинулись врассыпную. Крики и ругань на английском, испанском и кечуа перекрыли шум вырвавшейся наружу воды.

Картер протянул руку и схватил за поясной ремень готовую уже уплыть с течением Эшвуд. Он держал ее до тех пор, пока уровень воды не спал. Наводнение закончилось, вода растеклась по просторам пещер, и хотя объем воды в транспортере оказался значительным, только в самых низких местах центральной пещеры на полу остались лужи.

Вместе с водой транспортер выкинул из своей утробы множество живых существ, но не доблестных солдат контисуйской армии, а рыб, медуз и прочую морскую живность.

Пукауаман был до такой степени ошарашен, что не смог даже произнести пару приличествующих случаю проклятий. И он сам, и его генеральный штаб являли собой довольно жалкое зрелище и не могли своим мокрым видом внушать прежнее почтение ни своим солдатам, ни пленникам.

Картер наблюдал, как Бланко Фернандес помог своему брату подняться на ноги, а поодаль Брайтон Февик сначала сел, потом с трудом поднялся и с большим достоинством полного человека, вперевалку, отправился на поиски своего унесенного потоком кота.

Мо отнесло потоком к стене пещеры, и был он настолько мокр, что не соображал, с какой стороны начать себя вылизывать. В руках Февика он напоминал старую швабру без ручки.

Изумленные контисуйцы и пленники бродили по пещере, перескакивая через лужи, пытаясь хоть как-то выжать одежду и собраться с мыслями. Хорошо еще, думал Картер, здесь нет ветра, а то простуды было бы не миновать.

Мало-помалу контисуйский штаб собрался на совещание. Генералы были злы, техники смущены, а переминавшиеся с ноги на ногу солдаты напуганы. Что же случилось с их братьями?

Хотя это было лишено всякого смысла, Пукауаман приказал тщательно обыскать столь бесцеремонно обошедшийся с ними транспортер. Разумеется, никаких следов сотен солдат и техников обнаружено не было, ни тел, ни оружия, ни даже какого-нибудь завалящего башмака.

— Что же, черт возьми, произошло? — пробормотала Эшвуд. — Не подумайте, что у меня сердце разрывается от горя, но куда же они подевались?

— Они не знают, — Игорь внимательно прислушивался к разговору несостоявшихся завоевателей. — Мы-то ведь сами прибыли сюда безо всяких проблем!

— Но заметьте, посредством другого передатчика материи, — сказал Февик, поглаживая сердитый комок промокшей шерсти. — Вспомните, ни одним из них не пользовались сотни лет! Не удивительно, что за такой срок с передатчиком могло всякое случиться.

Когда вскрыли еще один транспортер, в нем, как и следовало ожидать, вместо рвущихся в бой контисуйских солдат, оказались вода и набор морских созданий, плавниковых и студенистых.

— Где мои солдаты? — с тоской в голосе спросил Пукауаман и вознес глаза к небу.

Небеса в ответ промолчали, и Пукауаман был вынужден повести жалкие и насквозь промокшие остатки своих ударных сил в верхние пещеры. Как ни смешон был вид пребывавшего в гневе, вымокшего до нитки генерала, Картеру все же удалось сдержаться и не разразиться смехом.

Когда они покидали огромную пещеру, в воздухе уже начало распространяться зловоние разлагавшихся морских организмов.

— Что же, все-таки, случилось с вашими людьми? — спросил Картер Апу-Тупу.

Инка выудил из кармана своего одеяния нашедшую там последнее прибежище мелкую рыбешку и с отвращением отбросил ее в сторону.

— Техники представления не имеют, как все это случилось, но говорят, что во время транспортировки наши войска могли поменяться местами с объемами морской воды. Несомненно, мы избежали подобной участи только благодаря тому, что перемещались посредством другого интирана.

Подошел контисуйец средних лет, которого Апу-Тупа представил как главного технического руководителя экспедиции.

— Кто-нибудь из вас может пролить свет на эту ужасную трагедию?

— Боюсь, нет,— откликнулась Эшвуд.— Похоже на то, что Европы вам не видать!

Главный техник нахмурился:

— Нельзя об этом говорить с такой уверенностью! Мы все же имеем доступ к таким ресурсам, какие вам и не снились! Ядро моей технической команды находится здесь, со мной, и способно решать военные задачи, несмотря на то, что сейчас мои коллеги, конечно, удручены случившимся. Все же, еще рано говорить о поражении.

— О поражении в войне, которая закончилась, не успев начаться! Может быть, у вас еще есть шанс поправить положение,— они вошли в одну из верхних пещер,— но я с самого начала не верила, что вы сможете захватить Европу силами нескольких тысяч солдат, а теперь, черт возьми, вы пытаетесь убедить меня, что сможете это сделать с полусотней!

Пукауаман оплакивал судьбу своих пропавших солдат:

— Потерянные жизни, потерянные судьбы! Где вы, безвременно ушедшие от нас?

— Мы же не знаем наверняка, живы они или мертвы, мой генерал,— попытался остановить его причитания главный техник.

Пукауаман посмотрел на него с недоумением:

— Что имеется в виду?

— Мы знаем только, что их место на борту транспорта было замещено водой с морскими тварями, но сами они

могут быть живы и находиться где-нибудь в этом мире или на Контисуйе.

— Вполне возможно! — обрадовался генерал. — Мы не можем с полной уверенностью утверждать, что они погибли! — от этой мысли генерал преисполнился надежды и воспрял духом. — Но в любом случае, мы всегда будем помнить их готовность принести себя в жертву ради отмщения вероломным виракочам!

— А прежде случались подобные сбои в работе интиранов? — полюбопытствовал Картер.

Главный техник смутился:

— Честно говоря, не в первый раз машина, построенная Теми-Которые-Были-До-Нас дает сбой. Но в техническом отношении они ушли так далеко вперед, что уровень их технологий так и остался для нас недостижимым. Наши предки, однако, были очень напуганы, когда обнаружили, что некоторые из устройств, оставленных нам Теми-Которые-Были-До-Нас, далеки от совершенства. При включении они иногда разваливались на части или просто взлетали в воздух. В результате те из моих предшественников, которые остались при этом живы, приобрели не только знания, но и определенную меру осторожности в обращении с этими устройствами.

— Жизнь техника-эксплуатационщика, оказывается, может быть коротка, — заметил Картер.

— Пожалуй, это объясняет причину, по которой Те-Которые-Были-До-Вас больше не возвращались в ваш мир, да и в наш тоже, — предположил Февик.

Главный техник задумчиво кивал головой:

— Конечно, их творческие возможности оставались для нас непревзойденными, но некоторые из их механизмов оказались, безусловно, далеки от совершенства. И не только интираны. Мне вспоминается обучающая машина, которая, как мы думали сначала, была создана специально для того, чтобы познакомить нас с передовыми технологиями. Но что она сотворила со своими первыми четырьмя учениками! Она убедила их в том, что они маленькие бескрылые птички!

— Какой ужас! — возмутилась Эшвуд. — А вам удалось их в этом разуверить?

— Нет, но трагедии удалось избежать: они создали музыкальный квартет свистунов, и записи их концертов до сих пор пользуются популярностью в нашем народе. Печально, но им возбранялось выступать перед публикой, потому что они имели дурную привычку клевать зрителей, выпрашивая пищу. Другой механизм, который мне вспомнился, был создан Теми-Которые-Были-До-Нас для переработки сырой древесины в деревянные изделия. Но трое техников, впервые попытавшиеся его использовать, погибли, прежде чем их коллеги успели выключить этот механизм. Развитие нашей цивилизации, как видите, проходило далеко не гладко.

— А почему вы не плюнули на все это? — поинтересовался Картер. — Почему вы вернулись домой, на Землю, и не забыли о том, что случилось с вашими предками сотни лет назад?

Главный техник приосанился:

— Нет! Никогда! Ни за что! Инки будут бороться, пока будет жив хотя бы один человек, способный отстоять честь нашего народа. Мы разработаем новый план боевых действий. Мы должны отомстить! Это наша судьба!

Главный техник повернулся в ту сторону, откуда слышались шаги. Подходил покинувший было пленников Апу-Тупа, и, судя по выражению его лица, к нему успела уже вернуться его прежняя самоуверенность.

— Решено отправить завтра нескольких техников назад на Контисуйю. Для этой цели мы используем исправный малый интиран. Правительство Контисуйи, узнав, что произошло с нашими людьми, должно будет вынести вопрос о наших дальнейших действиях на обсуждение главного ученого совета, который, я уверен, одобрит наши предложения, и новые ударные силы пройдут краткую подготовку и будут переброшены сюда посредством исправного интирана. Мы же, прибывшие, останемся здесь, на командном пункте.

Главный техник с воодушевлением воспринял слова Апу-Тупы.

— Вот видите, — обратился он к пленникам, — вы недооцениваете наши возможности и решимость.

Окрыленный, он отправился к своим людям, занятым

распаковкой и сборкой доставленного малым интираном оборудования, чтобы порадовать их новостью.

Предводимые Манко Фернандесом Пукауаман и его генеральный штаб совершили пешую прогулку к выходу на равнину Наска, чтобы взглянуть на мир, сотни лет назад оставленный их предками. Возвратившись, они оказались преисполненными еще большей решимостью отомстить потомкам тех, кто когда-то изгнал их с этих земель.

Из соображений экономии энергии в пещере горел только один светильник, остальные были отключены. Однако, бежать и думать было нечего, хотя Картер уже представил себе, как он проскальзывает мимо охраны и ощупью пробирается вдоль стены.

К несчастью, из-за большого количества боковых туннелей осуществить его намерение не представлялось возможным. Он вспомнил свое стародавнее посещение вполне благоустроенных для туристов пещер Техаса и то, как ему трудно было ориентироваться в кромешной тьме. Более того, место для ночного отдыха горе-захватчики им отвели между тыльной стеной пещеры и спящими солдатами. Даже если Картер сможет угадать верное направление движения, вряд ли он уйдет далеко, не наступив при этом на одного из солдат контисуйской армии.

Постепенно и пленники, и контисуйцы стали засыпать, чему способствовали тишина пещер и крайнее утомление от пережитых волнений дня.

Картер не узнал склонившегося над ним человека, потому что единственный светильник далеко от него отстоял.

— Тс-с! — это был Игорь. — Мне показалось, я слышал странный звук.

— И что? — спросил Картер совершенно сонным голосом.

— Пошли! — без дальнейших объяснений Игорь схватил его за руку и поволок за собой.

Но пройдя несколько шагов, Картер споткнулся обо что-то мягкое и сварливое, как Эшвуд.

— О боже! Если вам вдруг приперло помочиться, идите к светильнику, разве не для того они там его установили?

— Игорь слышал какой-то странный звук,— проинформировал Картер Эшвуд.

— Каждому, кто удосужился провести в джунглях столько времени, сколько провел он, должны мерещиться странные звуки.

— Я того же мнения, но он настаивает!

— Черт вас подери! — разругалась Эшвуд.— Ну раз уж вы меня разбудили...

Она откинула тонкое одеяло, выданное им контисуйцами, и последовала за мужчинами.

— Я ничего не вижу! — шептал Игорю Картер.— Куда ты нас ведешь?

— Увидишь! — так же шепотом отвечал Игорь.— Осторожно! Ощупывайте камни, чтобы не наткнуться!

— Камни? — Картер ощутил под рукой гладкую поверхность.

— Это интигуатана! Ступайте осторожней! Здесь должны быть ступеньки!

— Зачем мы сюда пришли? — недоумевал Картер.

— Именно отсюда донесся до меня звук, который должен и тебя, друг, заинтересовать!

— Я не так молода, чтобы прогуливаться тут с вами в кромешной темноте! — заворчала Эшвуд.— Я возвращаюсь назад к своему одеялу!

Картер почувствовал, как ее рука отпустила его ремень. В тишине пещеры вдруг отчетливо прозвучало жалобное «мяу».

— Черт меня подери! — удивился Картер.— Этого не может быть!

— Я подумал, тебе захочется самому разобраться, в чем тут дело,— сказал Игорь.— Мне кажется, это твой зверь, ведь кот мистера Февика спит с хозяином.

Раздалось снова «мяу».

Эшвуд опять вцепилась в ремень Картера:

— Как же вы определите в темноте, что это за кот?

— По запаху! — ответил Игорь.— Я разбираюсь в запахах животных. Это мои профессиональные обязанности. А Мача путешествовала с нами от самого Куско.

Ощупью, натываясь на углы, Картер пробрался внутрь интигуатаны, где стоял передатчик материи.

— Как она могла сюда попасть?

— В Паитити кот Февика впервые заставил работать интиран,— напомнила Эшвуд.— Вдруг в запахе, распространяемом котом, есть нечто такое, что приводит интиран в действие? А может, его приводит в действие кошачий вес? Или тепло? А может, расположение подушечек на лапах?

— Если это твоя подружка, Картер, она могла найти передатчик материи по запаху, что ты оставил в пещере. Наверное, она решила отдохнуть на верхушке яйца, в жару коты всегда ищут прохладные места, а я помню, что материал, из которого сделано яйцо, на ощупь прохладен,— сказал Игорь.— Как бы то ни было, прибыла сюда, в Наска, она из Паитити перед нашим прибытием, и, наверное, ее напугало неожиданное появление в пещере сразу нескольких десятков человек. Не удивительно, что она даже не попыталась найти тебя среди стольких разнообразных запахов. К тому же, тебе, как и всем нам, довелось искупаться в морской воде, что уменьшило запах.

Картер протянул руку и наткнулся на что-то гладкое и твердое. Интиран.

— Мача,— позвал он тихим голосом.

Ответное мяу прозвучало уже гораздо громче.

— Это же на самом деле она! А я думал, она болтается сейчас на развалинах Паитити.

— Я полагаю,— продолжал выстраивать гипотезу Игорь,— она ждала в Паитити твоего возвращения, питаясь мелкой живностью, которой в джунглях полным полно, а в пещере она нашла прохладу. Будь я котом, я бы непременно укрылся бы в пещере от зноя. Но запрыгнув на яйцо, она привела его в действие и оказалась здесь, в Наска,— он сделал паузу, давая возможность Картеру и Эшвуд глубже проникнуть в ход его рассуждений.— Кот мистера Февика умудрился включить передатчик материи дважды. Чем он лучше твоей кошки, Картер?

— Эх, сейчас бы в Паитити! — с шумом задышала Эшвуд.— Вот было б здорово!

— Ну а Февик и другие? — спросил Картер.

— А что Февик, тем более другие? — разозлилась Эшвуд.— Ты им доверяешь?

Картер не знал, что и сказать:

— Ну, вообще-то, не очень.

— Тогда плюнь на них! Поговори-ка лучше со своей кошкой, чтобы она повоздействовала б на яйцо!

Пошарив в темноте, Картер наткнулся на нечто мягкое, пушистое и теплое. Мача произнесла еще одно «мяу», и он принялся нежно чесать ее за ушами и гладить по шерстке на спине. Мача мурлыкала.

— Она на яйце,— тихо сообщил Картер.— Я ее глажу.

— Ну об этом нетрудно догадаться по ее урчанию,— зашептала Эшвуд.— Продолжай! Продолжай! Ну же, кошечка! Давай, Мача!

Они даже не ожидали, что это случится так скоро. Яйцо загудело и ожило. В темноте разноцветные переливы, выплывавшие на его поверхность из таинственных глубин, казались еще более яркими, чем при свете.

— Оно работает! — хрипло произнесла Эшвуд и повторила еще раз: — Работает!

В пещере начали раздаваться сонные голоса, сменившиеся вскоре громкими криками и воплями. Зажглись светильники, выхватив из темноты мечущихся контисуйцев.

— Быстрее! — завопила Эшвуд, отбросив излишнюю уже осторожность.

Картер оглянулся и увидел несколько бегущих к ним солдат. Один из них встал на одно колено и прицелился. Из его двухфутовой серебряной трубки блеснул огонь.

— Вы понимаете,— торопливо проговорил Игорь,— с равной вероятностью мы можем оказаться снова в Контисуйе, а не в Паитити... а может, вообще, черт знает где!

Но возможности что-либо изменить у них уже не было. Гул усилился до такой степени, что начал отдаваться у Картера в костях. Его слегка затошнило. Последнее, что он слышал, были слова Эшвуд:

— Всю свою жизнь я томилась желанием путешествовать и видеть новые миры! Куда теперь занесет?

Затем белая вспышка лишила его возможности ориентироваться в пространстве и во времени.

Он стоял покачиваясь. Мачи не было. Определить, где они находятся, было невозможно, потому что опять их окутывала тьма. Его глаза слезились, и он принялся тереть их кулаком.

— Что случилось? Почему они выключили все светильники? — он был готов к тому, что в любой момент из трубки охранника блеснет голубая вспышка, и он упадет, раскинув руки на древние каменные плиты.

Что-то с силой ударилось ему в грудь, он вскрикнул, но это что-то, вцепившись в него, пыталось пристроиться у него на руках и мурлыкало. Чья-то рука коснулась его локтя.

— Все в порядке? — он узнал голос Игоря.

— А не захотят ли они последовать за нами? — это был голос старушки Эшвуд.

— Они не знают, куда мы переместились! Впрочем, как и мы сами. Возможно, они сочтут нас мертвыми и не станут преследовать. Нас ведь только трое.

Игорь попытался в темноте сделать несколько шагов.

— Нам нужно воспользоваться каждой минутой свободы, пока они не решили, что же именно им следует предпринять.

— Звучит разумно, — Картер тоже сделал шаг, споткнулся и рухнул на землю, Мача с воплем выпрыгнула у него из рук.

— Что случилось? С тобой все в порядке, красавчик? — проявила участие Эшвуд.

— Лучше и быть не может! — он пошарил по земле и нащупал предмет, повергнувший его на землю. — Это рюкзак! Похоже, мой.

Картер ощупал его: застешки, ремни, все на месте. Он принялся рыться в его содержимом. Такие знакомые и родные вещи возникали под его пальцами: банки с фруктовым соком, коробка водостойких спичек, маленький, 35-миллиметровый фотоаппарат... Он сдвинул все это в сторону. Его пальцы, наконец, сомкнулись вокруг твердой пластмассовой трубы.

Яркий луч небольшого, но мощного фонарика распорол

опостылевшую темноту, наткнулся на Эшвуд, на Игоря и запрыгал по стенам пещеры. Стены этой пещеры были — рядом, потолок — низко.

— Мы уже не в Наска! — сказал Игорь и, пока Картер светил ему фонариком, отыскал свой собственный рюкзак.

— Мы возвратились в Паитити, — сообщил он, хотя его спутники уже независимо друг от друга и от него успели прийти к этому заключению.

— Мы спустимся по реке до Пуэрто-Мальдонадо, пойдем на местный рынок, там я найду самую большую рыбу и куплю ее для твоей кошки, — пообещала Эшвуд и вдруг забеспокоилась: — А вы ничего не слышите, ребята?

Знакомый, но теперь не желанный, а зловещий гул донесся от яйца.

— Черт побери! — Картер направил луч фонаря себе под ноги. На покрытую надписями и узорами поверхность яйца уже выплывали переливы.

— Они преследуют нас!

— Сделайте же что-нибудь! — заорала Эшвуд.

— Ты что, знаешь, как отключить интиран? Тогда тебе и карты в руки! — Картер разозлился от собственной беспомощности.

Они стояли, не в силах что либо предпринять.

— Где твоя кошка? — крикнула Эшвуд.

Картер огляделся. Мачи нигде не было.

— Наверное, она выбежала из пещеры!

В любое мгновение закручивавшиеся спиралями разноцветные завитки могли заполнить собой всю поверхность яйца, затем последовала бы вспышка, и они оказались бы лицом к лицу с дюжиной вооруженных и разозленных контисуйских солдат, и другого шанса для побега у них уже никогда бы не было.

— Свалите его, разбейте! — вопила Эшвуд.

Она подняла большой камень, приблизилась к интирану и бросила в него свой снаряд. Камень отскочил от поверхности яйца, не оставив даже царапины. «Может, взять камень побольше?» — подумал Картер. Около их рюкзаков лежало несколько увесистых булыжников, к ним и ринулся Картер.

Но Мача, как оказалось, и не думала покидать пещеру.

Напротив, она была от него столь близко, что Картер наступил ей на хвост. Издав душераздирающий вопль, она отпрыгнула так далеко, как только позволяли ей ее кошачьи силы, и благополучно приземлилась на верхушку злополучного яйца. Ощетинившись, Мача царапнула когтями яйцо по его гладкой поверхности, последовала вспышка ярчайшего света, за ней истошный вопль, и последнее, что увидел Картер, был комок шерсти, пушечным ядром просвистевший у него над головой.

Он не потерял сознания. Едкий запах коснулся его ноздрей, когда взрывная волна кинула его на пол. Он перекатился на бок и направил луч фонарика на то место, где должен был находиться передатчик материи. От вывороченных наружу внутренностей интирана к потолку поднимался белый дымок. То, что мгновение назад было сложнейшим механизмом, превратилось в серебристого цвета оплавившуюся массу с темными вкраплениями шлаков.

При взрыве Игоря с силой ударило об пол, и теперь он сидел, держась за голову, и пытался остановить кровь. Картер знал, что головные раны всегда сильно кровоточат, об этом в киногруппе не раз ему говорили мастера по спецэффектам.

— Ничего серьезного, — сказал Игорь, — царапина!

Эшвуд извлекла из своего рюкзака еще один фонарик и теперь забавлялась, играя лучом, с останками передатчика.

— Эта штукавина теперь долго не сможет перемещать с места на место ни котов, ни людей! Пожалуй, мы в безопасности!

— Я наступил Маче на хвост, — рассказывал, как было дело, Картер, — она отпрыгнула, попала на яйцо, царапнула его когтями, может, замкнула, может, разомкнула какую электрическую цепь, и результат вы видели!

Он помогал Игорю перевязать рану оторванной от рубашки полоской ткани.

— А с тобой все в порядке? — поинтересовался он у Эшвуд.

Эшвуд кивнула:

— Я же была дальше вас от этого чертова яйца, когда оно взлетело.

Только сейчас Картер с удивлением осознал, что взрыв был совершенно беззвучным. Он подумал, что, пожалуй, этот факт вступает в противоречие с законами природы.

Мачу они нашли живой и здоровой, не принимая во внимания того обстоятельства, что шерсть на ней еще дымилась. Кошка откликнулась Картеру слабым «мяу». Она не сопротивлялась, когда он поднял ее на руки и нежно прижал к себе. Она быстро пришла в себя и вскоре даже решила привести себя в порядок, воспользовавшись для этого, как и всякая другая кошка, собственным языком.

— Наши рюкзаки, к счастью, на месте, и, кроме того, в нашем распоряжении рюкзаки Февика, Да Римини и братьев Фернандес,— Игорь опустился на колени и принялся рыться пока что в своем собственном рюкзаке.— У нас хватит продовольствия, чтобы возвратиться в Пинипини, и, если окажется, нас никто не ждет, построив плот, можно будет спуститься по течению Альто Мадре де Диос до Шинтуйи.

— Что дальше? — принялся вслух размышлять Картер.— Мы знаем, что против Земли готовится агрессия. В наш мир уже вторглись враждебные ему силы, и хотя на этот раз их план захвата сорвался, это не остановило Пукауамана и его генералов. Кто знает, какие еще сюрпризы они могут нам преподнести!

— Когда мы доберемся до Куско, мы доложим обо всем властям,— ответил ему Игорь.

— Все верно,— насмешливо заметила Эшвуд,— они нам тут же поверят, а дальше уж не наше дело!

— Я не настолько глуп, чтобы думать, что они станут нас слушать, если мы откроем им правду. Но мы скажем, что мы обнаружили в Наска пещеры, представляющие собой археологический интерес, и посетуем, что их сокровища в настоящий момент грабят вооруженные банды иностранцев,— предложил Игорь.— Это сообщение будет иметь более скорые последствия, я уверен.

Они переложили все, что им было нужно, из покинутых хозяевами рюкзаков в свои и вышли, наконец, из пещеры.

Их встретило солнце и дышавшие сыростью джунгли. Все вокруг показалось им до боли знакомым: монолитность залитой солнцем зелени, заросшие мхом каменные плиты

под ногами, молчаливо взиравшие на них так и не расшифрованные петроглифы, древняя стена Паитити... Ничего не изменилось.

Картер вспомнил, что местные индейцы обходят такие места, как Паитити, стороной, и недавние события показали, что их передаваемые из поколения в поколения страхи имеют под собой более, чем серьезное, основание.

— Не пора ли нам отправляться? — Эшвуд не терпелось пуститься в путь. — Прохладней нам не станет оттого, что мы будем торчать здесь на солнце. Чем быстрее мы возвратимся в цивилизованный мир, тем быстрее мы позаботимся, чтобы наши контисуйские друзья не натворили бед.

И она во главе маленькой группы направилась в сторону реки.

Они прошли уже хороших десять ярдов, когда, подняв в воздух море грязи, с небес с шумом шлепнулось в четверти мили от них что-то огромное. Грязь, листья, сучья и расчлененные насекомые, в конце концов, опустились на землю, и путешественники осмелились подняться с земли. Из-под огромного израненного листа пандана настороженно выглядывала Мача.

— Может быть, — заметила Эшвуд, ее трясло, — контисуйцы, действительно, обладают более значительными возможностями, чем мы предполагали, раз они сумели так быстро и так решительно отреагировать на наш побег! Я поднимаю руки и сдаюсь! Нам все равно далеко не уйти!

Они приблизились к краю оврага. Внизу вода устремившегося по новому руслу потока тихо обмывала бок огромного пушистого облака белого цвета. Оно лежало среди поваленных деревьев и выглядело так, будто только что было снято с неба и аккуратно положено среди джунглей.

Пока они таращились на диковинное облако, его очертания начали меняться. Картер заморгал, то, что он видел, не было обманом зрения, это, видимо, само облако, решило подшутить над ним.

Облако, размывая контуры, облекалось в новые формы, пока в конце концов не оказалось, что они смотрят на зеленый холм, покрытый густой растительностью из не-

больших деревьев, кустов и папоротников. На вершине холма появилась пальма и принялась вращать верхушкой, как бы знакомясь с окружением.

Шли минуты, но больше ничего не происходило. Затем на склоне холма появилось отверстие, приоткрывшее зияющее темнотой нутро холма. Из отверстия показалось нечто, отдаленно напоминавшее большую пятнистую, бежевого цвета, морковь. Опорой моркови служил утолщенный конец, а вместо рук в верхней части своего туловища существо располагало тонкими, похожими на корни деревьев, щупальцами. Передвигалось оно с помощью плотной подушки шестидюймовых ресничек, расположенных у основания моркови. По телу существа в беспорядке были разбросаны блестящие диски размером от четверти до целого серебряного доллара, и если они служили существу глазами, то эти глаза не имели зрачков. Несколько бугристых зеленых полос пересекали морщинистое тело подобно патронташам.

Когда существо вылезло из отверстия, сзади него появилось еще одно такое же, но побольше и с большим количеством щупалец, и принялось подталкивать первое, пока то не перевалилось через край и не шлепнулось в грязь. Картер не мог быть уверен, но заподозрил, что к подобному способу высадки, очевидно, существа прибегают вследствие чрезвычайных обстоятельств.

За вторым существом показалось третье и принялось в свою очередь подталкивать второе к краю отверстия. Но на этот раз второе существо, свесившись было через край, не последовало за своим неудачливым предшественником, а развернулось, будто на шарнире, и вступило в пререкания с напивавшим на него собратом, и звуки его речи были таковы, что Картер зажмурился и заткнул уши. Ощущение было такое, будто тропический шмель не придумал ничего лучшего, как затеять строительство улья у него в голове. Но ощущение было скорее неприятным, чем болезненным. Бросив взгляд на своих спутников, Картер убедился, что те испытывают то же самое.

— Я не знаю, что это за ребята,— сквозь стиснутые зубы заметил Игорь,— но на контисуйцев они не похожи!

— По-моему, я уже их где-то видела! — сказала Эшвуд.

Картер с удивлением посмотрел на нее:

— Правда? Где же?

— В прошлом году, в Колорадо, в довольно приличном ресторанчике, в домашнем салате.

— И каковы же они на вкус? — обиженно огрызнулся Картер и вновь обратился взглядом к фантастической сцене. — Мне лично они напоминают некоторые петроглифы Пушаро и Паитити. Но кто они и откуда взялись?

— Этот космический корабль способен мимикрировать в окружающей его среде, — заключил Игорь. — Поскольку для перемещения в пространстве они используют корабль, пусть и мимикрирующий, а не интиран, думаю, они не знакомы с контисуйцами.

Тем временем конусообразное существо, вдоволь вывалявшись в грязи в безуспешных попытках встать, сумело, наконец, подняться и принялось щупальцами счищать грязь со своих боков. Ростом оно было около шести дюймов. Картер попытался определить на глаз его вес, что было невозможно: он не имел представления, сколько может весить подобная морковь.

Одно из застрявших в отверстии существ вдруг указало двумя из щупальцев в их сторону. Неприятное жужжание в голове Картера сменилось треском, будто шмель уже построил улей и теперь, неудовлетворенный своей работой, принялся неистово его ломать. Чтобы избавиться от этой невообразимой какофонии, он готов уже был биться головой о ближайшее дерево, как вдруг трескотня стихла, и он совершенно отчетливо услышал:

— Привет, ребята!

Картер снова растерянно заморгал, но собрался, вытянулся и сделал попытку поприветствовать морковок, помахав им рукой.

— Вам тоже привет, кто бы вы ни были!

— Я бы сказала, чем бы вы ни были, — шепотом добавила Эшвуд.

— Для нас самое важное, что вы не контисуйцы, — сообщил морковкам Игорь, он схватился за ветку ближайшего дерева и, чтобы лучше видеть, свесился в овраг. — Что вы здесь делаете?

— А что здесь делаете вы?

Картер был абсолютно уверен, что переговоры вело существо, застрявшее в отверстии, но до сих пор он не заметил у него ничего похожего на рот.

— Вы также не похожи на контисуйцев! — раздалось у Картера в голове.

— А мы и не контисуйцы! — ответил Игорь. — Мы жители Земли, люди. А что вам известно о контисуйцах?

— Мы знаем о них достаточно, но они не знают о нас почти ничего, и будет жаль, если им придется познакомиться с нами поближе. Они называют нас Теми-Которые-Были-До-Них.

Картер присвистнул:

— Вы хотите сказать, что это именно вы построили передатчики материи и обучающие машины?

Существо, стоявшее в отверстии вторым, произвело щупальцами серию каких-то жестов и ответило:

— Да, это мы построили эти машины.

— Именно так, — отозвалось то, которое все еще продолжало приводить себя в порядок после неудачной высадки.

Из отверстия вдруг выполз трап и опустился свободным концом на землю. Двое существ из отверстия сошли вниз и присоединились к третьему. А по склону оврага неуверенно спустились три человека, чтобы поприветствовать поближе гостей Земли. Мача отрешенно наблюдала за встречами двух цивилизаций.

— Я, конечно, извиняюсь, — сказала Эшвуд, проведя беглый осмотр существ, — но вы мало ходите на представителей суперрасы!

— А мы и не претендуем на то, чтобы быть супер-чембы-то-ни-было, — ответил самый миниатюрный из гостей, которого Эшвуд тут же окрестила Коротышкой. Другим она также успела подобрать имена. Высокий пришелец проходил у нее под именем Длинный, а третьего, отличавшегося выдающимися складками в том месте, где положено у людей быть животу, она прозвала Толстяком. С их стороны по этому поводу не поступило возражений.

Проявив неожиданную гибкость, Коротышка повернулся к своим спутникам:

— Вы слышали, она считает, что мы представители суперрасы!

Их смех отозвался в голове Картера звуком, похожим на дребезжание посуды.

— Что за чепуха! — Толстяк казался самым серьезным из троих. — Просто мы умнее!

— Тогда зачем вы улетели и оставили на Контисуйе все эти машины? — спросила Эшвуд.

— Мы любим обустраиваться в новых мирах, и потому мы в вечном поиске и постоянно основываем все новые и новые поселения, каждый раз создавая все заново и по-другому, и потому нам не грозят застойные времена.

— Но мы любим время от времени наведываться в наши старые поселения, — добавил Длинный, — и когда мы как-то раз заглянули на Контисуйю, то обнаружили, что наш бывший дом занят новыми владельцами. Очевидно, они наткнулись на оставленные нами старые машины и стали их активно использовать. Наша техника до того им понравилась, что мы решили не вмешиваться и дать им возможность делать, что им вздумается. Нам было любопытно узнать, что из этого выйдет. Мы позволили им развиваться по своему собственному пути, но несколько месяцев назад наше агенство, осуществляющее контроль за всеми зарегистрированными передатчиками материи, сообщило, что в этой части Вселенной некоторые из них неожиданно зафункционировали, и было решено послать сюда нас, контрольную команду, чтобы выяснить, в чем тут дело.

— Но почему это вас занимает? — спросила Эшвуд.

Длинный наклонился к ней:

— Никакая элементарная технология не несет угрозы нашему существованию, но передатчики материи — другое дело.

— К несчастью, — вступил в разговор Коротышка, — некоторые вспомогательные навигационные системы, которые мы здесь оставили, вышли из строя за прошедшие столетия. Мы ведь не собирались сюда возвращаться. К тому же, чтобы наше прибытие на Землю не было замечено, мы решили совершить сверхскоростную посадку, но она прошла не совсем гладко, в результате чего, боюсь, наш корабль получил серьезное повреждение.

— Это твоя вина, — сказал Длинный.

— Моя? А кто был у пульта управления во время посадки, ты или я?

— Не пытайся взвалить вину на меня! — щупальца Длинного возмущенно задергались. — Кто не справился с расшифровкой визуальной информации в конечной последовательности координат, когда мы шли на посадку? Засмотрелся на рисунки?

— Вы говорите о равнине в Наска? — удивился Картер. — Не имеете же вы в виду, что в Наска ваша взлетно-посадочная полоса?

Все три пришельца повернулись в его сторону:

— Как раз имеем!

— Рисунки на равнине! — вступил в разговор Игорь. — Те, которые можно увидеть только с высоты птичьего полета! Они и есть ваши вспомогательные навигационные системы?

— Чтоб мне провалиться на этом месте, конечно же, нет! — рассмеялся Толстяк. — Эти линии создали люди, которые жили в тех краях, когда мы только устанавливали наши посадочные знаки. Они создали их для удовольствия пришельцев, то есть нас, и, признаться, нам нравятся эти рисунки, хотя они, безусловно, несколько примитивны, вы не находите?

— Очевидно, мы беседуем с вами посредством телепатии, — заговорила Эшвуд. — Но позвольте заметить, что ваш английский звучит для нас странно, порой даже смешно.

— Так же, как и ваш для нас, — ответил Коротышка. — В последний раз мы оставили наш родной мир, который мы называем Буж, и посетили ваш более ста лет назад. Тогда мы и выучили ваш язык. Но язык имеет обыкновение со временем меняться, впрочем, как и все во вселенной.

— Во время редких посещений миров, в которых мы когда-то обитали, — сказал Толстяк, — мы всегда ищем возможность поговорить с кем-нибудь из выдающихся представителей развивающейся расы. Последний такой представитель человечества, с которым мы имели удовольствие общаться, был математик редчайших способностей и предвидения. Вчетвером мы провели не один приятный час, обсуждая вопросы мирового бытия.

— Эйнштейн? — выпалила взволнованно Эшвуд.

Толстяк поднял верхнее щупальце:

— Извините, не знаком! Того джентльмена звали Чарльз Доджсон, он был учителем, а в свободное время увлекался фотографией, хотя мы убеждали его, что у фотографии не больше перспектив, чем у рисунков простым карандашом. Не раз он говорил о том, что хотел бы перевести наши понятия на доступный людям язык, написав книгу, и если он это сделал, то с его стороны это, безусловно, стало большим достижением, но боюсь, что наша терминология так и осталась и для него самого недоступной также как наша математика.

— Льюис Кэррол! — воскликнул Игорь. — Вы упомянули, что ваш родной мир называется Буж. А вы, случайно, не называете себя бужумами?

— Да, если слово передавать фонетическими возможностями вашего языка, звучит примерно так.

Игорь улыбнулся, воспоминаниями устремясь в детство.

— Может быть, — продолжил он, — вам интересно будет узнать, что ваш знакомый мистер Доджсон все-таки предпринял попытку перевести ваши понятия на наш язык, и, по-моему, она ему удалась.

— Послушайте, — прервал его Картер, — это все, конечно, очень интересно, но у нас тут возникла одна проблема, требующая срочного разрешения. Контисуйцы сотни лет вынашивали планы мести потомкам тех, кто заставил их покинуть Землю, и сейчас они вернулись, воспользовавшись вашей техникой, для того, чтобы осуществить свои планы мести.

— Вы, люди, — сказал Толстяк с презрением в голосе, — никогда не создадите настоящую цивилизацию, хотя, конечно, решаем это не мы, а вы сами. Наша задача — пресечь возможные злоупотребления нашими технологиями, которые могут неприятно отозваться на мирах, в которых мы обитаем. Но что здесь у вас на Земле происходит?

Игорь и Картер, время от времени прерываемые короткими замечаниями Эшвуд, просветили бужумов насчет известных им намерений контисуйцев.

— Мы создали систему передатчиков материи, — возмущился Коротышка, когда они закончили, — чтобы облег-

чить контакты с другими мирами, а не для того чтобы варвары использовали ее в локальных конфликтах! Мы не можем допустить использование нашей техники для агрессии!

— Именно так! — согласился Картер. — Это создало бы дурной прецедент!

— Вы поможете нам остановить контисуйцев? — обрадовалась Эшвуд.

— Контисуйцы зашли слишком далеко! — проговорил Длинный. — Но меня волнует вопрос, как же случилось, что старый грузовой передатчик материи сыграл с нами подобную шутку?

— Ты уверен, что ты был единственным, кто обеспечивал его программное управление? — хитро спросил Коротышка.

— Никогда ни в чем нельзя быть уверенным! — ответил Длинный.

— Да, — заговорил Толстяк несколько виноватым тоном, — система передатчиков материи, как и наша навигационная система, требует серьезных доработок.

Картер вспомнил все свои неприятные ощущения, что случались с ним во время путешествий посредством интиранов, и не мог про себя не согласиться с Толстяком.

— Время от времени, — продолжал Толстяк, — кто-нибудь исчезает и обнаруживается в конце концов в каком-нибудь другом случайном месте вселенной целым и невредимым, но чрезвычайно злым на техническое обеспечение. Боюсь, мы часто спешим с практикой, не подкрепив ее теорией. Вот и передатчик, что находится здесь, в джунглях, тоже внезапно, мы зарегистрировали, перестал действовать.

— Боюсь, в том наша вина, — смутился Картер. — Моя кошка прыгнула на него, и он взорвался.

— Вообще-то, эту часть сети передатчиков материи мы уже давно отключили, а в том, что она опять заработала, виновата, наверное, бюрократическая неразбериха, царящая на Центральном Контрольном Пункте. Но поскольку вы удачно вывели из строя один из передатчиков материи, вы только тем самым облегчили нашу задачу. Теперь нам остается убедиться, что два других передатчика в Наска,

будучи составляющими единой системы, тоже вышли из строя.

— Значит, контисуйцы оказались в западне и не смогут вернуться домой? Они, должно быть, в отчаянии! Если так, не могли бы вы помочь нам позаботиться о них? — спросила Эшвуд.

— Вы считаете, они представляют угрозу человечеству, несмотря на то, что исчезли их основные силы? — Толстяк задумался. — Наверное, вы правы, существует множество других способов отыгаться. Их следующим шагом, я думаю, может стать использование обучающей машины.

Картер нахмурился:

— Я не совсем понимаю, какой вред можно нанести человечеству обучающей машиной?

— Эта машина может вводить информацию непосредственно в мозг человека. Очень полезное качество, особенно когда имеешь дело с ленивыми учениками! — Толстяк сделал паузу. — Но информацию можно ввести любую, в том числе и злонамеренную!

— Вы имеете в виду, что таким образом можно воздействовать на умы политиков? Но для этого вовсе не требуются высокие технологии! — сухо заметила Эшвуд. — Есть более прозаические средства.

— Как же остановить контисуйцев? — спросил Игорь.

— Мы нейтрализуем эффект воздействия обучающей машины, но только если сумеем подобраться к ней. Затем мы будем вынуждены ее уничтожить. В конце концов, кто ее изобрел и изготовил? Мы, а не контисуйцы! Мы имеем право и на ее уничтожение, — он некоторое время помолчал, перед тем как продолжить. — Самовосстанавливающейся системе нашего корабля нужно некоторое время для ремонта, а мы тем временем поможем вам помешать контисуйцам осуществить враждебные по отношению к вашему миру намерения.

Картер услышал тихое мяуканье и посмотрел вниз. Мача решила приблизиться, но она была не одна. Два зверька ходили вокруг друг друга с любопытством и дружелюбно принюхиваясь. Второй зверек был несколько больше Мачи, но также, несомненно, относился к представителям

семейства кошачих. Его появление в овраге в высшей степени озадачило Картера.

— Откуда здесь этот паренек? — удивился он.

Совершенно неожиданно для него Коротышка протянул одно из своих щупалец и погладил кота по спине.

— Это наш друг! — сказал он.

— Ага, понимаю, — рассмеялась Эшвуд. — Вы прихватили его отсюда во время одного из своих прежних посещений Земли.

— Нет, — возразил Толстяк. — Кошки всегда жили с нами на Буже. Они столь очаровательны! Все цивилизованные сообщества, которые только нам известны, сосуществуют с ними.

— Кошки, как вид, появились на Земле, — решил настаивать на земном происхождении кошачих Игорь. — Именно наш мир для них родной!

— Разве может человек быть в этом уверен? — удивился Коротышка.

— Конечно, у меня не было возможности узнать степень распространенности позвоночных во вселенной... — смутился Игорь.

Толстяку понравилось его смущение:

— Вам еще многое надо узнать, — сказал он.

— Кажется, они уже познакомились! — Картера больше интересовало действительное благополучие Мачи, чем конфликтующие версии вероятного происхождения кошачих.

Зверьки носились, прыгая между камней и кустов, как старые друзья.

— А еще где-нибудь на Земле есть другие передатчики материи? — уточнила Эшвуд.

— Нет, только один здесь, и два в Наска. Передатчики мы использовали некогда для массовых перебросок грузов. Отдельные перемещения мы предпочитаем совершать на кораблях, — ответил Толстяк.

— Если вы доставите нас в Наска при помощи своих местных средств передвижения, — сказал Длинный, — мы позаботимся, чтобы любая техника, которая может быть использована контисуйцами во враждебных вашему миру целях, навсегда прекратила функционировать.

— Боюсь, это не так просто, — заметил Картер.

— В чем затруднение?

— Боюсь, что три гигантские моркови привлекут к себе при путешествии слишком большое внимание.

— Понимаю, — сказал Толстяк. — Мы уже успели заметить, что наш внешний вид больше ассоциируется у вас с представителями вашей флоры, чем фауны, что вызывает некоторые кривотолки.

— А почему бы нам не обратить это обстоятельство себе на пользу? — предложил Игорь.

— Мальчик, ты перегрелся на солнце! — улыбнулась Эшвуд. — Или проголодался?

Но Игорь говорил серьезно:

— Много раз мне приходилось помогать ученым доставлять их бесценные находки вниз по реке в Пуэрто Мальдонадо, затем найденные ботанические образцы переправлялись в США и Европу. Что, если наши инопланетные друзья полежат некоторое время неподвижно? Любопытным, мы скажем, что эти редкие ботанические образцы необходимо доставить в Куско, чтобы затем отправить в Америку, — он выжидающе посмотрел на бужумов. — Так вы согласны некоторое время побыть корнеплодами?

Картеру идея понравилась:

— Мы скажем, что рядом с овощами — научные инструменты, никому и в голову не придет, что эти инструменты — сложнейшая техника самих овощей! А я могу выдавать себя за ботаника, я играл микробиолога в «Красной Чуме с Ориона».

— На Орионе нет чумы, — возразил Коротышка.

— А что скажут лесничие? — поинтересовалась Эшвуд.

— Я с ними договарюсь, если уж нам не удастся избежать с ними встречи, — пообещал Игорь.

— Идея неплоха! — дал свое согласие Толстяк.

— Хорошо, но у меня еще один вопрос, — Эшвуд вплотную подошла к Толстяку. — Если у вас нет ротовых отверстий, как вы питаетесь?

— Нерегулярно, — ответил тот. — Наши жизненные процессы, в отличие от мыслительных, протекают медленно, именно поэтому мы живем, по вашим меркам, долго.

У нас есть, однако, рот. Он располагается внизу, в центре наших средств передвижения.

— Выходит, вы садитесь на свою пищу? Оригинально! Напомните как-нибудь пригласить вас на званый обед!

— Хотя мы не часто принимаем пищу,— продолжил Толстяк,— для поддержания нашего организма нам необходимо довольно часто принимать некоторые важные для нашей жизнедеятельности микроэлементы. Но в результате неудачной посадки все наши запасы микроэлементов оказались уничтожены.

— Ужасно! — посочувствовала Эшвуд.

— Ничего страшного! — возразил Толстяк.— Мы полагаем достоверными данными, что в этой части вашего мира существуют как раз обширнейшие запасы необходимых нам питательных веществ, и у нас не будет проблем, как обеспечить себя ими, когда они нам понадобятся.

— А что будет с кораблем?

— Вы сами были свидетелями того, как легко он меняет свой облик, чтобы ничем не выделяться из окружающего ландшафта, причем, делает он это совершенно автоматически. Никто никогда его здесь не обнаружит.

Игорь кивнул головой:

— А какие инструменты, приборы, устройства вы возьмете с собой? Пожалуйста, только самые необходимые! — он уже приступил к своим обязанностям проводника.

— Хорошо, ничего лишнего!

— Замечательно! — произнесла Эшвуд.— Если мы когда-нибудь выберемся из этой вонючей сауны, единственным местом, куда я пойду с рюкзаком, будет ближайший рынок.

Бужумы, неспособные передвигаться так же быстро, как люди, оказались, однако, более выносливыми и спокойно переносили удушающую жару джунглей. Более того, с помощью своих инструментов, бужумы изготовили из прибитых к берегу бревен два отличных каноэ, и таким образом отпала необходимость сооружать, теряя драгоценное время, задуманный Игорем плот.

Вскоре они благополучно гребли вниз по реке, и в тех редких случаях, когда на берегу показывалось какое-нибудь строение, бужумы замирали в самых естественных для

корнеплодов позах. Середина реки была свободна от кровососущих насекомых, и это обстоятельство путешественники не преминули по достоинству оценить.

Картера занимала мысль, смогли ли контисуйцы переслать на Землю новое подкрепление. Если нет, то им и бужумам придется иметь дело всего лишь навсего с генеральным штабом и кучкой солдат.

Безоговорочно доверяя бужумам, он горячо надеялся, что те, действительно, окажутся на высоте, когда в конце концов они доберутся до Наска.

Глава 15

В поисках беглецов контисуйские солдаты обследовали каждый дюйм верхних пещер и спустились в нижние, где по-прежнему стояли не желающие раскрывать своих тайн двенадцать транспортеров и лежали тонны быстро разлагающейся рыбы. Здесь они не задержались: вонь стояла удушающая.

— Никаких следов! — доложил Пукауаману офицер, руководившей поисками.

Генерал был огорчен.

— В таком случае, их унес интиран, в противном случае они не могли б ускользнуть.

— Почему бы вам не организовать погоню? — раздался голос Да Римини.

Пукауаман оглянулся на виракочу. В другом месте и в другое время он, наверное, приударил бы за этой привлекательной женщиной, но сейчас ему было не до глупостей. Слишком уж много забот свалилось в последнее время на его несчастную голову.

— Мои техники сообщили мне, что интиран вышел из строя, а это означает, что мы не только не имеем возможности последовать за беглецами, но мы не можем теперь и послать за помощью на Контисуйю, по крайней мере до тех пор, пока он не будет восстановлен, если это, вообще, возможно, — добавил он печально.

— Что же вы намереваетесь делать? — спросил Манко Фернандес.

— Часть моих людей займется починкой интирана, а штаб разработает в соответствии с создавшейся обстановкой новый план нападения,— ответил генерал.

— Что? Вы все еще надеетесь?

— Я не могу ждать, когда отремонтируют интиран! Солдаты потеряют выучку, если позволить им предаваться праздности. В нашем распоряжении вся наука Контисуйи, такие технологии, какие и не снились ненавистному Писарро! И существует много способов завоевать людей без ружей и пушек! — он был мрачно и решительно настроен.— Мы предусмотрительно подготовились к любым случайностям!

— Я восхищен вашей самоуверенностью,— начал Февик.— Забудьте про трех беглецов, они или мертвы, или находятся в Паитити, и пройдет много времени, прежде чем они выберутся оттуда. Затем у них возникнут трудности, когда они станут доказывать властям, что именно из Наска исходит угроза безопасности Европы.

— Это уж точно,— рассмеялась Трань Хо.— Сколько я не писала историй о вторжении на Землю инопланетян, никто никогда не верил!

Пукауаман слушал и кивал.

— Сомнения и колебания — вот что погубило наших предков! Я не собираюсь повторять их ошибки! Действовать мы будем решительно и быстро!

Выражение отвращения появилось на его лице, когда он наткнулся взглядом на спящего у Февика на коленях кота.

— Он всегда с хозяином?

Февик нежно улыбнулся и посмотрел на своего любимца.

— Да, Мо всегда со мной, он мой постоянный спутник.

— Но что, собственно говоря, вы можете предпринять? — поинтересовалась Да Римини.— Подкрепление с Контисуйи получить вы не можете, не можете даже сообщить своему правительству о том, что вы попали в затруднительное положение!

Появился обеспокоенный главный техник, и генерал направился к нему. Они принялись что-то горячо обсуждать.

— Как вы думаете, — спросила Да Римини своих спутников, — у них еще есть шанс?

— Самоуверенности они не теряют, — Манко Фернандес наблюдал за Пукауаманом. — Ты сама знаешь, на что они способны!

— Думаю, они не смогут найти причину поломки передатчика материи!

— Что вовсе не означает, что его нельзя починить, — сказал Февик. — Смотрите, Апу-Тупа!

К ним уверенной походкой подошел Апу-Тупа.

— Мы нашли выход из создавшегося положения. Среди устройств, прихваченных нами с Контисуйи в штабном транспортере, есть одна замечательная машина, которая будучи правильно настроенной, воздействует на эмоционально-чувственную сферу психики человека. Эта машина — некоторая производная от обучающей машины. Мы собирались использовать ее для успокоения гражданского населения, после того как вооруженные силы Европы будут разбиты, а также для разоружения непокорных солдат противника.

— Эта машина способна контролировать мозг человека? — уточнил Февик:

— Область ее применения не так широка, однако, в ее силах заставить людей на некоторое время думать так, как это выгодно нам, и не иначе. Ее можно подключить к передатчику и через определенные промежутки времени транслировать совершенно безобидную информацию, воздействуя при этом на подсознание слушателей. Они ничего не заметят, но их образ мыслей и действий примет тот характер, что будет им внушен.

— Никому еще не удавалось влиять непосредственно на подсознание человека! — возразила Трань Хо. — Это невозможно!

— В человеческой психологии мы разбираемся неплохо! — Апу-Тупа выпрямился. — Машина сделает свое дело! Увидите! Все, что нам теперь нужно, так это эффективная система передачи информации. Для того, чтобы добиться требуемых результатов, нам необходимо охватить вещанием, по меньшей мере, пятьдесят процентов взрослого населения.

Он нахмурился:

— Наши собственные возможности не позволяют нам сделать это, и единственная проблема, стоящая перед нами, это проблема широкого вещания.

Его взгляд посуровел:

— Любая система средств массовой информации, лучше всего визуальной, — вот что необходимо. Существует ли подобная система в вашем мире?

Февик в задумчивости поджал губы и, обменявшись двусмысленной улыбкой с возбужденной Трань Хо, стал похож на похотливого Будду.

— Я думаю, — сказал он, — мы сможем вам помочь, но вы должны будете полностью нам довериться.

Апу-Тупа подозрительно оглядел пленников.

— Почему мы должны вам доверять?

Ответить поспешила Трань Хо:

— Потому что у каждого из нас есть свои цели и, может быть, такие же высокие, как у вас. И наши цели друг другу не противоречат. Кроме того, вы можете послать с нами вооруженных солдат.

— Я поговорю с генералом.

Пукауаман согласился, хоть и неохотно, принять от пленников помощь.

Владелец пикапа, который они остановили на равнине, не горел желанием везти стольких незнакомцев, но братья Фернандес сумели убедить его, пообещав заплатить долларами, а не в перуанских инти.

Первое, что сделали братья Фернандес по прибытие в Куско, это ринулись в свою контору. К их удовлетворению, производство безалкогольных напитков шло своим чередом. Трань Хо отыскала факс и передала снимки и магнитофонные записи своему агенту в Нью-Йорк, в то же время отдавая себе отчет, что рынок не готов пока еще к подобной информации.

Затем все они, включая очарованных товарами контисуйцев, прошлись по магазинам.

Когда они закинули антенну на дерево, телевизор принял несколько местных программ. Эта страна третьего мира могла похвастаться на удивление развитой отечественной телесистемой.

— Так вы говорите, телевидение распространено по всему миру? — Апу-Тупа с удовольствием смотрел мультфильм.

— Оно полностью охватывает Испанию и всю остальную Европу, а также Америку, а это как раз то, что вам нужно,— сообщил ему Февик.

— Ничего у вас не получится! — заявила Да Римини.— Как вы сделаете так, что англичане захотят смотреть ту же программу, которую смотрят испанцы?

Февик только улыбнулся.

— Вся Европа охвачена системой спутникового телевидения. Передачу одной страны можно смотреть в любой другой, и если программа интересна, ее будут смотреть во всех странах.

— Ну а как вы заставите местные телевизионные станции ее транслировать?

— В действие вступят материальные стимулы. От денег еще никто не отказывался, а предки наших друзей контисуйцев оставили в наследство приличные капиталы. Я думаю, если мы предложим за трансляцию нашей программы деньги, вместо того чтобы просить нам деньги заплатить, как это обычно делается, все каналы с радостью откликнутся, даже если сама программа им не понравится. Они не упустят возможность получить огромную прибыль при минимальном риске! Каналы в Америке проделывают подобное с религиозными программами уже не первый десяток лет.

Но Да Римини убедить было не просто.

— Даже если мы сумеем выпустить программу, это не означает, что люди очертя голову кинутся ее смотреть.

— Конечно, нет! Мы должны сделать что-то такое, что привлечет внимание самой широкой публики!

— Комическое шоу? — предложил Манко Фернандес.

— Нет! — все посмотрели на Трань Хо.— Это должна быть программа, которую люди захотят смотреть изо дня в день, программа, которая захватит их на долгое время. Это должно быть что-то вроде «Далласа» или «Династии». Мыльная опера!

— Мыльная опера! Точно! — глаза Манко Фернандеса опасно загорелись.— Теленовелла!

— Да, это как раз то, что нам нужно,— согласился Февик.

— Вы уверены, что нам под силу выпустить телесериал? — не сдавалась Да Римини.

— Мистер Февик уже говорил, чтобы получить время на телевидение, вовсе не обязательно сострять шедевр. Все решают деньги и знакомства! Пожалуй, труднее будет обратить сокровища в живые деньги, чем снять и выпустить в эфир телесериал.

— О, нет, с этим трудностей тоже не будет! — с жаром заговорил Манко.— Мы с братом знакомы с торговцами произведений искусства и ювелирами. Но и это далеко не самое главное!

Февик удивленно поднял брови:

— Разве?

— Мы на собственные деньги снимем телесериал и сами заплатим за его прокат. Всем это покажется странным! Нам нужен спонсор, хотя бы для прикрытия истинных намерений,— он сделал паузу.— Что может быть лучше инка-колы в качестве прикрытия? Телесериал будет рекламировать инка-колу! Когда мы закончим показ, она станет самым популярным безалкогольным напитком в Европе!

Трань Хо равнодушно пожала плечами:

— Почему бы не инка-кола? Все равно!

— Все вы тут с ума посходили! — заметила Да Римини.— И я в том числе! Ну ладно! С чего начнем?

— Предположим, контисуйцы уже согласны,— сказала Трань Хо.— Мы начнем с того, с чего начинают на телевидении все, с маленького клипа. Но начинать нужно не в Перу. Лос-Анджелес подошел бы, но в Нью-Йорке у меня больше знакомых, да и к Европе он ближе. Сама я могу представляться продюсером. О них я написала не одну статью и знаю, как вести себя в их шкуре. Но никто среди деловых людей не примет меня всерьез, если у меня не будет солидного партнера,— она многозначительно взглянула на Февика.

— Это более, чем забавно! — воскликнул археолог.

— Вы умеете гладко говорить, солидно выглядите, и у вас хорошие семейные связи на Восточном побережье.

— Моя семья,— ответил Февик довольно бесстрастно,— не проводит вечера у телевизора. По их мнению,

телевидение не имеет никакого отношения к подлинной культуре. В их представлении, хорошо проведенный вечер — это попытка привязать учение Фрейда к сюжету оперы, которую они только что прослушали.

— Тем лучше, — сказала Трань Хо. — Никто на телевидении не поймет, о чем вы толкуете, но все будут бояться выказать свое невежество. Иметь при себе такого человека всегда приятно. Теперь о другом. Я знаю людей, которые могут связать нас со сценаристами. Нам с вами придется поприсутствовать на нескольких ланчах. Вопросами финансирования займутся братья Фернандес, а контисуйцы тем временем настроят соответствующим образом свое оборудование. Все будет великолепно! Мы ввергнем Европу в хаос, но я требую исключительных прав на публикацию всей этой истории от самого начала до самого конца!

Февик покачал головой:

— Мне кажется иногда, что для тебя самым желанным редакционным заданием явилось бы интервью с Богом и Дьяволом перед их последним столкновением.

— Только лишь в том случае, если они оба предоставили бы мне исключительные права на публикацию! — ответила Трань Хо.

— Как мы доставим оборудование контисуйцев в Нью-Йорк? — спросил Манко.

— Мы найдем... нет, мы купим самолет, — объявила Трань Хо и посмотрела на Апу-Тупу, который внимательно слушал разговор.

— Ваши предложения заслуживают внимания, — сказал он. — Наши солдаты должны будут остаться в Наска, чтобы охранять базу, техники — чтобы ремонтировать интиран, но остальные контисуйцы последуют с вами, чтобы осуществить свои грандиозные планы, — он указал на телевизор. — Я знаю, нас ждет удача. Вчера я видел одну рекламу, и если ваше телевидение настолько действенно, что может убедить людей платить деньги за воду, то мы с еще большей легкостью внедрим угодный нам образ мышления в головы телезрителей.

Боинг-727, купленный в Лиме на имя компании братьев Фернандес, через Боготу вылетел в Нью-Йорк. Хотя Пукауаман жаловался, что его новая одежда стесняет движе-

ния, выглядел он в своем сером из натурального шелка костюме чрезвычайно элегантно. Красный цвет считался у контисуйцев благородным цветом, и Трань Хо было не просто убедить генерала в том, что красный костюм слишком уж бросался бы в глаза, даже на мужчине, имеющем отношение к телевидению.

Контисуйцев не удивили небоскребы Манхэттена. Прожив всю жизнь среди похожих строений в своем собственном мире, они даже не разглядывали их. Однако, сильное впечатление произвело на них этническое разнообразие толпившихся на улицах жителей города — множество не-инков и не-виракочей. Но именно это этническое разнообразие позволило им органично слиться с толпой.

В отличие от контисуйцев, братья Фернандес испытывали благоговейный трепет перед башнями небоскребов, и Да Римини была на седьмом небе от счастья. Наконец-то, она сама оказалась в Нью-Йорке, а не только имела возможность поболтать в ресторанчике с людьми, видевшими своими глазами небоскребы.

Февик снял пол-этажа в приличном отеле в центре города, а Трань Хо договорилась о встрече со сценаристами. Апу-Тупа и Пукауаман успешно изучали современный английский язык и могли принять участие во встрече, не привлекая к себе внимание наушниками.

— Говорить буду я,— заявила Трань Хо, когда они уютно расположились в просторном гостиничном номере, выбранном ими для встречи.

— Я возражаю,— запротестовал Пукауаман.— Говорить буду я!

— Речь ведь не идет о командовании войсками, так что, если хотите, чтобы все прошло гладко, предоставьте право вести переговоры мне.

Апу-Тупа сделал глоток прохладительного напитка, вкус которого показался ему приятным, и попытался урезонить своего главнокомандующего. Пукауаман поворчал немного и успокоился.

Раздался звонок, и Трань Хо поднялась, чтобы открыть дверь.

— Как нам себя вести? — поспешил спросить Апу-Тупа.

— Лучше не высовывайтесь! — попросила Трань Хо и открыла дверь.

Вошли двое, оба в рубашках с короткими рукавами. Один был в широких брюках и легких кожаных ботинках, другой — в джинсах, теннисных туфлях и темных очках.

Апу-Тупа поинтересовался шепотом у Февика:

— Почему у того, который поменьше, на лице темные очки? Солнца сегодня нет!

— Это неотъемлемая часть его племенного наряда, — поспешил разъяснить археолог, и Апу-Тупа понимающе кивнул.

Краткая церемония представления прояснила, что одного сценариста звали Дэнни, а другого Сид. Один достал микрокассетный магнитофон, а другой компьютер, который тут же поставил на стол и включил в сеть.

Дэнни был долговяз и белокур и фантастически энергичен. Обращаясь к Трань Хо, он то и дело посматривал на контисуйцев.

— Хорошо! Так о каком шоу мы здесь говорим? — пока его товарищ выяснял намерения клиентов, Сид устроился перед компьютером и занес пальцы над клавиатурой. Прямые темные волосы падали ему на плечи. Он напоминал служащего похоронного бюро, готового занести в книгу печальную статистику ушедших в мир иной.

— Ну давайте же решать, — напирал Дэнни, у него была неприятная привычка щелкать пальцами во время разговора. — О чем идет речь? О комедии или драме? Мы теряем время, а я не из тех, кто не ценит свое и чужое время! Конечно, если вы не решили, что именно вам нужно, у нас имеется в запасе несколько оригинальных идей...

— Драма, — прервала его Трань Хо. — И мы хотим, чтобы это была прямая трансляция.

— Превосходная концепция! — Дэнни уважительно присвистнул, а Сид застучал по клавишам компьютера.

— Я хочу признаться, у нас с Сидом лучше получается переработка и адаптация имеющегося материала, чем создание собственных сценариев.

Генерал просьдел, не вмешиваясь, сколько смог. Не обращая внимание на предостерегающий жест Трань Хо, он вклинился в разговор, шокировав сценаристов своим странным акцентом.

— Я Пукауаман. Это мой советник Апу-Тупа.

Апу-Тупа привстал и поклонился.

— Мы пришли сюда из другого мира,— продолжил генерал,— в который наши предки бежали от пыток и смерти.

Трань Хо закрыла глаза, Февик затаил дыхание, но что касается сценаристов, ни один и глазом не моргнул.

— Смерть и пытки! Неплохо! Ты все записал, Сид?

— Да,— трупные пальцы взвились в жуткой тишине над клавишами компьютера.

Генерал продолжал:

— Мы возвратились, чтобы отомстить нашим вечным врагам, испанцам, виракочам. Любой, кто встанет на нашем пути, будет уничтожен.

— Хорошо, хорошо! Продолжайте! — энтузиазм Дэнни хлестал через край, однако, он все же заметил странное напряжение, накапливающееся в комнате.

— Эй, что это вы все так напряглись? Расслабьтесь! Мы не можем работать в такой атмосфере! Правда, Сид?

— Да.

— Превосходная концепция! Продолжайте! Не останавливайтесь! — Дэнни поднялся и принялся расхаживать по комнате, он походил на большую белую крысу.

Собравшись присесть на кофейный столик, он обнаружил, что тот уже занят. Мо предостерегающе замыкал. Дэнни отказался от первоначального намерения и снова зашагал по комнате, обойдя стороной тунцовый аромат, окутавший столик и его четвероногого постояльца.

Пукауаман выпрямился, не обращая внимания на отчаянные знаки Трань Хо:

— У нас есть машина, которая может воздействовать на образ мышления целых народов. С ее помощью мы отвратим от Испании ее союзников.

— Фантастика! — Дэнни был в восторге. — Научно-фантастическая мыльная опера! Из этого материала можно сотворить чудеса! Вы, наверное, потратили годы, шлифуя сюжет?

— Нет, мы вынуждены были импровизировать! — сообщил генерал.

— Впечатляюще! — лицо сценариста искривилось вос-

торгом, когда он сосредоточил свой внутренний взор на видениях, недоступных простому смертному.— Вы уже подумали о кандидатах на главные роли?

— Нет,— поспешила сказать Трань Хо, на долю секунды опередив Пукауамана.

— Сид и я займемся подбором актеров, конечно, если вы не возражаете,— он сделал паузу, ожидая возражений, и, не дождавшись, ринулся вперед.— И мы можем прямо сейчас представить вам исполнительницу одной из главных ролей,— он, грациозно развернувшись, указал рукой на изумленную Да Римини, которая машинально дернулась к пистолету, которого, естественно, на месте не было.— Вы будете роковой женщиной, мы сравим двух главных героев, добивающихся вашей благосклонности.

— Что? — только и могла сказать растерявшаяся Да Римини.

— Да! Высокая, не знакомая зрителю актриса! Мы закажем для вас плотно облегающее тело униформу. Вы будете сногшибательны! Зрители будут в восторге, особенно испаноязычная их часть!

Да Римини, ища поддержки, обратила взгляд на своих спутников.

— Почему бы и нет? — сказал Апу-Тупа, проницательный знаток человеческой натуры.

— Не сомневайся, моя дорогая,— пробормотал Февик.— Плыви, куда несет!

— Этот вопрос решен. Великолепно! Мы вплотную приблизимся к правде жизни! Прямая трансляция сделает сериал сенсацией! — он налил себе в стакан минеральной.— Теперь о времени. На какое время мы должны рассчитывать? Полчаса, час, минисерии? Дайте исходные параметры!

— Можете сами выбирать любые параметры,— спокойным тоном произнес Апу-Тупа.— Для нас самое главное, чтобы нас увидело как можно больше зрителей.

— Эй, мне нравится ваш образ мыслей! — Дэнни взглянул через плечо.— Давай сделаем серию часовой, Сид, а начнем с двухчасовой, обрисуем основную ситуацию, покажем вторжение, введем главных героев.

— Мы можем посоветовать вам детали, и они будут точны,— уверил его Пукауаман.

— Детали? Да, детали очень важны!

— И все время, пока будет идти сериал, мы будем внедрять наши идеи! — закончил генерал.

Трань Хо затаила дыхание, Февик слегка задержался, Дэнни недоуменно уставился на Пукауамана, и даже его односложно изъяснявшийся товарищ поднял голову от своего компьютера.

— Видите ли, сэр... Сид и я... насчет идей... у нас тоже есть свое видение мира...

В комнате воцарилась гнетущая тишина. Апу-Тупа положил руку на плечо генерала. Пукауаман встретился с ним взглядом и одарил сценариста мрачной улыбкой:

— Я понял. Я не имел в виду, что мы станем вмешиваться в вашу работу.

— Отлично! — к Дэнни вернулся его прежний энтузиазм.— Предоставьте все нам, и мы обеспечим вам миллионные аудитории!

Его глаза заблестели, когда он обратился к Трань Хо:

— Я правильно понял, все необходимые документы подписаны и программа уже финансируется?

Она кивнула.

— Если так, мы с Сидом сделаем для вас невозможное!

— Есть еще одна маленькая деталь,— сказала Трань Хо.— Мы не хотим начинать показ с США. Сначала мы хотим выйти на европейский рынок, завоевать его аудиторию, ну а потом уже вернуться в США.

— Своеобразная рыночная стратегия! Как тебе кажется, Сид?

— Да,— пальцы замерли над клавиатурой компьютера.

— Если таково ваше желание, что ж...

— Да, таково наше желание.

Он пожал плечами:

— Так или иначе, это деньги вашего спонсора. А есть у вас на примете съемочная группа?

— Мы планируем обойтись своими силами.

— Хорошо! Не пренебрегайте никакими правами на постановку, а мы свяжемся с «Гранадой» в Англии, с РАИ в Италии и с «Монд» во Франции.

Трань Хо отрицательно замотала головой:

— Нет-нет! Наш телесериал должен приниматься на всем континенте, а потому придется связаться со «Скай Чэннэл».

— Это потребует огромных расходов! — предупредил ее Дэнни.

— Пусть это вас не беспокоит. Ваше дело — сценарий!

— Это будет сценарий века! Мы назовем сериал... — он сделал паузу, — «День, который становится завтрашним».

Февик поморщился.

— А кто наш научный консультант? — поинтересовался Дэнни.

— Мы будем вашими консультантами, — объявил Апу Тупа.

— Видите ли, я не имел в виду тех, кто действительно поднаторел на научном поприще и может оказать реальное содействие. Нужно просто имя. Зрителю всегда приятно увидеть в титрах знакомое имя. Это может быть Саган Азимов или же астролог Нэнси Рейган, как там его... ах, да! Сквиггли!

— Да, — подтвердил снова соавтора Сид.

— Воздействие на подсознание не принесет желаемого эффекта, если не будут реализованы в сценарии все те детали, что мы подскажем, — заявил Пукауаман.

— Воздействие на подсознание? — нахмурился Дэнни. — Все как у инопланетных агрессоров? Ловко! — в его голосе послышалось восхищение. — У вас столько замечательных идей! Я теряюсь, какую ввести в линию сюжета первой. Но не беспокойтесь, мы сделаем так: вы подбрасываете идеи, а мы с Сидом отбираем из них лучшие.

Именно этим они и занимались всю оставшуюся половину дня.

У'шак не смог сдержать улыбки. Этот мир был до невозможности забавен, как и тщетные попытки Наблюдателя помешать осуществлению его планов. Правда, он не предвидел, что Наблюдатели пойдут против своих собственных правил, только для того, чтобы его остановить. Последовательность неожиданных событий работала на пользу его

плану. Все, что теперь требовалось — это направить их ход, а дальше они станут развиваться сами по себе, пока не созреет социально-критическая масса и мир не завертится в последнем круговороте.

Он представлял себе разочарование Наблюдателей. Они пошли на необыкновенный риск, но в результате он, все-таки, сумел их переиграть! Они не обладали его предвидением, его острым талантом долгосрочного прогнозирования и его способностью предусмотреть любые случайности! Они всегда будут отставать от него на несколько прыжков!

Он был так доволен собой, что, оставив осторожность, совершил блаженный прыжок в реальность, опустившись на землю, как всегда, на лапы. Как он и ожидал, его жест восторга остался никем незамеченным. Эти создания были лишены высшего восприятия. Что ж! Тем легче ими манипулировать. Он будет очень по ним скучать, пожалуй, когда они сами себя уничтожат.

Глава 16

При отъезде из Ману оказалось, что Игорь знаком по имени со всеми лесничими. Они не спрашивали его, где и как раздобыл он эти необычные ботанические образцы и есть ли у него разрешение на их вызов из заповедной зоны.

В Куско продажа маленького золотого амулета, найденного в Паитити, принесла им столько денег, что они смогли нанять самолет, который и доставил их в Наска. Но в Наска бужумы стали жаловаться на слабость из-за отсутствия микроэлементов, о необходимости которых для их жизнедеятельности они предупреждали.

— Скажите, что именно вам надо, мы съездим в город и привезем! — пообещала Эшвуд.

Бужумы облюбовали для себя уединенный солнечный дворик, который примыкал к их гостиничному номеру. Закрытый со всех сторон, он позволял им свободно разгуливать, не боясь быть увиденными с улицы. Штат отеля

вскоре прознал про привезенные гринго необычные корнеплоды, и все, вплоть до горничных, сбегались посмотреть на странные моркови, которым пришлось замереть.

Оставаясь одни, бужумы бродили по дворику, брали и вертели в своих щупальцах различные предметы, что им попадались под щупальца, и отмечали прогресс, сделанный человеческой цивилизацией с тех пор, как они в последний раз посетили Землю.

Мача и кот бужумов Гринсо играли в прятки среди растущих в кадках растений и кованой железной мебели внутреннего двора.

— Так какие витамины вам нужны? — спросил Картер.

— Не витамины, старик! — Коротышка смотрел на экран черно-белого телевизора. — Микроэлементы, которые нам требуются, содержатся в нужных пропорциях в маленькой рыбке, в изобилии обитающей у этих берегов. Я постараюсь описать ее.

Картеру и Эшвуд описание ничего не сказало, но Игорь сразу сообразил, о какой рыбке говорят бужумы:

— Из ваших слов любой бы перуанский школьник понял бы, что речь идет об анчоусах! Но их почти всех выловили много лет назад!

— Как вы умудрились уничтожить столь обширные природные ресурсы в такой короткий срок? — удивился Коротышка.

— Если бы вы знали, сколь легко иногда идут люди на поводу у собственной глупости! — ответил Игорь.

Эшвуд встала с кресла:

— Мы с Игорем сгоняем в город и раздобудем анчоусов, а ты, Джейсон, оставайся здесь, чтобы составить компанию нашим гостям.

— Что это ты раскомандовалась, Марджори? — Картер посмотрел на нее сверху вниз.

Она вплотную приблизилась к нему и зашептала:

— Позволь мне пойти с Игорем, красавчик! Мне не хотелось говорить, но, признаться, эти экзотические корнеплоды действуют мне на нервы, понимаешь?

Он вздохнул:

— Ну в таком случае... иди!

Картер проводил Игоря и Эшвуд и развалился в кресле,

а бужумы продолжили осмотр номера. Их интересовало все, не исключая водопровода и электропроводки.

— Вы сделали большой шаг по пути технического прогресса! — Длинный держал в щупальцах баллон дезодоранта. — Но что касается социального прогресса...

Толстяк его поддержал:

— Между вами продолжают возникать военные противостояния, они наносят существенный вред вашему развитию, и хотя это, конечно, не наше дело, но когда создалась угроза того, что созданная нами техника может быть вовлечена в ваши столкновения, мы вынуждены были вмешаться. Даже незначительные противные разуму военные конфликты всегда рискованы тем, что могут выйти из-под контроля и даже распространиться за пределы миров, в которых они возникли.

— У меня к вам один любопытный вопрос, — Картер отпил глоток из стакана с минеральной, — когда вы, ребята, покидали Контисуйю, почему вы оставили там свою технику? Все-таки, наверное, не потому, что вам вдруг приспичило переселиться!

Коротышка сумел решить трудную задачу передачи чувства смущения телепатическим путем:

— По правде говоря, старик, мы просто забыли о ней.

Картер заморгал:

— То есть как?.. Просто забыли?

— Боюсь, что именно так. Мы, как вид, временами бываем немного рассеянными и можем что-то просмотреть, затерять в банках данных, ну, ты сам знаешь, как это бывает.

— Но потерять столько!

— Если передатчик материи долго не используется, а данные о его местонахождении теряются, и ко всему прочему оказывается много других важных дел, то, сам понимаешь, все может случиться. Галактика велика. По правде говоря, мы потеряли следы двенадцати, или около того, миров, не только забыли о Контисуйи. Немного обескураживает, не так ли?

— М-да, для суперрасы вы, действительно, слегка безалаберны!

— Мы и не претендуем на то, чтобы быть совершенны-

ми, старик! Высокие технологии никого не делают богом. У нашего старого друга мистера Доджсона было несколько интересных мыслей по этому поводу.

Кто-то постучал в дверь. Картер подождал, пока бужумы застынут в неподвижности, и открыл дверь. Вошли Игорь и Эшвуд с плоскими коробками в руках.

— Ты не поверишь, — сказал Игорь, поставив свой груз на столик, — перуанские рыбные промыслы до того опустошены, что даже в туристическом центре города Наска не найти баночку анчоусов!

— А это тогда что? — Картер указал на коробки.

Эшвуд вытерла пот со лба:

— Что нам оставалось? Мы купили пиццу с анчоусами. Наши друзья выберут анчоусы, а мы съедим остальное. Думаю, четырех больших коробок им хватит.

Забавно было наблюдать, как бужумы собирали крохотные кусочки рыбешек с пиццы, аккуратно очищали их от сыра и помидоров и проворно засовывали под себя. Люди поглощали пикантные остатки, проигнорированные бужумами, а те анчоусы, что случайно падали на пол, с благодарностью подбирали два проголодавшихся представителя семейства кошачих.

Картер один умудрился проглотить содержимое двух коробок. Конечно, это была не заказная пицца из ресторана Спаго, но несмотря на ее несколько необычные ингредиенты, он ел с большим удовольствием: пицца есть пицца.

— Неплохо! — отметил он, облизывая пальцы.

— Рада, что тебе понравилось, — Эшвуд посмотрела на него с хитрецей.

— Правда, я не совсем понял, из чего она приготовлена.

— Помимо тропических фруктов, которых тут в изобилии, там было и мясо, — сказала Эшвуд.

— Свинина? — Картеру не понравилось, как она ухмыльнулась.

— Свинина, да не совсем! Видишь ли, по словам Игоря, суу — традиционная индейская пища, пользующаяся популярностью в этой части света. Морская свинка!

Картер выпрямился.

— Ты имеешь в виду этих, маленьких, мохнатых... похожих на крыс?..

— ... животных,— продолжала Эшвуд,— которые в США продаются в магазинах природы. Здесь их называют conejo de los indias, кроликами индейцев, и в Перу из их мяса готовят множество блюд. Подают его в виде фарша, как в этой пицце, или нарубленным на мелкие кусочки, вареным или жареным, но могут подать зверька и целиком...

Оказавшись в ванной комнате, Картер уже мало что слышал из того, что добавила Эшвуд, он был поглощен бурной реакцией своего организма.

Игорь упрекнул Эшвуд, уверив, что тоже мог бы сделать так, что ее саму вытошнило бы, расскажи он ей о тех блюдах, что ему доводилось есть в сельве.

— Меня такими рассказами не проймешь! — угроза не произвела на нее впечатления.— Я из Техаса!

Они наняли небольшой грузовичок, чтобы бужумы могли разместиться в кузове. Выглядели они там как небольшие деревца, и, когда они выезжали, их вид не привлек внимание жителей города.

Им пришлось сделать большой крюк, чтобы добраться до горного склона, где находилась пещера. На закате они покинули грузовик и отправились далее пешком, намереваясь сверху спуститься к входу в пещеру.

— Возможно, у входа поставлен часовой,— сказала Эшвуд.

— А что мы предпримем, когда доберемся до места? — не терпелось узнать Игорю.

Коротышка сжимал в своих щупальцах некое устройство:

— Тебя эта проблема не должна волновать. Мои коллеги и я сделаем все сами и, надеюсь, избежим кровопролития. Даже если контисуйцы приняли меры предосторожности, вряд ли они могут предположить, что навестить их задумают Те-Которые-Были-До-Них. Они изучили нашу технику и умеют ей пользоваться, но они не имеют ни малейшего представления, как мы выглядим, ведь мы не оставили на Контисуйе своих изображений, посчитав это неразумным тщеславием.

— Видите ли,— добавил Длинный,— мы еще и застенчивы.

— Вы сумеете справиться с контисуйцами, не причинив никому вред? — Эшвуд перешагнула через преграждавшую путь корягу.

— Если не сумеем, падем в собственных глазах как представители высшей из известных форм разума и как хранители ценностей великой цивилизации,— заявил Толстяк.

Картер ускорил шаг и догнал Игоря:

— Как ты думаешь, сумеют они справиться с контисуйцами?

— Понятия не имею! Что мы о них знаем, кроме того, что они вежливы, застенчивы, иногда забывчивы и очень умны? Мы не знаем даже, таковы ли их истинные намерения, как они говорят.

Картер нахмурился:

— Ты допускаешь, они лгут?

Игорь повернул к нему свое, как обычно, невозмутимое лицо:

— Трудно сказать. Когда бродишь всю жизнь по сельве, где люди также, как и животные, мастера прикидываться и обманывать, невольно все ставишь под сомнение. Но нам ничего другого не остается, как довериться им, потому что мы знаем достоверно, что затевают контисуйцы.

Он поднял ветку, давая Картеру пройти.

Пещеры подземной базы опостытели часовому также быстро, как надоели ему и товарищи. Он с удовольствием шел на ночной пост, который позволял вырваться из отчаянной скуки дней. Стоя на посту у входа в пещеру, он мог насладиться свежим ночным воздухом и полюбоваться на ландшафты родины своих предков.

Как и другим, ему не давала покоя мысль, как идут дела у контисуйцев, заброшенных в мир виракочей. Может быть, их раскрыли и они в тюрьме? А может быть, все как нельзя лучше? Ему придавало уверенности то, что до сих пор виракочи не беспокоили их своим посещением.

Техники самозабвенно возились с интираном, но так и не сумели его починить. Неужели все их усилия — впус-

тую, и всем им придется навсегда остаться здесь, и никогда больше они не увидят Контисуйю?

Солдат на посту отогнал от себя неприятную мысль. Разве древние манускрипты не рассказывают о том, что ненавистные конкистадоры испытывали те же страхи, двигаясь к границам инкской империи? Он, потомок древних инков, должен преодолеть в себе страх!

Но что же, все-таки, случилось с теми, кто был на тех двенадцати огромных транспортерах? Многих из исчезнувших солдат он знал лично. Техники говорят, возможно, они еще живы. Как он хотел бы, чтоб так оно и было!

Вечером небольшой самолет пролетел над его головой. Люди не заметили укрытого входа в пещеру, как и не обратили внимания на этот неказистый горный склон. Они прилетали любоваться на линии и рисунки на равнине. Ночами голая равнина выглядела обезлюдившей, но офицеры настаивали на сохранении ночного поста.

Заложив руки за спину, с трубкой на поясе, солдат подошел к росшему неподалеку кустарнику и отломил тонкую зеленую ветвь, с наслаждением вдохнув распространившийся в воздухе острый аромат. Этот мир был полон древних запахов, бередивших в нем неясные воспоминания.

Он направился к соседнему кусту, взялся за ветку и несказанно удивился, когда та выпрыгнула у него из пальцев, оказавшись щупальцем неизвестного существа. В его спину что-то уперлось, и он, задыхаясь и закатив глаза, рухнул на землю.

Толстяк осторожно опустил находившегося без сознания стража и, развернувшись, поплыл ко входу в пещеру. Длинный и Коротышка последовали за ним.

Картер уже дремал, когда бужумы возвратились к ожидавшим их людям.

— Все прошло благополучно, — сообщил Длинный.

— Не было слышно никаких выстрелов, — Эшвуд всматривалась в темноту.

— Не было нужды в стрельбе! Все в пещерах спали. Немного потрудившись, мы их нейтрализовали, и никто из них даже не проснулся. Вашей нервной системой до смешного просто манипулировать. Когда мы для проверки попы-

тались разбудить некоторых из них, они спали как дети, самым крепким в своей жизни сном. Можно сказать так: мы насильно ввели их в состояние продолжительного сна,— Длинный задумался.— Но в пещере оказалось меньше контисуйцев, чем мы ожидали, и ваших земляков мы не обнаружили.

— Черт побери! — воскликнула Эшвуд.— Вообще-то, трудно было и ожидать, что они станут сидеть сложа руки!

— Я подгоню грузовик,— Игорь отправился вниз по склону, а Картер и Эшвуд последовали за Длинным в пещеру.

Странно было им оказаться здесь уже свободными людьми, странно было видеть контисуйских солдат и техников неподвижно лежавших на плитах пола. В нижней пещере, как и прежде, покоились двенадцать огромных транспортеров, двери ближайших двух были открыты, в воздухе по-прежнему стояла вонь от разлагавшихся останков морской живности. Никаких следов братьев Фернандес, Франчески Да Римини, Брайтона Февика и Трань Хо не было. Более того, нигде не было также генерала Пукауамана и его советника Апу-Тупы. Длинный оказался прав. Личный состав контисуйских вооруженных сил значительно уменьшился.

— Куда же они подевались? — волновалась Эшвуд.

— Они не могли воспользоваться передатчиком материи,— уверили ее бужумы.

— Они что-то говорили об использовании против Европы запасного варианта! — сказал Картер.— Их немного. Могут ли они причинить серьезные неприятности?

— Это зависит от их изобретательности,— Коротышка взмахнул парой щупалец.— Мы все узнаем лишь тогда, когда их отыщем.

Картер наблюдал, как Коротышка выводит из сна одного из офицеров. Храбрый воин открыл глаза и, увидев склонившееся над ним морковообразное существо, упал в обыкновенный обморок. Другой офицер, с которым Коротышка проделал ту же процедуру, оказался покрепче. Сначала он наотрез отказывался говорить, но когда узнал, что перед ним стоят самые что ни на есть настоящие Те-Которые-Были-До-Него, стал словоохотливее.

— Нью-Йорк? — Картер засомневался. — Зачем им могло понадобиться ехать в Нью-Йорк?

— Я не знаю, — контисуйский офицер не мог оторвать очарованного взора от бужумов. — Разговор шел об использовании возможностей обучающей машины для воздействия на умы виракочей, но каким именно образом они собирались осуществить свои намерения, мне не известно.

— Мы можем последовать за ними в Нью-Йорк, — сказал Толстяк.

Эшвуд с остервенением пнула подвернувшийся камень. Офицер в испуге отпрянул.

— Вы представляете себе, какой он большой, этот Нью-Йорк? Где их искать? Они бесследно растворились среди миллионов людей, и раз Трань Хо с ними, она уже успела, безусловно, довести Апу-Тупу, да и других, до полупомешанного состояния, хотя, впрочем, в Нью-Йорке это вряд ли кому бросится в глаза.

Картер снова обратился к офицеру:

— Но хоть что-нибудь известно вам об их планах?

Офицер колебался, но бужум завис над ним, и на лице офицера проступила смесь благоговения и ужаса:

— Я помню, пленники говорили о воздействии на подсознание людей посредством информации, передаваемой через телевизионную сеть.

Бужумы выпрямились:

— Подобная система передачи информации не может воздействовать на нас, но столь примитивные существа, как люди, подвержены ее влиянию.

— Мы все уже давно под ее влиянием! — пробормотала Эшвуд.

— При ваших ограниченных возможностях телевидение — самый эффективный способ удерживать под контролем большое количество людей.

Картер принялся размышлять вслух:

— Существует множество способов выпустить передачу в эфир. Я знаком с несколькими ребятами с телевидения, — он преисполнился надежды. — Я наведу справки и, если они решили воспользоваться обычными каналами, мы их вычислим!

— Здесь мы только зря теряем время! — сказал Толстяк.

Коротышка осторожно, но решительно вернул разговорчивого офицера в объятия Морфея, и к тому времени, когда Игорь подогнал грузовик как можно ближе ко входу в пещеру, они уже ждали его.

Значительная часть сокровищ, обнаруженных ими ранее, исчезла, и Эшвуд справедливо полагала, что она уже обращена в наличность, но еще более, чем достаточно, сокровищ оставалось, и это обстоятельство существенно облегчило их дорогу: нанятый ими реактивный самолет в считанные часы доставил их в Нью-Йорк.

Неожиданные проблемы возникли в международном аэропорту Кеннеди, когда дотошный таможенный служащий потребовал официальный документ, разрешающий ввоз в страну экзотических перуанских корнеплодов. Но вместо разрешения ему был подsunут резной божок с бриллиантовыми глазами, и он успешно заменил требуемый документ.

Выбранный ими отель был столь дорог, что администратор даже глазом не моргнул, когда гости настояли на размещении в их номере привезенных ими с собой овощей. За те деньги, что они платили, они могли позволить себе держать в ванной стаю обезьян.

Даже среди этнического разнообразия Нью-Йорка бужумы привлекли бы к себе внимание, вздумай они прогуляться по одной из авеню, и потому Игорь и Эшвуд неотлучно оставались с ними, и время от времени заказывали им пиццу с анчоусами, Картер же занимался наведением справок в различных агентствах и телекомпаниях.

Прошли недели, прежде чем ему удалось что-либо разузнать, но однажды он вернулся в номер с фотографией, которую обнаружил в одной из фирм, занимавшейся общественными связями.

— Да Римини! — Эшвуд взглянула на фотографию. — Я узнаю эту обезумевшую сучку в любом наряде, но что-то здесь она не похожа на себя!

— Профессиональный грим! — Картер откинулся на кушетке, радуясь возвращению в отель, на улице было душно и жарко, обычная для летнего Манхэттена погода, напоминавшая ему Ману. — Интересно, хорошая ли из нее получилась актриса?

Эшвуд фыркнула:

— Привлекательная внешность — единственная ее способность, и этого у нее не отнимешь. Кроме того, если контисуйцы смогли заставить тех, кто смотрит их бред собачий, поверить в него, думаю, им не составило труда убедить аудиторию, что Да Римини талантлива, — она смяла фотографию. — Где они снимают свой телесериал?

— Они не снимают, — сообщил Картер, — они работают в прямом эфире, и не здесь, в Америке, а в Европе!

— Вполне логично! Они же хотят отомстить испанцам!

— Выходит, не только испанцам: они транслируют телесериал на всю Европу с одновременным переводом на дюжину языков!

Что-то мягкое и теплое коснулось его лодыжки, он посмотрел вниз и увидел Мачу и Гринсо, высунувшихся из-под кушетки. Он улыбнулся. Для него оставалось тайной, как двое родственных животных могли столь схоже эволюционировать в совершенно различных мирах. Теория конвергентной эволюции не была темой, часто всплывавшей на кинематографических вечеринках, и он хотел бы поговорить об эволюции с бужумами, но мешали неотложные дела.

— Мне сразу следовало бы начать с европейских рекламных роликов! — сказал он.

— Все-таки, где они? В Мадриде? Лондоне?

— Они стараются избегать общественного внимания и в то же время иметь доступ к техническим средствам телевидения. Вряд ли они станут работать в Чинечите или Би-Би-Си!

В воздухе висел аромат анчоусов.

— Как же остановить их? Не стрелять же по ним из пушек!

— Мы бы хотели избежать стрельбы, — сказал Толстяк. — Мы знаем более эффективный способ пресечь их деятельность. Необходимо ввести в их телепрограмму послание с противоположным воздействием на подсознание зрителей и таким образом свести на нет их усилия. Для этого нам нужно на некоторое время завладеть оборудованием, которое они используют. Я думаю, для нас не составит большого труда немного его усовершенствовать.

Картер нахмурился:

— Не представляю себе, как это сделать!

Коротышка прошаркал к окну:

— Мы берем на себя техническую сторону дела, а вы придумайте, как отстранить на время от оборудования ваших собратьев людей.

— Вам не кажется,— спокойно сказала Эшвуд,— что вы берете на себя более легкую задачу?

— Дело не терпит отлагательств,— заговорил Толстяк.— Чем чаще они выходят в эфир, тем глубже внедряется в головы зрителей их послание и тем труднее будет нам противопоставить ему свое.

Глава 17

Нанять самолет из Манхэттена оказалось гораздо легче, чем из Лимы, но каких трудов им стоило добраться до Шотландии! Даже у Игоря, который был большим специалистом в таких делах, опустились руки, и он посчитал большой глупостью попытку подкупить флегматичного таможенного служащего, преградившего им путь из аэропорта. Они не могли позволить себе терять драгоценное время в попытках разъяснить ситуацию непреклонному должностному лицу, не соблазнявшемуся резными божками с бриллиантовыми глазами.

Но им не оставалось ничего другого, кроме как поселиться вблизи аэропорта, оставив ботанические образцы на карантин и дезинфекцию. Тем временем худшие предположения Картера начали сбываться: Игорь обнаружил в одной из забегаловок напиток под названием «инка-кола». Братья Фернандес не теряли времени.

Прошла неделя томительного ожидания, но бужумы с честью прошли выпавшее на их долю испытание.

— Странное ощущение — дезинфекция,— сказал Длинный.— Было щекотно, но процедура не принесла нам вреда. Мы обладаем способностью перекрывать поры нашего организма при нежелательных химических воздействиях.

— Лично на меня процедура подействовала освежающе, — признался Коротышка. — Местные паразиты мне понравились ничуть не больше должностных лиц, которые нас опрыскивали.

— Они не заподозрили, что вы не безмозглые дары огорода? — поинтересовалась Эшвуд.

— Ни на долю секунды, — ответил Толстяк. — Они выполняли свою работу с полнейшим безразличием.

Люди и бужумы удобно расположились в обнесенном забором заднем двореке сельского домика, который снял Картер. Подобное удовольствие в окрестностях Эдинбурга мог позволить себе каждый приезжий с деньгами в кармане. Вдали древние каменные стены пересекали поросшие вереском округлые холмы, защищая скот и окрестных жителей от сильных ветров столь же надежно, как и сотни лет назад.

В промышленном пригороде Эдинбурга, в пятидесяти милях к югу, нашла себе прибежище частная телевизионная компания «Атауальпа лимитед». Контисуйцы назвали компанию именем инкского императора, вероломно убитого сподвижниками Писарро.

— Наглецы! — только и смогла сказать Эшвуд.

Первое, что они сделали, когда въехали в коттедж, это посмотрели очередную серию «Дня, который становится завтрашним». Картер нашел его чрезмерно сентиментальным, но отметил превосходную режиссуру и замечательную игру актеров. Он был настороже, вслушиваясь в свои ощущения, и уже в начале трансляции он почувствовал воздействие контисуйцев на свои мысли и чувства.

Любой же, кто ничего не знал о целях контисуйцев, мог подумать, что воздействие на него оказывает высокий профессионализм создателей телесериала. Как отметили бужумы, воздействие было трудноуловимым.

— Люди уже привыкли к тому, что телевидение манипулирует их сознанием, — Эшвуд отвернулась от телевизора, когда на экране всплыла заключительная реклама. — Они проглотят послание контисуйцев, не заподозрив даже, что с ними вытворяют, — она содрогнулась. — Если трансляция будет продолжаться достаточно долго, вся европейская аудитория окажется во власти контисуйцев!

— Я попытался сопротивляться воздействию, — добавил Игорь, — но сюжет захватил меня настолько, что я отвлекся. Воздействие можно распознать, только если знаешь о его наличии в передаче, — он отвел взгляд в сторону. — Я поймал себя на том, что у меня появилась неприязнь ко всему испанскому.

Эшвуд кивнула:

— Дело идет!

— Ты знаешь, — сказал вдруг Картер задумчиво, — а Да Римини играла вполне прилично.

— Почему бы и нет? — заворчала Эшвуд. — Она хорошо играла и тогда, в Куско, когда ты выболтал ей наши планы.

Исключая Да Римини, труппа, занятая в сериале, была набрана из профессиональных актеров. Ни братья Фернандес, ни Февик, ни Трань Хо ни разу не появились на экране, но их участие в работе над телесериалом стало очевидным, когда на экране появились титры. Февик и Трань Хо были названы исполнительными продюсерами, а братья Фернандес — главными спонсорами.

Куда бы ни пошел Картер, повсюду он наткнулся на рекламу нового безалкогольного напитка инка-колы! Из любопытства он купил упаковку из шести бутылок и принес в коттедж. Попробовали все, включая бужумов, и нашли напиток поразительно заурядным. Его успех при полном отсутствии выдающихся вкусовых качеств служил лишним доказательством эффективности контисуйского воздействия на умы.

— До чего же вы как вид восприимчивы к внешним воздействиям! — сокрушался Длинный, Картер согласно кивал головой:

— Когда я ходил за покупками, я спросил нескольких незнакомых мне людей, что они чувствуют по отношению к Испании и испанцам. Вы не поверите, какими враждебными были некоторые из ответов. Однако, когда я спросил их о причинах неприязни, ни один не смог их мне внятно разъяснить, и все, казалось, сами были озадачены вдруг вспыхнувшей в них ненавистью.

— Боюсь, — добавила Эшвуд, — контисуйцы еще кое-что в запасе держат, кроме разжигания антииспанских настроений!

— Нам нужно действовать очень осторожно,— предостерег своих товарищей Игорь.— Как бы их не испугнуть! Они могут переехать в другое место, ищи их тогда!

На следующее утро они сделали случайное открытие, когда им принесли свежую газету. Игоря заинтересовала статья, которую просмотрели его американские друзья.

— Ага, вот! В следующую субботу! Как я мог про это забыть? Madre de Dios! Мать Божья! Сегодня уже вторник! У нас осталось совсем немного времени! — Недоумевающим Картеру и Эшвуд Игорь сунул под нос последнюю газетную страницу. Даже кошки, казалось, были заинтригованы.

— Я просмотрела эту газету от начала до конца! — Эшвуд облокотилась на его плечо.— Но ничего особенно интересного я не обнаружила!

— Вы поинтересовались спортивными новостями?

Она посмотрела на него с улыбкой:

— С чего это вдруг я на старости лет буду интересоваться спортивными новостями?

Игорь постучал пальцем по статье, которая привлекла его внимание. Картер пробежал глазами текст и понимающе кивнул.

— Не пойму,— заволновалась Эшвуд,— что здесь интересного!

— Ливерпуль и Барселона встречаются в субботу в Барселоне в футбольном матче на кубок Европы,— объявил Игорь,— а британские болельщики имеют репутацию задир и любят устраивать беспорядки. Стадион же будет забит болельщиками со всего континента. Телесериал контисуйцев разжег антииспанские настроения по всей Европе, от Британии до Греции, и одной единственной искры будет достаточно, чтобы возникли свалки...

— ...которые могут выйти за рамки спорта,— добавил Картер.— Из телепрограммы я узнал, что в четверг сериал будет транслироваться с дополнительной часовой серией. Очевидно, контисуйцы решили действовать более решительно.

— Но у нас не остается времени, чтобы что-то предпринять! — Эшвуд посмотрела на Длинного, который стоял, мерно покачиваясь, у открытого окна.— У проживающих

с нами овощей есть какие-либо предложения? Вы слышали, о чем мы говорили?

— Мы слышим все, мадам, — ответил Длинный, — даже то, что вы бы не хотели, чтоб мы слышали.

— Каждое ваше слово, — подтвердил Толстяк, разглядывая остатки завтрака на столе. — Необходимо срочно покопаться в их оборудовании. Для того чтобы противопоставить контисуйской пропаганде агрессии пропаганду миролюбия, нам потребуется всего несколько минут эфирного времени.

— С равным успехом вы могли бы попросить и пару часов! — проворчала Эшвуд.

— Значит, нам нужно будет проникнуть в здание, — размышлял Картер, — и как можно дольше не попадаться на глаза Да Римини, Февуку и другим, а техническому персоналу будет все равно, кто мы такие.

— А что насчет репок-которые-были-до-них? — Эшвуд ткнула пальцем в сторону бужумов.

— Мы подъедем в последний момент в фургоне, который вы возьмете напрокат, — ответил Коротышка. — Мы спрячемся и замрем до тех пор, пока не настанет момент перенастроить оборудование. С людьми, осуществляющими трансляцию, мы обойдемся так же, как с контисуйцами в Наска. Вреда мы никому не причиним, — он повернулся к Картеру, — но необходимо, чтобы наше послание сопровождалось соответствующим текстом, иным, чем тот, что в сценарии телесериала.

— Другими словами, сюжетную линию необходимо изменить, чтобы она соответствовала содержанию вашего воздействия на подсознание аудитории?

— Именно так! Несоответствие между тем, что аудитория чувствует, и тем, что слышит и видит, воспрепятствует восприятию послания. Это все равно, что под видеоряд одной из ваших многочисленных реклам пустить звуковое сопровождение другой. Если наша попытка окажется неудачной, мы будем вынуждены на время приостановить показ, но придется пожертвовать элементом неожиданности. Контисуйцы возобновят свою активность в другом месте и придумают новые способы мщения.

— Лучше, если все у нас получится сразу! — Картер

выпятил грудь.— Мне всегда удавались импровизации. Вы позаботьтесь об электронике, а я займусь сюжетной линией.

— Чудесно! — воскликнул Толстяк.

— Джейсон, ты с ума сошел! — встревожилась не на шутку Эшвуд.

Он положил руку ей на плечо:

— Успокойся, Марджори! Я справлюсь. Вспомни, они работают в прямом эфире! Ко времени окончания трансляции бужумы уже сделают свое дело, а я свое.

— А как насчет актеров? Они же не будут знать, что делать, когда на площадке вдруг появится еще одно действующее лицо и начнет выкрикивать текст, которого нет в сценарии!

— Я выступлю с живым диалогом, и если они подлинные профессионалы, они подстроятся под меня. У них не будет другого выхода, поскольку это прямая трансляция. Режиссер подумает, что мое появление на площадке — дело рук продюсера, а актеры примут его за выходку режиссера. Даже если они заподозрят что-то неладное, все равно будут вынуждены продолжать трансляцию, по крайней мере, до первой рекламной паузы. А мне всего лишь нужно продержаться на площадке несколько минут.

— Ты хочешь, что ли, чтоб тебя, дурака, пристрелили на площадке?

— Этого не случится, Марджори. Наверное, есть у них вооруженная охрана в вестибюле, но не на съемочной же площадке!

Эшвуд была настроена скептически:

— Все вы тут сумасшедшие! Предположим, вы подъезжаете к главному входу, и тут кому-нибудь из охранников позарез требуется узнать, что у вас там в фургоне.

Картер уже успел подумать и об этом:

— Игорь скажет, что бужумы — это реквизит, и охранники ему поверят. Посмотри на наших друзей! Реквизит да и только! Чем другим они могут быть?

Следующим утром они провели разведку местности. Пустыри чередовались с приземистыми одноэтажными тор-

говыми складами без окон и сборными заводами. Снаружи студийный комплекс выглядел иначе, чем другие коммерческие сооружения, заполнявшие промышленную зону к югу от Эдинбурга. Огромная тарелка спутниковой антенны усталилась в небо на главном здании комплекса, который был обнесен сетчатым забором.

Картер оказался прав, предполагая, что контисуйцы вряд ли выставят сколь-нибудь заметную для окружающих охрану, но стало ясно также и другое, а именно то, что они ни в коем случае не позволят разгуливать по студии случайным посетителям.

В распоряжении бужумов находилось несколько органов чувств, и зрение не было из них лучшим, потому, сидя на переднем сидении фургона, Игорь и Картер в бинокль разглядывали территорию комплекса.

— Вот это, видимо, административное здание, — не отрывал глаз от бинокля Картер. — Студийные помещения находятся, скорее всего, за ним, а передающее оборудование должно быть под этой огромной тарелкой. Вот туда-то и следует доставить бужумов.

— А ты? Как ты проберешься на съемочную площадку?

Картер закусил нижнюю губу:

— Пока не знаю, но думаю, что пробраться туда будет потрудней, чем к передающему оборудованию. Но чем дольше я останусь незамеченным, тем неожиданней будет мое появление на съемочной площадке, и тем больше будет шансов на успех. В идеале я не должен попадаться никому на глаза до того самого момента, как предстану перед камерами.

— Надо придумать, как ты проберешься! — сказала Эшвуд.

Картер обернулся к ней:

— Я не вижу другого входа, кроме главного.

Она улыбнулась и ткнула игриво его кулаком под ребра:

— А ты еще не искал другой лазейки! Давайте-ка заедем и посмотрим на комплекс сзади!

Они припарковались на территории фабрики пластмасс, примыкавшей к комплексу. Занятые своим делом рабочие не обратили на фургон доставки внимания. Эшвуд взяла бинокль:

— Я вижу дорогу, проходящую через поле между студией и фабрикой,— она крепче вцепилась в бинокль.— Дорога упирается в ворота. Я вижу огромный амбарный замок. У меня с ним проблем не будет!

— Ты же говорила, что лично никогда не принимала участия в организованных твоим дружкой ограблениях!

Она опустила бинокль:

— Я говорила только, что никого не убивала, но не говорила, что я никогда не взламывала замки.

Картер скривился:

— Так когда мы приступаем?

— Рано утром,— решила Эшвуд,— до того как соберется технический персонал. В это же время как раз смена караула, вряд ли стражи будут очень бдительны. Мы захватим с собой бутерброды и найдем укромное местечко, где можно будет до вечера спрятаться и перекусить.

Картер нахмурился:

— А кто говорил, что ты пойдешь со мной?

— Почему бы и нет? — огрызнулась она.— В фургоне с Игорем мне тоже вроде как делать нечего, и если вы думаете, что я буду сидеть в коттедже и ждать, пока вы вернетесь и расскажите, как прошел вечер, то вы глубоко заблуждаетесь. И кроме того, если они все-таки наткнутся на нас, я смогу отвлечь на себя их внимание. Попрошу, например, срочно помочь мне расстегнуть бюстгальтер, скажу, плохо с сердцем.

Повернувшись на сидении, она посмотрела на бужумов:

— Они начинают трансляцию в 19.00. Во сколько Картер должен появиться перед камерами?

— Не имеет значения! Мы будем держать под контролем оборудование,— сказал Коротышка,— и увидим на мониторах, когда он попадет в кадр. Мы начнем передавать наше послание, как только он начнет свою импровизацию.

— Думаю, нужно будет подождать второй половины серии,— предложил Картер.— В этом случае, у них не останется времени, чтобы пустить в эфир новое послание, если им удастся снова захватить передающее оборудование.

— Отличная идея, старина! — Эшвуд повернулась к Игорю.— Ты подъедешь к воротам непосредственно перед

началом трансляции, чтобы не парковаться где попало и не привлечь внимания досужего дорожного инспектора. Охраннику скажешь, что попал в пробку. Думаю, в этих местах время от времени должны случаться пробки. Ты скажешь, что реквизит, который ты везешь, срочно необходим для телесериала. У охранника не будет времени, чтобы позвать кого-нибудь для проверки, и он пропустит тебя. Такое не прошло бы на студии в Лос-Анджелесе, но здесь, я надеюсь, пройдет.

— Жесткое расписание, — сказал Игорь.

— У нас будет не так уж мало времени, — от бужумов исходила непоколебимая уверенность. — Раз уж мы захватим передающее оборудование, мы не подпустим к нему никого, пока не закончим свою работу. Контисуйцы не успеют осознать, что происходит, а когда они это сделают, все будет кончено.

— Мне в голову пришла одна забавная мысль, — Эшвуд всех оглядела. — Предположим, мы добьемся своего, но что помешает контисуйцам начать все сначала?

— Мы позаботимся о том, чтобы производная обучающей машины была уничтожена и не подлежала восстановлению, — ответил Толстяк. — Обучающие машины — достаточно сложная техника, требующая компонентов, которые невозможно изготовить при имеющихся в вашем мире технических возможностях. Зброшенные сюда контисуйцы не смогут восстановить производную обучающей машины, даже если они воспользуются помощью ваших специалистов. Ведь ваш даже самый лучший автомеханик не сможет собрать автомобиль из оплавленной кучи металла и пластика, не так ли?

— Ладно! Возвращаемся в коттедж! — Эшвуд громко зевнула. — Раз мне завтра придется встать пораньше, чтобы спасти мир, или, по крайней мере, Европу, то нужно хорошо выспаться!

Игорь и бужумы пожелали Картеру и Эшвуд успеха, когда на рассвете те отправились на студию. В небольшом, взятом напрокат «Моррисе». Бужумы и их перуанский шофер Игорь де Сото должны были оставаться в коттедже еще часов десять до того, как выехать в том же направлении. Картер на прощанье приласкал Мачу, после чего Длинный заверил его, что они присмотрят за ней не хуже, чем за Гринсо.

Картер снова припарковался на территории фабрики пластмасс и принялся рассматривать студию в бинокль. Прибывавшие на работу люди не обращали никакого внимания на чету в автомобиле, спеша зарегистрироваться на проходной.

— У ворот никого нет,— прошептал он.— Ни охранников, ни собак! Никого!

— Нечего тогда здесь торчать! — Эшвуд открыла дверцу и выскользнула из машины.

Никто их не окликнул, когда они прогулочным шагом прошли по полю, пересекли его и подошли к воротам. Картер стоял на стреме, когда Эшвуд ковырялась с огромным замком, пытаясь открыть его маленькой металлической пластинкой. Вскоре он услышал отчетливый щелчок и довольное посвистывание Эшвуд.

— Все равно, что прокатиться на велосипеде: один раз получилось, получится и в другой раз,— она потянула замок, и замок послушно открылся.

Картер освободил его от цепи и приоткрыл одну створку ворот ровно настолько, чтобы они с Эшвуд могли проскользнуть. Оказавшись за воротами, он аккуратно прикрыл их.

Старая студия была гораздо больше, чем того требовало производство одного единственного телесериала. Несомненно, ей было отдано предпочтение именно из-за ее отдаленности от города.

Они осторожно пробрались к центру комплекса, намереваясь в первую очередь разыскать студию, из которой транслировался вечером телесериал.

Обойдя здание, они были вознаграждены, наткнувшись

на одну незапертую дверь. Вся задняя часть огромного, похожего на пещеру зала, куда они попали, была забита всевозможным хламом: пыльные декорации, сценическое оборудование, ободранная мебель... Единственным светом, который проникал в зал, был свет с площадки, где делалась программа.

Картер бесшумно скользнул между всем этим барахлом, за ним по пятам следовала Эшвуд. Осторожно ступая, они вышли, наконец, к викторианскому дивану, стоящему у фальшивого фасада английской пивной. Было темно и тихо. Лучшего места, где можно убить время в ожидании вечера, трудно было и придумать.

Сидя на диване, они ели бутерброды, а в это время на съемочную площадку начали прибывать исполнители и технический персонал для подготовки вечерней трансляции. В конце концов, скука и любопытство выгнали Картера и Эшвуд из их убежища. Они пробрались к разрисованному заднику, где Картер нашел щелочку, через которую они могли худо-бедно видеть все, что происходило на площадке.

Пукауаман, выглядевший вполне прилично в своем сером деловом костюме, стоял у одной из камер, разговаривая с Апу-Тупой и еще одним контисуйцем, которого Картер не знал. Невдалеке от них режиссер репетировал сцену с двумя исполнителями.

Шотландские видеотехники работали с камерами и освещением. Вдали от сцены и двадцати рядов пустых кресел звукооператоры занимались оборудованием в застекленной звуконепроницаемой кабине.

На сцене появилась еще одна фигура, оторвав режиссера от репетиции. Картер вздрогнул, когда узнал Франческу Да Римини, потрясающую в своем элегантном темно-синем платье и профессиональном гриме.

— Посмотри-ка! — он отодвинулся, давая Эшвуд возможность заглянуть в щелочку.

— А сучка выглядит вполне прилично! Пукауаман и Апу-Тупа здесь! Бьюсь об заклад, Трань Хо где-то рядом, скорей всего патрулирует по туалетным комнатам. Но не видно что-то Февика и братьев Фернандес! Впрочем, не так

уж это важно! Все произойдет так быстро, что они не успеют спохватиться! — сказала Эшвуд.

Посмотрев на часы, Картер кивнул:

— Наши друзья, наверное, уже в пути, — он снова прильнул к щелке в заднике. — Думаю, мне пора немного прогуляться!

Эшвуд недовольно сдвинула брови:

— Опять ты дуришь, красавчик! Рано! Что, если ты на кого-нибудь напорешься?

— Я осторожно! Я заметил кое-что и мне хотелось бы это поскорее заполучить!

— Да Римини узнает тебя прежде, чем ты успеешь открыть рот!

Картер усмехнулся:

— Я не о ней! Там есть кое-что такое же словоохотливое, но менее шумное, и если я смогу раздобыть это, мне оно здорово поможет!

Пригнувшись, он направился к площадке. Эшвуд не находила себе места, пока он не вернулся, сжимая в руке пачку бумаги размером с обычный журнал.

— Кто-то оставил сценарий на стуле. Теперь я могу слегка подготовить импровизацию. Я переделаю сценарий, и мы с тобой немного порепетируем.

Эшвуд сомневалась.

— Вперед же, Марджори! Ставка — судьбы европейской цивилизации!

Игорь стоял, утопая ногами в высокой траве у открытой дверцы фургона, сверяя вид холмистой сельской местности с картой, которую он держал в руках.

Древние каменные стены пересекали пастбища, по которым бежала узкая двухрядная дорога. Одиноким фермерский домик с амбаром стоял на вершине холма с правой стороны, но ничто не напоминало здесь контисуйский студийный комплекс или фабрику пластмасс. Он знал, что к этому времени они должны уже находиться на подъезде к пригородной промышленной зоне, но они заблудились. Он свернул карту в полном смятении. Карта была испещрена пересекающимися черными, синими и красными ли-

ниями, загадочными цифрами, таинственными знаками и названиями дорог, которые сменялись на каждом километре.

Джейсон Картер всегда легко определяет направление, а он чем хуже? Разве он не профессиональный проводник? Но Игорь должен был признать, что в восточном Перу, где дорог мало, а их пересечение — событие, ориентироваться гораздо легче. Наверное, ему не следовало быть таким самоуверенным. Может, забыв про профессиональную гордость, спросить у кого-нибудь дорогу? Но спросить было не у кого.

Его все возраставшее смятение не осталось незамеченным. Поскольку мысли бужумов проникали непосредственно в мозг, он не мог оставить их незамеченными.

— Зануда! Он еще называет себя проводником! — думал Коротышка. — Не уметь ориентироваться в примитивной системе дорог!

— Время становится решающим фактором успеха предприятия! — мысли Толстяка были окрашены вполне понятным нетерпением. — Мы должны поторопиться!

— Послушайте, это гораздо сложнее, чем кажется, — Игорь заговорил, не давая себе труда повернуться в сторону фургона, зная, что бужумы воспримут его мысли, куда бы он не смотрел; он постучал по карте указательным пальцем. — Каждая дорога вливается в другую. Смена названий не объяснима. Цифры проставлены бессистемно. А сама карта давно уже устарела. В моей стране все гораздо проще.

— Езжай по этой дороге, она называется Ангус Лейн и вливается в другую, под названием А-8, которая поворачивает на запад и соединяется с М-74, с нее нужно свернуть на А-12 и ехать на юг, — посоветовал Длинный.

Игорь принял вид гражданина, внимающего политику, который старается разумно объяснить ему смысл нового налога.

— Дело в том, что я в западной части города свернул не на Марли Серкус, откуда мы должны были двигаться в южном направлении, — его голос пресекся. — Я думал, последний поворот выведет нас на К-3, но название шоссе «Дорога Грусти» смутило меня.

— Мы должны были свернуть на М-1, а не на М-74,— твердо заявил Длинный.

— Бессмыслица! — рывкнул Коротышка. — Что ты знаешь об этих дорогах, если не смог в свое время даже...

— Заткнись! — Толстяк повернулся к водителю. — Если ты не уверен, куда дальше ехать, спроси у местных жителей! Вот что разумно!

— Именно это и придется сделать, — признал Игорь.

Карта королевского автоклуба оказалась ему не по зубам. Проехав километр, они оказались у поля, по которому на повозке, запряженной парой лошадей, ехал пожилой мужчина. Игорь вылез из машины и направился к каменному забору.

— Извините, сэр! — он замахал руками, пытаясь привлечь внимание фермера.

Мужчина услышал его, потому что остановил повозку, положил вожжи и слез на землю. Пока он приближался, он все время держался за козырек своей кепки, будто боялся, что та неожиданно навсегда улетит от своего хозяина. Он осмотрел приезжего с интересом:

— Откуда же ты, такой загорелый, будешь?

— Из Перу, — не теряя времени на пустые разговоры, Игорь ринулся спрашивать: — Вы можете сказать, как попасть на М-14?

— М-14? — мужчина удивленно отпрянул. — Парень, тебя занесло совсем в другую сторону!

— Я знаю, знаю, потому и спрашиваю!

— Ну хорошо! — старый фермер помял свой небритый подбородок. — Продолжай двигаться по этой же дороге в том же направлении, пока не доедешь до перекрестка, жаль там нет дорожного указателя, потому что в прошлом году его сбили несколько парней, выпив немного лишнего в «Черной собаке». Повернешь на перекрестке направо. Дорога будет слегка ухабистой, но тебя это пусть не смущает. Доедешь до старого железнодорожного моста. Думаю, твой фургон пройдет под ним, и через пару километров ты выедешь на асфальтированную дорогу, там тоже нет указателя.

— Опять парни?

— Нет, скупость консервативного правительства! По-

вернешь налево и увидишь развилку. Но ты продолжай двигаться прямо, пока не упруешься в свою М-14.

— Спасибо, сэр, спасибо!

— Пожалуйста, но...

Но Игорь уже сидел за рулем, захлопнув за собой дверь. Шины жалобно завизжали, из-под колес вылетел гравий, а старый фермер все стоял и задумчиво смотрел вслед быстро удалявшемуся фургону. Наконец, он повернулся и направился по каменистому склону к своей повозке:

— Сам бы я этим путем не поехал! — он вздохнул. — До чего же сейчас нетерпеливая молодежь!

Активность толпившегося на сцене технического персонала возрастала по мере приближения времени выхода в эфир. Картер думал, что бужумы уже проникли на территорию студии и готовятся захватить оборудование. Он взглянул на часы. Он волновался.

«Не теряй времени, — думая о бужумах, увещевал себя Картер. — Сосредоточься на сценарии!» Даже если возникнут непредвиденные обстоятельства, напомнил он себе, бужумы, все-таки, — существа, которые построили передатчики материи и звездолеты. Нелепо даже предполагать, что они растеряются в трудной ситуации!

Картер раскрыл сценарий на странице 32 — он решил предстать перед камерами на 32-ой минуте серии.

— Черт бы побрал! Я знал, что одному из нас следовало ехать на переднем сидении, — думал Коротышка.

Игорь стоял у раскрытой дверцы фургона:

— Да, это бы нам здорово помогло, особенно когда какой-нибудь полицейский увидел бы меня за рулем по соседству с жестикулирующим корнеплодом на пассажирском сидении!

— Чушь собачья! Какой полицейский? Мы не встретили ни единой живой души с тех пор, как расстались с тем престарелым обманщиком, который направил нас сюда!

Трое бужумов сгрудились за спиной Игоря, рассматривавшего нижнюю часть старого железнодорожного моста. Старый фермер был явно не в ладах с оценкой пространственных взаимосвязей. Крышей фургон зацепился за мас-

сивную горизонтальную балку моста, датированного 1879 годом, которая, в свою очередь, содрала крышу взятого напрокат фургона, будто это была фольга.

— Может, вы сами сядете за руль? — злился Игорь.

Фыркание и царапанье ногтей о металл донесли из фургона. «Даже кошки расстроены случившимся», — подумал он. Игорь уже выпустил немного воздуха из всех четырех шин, надеясь, что фургон опустится и высвободится из ловушки. Но все было тщетно. Фургон крепко-накрепко был зажат мостом.

— Стоит ли спасать людей, коли они столь глупы? — злился Коротышка. — Заслуживает ли этот бесперспективный вид существ нашего участия?

— Но у нас есть ноги, а у вас их нет! — Игорь обошел спереди фургон. — А вас хоть анчоусами не корми, дай только повод выказать превосходство.

Он налег на капот фургона, раздался металлический скрежет. — Если бы вы вместо того, чтобы обмениваться оскорблениями, подумали б как высвободить машину, у нас, может быть, и появилась бы возможность вылезти из этой дыры, — передал свою мысль Длинный.

Эшвуд беспокойно ерзала на викторианском диване. Она привыкла к жесткому рабочему стулу, и мягкая набивная спинка вызывала у нее боль в спине.

— Который час?

— Без двадцати семь, — сказал Картер, не отрываясь от щелки в заднике. — Нет повода думать, что они сегодня задержат трансляцию.

— Когда ты намерен выйти?

Он посмотрел в украденный сценарий:

— В первой половине — вступление. Я выйду на площадку после рекламной паузы в начале третьего акта.

Она кивнула:

— Твой выход станет самым главным в твоей актерской жизни!

— Я знаю, — он опять прильнул к щелке. — Я и сам с нетерпением его жду. По крайней мере, теперь-то я сыграю, наконец, что-то стоящее!

Сидя в звуконепроницаемой стеклянной кабине, Февик довольно откинулся на спинку стула, поглаживая устро-

ившегося у него на коленях кота, когда режиссер потребовал тишины, предваряя начало трансляции.

— Мы добились своего, Мо! — пальцы Февика чесали кота за ухом, и кот одобрительно урчал. — Когда наши контисуйские друзья предоставят мне возможность взять под контроль крупнейшие музеи Европы, маме и папе придется, наконец, признать мое присутствие в этом мире. Они с нескрываемым презрением относились к моему увлечению археологией, но теперь будут приятно поражены тем, что я переключусь на административную деятельность. Подумать только! Я, Брайтон Февик, буду распоряжаться судьбами величайших музеев мира! Мир еще узнает Брайтона Февика! Ты того же мнения, Мо?

Кот лениво поднял голову и безучастно посмотрел в лицо хозяину, а в кабину тем временем вошли Пукауаман и Апу-Тупа. Отсюда, из тишины звуконепроницаемой кабины, они намеревались следить за трансляцией сцены. Шотландские техники были заняты своей работой. Прямая трансляция через систему спутникового телевидения — дело серьезное, не для ленивых и равнодушных!

В здании поблизости контисуйские техники, как обычно, получают звуковой и визуальный сигналы из студии, подстраивают их уровень, пропускают их через производную обучающей машины и направят их на «Евросат — 3» для последующей передачи всем станциям, расположенным на территории Европы. Два контисуйских солдата уже стояли по обе стороны двери, охраняя единственный вход в помещение. Когда начнется передача, никому не будет позволено входить и выходить.

Шотландский технический персонал не интересовался необычной процедурой. Их работа заключалась в том, чтобы передать программу, а то, что принимающая аппаратура находится в здании по соседству, а не в записывающей студии и не на одной из местных телестанций, совершенно их не касалось, пока Шотландский банк продолжал оплачивать их чеки.

Пукауаман едва взглянул на сцену, когда режиссер дал команду, и на экранах мониторов появились вступительные титры.

— Скоро день, который останется навсегда в памяти моего народа,— сказал Пукауаман.— Футбольный матч между испанцами и британцами выльется в кульминационное событие нашей подготовительной работы. Когда Европа увидит хаос стадиона, антииспанские настроения, которые мы разожгли, затопят континент, стравив между собой бывших союзников. Европу настигнет политический кризис. Раздадутся призывы к применению против Испании немедленных санкций, и каждую неделю в четверг в семь часов вечера «День, который становится завтрашним» будет ненавязчиво внушать гражданам Европы, что им следует делать.

— После того как мы отомстим за наших предков,— добавил Апу-Тупа,— мы предпримем шаги, чтобы повлиять на результаты выборов в различных странах, продвигая тех кандидатов, чья политика нас устраивает, и уничтожая неугодных. Так будет положено начало нашей новой Империи. В конце концов, мы станем управлять всей этой планетой, и управлять ею мы будем из нового центра Земли, из Куско.

— И всем придется, как минимум, два раза в день пить инка-колу и раз в месяц посещать Мир Инков,— весело продолжил Февик.— Вы ведь это обещали братьям Фернандес, не так ли?

— И мы сдержим свое обещание,— Пукауаман обратил взгляд на сцену, где уже разворачивалось действие.— Мне бы никогда не пришло в голову ничего подобного, если бы не бесценный совет маленькой женщины Хо. Она права, вашим миром можно легко управлять через систему телевидения.

— Мне никогда не приходилось близко соприкасаться со сферой средств массовой информации,— сказал Февик,— и поскольку эти средства не мешают моей работе, мне безразлично, что вы с ними вытворяете,— он улыбнулся, глядя на своего кота.— А ты что по этому поводу думаешь, Мо? Позволим мы с тобой нашим друзьям покорить мир? По-моему, ты не будешь возражать, если только это не подорвет международную торговлю кошачьим кормом! — засмеявшись, он снова откинулся на спинку стула.

— Опять? Еще одна поломка? — усталый Толстяк высунулся из открытой задней дверцы фургона, рядом маячили две кошачьи мордочки.

Фургон был припаркован к обочине дороги. Игорь лежал под фургоном, гремя железками.

— Машина старенькая. Боюсь, сломалась задняя ось.

— Что это значит?

— Это значит, — Игорь вылез из-под машины, вытирая с лица грязь и пот, — что фургон больше нас не повезет!

— Сколько времени тебе нужно на ремонт?

Игорь отряхивал грязь со своей одежды, рядом стояла Мача и, казалось, смотрела на него с укоризной.

— Нисколько! Я не могу исправить! Нужно специальное оборудование! — он посмотрел на часы. — Даже если бы я мог исправить, это уже не имело б большего значения. Этот фургон нам больше не нужен, нам нужно подыскать себе нечто более скоростное!

Игорь вышел на дорогу.

— Попробую остановить кого-нибудь и отобрать машину!

— Ты хочешь воспользоваться каким-то неизвестным нам способом воздействия на подсознание?

— Можно сказать и так! Мы попадем на студию вовремя, если меня не остановят за превышение скорости.

Первая появившаяся на дороге машина, чуть не задев отчаянно жестикулировавшего Игоря, в самый последний момент чудом его обогнула и скрылась за холмом.

Увидев такое дело, бужумы без слов выбрались из фургона и выстроились рядом с Игорем вдоль дороги. Каждый из них поднял один из своих щупальцев и, подражая Игорю, изобразил жест с торчащим вверх большим пальцем.

— Что это вы делаете? Вам нельзя!

— Мы слишком долго сегодня на тебя полагались, — сказал Толстяк. — Метод остановки транспорта не оказался нам очень сложным, однако, ты не смог им надлежащим образом воспользоваться, поэтому мы вынуждены сделать это сами.

Игорь насупился:

— Поступайте, как знаете! Но не думаю, что если вы будете стоять на дороге...

Он не закончил фразы, потому что из-за ближайшего холма донесся звук приближавшегося автомобиля. Упрямые моркови не обнаружили желания спрятаться в фургон, и Игорь со вздохом повернулся навстречу звуку, не надеясь, что водитель остановится.

Глава 19

Для своего выхода Картер выбрал малозначительный эпизод в начале третьего акта. По сценарию на площадке в этот момент должны были остаться только два действующих лица, и Картер мог довольно естественно подключиться к их диалогу. Это место в сценарии было самым подходящим для неожиданного появления.

Но все зависело от реакции актеров. Одно из двух, или они профессионально подхватят его текст или растеряются и сбегут. Он полагался на необходимость непрерывности прямой трансляции. Им придется ему подыграть! Но полной гарантии не было, и потому он приготовился сказать как можно больше и как можно быстрее.

Трансляция шла своим чередом, когда Картер увидел, что Пукауаман, Апу-Тупа и Февик, заскучав, выходят из кабины. Он почувствовал воодушевление. Если на площадке не будет никого, кто мог бы его узнать, он сможет продержаться до следующей рекламной паузы, во время которой, увы, студийная служба безопасности, наверняка, его схватит.

Странно, что вся его предыдущая, не очень удачная, актерская судьба привела его, в конце концов, к роли, несущей такую смысловую нагрузку, какую не несла ни одна из известных ему ролей. Это самый важный в его жизни выход, но он не сомневался, что выход этот продлится не более нескольких минут, и может случиться, этот выход станет для него последним.

— Ты готов, красавчик? — присутствие и материнское участие Эшвуд ободряло его.

«Все-таки, не совсем материнское», — напомнил он себе.

— Я хочу, чтобы ты знал, независимо от того, как все обернется, ты самый сильный мужчина из тех, кого я знала!

— Ты говоришь это, чтобы приободрить меня!

— Неважно! Мои слова уже возымели действие, не так ли? — она ему улыбнулась.

Картер встал и прошелся вдоль задника. Он ослабил его край, чтобы в нужный момент легко проскользнуть на сцену. Их убежище находилось с правой стороны площадки, и никто на ней даже не смотрел в их сторону. Нет сомнений, бужумы уже захватили оборудование и ждут не дождутся его появления на экранах мониторов.

— Серьезно, Джейсон, я рада тому, что однажды познакомилась с тобой. Может, охранники не убьют, а только оглушат тебя? Сказать по правде, я не видела у них ни оружия, ни тех чертовых трубок. И все-таки, я чувствовала бы сейчас себя спокойнее, если бы ты готовился просто ограбить банк.

Он улыбнулся:

— Приступ ностальгии?

— Называй, как хочешь!

Согласно сценарию, между вторым и третьим актами, во время рекламной паузы, должна состояться быстрая смена декораций. Когда рабочие сцены засуетятся, он постарается затеряться среди них. Картер сам удивлялся, до чего же он был спокоен и уверен. То, что ему предстояло, походило на живой театр, к которому он всю жизнь питал неразделенную любовь.

Он сам себя включил в состав исполнителей этой теленовеллы, и никто не застрелит его до тех пор, пока он не скажет все, что задумал.

— Ты теперь видишь, — декламировала тем временем молодая актриса всего в двадцати футах от него, — что эта испанская корпорация разорила нас, несмотря на то, что мой отец положил жизнь на алтарь ее благополучия! — она отвернулась от почтенной матери семейства, сидящей напротив. — Из-за этих негодяев я не смогу теперь выйти замуж за Эдварда, — она всхлипнула.

— Мне очень жаль, дорогая, — матрона подошла к пись-

менному столу и взяла перочинный ножик. — Если бы твой брат Джек был здесь, он нашел бы способ покончить с этими лживыми трусами. Но к несчастью, он...

— Не беспокойтесь, тетя Дора! — уверенно произнес высокий красивый актер, появившийся на сцене, он имел осанку, если не Лоренса Оливье, то, по крайней мере, Дастина Хоффмана. — Я в последний момент изменил свои планы, и вот я здесь, где и должен быть, когда мои близкие нуждаются во мне.

Обе актрисы в крайнем замешательстве уставились на него. Но в контексте повествования их удивление выглядело очень естественно. Матрона собралась было повернуться за разъяснениями к режиссеру, но вспомнила, что все ее жесты напрямую транслируются на всю Европу, и, надо отдать ей должное, не выходя из образа, к неопишуемому восторгу Картера, она сумела выдать из себя:

— Я... прошу простить меня, — она смахнула слезу.

Так, будто он репетировал целую неделю, Картер пересек сцену и небрежно уселся в кресло напротив женщин.

— Я сдал билеты и примчался сюда из аэропорта, — он посмотрел матроне прямо в глаза и сказал с улыбкой: — Но вы, я вижу, не ожидали моего появления?

Женщины обменялись удивленными взглядами, и молодая неожиданно улыбнулась старшей. Им втолковывали на репетициях, что эта серия — самая важная для всего сериала, и, очевидно, неожиданное появление на сцене незнакомого им актера — задумка режиссера, призванная расшевелить исполнителей. Уверенное выражение лица этого парня укрепило их в этой мысли, и раз уж так желает этого режиссер, они будут играть живой диалог до следующей рекламной паузы, когда все прояснится.

Именно на эту реакцию и рассчитывал психолог Джейсон Картер, готовясь к выходу. Он вошел в роль и почувствовал себя старшим братом этой девушки. Свой текст он построил, основываясь на том, что ему удалось выудить из украденного сценария, но его текст, в отличие от текста сценария, был насквозь пропитан испанскими настроениями. На таком игровом фоне, он считал и не ошибался, бужданию будет легко манипулировать сознанием зрителей, используя контисуйский аппарат воздействия на подсознание.

— Испанская правительственная корпорация не виновата в смерти нашего отца, — заявил Картер.

— Вот как? — воскликнула молодая актриса, и в ее вопросе не было ни капли фальши.

— В смерти нашего отца виноваты те, кого мы все время считали нашими друзьями! Я узнал, что они манипулируют нашим сознанием и обвиняют испанцев в преступлениях, которые те не совершали. Они пытаются посеять вражду между народами Европы, разжигая ненависть к испанцам. И все это — часть заговора, цель которого — отомстить потомкам умерших людей за преступления их предков.

В любой момент он ожидал услышать выкрик режиссера «стоп!» и увидеть бегущих к нему охранников, которые, несмотря на работающие камеры, уволочут его со сцены. Но его приятно поразила воцарившаяся на площадке спокойная творческая атмосфера.

Со своего места, где он сидел, Картер не видел, что происходило за съемочной площадкой. Но случилось так, что режиссер, запустив в производство третий акт, решил сходить по малой нужде, оставив руководство съемочным процессом своему способному, но совершенно растерявшемуся при появлении Картера ассистенту, который посчитал неразумным мешать развитию действия: все на площадке, включая неизвестного актера, кажется, знают, что делают, а кто он, собственно говоря, такой, чтобы прерывать прямую трансляцию? Скорее всего, в последние минуты в сценарий были внесены изменения, о которых никто не посчитал нужным его, мелкую сошку, уведомить. Его растерянность — не причина для остановки трансляции. Что еще можно ожидать, если величественные толстые инки, американские репортеры вьетнамского происхождения и огромные рыжие коты разгуливают по площадке, когда им вздумается? Через несколько минут — запланированная рекламная пауза, и все прояснится.

Рассудив так, ассистент режиссера расслабился и постарался получить удовольствие от игры актеров. Технический персонал съемочной группы посмотрел на ассистента, увидел спокойного человека, контролировавшего себя и шедший полным ходом творческий процесс на площадке,

и продолжил делать свое дело, а камеры и микрофоны делали свое.

Картер обнаглел, встал и прошелся по сцене, подумав, что Эшвуд в этот момент, должно быть, тихо аплодирует ему, стоя у щелочки в заднике. Несомненно, эта всеевропейская трансляция благотворно повлияет на его карьеру, если, конечно, его прежде не пристрелят.

Повернувшись, он краем глаза заметил отчаянно жестикулировавших ему из стеклянной кабины техников. Спустя минуту дверь кабины с силой распахнулась и в нее ворвались ненадолго отлучавшиеся Пукауаман, Апу-Тупа, Брайтон Февик и кот Мо. Пока контисуйцы, дико размахивая руками, втолковывали что-то техническому директору, Февик уставился, не веря своим глазам, на сцену. Картер представил себе внутреннее состояние археолога и даже посочувствовал ему.

А трансляция тем временем продолжалась.

У'шак только сейчас начал понимать, что произошло. Все же шло как нельзя лучше, точно по разработанному им плану, и он снова позволил себе расслабиться, а в результате оказалось, что события вышли из-под его контроля!

Его ярости не было предела, но он собрался, чтобы попытаться вычислить, где же он совершил ошибку. Он догадался, что проблема, будучи изначально технической, соприкоснулась с гуманитарным аспектом, а именно, с актерским исполнением.

И в то же время он с удивлением обнаружил, что в непосредственной близости от него работает сильный разум, не человека и не Шихараранета, из-за чего его план не только претерпел изменения, но и оказался на грани полного провала, и все только потому, что он опять, уже во второй раз, позволил самоуспокоению и самоуверенности взять над собой власть.

Беглая оценка наводила на мысль, что ущерб, нанесенный его плану, невосполним. Единственное, чем не мог управлять У'шак, было время.

Смотреть, как его замысловатый, изысканный, тщательно выстроенный план необратимо разрушается прямо

в непосредственной близости от него и сознавать при этом, что виной тому не обладающий высоким интеллектом Наблюдатель, а обыкновенный, стоящий на невысоком уровне развития человек, было выше его сил. Он не мог, как прежде, влиять на людей, окружавших его, он не мог заставить их исправить положение. Их реакции порой бывали очень замедленными, а возможности управления ограниченными.

Самообладание покинуло его, когда он осознал, что если он сейчас, в это мгновение, не предпримет решительного действия, все, над чем он работал, планы чего столь долго вынашивал, будет потеряно безвозвратно, и он совершил прыжок.

Округлое, с ровными краями отверстие диаметром в четыре фута образовалось в толстом стекле звуконепроницаемой кабины, повторив очертания вихря, порожденного прыжком Ренегата. Техник, стоявший в непосредственной близости от отверстия, выругался и прикрыл лицо руками, когда на него посыпались осколки битого стекла.

Картер оглянулся, услышав вскрик стоявшей напротив него молодой актрисы, резко отпрянувшей назад. Чистая, без примесей других субстанций, ненависть луковицеобразной серебряной слезой вырвалась из стеклянной кабины и, разрастаясь в размерах, устремилась к нему. Стальные, с желтым отливом, когти и горящие глаза цвета расплавленной серы неслись на него.

Было мгновение, он осознал, что если эта слеза его коснется, он рассыплется, как пепел от кремированной страницы «Нью-Йорк Таймс». Картер нырнул вниз. Вокруг себя он едва слышал крики напуганных людей.

Что-то с силой кузнечного молота ударило его в грудь и, подняв в воздух, откинуло в сторону. Он врезался в декорацию, сломав и ее, и себе два ребра. Упав, он прокатился по полу и замер, пытаясь восстановить дыхание. И в этот момент он осознал, что ударила его в грудь не адская слеза луковицеобразной формы, а... откровение, равное божественному по силе своей любви.

Наблюдатели мгновенно ощутили пронзившую воздух опасность, когда Ренегат совершил смертельную ошибку, раскрыв свою подлинную суть. Борьбы на физическом

уровне теперь было не избежать. Времени выждать не было.

Одновременно и независимо друг от друга придя к одинаковым заключениям, О'Лал и ее товарищ, избрав кратчайший путь через реальность, обратили себя в два направленных потока плотно организованных частиц и прыгнули между миллиардами молекул, которые в противном случае встали бы стеной на их пути. Но О'Лал выбрала для себя одну траекторию, пытаясь спасти человека, чьи заслуги были несомненны, в то время как ее товарищ ринулся к Ренегату.

Гибель одного единственного человека не имела большого значения для схемы эволюционного развития, и пресечение деятельности Ренегата — вот что было самым главным, но О'Лал уважала каждое живое существо, находившееся под ее опекой, а это в особенности, и потому решила попытаться его спасти.

В доли секунды они оказались в студии. О'Лал ударила Джейсона Картера в грудь и осторожно, насколько было возможно, откинула его в сторону. Другой Наблюдатель вклинился между человеком и нападающим на него Ренегатом. Страшный грохот, сопровождавшийся ослепительной вспышкой света, потряс студию.

Ударной волной выбило все стекла, исковеркало оборудование, разбило линзы в камерах, бросило технический персонал и состав исполнителей на пол, остановило трансляцию и оглушило всех находившихся в здании людей.

В воздухе, на высоте десяти футов над съемочной площадкой, неистово носились, завертываясь в спирали и переплетаясь, огненные демоны. Следовавшие один за другим громовые удары и вспышки света вырывались из грядущего сферического ореола, окутывавшего их.

Картер, будучи распластанным на полу на спине, единственный мог заметить серебряный поток, пронесшийся над его распростертым телом и устремившийся в огненный клубок над площадкой.

Они, конечно, сильны, но он окажется сильнее! Ярость придавала ему силы. Он вырвется на свободу и возобновит

свою разрушительную деятельность, даже если ему придется начать все сначала, на новом месте и с новым планом разрушения.

Но Наблюдатели были цепки и упрямы. Он не предполагал, что ему придется столкнуться сразу с двумя из них. Борьба стоила ему невероятных сил. Он выдыхался.

Никто не отдавал техникам и актерам распоряжения покинуть студию. Закрыв ладонями оглохшие уши, зажмурив ослепленные глаза, они, спотыкаясь и падая, сами ринулись к выходу.

Кое-как Эшвуд поставила Картера на ноги и помогла оглушенному и шатавшемуся актеру выбраться из сотрясаемого громовыми раскатами здания. На улице, неподалеку, на автомобильной стоянке, они увидели Игоря и бужумов и поспешили к ним.

— Мы прибыли на стоянку, когда оборвалась трансляция, — безмолвно сообщил им Толстяк. — Что происходит?

Бегущие люди не обращали внимания на корнеплоды, стараясь побыстрее укрыться в безопасном месте. Ну а те, кто, все-таки, обратил внимание на странные существа, решили, что это, видимо, облаченные в необычные костюмы актеры.

Картер уже успел прийти в себя и мог даже самостоятельно стоять, за что выбившаяся из сил Эшвуд была ему премного благодарна.

— Из стеклянной кабины вылетело что-то такое, чего никто никогда не видел. Я почувствовал, что оно собирается меня убить, — он закашлял и сморщился от боли в ребрах. — Но что-то другое, пожалев меня, съездило мне по ребрам и отбросило в сторону, а затем оно само и нечто ему подобное затеяли сражение с тем, что собиралось меня убить, — он оглянулся на трясущееся здание студийного комплекса. — Судя по грохоту, они все еще там и заняты все тем же.

— Это снарки, — сказал Толстяк, — и ничто другое! Их феномен мы в свое время обсуждали с мистером Доджсоном, и тот был странным образом смущен. Он полагал, что мы говорим о себе. Нелепица! Снарк — не бужум!

— Так что же это тогда такое? — спросила Эшвуд, которую все еще трясло, причем, не меньше здания. — Я их видела, но глазам своим не поверила!

— Встреча с ними — большая редкость, — сказал Длинный. — Иногда они доброжелательны, иногда смертельно опасны. Они неизвестная нам форма жизни, скорей всего, они сами движущие силы природы. Мы даже не уверены, материальны ли они.

— Скучные, но достоверные сведения о встречах с ними приходили к нам из разных миров, — добавил Коротышка. — Это всегалактический феномен, но мы немного о нем знаем, можно лишь с уверенностью утверждать, что снарки свободно перемещаются в пространстве, преодолевая любые немыслимые расстояния. Что же привело сюда не одного, а сразу трех снарков? Невероятно!

— Я знаю только то, — все посмотрели на Картера, — что один из них только что спас мне жизнь.

— Их мотивы необъяснимы. Мы не знаем, чем они руководствуются в своих действиях: инстинктом, чувством, разумом или их действия носят случайный характер. Можете считать, вам здорово повезло! Вы стали свидетелями редчайшего феномена.

— Вы как хотите, можете продолжать наблюдать феномен, — Эшвуд принялась отряхивать грязь со своих джинсов, — а я предпочту посмотреть это все завтра по телевизору в утренних новостях.

Грохот взрыва снова оглушил их. Стены и крыша здания ввалились вовнутрь постройки, и из развалин вырвались многоцветные лучи света, похожие на гигантские волокна. Пульсирующие волны, переливавшиеся всеми цветами и оттенками, бежали по лучам и срывались с них искрометными шарами. Каждый раз, когда очередной шар вырывался в небо, раздавался хлопок взрыва, который раскатывался эхом по окрестностям, пугая людей.

Из развалившегося на глазах здания студийного комплекса вырвались языки пламени, осветив стоянку мечущимся желтым светом. Спустя минуту внутри комплекса что-то взорвалось с силой врезавшегося в склон горы бомбардировщика, имеющего на борту полный комплект боезапаса. В небо взлетела стальная крыша, и на автомо-

бильную стоянку посыпались осколки стекла, кирпичей и куски расплавленного металла. Искореженная видеокамера приземлилась у самых ног Картера. Эшвуд взрывная волна сбила с ног, и теперь Картеру пришлось поднимать ее с земли.

— Что за чертовщина? — шатаясь, она, как и остальные, очумело оглядывала то, что еще совсем недавно было студийным комплексом, а теперь — грудой камней, разбросанных по земле, как после применения тактического ядерного оружия.

— Вот и пришел конец контисуйским машинам воздействия на подсознание жителей Европы! Туда им и дорога! — Картер взглянул на не менее заинтригованных взрывом бужумов. — Послушайте, пока что вами никто не заинтересовался, но так не будет продолжаться вечно, и вам лучше вернуться в фургон.

— Как раз это мы и собираемся сделать! — Толстяк развернулся на своей подушке и направился к фургону.

Эшвуд подошла к задней дверце и нахмурилась, увидев погнутую крышу фургона:

— Что случилось? Вам тоже повезло и вы напоролись еще на одного снарка?

Игорь опустил глаза:

— Не совсем так! Железнодорожный мост! Мы застряли под мостом за городом, к западу отсюда. Я уже думал, нам ни за что не успеть ко времени, но случилось невероятное: пролетавший мимо вертолет заметил нас и опустился на дорогу. Золото инков усилило желание вертолетчиков оказать нам помощь, и после ремонта сломанной оси они доставили нас сюда вместе с фургоном, не обратив внимания на находившихся внутри фургона корнеплодов. Мне даже не пришлось у въезда на автомобильную стоянку врать охранникам! Когда они увидели выбравшихся из фургона бужумов, то сразу смекнули, что спустившийся с неба вертолет имеет отношение к телесериалу, и не стали нас обременять излишними вопросами. Мы беспрепятственно проникли в здание, где наши друзья легко управились с теми, кто проявлял излишнее любопытство и настойчивость, лишив их подвижности, — он поднял глаза на Картера. — К тому времени, когда мы добрались до передаю-

щего оборудования, ты уже играл на сцене.

Картер вытаращил глаза:

— Ты хочешь сказать, что, когда я вышел на площадку, вас еще здесь не было?

Игорь кивнул, а бужумы поспешили залезть в фургон.

— Меня же могли ни за что ни про что шлепнуть!

— Ох уж эти люди! — донеслось из фургона. — Меня не перестает удивлять их восприятие действительности.

С переднего сидения донеслось жалобное «мяу», и Картер, обойдя фургон, открыл боковую дверцу. Мача прыгнула ему на руки. Пока он ласкал ее, оттуда же выпрыгнул Гринсо и степенно прошествовал к задней дверце фургона для воссоединения со своими хозяевами.

— Бедное создание! — говорил Картер, глядя Мачу. — Наверное, шум напугал тебя до смерти. Но все уже кончилось! Не бойся! Когда мы вернемся в Лос-Анджелес, я куплю тебе самый большой царапательный стояк для твоих коготков и буду кормить тебя изысканнейшим кошачьим кормом от Джельзена, — нежно он усадил ее на сидение рядом с собой.

Различные машины с визгом уносили с территории студии до смерти напуганный персонал. Одна из них чуть не врезалась в появившуюся из-за поворота пожарную машину, первого представителя отдела противопожарной безопасности Большого Эдинбурга. Со стороны завода пластмасс раздался звук сирены, и Картер невольно посмотрел на небо, будто ожидал увидеть бомбардировщика Люфтваффе.

— Значит, машины не останавливались, и единственным способом поспеть на студию был вертолет, и стоило тебе только о нем подумать, как он тут же и нарисовался? — Эшвуд скептически взглянула на Игоря. — Не кажется ли тебе все это чертовски странным совпадением?

— Иногда лучше не мучить себя вопросами, — изрек Длинный. — Случайности и совпадения не противоречат естественным законам вероятности.

— А я не понимаю, — сказал Картер, — зачем снарку понадобилась моя смерть? Неужели он был заодно с контисуйцами? Или опять совпадение?

Коротышка посмотрел на горящее здание студии, во-

круг которого суетились бойцы местной пожарной команды:

— Снарков подозревают в том, что они вмешиваются в естественный ход вещей, но это не доказано.

— Интересно, все ли успели выскочить из студии? — спросила Эшвуд. — Февик, Да Римини, контисуйцы?

— Трань Хо — несомненно, — заметил Картер, — она выскочила! Такие люди выживают всегда и везде и делают жизнь менее удачливых, находящихся рядом, еще более несчастной. Закон природы!

— Не так уж важно, живы ли они, — Толстяк излучал уверенность. — Теперь, когда оборудование уничтожено, контисуйцы больше никогда не смогут воздействовать на умы народонаселения Земли, они даже не смогут вернуться в свой мир, чтобы затеять новую агрессию. Вам больше не следует опасаться угрозы вмешательства внешних сил, способных извне нарушить достигнутый вами незначительный уровень стабильности.

О'Лал и Наблюдатель, прибывший к ней на помощь, были довольны результатами своих усилий. Раскрыв себя, Ренегат не оставил им иного выхода, кроме как раскрыться в свою очередь, чтобы покончить с ним на физическом уровне существования. Критический момент был отмечен невообразимым хаосом, поэтому они были уверены, что не осталось никаких материальных свидетельств их столкновения, а те немногие напуганные люди, ставшие невольными свидетелями их смертельной схватки, никогда не сумеют убедить других в том, что они видели нечто совершенно необычное. Они знали также, что их непродолжительное появление в реальном мире очень скоро сотрется в сознании людей и они о нем даже не вспомнят.

Ренегат продемонстрировал невероятную мощь. Одна О'Лал вряд ли с ним справилась бы. Даже их общих усилий едва хватило, чтобы его нейтрализовать. Только благодаря их внезапному появлению, они сумели захватить инициативу и удержать ее до конца схватки.

Ренегат был все еще жив. Осознав, что уже побежден, он сделал титаническое усилие, сопровождаемое огромным выбросом энергии, вырвался из цепкой хватки Наблюдателей и бежал через спиральные туннели, пронизывающие

пространства, в труднодоступные места, которые в великом множестве разбросаны по галактике. Наблюдатели не стали его преследовать.

Ренегат потерпел поражение, его планы рухнули, и вряд ли он появится где-нибудь в скором времени, чтобы мешать развитию видов, находящихся под опекой Наблюдателей.

Люди заняли свои места рядом с кошкой на переднем сидении фургона. Игорь вывел автомобиль со стоянки. На улицах толпились неуспевшие бежать актеры и техники. Подъезды к студии были забиты нетерпеливо завывавшими машинами муниципальных служб. Кое-как Игорю удалось вырваться из промышленной зоны, и они устремились к городу.

Картер открыл окно, отделявшее кабину от грузового отсека фургона, и, обращаясь к бужумам, нерешительно спросил:

— Ну и как я сыграл свою роль?

— Неплохо, молодой человек, очень даже неплохо! — Картер узнал манеру выражаться Толстяка. — Мы будем судить о результатах по футбольному матчу в Испании. Но я уверен, у нас было достаточно времени, чтобы нейтрализовать вредное воздействие контисуйской пропаганды. И без регулярной еженедельной телевизионной дозы контисуйской пропаганды антииспанские настроения очень скоро улетучатся из умов европейцев.

Картер расслабился:

— Что теперь?

— Мы заберем багаж, после чего вы доставите нас на континент, называемый вами Южной Америкой, затем мы еще раз убедимся, что уничтожены передатчики материи, загрузимся на корабль и отбудем, а ваш мир по-прежнему будет развиваться без вмешательства извне. Контисуйя скоро смирится с потерей своих экспедиционных сил и лишь иногда будет вспоминать этот печальный, но поучительный эпизод своей истории. Ее дальнейшее развитие также будет самостоятельно.

— А как же тот снарк? Он не вернется? — забеспокоился Картер.

— Угроза стабильности вашего общества исходила от контисуйцев,— успокоил его Длинный,— а с ними мы разобрались. Участие снарков необъяснимо, и вы волнуетесь совершенно напрасно. Это бессмысленно! Это все равно, что мучить себя вопросом о возможности путешествий через сингулярность!

— А что будет с Апу-Тупой, Пукауаманом и другими контисуйцами? — спросила сердобольная Эшвуд.

— Им придется вжиться в ваше общество, иначе их всех изолируют, как умалишенных. В любом случае, они не представляют теперь никакой опасности.

— В их руках все еще находятся сокровища Паитити и Наска,— заметила она,— а в нашем мире деньги — это власть.

Толстяк выбросил вперед щупалец и для убедительности вывел им в воздухе какую-то закорючку:

— Это мелочи! У нас на корабле есть мощное устройство, с помощью которого мы сотрем в пыль все свидетельства передовой технологии, неработающие передатчики материи, набитые рыбой транспортеры контисуйцев, ну а вместе с ними и сокровища. Затем мы обрушим своды пещеры и таким образом навсегда похороним все под тоннами камней. Поскольку эта область вашей планеты считается тектонически активной, никто не обратит внимание на небольшое землетрясение в Андах. А для нас станет большим облегчением покинуть мир, в котором его жители любят изобретать проблемы там, где их нет.

— Вы вернетесь? — спросил Картер, когда они обогнали тяжелый, медленно двигавшийся грузовик.— Увидим ли мы вас еще? Вы бы могли нас многому научить, помочь нам разобраться с нашими проблемами.

Толстяк, несмотря на симпатию к спутникам, остался тверд:

— Хотя на более положительном уровне, чем контисуйское, но это же вмешательство извне! Нет! Мы считаем, наше воздействие на развитие вашей цивилизации не было б. этичным!

— Может быть, когда-нибудь, вы или контисуйцы,— добавил Коротышка,— достигнете уровня развития, когда

мы сможем сотрудничать на равных, как друзья. Будет тогда с кем перекинуться в картишки!

— Мы сделаем это! — уверенно сказал Картер. — Вы увидите, мы сделаем!

— Великолепно, старик, просто великолепно! — Толстяк ободряюще поводил щупальцем по его плечу.

— И в первую очередь вам необходимо разрубить эти путы, которые вы называете телевидением, иначе оно разложит ваши мозги. Это совершенно очевидно, даже для таких случайных посетителей Земли, как мы.

Глава 20

На следующий день испанская тема преобладала на страницах газет. В глаза сразу бросался крупно набранный результат игры европейского чемпионата по футболу: Барселона — Ливерпуль, 3:2. Если верить Игорю, внимательно просмотревшему все спортивные новости, это была самая лучшая игра чемпионата, полная борьбы и захватывающих моментов. Случившиеся во время матча беспорядки упоминались лишь в контексте незначительной стычки, имевшей место за пределами стадиона. Причиной стычки послужила плохо приготовленная пазлья, толк в которой знают испанцы и неблагоприятное воздействие которой сказалось, скорее, на пищеварительно-кишечном, а вовсе не на подсознательном уровне конфликтовавших.

Городок Манаус был очарователен, но тот небольшой запас испанских слов, который Картер накопил за время своих предыдущих странствий не был полезен ему в Бразилии, единственной стране Южной Америки, официальным языком которой является португальский.

Он отдыхал в своем номере, слушая гипнотизировавшее его гудение вентиляторов и ожидая, когда принесут заказанный им тропический напиток со льдом. Они только что закончили съемку последней сцены. Фильм назывался «Продавцы смерти с Амазонки». Картер блаженствовал от

завершенности трудной, но хорошо исполненной работы. Конечно, это не «Генрих 4-ый», но он научился ценить и довольствоваться малым.

В дверь постучали, и он поднялся, чтобы открыть. Но когда он открыл дверь, то чуть было снова ее не захлопнул, только необыкновенная красота гостьи удержала его от этого шага.

— Я вас шокирую своим появлением? — улыбка Франчески Да Римини была широка и прекрасна, как сама амазонка, в ее голосе не было угрозы, а жесты источали дружелюбие. — Разве мы не знакомы?

— Позвольте же нам войти! — сказал стоявший рядом с ней мужчина.

На Брайтоне Февике были солнечные очки Каррера, белый тропический костюм и немного вызывающая мягкая фетровая шляпа. У его ног маячили знакомые очертания рыжего кота.

Как и любой другой бы мужчина на его месте, Картер не мог обратить внимание на его слова в присутствии Да Римини. Неотесанная великанша из Куско чудесным образом превратилась в образец женского великолепия. Не в силах противиться ее очарованию, он отступил и пропустил обоих в комнату. Она села на ротанговую кушетку, изящно положив ногу на ногу. Февик шлепнулся в стоявшее рядом кресло.

— Я всегда говорила, что единственный недостаток тропиков — ужасная жара. Вы не предложите нам что-нибудь выпить?

От воспоминаний о старых обидах Картер даже вспотел.

— Сейчас принесут прохладительный напиток, а в буфете найдется пара лишних стаканов, — он прищурился, глядя на Да Римини. — Я не понимаю, что вы здесь делаете!

— Значит, мы попали как раз куда надо, потому что мы сами кое-что не понимаем! Например, каким образом вы пробрались на студию в Эдинбурге и за несколько минут успешно испортили то, над чем контисуйцы работали в течение нескольких месяцев?

Картер опасливо покосился на дверь:

— Кстати, а где сейчас ваши друзья контисуйцы?

Февик наслаждался ветерком от вентиляторов:

— В Перу! Большинство из них теперь работает на компанию братьев Фернандес.

— Мне кажется, и вам, как археологу, следовало бы сейчас быть в Перу, там еще много нераскопанного.

Февик глубоко вздохнул:

— Вы что, действительно думаете, что после всего, что произошло, я могу вернуться к занятиям такой скучной и сухой наукой, как археология?

— Мне показалось, вы любите археологию!

— Чепуха! Это скучная и грязная работенка! Я занялся археологией единственно для того, чтобы заставить родителей уважать меня. Однако, мне самому иногда кажется странным, как быстро после провала всей этой эдинбургской аферы я потерял всякий интерес к исследовательской работе. Будьте уверены, сейчас я, как никто, счастлив, тем более, оказавшись здесь, у вас в гостях.

Принесли напиток. Картер достал стаканы и в первую очередь налил гостям, хотя все еще не мог заставить себя отнестись к ним как к гостям.

— И чем же вы занимаетесь с тех самых пор? — с любопытством спросил он.

Излучавший самодовольство Февик отпил глоток из стакана:

— После шумного, хотя, по вашей вине, непродолжительного успеха теленовеллы «День, который становится завтрашним», меня, как исполнительного продюсера, засыпали предложениями постановок других программ.

— Но у вас же не было никакого опыта!

— Видимо, знание дела и не требовалось, — Февик широко улыбнулся. — После того как мы обсудили многочисленные предложения, в большинстве из которых нас просто умоляли истратить неприлично большие суммы чужих денег по нашему усмотрению, дорогая Франческа и я решили создать компанию, чтобы заняться постановкой программ, в которых она будет играть главные роли, а я выступать главным продюсером, — он провел пальцем по краю стакана.

Картер допил свой стакан:

— Ну а как же ваши родители?

— Ах, родители...— Февик презрительно фыркнул.— Их одобрение уже не столь жизненно важно для моей самооценки, сколь прежде. В Беверли Хиллз на квадратную милю приходится больше психотерапевтов и психиатров, чем в каком-либо другом месте, и я имел возможность получить их профессиональную помощь. Меня уже не беспокоит, одобряют ли отец и мать мой стиль жизни. Они, конечно, рассматривают Голливуд как мое падение, но я не исключаю, что их отношение к моей новой профессии изменится, когда им доведется узнать, сколько денег я зарабатываю.

Картер еще несколько секунд смотрел на Февика, потом повернулся к Да Римини:

— А вы? Как насчет борьбы с несправедливостями, о которых вы когда-то говорили, как насчет злости и разочарования, что скопились в вас?

Она манерно отпила глоток из своего стакана:

— Вилла в Лос-Анджелесе, шикарная квартира на Манхэттене и особняк в Мирафлорес не оставляют во мне места для злости и разочарования. Как чудесно, когда люди узнают меня по сериалу «День, который становится завтрашним»! Впрочем, вы через это все прошли, *querido!* Кроме того, как оказалось, я всю жизнь только и делала, что играла. И лучше зарабатывать на таланте деньги, чем губить его ради глупой идеи мести,— она глядела на Картера из-под полуопущенных век.— Вы делаете свое дело тоже неплохо, милый!

— Вот мы и подошли к цели нашего визита,— Февик заерзал в кресле.— Все ваши фильмы имели успех. Вы, можно сказать, звезда, поэтому мы хотели бы, чтобы вы поработали на нас.

Картеру ничего не оставалось, как только разинуть рот.

— Я просмотрел все фильмы с вашим участием и пришел к выводу, что вы обладаете врожденной способностью привлекать симпатии широкой непритязательной публики. Мои люди составят контракт, если вы думаете, что можете поработать с Франческой.

Выражение лица Да Римини разгорелось страстью:

— Дорогой Джейсон, надеюсь, вы не станете ставить под угрозу многообещающее сотрудничество только из-за

того, что однажды сгоряча я хотела отдать вас на съедение муравьям. Я изменилась с тех пор, поверьте, хотя дорогой Брайтон и утверждает, что я по-прежнему пустоголовая маньячка, но это только его мнение.

Поднявшись с кушетки она подошла к нему и положила руки ему на плечи. Выступающие округлости ее тела оказались в возбуждающей близости от него. Февик наблюдал за сценой с беззаботным интересом.

— Ну так что вы на это скажете, *querido*?

— Вы... должны сначала поговорить с моим агентом, — Картер почувствовал, что тонет в глазах Франчески.

— Чудесно! — обрадовался Февик. — Когда вы возвратитесь в Лос-Анджелес, я приглашу вас на ланч.

— В конце концов, — произнесла с хрипотцой Да Рими-ни, — нам ведь уже приходилось сотрудничать.

— Вы хотели меня убить, — напомнил Картер.

Она отстранилась от него, надув губы:

— Стоит ли вспоминать старое? Все изменилось, вы изменились, я изменилась, все изменились.

Картер размышлял. Он всегда находил Франческу привлекательной, и, если отвлечься от ее соблазнительных замашек, быть ее партнером на съемочной площадке — удовольствие. Для него всегда было проблемой найти актрису, с которой ему интересно было бы играть.

— А не пытаетесь ли вы меня втянуть в авантюру, цель которой — захватить мир или дестабилизировать общество?

— Дестабилизировать общество? — Февик пришел в замешательство. — Мой дорогой друг, это же нелепо! Я получаю деньги от стабильности общества, и более дикой мысли мне не могло бы прийти в голову. Люди же перестали бы ходить в кино в случае дестабилизации! А что касается власти над миром, то для меня, пожалуй, нет ничего более обременительного. Даже если бы мне удалось захватить власть над миром, я бы не знал, что с ней делать. Одни только административные детали довели бы меня до инфаркта. Нет, я не хочу править миром, я просто хочу получать от него то, что мне причитается. Нет, нет! Я решительный и лояльный приверженец нынешнего статус-кво.

На лице Картера появилась смущенная улыбка. Такого

поворота дел он не ожидал. Не так уж плохо все оборачивалось.

— Мы еще поговорим,— сказал он решительно.— Может, у вас уже припасен и сценарий?

— Конечно! Я заказал его одному из самых известных фантастов, но по прибытию в Бел Эйр я его сам переписал. Это чудесная история, насыщенная тонкими психологическими моментами и эмоциональными переживаниями. Мы назовем сериал «Роботы — рабы с Гинзы». Я уверен, сценарий придется вам по вкусу.

Картер обреченно вздохнул:

— Еще одна дешевка!

— Да,— согласился Февик,— но вы сначала прочитайте сценарий! Это вкусная дешевка, которая позволит нам заработать кучу денег. От вас потребуется играть с чувством и почаще выпячивать грудь. Хороший актер из любой роли сделает конфетку.

— Вы не обижаетесь на меня за тот инцидент в Шотландии?

— Бизнес и обида — вещи несовместимые. Я сам до сих пор не могу понять, как это я, Брайтон Февик, позволил втянуть себя в подобную авантюру. Это на меня не похоже!

Глава 21

Ему казалось, он сумел заставить их думать, что он погиб во время схватки. Но на самом деле в последний момент он ускользнул через незаметную щель в пространственно-временном континууме. Наблюдатели не стали его преследовать.

С тех пор разум его не переставал работать. Он будет не он, если не сумеет ничего придумать. У него есть время, чтобы разработать новый план, еще более жестокий и изощренный, чем прежний. Он намеревался затеять новую игру и ее выиграть.

Под новый план уже был заложен фундамент, и ни Наблюдатели, ни глупые создания, чье благополучие Наблюдатели были призваны защищать, не подозревали об идущих уже полным ходом приготовлениях.

Кот по имени Мо огляделся, чтобы убедиться, что никто за ним не наблюдает, и легко прыгнул с балкона на землю.

Он оглядел окрестности. Аллея за отелем была безлюдна и пуста. Кот, повернув налево, побежал по разбитому тротуару. Он не видел кошки, что сидела на телефонном столбе, мимо которого он пробегал. Ее глаза неотрывно следили за ним.

Кошка прыгнула. В самый последний момент Мо почувствовал ее присутствие и в свою очередь прыгнул и прыгнул очень далеко, гораздо дальше, чем мог бы прыгнуть любой представитель семейства кошачьих.

Мо не принадлежал к семейству кошачьих.

Пролетев вдоль всей аллеи, он приземлился на краю улицы, пересекавшей аллею. Разъяренный сверх меры, полный решимости убить или быть убитым, он, однако, не потерял способности думать. Рыжая шерсть зловеще вздыбилась, по ней пробежали отливающие серебром серые полосы, а его невероятно острое восприятие уловило пространственный изгиб в континууме, который, если в него ловко проникнуть, сможет вынести его вверх, откуда будет легко нанести преследователю смертельный удар.

Он улыбнулся. Хватит красться, прятаться, скрываться. Маскараду приходит конец.

Он прыгнул.

Надо же такому случиться, что в этот самый момент из-за угла на скейте выкатил четырнадцатилетний мальчик с кассетным плеером на плече и пересек изгиб в пространственном континууме как раз в том месте и в тот момент, куда и когда прыгнул Ренегат.

Раздался оглушительный взрыв, и мальчик, его скейт, его плеер и шесть мелких монет из кармана, а также нечто, напоминавшее собой одновременно кота и большую неправильной формы каплю серебристой ртути, повисли на мгновение в воздухе.

Взрывом мальчика отбросило на другую сторону улицы, где участливый пешеход с облегчением убедился, осмотрев мальчика, что пацаненок отделался только шишками и сисяками. От скейта же поднимался веселый дымок.

Звук взрыва прокатился по улицам Манауса, усидился

и, достигнув городских окраин, поверг в замешательство диспетчеров международного аэропорта, поскольку их экраны не регистрировали поблизости никакого самолета.

Нарушение тишины приписали реактивному самолету-невидимке американских военно-воздушных сил, пилот которого решил совершить несанкционированный прогулочный полет над джунглями Амазонки. На соответствующих частотах в эфире зазвучали проклятья на английском и португальском.

Кошка, прыгнувшая с телеграфного столба, сидела теперь посреди аллеи и сосредоточенно лизала лапу. Появился еще один кот. Они соприкоснулись носами, как будто попрощались, и кот прыгнул, не на забор, не на столб и не на стоявший поблизости мусорный ящик, а просто вверх, и в воздухе с ним произошли странные превращения: лапы уменьшились и совсем исчезли, уши прижались к голове, цвет из коричнево-белого превратился в серебристый, а глаза заблестели огнем. Он исчез, оставив после себя только звук взрыва, подобный только что прозвучавшему.

Оставшаяся на аллее кошка неспешно затрусила к зданию отеля, без усилий впрыгнула в открытое окно и приземлилась на паркетный пол номера, обитатели которого весело болтали, смеялись и не заметили ее появления.

«Приятно наблюдать за ними, когда они смеются», — думала кошка. Она пересекла комнату и потерлась боком о лодыжку одного из них.

Картер посмотрел вниз и улыбнулся.

— Привет, Мача! А я все думаю, куда же ты запропастилась?

Он поднял ее и аккуратно посадил себе на колени. Она тут же свернулась калачиком и довольно заурчала.

— Я вижу, эта бродяжка все еще с вами! Замечательно! — сказал Февик.

Картер чесал Мачу за ушком.

— Что я могу сказать? Мы уже привыкли быть вместе.

Февик посмотрел на раскрытое окно.

— Полагаю, Мо бродит где-то поблизости. Он вернется, когда захочет. Иногда мне кажется, он может запросто исчезать, растворяясь в воздухе, и появляться в самый неожиданный момент.

Да Римини понимающе кивнула головой:

— Коты, они такие, да, но сама я никогда не питала к ним большой любви.

— А я всегда был очень занят и не мог обзавестись домашним любимцем. Теперь же мне кажется, что мне всегда не хватало Мачи,— он продолжал ласкать кошку.

Неожиданно Мача подняла голову и посмотрела ему прямо в глаза.

Впервые за вечность О'Лал позволила себе полностью расслабиться. Еще раз они заманили Ренегата в ловушку, и еще раз ему чуть было не удалось уйти. После всех его метаний и полетов сквозь плоскости бытия, несмотря на все его изощренные хитрости, он стал жертвой простого стечения обстоятельств. Превратности судьбы! И было символично, что человек, а не Наблюдатель, в конце концов, стал причиной его гибели.

Она была рада, что ничего не подозревавший мальчик не пострадал серьезно. Забота О'Лал о тех, кого она защищала иногда граничила с материнской.

Появление мальчика в критический момент в определенном месте было игрой провидения. Он, конечно же, так и не понял, что с ним на самом деле произошло и наверняка уверен, что просто столкнулся с котом.

Другой Наблюдатель воссоединился с бужумами, чье развитие он призван был корректировать. Ему приходилось труднее, потому что забывчивых интеллектуалов направлять гораздо сложнее, чем неразвитых, но очень забавных и подающих большие надежды примитивов.

Но самое главное — они разделились, наконец, с Ренегатом и не раскрыли при этом своей истинной природы ни перед бужумами, ни перед людьми. Все должно оставаться, как есть.

Она посмотрела вверх, в лицо существа по имени Джейсон Картер. У людей свои проблемы, им потребуется еще много времени, чтобы стать действительно зрелыми разумными существами, но они добрые и приятные создания уже сейчас, и у них все еще впереди, а Джейсон Картер — особенно замечательный представитель своего рода.

Она опустила голову на лапы. Работа Наблюдателя всегда требовала от нее большого напряжения сил, но у О'Лал был домашний любимец, и это обстоятельство помогало ей иногда немножко расслабиться.

Двенадцать лет спустя тайваньская рыболовная шхуна, производившая полулегальный отлов рыбы в отдаленной северо-западной части архипелага Туамоту, наткнулась на остров, населенный южноамериканскими индейцами.

Эти люди ловили рыбу, культивировали дикие фруктовые деревья, из кораллов и кокосовых пальм строили дома и растили детей. Говорили они на смеси кечуа с испанским и утверждали, что некогда имели отношение к высокоразвитой цивилизации.

Норвежские ученые убедительно доказывали, что население этого острова неопровержимо свидетельствует, что полинезийские острова заселены выходцами из Перу. Другие же члены антропологического общества с пеной у рта оспаривали эту точку зрения, не всегда используя при этом приличные выражения.

А островитяне называли себя конти и всякий раз рассказывали приезжим ученым мужам и репортерам о том, как они, будучи уже взрослыми, были перенесены на этот остров со своей родины и, найдя свое одеяние стесняющим движения и несоответствующим климату здешних мест, избавились от него, посчитав более уместным разгуливать по острову нагишом.

Со временем они огляделись, начали строить дома с трапецевидными окнами и лодки, похожие на каноэ, и пытались забыть о своей бывшей родине, чтобы освободиться от чувства долга перед ней. Они старались просто наслаждаться жизнью в этом райском уголке планеты и просили многочисленных ученых мужей, газетчиков и просто любопытных убраться с их острова и оставить их в покое.

Литературно-художественное издание

Фостер Алан Дин

Избранные произведения

ТОМ 8

КВОЗИ. КОТАЛИЗАТОР

Редактор *Д. Тихонов, С. Фадеева*

Ответственный за выпуск *В. В. Тарасенко*

Сдано в набор 23.09.94. Подписано в печать 27.10.94. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская. Гарнитура Тип Таймс. Печать высокая с ФПФ. Усл. печ. л. 29,4. Усл. кр.-отт. 30,24. Тираж 50 000 экз. Заказ 1281.

Фирма «Русич». Лицензия ЛР № 040432. 214016, Смоленск, ул. Соболева, 7.

Издание выпущено при участии производственно-коммерческого предприятия «Дилер». 220746, Минск, пр. Машерова, 23—415.

Минский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат МППО им. Я. Коласа. 220005, Минск, ул. Красная, 23.

FOSTER'S WORLDS

